Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб., Невскій, 92).

НАПОЛЕОНЪ
И
АЛЕКСАНДРЪ I.

ФРАНКО-РУССКІЙ СОЮЗЪ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ ИМПЕРІИ.

ТОМЪ I.

ОТЪ ТИЛЬЗИТА ДО ЭРФУРТА.

Альберта Вандаля,

ЧЛЕНА ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

УДОСТОЕНО ПЕРВОЙ ПРЕМІИ **Гобера**.

Переводъ съ 6-го французскаго изданія **В. Шиловой.**

СЪ ГЕЛІОГРАВЮРНЫМИ (ИНТАГЛІО) ПОРТРЕТАМИ НАПОЛЕОНА и АЛЕКСАНДРА I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1910.

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб., Невскій, 92).

НАПОЛЕОНЪ
и
АЛЕКСАНДРЪ I.

ФРАНКО-РУССКІЙ СОЮЗЪ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ ИМПЕРІИ.

ТОМЪ I.

ОТЪ ТИЛЬЗИТА ДО ЭРФУРТА.

Альберта Вандаля,

членa французской академіи наукъ.

удостоено первой преміи **Гобера**.

Переводъ съ 6-го французскаго изданія **В. Шиловой**.

съ гелiогравюрными (интаглio) портретами Наполеона и Александра I.

Цѣна 3 рубля.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1910.

Типографія Спб. акц. общ. «Слово». Ул. Жуковскаго, 21.

НАПОЛЕОНЪ и АЛЕКСАНДРЪ I.

Ученый Комитетъ Мин. Нар. Просвѣщенія

призналъ *соотвѣтственнымъ* ***обратить вниманіе*** *учебно-окружныхъ управленій на эту книгу, на предметъ пріобрѣтенія въ фундаментальныя* ***библіотеки*** *среднихъ учебныхъ заведеній.*

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Историческіе труды Альберта Вандаля пользуются такой извѣстностью, что не нуждаются въ особой рекомендаціи. Предлагая русской публикѣ переводъ его сочиненія «*Napoléon et Alexandre I. L'alliance russe sous le premier empire*», мы руководствовались тѣмъ значеніемъ и тѣмъ интересомъ, которые оно представляетъ для насъ, русскихъ. Въ немъ читатель найдетъ не только воспоминанія прошлаго, но—что гораздо важнѣе—и указанія къ пониманію настоящаго и, до нѣкоторой степени, будущаго политическаго положенія Россіи и Европы. Существующій въ Европѣ укладъ и отношенія между государствами, ихъ насущные интересы и завѣтныя мечты политическихъ дѣятелей, равно какъ и почва, и способы политическаго воздѣйствія, создались не въ наши дни. Корни ихъ заложены въ началѣ XIX вѣка, въ эпоху наполеоновскихъ войнъ; уясненія многихъ вопросовъ настоящаго времени, напримѣръ: восточнаго, финляндскаго, отчасти польскаго, надо искать тамъ. Можно, безъ особой натяжки, сказать, что эта эпоха, болѣе, чѣмъ на столѣтіе, предопредѣлила будущее Европы. Конечно, при чтеніи Вандаля не надо забывать, что онъ французъ и горячій поклонникъ Наполеона; что онъ смотритъ на вещи съ точки зрѣнія своей страны; что иногда въ его сужденіяхъ проглядываетъ горечь патріота, которому пришлось пережить упадокъ военнаго могущества своей родины,

роковой ударъ которому нанесъ нѣкогда императоръ Александръ I-ый. Но эти особенности, не уменьшая достоинства труда, придаютъ ему только бо́льшую жизненность.

Что́ касается техники перевода, то мы старались передать его по возможности точно. Большое затрудненіе представилъ выборъ портретовъ. Императоръ Александръ, какъ извѣстно, не любилъ позировать; поэтому похожихъ портретовъ его сравнительно мало. Лучшимъ изъ нихъ считается портретъ работы Доу, воспроизведеніе котораго въ краскахъ дано въ роскошномъ сочиненіи объ императорѣ Александрѣ I-омъ Шильдера; но этотъ портретъ относится къ позднѣйшей эпохѣ. Поэтому мы остановились на гравюрѣ Вендрамини съ портрета Сентъ-Обена, сдѣланной по случаю Тильзитскаго мира, слѣдовательно, вполнѣ отвѣчающей описываемой Вандалемъ эпохѣ. По мнѣнію знатоковъ, эта гравюра представляетъ одинъ изъ лучшихъ портретовъ императора Александра I-го. Для того, чтобы дать возможно ясное представленіе объ императорѣ Наполеонѣ, мы избрали компилятивный портретъ, написанный В. В. Верещагинымъ. Вопреки нѣкоторымъ возраженіямъ, намъ кажется, что въ немъ наиболѣе ярко выраженъ трагическій характеръ великаго военнаго и политическаго генія Франціи.

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ СПБ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ продолженіе всего своего царствованія Наполеонъ преслѣдовалъ во внѣшней политикѣ одну неизмѣнную цѣль: прочнымъ миромъ съ Англіей обезпечить устойчивость своему дѣлу, величіе Франціи и спокойствіе міра. Главнымъ политическимъ средствомъ, которымъ онъ пользовался для достиженія этой цѣли, въ эпоху, сдѣлавшуюся началомъ конца его карьеры, былъ союзъ съ Александромъ I-мъ, русскимъ императоромъ. Если бы единодушіе, къ которому стремились въ Тильзитѣ, упрочилось и установилось надолго, быть можетъ, Англія была бы побѣждена, и Франція и Европа приняли бы иной видъ. Разрывъ съ Россіей оживилъ угасавшую коалицію, вовлекъ Наполеона въ роковыя предпріятія и привелъ его къ гибели. Какъ образовался союзъ? Какія превратности встрѣтилъ онъ на своемъ пути? Какъ видоизмѣнялся и разрушался? Могъ ли онъ существовать долѣе? Вотъ тѣ вопросы, которые занимаютъ главное мѣсто въ европейской исторіи отъ 1807 г. до 1812 г., т. е. отъ свиданія въ Тильзитѣ до занятія Москвы. Изученіе этихъ вопросовъ и составляетъ предметъ нашего труда.

Въ дѣлѣ союза съ Россіей наша политика не имѣла ни опыта, ни преданій. Въ восемнадцатомъ столѣтіи нѣкоторые наши монархи, нѣкоторые государственные люди считали желательнымъ и какъ бы предчувствовали этотъ союзъ; по временамъ сближеніе какъ будто и налаживалось. Несмотря на то, что природа расположила оба государства такъ, какъ бы предназначала ихъ для союза, политика нагромоздила между ними противорѣчивые интересы. Восточныя страны, предметъ русскихъ вожделѣній, были привилегированнымъ рынкомъ Франціи, и наше правительство считало своей обязанностью устранять оттуда всякаго конкурента. Выступленіе Россіи на европейскую сцену разстраивало нашу

политическую систему на Сѣверѣ и на Востокѣ въ томъ видѣ, какъ ее создала мудрость нашихъ королей и министровъ. Чтобы угрожать тылу Австрійской монархіи, они въ былыя времена искали союзниковъ въ Стокгольмѣ, Варшавѣ и Константинополѣ. Развиваясь за счетъ Швеціи, Польши и Турціи, Россія сражалась съ нашими союзниками, а Версальскій кабинетъ, не поддерживая ихъ надлежащимъ образомъ, не сумѣлъ во-время пожертвовать ими ради государства, которое могло бы намъ ихъ замѣнить. Съ своей стороны, русское правительство для изученія политики, администраціи и военнаго дѣла поступило въ нѣмецкую школу. Подчиняясь вліянію избранныхъ имъ наставниковъ, оно попеременно опиралось то на Берлинъ, то на Вѣну. Несмотря на то, что образованная Россія, по инстинктивному сродству, чувствовала къ намъ влеченіе, подражала нашимъ нравамъ, пропитывалась нашими идеями, любила нашъ складъ ума, она не прерывала сношеній съ нашими противниками и умѣла тщательно отдѣлять свои симпатіи отъ своихъ союзовъ.

Послѣ 1789 г. Екатерина II сдѣлалась однимъ изъ главныхъ двигателей коалиціи: ея цѣлью было не столько подавить революціонное движеніе, сколько отвлечь вниманіе Пруссіи и Австріи. Предоставляя германскимъ государствамъ дѣйствовать противъ насъ, она обезпечила за собой свободу дѣйствій въ Польшѣ и на Востокѣ, и спокойно могла довершать тамъ свое дѣло. Ея сынъ Павелъ, политикъ менѣе искусный и болѣе увлекающійся, бросилъ Россію въ самый пылъ борьбы. Она вышла изъ нея разочарованной въ своихъ союзникахъ и въ восхищеніи отъ противника. Ради Бонапарта Павелъ примирился съ республикой. Ихъ горячее сближеніе является первымъ изъ тѣхъ личныхъ союзовъ, когда главы двухъ народовъ думали, что поняли и полюбили другъ друга, тогда какъ ихъ правительства не сумѣли ясно установить взаимныхъ отношеній. По смерти Павла, Александръ І-ый возобновилъ войну во имя принциповъ. Сынъ наслѣдственнаго императора и воспитанникъ Лагарпа, онъ ненавидѣлъ въ Наполеонѣ и узурпатора, и деспота. Вступая въ борьбу съ революціей, дисциплинированной однимъ человѣкомъ, онъ думалъ, что служитъ и дѣлу королей, и дѣлу свободы.

Сторонники русскаго союза попадались во Франціи рѣдко, отдѣльными единицами. Ихъ голоса робко возвышались противъ двухъ общепризнанныхъ и горячо поддерживаемыхъ политиче-

скихъ доктринъ, которыя раздѣлялись какъ общественнымъ мнѣніемъ, такъ и правительствомъ. Одно ученіе, имѣвшее большой кредитъ, восхваляло союзъ съ Пруссіей. Его приверженцы льнули къ Бранденбургской монархіи, которая въ правленіе Фридриха II сумѣла воспользоваться модными идеями, хвасталась безвѣріемъ, льстила Вольтеру и сумѣла снискать дружбу этого великаго творца общественнаго мнѣнія. Они указывали на Пруссію, какъ на нашу естественную союзницу, тогда какъ именно она разжигала противъ насъ ненависть Германіи, и въ былыя времена, въ царствованіе Людвика XIV, подала сигналъ къ первой коалиціи, составленной противъ Франціи. Съ другой стороны, союзъ съ Австріей съ 1756 г. по 1789 г. создалъ офиціальную доктрину и вошелъ въ традиціи кабинета. Затянувъ долѣе, чѣмъ слѣдовало, борьбу съ Австрійскимъ домомъ и продолжая ее даже въ то время, когда прусская вѣковая система потеряла всякое значеніе, правительство Бурбоновъ сумѣло, однако, въ концѣ концовъ отъ нея отрѣшиться. Какъ умный новаторъ, оно поняло, что Франція и Австрія, достигнувъ нормальнаго развитія и полной зрѣлости, могли выгодно заключить союзъ съ цѣлью взаимно сдерживать другъ друга, съ цѣлью заставить уважать охранительную политику и упрочить европейскую устойчивость. Правда, этотъ принципъ былъ извращенъ въ примѣненіи, скомпрометированъ, благодаря недостаточно энергичному проведенію его въ жизнь, и, благодаря преслѣдующимъ его неудачамъ, потерялъ цѣну. Но наканунѣ своей гибели старая монархія сумѣла направить нашу политику на благоразумный путь и на прощаніе оставила намъ это благодѣяніе. Послѣ ея паденія, когда подъ руководствомъ великаго человѣка установился, повидимому, новый порядокъ вещей, защитникомъ былыхъ принциповъ и союза съ Австріей выступилъ передъ Наполеономъ Талейранъ. Послѣ революціи онъ старался возстановить порванную цѣпь традицій кабинета. Намъ кажется, что мысль его была вѣрна и проницательна, но онъ ошибался, думая, что осуществленіе ея зависѣло отъ воли Наполеона, что Наполеонъ могъ по собственному желанію избрать тотъ или другой союзъ и остановиться на какой-либо одной политической системѣ; ошибка Талейрана состояла въ томъ, что онъ хотѣлъ подчинить опредѣленнымъ правиламъ ту политику, роковой и неизбѣжный характеръ которой дѣлалъ ее неспособной подчиняться ни одному изъ нихъ.

Наполеонъ завоевалъ все, кромѣ мира. Позади каждаго поверженнаго врага, онъ встрѣчалъ во всеоружіи Англію, готовящую противъ него новыя коалиціи. Чтобы добиться мира отъ Англіи и дать его Европѣ, онъ чувствовалъ необходимость пріобрѣсти надежнаго друга, который обезпечилъ бы ему послушаніе континента, на то время, пока онъ употребитъ всѣ свои средства для борьбы на моряхъ. Онъ повсюду искалъ необходимый ему союзъ, просилъ о немъ и повсюду встрѣчалъ только вѣроломство. Борьба Европы съ Франціей, прежде чѣмъ превратиться въ возстаніе народовъ противъ всемогущества властелина, была безпощадной дуэлью, кастовой войной. Пруссія то льстила, то измѣняла Наполеону. Сближеніе съ Вѣной казалось еще болѣе невозможнымъ. Сдерживая свое личное предубѣжденіе, императоръ нѣсколько разъ обращался къ Австріи и получалъ только отказы. Этотъ традиціонно-аристократическій дворъ, гордый вѣковой славой и величіемъ, уклонялся отъ всякой опредѣленной сдѣлки съ революціоннымъ императоромъ; онъ уступалъ его оружію, но не переставалъ ненавидѣть его. Позднѣе, стремясь связать себя съ Австріей родственными узами, вступая въ бракъ съ одной изъ ея принцессъ, Наполеонъ только наружно соединился съ этимъ С.-Жерменскимъ предмѣстьемъ Европы. Сверхъ того трудность заключить союзъ съ какимъ бы то ни было государствомъ увеличивалась для императора и оттого, что, вынужденный со всѣми сражаться и всѣхъ побѣждать, онъ долженъ былъ искать себѣ союзника среди вчерашнихъ враговъ и могъ сойтись съ нимъ, только изувѣчивъ его предварительно до полусмерти.

Явленіе, неоднократно повторявшееся—примиреніе съ Россіей подготовилось благодаря именно ожесточенной борьбѣ. Обѣ націи не знали другъ друга. Встрѣчаясь на двадцати поляхъ битвъ, сражаясь лицомъ къ лицу, онѣ научились уважать другъ друга. Эйлау подготовилъ сближеніе, Фридландъ докончилъ его; въ этотъ день Наполеонъ своей шпагой завоевалъ русскій союзъ.

Чтобы остановить побѣдоносное шествіе Наполеона, Александръ пошелъ ему навстрѣчу, и монархи начали переговоры въ Тильзитѣ. Эти два человѣка, которыхъ сблизило случайное стеченіе событій,—одинъ необычайный, другой выдающійся,—представляли полный контрастъ. Ихъ сношенія представляютъ особый интересъ, ибо даютъ возможность прослѣдить, какъ вырисовываются во всей полнотѣ ихъ характеры, съ ихъ необыкновен-

ными свойствами и глубокими различіями, при условіяхъ установившагося между ними тѣснаго общенія и исключительно-личнаго воздѣйствія, которое они стремятся оказывать другъ на друга. Въ Тильзитѣ какъ бы встрѣчается и сопоставляется геній двухъ расъ. Наполеонъ олицетворяетъ латинскій геній въ его наиболѣе яркомъ проявленіи, въ его лучезарномъ блескѣ, съ его живой энергіей и склонностью къ стройному и точному мышленію; его воображеніе, какъ бы пылко оно ни было, всегда подчиняется законамъ логики. Александръ унаслѣдовалъ отъ сѣверныхъ расъ склонность къ высокимъ, неопредѣленнымъ и туманнымъ стремленіямъ, развитую въ немъ благодаря чисто-умозрительному воспитанію. Обаятельный, скрытный и неискренній, онъ проявляетъ великодушныя намѣренія и весьма часто полное безсиліе дѣйствовать; онъ увлекается мечтами, проводитъ жизнь въ погонѣ за идеаломъ, въ борьбѣ съ противорѣчивыми стремленіями, что дѣлаетъ его нерѣшительнымъ и вредитъ ясности и искренности его характера; въ работѣ его мысли всегда остается что-то неопредѣленное и незаконченное. Наполеонъ—само дѣйствіе, Александръ—мечта.

Въ Тильзитѣ Наполеонъ немедленно задается опредѣленной и практической цѣлью. Такъ какъ люди для него—только орудіе, онъ сходится съ Александромъ, имѣя въ виду властвовать надъ нимъ и пользоваться имъ для своихъ цѣлей. Въ это время неуравновѣшенная душа Александра легко дѣлается его добычей. Потерявъ голову и сознавая, что онъ не въ силахъ бороться, царь проситъ только о мирѣ. Онъ удивленъ, что нашелъ побѣдителя, который утѣшаетъ его въ его пораженіи и даетъ ему надежду пріобрѣсти путемъ союза съ нимъ всѣ тѣ выгоды, которыхъ онъ могъ бы достигнуть только побѣдой. Тогда онъ уступаетъ судьбѣ и подчиняется вліянію Наполеона; онъ привязывается къ его дѣлу со свойственной ему относительной и скоропреходящей искренностью, и нѣкоторое время льститъ себя надеждой, что Наполеонъ, увлекая его на путь, усѣянный волшебствомъ, сдѣлаетъ его участникомъ своей сверхчеловѣческой судьбы.

Но, чтобы принести плоды и осуществить надежды Александра, союзъ пришелъ слишкомъ поздно. Во время кампаніи, закончившейся Фридландомъ, имѣя дѣло съ храбрыми и доблестными русскими войсками, которыя въ климатѣ и въ природѣ находили

себѣ драгоцѣнныхъ помощниковъ и обновляли свои силы, вступая на родную почву, Наполеонъ долженъ былъ прибѣгнуть ко всевозможнымъ средствамъ борьбы и всевозможнымъ диверсіямъ. Чтобы побѣдить Россію, онъ окружилъ ее врагами и поднялъ на ея границахъ тѣхъ, которые, по ея мнѣнію, были окончательно сломлены. Онъ вытащилъ изъ могилы Польшу и разбудилъ Турцію отъ продолжительной летаргіи. Но, вызвавъ эти силы, онъ не счелъ возможнымъ снова обратить ихъ въ ничто. Онъ сохранилъ на свиданіи въ Тильзитѣ Польшу подъ именемъ Великаго Герцогства Варшавскаго, и, хотя и поддерживалъ вожделѣнія Александра на Востокѣ, отнюдь не желалъ окончательно принести ему въ жертву Турцію и оставилъ двумъ довѣрившимся ему народамъ надежду на свое покровительство. Это значило опять стать относительно Россіи въ то положеніе, въ какое нѣкогда поставили себя Людовикъ XV и Людовикъ XVI, друзья Россіи и покровители ея враговъ.

Такое поведеніе Наполеона, не имѣвшаго стѣснительныхъ традицій, объясняется различными побужденіями. До пріобрѣтенія мира со всѣми государствами, онъ считалъ опаснымъ выпускать изъ своихъ рукъ какой бы то ни было козырь. Вооруженная Польша была ему полезна для обузданія Пруссіи и для надзора за Австріей. Съ другой стороны, дозволить русскимъ теперь же расширить ихъ границы за счетъ Турціи—значило-бы бросить Турцію въ объятія Англіи и снова открыть Востокъ вліянію, интригамъ и оружію нашихъ враговъ. Сверхъ того, долго ли будетъ вѣрна намъ Россія? Не была ли внезапная склонность Александра только кратковременнымъ увлеченіемъ? Вокругъ царя попрежнему все оставалось враждебнымъ намъ: торговый міръ сожалѣлъ объ англійскихъ продуктахъ; высшее общество, эта сила тогдашняго времени, оказывалось непримиримымъ. Оно вело съ нами салонную войну, иногда болѣе опасную, чѣмъ на поляхъ битвъ; продолжало интриговать противъ насъ за-одно со всей европейской аристократіей, вліяло на монарха и даже угрожало его власти и жизни. Наполеонъ, имѣя въ виду внезапную смерть Павла и послѣдовавшія затѣмъ перемѣны въ политикѣ Александра, не рѣшался окончательно связать себя съ неустойчивымъ правительствомъ, съ правительствомъ безъ прочнаго будущаго, которое ежеминутно могло отъ него ускользнуть. Наконецъ, онъ питалъ къ Россіи извѣстное принципіальное не-

довѣріе. Съ нѣкоторымъ безпокойствомъ смотрѣлъ онъ на эту непроницаемую грозную громаду, таившую въ себѣ невѣдомыя силы; на народъ, населеніе котораго «возростало на полмиллісна душъ въ годъ» [1]); на эту вздымавшуюся вдали на горизонтѣ людскую волну. Онъ задавалъ себѣ вопросъ: что, если Россія когда-нибудь прорветъ плотины, не погребетъ ли она подъ своими волнами Европу. Даже тогда, когда онъ считалъ нужнымъ использовать эту силу, онъ думалъ о средствахъ ее обуздать. Онъ возымѣлъ надежду заключить союзъ съ Александромъ, а не съ Россіей, и, обособивъ государя отъ его двора и народа, обвороживъ его и подчинивъ своему вліянію, удовлетворяя его самолюбію и чувству, пользоваться имъ исключительно для своихъ цѣлей, не давая Россіи безспорныхъ выгодъ; предоставляя ей надѣяться на многое, онъ сохранилъ за собою право уступать ея требованіямъ какъ можно менѣе и позднѣе.

Правда, мало-по-малу, въ силу обстоятельствъ, онъ вынужденъ былъ предоставить своимъ союзникамъ болѣе, чѣмъ завоевали Петръ Великій и Екатерина: на Сѣверѣ провинцію, которая дополняла ихъ имперію и защищала ея столицу; на Востокѣ настолько значительныя выгоды, что, сохрани ихъ Россія, она могла бы разрѣшить въ свою пользу восточный вопросъ, который постоянно волновалъ ее. Но Александръ, пришедшій было въ экстазъ отъ идей, внушенныхъ ему Наполеономъ, быстро опомнился. Охваченный снова сомнѣніемъ, онъ, по свойственной ему подозрительности, разгадалъ въ игрѣ императора затяжной способъ дѣйствія, и наши великолѣпныя, но запоздалыя уступки не были уже достаточны, чтобы установить довѣріе и скрѣпить союзъ.

Между тѣмъ, могущество императора выходило изъ предѣловъ, вызывая усиленное безпокойство у всѣхъ государствъ. Впрочемъ, видѣть въ неудержимомъ стремленіи Наполеона впередъ только страсть къ захвату, только бредъ честолюбца, обезумѣвшаго отъ побѣдъ, значило бы не понимать его. Спору нѣтъ, его планы были величественны и не укладывались въ обыкновенныя рамки. Онъ одновременно хотѣлъ воскресить прошлое и опередить будущее.—Сдѣлавшись Цезаремъ, онъ мечтаетъ быть Карломъ Великимъ. Онъ хотѣлъ создать изъ разсѣянныхъ государствъ Запада, какъ переходную стадію, романскій союзъ, и,

[1]) Слова Наполеона, по неизданнымъ дскументамъ.

вмѣстѣ съ тѣмъ, овладѣвая народами, отрывая ихъ отъ прошлаго, отъ ихъ традицій, подчиняя ихъ своей преобразовательной, но твердой власти, насильно бросить ихъ на путь ихъ грядущихъ судебъ. Но подобные замыслы не зарождались въ немъ безпричинно; они являлись у него какъ бы результатомъ его мыслей, вызываемыхъ потребностями борьбы противъ Англіи. Чтобы покорить своего неуловимаго врага, онъ вынужденъ былъ повсюду искать средства для косвенной борьбы съ нимъ, брать обязательства и залоги, захватывать всѣ позиціи, откуда онъ могъ бы безпокоить Англію, угрожать ей и наносить матеріальный вредъ; повсюду онъ долженъ противопоставить океану сушу. Хотя эта постоянно преслѣдующая его мысль не оправдываетъ его ошибокъ и удивительныхъ уклоненій въ его политикѣ и честолюбивыхъ замыслахъ, но она объясняетъ ихъ и служитъ ихъ первопричиной. Дѣйствуя то съ бѣшенымъ порывомъ, то мягко, Наполеонъ преслѣдуетъ намѣченную цѣль, пользуясь пріемами, свойственными его генію. Онъ то открытой силой, то коварствомъ водворяетъ свою власть во всѣ окружающія его государства. Лишь только его рука прикасается къ ослабѣвшимъ и одряхлѣвшимъ государствамъ, они распадаются въ прахъ. Тогда его творческое воображеніе внушаетъ ему мысль создать на ихъ развалинахъ болѣе правильный строй, и изъ мѣропріятій, вызываемыхъ потребностями даннаго момента, извлечь стойкія выгоды. Видя, какъ Европа разрушается отъ его прикосновенія, онъ не можетъ удержаться отъ искушенія пересоздать ее по новому плану. Такъ, расширяя свое господство на берегахъ Сѣвернаго и Южнаго морей, съ цѣлью закрыть этимъ путемъ доступъ англійской торговлѣ, онъ приходитъ къ мысли передѣлать Германію и Италію. Если онъ на свое и наше несчастье забирается въ Испанію, то онъ дѣлаетъ это только потому, что видитъ въ ней орудіе противъ Англіи. Въ портахъ полуострова дремлютъ остатки внушительныхъ морскихъ силъ. Наша старая монархія, для борьбы съ вѣчной своей соперницей, искала себѣ въ Испаніи вспомогательный флотъ и средства для морской войны, которыя пополняли бы недостатокъ нашихъ собственныхъ, и создала себѣ изъ нея запасной арсеналъ. Въ свою очередь и Наполеонъ точно также хотѣлъ использовать Испанію. Онъ опутываетъ ее сѣтью интригъ и утверждаетъ въ ней свое вліяніе; затѣмъ, пораженный слабостью и позорнымъ поведеніемъ ея правительства, онъ, мало-по-малу, доходитъ до единственнаго въ своемъ

родѣ и пагубнаго проекта: онъ хочетъ отнять ее у ея династіи и водворить Бонапартовъ вездѣ, гдѣ царствовали Бурбоны. Наконецъ, стремясь проложить себѣ черезъ Турцію путь въ тѣ страны Индіи, гдѣ Англія вдали отъ всѣхъ помѣстила свои сокровища и думала, что сдѣлала ихъ недосягаемыми, онъ обдумываетъ перестроить попутно Востокъ и подчинить нашей власти цѣликомъ все Средиземное море.

Однако, прежде чѣмъ подготовить или начать какое-либо изъ предпріятій, онъ обычно обращается къ Англіи, предлагаетъ заключить сдѣлку, предлагаетъ миръ. Въ отвѣтъ Англія выдвигаетъ противъ него новыхъ враговъ. Но поле сраженія все еще остается за нимъ. Можетъ ли онъ остановиться на полпути и не довести до конца побѣды послѣ борьбы, во время которой онъ долженъ былъ ставить на карту всѣ пріобрѣтенные результаты? Вмѣсто поверженнаго врага наша соперница выставляетъ новаго, постоянно поддерживаетъ нашихъ противниковъ и до безконечности затягиваетъ войну. Главнокомандующій не останавливается въ самый разгаръ боя, въ тотъ моментъ, когда смѣшались войска, когда приводятся въ исполненіе задуманныя движенія или когда повсюду оспаривается поле битвы. Царствованіе Наполеона—не что иное, какъ двѣнадцатилѣтнее сраженіе, данное англичанамъ на пространствѣ всего свѣта. Ни одна изъ его кампаній не представляетъ отдѣльнаго, особаго дѣла, послѣ котораго онъ могъ бы поставить предѣлъ своему господству и закончить кровавую эру; его кампаніи составляютъ дѣла, неразрывно соединенныя въ одно цѣлое, въ одну войну, въ которой наша нація, пройдя насквозь Европу и преобразовавъ ее, кончила тѣмъ, что пала къ ея ногамъ. Франція пала, но ея идея побѣдила.

Но если основная задача историка заключается только въ томъ, чтобы оцѣнить во всей его полнотѣ этотъ переломъ въ жизни человѣчества и дѣла человѣка, игравшаго въ немъ главную роль, чтобы придать тому и другому ихъ истинный характеръ, то отъ современныхъ государей такой высшій взглядъ на вещи неизбѣжно долженъ былъ ускользнуть. По мѣрѣ того, какъ чрезмѣрно возроставшая Франція все сильнѣе давила на Европу, каждый изъ нихъ все болѣе чувствовалъ угрозу, растущую для его независимости и безопасности; даже тѣ изъ нихъ, которыхъ мимолетная симпатія или кратковременная общность интересовъ сближали съ Наполеономъ, скоро возвращались къ мысли о сопротивленіи и

возстаніи и принимали соотвѣтствующія мѣры. Однако, союзъ съ Россіей могъ бы, можетъ быть, продлиться, если бы смутныя опасенія этого менѣе, чѣмъ другія, тѣснимаго государства не сосредоточились на опредѣленномъ предметѣ, если бы въ сближеніи, которое установилось между двумя имперіями, не было болѣзненно-чувствительнаго пункта, помимо захваченной Германіи. Этимъ пунктомъ было великое герцогство Варшавское. Слѣдствіемъ кампаніи противъ Австріи 1809 г. было расширеніе герцогства; его усиленіе, вызывая у Россіи опасенія полнаго возстановленія Польши, настраивало ее скорѣе противъ воображаемой, чѣмъ дѣйствительной опасности.

Если бы Александръ, какъ заклиналъ его въ Эрфуртѣ Наполеонъ, строго заговорилъ съ Австріей, онъ, можетъ быть, могъ бы предупредить роковую для союза войну 1809 г.; можетъ быть, ему удалось бы удержать Австрію, готовую бросить на насъ свою возстановленную армію. Позднѣе, когда Вѣнскій дворъ раскрылъ свои карты, и вспыхнули враждебныя дѣйствія, царь могъ бы, исполняя свои обязанности союзника, чистосердечно присоединяясь къ борьбѣ, измѣнить ея результаты и обезпечить свои интересы; онъ могъ бы, въ силу оказанныхъ общему дѣлу услугъ, вмѣшаться въ переговоры о мирѣ. Его поведеніе было нерѣшительно и вѣроломно. Онъ не посмѣлъ отказать Наполеону въ своемъ содѣйствіи, но оказалъ только кажущееся содѣйствіе, и втайнѣ ободрялъ Австрію, дѣлая только видъ, будто сражается съ ней; онъ задержалъ наступленіе своихъ войскъ и предоставилъ полякамъ однимъ явиться рядомъ съ нами на покинутомъ русскими полѣ сраженія. Затѣмъ, когда солдаты Понятовскаго своими заслугами завоевали благодарность Наполеона и получили награду за ихъ доблесть, вмѣсто того, чтобы объясниться, онъ умѣлъ только жаловаться.

Тѣмъ не менѣе, Наполеонъ продолжалъ вѣрить въ пользу и необходимость хотя бы кажущагося соглашенія съ Россіей. Онъ чувствовалъ, что связь разрывается, и, чтобы снова скрѣпить ее, онъ чистосердечно испыталъ два средства: просилъ у царя руки одной изъ его сестеръ и предложилъ ему гарантіи противъ возстановленія Польши. Переговоры по обоимъ вопросамъ, которые велись одновременно, отмѣчаютъ рѣшительный поворотный пунктъ въ дѣлѣ союза. Колебанія и требованія Александра привели тотъ и другой вопросъ къ неудачному результату; онъ захотѣлъ про-

диктовать окончательный смертный приговоръ Польшѣ въ выраженіяхъ, которыя возмутили гордость Наполеона, и вмѣстѣ съ тѣмъ позволилъ своей матери отказать ему въ рукѣ великой княжны Анны и вынудилъ этимъ обманутаго, раздраженнаго побѣдителя принять супругу изъ рукъ Австріи, тогда какъ онъ просилъ ее у Россіи. Самъ вызвавъ эту эволюцію, царь ухудшилъ ея послѣдствія, благодаря тому, что судилъ о нихъ съ предубѣжденіемъ. Онъ истолковалъ австрійскій бракъ, какъ полный поворотъ въ наполеоновской политикѣ, какъ противоположность Тильзиту, и отыскалъ въ немъ угрожающій замыселъ противъ Россіи.' Постепенно отказываясь отъ выгодъ и обязанностей, вытекавшихъ изъ союза, онъ думалъ только о томъ, чтобы снова стать въ оборонительное положеніе. Слѣдовательно, отвѣтственность за разрывъ падаетъ, главнымъ образомъ, на русскаго монарха. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что фактъ захвата Наполеономъ трона испанскихъ Бурбоновъ, вмѣстѣ съ проклятой войной, которую онъ вызвалъ на Пиринейскомъ полуостровѣ, нанесъ ударъ увѣренности въ безопасности всѣхъ законныхъ династій, усилилъ въ 1808 г. страхъ Австріи, и доставилъ ей поводъ и случай снова взяться за оружіе; это-то и было главной причиной кампаніи 1809 г., которая породила кампанію 1812 г. Предпріятіе въ Испаніи имѣетъ тѣсную, легко уловимую, связь со всѣми событіями, которыя привели Наполеона къ гибели. Оно-то и послужило исходной точкой роковому движенію; оно—первое звено въ непрерывной цѣпи, подобно раздѣлу Польши, который, заставляя русскихъ постоянно страшиться воскресенія ихъ жертвы, вызывая въ нихъ неотступный, какъ угрызеніе совѣсти, страхъ, былъ началомъ всѣхъ тѣхъ бѣдствій, которыя вышибли ихъ политику изъ ея естественной колеи. Признаемъ же въ этомъ ниспосланную Провидѣніемъ справедливость, умѣющую рано или поздно, независимо отъ событій, настичь и покарать виновныхъ. Если Наполеонъ и Россія снова начали пагубную борьбу, которая обагрила кровью свѣтъ, привела наши войска въ пылающую Москву, и позднѣе, подобно грозному отливу, привлекла въ Парижъ арміи царя, уничтожила могущество Наполеона и, быть можетъ, лишила Россію цѣлаго царства на Востокѣ, то все это было не столько результатомъ дѣйствительной противоположности интересовъ, дѣйствительныхъ и взаимныхъ обидъ, сколько косвеннымъ слѣдствіемъ злоупотребленія силою, совершавшагося той и другой

стороною за счетъ слабыхъ. Въ 1812 г. Наполеонъ понесъ наказаніе за то, что въ 1808 г. самовластно распорядился Испаніей, Россія же была наказана за участіе за полвѣка до этого въ раздѣлѣ Польши.

Начиная съ первыхъ мѣсяцевъ 1810 г. союзъ—не что иное, какъ обманчивая завѣса, прикрывающая затаенную вражду. Обѣ стороны подозрѣваютъ другъ друга, слѣдятъ и шпіонятъ. Не имѣя предвзятаго намѣренія и вовсе не желая войны, дѣлаютъ ее неизбѣжной, только потому, что ее предусматриваютъ и къ ней готовятся. Оба государя еще называютъ одинъ другого союзникомъ и другомъ; иногда они бросаютъ другъ на друга нѣжные взгляды, обмѣниваются ласковыми словами, но все это дѣлается только для того, чтобы обмануть другъ друга, чтобы, выказывая несуществующія довѣріе и увѣренность въ своей безопасности, выиграть время и на свободѣ собрать средства вредить другъ другу. Однако въ дѣлѣ враждебныхъ маневровъ Александръ всегда впереди. Онъ первый потихоньку разставляетъ на своей границѣ грозную армію, пускаетъ противъ насъ въ ходъ всѣ дипломатическія пружины, повсюду ищетъ враговъ противъ Франціи. Однако, съ исторической точки зрѣнія, каждой изъ этихъ мѣръ, основанныхъ на неправильномъ толкованіи намѣреній императора французовъ, Наполеонъ доставляетъ оправданіе, по крайней мѣрѣ, кажущееся, увеличивая и безъ того большое число самовластныхъ актовъ и международныхъ государственныхъ переворотовъ, къ которымъ онъ уже черезчуръ пріучилъ Европу. Такимъ образомъ, онъ усугубляетъ безпокойство Россіи, вызываетъ ее на все болѣе компрометирующіе поступки, и съ своей стороны ускоряетъ разрывъ. Наконецъ, уступая чувству страха, Александръ дѣлаетъ неизбѣжнымъ и вызываетъ кризисъ. Опасаясь нападенія, онъ хочетъ его предупредить, беретъ на себя роль зачинщика и вѣритъ въ возможность застать Наполеона врасплохъ.

Его намѣреніе напасть на насъ не подлежитъ сомнѣнію: убѣдительныя и точныя доказательства существуютъ въ изобиліи; они будутъ указаны въ надлежащемъ мѣстѣ. Зимой 1811 г., за восемнадцать мѣсяцевъ до перехода великой арміи черезъ Нѣманъ, Александръ думаетъ перейти эту рѣку, занять и преобразовать Варшавское герцогство, создать русскую Польшу въ противовѣсъ французской, которой онъ опасается въ своемъ вообра-

женіи; онъ хочетъ поднять Пруссію, подкупить Австрію и снова составить противъ Франціи европейскую лигу; словомъ, онъ до 1812 г. думаетъ сдѣлать все то, что ему пришлось осуществить послѣ.

Уже поднявъ руку, чтобы нанести смѣлый ударъ, онъ останавливается въ смущеніи. Онъ надѣялся, что ему удастся измѣнить къ себѣ отношеніе поляковъ и переманить ихъ на свою сторону; но они отказываются его слушать и не хотятъ идти за нимъ. Сверхъ того, хотя французская армія, стоящая на стражѣ въ Германіи, и уступаетъ силамъ, которыми онъ располагаетъ, хотя наши лучшія войска сражаются и умираютъ въ Испаніи, престижъ Наполеона остается неприкосновеннымъ: одно имя великаго полководца останавливаетъ готовую перейти свои границы Россію. Тогда, благодаря принятому послѣ нѣкоторыхъ колебаній рѣшенію, которому его имперія обязана своимъ спасеніемъ, Александръ отказывается отъ наступленія и задумываетъ планъ войны, по которому Россія будетъ сражаться у себя дома, укрываясь въ своихъ дебряхъ; онъ рѣшаетъ ждать нападенія, которое его поведеніе дѣлаетъ неизбѣжнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, только тѣмъ, что Россія вооружилась и протянула по направленію къ намъ остріе своей шпаги, она уже парализуетъ всѣ дѣйствія Наполеона и мѣшаетъ ему докончить его дѣло. Разъ Сѣверъ враждебенъ, это значитъ покореніе Испаніи затруднено, рынокъ вновь открытъ продуктамъ Великобританіи, наша ослабленная соперница вновь ободрена, и кризисъ, въ которомъ истощаются Франція и Европа, затянутъ на неопредѣленное время. Наполеонъ подпадаетъ подъ дѣйствіе неумолимаго закона, который повелѣваетъ ему сокрушить всякаго, кто не его подданный и не союзникъ; лишась возможности побѣдить англичанъ при содѣйствіи Россіи, онъ вынужденъ нанести имъ косвенный ударъ, поразивъ Россію; между Наполеономъ и Александромъ средняго не существуетъ: или союзъ, или война.

Прежде чѣмъ рѣшиться на войну, Наполеонъ колеблется въ послѣдній разъ. Весной 1811 г. онъ спрашиваетъ себя, нѣтъ ли способовъ для мирнаго рѣшенія вопроса, обсуждаетъ ихъ, старается найти и не находитъ. Во избѣжаніе разрыва, нужно было бы отозвать наши войска съ Вислы, Одера и Эльбы, отступить отъ Данцига и Варшавы. Но пожертвовать Польшей значило бы снова ввести враждебную Россію въ соприкосновеніе съ возбу-

жденной Германіей, дать царю возможность попытать привести въ исполненіе наступательные планы, которые Наполеонъ разгадалъ и о которыхъ получилъ свѣдѣнія. Отступить только на одинъ шагъ—значитъ потерять все. Наполеонъ констатируетъ невозможность сговориться. Начиная съ лѣта 1811 г. онъ рѣшается на войну, назначаетъ ее на слѣдующій годъ, считаетъ, что она представится ему тогда какъ роковая необходимость, если только его громадныя приготовленія не приведутъ Россію къ сдачѣ до боя и къ подчиненію его волѣ. Хотя онъ и не старается болѣе вести переговоровъ о мирномъ соглашеніи, его все-таки не покидаетъ надежда заранѣе предписать противнику капитуляцію, воздвигая передъ его глазами потрясающую обстановку. Тогда выставляются такія силы, которыя едва можетъ представить себѣ самое пылкое воображеніе: двадцать народовъ входятъ въ составъ нашей арміи; Югъ идетъ войной противъ Сѣвера, и потокъ великаго переселенія народовъ направляется къ своему первоисточнику. Но надвигающаяся опасность не смущаетъ болѣе Александра. Душа молодого монарха закалилась въ испытаніяхъ; геній его народа, сотканный изъ покорности и терпѣнія, народной гордости и мужественнаго упорства, цѣликомъ отражается въ немъ и возноситъ его на высоту той роли, къ которой влечетъ его судьба. Вмѣсто того, чтобы унижаться, онъ гордо высказываетъ свои требованія. Тогда начинается война—судьбы свершаются. Наполеонъ думалъ, что его предпріятіе должно удаться, такъ какъ оно было логическимъ результатомъ его системы, было имъ прекрасно задумано и подготовлено; потому что средства его были несмѣтны и геній безграниченъ. Подготовляя будущее предпріятіе, онъ все разсчиталъ, все предусмотрѣлъ, исключая того, что ускользаетъ отъ человѣческой оцѣнки, т. е., ту силу сопротивленія, которую черпаетъ въ самой себѣ вѣрующая душа великаго народа. Онъ думалъ, что для покоренія Россіи достаточно ее побѣдить; онъ и побѣдилъ ее. Но послѣ своихъ невзгодъ она сдѣлалась еще болѣе сильной, болѣе непреклонной, болѣе упорной. Она жертвовала своими очагами для спасенія родины и стойко ждала, чтобы на помощь ей пришла и отомстила за нее природа. Надѣясь добраться до Россіи и согнуть ее такъ же, какъ онъ покорилъ подъ свое иго столько правительствъ и народовъ, побѣдитель слишкомъ поло-

жился на свои силы, на свое счастье, погнался за недосягаемымъ— встрѣтилъ пропасть.

При изложенiи этихъ трагическихъ событiй, исторiя отклонилась бы отъ своей задачи, если бы не освободилась отъ современныхъ тенденцiй и симпатiй, какъ бы законны онѣ ни были. Она не достигла бы своей цѣли, если бы не стала искать предостереженiй и уроковъ въ прошломъ. Географическое положенiе Францiи и Россiи—вотъ причина и условiе союза. Политическая система завоеванiй вдвоемъ, установленная въ Тильзитѣ и восхваляемая въ Эрфуртѣ, сводя, по мѣрѣ сближенiя владѣнiй обѣихъ имперiй, къ нулю промежуточныя массы, неизбѣжно должна была создать изъ нихъ соперниковъ и въ концѣ концовъ породить между ними первоначальную причину къ разладу. «Мiръ достаточно великъ для насъ»,—сказалъ Наполеонъ Александру. Онъ ошибался, ибо отличительная черта необузданныхъ честолюбiй—искать другъ друга и сражаться, хотя бы для того, чтобы найти себѣ мѣсто для поединка имъ пришлось бы назначить другъ другу свиданiе на краю свѣта. Хотя внушенная Наполеономъ Александру система захватовъ и была навязана императору французовъ обстоятельствами, но тѣмъ не менѣе она осуждена ея результатами. Повидимому, теперь судьбѣ обоихъ народовъ открывается болѣе правильное, болѣе плодотворное, будущее, такъ какъ ихъ связываютъ параллельность интересовъ и взаимная симпатiя. Соединяясь на почвѣ политики мудрости и благоразумной твердости, они будутъ въ состоянiи упрочить независимость на континентѣ, послѣ того, какъ нѣкогда тщетно старались раздѣлить надъ нимъ власть. Повидимому, обоимъ полюсамъ Европы суждено имѣть на нее умѣряющее влiянiе, сдерживать и размѣщать въ ней различные элементы, поддерживая истинное равновѣсiе.

Исторiя франко-русскаго союза во время первой Имперiи большею частью находится въ архивахъ Парижа и Петербурга. Въ особенности документы, хранящiеся въ нацiональныхъ архивахъ и въ хранилищахъ государственной канцелярiи, представляютъ наибольшее значенiе. Это—переписка, адресованная императору его посланниками при Русскомъ дворѣ. Наполеонъ не допускалъ, чтобы его представителями при монархѣ, съ которымъ онъ обходился скорѣе какъ съ другомъ, чѣмъ съ союзникомъ, были обыкновенные дипломатическiе агенты. Начиная съ 1807 г. онъ

назначалъ своими уполномоченными только лицъ непосредственно къ нему приближенныхъ: таковыми были извѣстные наиболѣе видные члены его свиты, какъ то генералы Савари, Коленкуръ и Лористонъ. Первые два пользовались дружескимъ расположеніемъ Александра I-го. Они были въ постоянныхъ и непосредственныхъ сношеніяхъ со своимъ государемъ; они издалека такъ же подробно, такъ же аккуратно отдавали ему отчетъ, какъ бы они это дѣлали въ Тюльери или Сенъ-Клу. Поэтому-то ихъ переписка не состояла только изъ однѣхъ *депешъ*, въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, адресованныхъ министру иностранныхъ дѣлъ и хранящихся въ архивахъ департамента. Съ каждымъ курьеромъ отправлялись частныя письма къ императору, въ которыхъ наши посланники подробно передавали свои впечатлѣнія. Болѣе того, послѣ каждаго разговора съ царемъ,— а бесѣды происходили почти ежедневно—они записывали ихъ слово-въ-слово, въ формѣ діалога, ничего не измѣняя въ нихъ. Подобнаго рода акты, приложенные къ письмамъ въ видѣ оправдательнаго документа, подъ названіемъ *донесеніе*, даютъ намъ буквально какъ бы эхо сказанныхъ словъ. На разстояніи восьмидесяти лѣтъ мы какъ будто слышимъ разговоръ императора Александра съ посланникомъ Франціи, ничего не теряя изъ тѣхъ особенностей мысли и рѣчи, которыя часто служатъ показателями характеровъ. Словомъ, ничто не было упущено, что могло имѣть значеніе для политики или удовлетворить любознательность государя, который хотѣлъ все знать и всѣмъ лично руководить. Часто къ письмамъ и донесеніямъ присоединялись листки *новостей*; въ нихъ передается придворная хроника, происшествія изъ свѣтской жизни, такъ называемыя on dit (что говорятъ), городскіе и салонные слухи. Эти страницы легкаго содержанія, въ которыхъ изображается общество всецѣло, съ его сильными и мелкими страстями, съ его интимными взглядами, дополняютъ и иногда достаточно ярко освѣщаютъ бумаги чисто-политическаго содержанія.

Коллекція, образовавшаяся изъ этихъ сообщеній агентовъ до сего дня осталась не вполнѣ изслѣдованной. Тьеръ пользовался ею для большого труда, который установилъ на непоколебимыхъ основахъ его славу историка [1]). Однако, такъ какъ

[1]) Bignon, Histoire de France depuis le dix-huit brumaire, et Armand Lefebvre, Histoire des cabinets de l'Europe

теперь эти документы предоставляются для болѣе продолжительныхъ и подробныхъ изслѣдованій, намъ казалось, что новое изслѣдованіе могло бы взять ихъ за точку опоры, поставить читателей въ болѣе непосредственное соприкосновеніе съ ними, выдѣлить бо̀льшее число извлеченій, имѣющихъ сами по себѣ цѣну, словомъ, они могли бы занять мѣсто послѣ общей картины, которая сохранилась въ памяти всѣхъ. Въ дополненіе къ перепискѣ съ Россіей, мы прочли, какъ въ національныхъ архивахъ, такъ и въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, всякаго рода документы, касающіеся сношеній императора съ другими дворами, главнымъ образомъ съ Австріей, Пруссіей, Турціей и Сѣверными государствами. Подобное параллельное изученіе казалось намъ необходимымъ и какъ средство контроля, и для болѣе точныхъ изысканій: часто секретъ отношеній между Франціей и Россіей нужно искать въ Вѣнѣ и Берлинѣ [1]).

Посѣщеніе архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ, куда удостоилъ насъ чести ввести нашъ посланникъ въ Россіи де-Лабуле, и гдѣ мы встрѣтили самый радушный пріемъ позволило намъ сравнить по нѣкоторымъ вопросамъ русское изложеніе съ французскимъ. Мы могли навести справки не только относительно донесеній русскихъ посланниковъ при ихъ дворѣ, но частью и относительно переписки, которой обмѣнивался императоръ Александръ непосредственно со своими министрами и посланниками.

Кромѣ того, намъ было разрѣшено черпать изъ различныхъ частныхъ источниковъ. Графъ Карлъ Поццо ди Борго любезно открылъ для насъ нѣкоторую часть тѣхъ фамильныхъ архивовъ,

---

pendant le Consulat et l'Empire, не могли пользоваться документами изъ государственной канцеляріи; они часто прибѣгали за справками къ перепискѣ, хранящейся въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, и цитировали ее. Тѣмъ не менѣе, ихъ труды остаются одной изъ основъ исторіи дипломатическихъ сношеній во времена царствованія Наполеона.

[1]) Во избѣжаніе слишкомъ многочисленныхъ ссылокъ на источники, скажемъ, что документы, цитируемые полностью или частью въ нашемъ первомъ томѣ, безъ особаго указанія на источники, взяты изъ Archives Nationales AF' IV, 1697, въ тѣхъ случаяхъ, когда они непосредственно адресованы къ императору, о чемъ мы упоминаемъ внизу страницъ. Выдержки изъ переписки министра иностранныхъ дѣлъ съ нашими агентами въ Россіи взяты изъ Archives des affaires étrangères, Russie, vol. 141 à 146.

изъ которыхъ онъ лично дѣлаетъ такое полезное употребленіе; главнымъ образомъ, онъ предоставилъ въ наше распоряженіе документы, относящіеся къ миссіи Поццо ди Борго въ Вѣнѣ въ 1806 и 1807 гг. Приносимъ ему за это нашу благодарность. Съ другой стороны, изысканная благосклонность дала намъ возможность познакомиться съ нѣкоторыми рукописями, оставленными однимъ изъ тѣхъ лицъ, которыя были вполнѣ посвящены въ тайну обоихъ императоровъ, и непоколебимая преданность которыхъ никогда не вредила безпристрастной проницательности. Характеръ, заслуги и роль этого лица служатъ порукою, что онъ оставилъ памятникъ высокой цѣнности. Да будетъ намъ позволено засвидѣтельствовать здѣсь нашу благодарность всѣмъ, которые пожелали оказать намъ ихъ полезное содѣйствіе.

Съ нѣкотораго времени въ печати въ изобиліи стали появляться документы, сборники дипломатическихъ актовъ, переписка и мемуары, относящіеся къ періоду первой Имперіи. Высокое и либеральное вдохновеніе обѣщаетъ познакомить насъ въ недалекомъ будущемъ съ имѣющими наибольшую цѣну. Въ ожиданіи, пока изданіе этихъ документовъ удовлетворитъ нужды исторіи, опубликованіе нѣкоторыхъ изъ нихъ позволило намъ ихъ предвкусить и еще болѣе подстрекнуло наше любопытство [1]). За-границей уже вышла въ свѣтъ бо̀льшая часть документовъ, оставленныхъ министрами, руководителями коалицій. Въ Берлинѣ, въ Вѣнѣ государственные архивы частью раскрыли свои тайны. Въ Россіи общественная и частная иниціатива недавно дала намъ особенно интересныя сочиненія и продолжаетъ печатать имѣющія большое значеніе изданія [2]). Мы сдѣлали попытку воспользоваться

---

[1]) Достаточно будетъ назвать изъ новѣйшихъ сочиненій превосходныя сочиненія M. G. Pallain о Талейранѣ, сочиненіе M. Pierre Bertrand, трудъ барона Ernouf о Марé, герцогѣ Бассано.

[2]) Подъ покровительствомъ Русскаго Императорскаго историческаго Общества профессоръ Трачевскій предпринялъ большое изданіе французскихъ и русскихъ текстовъ о сношеніяхъ обоихъ государствъ во время Консульства и Имперіи. Первый томъ, изданный въ 1890 г., заключаетъ въ себѣ 1800 г. по 1803 г. Татищевъ напечаталъ въ Nouvelle Revue (15 mai à 15 juin 1890) вмѣстѣ съ другими документами, взятыми изъ архивовъ Парижа и Петербурга, письма Александра I-го къ Наполеону, отъ 1801 г. до 1808 г.

этими многочисленными, но разбросанными документами, освѣщая ихъ показаніями современниковъ, съ которыми приходится постоянно считаться, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы проникнуть въ политику, гдѣ все связано и согласовано, и понять общую,—уже изданную, переписку Наполеона [1]).

При оцѣнкѣ лицъ мы постоянно старались отстранить отъ себя всякое побужденіе, чуждое исторіи. Конечно, мы вовсе не имѣемъ въ виду доводить наше безпристрастіе до того, чтобы воздерживаться отъ воспоминаній о великихъ благодѣяніяхъ и отъ восхищенія великими дѣлами. Развѣ можно говорить объ Александрѣ I-мъ, не вспомнивъ, что этотъ монархъ, побѣдитель Франціи въ 1814 и 1815 гг., повинуясь внушенію возвышенной души и предусмотрительнаго ума, сдѣлался другомъ только-что побѣжденной имъ націи и сумѣлъ защитить ее отъ убійственнаго злопамятства? Съ другой стороны, чудеса, встрѣчаемыя на каждомъ шагу въ царствованіе Наполеона, непрерывно поддерживаютъ удивленіе передъ геніемъ, который ихъ совершилъ или заставилъ совершить, магическая мощь котораго необычайно возбудила присущія нашей расѣ качества,—честь, храбрость, повиновеніе и преданность. Какъ не преклоняться передъ геніемъ, который, примиривъ нашу націю съ ней самой, создалъ изъ нея армію героевъ и на нѣкоторое время сдѣлалъ француза сверхчеловѣкомъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что рядомъ съ зрѣлищемъ блестящихъ побѣдъ и великихъ дѣлъ, неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ и страхъ предъ грозящей опасностью вносятъ въ наше чувство удовлетворенной гордости нѣчто тревожное и захватывающее духъ. Мы лично предпочитаемъ блеску царствованія Наполеона, какъ бы ослѣпителенъ онъ ни былъ, ту картину, которую представляла Франція въ другіе періоды своей исторіи; когда она соединяла спокойствіе духа съ силой, вѣру въ свое будущее съ полнымъ обладаніемъ настоящимъ, мужественную доблесть съ длиннымъ рядомъ традицій; когда она не испытала еще самаго трудно-поправимаго несчастья, которое когда-либо можетъ поразить народъ,—утрату попечительной и освященной вѣками ди-

[1]) Correspondance de Napoléon I-er, изданная по приказанію императора Наполеона III и трудами комиссіи подъ предсѣдательствомъ, въ послѣдующей ея части по 1 сентября 1807 г., Е. И. В. принца Наполеона. Paris, Plon, 32 volumes in—8º.

настіи. Какъ не трепетать при воспоминаніи о ни съ чѣмъ не сравнимой героической эпохѣ, если бы величіе человѣка могло замѣнить величіе старинныхъ учрежденій! Исторія Наполеона явилась позднѣе легенды. Она и теперь медленно совершаетъ свое дѣло, и мы не думаемъ, чтобы престижъ колосса, появившагося на порогѣ девятнадцатаго вѣка, могъ пострадать отъ свободнаго и тщательнаго изученія. Къ тому же содержаніе нашей книги не допускаетъ всесторонней оцѣнки Наполеона – не такова наша цѣль. Не много найдется писателей, которые стоятъ на высотѣ подобной задачи. Впрочемъ, пользуясь выраженіемъ одного изъ лицъ, которыя болѣе всего сражались съ Бонапартомъ, которыя ненавидѣли его и восхищались имъ, судить его -- значило бы хотѣть судить міръ! [1]) Наше желаніе, болѣе скромное, болѣе отвѣчающее слабости нашихъ силъ, ограничивается тѣмъ, чтобы познакомить только съ внѣшней политикой Наполеона, изученіе которой и составляетъ нашу задачу; т. е. указать преслѣдуемыя ею цѣли и способы дѣйствія и возстановить свойственныя ей черты въ томъ видѣ, какъ ихъ создали характеръ человѣка и необычайныя требованія времени; попытаться показать генія въ его истинномъ свѣтѣ, какъ дѣятеля, ничего о немъ не скрывая и предоставляя его дѣламъ заботу судить о немъ и объяснить, и прославить его. Такова, намъ кажется, единственная дань уваженія, которая достойнымъ образомъ можетъ быть ему воздана—ее-то мы и хотѣли ему воздать.

Парижъ, іюль 1890 г.

---

1) Pozzo di Borgo, Correspondance diplomatique. I, VIII.

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ СПБ.

НАПОЛЕОНЪ
И
АЛЕКСАНДРЪ I.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Австрія, Пруссія или Россія.

Послѣ первыхъ попытокъ заключить союзъ въ царствованіе Павла I-го. Наполеонъ и Россія снова дѣлаются врагами.—Аустерлицъ.—Въ концѣ 1806 года война становится поединкомъ.—Наполеонъ проникаетъ на почву собственныхъ интересовъ Россіи.—Его взгляды на Востокъ.—Главное средство для разъединенія его враговъ.—Раздѣлъ Оттоманской имперіи.—Первые намеки Александру I-му.—Русскій государь не поддается соблазну.—Новая политика Россіи.—Султанъ Селимъ.—Наполеонъ старается оживить на Востокѣ конфликтъ между Австріей, Пруссіей и Россіей.—Знаменитый проектъ Талейрана.—Былъ ли онъ осуществимъ?—Разгромъ Пруссіи.—Неоднократныя предложенія Австріи.—Предложеніе мира и союза Пруссіи.—Фридрихъ-Вильгельмъ отказывается утвердить перемиріе.—Наполеонъ вступаетъ на славянскую почву.—Возстаніе Польши.—Турція оживаетъ.—Наполеонъ предлагаетъ Австріи сговориться съ нимъ по поводу Польши и Востока.—Австрія держитъ въ рукахъ будущія отношенія Франціи и Россіи.—Миссія Поццо ди Борго въ Вѣнѣ.—Онъ принятъ императоромъ Францомъ и эрцгерцогомъ Карломъ.—Безрезультатная аудіенція.—Отказъ Австріи принять обязательства; причины ея поведенія.—Русскіе въ Княжествахъ.—Первыя военныя операціи въ Польшѣ; Пултускъ.—Наполеонъ усиливаетъ боевую и дипломатическую дѣятельность.—Турецкая и персидская диверсіи.—Воззваніе къ мусульманамъ; великій канцлеръ Камбасересъ и французскіе оріенталисты.—Обращеніе къ Европѣ; стремленіе создать общественное мнѣніе.—Посланіе Сенату.—Охранительная политика.—Наполеонъ и тайная дипломатія Людовика XV.—Донесеніе Талейрана.—Контрастъ между офиціальными разъясненіями и интимными сообщеніями министра.—Онъ не вѣритъ въ возможность оживить Турцію.—Наполеонъ позволяетъ сдѣлать нѣкоторые намеки Австріи на случай возможнаго раздѣла Оттоманской имперіи.—Его разговоръ съ барономъ Винцентомъ.—Холодный и уклончивый отвѣтъ Стадіона.—Эйлау.—Критическое положеніе.—Восклицаніе Жомини.—Наполеонъ хочетъ побѣдить путемъ переговоровъ.—Послѣднее предложеніе Пруссіи.—Мечты о русскомъ союзѣ.—Характеръ Александра.—Его приближенные.—Неустойчивость правительства въ Россіи.—Общность матеріальныхъ интересовъ связываетъ Россію съ Англіей—Знаменательная фраза Наполеона.—Косвенныя предло-

женія.—Пятьдесятъ первый бюллетень Великой Арміи.—Требованія, предъявленныя Австріи.—Тождественная рѣчь Поццо въ Вѣнѣ.—Вмѣсто союза, Австрія предлагаетъ посредничество.—Планъ Стадіона.—Восточный кризисъ затягивается.—Неудача англичанъ передъ Константинополемъ.—Разочарованіе въ Лондонѣ, С.-Петербургѣ и Вѣнѣ.—Будущій конгрессъ.—Талейранъ вѣритъ въ общій миръ; Наполеонъ думаетъ что прежде всего необходимо сраженіе и побѣда.—Миръ на барабанѣ.—Непримиримая вражда коалиціи.—Бартенштейнское соглашеніе.—Фридландъ.—Русская армія не способна болѣе сражаться.—Письмо Беннигсена.—Порученіе, данное великому князу Константину.—Отвѣтъ Александра.—Онъ внезапно рѣшается на миръ; какія причины склоняютъ его къ этому.—Его встрѣча съ Прусскимъ дворомъ. Внезапное влеченіе къ Наполеону.—Мысль о союзѣ зарождается въ его умѣ.—Косвенныя приглашенія императора.—Александръ предлагаетъ свиданіе.—Канунъ встрѣчи въ обоихъ главныхъ штабахъ.—Намѣренія Наполеона и Александра.

I

Завоевавъ Италію и Германію, трижды побѣдивъ Австрію, сведя на время къ нулю Пруссію, Наполеонъ очутился лицомъ къ лицу съ Россіей. Незадолго до этого онъ пытался заключить съ ней союзъ, но смерть Павла прервала переговоры. Когда, чтобы положить предѣлъ его успѣхамъ, Россія вступила въ Германію, онъ побѣдилъ ее при Аустерлицѣ. Въ слѣдующемъ году, послѣ сраженія при Іенѣ, вынужденный въ цѣляхъ защиты продвинуться еще далѣе впередъ, онъ проникъ на почву традиціоннаго честолюбія и непосредственныхъ интересовъ Россіи. 28 ноября 1806 года онъ вступилъ изъ завоеванной Пруссіи на славянскую землю; перевелъ свой главный штабъ изъ Берлина въ Познань, на порогъ Польши. 1 декабря онъ обратился къ турецкому султану Селиму III съ энергичнымъ призывомъ, указывая ему на выгодный случай подняться противъ вѣчнаго врага Ислама и вернуть Оттоманской имперіи прежній блескъ [1]).

И тотъ и другой поступокъ отмѣчаютъ въ жизни Наполеона этапъ громаднаго значенія—его насильственное вторженіе въ новый міръ. Это—то время, когда онъ сталкивается по ту сторону покоренной Германіи съ восточной Европой, съ той группой народовъ, которая простирается отъ береговъ Балтійскаго моря до Босфора. Эти народы, различные по происхожденію, религіи, расѣ,

1) Correspondance de Napoléon, 13138.

вотъ уже цѣлое столѣтіе объединены общей опасностью—непрерывнымъ расширеніемъ Россіи. Этотъ сильный врагъ притѣсняетъ то того, то другого изъ нихъ, гнетъ ихъ подъ свое иго и подчиняетъ своему вліянію. Въ такомъ состояніи находитъ ихъ Наполеонъ. Его появленіе подаетъ имъ надежду, и снова ставитъ передъ ними вопросъ о ихъ судьбѣ; какъ будто назначеніемъ Наполеона было пробудить и довести до остраго кризиса ихъ старинную вражду съ Россіей. Объявляя введеніемъ континентальной блокады безпощадную войну морскому деспотизму англичанъ, онъ въ то же время возбуждаетъ на Вислѣ и Дунаѣ вопросъ о дѣлахъ Петра Великаго и Екатерины II.

Какъ въ бытность консуломъ, такъ и будучи уже императоромъ, Наполеонъ всегда внимательно слѣдилъ за смутами на Сѣверѣ и Востокѣ и за всѣмъ, что творилось въ этихъ странахъ. «Вотъ уже десять лѣтъ, писалъ онъ въ 1806 г., какъ я слѣжу за польскими дѣлами» [1]). Но Польша, подѣленная и занятая врагами, задавленная, безъ правительства и личнаго представительства, до сихъ поръ не была ему доступна; онъ могъ разсчитывать на вліяніе въ ней только придя съ нею въ непосредственное соприкосновеніе. Нельзя сказать того же относительно Турціи и сосѣднихъ съ нею странъ. На очень короткое время,—это было во время экспедиціи въ Египетъ,—Наполеонъ избралъ себѣ Востокъ непосредственной цѣлью; въ послѣдующіе-же годы онъ главнымъ образомъ видѣлъ въ немъ средство для диверсіи и миролюбивыхъ сдѣлокъ. На этой почвѣ онъ разсчитывалъ разъединить нашихъ враговъ и разрушить коалицію, похищая у нея одного изъ ея членовъ; онъ хотѣлъ сблизиться съ однимъ изъ главныхъ дворовъ, все равно съ какимъ бы то ни было, и пріобрѣсти, наконецъ, союзъ съ сильной державой, который былъ ему такъ нуженъ, чтобы господствовать на континентѣ и побѣдить Англію.

На Западѣ какъ ненависть къ революціонной Франціи, такъ и страхъ передъ Франціей-завоевательницей объединили противъ насъ всѣ государства и заставили умолкнуть ихъ соперничество. Какой смыслъ препираться изъ-за Италіи или Германіи, когда общій врагъ держалъ въ рукахъ и ту и другую добычу? На Востокѣ-же, хотя борьба интересовъ и ослабѣла, она, однако, не

[1]) Correspondance de Napoléon, 11350.

прекратилась совсѣмъ и снова могла обостриться. Въ теченіе полувѣка на Востокѣ совершались важныя событія; тамъ предусматривались дѣла, имѣющія рѣшающее значеніе. Казалось, что раздѣлъ Польши предвѣщалъ и подготовлялъ расчлененіе Турціи. Турція, ослабленная, потерявшая значительную часть своихъ владѣній, подорванная въ своемъ основаніи, истощалась и разрушалась. Провинціи не повиновались уже столицѣ, паши дѣлались независимыми, народы возставали, и монархія султана представляла изъ себя только собраніе враждебныхъ и разрозненныхъ владѣній, въ глубинѣ которыхъ шла безпорядочная борьба христіанскихъ національностей. Очевидно, достаточно было малѣйшаго толчка, чтобы вызвать крушеніе этой развалины. Существовало общераспространенное убѣжденіе, что турки не переживутъ разразившагося надъ Европой кризиса. Между сосѣдними государствами нѣкоторыя уже давно стремились къ раздѣлу, хотя въ настоящее время не рѣшались его ускорить, опасаясь вызвать въ Европѣ новую причину для смуты и безпорядковъ; многіе со страхомъ смотрѣли на предстоящій раздѣлъ, но тѣмъ не менѣе разсчитывали использовать его въ своихъ интересахъ и въ крайнемъ случаѣ помѣшать тому чтобы, вслѣдствіе его, не возросло могущество и благосостояніе другихъ государствъ. Не было кабинета, не было государственнаго человѣка, который не набросалъ бы проекта раздѣла и не держалъ его про запасъ, чтобы въ случаѣ надобности противопоставить его требованіямъ соперниковъ. Не приходя къ вооруженному столкновенію, зависть и вожделѣнія слѣдили другъ за другомъ и выжидали. Въ скрытомъ конфликтѣ, который существовалъ на этой почвѣ между Петербургомъ, Вѣной, Берлиномъ и Лондономъ, Наполеонъ распозналъ трещину коалиціи, и его политика была направлена къ тому, чтобы, подобно клину, внѣдриться въ эту трещину и расширить ее. Онъ хватается за носящуюся въ воздухѣ идею раздѣла Турціи, и открыто высказываетъ ее, вовсе не для того, чтобы сейчасъ-же ее осуществить, но чтобы, смотря по обстоятельствамъ, создать изъ него или приманку, или пугало. Онъ то одобряетъ, то осуждаетъ его. Смотря по тому съ какимъ государствомъ разговариваетъ и какое государство хочетъ обольстить, онъ то высказывается за скорое разрушеніе Турціи, то ревниво оберегаетъ ее.

Въ 1801 и 1802 годахъ, во время его перваго сближенія съ Россіей, обращаясь къ царю Павлу, а затѣмъ къ Александру I-му,

онъ обращаетъ ихъ вниманіе на слабое и непрочное положеніе Турціи, предсказываетъ неизбѣжное ея паденіе и указываетъ на раздѣлъ ея, какъ на связь, долженствующую соединить Францію и Россію. Онъ старается пробудить и подстрекнуть въ Петербургѣ традиціонныя вожделѣнія и пользуется для разговора съ русскими языкомъ Екатерины II: «Говорите объ Екатеринѣ II, — говоритъ онъ Дюроку, назначая его посломъ въ С.-Петербургъ послѣ смерти Павла, —какъ о государынѣ, которая предвидѣла паденіе Турецкой имперіи и сознавала, что русская торговля будетъ процвѣтать только тогда, когда пойдетъ черезъ Югъ» [1]). Александръ I ый остается глухъ къ этимъ обольщеніямъ и не поддается соблазну. Откладывая всякое территоріальное завоеваніе, всякій раздѣлъ на Востокѣ, онъ предпочитаетъ вернуться къ борьбѣ съ Франціей, желая чтобы Россія служила резервомъ для коалиціи. Тогда Наполеонъ снова приступаетъ къ восточному вопросу, только съ другой стороны, и дѣлаетъ его орудіемъ противъ России. Будучи недавнимъ врагомъ турокъ, презирая ихъ, онъ обращается къ нимъ, хочетъ быть ихъ другомъ, старается предостеречь ихъ противъ властолюбія Россіи, которое, какъ бы ни прикрывалось умѣренностью, не перестаётъ быть изъ-за этого ни менѣе дѣятельнымъ, ни менѣе настойчивымъ.

Хотя Россія, повидимому, временно и отказалась отъ завоевательной политики Екатерины, но, въ дѣйствительности, она только видоизмѣнила способъ дѣйствій. Говорили, что ея система состоитъ въ томъ, чтобы попеременно быть или непримиримымъ врагомъ, или ближайшимъ другомъ Турціи [2]). Павелъ I-ый, затѣмъ Александръ въ началѣ своего царствованія, предпочли вторую роль первой. Для господства на Востокѣ они замѣнили грубую завоевательную систему мудрой системой протектората. Египетская экспедиція, возстановивъ противъ насъ турокъ, бросила ихъ въ объятія Россіи. Россія воспользовалась этимъ, чтобы подчинить ихъ деспотическому союзу и властвовать въ ихъ имперіи. Сѣя интригу въ Диванѣ, подкупая мини-

---

[1]) Tratchevski, стр. 115. Въ своихъ разговорахъ съ русскимъ посланникомъ въ Парижѣ, первый консулъ высказалъ, что Турецкая имперія скоро разрушится сама собой „такъ что останется только подобрать ея остатки“. Id., 484, 485.

[2]) Эти слова были приписаны Бутеневу, русскому посланнику въ Константинополѣ въ царствованіе императора Николая I-го.

стровъ, вступая въ сношенія съ пашами, вліяя на входящіе въ составъ ея народы, она повсюду осторожно вводила свое вліяніе. Вліяніе, которое она имѣетъ на Востокѣ въ наши дни, не можетъ идти въ сравненіе съ тѣмъ, которое она пріобрѣла въ началѣ девятнадцатаго столѣтія, когда она одна охраняла права Румынскихъ княжествъ, неограниченно распоряжалась Чернымъ моремъ, пропускала свои корабли мимо Сераля, свободно проходила проливами въ Средиземное море, держала на каждомъ островѣ Архипелага консула, который игралъ тамъ роль вице-короля, группировала вокругъ своихъ агентовъ тысячи покровительствуемыхъ ею людей, обозначаемыхъ подъ знаменательнымъ именемъ греко руссовъ, занимала Корфу, подстрекала къ возстанію Морею и Албанію, эксплуатировала и притѣсняла Турцію, повсюду хозяйничала въ ней и простирала надъ ней свою непрерывно-возрастающую сѣнь.

Однако въ то время, когда всѣ окружающіе султана Селима или подчинялись, или продавались Россіи, въ то время, когда онъ самъ притворялся, что тоже подчиняется ей, онъ чувствовалъ свое униженіе и горѣлъ желаніемъ стряхнуть съ себя давящее его иго. Иногда онъ обращалъ свои полные надежды взоры къ выступавшей на горизонтѣ могучей Франціи. Съ 1804 года Наполеонъ старался культивировать и укрѣплять въ немъ это тяготѣніе. Онъ обращается къ его достоинству, къ его энергіи: «Развѣ ты пересталъ царствовать?—писалъ онъ ему 30 января 1805 года...—Проснись, Селимъ! призови въ министерство твоихъ друзей; прогони измѣнниковъ, довѣрься истиннымъ своимъ друзьямъ... или ты потеряешь свою страну, религію и семью» [1]. Подобными пламенными рѣчами и настойчивымъ дипломатическимъ воздѣйствіемъ надѣялся онъ постепенно избавить турокъ отъ опеки Сѣвера, затѣмъ, въ нужное время, вызвать ихъ на энергичное дѣло, бросить на флангъ нашихъ враговъ и вернуться къ прежней политикѣ монархіи.

Но диверсія, значеніе которой уменьшалось благодаря военному упадку турокъ, была только одной изъ услугъ, которыхъ онъ ожидалъ отъ Востока. Его постояннымъ желаніемъ было воспользоваться этими странами, какъ средствомъ нарушить согласіе нашихъ враговъ. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ то Австрія, то Пруссія волновались при видѣ успѣховъ Россіи на Дунаѣ и

[1]) Corresp. 8298..

старались имъ помѣшать. Со времени революціи, французская опасность отвлекла ихъ отъ русской опасности, но не заставила забыть о ней. Наполеонъ спрашивалъ себя, нельзя ли снова пробудить ихъ недовѣріе къ Россіи, довести его до крайняго предѣла и снова привлечь къ намъ нѣмецкія государства на почвѣ сознанія общей опасности? Онъ не считалъ эту задачу неосуществимой. Отъ 1804 до 1807 года мысль войти въ соглашеніе относительно Востока съ Пруссіей, а въ особенности съ Австріей, періодически вдохновляетъ его дипломатическую дѣятельность. Эта мысль составляетъ въ ней одну изъ существеннѣйшихъ чертъ, самую искусную и, быть можетъ, самую оригинальную. Ея выразителемъ дѣлается министръ иностранныхъ дѣлъ, Талейранъ. Она формулируется въ его депешахъ и циркулярахъ, но не менѣе рельефно выражается въ письмахъ и разговорахъ самого императора. Ничто не позволяетъ утверждать, что этотъ остроумный политическій взглядъ принадлежитъ министру болѣе, чѣмъ императору [1]). Въ 1805 году, почти наканунѣ войны съ Австріей, Наполеонъ приказываетъ написать Австрійскому императору, «что сражаться осмысленно можно только изъ-за Турецкой имперіи» [2]), и указываетъ на Востокъ, какъ на пунктъ для сближенія обоихъ государствъ и примиренія ихъ интересовъ. При всякомъ случаѣ, онъ старается доказать, что политика царя, подготовляя постепенно порабощеніе Турціи, вредитъ Германіи, вредитъ всему континенту не менѣе, чѣмъ Франціи. Въ то самое время, когда Александръ I-ый выступаетъ противъ него борцомъ за европейскую независимость, онъ принимаетъ на себя роль защитника равновѣсія на Востокѣ отъ хищническихъ намѣреній Россіи.

Былъ моментъ, когда Талейранъ по прозорливости и глубинѣ мысли превзошелъ императора.

Это было въ 1805 году, на другой день Ульма, наканунѣ Аустерлица. Наполеонъ шелъ на Вѣну, а Талейранъ, устроившись со своей канцеляріей въ Страсбургѣ, какъ предусмотрительный дипломатъ, обдумывалъ условія будущаго мира и средства сдѣлать его прочнымъ. Будучи наслѣдникомъ послѣднихъ и самыхъ трезвыхъ традицій Версальскаго кабинета, онъ искренно желалъ

---

[1]) См. Bailleu, Preussen und Frankreich von 1795 bis 1807, I: 322, 360.

[2]) Corresp., 9038.

примиренія Франціи съ Австріей и видѣлъ въ союзѣ этихъ двухъ имперій залогъ спокойствія и устойчивости. Но, думалъ онъ, Франція и Австрія перестанутъ быть соперницами только тогда, когда потеряютъ всякую точку соприкосновенія, иначе говоря, возможность конфликта. Слѣдовательно, необходимо, чтобы Австрія навсегда была отдалена отъ Франціи. Но такъ какъ она была изгнана изъ Италіи и вышвырнута изъ Германіи, то было весьма важно, чтобы она получила вознагражденіе за всѣ убытки, чтобы она вышла изъ борьбы успокоенной, утѣшенной, чтобы она возвысилась въ собственныхъ глазахъ. Только одинъ Востокъ могъ открыть ея честолюбію новое поприще. Толкая ее въ эти страны, заставляя ее упрочиться въ нихъ и тамъ возстановить свое счастіе, Франція пріобрѣтала бы этимъ путемъ ту неоцѣнимую выгоду, что поставила бы ее въ положеніе постоянной вражды съ Россіей. Тогда Австрія стала бы смотрѣть на Востокъ и перестала бы враждовать съ Франціей; наоборотъ, для противодѣйствія Россіи и устраненія ея съ Дуная, она оперлась бы на Францію *).

При детальномъ разборѣ средствъ для выполненія этого плана, Талейранъ предлагалъ предоставить Австріи Румынскія княжества и Бессарабію, и позволить ей дойти до устьевъ Дуная. Такимъ образомъ ея территорія, продолженная по прямой линіи до Чернаго моря, вдвинутая между остатками Оттоманскихъ владѣній и Россіей, создала бы оплотъ противъ Россіи. Цѣной нѣсколькихъ провинцій, Турція снова пріобрѣла бы независимость и спокойствіе, Россія же, задержанная со стороны европейскаго Востока, перенесла-бы въ другое мѣсто свое стремленіе къ расширенію. Дѣйствуя подобно Австріи, она сама собой отбросилась бы на Востокъ, все болѣе внѣдрялась бы въ глубь Азіи и рано или поздно столкнулась бы тамъ съ Англіей, владычицею Индіи. Такая перестановка создала бы конфликтъ между нашими противниками, предупредила бы новыя коалиціи, обезпечила бы наши побѣды и разрѣшила бы «задачу самаго прочнаго мира, какого только можетъ желать разумъ».

Талейранъ развилъ эти взгляды въ знаменитой запискѣ [1]) и затѣмъ въ сжатой формѣ передалъ ихъ въ проектѣ о договорѣ.

---

*) Повидимому, этотъ планъ осуществляется вмѣсто Франціи Германіей. (Прим. перев.).

[1]) Анализирована Mignet, Notices historiques, I; 199, Thiers, VI,

Оба документа показываютъ въ немъ одного изъ тѣхъ политиковъ, у которыхъ, по выраженію, приписываемому герцогу Шуазелю [1]) «будущее всегда на умѣ». Несмотря на все это, можно ли упрекнуть императора въ томъ, что онъ не редактировалъ условія Пресбургскаго мира согласно совѣтамъ своего министра? Во-первыхъ, онъ думалъ—и будущее доказало, что онъ былъ правъ, — что примиреніе съ Александромъ I-мъ еще возможно, и не находилъ выгоднымъ создавать между Франціей и Россіей окончательной противоположности интересовъ. Кромѣ того, проектъ Талейрана, названный самимъ авторомъ «политическимъ романомъ» [2]), совершенно не былъ пригоденъ для немедленнаго осуществленія, такъ какъ Австрія еще не сознавала своего призванія на Востокѣ и уклонилась бы отъ нашихъ предложеній. Оскорбленная и озлобленная благодаря понесеннымъ пораженіямъ, разсматривая миръ какъ передышку, только на словахъ отказываясь отъ своихъ нѣмецкихъ и итальянскихъ провинцій, она пришла бы въ ужасъ отъ нашихъ даровъ и отказалась бы удалиться на окраину Европы; въ особенности она побоялась бы скомпрометировать себя въ глазахъ Россіи, благосклонность которой въ ея несчастьѣ являлась для нея какъ бы защитой и убѣжищемъ. Слѣдовательно, Наполеонъ вполнѣ правильно оцѣнилъ проектъ Талейрана, когда ограничился тѣмъ, что одобрилъ его идею, видя въ немъ указанія для будущаго и руководство для будущихъ отношеній къ Австріи, если будетъ продолжаться борьба съ Россіей. Онъ предвидѣлъ передвиженіе Габсбургскаго государства на Востокъ, желалъ его, но не считалъ возможнымъ черезчуръ явно склонять его къ этому, да и кромѣ того отнюдь не допускалъ этого безъ параллельнаго увеличенія Франціи, и въ настоящее время ограничился только его подготовкой. Во время Пресбургскихъ переговоровъ, онъ приказалъ сдѣлать

342, M. Rambaud, Histoire de Russie, 567; выдержки цитированы M. Pallain, Correspondance de Talleyrand et de Louis XVIII, XX, XXI; опубликовано in extenso M. Pierre Bertrand въ Revue historique (январь—мартъ 1889) и въ его трудѣ подъ названіемъ: Lettres inédites de Talleyrand à Napoléon, 156—174.

[1]) Mémoire sur les colonies, прочтено въ Институтѣ 15 мессидора V года.

[2]) Bailleu, II, 360.

австрійскимъ уполномоченнымъ кое-какіе, впрочемъ безрезультатные, намеки по поводу того, чтобы предпринять совокупныя завоеванія на Востокѣ въ случаѣ, если бы Оттоманская имперія разрушилась сама собой [1]). Пока же, онъ старался заинтересовать Вѣнскій кабинетъ въ событіяхъ на Дунаѣ, постоянно указывалъ ему на необходимость поддерживать слабѣющую Турцію и оберегать такимъ образомъ будущую судьбу Востока.

Въ 1806 году, по мѣрѣ того, какъ намѣренія Пруссіи дѣлаются все болѣе подозрительными, и предвидится новая кампанія, разговоръ Наполеона съ Австріей становится болѣе яснымъ, болѣе настойчивымъ. Въ октябрѣ, когда онъ уже принялъ на себя командованіе своими войсками, онъ старается заручиться ея нейтралитетомъ въ дѣлахъ Германіи, предлагая ей вести съ нимъ переговоры «на основѣ сохраненія и гарантіи Оттоманской имперіи» [2]). Графъ Стадіонъ, первый министръ императора Франца, «едва удостаиваетъ отвѣта» [3]) нашего посланника, и Австрія сосредоточиваетъ въ Богеміи на нашемъ правомъ флангѣ угрожающую обсерваціонную армію. Громовой ударъ подъ Іеной разстраиваетъ ея злой умыселъ. Уничтоживъ прусскую армію, прежде чѣмъ идти противъ русскихъ, Наполеонъ снова обращается къ Австріи, предлагаетъ ей распустить собранныя ею войска, но въ то же время возобновляетъ свои предложенія и требуетъ, чтобы она была или открытымъ нашимъ врагомъ, или нашимъ союзникомъ: «Вотъ моментъ, который *болѣе никогда не повторится*, пишетъ Талейранъ, такъ какъ со дня на день могутъ начаться переговоры съ Берлинскимъ дворомъ, слѣдствія которыхъ будутъ таковы, что не представится болѣе возможности вернуться къ системѣ австрійскаго союза» [4]). Дѣй-

---

[1]) Wertheimer, Geschichte Oesterreichs und Ungarns in ersten Jahrzehnt des XIX Jahrhunderts, I, 372.

[2]) Талейранъ къ Ларошфуко, посланнику въ Вѣнѣ, 20 сентября 1806 года. Всѣ цитируемыя въ этой главѣ выдержки изъ писемъ, которыми обмѣнивались князь Беневентскій съ нашими посланниками въ Австріи, взяты изъ архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Вѣна, томъ 379 и 380.

[3]) Талейранъ къ Ларошфуко, 7 октября 1806 года.

[4]) Талейранъ къ Ларошфуко, 24 октября. Gf. Armand Lefebvre, Histoire des cabinets de l'Europe pendant le Consulat et l'Empire, II, 352.

ствительно, Наполеонъ, которому надоѣли переговоры съ Австріей, снова возвращается къ только-что разгромленной имъ Пруссіи и старается увлечь ее въ свою орбиту. Онъ предлагаетъ королю Фридриху-Вильгельму III вернуть ему его владѣнія, при условіи, если онъ согласится гарантировать вмѣстѣ съ нимъ противъ Россіи «независимость и цѣлость Оттоманской Порты» [1]). Но Фридрихъ-Вильгельмъ уже бросился въ объятія Россіи и призвалъ въ прусскую Польшу арміи царя. Онъ болѣе не свободенъ и отказывается утвердить перемиріе, заключенное его именемъ. Тогда императоръ покоряется своей участи, продолжаетъ подвигаться къ Востоку, пробуждаетъ грозные вопросы, самъ вызываетъ тотъ кризисъ, за возникновеніемъ котораго онъ до сей поры только слѣдилъ, и, дотрагиваясь своей шпагой до восточной Европы, заставляетъ ее содрогнуться и подняться.

При видѣ нашихъ войскъ Польша возстаетъ. Французы принимаются, какъ освободители. Познань, Варшава воздвигаютъ имъ тріумфальныя арки. Знать выходитъ изъ своихъ замковъ, гдѣ она уже одиннадцать лѣтъ носитъ трауръ по родинѣ, и отдаетъ себя въ распоряженіе Наполеона. Снова появляются прежніе костюмы, запрещенныя эмблемы, польскіе національные флаги: какъ будто дѣло шло о воскресеніи народа.

Въ Турціи происходитъ подготовленный взрывъ. Въ ноябрѣ 1806 года, генералъ Себастіани былъ отправленъ посланникомъ въ Константинополь, съ приказаніемъ побудить Порту открыто занять независимое положеніе относительно Россіи. Селимъ отчасти уже предупредилъ наше желаніе. Онъ предписалъ закрыть проливы и ограничилъ привилегіи покровительствуемыхъ. Съ пріѣздомъ посланника онъ косвенно отмѣнилъ русскій протекторатъ надъ Княжествами, смѣстивъ ихъ господарей безъ разрѣшенія царя. Посланникъ Александра, Италинскій, выходитъ изъ себя и протестуетъ; онъ требуетъ отъ Порты возстановленія отрѣшенныхъ господарей, и говоритъ о немедленномъ своемъ отъѣздѣ. Напуганный его угрозами, обезпокоенный интригами Англіи, Диванъ сперва уступаетъ и отмѣняетъ султанскій указъ объ ихъ отрѣшеніи, но Россія, ссылаясь на цѣлый рядъ обидъ, уже двинула свою армію въ Молдавію и направляетъ ее къ Бухаресту. Овладѣвая Княжествами, она хочетъ обезпечить себѣ залогъ противъ

[1]) Bailleu, II, 577.

окончательной измѣны Турціи и въ оккупаціи ихъ видитъ мѣру для сохраненія своего вліянія. Турція, давно пріученная къ покорности, колеблется между нѣсколькими рѣшеніями, до тѣхъ поръ, пока извѣстіе о нашихъ побѣдахъ въ Пруссіи и о нашемъ побѣдоносномъ шествіи не кладетъ конца ея нерѣшительности. Министры, трусливые или подкупленные, все еще колеблются; но султанъ и народъ стоятъ за энергичныя мѣры. Они берутъ верхъ. Война объявлена. Селимъ отправляетъ во французскую главную квартиру посла съ порученіемъ вести съ Наполеономъ переговоры о трактатѣ. Пробуждается религіозный фанатизмъ, вспыхиваетъ ненависть къ чужестранному, по Оттоманской имперіи проносится воинственный вихрь и на-время сближаетъ разрозненные члены этого огромнаго тѣла. Несмотря на то, что христіанскія народности волнуются и сербскіе мятежники, дѣлаясь смѣлѣе, нападаютъ на Бѣлградъ, полунезависимые дунайскіе паши составляютъ союзъ, чтобы идти противъ русскихъ. Паши Албаніи и Босніи, наши недавніе враги, просятъ помощи у нашей Далматинской арміи; регулярныя войска собираются въ Константинополѣ, Азія присылаетъ резервы, и движеніе въ Турціи является какъ бы откликомъ на польское [1]).

Наполеонъ началъ съ того, что обсудилъ то и другое мятежное движеніе не только съ точки зрѣнія общей политики, но и какъ глава арміи. Онъ посмотрѣлъ на Польшу и Турцію, какъ на боевой матеріалъ, и, не преувеличивая ихъ значенія, немедленно воспользовался ими.

Изъ польскихъ ополченій онъ организовалъ регулярные корпуса. Сдѣлавъ Варшаву центральнымъ пунктомъ мятежа, онъ распространялъ возстаніе по провинціямъ. Въ Турціи онъ вступилъ въ правильную переписку съ Селимомъ, предложилъ ему договоръ, армію и офицеровъ, которые служили бы инструкторами въ оттоманскихъ войскахъ. Не довольствуясь обращеніемъ къ султану, онъ хотѣлъ говорить съ народами; дошелъ до того, что заставилъ французскихъ оріенталистовъ, подъ руководствомъ великаго канцлера Камбасереса, сочинить и издать на турецкомъ и арабскомъ языкахъ увѣщаніе, и приказалъ распространить его по Востоку

[1]) Correspondance de Turquie, 1, Les archives des affaires étrangères. Mémoire de Pozzo di Borgo sur les causes de la rupture entre la Russie et la Porte. Архивы Поццо ди Борго.

въ десяти тысячахъ экземплярахъ. Это воззваніе къ мусульманамъ было представлено въ формѣ прозопопеи *). Разговоръ шелъ отъ имени *муэдзина*, глашатая, голосъ котораго всякій часъ раздается съ высоты минаретовъ, напоминая правовѣрнымъ о Богѣ и призывая ихъ молиться. Въ его уста были вложены патетическіе упреки; его заставили напомнить объ успѣхахъ Россіи въ теченіе цѣлаго столѣтія, указать на нее, какъ на ожесточеннаго врага Ислама и призвать правовѣрныхъ къ безпощадной борьбѣ [1]). Такими-то средствами надѣялся Наполеонъ возбудить дѣятельность громаднаго числа людей, двинуть ихъ на Дунай и Днѣстръ, отвлечь сюда часть русскихъ войскъ и, слѣдовательно, настолько же ослабить арміи, которыя Александръ противопоставилъ бы намъ на Вислѣ. Но были ли способны эти, вызванныя имъ, національныя силы придти потомъ въ порядокъ, пріобрѣсти прочное основаніе, сдѣлаться устойчивыми, правильно поставленными государствами? Могла ли Польша возродиться, Турція переродиться? Возрождались ли онѣ къ жизни только искусственно или онѣ будутъ въ состояніи снова занять постоянное мѣсто въ европейской системѣ и измѣнить ее въ нашу пользу? Все это вопросы неизмѣримой важности, непроницаемые и сложные, приступить къ которымъ Наполеонъ еще не рѣшался, и даже не рѣшался предусматривать, какого рѣшенія они потребуютъ.

Съ поляками онъ говоритъ благосклонно, но загадками. Онъ заявляетъ, что онъ никогда не признавалъ раздѣла, но что Польша можетъ ждать спасенія только отъ Провидѣнія и отъ самой себя; что, прежде всего, она должна доказать свою жизнеспособность, вооружившись поголовно и принявъ участіе въ борьбѣ. Иногда въ его умѣ бродятъ обширные и остроумные планы. Начиная съ ноября во время своего пребыванія въ Берлинѣ, когда онъ искренно предлагалъ Фридриху-Вильгельму прекратить военныя дѣйствія и заключить миръ, онъ принималъ мѣры къ тому, чтобы принадлежащія прусскому королю польскія провинціи, которыя оставались незанятыми во время перемирія, могли сдѣлаться автономными. Онъ предназначалъ эти земли, съ при-

*) Примѣчаніе переводчика: Прозопопея—риторическая фигура, которою ораторъ вводитъ въ свою рѣчь вымышленное лицо и заставляетъ его говорить или дѣйствовать.

[1]) Archives des affaires étrangères, Turquie, suppléments.

бавкой, можетъ быть, еще Галиціи, для созиданія въ преобразованной прусской монархіи господствующаго элемента. Тогда Пруссія, отстраненная отъ Рейна, даже отодвинутая къ востоку за Эльбу, но зато усиленная на Вислѣ, сдѣлалась бы скорѣе славянской, чѣмъ нѣмецкой страной. Она унаслѣдовала бы ту роль, которую наша прежняя политика предназначала Польшѣ, и которая состояла въ томъ, чтобы поддерживать Турцію на Сѣверѣ и служить оплотомъ противъ Россіи. Такимъ образомъ къ Пруссіи была бы примѣнена система, рекомендованная Талейраномъ относительно Австріи, то-есть, имѣлось въ виду отбросить ее на Востокъ, въ нѣкоторомъ родѣ удалить изъ родины, заставить ее перемѣнить политику вмѣстѣ съ ея интересами. Фридрихъ-Вильгельмъ отвергаетъ наши предложенія. Тогда Наполеонъ думаетъ обойтись безъ него, лишить его престола, объявить паденіе его династіи и поставить подъ другой скипетръ германо-польское государство, которое онъ задумалъ создать. Было найдено вступленіе въ декрету, въ которомъ онъ объявляетъ міру, что Гогенцоллернскій домъ пересталъ царствовать, что главная причина къ тому «роковая необходимость, чтобы между Рейномъ и Вислой существовало государство, неразрывно связанное интересами съ Оттоманской имперіей, которое постоянно преслѣдовало бы одну съ ней цѣль и защищало бы ее на Сѣверѣ въ то время, когда Франція будетъ охранять ее въ самыхъ нѣдрахъ оттоманскихъ провинцій» [1]).

Впрочемъ, хотя въ принципѣ Наполеонъ и не отступаетъ передъ крайними послѣдствіями своей побѣды, онъ тѣмъ не менѣе признаетъ ихъ пока только въ видѣ предположенія. Въ дѣйствительности онъ сознаетъ, что онъ не свободенъ, что болѣе важные интересы сковываютъ его рѣшенія. Австрія наблюдаетъ за нашимъ правымъ флангомъ съ своими все еще внушительными силами; ея войска совершенно свѣжи. Занимаемое ею положеніе даетъ ей возможность ударить намъ во флангъ, если русскіе устоятъ противъ насъ на Вислѣ и поколеблютъ наше счастье; если же русскіе отступятъ и завлекутъ насъ во внутрь своей страны, она можетъ зайти намъ въ тылъ. Вмѣшательство новаго врага можетъ подвергнуть опасности побѣдоносную, но удаленную отъ своей операціонной базы, Великую Армію, ослабленную вслѣдствіе, хотя бы и завершившихся побѣдами, сраженій, равно какъ и вслѣдствіе

1) Bailleu, II, 581.

необычайно-быстраго движенія, которое перенесло ее къ берегамъ Вислы. Поэтому онъ думаетъ, что слѣдуетъ, и даже болѣе, чѣмъ когда-либо, устроить свои дѣла съ Австріей и быть съ ней въ хорошихъ отношеніяхъ. Но турецко-польскій кризисъ представляетъ ту особенность, что въ зависимости отъ хода дѣлъ онъ можетъ сдѣлать Австрію и нашей союзницею, равно какъ и бросить ее въ объятія нашихъ враговъ. Возрожденіе Польши на ея границѣ, заставляя Австрію безпокоиться за свои владѣнія въ Галиціи, можетъ внушить ей сильную тревогу, можетъ быть, даже враждебныя рѣшенія; съ другой стороны, внезапное вторженіе русскихъ на Дунаѣ, ихъ вступленіе въ румынскія провинціи, куда австрійская политика поставила себѣ за правило ихъ не допускать, способно обратить ея вниманіе на опасность, къ которой съ нѣкотораго времени относились слишкомъ небрежно. Итакъ слѣдуетъ успокоить ее насчетъ Польши, и въ то же время поддерживать и усиливать ея опасенія на Востокѣ. Наполеонъ не будетъ терять изъ виду этихъ двухъ сторонъ вопроса. Едва устроившись въ Познани, онъ обращается къ императору Францу со словами примиренія. Сперва намеками, а затѣмъ въ болѣе точныхъ выраженіяхъ, предлагаетъ онъ ему отказаться отъ Галиціи. Взамѣнъ онъ предлагаетъ ему широкое возмѣщеніе въ Силезіи, въ той чудной провинціи, которую потеряла и оплакивала Марія-Терезія; да и то онъ не хочетъ навязывать этого обмѣна Австріи; онъ предоставляетъ ей полную свободу выбора, увѣряетъ, что не приметъ никакого рѣшенія безъ ея согласія и вручаетъ ей будущее Польши [1]). Въ то же время Талейранъ приказываетъ возобновить въ Вѣнѣ предложеніе о соглашеніи относительно Востока [2]), и въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ министръ иностранныхъ дѣлъ, съ искусствомъ убѣжденнаго человѣка, старается осуществить это соглашеніе. Наполеонъ предоставляетъ ему дѣйствовать. Хотя онъ не раздѣляетъ его принципіальныхъ симпатій къ Австріи и сохраняетъ къ ея двору непреодолимое недовѣріе, хотя въ сущности онъ считаетъ его непримиримымъ и почти не ждетъ отъ него искренней перемѣны въ отношеніяхъ,—все-таки ему теперь до крайности нужно отвратить его вражду; ради военныхъ требова-

---

[1]) Corresp., 11339.

[2]) Депеша отъ 9 декабря 1806 года. Archives des affaires étrangères, Vienne, 379.

ній онъ согласенъ создать политическую систему. Разсматривая варшавскія и въ особенности константинопольскія событія въ зависимости отъ ихъ отношеній къ Вѣнѣ, каждое рѣшеніе относительно Польши и даже Турціи онъ подчиняетъ мысли обезпечить себѣ въ настоящемъ нейтралитетъ Австріи, и, если возможно, ея союзъ въ будущемъ.

Въ то же время, благодаря замѣчательному совпаденію, взоры Россіи, главныя усилія и упованія ея политики были направлены также къ Австріи. Подобно Наполеону, Александръ I-ый сознавалъ, что нуждается въ сильномъ союзникѣ. Со времени Аустерлица, онъ болѣе не вѣрилъ, что его собственныхъ силъ, какъ бы внушительны онѣ ни были, будетъ достаточно для уравновѣшенія доблести нашихъ войскъ, генія и счастья ихъ вождя. Пруссія, сведенная къ нѣсколькимъ клочкамъ территоріи, могла предложить ему только ничтожное содѣйствіе. Надлежало сражаться не за одно съ нею, а за нее, и какъ бы велико ни было желаніе Александра помочь ей и отомстить за нее, но порою онъ не рѣшался одинъ начать кампанію, болѣе грозную, чѣмъ предыдущія, ставкой которой была бы не только слава русскаго оружія, но и цѣлость имперіи и сохраненіе прежнихъ завоеваній. Онъ смутно сознавалъ, что если Австрія, единственное государство, которое было въ состояніи оказать ему существенную помощь, не воспользуется случаемъ соединиться съ нимъ и дополнить европейское соглашеніе, онъ рано или поздно вынужденъ будетъ вести переговоры съ нами, выслушивать Наполеона, имѣвшаго склонность вести переговоры съ каждымъ изъ своихъ противниковъ въ отдѣльности, будетъ вынужденъ отдѣлить русское дѣло отъ дѣлъ Европы и отстаивать его за ея счетъ. Будучи еще противникомъ такого рѣшенія, онъ надѣялся избавиться отъ него путемъ дипломатической побѣды въ Вѣнѣ. Со стороны его правительства вся сила убѣжденія была направлена на полученіе содѣйствія Австріи. Итакъ, благодаря своему географическому положенію и взаимному положенію воюющихъ сторонъ, Австрія, повидимому, держала въ своихъ рукахъ судьбу Европы и судьбу будущихъ отношеній между Франціей и Россіей. Смотря по тому, на чью сторону она перейдетъ, она продлитъ борьбу, измѣняя ея характеръ и ея шансы; устраненіе же ея отъ участія могло привести къ сближенію и объясненію между противниками, не рѣшавшимися вступить въ бой одинъ-на-одинъ.

II.

Въ то самое время, когда Наполеонъ отправлялъ въ Австрію для изложенія своихъ взглядовъ и предложеній новаго посланника генерала Андреосси, Александръ I-ый, для воздѣйствія на свою старую союзницу, разсчитывалъ главнымъ образомъ на графа Разумовскаго, своего представителя при ея дворѣ, дипломата съ живымъ умомъ, сумѣвшаго хорошо поставить себя въ Вѣнѣ и вліявшаго на дворъ черезъ посредство высшаго общества. Однако важность обстоятельствъ требовала чрезвычайной миссіи; ее довѣрили лицу, имя котораго было замѣшано во всѣхъ распряхъ того времени. Корсиканецъ Поццо ди Борго добрался до самаго Петербурга, въ поискахъ свободнаго поприща для борьбы со своимъ знаменитымъ соотечественникомъ, который сдѣлался для него заклятымъ врагомъ. Онъ поступилъ на службу Россіи и, какъ представитель ея интересовъ, велъ теперь свою борьбу съ Наполеономъ; позднѣе ему суждено было оказать большую услугу разгромленной Франціи. Императоръ Александръ, замѣтивъ въ немъ необычайныя способности, нашелъ его пригоднымъ для ускоренія самыхъ важныхъ переговоровъ, которые тогда должна была вести Россія.

Умный, смѣлый, глубоко преданный дѣлу, за которое онъ взялся, Поццо умѣлъ заставить «интригу служить принципамъ» [1]. Онъ вносилъ въ свою манеру вести переговоры такую силу слова и мысли, которая могла восторжествовать надъ австрійской нерѣшительностью. Онъ отличался рѣдкой способностью проникать въ тайные помыслы, вѣрно оцѣнивать существующее положеніе и указывать на рѣшенія, которыхъ оно требовало; онъ нисколько не стѣснялся говорить смѣлую правду тѣмъ, кого хотѣлъ убѣдить и кому хотѣлъ служить; онъ часто былъ довѣреннымъ лицомъ коалиціи и никогда не былъ придворнымъ льстецомъ. Сверхъ того, хорошо извѣстный въ Вѣнѣ, онъ и самъ зналъ въ совершенствѣ свѣтское общество и дипломатическій составъ этой столицы; онъ могъ использовать свои космополитическія связи въ видахъ согласованія своихъ дѣйствій съ дѣйствіями другихъ представителей и, повидимому, лучше чѣмъ кто-либо могъ говорить отъ имени всей Европы. На-

[1]) Victor Cherbuliez, Revue des Deux Mondes du 1-er mai 1980.

конецъ, ненависть, которая подстрекала его природную горячность, его страстное желаніе добиться цѣли—казались лучшей гарантіей его успѣха. Нельзя было придумать ничего лучшаго, какъ поручить личному врагу Наполеона заботу о томъ, чтобы убѣдить Австрію предпринять обходное движеніе, которое должно было застать врасплохъ императора, аттакованнаго съ фронта русскими, и поставить его, слишкомъ вѣрившаго въ свою звѣзду, въ опасное положеніе.

Поццо пріѣхалъ въ Вѣну 13 декабря, нѣсколькими днями позднѣе Андреосси. Онъ привезъ графу Стадіону длинное посланіе отъ русскаго министра иностранныхъ дѣлъ, генерала барона Будберга, и два письма отъ императора Александра: одно императору Францу, другое эрцгерцогу Карлу, мнѣніе котораго считалось рѣшающимъ во всемъ, что касалось австрійской арміи. Первое было написано въ сильныхъ и торжественныхъ выраженіяхъ. «Судьба міра,—писалъ царь Францу I-му,—будетъ главнымъ образомъ зависѣть отъ рѣшенія, которое приметъ Ваше Величество» [1]). Второе было лестнымъ призывомъ къ вмѣшательству эрцгерцога, которому обѣщалось открыть новое поприще для славы. Сначала Поццо нѣсколько разъ совѣщался съ Стадіономъ. Послѣ многихъ уклоненій отъ обсужденія, смягчая свой отказъ горячими увѣреніями, министръ кончилъ тѣмъ, что сказалъ, что Австрія въ виду неудовлетворительнаго состоянія ея вооруженій, неполнаго возстановленія ея военныхъ силъ, и въ виду истощенія ея финансовъ, не можетъ тотчасъ же вмѣшаться въ войну. Онъ подавалъ надежду, но отклонялъ всякое обязательство. Недовольный такимъ отвѣтомъ, Поццо обратился непосредственно къ императору и эрцгерцогу Карлу и былъ принятъ обоими; объ этихъ аудіенціяхъ онъ составилъ слѣдующій характерный разсказъ:

«Графъ Разумовскій и я,—пишетъ онъ своему двору,—были представлены Императору. Я вручилъ письмо Его Императорскаго Величества. Императоръ сказалъ мнѣ: «Я знаю его содержаніе, я «просмотрѣлъ дѣло и прочелъ всѣ бумаги, которыя вы передали «Стадіону. Онъ, вѣроятно, сказалъ вамъ, что теперь я не могу вести «войны». Я отвѣтилъ, что я получилъ это сообщеніе съ чувствомъ глубокой скорби, ибо знаю, что Его Императорское Величество, мой государь, думаетъ, что настоящій моментъ представляетъ вы-

[1]) Adolf Beer, Zehn Jahre oesterreichischer Politik, 472. Этотъ авторъ даетъ текстъ писемъ къ императору и эрцгерцогу Карлу, 472—474

годы, которыя, можетъ быть, никогда болѣе не повторятся, и, что выжидая время, Его Величество, вмѣсто того, чтобы уменьшить затрудненія, значительно ихъ увеличитъ. Императоръ сказалъ: «Я «вполнѣ увѣренъ въ чувствахъ вашего государя; я всегда буду его «сердечнымъ другомъ, у него такія благородныя мысли!» Я отвѣтилъ, что такая искренняя и счастливая взаимность можетъ только способствовать благу обѣихъ имперій, но, чтобы сдѣлаться продуктивной, она требуетъ нѣкотораго увеличенія силъ и фактическаго содѣйствія. Тогда Его Величество сказалъ: «Мнѣ нужно вы-«играть время; у меня во всемъ большіе недочеты; императоръ Але-«ксандръ самъ знаетъ, въ какомъ видѣ оставилъ онъ меня годъ «тому назадъ. Если я объявлю войну, я долженъ ожидать, что «мнѣ придется имѣть дѣло со всѣми силами Бонапарта; я рискую «быть раздавленнымъ и тогда для вашего же государя будетъ хуже: «ему больше не на кого будетъ разсчитывать». Я замѣтилъ, что такое предположеніе невозможно, и, чтобы убѣдиться въ этомъ, слѣдуетъ только взглянуть на расположеніе армій. Тогда Его Величество сказалъ: «Я неоднократно, но безуспѣшно, сражался «вмѣстѣ съ союзниками: въ данномъ случаѣ нужно разсчитывать «только на самого себя». Тогда заговорилъ графъ Разумовскій: Слѣдовательно, Ваше Величество не предполагаетъ, что Бонапартъ будетъ вынуждать васъ принять его сторону, и, что, въ случаѣ отказа, онъ нападетъ на васъ. Императоръ отвѣтилъ: «Въ такомъ «случаѣ само собой разумѣется, что придется сражаться, и сражаться «отчаянно; при такой крайности сражаются лучше». Я выразилъ надежду, что Его Величество не будетъ ждать такой крайности, на что онъ отвѣтилъ: «Я откровененъ: я буду воевать, какъ можно «позднѣе».

«Мой разговоръ съ эрцгерцогомъ Карломъ былъ болѣе однообразенъ. Кланяясь до земли, онъ сказалъ, что глубоко тронутъ милостью Его Императорскаго Величества, соблаговолившаго вспомнить о немъ; что Его Величество, будучи самъ солдатомъ, принимаетъ участіе во всѣхъ лицахъ своего званія. Я отвѣтилъ, что дѣйствительно это почетное званіе служитъ большой рекомендаціей въ глазахъ Его Величества, но что Его Высочество имѣетъ еще особыя права на уваженіе моего государя въ силу блестящей и заслуженной репутаціи, которую онъ пріобрѣлъ своими побѣдами;— опять низкій поклонъ.—«Я желалъ бы, чтобы Его Величество былъ убѣжденъ, что вся заслуга исключительно принадлежитъ арміи».—

Я сказалъ, что Его Величество не можетъ не знать, какое благотворное вліяніе на поведеніе арміи оказываютъ талантъ и мужество Его Высочества, что убѣжденіе въ этомъ и вытекающія отсюда важныя соображенія побудили Его Императорское Величество включить въ число важнѣйшихъ средствъ для спасенія обѣихъ имперій и Европы вообще использованіе его талантовъ. Когда я хотѣлъ приступить къ дѣлу, онъ прервалъ меня, сказавъ самымъ смущеннымъ тономъ: «Я не могу... Его Величество Императоръ... это меня не касается». Чтобы понять его смущеніе, я спросилъ его, нѣтъ ли извѣстій изъ арміи. Онъ отвѣтилъ, что его увѣдомили о бывшей на берегахъ Нарева перестрѣлкѣ, но безъ серьезныхъ послѣдствій; что до сихъ поръ только корпусъ Даву перешелъ Вислу. Я воспользовался оборотомъ разговора, чтобы сказать ему, что въ настоящее время наша армія привлекала все вниманіе и занимала всѣ силы Бонапарта, что Его Королевское Высочество во-главѣ австрійцевъ могъ бы... Тогда онъ опять смутился и прервалъ разговоръ, повторивъ, что только Императоръ, его братъ, можетъ выслушивать подобныя вещи; онъ тотчасъ-же съ глубокими поклонами отпустилъ Разумовскаго и меня» [1]).

Итакъ, эрцгерцогъ уклонялся; императоръ съ горечью признавался въ своемъ безсиліи; министръ, повидимому, былъ хорошо расположенъ, но говорилъ, что его удерживаютъ и парализуютъ затрудненія внутренняго характера. Поццо, отовсюду выпроворенный, съ грустью констатировалъ невозможность увлечь въ настоящее время Австрію. Слѣдовало ли ему заключить изъ этого, что Австрія расположена выслушать наши предложенія и окончательно измѣнить общему дѣлу? Онъ отнюдь не оскорблялъ ее подобнымъ подозрѣніемъ, и, если бы онъ могъ слышать разговоръ, который вели между собой Стадіонъ и Андреосси въ кабинетѣ австрійскаго министра, онъ, былъ бы болѣе спокоенъ. Австрія приняла наши предложенія такъ же, какъ и предложенія Россіи—вѣжливо, но уклончиво. Она отказалась отъ обмѣна Галиціи на Силезію, но не отклоняла мысли о союзѣ въ будущемъ. Давая ничего незначущія обѣщанія Поццо, она отправляла подобныя же съ спеціальнымъ посломъ, барономъ Винцентомъ, къ Наполеону въ Варшаву, гдѣ императоръ только-что устроилъ свою главную квартиру; однимъ словомъ, она ни во что не хотѣла вмѣ-

[1]) Письмо къ Будбергу, 14—26 декабря 1806 года. Архивы Поццо ди Борго.

шиваться, ни связывать себя съ кѣмъ бы то ни было обязательствами [1]).

За данными ему объясненіями и выставленными предлогами къ бездѣйствію, Поццо очень скоро открылъ истинныя причины такого поведенія. Стадіонъ въ бесѣдахъ съ нимъ неоднократно съ досадой высказывался по поводу разрыва Россіи съ Портой и занятія ею Княжествъ. Онъ считалъ эту мѣру несвоевременной, ибо она отвлекала часть русскихъ войскъ отъ борьбы съ Франціей, и сверхъ того опасной, такъ какъ она могла увлечь Россію противъ ея воли въ систему завоеваній, невыгодныхъ для Австріи. Тщетно, въ силу формальныхъ инструкцій, заявлялъ Поццо о безкорыстіи Россіи, о ея желаніи, путемъ временнаго занятія Княжествъ, произвести только давленіе на Порту и вырвать ее изъ-подъ французскаго вліянія. Несомнѣнно было, что возникновеніе—сверхъ польскаго — еще и восточнаго вопроса причиняло неудовольствіе Австріи, и, ставя ее между двухъ опасностей, между двухъ опасеній, которыя влекли ее въ разныя стороны, способствовало ея сдержанности. Но не это было главной причиной ея тщательно разсчитаннаго бездѣйствія. Въ дѣйствительности Австрія въ душѣ была съ нашими врагами; она желала ихъ торжества, и, если бы посмѣла, присоединилась бы къ нимъ, но она не вѣрила въ ихъ успѣхъ и боялась Наполеона. Она опасалась, что при малѣйшемъ преждевременномъ проявленіи враждебности, завоеватель обратится противъ нея и, прежде чѣмъ двинуться противъ другихъ противниковъ, докончитъ ея разрушеніе. Эрцгерцогъ отнюдь не хотѣлъ компрометировать въ борьбѣ съ Наполеономъ свою, пріобрѣтенную въ теченіе долгаго времени и заботливо охраняемую, военную репутацію; императоръ дрожалъ за свою корону и существованіе своего государства; вѣнская аристократія за свою безопасность и богатства, и страхъ —Поццо, не колеблясь, смѣло сказалъ это слово—заставлялъ молчать ненависть. «Достовѣрно, писалъ онъ, что тайныя намѣренія кабинета направлены противъ Франціи; враждебность австрійцевъ—естественное чувство, котораго невозможно скрыть; она результатъ понесенныхъ потерь и неудачъ; но страхъ леденитъ ихъ сердца; не хотятъ сознаться въ этой постыдной причинѣ, но она-то и есть главный источникъ ихъ по-

[1]) Поццо къ Будбергу, 14—26 декабря 1806 года. Архивы Поццо ди Борго. — Андреосси къ Талейрану, 14 декабря 1806 года.

веденія» [1]). Существуетъ только одно средство заставить Австрію дѣйствовать: побѣдоносно бороться противъ Франціи, и доказать, что Наполеонъ можетъ потерпѣть неудачу. «Принимаемыя Вашимъ Императорскимъ Величествомъ мѣры, прибавляетъ Поццо, обращаясь къ царю, будутъ полярной звѣздой этого двора и термометромъ его мужества» [2]). Устремивъ взоры на театръ военныхъ дѣйствій, на равнины Польши, на сѣть рѣкъ Вислы, Буга, Нарева, гдѣ маневрируютъ въ погонѣ другъ за другомъ враждебныя арміи, Австрія выжидаетъ, чтобы достаточно рѣшительныя столкновенія дали ей указанія, оправдали ея опасенія или возбудили ея надежды; ея послѣдующее поведеніе будетъ зависѣть отъ военныхъ событій.

Русскіе заняли позиціи позади Варшавы. Въ декабрѣ Наполеонъ двинулся противъ нихъ, взялъ съ боя ихъ оборонительную линію и разбилъ ихъ при Царновѣ, при Голыминѣ и Солдѣ; искусные маневры должны были отдать въ его руки всю ихъ армію; но свойства почвы, неблагопріятное время года, дожди, снѣгъ, оттепель мѣшали быстрымъ движеніямъ нашихъ войскъ. Наши солдаты съ трудомъ двигались по непролазной грязи. Туманы этихъ печальныхъ странъ скрывали отъ нихъ движенія противника; Ланъ натолкнулся на значительныя силы русскихъ у Пултуска и едва отбился отъ нихъ. Вмѣсто того, чтобы сражаться съ закрытыми глазами, Наполеонъ предпочелъ прекратить военныя дѣйствія и поставилъ свою армію на зимнія квартиры. Солдаты Беннигсена, бросивъ часть артиллеріи, могли отступить почти въ полномъ порядкѣ; въ столкновеніи съ Наполеономъ они спаслись отъ пораженія, что было для нихъ почти равносильно побѣдѣ [3]).

Имѣя въ виду, что сопротивленіе Россіи, обѣщая быть упорнымъ, могло поднять духъ Австріи и увеличить число нашихъ противниковъ, Наполеонъ счелъ необходимымъ пустить въ ходъ

[1]) 14—26 декабря 1806 года. Архивы Поццо ди Борго. Эта депеша приведена въ русскомъ сочиненіи А. Васильчикова о Родѣ Разумовскихъ IV, 279. Со своей стороны Андреосси писалъ: „Вѣнскій дворъ старается не оскорблять ни Франціи, ни Россіи, но очевидно, что онъ болѣе склоненъ къ Россіи". 14 декабря 1806 года. Gf. Adair, Historical memoir of mission to the court of Vienna in 1806, 157—169.

[2]) 8—20 марта 1807 года. Архивы Поццо ди Борго.

[3]) Thiers, VII, 300—323.

всѣ свои боевыя и дипломатическія средства. Онъ хотѣлъ охватить великую имперію непрерывной цѣпью враговъ, и поднять ихъ въ цѣляхъ диверсіи на всемъ протяженіи ея границъ. Въ то время, когда онъ сооружалъ на Вислѣ цѣлый рядъ грозныхъ укрѣпленій и подготовлялъ на весну наступленіе, когда усиленно организовалъ польскіе корпуса, онъ старался распространить возмущеніе въ русскихъ провинціяхъ на Волыни и въ Подоліи, и сформировать тамъ мятежныя банды. Этой авангардной Польшѣ предназначалось служить связью между Великой Арміей и оттоманскими войсками, которыя, прогнавъ русскихъ изъ Княжествъ, должны были бы выступить изъ долины Дуная, подойти къ Днѣстру и подняться на Сѣверъ. Для ускоренія этого движенія, Наполеонъ отправляетъ во всѣ стороны агентовъ и шпіоновъ, устраиваетъ въ Виддинѣ центръ сношеній, старается завязать непосредственныя сношенія съ пашами Болгаріи и съ Сербами. Онъ задумываетъ перенести свою армію изъ Далмаціи на низовья Дуная; по его мысли тридцать пять тысячъ французовъ будутъ служить поддержкой мусульманскимъ бандамъ во время ихъ наступленія; они составятъ прочное ядро для ихъ неуравновѣшенной массы. Наполеонъ выражаетъ желаніе, чтобы у турокъ на Черномъ морѣ былъ флотъ, для того, чтобы тревожить берега Россіи и нападать на Крымъ; онъ указываетъ на Севастополь, какъ на уязвимую пяту колосса. Даже Азія должна оказать содѣйствіе нашему движенію. Его агенты подкупаютъ пашей Арменіи и убѣждаютъ ихъ сдѣлать нападеніе на Кавказъ. Подготовляется союзъ съ Персіей. Слѣдуетъ, чтобы опутанная сѣтью русскихъ интригъ Персія, которую Россія постепенно, но непрерывно лишала ея владѣній, пришла въ себя, проникласъ самосознаніемъ, поняла, что наступило благопріятное время для возмѣщенія своихъ потерь. Въ предстоящей борьбѣ съ Сѣвернымъ государствомъ Турція должна составлять нашъ правый, Персія крайній правый флангъ [1]).

Но восточный вопросъ все-таки остается для Наполеона главнымъ образомъ политическимъ средствомъ. Онъ хочетъ восполь-

[1]) Corresp., 11651—69—71,11734—38. Талейранъ къ Себастіани, 20 января 1807 года Gf. l'étude de M. Boppe sur la Mission de l'adjudant—commandant Mériage à Widdin. (Annales de l'Ecole des sciences politiques, 15 avril, 1886.

зоваться имъ, для того, чтобы направить противъ самой Россіи ту самую коалицію, которой она ему угрожаетъ. Онъ ставитъ его въ ряду очередныхъ дѣлъ Европы. Обращаясь ко всѣмъ государствамъ—къ нейтральнымъ непосредственно, въ особенности къ Австріи, и косвенно къ враждебнымъ, то есть, къ Пруссіи и даже къ Англіи,—онъ силится доказать имъ, что, препятствуя Россіи проложить себѣ путь черезъ Турцію къ Средиземному морю, онъ сражается за общее дѣло. Чтобы заинтересовать и убѣдить ихъ, онъ разнообразитъ свои средства, пускаетъ въ ходъ всѣ пружины, которыя могутъ имѣть вліяніе на правительства и взволновать общественное мнѣніе. Онъ заставляетъ говорить дипломатію и прессу, внушаетъ депеши, циркуляры, составляетъ прокламаціи, приказываетъ издавать сочиненія и печатать статьи. Распространяя разными способами свои мысли, онъ въ то же время въ сжатой формѣ излагаетъ ихъ въ торжественномъ документѣ. 17 февраля 1807 года созывается въ Парижѣ Сенатъ; онъ получаетъ изъ Варшавы посланіе, сопровождаемое донесеніемъ министра иностранныхъ дѣлъ; это посланіе одновременно обращеніе къ Франціи и манифестъ къ Европѣ.

«Кто можетъ, говорится въ немъ, исчислить продолжительность войнъ и количество кампаній, которыя придется сдѣлать, чтобы исправить бѣдствія, могущія проистечь отъ потери имперіей Константинополя, если любовь къ нѣгѣ и разслабляющія наслажденія великаго города возьмутъ верхъ надъ совѣтами мудрой предусмотрительности? Мы оставимъ въ наслѣдство нашимъ потомкамъ длинный рядъ войнъ и бѣдствій. Если византійская тіара вознесется и восторжествуетъ на протяженіи отъ Балтики до Средиземнаго моря, намъ придется быть свидѣтелями, какъ тучи варваровъ и фанатиковъ будутъ нападать на наши провинціи. И если въ этой несвоевременной уже борьбѣ погибнетъ цивилизованная Европа, наше преступное равнодушіе справедливо вызоветъ нареканія потомства и будетъ названо въ исторіи позоромъ». [1])

Въ донесеніи министра высказывается и развивается та же самая мысль, правда, съ болѣе умѣреннымъ краснорѣчіемъ. Наполеонъ, устами министра, говоритъ въ немъ такимъ языкомъ, котораго нельзя было отъ него ожидать. Для пользы своего дѣла онъ беретъ за образецъ и усваиваетъ себѣ ту охранительную

[1]) Corresp., 11722.

политику, которую, къ чести ея, формулировала монархія во время своего упадка, но которой, по своей слабости, не сумѣла провести въ жизнь. Властно, передъ лицомъ всего міра, повторяетъ онъ то, что тайные агенты Людовика XV нашептывали государствамъ, то, что говорили имъ Людовикъ XVI и Верженъ; завоеватель, какъ о непреложной истинѣ, говоритъ теперь о необходимости поддерживать пріобрѣтенныя права и существующія государства и обуздывать порождающее смуты честолюбіе. Крайне мудро указываетъ онъ въ раздѣлѣ Польши, въ этомъ первомъ ударѣ, нанесенномъ государственному праву, первоисточникъ всѣхъ золъ, удручающихъ Европу. Онъ говоритъ, что разрушеніе Турціи, если его допустить, подготовитъ еще бо̀льшія бѣдствія; что теперь Франція проливаетъ свою кровь, сражается за триста льё отъ своихъ границъ ради спасенія Турціи, ради возстановленія ея неприкосновенности и независимости; что Европа должна признать въ ней главнаго борца за ея дѣло и защитника ея правъ.[1])

Донесеніе подписано Талейраномъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что какъ содержаніе, такъ и форма его подсказаны министромъ. Но былъ ли этотъ осторожный политикъ, этотъ безподобный редакторъ настолько же убѣжденъ, какъ искусенъ и краснорѣчивъ? Вѣрилъ ли онъ искренно въ возможность сохранить Турцію, создавая изъ этой возстановленной во всѣхъ ея правахъ имперіи одну изъ основъ преобразованной Европы? Обращаясь къ тому, что онъ писалъ по этому поводу, подмѣчаешь странное несоотвѣтствіе между его офиціальными и частными сообщеніями.

31 января 1807 года Талейранъ писалъ въ Парижъ начальнику отдѣленія въ министерствѣ, Готриву, извѣщая его объ отправкѣ посланія и донесенія. При этомъ онъ давалъ ему указанія по поводу способовъ создать движеніе общественнаго мнѣнія въ пользу принципа, провозглашеннаго императоромъ и оказать на умы необходимое давленіе. «Посылаю вамъ, говорилъ онъ, статью, которую вы прикажете напечатать въ одномъ изъ маленькихъ журналовъ; прикажите написать вторую статью въ томъ же духѣ для другого журнала. Необходимо, чтобы эти статьи были напечатаны на другой день послѣ засѣданія Сената и въ тотъ же

[1]) Moniteur отъ 18 февраля 1807 года.

самый день, когда официальныя бумаги будутъ напечатаны въ Moniteur'ѣ. Вы понимаете, что ни на одинъ день нельзя откладывать печатанія этихъ статьей для того, чтобы не позволить журналамъ взять ложное направленіе».--«Главная цѣль заключается въ томъ, писалъ Талейранъ въ предшествующей фразѣ, чтобы дать почувствовать, что императоръ, дѣлая все для возстановленія мира, долженъ желать только прочнаго и продолжительнаго мира... Императоръ желаетъ существованія Оттоманской имперіи именно ради того, чтобы упрочить миръ; онъ желаетъ ея существованія для того, чтобы другіе не обогатились за ея счетъ и не сдѣлались опасными для своихъ сосѣдей; онъ желаетъ сохранить нашей торговлѣ на Югѣ главный и единственный источникъ ея процвѣтанія. Въ этомъ отношеніи сохраненіе Оттоманской имперіи занимаетъ первое мѣсто среди нашихъ интересовъ, Его Величество никоимъ образомъ не можетъ ее покинуть...» [1]).

Эти слова дышатъ искренностью. Но шестью днями раньше, 25, Талейранъ секретно писалъ Готриву, который давалъ ему отчетъ о принятыхъ мѣрахъ по составленію воззванія, предназначеннаго оживить рвеніе мусульманъ. «Вы отлично дѣлаете, что придерживаетесь официальныхъ указаній, данныхъ вамъ великимъ канцлеромъ. Впрочемъ, я думаю, что ничто не можетъ оживить Оттоманскую имперію. По моему мнѣнію, она погибла, и вопросъ сводится только къ тому, чтобы знать, какую долю получитъ Франція при ея раздѣлѣ, который непремѣнно состоится въ наши дни. Я вижу во всемъ этомъ только одно хорошее, такъ какъ вообще думаю, что всякое отвлеченіе, какъ-бы маловажно оно ни было, превосходная вещь. Сознательно или нѣтъ, но ни Австрія, ни Пруссія, ни даже сама Турція, ни Англія не интересуются Оттоманской имперіей».

Итакъ министръ вовсе не думалъ, чтобы идея охранительной—по отношенію къ Турціи—политики могла когда-либо служить связью между императоромъ и какимъ либо государствомъ. Вѣрный своему проекту 1805 года, онъ полагалъ, что сближеніе можетъ быть достигнуто только цѣной громадныхъ перемѣнъ на Востокѣ, скомбинированныхъ такимъ образомъ, чтобы создать между Франціей и какой-либо изъ ея соперницъ общность

[1]) Archives des affaires étrangères. Turquie, suppléments. Слѣдующее письмо взято изъ того-же источника.

существенныхъ интересовъ и связать ихъ честолюбивыя стремленія. И въ этотъ разъ, несмотря на офиціальныя заявленія, Наполеонъ не былъ противъ взглядовъ министра. Онъ выбралъ защиту Турціи только какъ почву для соглашенія съ другими государствами. Защита Турціи была въ его глазахъ только средствомъ, а не цѣлью. Если бы ему представили убѣдительныя данныя, что предлагая какому-нибудь изъ европейскихъ дворовъ раздѣлъ Турціи вмѣсто ея сохраненія, онъ вѣрнѣе сблизится съ нимъ, онъ не отказался бы вступить на этотъ путь. Мысль о раздѣлѣ, промелькнувшая въ его умѣ въ самомъ началѣ его карьеры и появившаяся снова въ началѣ 1807 года, дѣлаетъ менѣе неожиданной перемѣну его взглядовъ въ Тильзитѣ. Въ настоящее время, въ силу его отношеній къ Россіи, онъ можетъ обратиться только къ Австріи. Необходимость привлечь ее на свою сторону дѣлается болѣе настоятельной по мѣрѣ того, какъ возрастаютъ трудности нашего военнаго положенія. До сихъ поръ Австрія была глуха къ нашимъ просьбамъ и убѣжденіямъ, но, быть можетъ, думалъ онъ, приманка матеріальной выгоды, территоріальнаго расширенія, сдѣлаютъ ее менѣе нечувствительной. Поэтому Наполеонъ разрѣшаетъ Талейрану подвергнуть испытанію восточныя вожделѣнія Австріи, и въ то самое время, когда онъ, видимо, возводитъ въ политическій догматъ неприкосновенность Турціи, онъ позволяетъ намекнуть Австріи о возможности ея раздѣла.

Баронъ Винцентъ, отправленный Австріей въ качествѣ уполномоченнаго и соглядатая, пріѣхалъ въ Варшаву 8 января 1807 года съ дружескимъ и неяснымъ по смыслу письмомъ отъ своего государя къ Наполеону. Наполеонъ принялъ его хорошо, обсуждалъ съ нимъ всевозможные текущіе вопросы, объявилъ о своемъ намѣреніи вернуть прусскому королю всѣ его владѣнія, за исключеніемъ провинцій, расположенныхъ на лѣвомъ берегу Эльбы, и обѣщалъ никоимъ образомъ не возстановлять Польши; затѣмъ, дойдя до главнаго вопроса, онъ заговорилъ о Востокѣ, объ опасности, которая быстро надвигается съ этой стороны на Габсбургскую имперію, благодаря честолюбію Россіи, ея непрерывнымъ успѣхамъ, и силѣ притяженія, которую оказываетъ она на своихъ единовѣрцевъ на Востокѣ. «Придетъ время, сказалъ онъ, когда я явлюсь передъ Вѣной съ стотысячнымъ войскомъ

4

для защиты ея отъ нашествія русскихъ» [1]). А пока, говорилъ онъ, онъ не будетъ препятствовать Австріи принимать мѣры для своей безопасности и защиты своихъ интересовъ. Когда баронъ Винцентъ упомянулъ о Сербіи и Бѣлградѣ, ему было отвѣчено, что захватъ Австріей этой крайне важной области не будетъ встрѣченъ съ неудовольствіемъ; но такъ какъ существовали еще особыя причины щадить оттоманское самолюбіе, то Австріи не слѣдуетъ офиціально водворяться въ Бѣлградѣ: она могла бы проскользнуть туда путемъ обмана, переодѣвъ своихъ солдатъ турками или сербами [2]). На письмо императора Франца Наполеонъ отвѣтилъ письмомъ же, въ которомъ было сказано, «что русское могущество, основанное не на силѣ арміи, а на силѣ ея вліянія на ея единовѣрцевъ, приведетъ когда-нибудь къ скрѣпленію узъ между Австріей и Франціей» [3]).

Въ продолжительномъ разговорѣ, Талейранъ взялъ на себя трудъ выяснить эту фразу барону Винценту. Не переставая выражать пожеланія о сохраненіи Турціи, онъ сказалъ, что не отказывается предвидѣть тотъ случай, когда по общему соглашенію признаютъ, что Турція не можетъ долѣе существовать. Въ виду такого предположенія, онъ указалъ на необходимость сговориться теперь же, намекнулъ на требованія, которыя могла бы предъявить Австрія, далъ понять, что Франція расположена поддерживать ихъ, и что, въ этомъ отношеніи, слова императора должны быть разсматриваемы, какъ поощреніе. «Я далъ замѣтить барону Винценту, писалъ онъ Андреосси, что письмо императора Наполеона болѣе входитъ въ существо вопросовъ, которые интересуютъ оба правительства, чѣмъ письмо Австрійскаго императора. Я настаивалъ на этомъ замѣчаніи, потому что первое слово барона Винцента было, что мы не идемъ имъ навстрѣчу, а остаемся позади. Внимательное чтеніе письма императора Наполеона доказало противное. По-просту говоря, оно даже поставило насъ въ положеніе двухъ лицъ, когда при встрѣчѣ первый едва киваетъ головой, а второй уже сдѣлалъ два шага впередъ. Несомнѣнно, второй лучше выразилъ намѣреніе и желаніе сблизиться».

[1]) Beer, Zehn Jahre oesterreichischer Politik, 268.
[2]) Id.,
[3]) Corresp., 11670.

«По тщательномъ и всестороннемъ разсмотрѣніи обоихъ писемъ въ указанномъ смыслѣ, я сказалъ барону Винценту, что политика императора не похожа на политику Вѣнскаго кабинета; она не мѣняется сообразно обстоятельствамъ; она однообразна и устойчива. Вѣнскій же дворъ, наоборотъ, послѣ разговоровъ о союзѣ, тотчасъ-же отдалилъ его осуществленіе, создавая несуществующія препятствія изъ войны, возгорѣвшейся между Франціей и Пруссіей. Я добавилъ, что Императоръ ради болѣе тѣснаго сближенія между обѣими имперіями упорно преслѣдуетъ намѣренія, о которыхъ заявилъ. Я пошелъ даже еще далѣе. Я далъ понять барону Винценту, что именно дѣла Оттоманской имперіи и составляютъ истинную причину нынѣшнихъ затрудненій. Я предложилъ ему составить на всякій случай договоръ, предметомъ котораго было бы гарантировать независимость и неприкосновенность Турецкой имперіи, если бы оказалось средство сохранить ее, или же сговориться и придти къ соглашенію по поводу того, какъ поступить въ интересахъ обоихъ государствъ съ ея остатками, если бы было доказано, что нельзя сохранить ее въ цѣлости, подобно тому, какъ нельзя починить разбитое вдребезги зеркало» [1]).

Это важное сообщеніе застало Вѣнскій дворъ подъ впечатлѣніемъ послѣднихъ военныхъ событій. Русскіе бюллетени существенно извратили ихъ значеніе. Изъ почетныхъ сраженій они создали выдающіеся успѣхи; по поводу Пултуска они пѣли побѣдные гимны. Эти неожиданныя извѣстія вызвали въ Вѣнѣ взрывъ радости и воинственный задоръ. Сторонники войны подняли голову, доказывали, что Наполеонъ почти побѣжденъ, и что насталъ благопріятный моментъ довершить его пораженіе. Императоръ сталъ менѣе робкимъ, эрцгерцогъ Карлъ, видимо, колебался. Поццо возымѣлъ надежду и возобновилъ свои усилія. Хотя кабинетъ не поддавался еще общему увлеченію, но испытывалъ величайшее желаніе отдаться ему. Въ силу этого онъ вынужденъ былъ болѣе чѣмъ когда-либо избѣгать входить съ нами въ какія бы то ни было обязательства и, не прекращая переговоровъ съ нами, откладывать свое рѣшеніе. Онъ отвѣтилъ на наши новыя предложенія канцелярскимъ слогомъ. Стадіонъ со-

[1]) Талейранъ къ Андреосси, 24 января 1807 года. Cf. la lettre de Talleyrand á Napoléon, du 4 avril 1807. P. Bertrand; 410.

ставилъ туманную запутанную ноту, въ которой мысль скрывалась подъ искусными недомолвками. Однако можно было разобрать въ ней теорію, на почвѣ которой Австрія, повидимому, устанавливала свой взглядъ на дѣла Востока; въ принципѣ она ничего не желаетъ, ничего не требуетъ и вмѣшается только въ томъ случаѣ, если расширеніе другихъ государствъ заставитъ ее потребовать компенсаціи и возстановить равновѣсіе; пока же она отказывалась отъ предъявленія какого бы то ни было требованія и уклонялась отъ всякаго почина [1]).

Австрійская нота не застала уже Наполеона въ Варшавѣ; ее должны были направить на биваки на нижней Вислѣ, и она дошла по назначенію только послѣ большого военнаго дѣла. Внезапное вторженіе русскихъ по направленію къ Торну и Данцигу заставило императора сняться съ зимнихъ квартиръ и снова выступить въ походъ. Нападая на его лѣвое крыло, враги подставили ему флангъ. Онъ надѣялся воспользоваться ихъ неосторожностью и нанести имъ пораженіе. Неожиданное обстоятельство—перехваченный приказъ, разрушило его планъ. Во-время предупрежденный, Беннигсенъ прекратилъ свое движеніе и съ боемъ отступилъ. Такъ какъ наши войска упорно его преслѣдовали, онъ сталъ фронтомъ къ Кенигсбергу и рискнулъ дать сраженіе: то было Эйлау. Въ этотъ день, когда бой достигъ небывалыхъ ужасовъ, когда двѣ арміи, не видя другъ друга, благодаря сумрачной погодѣ и густой пеленой валившему снѣгу, взаимно истребляли другъ друга и безрезультатно совершали чудеса героизма, Наполеонъ испыталъ очень тяжелое чувство, чувство сознанія, что его счастье колеблется. Послѣ двѣнадцатичасовой рѣзни, непріятель едва подался. Только разсвѣтъ другого дня освѣтилъ покинутыя имъ позиціи, и показалъ, что поле битвы осталось за нами. Привыкнувъ къ побѣдамъ иного рода, Великая Армія безмолвно подсчитывала свои потери. Несмотря на вѣру въ себя и своего вождя, ее угнетала мучительная тоска. Окружающіе Наполеона нисколько не заблуждались относительно возрастающей опасности; они взвѣшивали впечатлѣніе, какое произведетъ на Европу этотъ смертоносный и нерѣшительный день и сознавали, что наступило время, благопріятное для предательскихъ нападеній. Не зная тайныхъ переговоровъ, начатыхъ съ Австріей, каждый спрашивалъ

1. Archives des affaires étrangères, Vienne, 380.

себя, не нападетъ-ли на нашъ тылъ этотъ плохо замиренный врагъ. Во время сраженія, швейцарецъ Жомини, служившій въ нашихъ рядахъ, но слѣдившій за перемѣнами битвы съ равнодушіемъ иностранца, видя какъ наши колонны таяли подъ огнемъ, а русскіе, оставаясь неподвижными, не пользовались своимъ выгоднымъ положеніемъ, воскликнулъ: «Ахъ! если бы я былъ Беннигсенъ!». Вечеромъ же на бивакѣ онъ сказалъ: «Ахъ! если бы я былъ эрцгерцогъ Карлъ!».

Въ этомъ критическомъ положеніи Наполеонъ былъ вѣренъ самому себѣ; дѣятеленъ, изобрѣтателенъ, полонъ душевной силы и находчивости. Сдѣлавъ видъ, что преслѣдуетъ непріятеля и нѣсколькими переходами впередъ скорѣе провозгласивъ, чѣмъ доказавъ свою побѣду, онъ отступилъ на Вислу и занялъ оборонительную позицію. Въ то же время, чтобы обезпечить свой тылъ, онъ торопитъ осадой Данцига и призываетъ къ себѣ резервы. Одновременно онъ повсюду начинаетъ вести переговоры. Не чувствуя себя самымъ сильнымъ, онъ хочетъ быть самымъ искуснымъ; онъ хочетъ путемъ переговоровъ добиться побѣды, которой до сихъ поръ не дала ему война. Онъ дѣлаетъ множество попытокъ, чтобы разъединить своихъ явныхъ и тайныхъ враговъ, сблизиться съ кѣмъ-либо изъ нихъ и предупредить угрожающую ему коалицію. Онъ надѣется подобнымъ способомъ снова овладѣть и управлять фортуной.

Все еще ожидая, но не получая отвѣта Австріи, онъ сперва обращается къ Пруссіи. Черезъ шесть дней послѣ сраженія, онъ посылаетъ своего флигель-адъютанта, генерала Бертрана, къ Фридриху-Вильгельму съ новымъ предложеніемъ возвратить ему его владѣнія, лишь бы онъ согласился отдѣлиться отъ Россіи и примкнуть къ нашей политической системѣ. «Нужно дѣйствовать, говорилось въ инструкціяхъ генералу Бертрану, то суровостью, то кротостью» [1]); нужно дать почувствовать Бранденбургскому дому возможность лишенія престола и полнаго уничтоженія Пруссіи, но при этомъ указать, что для него существуетъ средство спасенія, и что оно состоитъ въ томъ, чтобы броситься въ наши объятія и договориться съ нами о «вѣчной дружбѣ» [2]). Подъ страхомъ гибели Пруссія должна принять нашъ союзъ. Но

---

1) Corresp., 11810.
2) Id.

не смущаясь угрозами, не уступая убѣжденіямъ, Фридрихъ-Вильгельмъ отказался покинуть своихъ союзниковъ. Офицеръ, которому было поручено отвезти его отвѣтъ, замѣтилъ, что императоръ, читая его, плохо скрывалъ свое нетерпѣніе и озабоченность. «У него былъ видъ человѣка, писалъ онъ, умъ котораго ужасно встревоженъ, что дѣлало его разсѣяннымъ и заставляло часто повторять одно и то же» [1]).

Спустя нѣсколько дней Наполеонъ получилъ, наконецъ, австрійскую ноту. Онъ ее прочелъ, перечелъ, но тщетно старался уловить мысль, которая была скрыта въ умышленно-неясно составленномъ текстѣ. «Я ничего въ ней не понимаю,—нетерпѣливо писалъ онъ Талейрану,—не знаю, какой отвѣтъ вамъ дать... Чего хочетъ Австрійскій домъ? Не знаю. Хочетъ ли онъ вести переговоры, чтобы гарантировать неприкосновенность Турціи? Я на это согласенъ. Хочетъ ли онъ договора, согласно которому оба государства дѣйствовали бы за-одно для полученія соотвѣтствующаго вознагражденія въ томъ случаѣ, если бы Россія вознамѣрилась усилить свое вліяніе или получить земельное приращеніе въ Турціи? Это—можетъ еще состояться. Наконецъ, хочетъ ли Австрійскій домъ извлечь что-нибудь изъ этого дѣла? Хочетъ ли стать на сторону того, кто ему доставитъ выгоду? Чего хочетъ онъ? Я ровно ничего не понимаю» [2]). Тѣмъ не менѣе онъ приказалъ Талейрану продолжать переговоры съ барономъ Винцентомъ, постараться разгадать его мысли, въ случаѣ надобности увеличить наши предыдущія предложенія, дойти до предложенія части Силезіи безъ всякихъ условій; главная цѣль, которой нужно достигнуть, это продлить бездѣйствіе Австріи.

Хотя императоръ не теряетъ надежды на возможность поддерживать нерѣшительность Австрійскаго двора, онъ ничуть не дѣлаетъ себѣ иллюзій, если и допустить, что онъ когда-либо ихъ имѣлъ, относительно возможности заключить съ нимъ серьезный и прочный союзъ, найти въ Вѣнѣ свою точку опоры. Гдѣ же онъ ее найдетъ? Въ виду такой, все болѣе угрожающей ему, задачи, ему приходитъ на умъ новая мысль. Русская армія только что убила нѣсколько тысячъ его солдатъ и нѣкоторыхъ изъ лучшихъ его офицеровъ. Онъ страдалъ отъ жестокихъ потерь, искренно

[1]) Bailleu, II, 586—588.

[2]) Corresp., 11918.

оплакиваетъ героевъ и утрату столькихъ драгоцѣнныхъ жизней; но питаетъ ли онъ чувство мести къ виновнику всѣхъ этихъ золъ, возросъ ли его воинственный пылъ? Ничуть: онъ восхищается своимъ противникомъ. Онъ теперь совершенно вѣрно оцѣниваетъ Россію и думаетъ, что, если бы только ему удалось съ ней сблизиться, она могла бы—лучше чѣмъ какое-либо другое государство—помочь ему удержать Европу подъ своей властью и поднять ее противъ Англіи. Необычайное пониманіе своихъ выгодъ, то стремленіе къ истинно-полезному, которое, не препятствуя возникновенію въ его душѣ всякихъ другихъ чувствъ, подчиняетъ ихъ своей волѣ, внушаетъ ему желаніе завладѣть оружіемъ, которое его только-что ранило; и вотъ на другой день послѣ Эйлау въ его умѣ зарождается идея о франко-русскомъ союзѣ.

Но не мечта ли, не неуловимая ли химера этотъ союзъ? Какъ перейти отъ войны съ Россіей къ задушевной дружбѣ, отъ ожесточенной борьбы къ общему дѣлу? Правда, нѣкогда первый консулъ поддерживалъ съ царемъ Александромъ непосредственную, почти дружескую переписку. Замѣтивъ въ Александрѣ либеральныя и философскія идеи, которыми онъ отличался отъ другихъ государей своего времени, Бонапартъ старался льстить его стремленіямъ, ласкать его мечты. Одно время онъ думалъ, что можетъ нравственно овладѣть имъ и держать его въ своихъ рукахъ, но непостоянный и измѣнчивый Александръ выскользнулъ у него изъ рукъ, отдалился отъ него, и его систематическая непріязнь не прекращалась. Его протестъ противъ ареста герцога Энгіенскаго носилъ характеръ личнаго и несправедливаго оскорбленія. Лѣтомъ 1806 г. онъ отказался утвердить договоръ, заключенный въ Парижѣ Убри и нарушилъ подписанный уже миръ. Теперь онъ возбуждаетъ противъ насъ страсти своего народа и ничего не щадитъ, чтобы придать войнѣ національный и религіозный характеръ. Кромѣ того, его самолюбіе еще страдаетъ при воспоминаніи объ Аустерлицѣ. Послѣ этого дня, русскіе и ихъ государь, преслѣдуемые по пятамъ, потерявшіе голову, почти окруженные, были обязаны своимъ спасеніемъ только бѣгству, допущенному побѣдителемъ. Проститъ ли когда нибудь Александръ Наполеону эту милость, болѣе тягостную, чѣмъ само пораженіе. Допуская даже, что царь вполнѣ честно согласится сдѣлать попытку къ примиренію, надолго ли избавится этотъ государь съ впечатлительной душой, непостоянный въ своихъ завѣтныхъ мечтахъ, отъ .окружающихъ его вліяній? Не

его ли фавориты и личные друзья главные виновники коалиціи 1805 г.? Подлѣ него Франція видитъ только своихъ враговъ: императорская семья, министры, сановники, генералы, дворъ, дворянство, армія,—все подчиняется, все предано Англіи. По крайней мѣрѣ извѣстно, что Россія связана съ нашей соперницею самыми прочными узами, то есть матеріальнымъ интересомъ. Почти цѣлое столѣтіе, Великобританія, пріобрѣтя себѣ благодаря періодически-возобновляемымъ договорамъ, торговую монополію въ Россіи, покупаетъ ея произведенія, ввозитъ свои; торговля съ англичанами сдѣлалась необходимой для Россіи; это одна изъ ея жизненныхъ функцій; въ результатѣ между обоими государствами устойчивость дружескихъ отношеній, традиціонная дружба, рѣзко порвать которую, быть можетъ, совершенно не зависитъ отъ человѣческой воли, хотя бы то была воля самодержца. Будучи выбита изъ колеи, которую Россія считаетъ своимъ естественнымъ путемъ, она всегда будетъ чувствовать непреодолимое стремленіе снова войти въ нее, хотя бы цѣною сильнаго потрясенія, цѣною перемѣны царствованія; примѣръ въ прошломъ доказываетъ, что въ подобномъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго.

Въ это время власть царя, несмотря на свою деспотичность, не имѣла характера непреложной устойчивости, какой она, повидимому, сдѣлалась впослѣдствіи. Четыре дворцовыхъ и казарменныхъ переворота, совершившіеся на протяженіи шестидесяти лѣтъ, придали ей видъ власти неустойчивой, ненадежной, лишенной той прочности, которая создаетъ политическій кредитъ государствъ. «Въ Петербургѣ, говорилъ одинъ изъ нашихъ пословъ, государи болѣе чѣмъ гдѣ-либо стоятъ на вулканѣ»; [1]) неустойчивость правительства Россіи разсматривалась всѣми нашими государями, начиная съ Людовика XV до Наполеона, какъ одно изъ главныхъ препятствій къ союзу, и это было самой существенной чертой въ нашихъ прежнихъ отношеніяхъ съ ней. Въ 1807 г. Наполеонъ вспоминалъ 1801 г. Тогда, владѣя умомъ Павла, онъ уже видѣлъ въ Россіи орудіе, готовое къ его услугамъ, приготовился схватить его, какъ вдругъ исчезла власть, съ которой онъ велъ переговоры, и его рука попала въ пустое пространство. Воспоминаніе объ этомъ разочарованіи имѣло вліяніе на его суж-

[1]) Tratchevski, 501.

деніе о Россіи и заставляло его остерегаться возврата къ преждевременному довѣрію.

Тѣмъ не менѣе онъ задавалъ себѣ вопросъ, во всемъ ли похожа Россія 1807 г., съ которой онъ сражался, не зная ее, на Россію 1801 г .; не стала-ли власть царя болѣе серьезной, болѣе твердой, дѣйствительно властной. Съ другой стороны, не поспѣшатъ ли русскій государь и его министры, сами умудренные опытомъ, воспользоваться предложеннымъ имъ случаемъ скрѣпить выгодный миръ блестящимъ союзомъ. Развѣ нельзя будетъ представить имъ, что между обѣими имперіями нѣтъ никакого существеннаго различія интересовъ; что только требованія войны привели насъ къ непосредственному нападенію на Россію, заставили потревожить ее на ея границахъ и воскресить ея враговъ; что Польша и Турція представляютъ для насъ только относительную выгоду и потеряютъ въ нашихъ глазахъ свое значеніе, какъ только Россія согласится занять ихъ мѣсто, при чемъ она пріобрѣтетъ неоспоримо бо́льшія выгоды, вступивъ съ нами въ союзъ? Устоитъ ли предубѣжденіе царя противъ такой рѣчи, противъ дружескаго и чистосердечнаго объясненія? Не сумѣетъ ли Наполеонъ, путемъ личнаго воздѣйствія на Александра, снова сблизиться съ нимъ, измѣнить его взгляды и, овладѣвъ его мягкимъ характеромъ, придать ему иной отпечатокъ? Въ результатѣ своихъ размышленій, онъ склонялся къ попыткѣ создать франко-русскій союзъ, не переставая смотрѣть на него, какъ на рискованное предпріятіе. Онъ высказываетъ свою новую склонность и свои сомнѣнія въ фразѣ, написанной Талейрану 14 марта: «Я того мнѣнія, что союзъ съ Россіей былъ бы чрезвычайно выгоднымъ, если бы онъ не былъ чѣмъ-то несбыточнымъ, и если бы можно было на что-нибудь разсчитывать при ея дворѣ». [1])

Но какъ подойти къ Россіи съ миролюбивыми намѣреніями и вступить съ ней въ переговоры? Съ нѣкоторыхъ поръ переговоры велись французскимъ кабинетомъ съ Россіей и Пруссіей совмѣстно, но они не могли привести ни къ какому результату. Нужно было дѣйствовать какъ-разъ наоборотъ: слѣдовало прежде всего разобщить царя съ его союзниками и дѣйствовать на него непосредственно. Наполеонъ приказалъ начать переговоры съ Беннигсеномъ. Генералъ отвѣтилъ, что ему приказано сражаться, а не вести пере-

[1]) Corresp., 12028.

говоры [1]). Вынужденный прибѣгнуть къ окольнымъ путямъ, Наполеонъ приказалъ помѣстить въ газетахъ замѣтки о громадныхъ потеряхъ, понесенныхъ русскими, о варварствѣ продолжать борьбу безъ очевидной цѣли, о желанiи мира, пробуждавшемся въ армiи царя и въ Петербургѣ [2]). Онъ хотѣлъ воздѣйствовать на Александра путемъ общественнаго мнѣнiя и сверхъ того обратиться съ призывомъ къ нѣжнымъ чувствамъ человѣколюбиваго монарха. Черезъ двадцать дней послѣ Эйлау, въ замѣчательномъ бюллетенѣ, онъ возвращается къ тому же вопросу и усиленно подчеркиваетъ ужасное зрѣлище, какое представляло поле сраженiя. Въ продолженiе почти недѣли, онъ каждый день объѣзжалъ поле рѣзни, узнавалъ по наваленнымъ трупамъ, гдѣ стояли дивизiи, приказывалъ убирать раненыхъ, лежавшихъ на снѣгу, утѣшалъ ихъ чарующими словами, оказывалъ имъ помощь и благотворилъ,—словомъ велъ себя такъ, какъ самъ хотѣлъ, чтобы художники изобразили его для потомства [3]). Его душа была искренно взволнована при видѣ сценъ, въ которыхъ война была лишена своихъ прикрасъ, и казалась ужасной. Онъ старается передать испытанное имъ впечатлѣнiе. Въ бюллетенѣ онъ собираетъ поражающiя подробности, тщательно воспроизводитъ впечатлѣнiя, создаетъ картину: «Пусть представятъ себѣ на пространствѣ квадратной мили отъ девяти до десяти тысячъ труповъ, четыре или пять тысячъ убитыхъ лошадей, линiи русскихъ мѣшковъ обломки ружей и сабель, землю, усѣянную ядрами, гранатами, боевыми припасами, восемьдесятъ пушекъ, около которыхъ виднѣлись трупы наводчиковъ, убитыхъ въ ту минуту, когда они старались увезти свои орудiя. Все это особенно рѣзко выдѣлялось на бѣломъ фонѣ снѣга» [4]); описанiе оканчивается слѣдующими словами: «Такое зрѣлище создано для того, чтобы внушить государямъ любовь къ миру и отвращенiе къ войнѣ». Не былъ ли этотъ распространенный по всей Европѣ призывъ къ чувствамъ человѣколюбiя обращенъ исключительно къ главному противнику къ тому, который въ особенности несъ тягость борьбы и отвѣт-

---

[1]) Rambaud, 544.

[2]) Corresp., 11899.

[3]) На этотъ сюжетъ онъ назначилъ конкурсъ, почему и была написана Гросомъ его знаменитая картина

[4]) Пятьдесятъ первый бюллетень Великой Армiи.

ственность за нее, не былъ ли эйлаускій бюллетень первымъ предложеніемъ мира русскому императору?

Однако, прежде чѣмъ дать ходъ рискованному, сомнительному и въ настоящее время неосуществимому плану, Наполеонъ хотѣлъ окончательно убѣдиться, дѣйствительно ли потеряна всякая надежда на успѣхъ той комбинаціи, которой онъ добивался въ теченіе полугода. Въ послѣдній разъ онъ обратился къ Австріи съ требованіемъ, чтобы она высказалась откровенно. Это было спустя нѣсколько недѣль послѣ Эйлау. Великая армія возстановила уже свои силы, продовольствіе нашихъ войскъ было обезпечено; во Франціи шелъ рекрутскій наборъ, двѣ резервныя арміи были на пути къ формированію; въ Италіи на Эчѣ было собрано восемьдесятъ тысячъ человѣкъ, которые къ веснѣ должны были дойти до девяноста; они были готовы перейти границы по первому сигналу. Такое положеніе давало намъ преобладаніе надъ Австріей, позволяло императору говорить съ ней откровенно и властно. Онъ ничего не скрылъ отъ нея, далъ ясно понять свои мысли и показалъ вопросъ въ томъ видѣ, какъ онъ самъ его себѣ представлялъ. Онъ писалъ Талейрану: «Спокойствіе въ Европѣ будетъ прочнымъ только тогда, когда Франція и Австрія или Франція и Россія будутъ дѣйствовать за-одно. Я нѣсколько разъ предлагалъ это Австріи и предлагаю еще разъ. Вы можете сказать барону Винценту, что вы уполномочены подписать всякій, составленный на этихъ основаніяхъ, договоръ» [1]). Пусть же рѣшаются въ Вѣнѣ и пусть не заблуждаются относительно серьезности момента; дѣло идетъ о послѣднемъ предложеніи. Если и въ этотъ разъ будутъ уклоняться, императоръ рѣшилъ обезпечить себя въ иномъ мѣстѣ и искать себѣ будущаго союзника между теперешними врагами.

Въ это же время не менѣе замѣчательная перемѣна происходила въ Александрѣ, о чемъ Наполеону не было извѣстно. Потрясенный размѣрами, которые принимала борьба, не вполнѣ довѣряя бюллетенямъ Беннигсена, получая свѣдѣнія о продолжавшейся нерѣшительности австрійцевъ, царь сознавалъ, что ихъ трусливость держала его въ заколдованномъ кругу. Въ Вѣнѣ не хотѣли стать на его сторону прежде, чѣмъ русское оружіе не получитъ неоспоримаго преимущества, а Россія не въ силахъ была

---

[1]) Corresp., 11977.

окончательно взять верхъ безъ активной помощи Австріи. Допускало ли такое положеніе дѣлъ для кризиса иной исходъ, кромѣ сближенія съ Франціей въ ущербъ Европѣ? Правда, Александръ все еще съ нѣкоторымъ ужасомъ смотрѣлъ на эту крайнюю мѣру; онъ никакъ не могъ примириться съ необходимостью отдѣлиться отъ дѣла, въ которое, хотя временно, но горячо вѣрилъ; но онъ сознавалъ, что обстоятельства могли его къ этому принудить. Онъ указывалъ Австріи на тяготѣющую надъ будущимъ угрозу, съ цѣлью, если возможно, отвлечь ее «отъ проектовъ, основанныхъ на выжиданіи» [1]). Къ настойчивымъ просьбамъ, онъ присоединялъ предостереженія. Рѣчь Поццо въ Вѣнѣ была похожа на рѣчь, которую императоръ влагалъ въ уста Талейрана. 13 мая, въ разговорѣ съ Стадіономъ, русскій эмиссаръ объявилъ, «что естественный ходъ событій неизбѣжно приводитъ его государя къ принятію окончательнаго рѣшенія; что продолженіе войны потеряло всякое разумное основаніе, такъ какъ, съ одной стороны, Австрія упорно воздерживается отъ обѣщанія соединить свое оружіе съ оружіемъ Его Императорскаго Величества, а съ другой, Бонапартъ предлагаетъ для заключенія мира условія и выгоды, правда, не имѣющія никакого значенія для возстановленія общей независимости въ Европѣ, но вполнѣ отвѣчающія тѣмъ выгодамъ, которыхъ Его Императорское Величество можетъ вполнѣ основательно надѣяться достигнуть, если война будетъ прекращена въ данный моментъ; что, такъ какъ миръ будетъ заключенъ безъ участія Австріи, она будетъ исключена изъ новой политической системы и при томъ при условіяхъ, которыя она одна сдѣлала столь неблагопріятными; что всякое ея промедленіе лишено основанія и даже извиненія; тѣмъ болѣе, что если мы будемъ имѣть несчастье проиграть сраженіе, Вѣнскій дворъ еще болѣе испугается, и это будетъ величайшимъ несчастьемъ, ибо заставитъ насъ окончательно потерять надежду на его содѣйствіе» [2]).

---

[1]) Поццо къ Стадіону, 30 декабря 1806 г.—11 января 1807 г. Архивы Поццо ди Борго.

[2]) Поццо къ Будбергу, 18—30 марта 1807. Архивы Поццо ди Борго.

III.

Еще до полученія вышеупомянутыхъ настойчивыхъ требованій обоихъ императоровъ, даже до Эйлау, Австрія приняла рѣшеніе, которое могло привести ее въ соприкосновеніе съ событіями, не вмѣшивая ее въ нихъ и ни къ чему ее не обязывая. Она рѣшила предложить свое посредничество обѣимъ сторонамъ, оспаривающимъ другъ у друга ея союзъ. Сперва подъ сурдинку, потомъ въ офиціальныхъ выраженіяхъ, пустила она въ ходъ идею о созывѣ конгресса, на которомъ могли-бы сойтись подъ ея кровомъ всѣ воюющія стороны, включая и Англію.

Стадіонъ настойчиво совѣтовалъ эту мѣру и видѣлъ въ ней средство для Австріи безнаказанно вступить въ коалицію. Онъ говорилъ Поццо: «что послѣ того, какъ все было имъ испробовано, единственнымъ способомъ дѣйствія, съ которымъ могутъ примириться, несмотря на существующее здѣсь, т. е. между эрцгерцогомъ и императоромъ, разногласіе, была принятая имъ мѣра, т. е. предложеніе посредничества и желаніе вмѣшаться въ дѣла подъ предлогомъ примиренія сторонъ; единственнымъ средствомъ заставить императора и эрцгерцога принять участіе въ войнѣ, былъ бы или отказъ Бонапарта согласиться на общіе переговоры, или непредвидѣнныя обстоятельства, которыя могли случиться во время самихъ переговоровъ» [1]). Въ первомъ случаѣ отказъ императора французовъ далъ бы противъ него рѣшительный аргументъ; во второмъ, во время общихъ преній, Австрія поневолѣ должна будетъ присоединиться къ требованіямъ нашихъ противниковъ и прибавить къ нимъ свои собственныя. Вмѣшиваясь мало-по-малу, она незамѣтно перейдетъ отъ посредничества къ войнѣ. Стадіонъ предлагалъ теперь же собрать всѣ военныя силы монархіи, придвинуть ихъ къ границѣ Польши и на всякій случай держать ихъ наготовѣ. Онъ мечталъ о роли, которую предназначено было съ успѣхомъ сыграть одному изъ его преемниковъ въ 1813 г. и Прага, указанная въ австрійскихъ нотахъ какъ мѣсто будущаго конгресса, окончательно устанавливаетъ аналогію двухъ эпохъ. Правда, императоръ Францъ, сдерживаемый

---

[1]) Поццо къ Будбергу, 14—26 января 1807 г. Архивы Поццо ди Борго.

эрцгерцогомъ Карломъ, «который былъ душою партіи, стоявшей за невмѣшательство имперіи» [1]) не допускалъ плана министра во всей его полнотѣ. Позволяя вовлекать себя въ войну вовсе не имѣя хладнокровно-обдуманнаго рѣшенія вести ее, онъ отказывался поддержать вмѣшательство въ пользу мира мобилизаціей значительныхъ боевыхъ силъ. Когда онъ предлагалъ свои добрыя услуги, его ближайшей цѣлью было, главнымъ образомъ, помѣшать, чтобы Россія и Пруссія не начали непосредственныхъ переговоровъ съ Франціей и добиться, чтобы Австрія не была исключена изъ переговоровъ и мирныхъ условій, которымъ суждено было вновь установить судьбу Европы. Тогда Вѣнскій дворъ, присутствуя при переговорахъ, могъ бы защищать свои интересы, могъ бы заставить заплатить себѣ за услуги; можетъ быть, ему удалось бы, не обнажая меча, поправить свои дѣла послѣ потерь, которыя онъ понесъ благодаря своимъ неудачамъ. Во всякомъ случаѣ, его новая роль давала ему предлогъ для продленія его военной бездѣятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ средство своевременно выдти изъ нея. Въ избранномъ имъ выжидательномъ положеніи ему было бы легче слѣдить за развязкой кризиса, примѣняться къ его оборотамъ то въ Польшѣ, то въ Турціи, ибо столкновеніе, вызванное русскими на Дунаѣ, продолжало его безпокоить. Эта несносная заноза еще болѣе затрудняла его движенія [2]).

Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль Вѣнскій дворъ думалъ, что съ этой стороны скоро прекратятся всѣ хлопоты. Повидимому подъ сильнымъ давленіемъ Англіи, русско-турецкая распря стала на путь къ прекращенію. Англійскій посланникъ въ Константинополѣ сэръ Арбьютнотъ, тщетно старавшійся своими увѣщаніями остановить военныя мѣропріятія Дивана, отправился, какъ за послѣднимъ аргументомъ, за британскимъ флотомъ, который крейсировалъ въ Архипелагѣ. Возвратясь съ нимъ, онъ провелъ его чрезъ Дарданельскій проливъ, поставилъ въ Мраморномъ морѣ противъ Константинополя, и, съ высоты англійскихъ трехдечныхъ кораблей, требовалъ чтобы Диванъ отказался отъ всего, что онъ сдѣлалъ: отвергъ французскій союзъ, прогналъ Себастіани, возобновилъ свои договоры съ Россіей, выдалъ въ залогъ

---

[1]) Id. 14—26 декабря 1806 г.

[2]) Поццо къ Будбергу, 14—26 января, 22 февраля—4 марта, 8—20 марта 1807 г. Beer, Zehn Iahre oesterreichischer Politik. 270—283.

крѣпости на проливѣ и оттоманскій флотъ. Угроза бомбардировкой сопровождала его требованія. Если бы Порта уступила, положеніе дѣлъ на Востокѣ осталось бы такимъ же, какъ было раньше и было бы устранено всякое предположеніе о территоріальной передѣлкѣ; Россія, удовлетворенная возстановленіемъ своего вліянія на оттоманское правительство, вывела бы свои войска изъ Княжествъ, и Австрія, освобожденная отъ безпокойнаго русскаго сосѣдства, была бы менѣе стѣснена и выступила бы въ защиту дѣлъ коалиціи.

Никто въ Европѣ, даже Наполеонъ, не вѣрилъ въ сопротивленіе Турціи. До такой степени привыкли видѣть какъ она сгибается подъ малѣйшимъ ударомъ, что ея стойкость должна была казаться невѣроятной, чѣмъ то въ родѣ чуда. Имя Наполеона и усердіе его агентовъ сотворили это чудо. Вѣря въ покровительство великаго императора, турки не захотѣли обмануть довѣріе такого союзника. Они выслушали совѣты Себастіани, а членъ посольства Руфинъ доказалъ имъ, что опасность была скорѣе кажущейся, чѣмъ дѣйствительной, что всякое сопротивленіе смутитъ нападающаго, что лучшій способъ избѣгнуть сраженія,—это самому его предложить. Они вступили въ переговоры, но только для того, чтобы выиграть время для вооруженія. По совѣту и подъ руководствомъ нашего посланника, Константинополь былъ окруженъ на-скоро устроенными укрѣпленіями и усѣянъ баттареями; затѣмъ, прервавъ переговоры и выставивъ жерла трехъ сотъ артиллерійскихъ орудій, Турція явилась готовой принять бой. Арбьютнотъ и адмиралъ Дьюквортъ, которые пришли для угрозы, а не для военныхъ дѣйствій, не рѣшились перейти отъ демонстраціи къ нападенію. Къ тому же успѣхъ нападенія сдѣлался чрезвычайно сомнительнымъ, и сверхъ того было неизвѣстно, слѣдовало ли Англіи безповоротно ссориться съ Турціей, нападая на ея столицу? Флотъ удалился и снова прошелъ Дарданеллы. При отступленіи онъ пострадалъ отъ навѣснаго огня турецкихъ баттарей [1]). Неуспѣхъ этой попытки отозвался во всей Европѣ. Разочарованіе въ Вѣнѣ было не менѣе сильно, чѣмъ въ Петербургѣ

[1]) Объ угрозѣ англичанъ Константинополю см. Iuchereau de Saint-Denys Revolutions de Constantinople en 1807 et 1808, I 59-93 и Armand Lefebvre, Histoire des cabinets de l'Europe pendant le Consulat et l' Empire, III, 45—56.

и Лондонѣ. Восточный вопросъ, который считали почти назрѣвшимъ, остался открытымъ. Австрія увидала въ этомъ одной причиной болѣе для того, чтобы ничего не ускорять и придерживаться системы постепеннаго вмѣшательства, которую она медленно себѣ созидала.

Наполеонъ взглянулъ на ея посредничество неодобрительно. Онъ понялъ, что конгрессъ сблизитъ нашихъ враговъ и подготовитъ между ними новое соглашеніе; что это будетъ совѣщательная коалиція, чтобы затѣмъ превратиться въ активную. Однако, вѣрный своему принципу никогда не отвергать мирныхъ предложеній, и не желая дать Австріи повода къ разрыву, онъ принялъ въ принципѣ предложенія Австрійскаго двора, какъ только они были ясно изложены. Но онъ предписалъ Талейрану выиграть время и затянуть предварительныя пренія. Главнымъ образомъ онъ хотѣлъ удержать за собой рѣшеніе вопроса о времени прекращенія военныхъ дѣйствій, и установить свое рѣшеніе по этому вопросу только въ зависимости отъ обстоятельствъ. Въ мартѣ, послѣ Эйлау, онъ, видимо, желалъ перемирія; въ маѣ онъ стремился его отложить[1]). Къ этому времени палъ Данцигъ; Висла, окончательно очищенная врагами, обезпечила нашу операціонную базу; наступившая весна согрѣла мерзлую почву Польши и давала арміямъ возможность свободно маневрировать. Пока Европа собиралась бы на конгрессъ, Наполеонъ надѣялся предписать рѣшеніе остріемъ своей шпаги, заставить одну изъ воюющихъ сторонъ принять миръ вмѣстѣ съ союзомъ и разрубить узелъ коалиціи, не давая ему времени затянуться. По мѣрѣ того, какъ намѣренія Австріи дѣлались болѣе двусмысленными, онъ настойчивѣе предавался мысли о сближеніи съ Россіей, разсчитывая, что одна большая побѣда доставитъ ему къ этому случай, на нѣкоторое время прекратитъ борьбу и вызоветъ у враговъ упадокъ духа, которымъ наша политика сумѣетъ воспользоваться.

Россія и Пруссія приняли австрійское посредничество, но неохотно. Оба государства, которыя вовсе не просили отъ Вѣнскаго двора содѣйствія для заключенія мира, прибѣгли къ оговоркамъ. Пруссія ставила свое окончательное согласіе въ зависи-

---

[1]) Объ этихъ переговорахъ см. переписку Наполеона съ Талейраномъ (мартъ— май 1807 г.) Письма императора находятся въ томахъ XIV и XV. Correspondance; письма министра въ сочиненіи M. Bertrand.

мость отъ согласія Англіи, Россія—отъ знанія тѣхъ основъ, на которыхъ Наполеонъ согласился бы вести переговоры. Къ тому же, переговоры, которые продолжались на аванпостахъ непосредственно между главной французской квартирой и враждебными правительствами, достигли нѣкотораго результата, который дѣлалъ ненужнымъ посредничество Австріи. Съ той и другой стороны принципъ конгресса былъ принятъ; даже сговорились по нѣкоторымъ предварительнымъ вопросамъ. Такъ, съѣздъ уполномоченныхъ долженъ былъ состояться въ Копенгагенѣ; наши союзники, Испанія и Турція, должны были быть приглашенными на конгрессъ. За основу переговоровъ Наполеонъ предлагалъ принять систему вознагражденій изъ общей суммы завоеваній, сдѣланныхъ государствами, входящими въ составъ обѣихъ воюющихъ сторонъ. Это позволяло намъ вернуть наши колоніи и заставить отдать Портѣ Княжества, въ обмѣнъ за равную часть прусскихъ земель. Россія и Пруссія, повидимому, соглашались съ этимъ принципомъ; отвѣтъ Англіи заставлялъ себя ждать, но не могъ задержаться.

Въ виду такихъ благопріятныхъ признаковъ Талейранъ не терялъ надежды на всеобщій миръ. Онъ предпочиталъ такое, конечно, въ принципѣ, наилучшее рѣшеніе тому, которое Наполеонъ считалъ единственно-практичнымъ, той изолированной сдачѣ на капитуляцію, «миру на барабанѣ», по выраженію Поццо [1]), который Наполеонъ хотѣлъ вырвать у одного изъ своихъ противниковъ. По этому вопросу между государемъ и министромъ существовало характерное несходство во взглядахъ, что видно изъ несомнѣнныхъ документовъ. 4 іюня Талейранъ приказываетъ составить для императора докладъ о состояніи переговоровъ. Черновикъ, испещренный помарками и примѣчаніями министра, доказываетъ, что онъ его тщательно обдумывалъ; онъ въ немногихъ словахъ излагаетъ положеніе дѣлъ и выставляетъ ихъ въ выгодномъ свѣтѣ. Онъ искусно выводитъ причины, которыя заставляютъ его вѣрить въ податливость различныхъ дворовъ. Въ Лондонѣ только что произошла перемѣна министерства; новый кабинетъ, руководимый Каннингомъ и Кестлери, опираясь на искусственное большинство, не пользуясь довѣріемъ общественнаго мнѣнія, долженъ желать преподнести англійскому народу миръ съ Франціей, какъ благодарную дань за оказанное довѣріе. Пруссія въ томъ положе-

[1]) Архивы Поццо ди Борго.

ніи, въ какое поставили ее наши побѣды, приметъ, какъ спасеніе, всякую мирную сдѣлку, какова бы она ни была. Россія не желаетъ ничего лучшаго, какъ только, безъ существенныхъ жертвъ, избавиться отъ войны, которая пожираетъ ея арміи и истощаетъ ея казну. Императору остается только допустить государства къ себѣ и принять изъявленія ихъ преданности; онъ можетъ ждать мира, не завоевывая его на полѣ битвы. Чувствуется, какъ у Талейрана проглядываетъ опасеніе, какъ-бы, въ случаѣ болѣе рѣшительнаго, чѣмъ въ бывшихъ до сихъ поръ сраженіяхъ, успѣха императоръ не сдѣлался болѣе упорнымъ, болѣе требовательнымъ и не отдалилъ всеобщаго умиротворенія. Министръ, какъ несчастья, боится болѣе рѣшительнаго торжества нашего оружія. Съ особыми предосторожностями, ласковымъ и льстивымъ тономъ, старается онъ сдержать Наполеона и совѣтуетъ ему не одерживать побѣдъ. Указавъ на выжидательный способъ, который, по его мнѣнію, долженъ привести къ соглашенію, онъ прибавляетъ: «Въ настоящее время нѣтъ болѣе краткаго пути для достиженія мира, если только Ваше Величество не ускоритъ его, какъ это ему свойственно, новой побѣдой. Но вы, Ваше Величество, предпочтете получить его болѣе мягкими, хотя, быть можетъ, и болѣе медленными путями, но которые зато дадутъ и болѣе полный и болѣе вѣрный результатъ. И въ самомъ дѣлѣ, если Пруссія и Россія вынуждены будутъ заключить миръ однѣ, не имѣя возможности упрекнуть Англію за то, что она ихъ покинула, Англія сохранитъ на нихъ цѣликомъ свое вліяніе. Тогда она пріобрѣтетъ возможность заключить отдѣльный миръ, съ меньшими жертвами и, слѣдовательно, менѣе выгодный для насъ, или, если она будетъ продолжать войну при новыхъ условіяхъ, она еще можетъ надѣяться найти союзниковъ на континентѣ» [1]).

Это разсужденіе было бы безукоризненнымъ, если бы Англія была намѣрена уступить, если бы Россія и Пруссія были искренни въ своихъ увѣреніяхъ и были склонны подписать пріемлемый Наполеономъ миръ, т. е., договоръ, который касался бы только результатовъ настоящей кампаніи, не возбуждая вопроса о томъ, что Франція пріобрѣла пятнадцатью годами борьбы и героизма. Къ

[1]) Въ Archives des affaires étrangères (Prusse, v. 240) хранится только черновикъ этого документа. Нельзя сказать, былъ ли онъ представленъ императору. Черновикъ, тѣмъ не менѣе, указываетъ на тенденціи министра.

несчастью, это было не такъ. Когда императоръ считалъ, что прежде всего необходимо побѣдить, повалить одного изъ своихъ противниковъ, чтобы затѣмъ уже поднять его и привязать къ себѣ, онъ лучше, чѣмъ министръ, разгадалъ умыселъ государствъ и ихъ упорное вѣроломство: Талейранъ былъ правъ въ теоріи, Наполеонъ на дѣлѣ. Даже въ это самое время, коалиція, вовсе не желая,—несмотря на свои заявленія,—вести переговоры, тайно поклялась быть несговорчивой и сложить оружіе только послѣ того, какъ со всѣхъ сторонъ будетъ урѣзано императорское могущество. Пруссія, жаждавшая мщенія, оставалась душой составленной противъ насъ лиги, Россія же все время служила орудіемъ.

Прежде чѣмъ отдаться идеямъ о мирѣ, которыя отъ времени до времени искушали Александра I-го, онъ изъ щепетильнаго рыцарскаго чувства чести рѣшился сдѣлать послѣднее усиліе. Онъ прибылъ въ армію, имѣлъ свиданіе съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ и королевой Луизой, уступилъ ихъ неотступнымъ просьбамъ и 26 апрѣля, въ деревнѣ Бартенштейнъ, между Россіей и Пруссіей состоялся новый договоръ. Оба государства заключили болѣе тѣсный союзъ и обязались никогда не вести переговоровъ одно безъ другого. Съ рыцарскимъ безкорыстіемъ Александръ отказался отъ всякаго территоріальнаго притязанія и призналъ принципъ оттоманской неприкосновенности; заботясь только о своихъ союзникахъ, онъ обѣщалъ Пруссіи не только возвратить ей все, что она потеряла, но и «округленіе» и улучшеніе ея границъ. Онъ обѣщалъ, что Рейнская конфедерація будетъ уничтожена, что Германія будетъ изъята изъ-подъ нашего вліянія и подъ руководствомъ Пруссіи и Австріи будетъ устроена по новому образцу; что Италія будетъ передѣлана по соглашенію съ дворами Лондона и Вѣны, и что, во всякомъ случаѣ, она должна будетъ возвратить Тироль и линію Минчіо. Такимъ образомъ разговоръ шелъ о томъ, чтобы вычеркнуть изъ исторіи не только результаты Іены, но и Ульма и Аустерлица [1]).

Наполеонъ никогда не принялъ бы такихъ условій. Поставить ихъ значило бы снова объявить ему войну. Расширивъ такимъ образомъ вопросъ, составивъ первый списокъ европейскихъ требованій, который впослѣдствіи могъ бы быть продолженъ, Александръ и Фридрихъ-Вильгельмъ надѣялись втянуть въ свое дѣло

[1]) См. текстъ договора у Garden, Recueil des traités de paix, X, 407

всѣ государства. Договоръ надлежало представить къ подписи дворовъ Стокгольма, Лондона и Вѣны. По мысли его авторовъ его главной цѣлью было понудить къ дѣятельному содѣйствію Англію, которая заставляла ждать обѣщанную ею помощь людьми и деньгами, и вывести изъ нерѣшительности Австрію. Русскіе и прусскіе агенты въ Вѣнѣ стали еще назойливѣе; съ новымъ текстомъ въ рукахъ, они до извѣстной степени обусловливали принятіе посредничества Австріи ея вступленіемъ въ бартенштейнское соглашеніе. Они соглашались вести переговоры при ея посредничествѣ только при условіи, что она заранѣе присоединится къ нимъ, будетъ дѣйствовать во время преній въ ихъ пользу и обяжется начать войну послѣ подобія переговоровъ. Апрѣльскій договоръ былъ послѣдней попыткой пересоздать, увеличить, укрѣпить коалицію и выставить противъ Наполеона на будущемъ конгрессѣ предварительное соглашеніе всѣхъ государствъ, назначеніемъ котораго было подготовить возобновленіе общихъ враждебныхъ дѣйствій.

Медлительность Австріи и военный геній Наполеона разрушили эти планы. Вмѣсто того, чтобы согласиться на бартенштейнскій актъ, императоръ Францъ послалъ въ главную квартиру союзниковъ генерала Стутергейма, уполномоченнаго подать надежду на его согласіе. Стутергеймъ не успѣлъ еще покинуть Вѣны, когда по всей столицѣ разнеслась вѣсть о рѣшительномъ столкновеніи. Наполеону представился давно желанный случай одержать полную побѣду. Русскіе ускорили ее нѣсколькими днями, вторично перейдя въ наступленіе. Геройское сопротивленіе маршала Нея почти тотчасъ-же остановило ихъ и заставило отступить. Но за это время императоръ успѣлъ сосредоточить свои войска. Онъ напалъ на врага, нѣсколько разъ сразился съ нимъ, постоянно стараясь обойти и окружить его. Наконецъ 14 іюня, при Фридландѣ, онъ врасплохъ напалъ на него, когда тотъ сбился въ лощинѣ, прилегающей къ рѣкѣ Аль. Фридландъ былъ удачнымъ Эйлау, той безспорной побѣдой, за которой Наполеонъ гонялся уже шестой мѣсяцъ и которая дважды ускользала отъ него. Никакая тѣнь не омрачила блеска этого чуднаго дня, этого яснаго, свѣтлаго дня въ нашей исторіи. Счастливая звѣзда Наполеона выглянула изъ-за облаковъ, которыя на мгновеніе заволокли ее, и снова засіяла. Результаты были поражающіе: тридцать тысячъ русскихъ было убито, ранено

или взято въ плѣнъ; многочисленная артиллерія попала въ наши руки; Кенигсбергъ, арсеналъ коалиціи, открылъ ворота; прусскій король бѣжалъ въ Мемель; изъ всего его государства у него остался одинъ городъ. Благодаря той же побѣдѣ были разрушены враждебные планы Австріи, Германія была обуздана, на Югѣ было обезпечено послушаніе, Франція пріобрѣла увѣренность; вся Европа, послѣ кратковременнаго сомнѣнія, снова повѣрила въ роковое постоянство нашихъ успѣховъ и признала Наполеона непобѣдимымъ.

Русская армія бѣжала въ страшномъ безпорядкѣ, потерявъ, вслѣдствіе жестокаго пораженія, способность къ сопротивленію. Всѣ позиціи, на которыхъ она могла бы остановиться и привести себя въ порядокъ, послѣдовательно отнимались отъ нея. Послѣ линіи Аля, были взяты линіи Прегеля и Нѣмана. Около Тильзита, расположеннаго на лѣвомъ берегу Нѣмана, принцъ Мюратъ и нашъ авангардъ увидѣли странное зрѣлище: орда варваровъ съ азіатскими лицами, калмыки и сибиряки, безъ ружей, окруживъ себя тучей стрѣлъ, кружились по равнинѣ и тщетно пугали насъ. Это была резервная армія, о которой объявляла во всеобщее свѣдѣніе Россія, и которую привелъ князь Лобановъ. Дивизія кирасиръ развернулась, напала на нее, — и авангардъ Азіи разсѣялся[1]). Наши войска вошли въ Тильзитъ, а непріятельская армія скрылась за рѣкой, подъ прикрытіемъ легкой кавалеріи.

15 іюня, на другой день послѣ Фридланда, отступившій къ русской границѣ Беннигсенъ написалъ царю письмо, въ которомъ давалъ отчетъ о своемъ пораженіи, и, чтобы остановить преслѣдованіе, указывалъ на настоятельную необходимость начать переговоры. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы сказать то, что онъ не смѣлъ написать, онъ обратился къ великому князю Константину, брату Александра, просилъ его поѣхать къ государю и представить ему положеніе дѣлъ въ истинномъ свѣтѣ: «Спросите его, сказалъ онъ, не хочетъ ли онъ остановить кровопролитіе; это не война, а настоящая бойня». Великій князь отвѣтилъ, что онъ передастъ точно эти слсва, но не пойдетъ далѣе: «Скажите ему все, что

---

[1]) Corresp. 12775. Mèmoires de Roustam, опубликованные въ Revue rètrospective, № 8—9.

хотите, сказалъ Беннигсенъ, лишь бы я могъ остановить рѣзню» [1]). Это значило признать невозможность продолжать войну, признать армію неспособной къ бою.

16 іюня императоръ Александръ отвѣтилъ Беннигсену суровымъ и скорбнымъ письмомъ. Онъ ставилъ ему въ упрекъ потерю великолѣпныхъ войскъ, безполезно принесенныхъ въ жертву, требовалъ вернуть ему его армію и въ заключеніе уполномочивалъ предложить перемиріе. Князь Лобановъ тотчасъ же отправился въ Тильзитъ, имѣя впереди себя парламентера. Огонь между аванпостами прекратился, и между двумя арміями установились сношенія.

Однако царь только съ болью въ сердцѣ мирился съ пріостановкой военныхъ дѣйствій, вынужденный необходимостью и не предрѣшая своихъ окончательныхъ рѣшеній. «Вы должны понять, писалъ онъ Беннигсену, чего мнѣ стоитъ принять это рѣшеніе» [2]). Онъ еще не допускалъ мысли, что необходимымъ слѣдствіемъ перемирія будетъ миръ, и желалъ, чтобы переговоры открылись только отъ имени главнокомандующаго, дабы никоимъ образомъ не обязывать правительства.

Между тѣмъ, все, что доходило до него со всѣхъ сторонъ, все, что онъ видѣлъ, заставило его лучше познакомиться съ размѣрами пораженія. Не было полка, который не понесъ бы тяжкихъ потерь и не былъ бы деморализованъ; въ нѣкоторыхъ потери доходили до четырехсотъ человѣкъ изъ пятисотъ двадцати. Дисциплина пропала, солдатъ не сражался, а грабилъ, даже на глазахъ самого императора. Сопротивленіе Россіи, до сихъ поръ непоколебимое, сразу было сломлено: стѣна превратилась въ прахъ. Изъ генераловъ одинъ Барклай-де-Толли говорилъ о продолженіи войны, о томъ, чтобы отступить и заманить непріятеля внутрь имперіи; другіе же пали духомъ, какъ это бываетъ съ самыми храбрыми на другой день послѣ большого, но безплоднаго, усилія. Среди окружающихъ царя шла усиленная работа, чтобы побудить его заключить миръ. Главнымъ и наиболѣе горячимъ дѣятелемъ въ пользу мира выступилъ великій князь Константинъ. Въ сильныхъ выраженіяхъ указывалъ онъ своему

---

[1]) Повѣренный въ дѣлахъ Лессепсъ къ министру иностранныхъ дѣлъ, 22 августа 1807 г. Источники см. въ Предисловіи.

[2]) Mémoires de Hardenberg, V, 516.

брату на необходимость положить конецъ войнѣ. Онъ разсказывалъ, что имѣлъ съ нимъ слѣдующій разговоръ: «Государь, если вы не хотите заключить мира съ Франціей, ну, что-же! дайте заряженный пистолетъ каждому изъ вашихъ солдатъ и скомандуйте имъ пустить себѣ пулю въ лобъ; вы получите тотъ же самый результатъ, какой вамъ дастъ новая и послѣдняя битва. Она неизбѣжно откроетъ настежь ворота въ вашу имперію испытаннымъ въ бояхъ и всегда побѣдоноснымъ французскимъ войскамъ» [1]). Министры не оспаривали этихъ мнѣній и наиболѣе враждебно относящіеся къ Франціи, какъ напримѣръ Будбергъ, совѣтовали начать переговоры. Тогда, видя кругомъ всеобщій упадокъ духа, видя, что у Россіи нѣтъ арміи, и что ея граница открыта, испуганный и потерявшій голову Александръ принялъ рѣшеніе, принялъ его всецѣло и безповоротно. Идя дальше даваемыхъ ему совѣтовъ, онъ отказался отъ политической системы, придерживаться которой до сихъ поръ считалъ вопросомъ чести и круто перешелъ изъ одной крайности въ другую. Примирившись послѣднимъ съ мыслью о заключеніи мира, онъ сильнѣе другихъ сталъ его желать. Съ этого времени онъ началъ проявлять удивительное нетерпѣніе войти въ непосредственныя сношенія съ Наполеономъ. Онъ вернулся назадъ и направился къ Тильзиту.

Въ деревнѣ Шавли онъ встрѣтилъ прусскій дворъ, который печально блуждалъ, состоя только изъ короля Фридриха-Вильгельма, его министра Гарденберга, нѣсколькихъ офицеровъ и чиновниковъ. Государи и министры составили совѣтъ; винили во всемъ Австрію и Англію, и съ перваго же слова пришли къ соглашенію о необходимости сговориться съ Франціей, не условившись пока относительно средствъ. Тѣмъ временемъ пришло извѣстіе о перемиріи, подписанномъ 22-го въ Тильзитѣ отъ имени Россіи. Эта была первая измѣна по отношенію къ Пруссіи, такъ какъ оба двора обязались въ Бартенштейнѣ никогда не разъединять ихъ судьбы. Россія поставила только одно условіе, чтобы въ теченіе пяти дней враждебныя дѣйствія между французами и пруссаками были прерваны для того, чтобы дать пруссакамъ время самимъ заключить перемиріе. Фридрихъ-Вильгельмъ тотчасъ же отправилъ въ Тильзитъ маршала Калькрейта, поручивъ ему уста-

[1]) Лессепсъ къ министру иностранныхъ дѣлъ, 22 августа 1807 г.

новить надлежащее положеніе. Но Александръ, не дожидаясь результатовъ этой попытки, опять пустился въ путь и продолжалъ приближаться къ Нѣману, увлекая за собой робко слѣдовавшій за нимъ прусскій дворъ; 23-го онъ былъ отъ рѣки немного менѣе, чѣмъ на одинъ день пути; 24-го на одну милю, почти въ виду аванпостовъ. Онъ, безъ остановки, мчался впередъ, какъ очарованный.

Правда, что каждый день, почти каждый часъ, доходили до него съ другого берега рѣки все болѣе ласковыя и ободряющія рѣчи. 19-го Наполеонъ поселился въ Тильзитѣ; враждебныя дѣйствія прекратились наканунѣ, и Лобановъ проговорилъ цѣлый часъ съ княземъ Невшательскимъ. На другой день послѣ пріѣзда, императоръ отправилъ фельдмаршала Дюрока повидаться и обстоятельно переговорить съ Беннигсеномъ. Кое-кто изъ французскихъ офицеровъ посѣтили русскую главную квартиру; Мюрату представился случай вступить въ разговоръ съ великимъ княземъ Константиномъ, который покорилъ его сердце, назвавъ его съ перваго слова высочествомъ. Французы разговаривали чрезвычайно любезно. При переговорахъ съ Россіей они дѣлали видъ, что ведутъ ихъ не съ побѣжденнымъ врагомъ, а съ заблуждавшимся другомъ, что дѣло идетъ только о томъ, чтобы вернуть его на истинный путь. Только благодаря такому обращенію, Александръ согласился на перемиріе отъ своего имени, не включивъ въ него Пруссіи, такъ же, какъ и на принципъ открытія мирныхъ переговоровъ «въ кратчайшій срокъ» [1]). Его отвѣтъ прибылъ 21-го вечеромъ въ главную квартиру, которой поручалось передать его въ Тильзитъ [2]). Но все же надежды царя не шли еще далѣе мира, обезпечивающаго неприкосновенность его имперіи: онъ готовъ былъ очистить княжества, отдать Іоническіе острова и надѣялся этой цѣной получить менѣе тяжелыя условія для Пруссіи [3]). Но вотъ князь Лобановъ, 22-го снова пріѣхавшій въ Тильзитъ для подписи перемирія, былъ принятъ императоромъ французовъ лично и принятъ милостиво. Императоръ приглашаетъ его къ своему столу, пьетъ за здоровье императора Александра,

[1]) Выраженія, которыя стоятъ въ актѣ о перемиріи.

[2]) Письма прусскаго офицера Шладенъ, Mémoires de Hardenberg, V, 518—521.

[3]) Письмо князя Куракина къ императрицѣ-матери. Tatistcheff, Nouvelle Revue отъ 1 іюня 1890 г.

и, начиная свою систему обольщенія, намекаетъ въ разговорѣ, что Висла могла бы быть естественной границею Россіи [1]). Наполеонъ, побѣдоносный и неотразимый, имѣлъ право во всемъ отказать Россіи, но онъ позволяетъ ей на многое надѣяться, лишь бы только сговориться одинъ-на-одинъ, не заботясь объ интересахъ, чуждыхъ обѣимъ имперіямъ. Правда, онъ еще не говоритъ о дружескомъ и непосредственномъ объясненіи между государями и не заговариваетъ о свиданіи. Предложивъ нѣкогда, наканунѣ Аустерлица, переговоры на аванпостахъ и не получивъ отвѣта на свое предложеніе, онъ считаетъ вопросомъ чести не повторять его теперь, предоставляя другимъ вызвать его на это. Онъ ограничивается тѣмъ, что старается привлечь къ себѣ Александра намеками и дѣлаетъ ему дружескіе знаки. Александръ не устоялъ. Движимый чрезмѣрнымъ любопытствомъ и надеждой, онъ отваживается на рѣшительный шагъ. 24-го Лобановъ снова отправляется въ Тильзитъ съ письменными инструкціями. Въ нихъ мы читаемъ слѣдующую неожиданную фразу, подписанную государемъ, который только-что въ продолженіе двухъ лѣтъ велъ войну съ нами: «Союзъ Россіи съ Франціей всегда былъ предметомъ моихъ желаній; я убѣжденъ, что только онъ можетъ обезпечить счастье и покой міра;» царь продолжаетъ: «Совсѣмъ новая политическая система должна замѣнить ту, которая существовала до сихъ поръ; я льщу себя надеждой, что мы легко сговоримся съ императоромъ Наполеономъ, *лишь бы мы вели переговоры безъ посредниковъ.*» [2]). Это значило предложить свиданіе. Наполеонъ не отказался, удвоилъ благосклонность къ Лобанову, надолго удержалъ его въ своемъ кабинетѣ, послалъ Дюрока привѣтствовать императора Александра, который подъѣхалъ совсѣмъ близко къ рѣкѣ и былъ виденъ французамъ. Во время поѣздокъ Лобанова и Дюрока были выработаны условія свиданія. Встрѣча должна была состояться на другой день 25-го, въ часъ дня, въ павильонѣ, построенномъ на рѣкѣ, раздѣляющей арміи [3]).

Въ теченіе времени, предшествовавшаго свиданію, Александръ и Наполеонъ получили отъ своихъ заграничныхъ агентовъ сооб-

[1]) Князь Лобановъ къ императору Александру, 22 іюня. Tatistcheff, oc. cit.

[2]) Tatistcheff, Ioc, cit.

[3]) Corresp. 12821—12827.

щенія, которыя окончательно подготовили ихъ рѣшенія. Александръ уже зналъ, что Англія не пожелала принять участія въ бартенштейнскомъ договорѣ; что она даже ставила препятствія гарантіи займа, заключеннаго Россіей для продолженія войны, что она считала такое помѣщеніе денегъ ненадежнымъ и требовала особыхъ выгодъ, которыя были бы пропорціональны предполагаемому риску. Немного позднѣе царь узналъ изъ обстоятельныхъ депешъ графа Разумовскаго, что надежду на содѣйствіе Франца I-го слѣдовало считать окончательно призрачной до тѣхъ поръ, пока сама Россія не рѣшитъ судьбу войны; что Австрія вмѣшается только при условіи обезпеченнаго успѣха. Такое торгашество съ одной стороны и эгоизмъ съ другой—усилили въ Александрѣ чувство досады и брезгливости, окончательно разсѣяли его сомнѣнія и почти совершенно оттолкнули отъ участія въ европейскихъ дѣлахъ. Можно ли было упрекать Россію въ измѣнѣ, въ какихъ бы рѣзкихъ формахъ она ни проявилась, разъ оставляли ее одну сражаться для спасенія всѣхъ остальныхъ? Развѣ можно было сѣтовать на то, что она, тщетно испытавъ всѣ средства, стала думать только о своей безопасности и собственныхъ интересахъ, стала заботиться о своей личной выгодѣ и предпочла великодушнаго врага безполезнымъ друзьямъ? Идя чистосердечно навстрѣчу Наполеону, она можетъ быть получитъ возможность воспользоваться тѣми благами, которыя онъ такъ великодушно расточалъ тѣмъ, кто умѣлъ его понять и ему служить. Благодаря такимъ соображеніямъ, мысль использовать необходимый миръ путемъ выгоднаго союза начала зрѣть въ умѣ Александра [1]).

Приблизительно въ то же время, 24-го днемъ, Наполеону были переданы два пакета, присланные изъ разныхъ мѣстъ. Въ первомъ была серія депешъ отъ генерала Андреосси: изъ нихъ было видно, что Австрія никогда серьезно не думала вести съ нами переговоровъ и ждала только безспорно-выгоднаго момента, чтобы «попытать счастья на полѣ сраженія» [2]). Второе сообщеніе было извѣстіемъ изъ Константинополя о революціи, вспыхнувшей въ этомъ городѣ 27-го мая, и о томъ, что янычары свергли съ пре-

[1]) Vassiltchikoff, IV, 367—381.
[2]) Corresp., 12813.

стола и зарѣзали Селима (этотъ фактъ былъ вымышленнымъ), и что въ Турціи царствуютъ безвластіе и смута.

Въ сообщеніяхъ Андреосси Наполеонъ нашелъ подтвержденіе своему недовѣрію къ Австріи и предубѣжденію противъ нея. Онъ еще рѣшительнѣе отстранился отъ нея и еще сильнѣе почувствовалъ желаніе обратиться къ Россіи съ предложеніями, которыми пренебрегли въ Вѣнѣ. Съ другой стороны, исчезновеніе со сцены Селима, единственнаго человѣка, который могъ бы оживить Турцію и заставить ее содѣйствовать нашимъ планамъ, лишало нашу политику точки опоры, которую она искала по ту сторону Дуная. Оно оправдывало нашу измѣну туркамъ, позволяло безъ сожалѣнія и угрызеніи совѣсти покинуть ихъ и за ихъ счетъ прибѣгнуть къ болѣе полезному союзу. Такимъ образомъ Востокъ оставался почвой и для соглашенія съ Россіей, какъ незадолго до этого былъ почвой для соглашенія съ Австріей. Но для переговоровъ съ Россіей слѣдовало стать на иную точку зрѣнія. Вмѣсто того, чтобы выдвигать принципъ оттоманской неприкосновенности и допускать раздѣлъ только, какъ вспомогательное средство, слѣдовало отнынѣ же поставить вопросъ о раздѣлѣ на первый планъ, подвергнуть его обсужденію и высказываться въ смыслѣ готовности его осуществить. Итакъ Наполеонъ готовъ лично вступить съ Александромъ въ переговоры, которые когда-то велись черезъ посредниковъ. Тильзиту суждено отмѣтить не полную перемѣну, а только новую эволюцію его политики, той гибкой политики, которая, послѣ длинныхъ обходовъ, возвращалась къ своей исходной точкѣ, которая съ изумительной подвижностью умѣла поворачиваться вокругъ своей оси и становиться въ прежнее положеніе по мѣрѣ того, какъ обстоятельства снова дѣлались тождественными, и которая всегда умѣла согласоваться съ событіями.

Правда, Наполеонъ не хотѣлъ преждевременно отказываться ни отъ одной изъ своихъ выгодъ, такъ какъ допускалъ возможность, что Александръ отклонитъ наши предложенія и увильнетъ отъ него; онъ допускалъ, что Россія вступаетъ въ переговоры только для того, чтобы выиграть время и собраться съ духомъ. Поэтому онъ приказалъ Себастіани войти въ сношенія съ новымъ оттоманскимъ правительствомъ, каково бы оно ни было, и поддерживать пылъ мусульманъ. «Если по прошествіи мѣсяца, приказалъ онъ написать посланнику, я замѣчу, что не хотятъ добросовѣстно вести переговоровъ, я перейду Нѣманъ, и мой союзъ съ

великимъ визиремъ будетъ быстро заключенъ» [1]). Тѣмъ не менѣе, сознавая, что едва оправившаяся отъ тревогъ Францiя жаждетъ покоя, чувствуя потребность показаться ей, видя передъ собой угрюмую и огромную имперiю съ ея теряющимися вдали горизонтами и не рѣшаясь забираться въ эту невѣдомую страну, онъ искренно желалъ, чтобы состоялось соглашенiе съ Александромъ и позволило ему упрочить будущее. Онъ желалъ этого соглашенiя вовсе не потому, чтобы вѣрилъ въ продолжительную солидарность интересовъ обѣихъ имперiй, не потому, чтобы желалъ, установивъ тотчасъ же рядъ взаимныхъ выгодъ, допустить, какъ непреложную систему, раздѣленiе власти и влiянiя между Францiей и Россiей для дружественнаго совмѣстнаго господства надъ мiромъ. Откровенно говоря, у него не было системы, а была цѣль: побѣдить Англiю и добиться мира. Изъ всѣхъ государствъ Россiя казалась ему наиболѣе подходящей для того, чтобы помочь ему въ его задачѣ. Она могла бы оказать ему содѣйствiе и благодаря ея географическому положенiю, одновременно контин-нтальному и морскому, и своей мощью и своими громадными средствами. Она дѣлалась его добычей благодаря своимъ теперешнимъ военнымъ неудачамъ. Онъ шелъ ей навстрѣчу, чтобы предложить ей бороться вдвоемъ противъ Англiи и предложить ей въ награду за союзъ надежду раздѣлить съ нами Восточную имперiю.

---

[1]) Corresp, 12819.

ГЛАВА I.

ТИЛЬЗИТЪ.

Плотъ на Нѣманѣ.—Въ ожиданіи Александра.—Первое свиданіе.—Сердечность и очаровательныя манеры русскаго императора.—Острота Наполеона.—Перемиріе съ Пруссіей.—Впечатлѣніе, произведенное Александромъ на Наполеона; онъ устанавливаетъ всю свою политику къ Россіи, беря за исходный пунктъ характеръ русскаго государя; придуманный имъ планъ сбольщенія.—Чувства и взгляды Александра.—Искренни ли они?—Впечатлѣніе, которое произвелъ на него Наполеонъ.—Причины, которыя побуждаютъ его примкнуть теперь къ системѣ Франціи.—Его затаенныя мысли.—1807 и 1812 гг.—Характеръ соглашенія, состоявшагося въ Тильзитѣ.—Второе свиданіе.—Король Фридрихъ-Вильгельмъ.—Наполеонъ требуетъ отставки Гарденберга.—Царь въ Тильзитѣ.—Пруссія предлагаетъ раздѣлъ Турціи.—Чему посвящены были дни.—Посѣщенія войскъ, смотры.—Военный блескъ.—Театральный эффектъ.—Раздѣлъ Востока.—Наполеонъ и Екатерина II.—Оговорки императора: пріемы, которые онъ употребляетъ, чтобы избавиться отъ всякаго положительнаго обязательства.—Обѣщаніе царя посѣтить Парижъ.—Каковы были его надежды.—Его тайное желаніе.—Выборъ уполномоченныхъ; князья Талейранъ и Куракинъ.—Продолженіе непосредственныхъ переговоровъ между императорами.—Времяпрепровожденіе въ эти дни.—Прусскій король участвуетъ, какъ третье лицо, въ ихъ прогулкахъ.—Обѣденное и вечернее время.—Дружескія отношенія обоихъ императоровъ.—Предметы ихъ бесѣдъ.—Александръ вступаетъ въ школу Наполеона.—Мнѣніе о будущемъ Людовикѣ XVIII.—Королева Гортензія.—Переписка императоровъ въ Тильзитѣ.—Западная Европа.—Французская Германія.—Силезія.—Великое герцогство Варшавское.—Роль, которую предназначалъ Наполеонъ Польшѣ въ системѣ своихъ политическихъ комбинацій.—Тильзитскій договоръ несетъ въ самомъ себѣ зародышъ разложенія.—Лѣвый берегъ Эльбы.—Вестфальское королевство.—Отчаяніе Пруссіи.—Послѣдняя попытка.—Пріѣздъ королевы Луизы.—Наполеонъ посѣщаетъ домъ мельника.—Обѣдъ у императора.—Радость королевы и слѣдующее за ней горькое разочарованіе.—Второй вечеръ.—Прусская королева и принцъ Мюратъ.—Отъѣздъ.—Договоръ съ Пруссіей.—Кенигсбергская конвенція.—Образецъ искусства разрушенія.—Право вмѣшательства Россіи.—Статьи относящіяся къ Англіи и Турціи.—Обоюдное посредничество.—Континентальная лига.—Предполагаемый раздѣлъ Оттоманской имперіи.—Іоническіе остро-

ва.—Пѣсня, положенная на ноты.—Подпись трехъ актовъ.—Военный праздникъ.—Наполеонъ украшаетъ орденомъ лучшаго гренадера Россіи.—Разставаніе императоровъ.—Тильзитское дѣло.

I.

По срединѣ Нѣмана, на двухъ рядомъ поставленныхъ баркахъ, былъ устроенъ плотъ. Наши солдаты искусно выстроили на немъ «очень мило меблированный домикъ» [1]) изъ двухъ комнатъ, изъ которыхъ одна предназначалась императорамъ для ихъ совѣщаній другая ихъ свитѣ. Вѣтви и гирлянды цвѣтовъ скрывали наготу стѣнъ; на фронтонѣ красовались переплетенные между собой вензеля Наполеона и Александра. Заинтересованная приготовленіями и объявленіемъ о свиданіи, наша, стоявшая на отдыхѣ, армія мало-по-малу стала различать на другомъ, нѣсколько дней тому назадъ пустынномъ и враждебномъ намъ, берегу, гдѣ только нѣсколько казаковъ носилось вдоль песчанаго берега, многочисленныя и блестящія группы. Русскій императоръ только-что прибылъ въ сопровожденіи своего брата, генераловъ Беннигсена, Уварова, князя Лобанова и нѣсколькихъ флигель-адъютантовъ. Онъ остановился и отдыхалъ въ полуразрушенной харчевнѣ. Вошелъ офицеръ: «Ѣдетъ», сказалъ онъ и доложилъ, что на французскомъ берегу видно большое движеніе, что солдаты стоятъ шпалерами и привѣтствуютъ своего вождя, и что онъ ѣдетъ галопомъ между ихъ рядами, направляясь къ рѣкѣ. Александръ тотчасъ-же отчалилъ; въ то же время отъ другого берега отдѣлилась лодка. Въ ней легко можно было узнать Наполеона по его традиціонному мундиру и маленькой легендарной шляпѣ [2]). Раздался пушечный выстрѣлъ. На французскіе крики: «да здравствуетъ Императоръ!» отвѣчали болѣе степенные и болѣе ритмичные возгласы русскихъ солдатъ. Привѣтствовали государей, привѣтствовали миръ. У всѣхъ этихъ людей, въ теченіе восьми мѣсяцевъ ненавидѣвшихъ и ожесточенно убивавшихъ другъ друга, природа вступала въ свои права; безграничная надежда на покой и миръ зарождалась въ сердцахъ тысячъ людей и вызывала желаніе, чтобы примиреніе обоихъ императоровъ обезпечило наконецъ безопасность міра.

Императоръ Наполеонъ, прибывшій на плотъ первымъ, принялъ

---

1) Будбергъ къ Салтыкову, 16—28 іюня 1807 г. Архивы С.-Петербурга.

2) Tatistcheff, Nouvelle Revue du 1-er juin 1890.

царя Александра. Онъ очутился въ присутствіи тридцатилѣтняго монарха, съ пріятнымъ лицомъ и удивительно пріятными и изящными манерами, у котораго привычка носить мундиръ скрадывала чрезмѣрную славянскую гибкость. Александръ былъ прелестенъ въ скромной, немного тяжелой, формѣ Преображенскаго полка, въ черномъ мундирѣ съ красными лацканами, обшитыми золотомъ, бѣлыхъ рейтузахъ, при шарфѣ, въ большой треуголкѣ, украшенной бѣлыми и черными перьями [1]). Онъ граціозно приблизился къ Наполеону, и, уступая внезапному порыву, оба императора обнялись. Затѣмъ они стали дружески бесѣдовать.

Секретъ Александра—нравиться съ перваго взгляда—заключался въ томъ, что онъ сразу же принималъ простой, дружески-довѣрчивый тонъ; онъ какъ будто съ самаго начала хотѣлъ поставить своего собесѣдника на дружескую ногу. Слегка склонивъ голову, съ пріятной улыбкой на устахъ, въ совершенствѣ владѣя оборотами нашего языка, онъ говорилъ по-французски съ русскимъ акцентомъ, съ мягкими звуками, съ почти женской нѣжностью [2]). Наполеонъ былъ очарованъ его манерой держать себя, которую онъ не привыкъ видѣть у государей древняго рода. Передъ нимъ склонялись германскіе короли, но они держали себя, какъ трусливые вассалы. На другой день послѣ Аустерлица къ его биваку пришелъ австрійскій императоръ; на челѣ потомка Габсбурговъ лежалъ отпечатокъ горечи отъ понесеннаго имъ пораженія; вынужденный умолять о мирѣ, онъ своей манерой держать себя, своей рѣчью, давалъ замѣтить, какъ страдала его гордость отъ такого шага. Въ Тильзитѣ Наполеонъ впервые встрѣтилъ любезнаго побѣжденнаго, который шелъ навстрѣчу его предупредительности. Онъ почувствовалъ себя поощреннымъ, и доброе желаніе, проявленное съ той и другой стороны, создало взаимную симпатію. Между двумя монархами, офиціально находящимися въ войнѣ, возстановленіе мира считалось вопросомъ какъ бы рѣшеннымъ, и тотчасъ-же была разсмотрѣна возможность тѣснаго сближенія.

Всякій союзъ рождается благодаря общему предмету ненависти. Въ это время у Александра ихъ было два: Англія, которая плохо помогла ему, и Австрія, которая не удовлетворила его настойчи-

---

[1]) Tatistcheff, loc. cit.

[2]) Lamartine, Histoire de Russie, II 143.

выхъ просьбъ. Увѣряютъ, будто бы его первымъ словомъ императору было: «Государь, я такъ же, какъ и вы, ненавижу англичанъ.» — «Въ такомъ случаѣ, отвѣтилъ Наполеонъ, миръ заключенъ». Послѣ обоюднаго признанія враждебныхъ чувствъ къ Англіи, Наполеонъ въ томъ же духѣ отозвался и объ Австріи. Когда сближеніе стало болѣе тѣснымъ, когда дошло до болѣе откровенныхъ разговоровъ, онъ высказалъ желаніе объ исключительно взаимномъ, ревниво оберегаемомъ двойственномъ соглашеніи безъ «побочнаго» союза, по выраженію одного русскаго государственнаго человѣка [1]); выражая свою мысль въ грубой формѣ, онъ сказалъ: «Я часто спалъ вдвоемъ, но никогда втроемъ». Третье неудобное лицо, на которое онъ намекалъ, была Австрія. Александръ нашелъ это выраженіе «прелестнымъ» [2]).

Только одна забота сдерживала царя и мѣшала его дружескимъ изліяніямъ. По возвращеніи со свиданія ему придется встрѣтиться въ бѣдной деревушкѣ Пиктупёненъ съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ и пруссаками, которые номинально оставались его союзниками. Перемиріе съ ними не было еще подписано. Наполеонъ ставилъ суровыя условія; онъ требовалъ сдачи тѣхъ послѣднихъ крѣпостей, вмѣстѣ съ ихъ гарнизонами, которыя войска Фридриха-Вильгельма сохранили за собой въ Силезіи и и Помераніи; онъ хотѣлъ, чтобы и это перемиріе, какъ бо̀льшая часть прежнихъ, было все-таки капитуляціей. Что отвѣтитъ императоръ Александръ на мучительные вопросы Фридриха-Вильгельма, если не привезетъ Пруссіи смягченія ея участи? Не прочтетъ ли онъ на лицѣ короля, по меньшей мѣрѣ, нѣмые и душу раздирающіе упреки? Онъ просилъ Наполеона избавить Пруссію, всецѣло находящуюся въ его власти, отъ безполезнаго униженія и добился, чтобы перемиріе съ Пруссіей было подписано тотчасъ-же и безъ передачи крѣпостей [3]).

Послѣ того, какъ былъ улаженъ этотъ вопросъ, ничто не мѣшало быстрому и взаимно-доброжелательному ходу переговоровъ о мирѣ и союзѣ. Для облегченія ихъ Наполеонъ предложилъ царю поселиться въ Тильзитѣ; онъ говорилъ, что царь могъ бы прибыть сюда съ частью своей гвардіи и чувствовать себя тутъ,

[1]) Графъ Румянцевъ. Архивы С.-Петербурга.
[2]) Донесеніе Савари отъ 6 августа 1807 г.
3) Mémoires de Hardenberg, III, 475.

какъ дома; что въ его распоряженіе будетъ отданъ цѣлый кварталъ города; Фридриху-Вильгельму предоставлялось то же самое. Александръ принялъ его предложеніе; повидимому, былъ признателенъ, становился все болѣе откровеннымъ, сердечнымъ, и разговоръ затянулся на два часа. Слегка были затронуты всѣ вопросы, и было признано, что ни одинъ изъ нихъ не могъ служить препятствіемъ къ соглашенію. Александръ обсуждалъ вопросы съ тактомъ, откровенно и безъ предвзятыхъ идей, что было замѣчено его собесѣдникомъ и окончательно плѣнило его. «Я только что имѣлъ свиданіе съ императоромъ Александромъ, писалъ Наполеонъ въ тотъ же вечеръ Жозефинѣ, я былъ крайне имъ доволенъ! Это молодой, чрезвычайно добрый и красивый императоръ; онъ гораздо умнѣе, чѣмъ думаютъ»[1]).

Въ этихъ немногихъ строкахъ легко прочесть надежду, возлагаемую Наполеономъ на императора Александра. Быстрымъ взглядомъ подмѣтилъ онъ всѣ отличительныя черты его характера. Прежде всего Александръ произвелъ на него впечатлѣніе натуры впечатлительной и нѣжной, очень чуткой къ вниманію, дѣлающей и требующей многое во имя дружбы. Далѣе, это былъ человѣкъ съ живымъ воображеніемъ, способный легко воспламеняться. Быстро увлекаясь идеями, лишь бы онѣ были красивы и обаятельны, онъ не столько стремился опредѣлять ихъ истинную цѣну и воплощать ихъ въ конкретныя формы, сколько опьяняться ихъ блескомъ. Обладая блестящимъ, но не всеобъемлющимъ умомъ, онъ особенно былъ способенъ воспринимать впечатлѣнія, усваивать внушенныя ему мысли, поэтизировать ихъ, окружать ихъ сіяющимъ ореоломъ и дѣлать ихъ предметомъ созерцательнаго поклоненія. Онъ, видимо, былъ рожденъ для того, чтобы мечтать, а не дѣйствовать. По каждому изъ этихъ свойствъ, Наполеонъ призналъ, что молодой императоръ будетъ его добычей; онъ разсчитывалъ, что онъ вполнѣ поддастся вліянію его властнаго генія. Съ этого момента его способъ дѣйствія былъ намѣченъ. Нѣжной, но твердой рукой онъ коснется всѣхъ пружинъ, которыя должны привести въ движеніе душу Александра, и овладѣетъ имъ, чтобы его рукой держать въ своихъ рукахъ Россію. Онъ хочетъ и управлять его умомъ и владѣть его сердцемъ. Отношеніямъ, которыя въ скоромъ времени должны установиться между ними,

[1]) Corresp., 12825.

онъ придастъ характеръ союза не въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, а въ смыслѣ личной и интимной дружбы, основанной на привязанности человѣка къ человѣку; это дастъ ему возможность ввести въ соглашеніе нѣчто неопредѣленное и мистическое; любящіе другъ друга и изгоняющіе всякое недовѣріе друзья понимаютъ одинъ другого съ полу-слова. Въ политикѣ слова и поступки императора будутъ неизмѣнно подсказываться нравственными тенденціями и особенностями души, подмѣченными у Александра. Выдвигать общія идеи, развивать ихъ съ несравненнымъ искусствомъ мысли и слова, возвышать, облагораживать всѣ вопросы, указывать на ихъ высокочеловѣчныя, сентиментальныя и философскія стороны, переносить ихъ въ высокую и заоблачную сферу, по мѣрѣ возможности избѣгать въ настоящее время выдѣлять изъ нихъ матеріальныя и практическія стороны, вести переговоры въ широкихъ размѣрахъ, ставить принципы и предоставить будущему заботу о ихъ примѣненіи; говорить болѣе о будущемъ, чѣмъ о настоящемъ и, такимъ образомъ, избавить себя отъ преждевременныхъ и, быть можетъ, опасныхъ обязательствъ. Когда необходимо будетъ дать Александру реальное удовлетвореніе,—давать его скорѣе человѣку, чѣмъ государю; устраивать такъ, чтобы удовлетворить скорѣе его самолюбіе, его личныя и минутныя желанія, чѣмъ насущные интересы его народа; поддерживать въ немъ надежду на иныя, еще болѣе обширныя, выгоды; постоянно возбуждать его желанія,—однимъ словомъ, держать его въ очарованномъ, непрерывно-обновляемомъ ожиданіи, въ волшебномъ снѣ, который отниметъ у него способность очнуться и разсуждать: таковъ былъ планъ, котораго Наполеонъ поставилъ себѣ задачей придерживаться съ необычайной послѣдовательностью, постоянствомъ и искусствомъ,—планъ, на которомъ онъ, повидимому, остановился съ момента встрѣчи съ русскимъ императоромъ.

Съ своей стороны Александръ передалъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ свое первое впечатлѣніе: «Ни къ кому я не чувствовалъ такого предубѣжденія, какъ *къ нему*, но послѣ бесѣды, продолжавшейся три четверти часа, оно разсѣялось какъ сонъ»[1]). Когда онъ въ первый разъ послѣ свиданія принялъ одного французскаго дипломата, онъ встрѣтилъ его слѣдующими словами: «Зачѣмъ не

[1]) Донесенія Савари отъ 9 октября 1807 г.

повидалъ я его раньше... повязка спала съ глазъ, и время заблужденій прошло»[1]). Можно ли относиться съ полнымъ довѣріемъ къ такому порывистому и горячему изліянію его чувствъ и взглядовъ? Со времени откровенныхъ бесѣдъ съ Наполеономъ былъ ли Александръ дѣйствительно такъ ему преданъ, какъ онъ объ этомъ высказывался? Былъ ли онъ, на самомъ дѣлѣ, покоренъ и очарованъ? Отрекся ли онъ отъ своихъ предубѣжденій къ страшному человѣку, съ которымъ онъ сражался съ такимъ ожесточеніемъ и въ объятія котораго бросился въ порывѣ отчаянія?

Александръ восхищался легко, но не былъ постояненъ. Его великодушное сердце и безпокойный умъ заставляли его привязываться ко многимъ, хотя всегда благороднымъ и возвышеннымъ предметамъ. Вступая на тотъ или иной путь, онъ сперва горячо шелъ по избранному пути, но затѣмъ, разочаровавшись, останавливался, оставляя тѣмъ не менѣе плодотворные слѣды, ибо, стремясь къ идеалу, онъ находилъ полезное. Онъ послѣдовательно вѣровалъ то въ прогрессъ, то въ реакцію; съ одинаковой страстью увлекался, какъ либеральными идеями, такъ, впослѣдствіи, самодержавной властью, въ которой онъ видѣлъ охранительное и божественное начало. Былъ ли Наполеонъ однимъ изъ его увлеченій, которому предшествовало и за которымъ послѣдовало столько другихъ? Навѣрное, онъ былъ однимъ изъ предметовъ его любопытства и удивленія. Встрѣтясь съ этимъ міровымъ геніемъ, который, чтобы понравиться ему, пускалъ въ ходъ и показывалъ свои многочисленные таланты, онъ былъ имъ пораженъ, какъ изумительнымъ и единственнымъ въ своемъ родѣ феноменомъ. Сперва онъ восхищался имъ подобно явленію природы, изучалъ его съ постоянно захватывающимъ интересомъ, затѣмъ почувствовалъ къ нему ту любовь, которую непреодолимо испытываешь къ тому, что хочешь постичь. Слѣдуетъ добавить, что его воспитаніе, его первоначальныя впечатлѣнія не могли особенно защитить его отъ обаянія революціоннаго героя. Будучи менѣе, чѣмъ другіе государи его времени, приверженцемъ прежнихъ принциповъ и страстей, не будучи, такъ сказать, человѣкомъ стараго режима, онъ легче могъ отдѣлаться отъ ихъ предубѣжденій; грандіозныя новшества, какого бы рода они ни были, имѣли даръ

[1]) Повѣренный въ дѣлахъ Лессепсъ къ министру иностранныхъ дѣлъ 19 августа 1807 г.

покорять его. Изъ его интимныхъ разговоровъ, которые доказываютъ искренность его публичныхъ заявленій, ясно видно, что онъ подчинился болѣе сильному характеру и подпалъ подъ то сильное вліяніе, которое Наполеонъ оказывалъ на людей. Онъ не избѣгнулъ власти глазъ, которые устремляли на него такой пронизывающій взглядъ, обаянія человѣка, который такъ пріятно ему улыбался и ласкалъ его безконечно-льстивыми словами; онъ не устоялъ передъ силой рѣчи того, кто умѣлъ все скрасить, всему придать иную, новую форму, и усѣялъ міръ чудесами, и нѣтъ сомнѣнія, что величие человѣка сыграло большую роль въ притягательной силѣ, которая влекла его къ Наполеону.

Къ тому же все, что говорилъ ему или давалъ понять Наполеонъ, было направлено къ тому, чтобы ему понравиться и привести его въ восторгъ. Онъ пришелъ, какъ побѣжденный, еще подавленный своимъ пораженіемъ и разрушенными мечтами, но, правда, волнуемый новыми честолюбивыми вожделѣніями, въ которыхъ едва смѣлъ признаться, и вотъ побѣдитель ободряетъ и утѣшаетъ его въ несчастьѣ, сразу-же превосходитъ всѣ его ожиданія, предлагаетъ ему принять участіе въ своей судьбѣ и славѣ, которымъ нѣтъ примѣра. Онъ старается освободиться отъ чаръ и хладнокровно, наединѣ, обсудить слышанныя слова. Онъ ничего не находитъ въ нихъ, что могло бы быть въ ущербъ теперешнимъ интересамъ Россіи; онъ находитъ въ нихъ только поводъ радоваться за нее и надѣяться; разсудокъ, повидимому, оправдывалъ его увлеченіе. Чего же, наконецъ, требовалъ Наполеонъ за то, чтобы соединиться съ Россіей и сдѣлать ее участницей своей судьбы? Во-первыхъ, чтобы перестали оспаривать его верховную власть на югѣ и въ центрѣ Европы, чтобы были признаны происшедшія перемѣны въ Германіи и Италіи. Александръ заранѣе мирился съ этой жертвой. Съ другой стороны, Наполеонъ не предлагалъ ему участвовать въ болѣе широкихъ переворотахъ. Спрошенный по двумъ пунктамъ, онъ заявилъ, что не желаетъ ни разрушенія Пруссіи, ни возстановленія Польши. Хотя онъ устранялъ изъ своихъ плановъ Австрію, отвѣчая въ этомъ желаніямъ Александра, онъ не высказалъ никакого проекта противъ ея существованія, необходимаго для безопасности Россіи. Онъ только настойчиво требовалъ помощи для обезпеченія спокойствія Европы путемъ морского мира, угрозы англичанамъ, въ

случаѣ нужды, войны съ ними и содѣйствія къ возбужденію противъ нихъ континента. Конечно, разрывъ съ Лондономъ нанесетъ ущербъ матеріальному благосостоянію Россіи, глубоко взволнуетъ и смутитъ націю; но Александръ смотрѣлъ на отношенія Россіи къ Англіи съ болѣе широкой точки зрѣнія, чѣмъ его народъ. Возмущенный эгоизмомъ англичанъ, онъ находилъ, что ихъ деспотизмъ производитъ на океанѣ такое же сильное давленіе, какъ и деспотизмъ Наполеона на сушѣ. Онъ полагалъ, что Россіи, государству, расположенному на Балтійскомъ морѣ, выгодно будетъ вступить въ борьбу съ ихъ притязаніями и ограничить ихъ права. Возвращаясь къ идеѣ объ обезпеченіи правъ нейтральныхъ державъ и равенствѣ морскихъ силъ, зародившейся въ умѣ Екатерины II, и горячо подхваченной Павломъ I, онъ вернулся бы только къ періодически возобновлявшейся традиціи русской политики и, стремясь вмѣстѣ съ нами къ принципу независимости на моряхъ, утѣшился бы въ своихъ неудачахъ въ дѣлѣ освобожденія континента. Въ обмѣнъ за эту услугу Наполеонъ, повидимому, обѣщалъ Россіи серьезныя, необыкновенно блестящія и лестныя выгоды. Востокъ былъ той почвой, на которой она могла бы ихъ потребовать и получить. Нѣтъ сомнѣнія, что императоръ не обѣщалъ ничего положительнаго, но его глаза, тонъ его рѣчи, его манера выражаться говорили болѣе, чѣмъ его слова, и, повидимому, его добрыя намѣренія выжидали только случая, чтобы проявить себя имѣющими высокую цѣну доказательствами. Итакъ, Александръ все болѣе находилъ, что здравая политика предписывала ему соединиться въ настоящее время съ побѣдителемъ, оказать ему противъ Англіи «не призрачное, а искреннее»[1]) содѣйствіе ради полученія выгодъ, которыя возмѣстили бы Россіи ея потери и вознаградили бы ее за ея бѣдствія.

Можно ли сказать, что онъ безусловно подчинился генію, который поклялся одержать надъ нимъ побѣду? При его восторженности, его идеальныхъ и неустойчивыхъ стремленіяхъ ему была свойственна тонкая хитрость, даже —по выраженію одного близкаго ему человѣка, вѣрно судившаго о немъ—«въ высокой степени раз-

[1]) Разговоръ Александра съ маіоромъ Шёлеромъ, эмиссаромъ прусскаго короля, опубликованный Hassel, Geschichte der Preussichen Politik, 1807 bis 1815, I. 400.

считанное притворство»[1]); онъ былъ сыномъ славянской расы, но славяниномъ, воспитаннымъ въ византійской школѣ. Въ Тильзитѣ, подъ вліяніемъ обаянія императора, онъ не отдался ему всецѣло, остался вѣренъ самому себѣ, не лишился способности быть наблюдательнымъ и недовѣрчивымъ. Въ его неустойчивой и сложной душѣ самыя разнородныя чувства, такъ сказать, поочередно наслаивались, а не замѣщали другъ друга: чувство, которое сегодня брало верхъ, не вполнѣ уничтожало то чувство, которое преобладало наканунѣ; оно только оттѣсняло его. За увлеченіемъ, которое влекло теперь Александра къ наполеоновскому союзу, можно было найти остатки страха и подозрѣнія. Какъ бы ни было чистосердечно его довѣріе, въ немъ было нѣчто хрупкое, неустойчивое. Съ наслажденіемъ отдаваясь очарованіямъ настоящей минуты, онъ все-таки оставлялъ въ своей душѣ мѣсто недовѣрію и не мѣшалъ ему витать надъ будущимъ.

Напримѣръ, вѣрилъ ли онъ, что союзъ будетъ продолжаться вѣчно, послѣ того, какъ онъ дастъ доступные ему быстрые результаты, — можетъ быть, морской миръ или, въ крайнемъ случаѣ, расширеніе Россіи на Востокѣ? Слѣдовало ли, по его мнѣнію, признать законъ для будущаго въ принципіальномъ соглашеніи между Россіей, безучастно относившейся къ западнымъ дѣламъ, и Франціей, которая распространилась по всему свѣту? Онъ избѣгалъ спрашивать себя объ этомъ. Проникая въ тайники его мысли, нашли бы тамъ опасеніе, что прочная безопасность Россіи не согласуется съ чрезмѣрнымъ французскимъ могуществомъ. Онъ вовсе не отказывался отъ мысли возстановить Европу въ ея правахъ и отбросить Францію въ самыя тѣсныя границы, но ждалъ осуществленія своего желанія только отъ проблематическаго содѣйствія обстоятельствъ: «Измѣнятся обстоятельства, говорилъ онъ по секрету, можетъ измѣниться и политика»[2]). Въ ожиданіи этого онъ хочетъ употребить время, которое не можетъ уже посвящать защитѣ Европы, съ одной стороны на возстановленіе своихъ силъ, съ другой—на обезпеченіе своихъ эгоистическихъ цѣлей. Уставъ отъ безплодной борьбы въ пользу другихъ, онъ будетъ работать для себя лично, съ тѣмъ, чтобы, когда его пріобрѣтенія и безопасность будутъ обезпечены, посмо-

[1]) Генералъ Коленкуръ.

[2]) Разговоръ съ Шёлеромъ, Hassel 390.

трѣть, слѣдуетъ ли ему оставаться союзникомъ Наполеона или снова сдѣлаться союзникомъ Европы. Правда, возможно, что честолюбіе побѣдителя вскорѣ сдѣлается ненасытнымъ и всепожирающимъ, что оно будетъ угрожать тому самому государству, которое оно, повидимому, хочетъ взять себѣ въ союзники. Александръ будетъ насторожѣ противъ такой опасности. Какъ только она появится, союзъ, даже въ моментъ полнаго своего развитія, нарушится самъ собой; но Россія выиграетъ по меньшей мѣрѣ уже то, что на нѣсколько лѣтъ будетъ прекращено ужасъ наводящее движеніе французскихъ армій, что ихъ потокъ будетъ отклоненъ въ другую сторону, что получится время для укрѣпленія границъ, для возстановленія потерь, для возможности опять стать въ оборонительное положеніе. Благодаря этой отсрочкѣ, если Александру и придется вести страшную борьбу, Россія будетъ лучше подготовлена къ тому, чтобы ее выдержать. Тогда, не прибѣгая къ безполезнымъ коалиціямъ, опираясь только на самое себя, на свое возстановленное могущество, на сознаніе своего права, она будетъ ждать завоевателя; противопоставитъ ему свою грозную массу и «дорого продастъ свою независимость» [1]. Въ 1807 г. Александръ не думалъ еще о 1812 г., но были минуты, когда онъ предвидѣлъ его.

Однако тучки, которыя проносились въ его умѣ, не омрачали его чела. Подлѣ Наполеона онъ казался совершенно спокойнымъ, сіялъ отъ удовольствія, былъ полонъ надеждъ и дѣлалъ видъ, что безгранично вѣритъ въ долговѣчность соглашенія. Онъ входилъ въ виды великаго человѣка, интересовался всѣми его планами, преклонялся передъ его превосходствомъ, заявлялъ о желаніи помогать ему, о готовности любить его. Эта вкрадчивая игра, которая соотвѣтствовала его характеру, его теперешнему настроенію, удовольствію, которое онъ искренно испытывалъ, поддерживая обаятельныя сношенія, составляла также часть его политики. Будучи и на самомъ дѣлѣ очарованъ, онъ дѣлалъ видъ что увлеченъ болѣе, чѣмъ это было въ дѣйствительности. Его цѣлью было доставить императору такія впечатлѣнія и такого рода удовлетвореніе, которыя были новы для Наполеона. Наполеонъ побѣдилъ, но не убѣдилъ Европу; онъ покорилъ подъ свое иго королей, но не подчинилъ ихъ своему нравственному влія-

---

[1]) Разговоръ съ Шёлеромъ, Hassel, 386.

нію; между всѣми его побѣдами дружба государя великой державы была единственнымъ успѣхомъ, котораго ему не доставало. Предлагая свою дружбу, Александръ думалъ удовлетворить этимъ его тайное и горделивое желаніе, занять въ его чувствахъ особое мѣсто и легче заручиться его довѣріемъ. «Льстите его тщеславію»—говорилъ онъ пруссакамъ, рекомендуя имъ свою тактику;—«моя честная дружба къ вашему королю заставляетъ меня дать вамъ этотъ совѣтъ» [1]). Въ этой затаенной мысли и въ приведенныхъ словахъ слѣдуетъ, между прочимъ, искать тайну того почтительнаго вниманія, нѣжнаго и страстнаго, которое Александръ расточалъ Наполеону. Безъ сомнѣнія, желаніе очаровывать было въ немъ врожденнымъ, постояннымъ, но побѣда надъ Наполеономъ должна была въ особенности соблазнять Александра «*Обольстителя*» [2]). Онъ отдался своей тактикѣ не только по врожденной склонности, по инстинктивному влеченію, но также и потому, что видѣлъ въ ней средство съ бо̀льшей пользой служить своему государству и вѣрнѣе обезпечить его интересы [3]). Случилось такъ, что оба императора приняли относительно другъ друга одну и ту же тактику: Наполеонъ хотѣлъ привлечь къ себѣ Александра, но и у царя было не меньшее желаніе понравиться ему, и если бы вздумали опредѣлить истинный характеръ отношеній, установившихся въ Тильзитѣ, освобождая ихъ отъ окружавшей ихъ трогательной и величественной внѣшней обстановки, можно было бы ихъ обозначить такъ: искренняя попытка къ кратковременному союзу на почвѣ взаимнаго обольщенія.

II.

Второе свиданіе на плоту на Нѣманѣ состоялось двадцать шестого. На это совѣщаніе прибылъ прусскій король и былъ

[1]) Разговоръ съ Шёлеромъ, Hassel, 385.

[2]) Réminiscences sur Napoléon I-er et Alexandre I-er par la comtesse de Choiseul Gouffier, p. 11.

[3]) Въ собственноручной запискѣ по поводу инструкцій, предназначенныхъ графу Петру Толстому, новому русскому посланнику въ Парижѣ, Александръ писалъ: „Между прочимъ, слѣдуетъ сказать, что, такъ какъ Тильзитскій миръ избавилъ Россію отъ опасности, угрожавшей ей со стороны ея самаго грознаго врага, требованія политики вынуждаютъ насъ извлечь наибольшую выгоду изъ новаго порядка вещей, и, что только при стараніи скрѣпить узы, связывающія обѣ имперіи, можно надѣяться использовать отношенія, недавно установившіяся между Россіей и Франціей“. Архивы С.-Петербурга.

представленъ Наполеону Александромъ. Его манера держать себя составляла непріятный контрастъ съ манерами царя. Фридрихъ-Вильгельмъ отъ природы былъ лишенъ изящества и непринужденности въ обращеніи; несчастье дѣлало его еще болѣе неловкимъ, и къ тому же онъ не обладалъ искусствомъ улыбаться, когда тяжело на душѣ. Его угрюмый видъ, опущенные въ землю глаза, заикающаяся рѣчь,—все указывало, какъ онъ мучительно-неловко чувствовалъ себя. Подъ его замкнутой наружностью Наполеонъ заподозрилъ душу, которую тѣмъ труднѣе склонить на свою сторону, что она была честная и убѣжденная. Въ лицѣ ея короля онъ осудилъ и окончательно приговорилъ Пруссію. Не надѣясь присоединить ее къ своей системѣ, но вынужденный ее сохранить, такъ какъ русскій союзъ обусловливался этой цѣной, онъ только и думалъ о средствахъ привести ее въ состояніе безсилія. Не будучи въ силахъ убить ее, онъ хотѣлъ помѣшать ей жить.

Сурово и свысока заговорилъ онъ съ королемъ. Еле намекнувъ на условія мира, онъ рѣзко указалъ на замѣченные имъ недостатки въ прусской администраціи и арміи, далъ Фридриху-Вильгельму нѣсколько совѣтовъ, и съ оскорбительной настойчивостью указалъ ему на его королевскія обязанности. Затѣмъ онъ предъявилъ жестокое требованіе. Передъ войной баронъ Гарденбергъ, первый министръ Пруссіи, отнесся къ Франціи безъ должнаго уваженія, отказавъ ея послу въ аудіенціи; въ отместку за это оскорбленіе, Наполеонъ отказывался теперь вести съ нимъ переговоры. Это значило предписать его увольненіе, обвинить его въ политической бездарности и удалить изъ королевскаго совѣта. Фридрихъ-Вильгельмъ оспаривалъ это требованіе: у него не было никого, говорилъ онъ, чтобы замѣнить Гарденберга. Наполеонъ не принялъ этого во вниманіе, назвалъ нѣсколько фамилій и между ними, по единственной въ своемъ родѣ ошибкѣ, назвалъ барона Штейна, будущаго преобразователя прусской монархіи. Послѣ тягостнаго разговора, разстались очень холодно. Возвращаясь на правый берегъ, Фридрихъ Вильгельмъ слышалъ, какъ Наполеонъ и Александръ назначали другъ другу свиданіе въ тотъ же вечеръ въ Тильзитѣ [1]).

Въѣздъ царя въ городъ совершился при красивой военной

[1]) Hardenberg, III, 465—466, 480.

обстановкѣ, съ пышностью, какую только позволяли мѣсто и обстоятельства. Французская армія, сгладивъ послѣдніе слѣды борьбы, сіяла воинственнымъ блескомъ. Императоръ и его свита верхомъ встрѣтили царя при его выходѣ на берегъ. Когда Александръ приблизился къ берегу, гдѣ ему былъ приготовленъ богато убранный красивый арабскій конь, войска отдали честь, знамена склонились; раздались шестьдесятъ пушечныхъ выстрѣловъ. На пути слѣдованія обоихъ императоровъ черезъ городъ были собраны отряды гвардіи, пѣхоты и кавалеріи. На-лицо были всѣ полки: драгуны, стрѣлки, гренадеры, но прежде чѣмъ Наполеонъ успѣвалъ называть воинскія части, Александръ распознавалъ мундиры, которые побѣдами стяжали себѣ всемірную извѣстность; онъ самъ называлъ по частямъ солдатъ, поза и взоры которыхъ были полны гордостью одержанныхъ побѣдъ. Съ своей стороны французы восхищались высокимъ челомъ русскаго монарха и неподражаемой граціей, съ какой онъ салютовалъ шпагой [1]). Оба государя были верхомъ, и, разговаривая, прибыли къ дому, гдѣ жилъ царь во время своего перваго пребыванія въ Тильзитѣ до Фридланда. «Вы у себя дома», сказалъ ему императоръ. Но Александръ не сошелъ съ коня. Изъ утонченной лести продолжалъ онъ путь между стоявшими шпалерами войсками, чтобы подольше полюбоваться императорской гвардіей, выстроенной вдоль всей улицы [2]).

Обѣдали у императора и разстались только въ девять часовъ. Всякую минуту Александру доставлялись какія-нибудь пріятныя вѣсти: то это былъ обмѣнъ плѣнныхъ, который былъ начатъ тотчасъ же послѣ свиданія и велся съ большой быстротой, то это была отправка курьеровъ къ командирамъ нашихъ войскъ въ сѣверную Германію съ приказаніемъ относиться съ уваженіемъ къ владѣніямъ герцога Мекленбургскаго, родственника русской императорской фамиліи, наконецъ, «всевозможные знаки уваженія и вниманія» [3]). Съ своей стороны Александръ обходился съ императоромъ какъ съ союзникомъ и другомъ, хотя до сихъ поръ еще не призналъ за нимъ офиціально императорскаго титула, и хотя его министры въ своихъ депешахъ съ упорнымъ формализмомъ

---

[1]) Lamartine, Histoire de Russie, III, 143.

[2]) Mémoires de Roustam, Revue rétrospective, n-os 8—9

[3]) Будбергъ къ Салтыкову, письмо цитированное на стр. 58.

продолжали называть Наполеона «главой французскаго правительства» [1]).

Однако, какъ ни были хороши личныя отношенія, установившіяся между ними, императоръ только слегка коснулся предмета, долженствовавшаго скрѣпить ихъ соглашеніе. Въ первыхъ бесѣдахъ вопросъ о Востокѣ не былъ почти затронутъ. Въ этой части Европы предвидѣлись большіе перевороты; катастрофа въ Константинополѣ была уже извѣстна, не знали только подробностей и не рѣшались предрѣшать ея послѣдствій. Въ Тильзитѣ ни Франція, ни Россія не сказали перваго слова о раздѣлѣ Турціи, заговорить о немъ рѣшилась Пруссія.

Проживая уединенно въ Пиктупёненѣ, не зная еще, останется ли онъ министромъ, баронъ Гарденбергъ проводилъ время въ составленіи проектовъ мирнаго соглашенія. Онъ напрягалъ всѣ силы своего ума, какъ-бы удовлетворить побѣдителя не за счетъ побѣжденнаго, какъ-бы устроить такъ, чтобы и Пруссія была спасена и Наполеонъ остался доволенъ. Онъ вспоминалъ примѣры прошлаго и искалъ указаній въ исторіи. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ Пруссія ввела въ Европѣ политику раздѣловъ и осуществляла ее съ безспорнымъ успѣхомъ. Въ непрерывныхъ раздѣлахъ Польши она нашла неистощимый источникъ выгодъ. Въ 1788 г. для обезпеченія за собой свободы дѣйствій на Вислѣ она придумала внушить Австріи и Россіи первый раздѣлъ Турціи. Хотя обстоятельства съ тѣхъ поръ совершенно измѣнились, тѣмъ не менѣе средство оставалось хорошимъ и испытаннымъ: не служила ли Турція всегда для отклоненія въ ея сторону честолюбивыхъ стремленій, вызывавшихъ кровопролитіе въ Европѣ, не служила ли она для насыщенія алчныхъ, для вознагражденія побѣжденныхъ; не расплатится ли она и теперь за всѣхъ? На уничтоженіи Турціи Гарденбергъ основалъ обширный планъ. Дѣло шло о томъ, чтобы передѣлать восточную и центральную Европу во всѣхъ ея частяхъ и устроить обмѣнъ владѣній и государей. Россія возьметъ часть Княжествъ, Болгарію, Румелію и проливы; Австрія, возстановленная во владѣніи Далмаціей, присоединитъ еще Боснію и Сербію, Франція получитъ Эллинскій полуостровъ и острова. Россія, Австрія и Пруссія откажутся отъ провинцій, отнятыхъ въ послѣдній разъ у Польши, и Польша, собравъ свои разбросанные члены,

[1]) Тамъ-же.

снова оживетъ подъ управленіемъ саксонскаго короля. Переселясь въ Варшаву, онъ предоставитъ владѣнія своихъ отцовъ Пруссіи, которой, кромѣ того. будетъ отдано все, чѣмъ она владѣла въ Германіи, такъ что благодаря бѣдственной для нея кампаніи Бранденбургская монархія получила бы нѣкоторое приращеніе. Среди самыхъ тяжелыхъ превратностей судьбы, когда либо постигавшихъ государство, Пруссія не отреклась отъ своихъ традицій, не отказывалась отъ своихъ способовъ дѣйствій; побѣжденная и умирающая, она въ чужомъ разгромѣ искала возстановленія собственнаго счастья [1]).

Проектъ Гарденберга, составленный въ видѣ памятной записки, былъ одобренъ королемъ и переданъ въ качествѣ инструкціи маршалу Калькрейту, который, подписавъ перемиріе, продолжалъ жить въ Тильзитѣ. Онъ былъ сообщенъ Александру и нашелъ поддержку у министра Будберга. Царь ограничился тѣмъ, что принялъ его къ свѣдѣнію. Усидчивый теоретическій трудъ *еле живой* Пруссіи мало интересовалъ его, такъ какъ онъ исходилъ отъ осужденнаго на изгнаніе министра и короля безъ государства; только отъ одного Наполеона ждалъ онъ того слова, которое должно было дать направленіе его честолюбивымъ стремленіямъ. Наконецъ императоръ высказалъ это желанное слово, при особо торжественныхъ условіяхъ: онъ нашелъ или, вѣрнѣе, сумѣлъ подстроить удобный случай для театральнаго эффекта, блеснувшаго среди одной изъ величественныхъ обстановокъ, которыя онъ такъ искусно умѣлъ создавать.

Съ тѣхъ поръ какъ царь поселился въ Тильзитѣ, Наполеонъ устраивалъ въ честь его смотры нашей арміи, расквартированной и разбросанной въ окрестностяхъ города. Рано утромъ оба императора верхами, съ блестящей свитой, выѣзжали изъ Тильзита. Въ деревняхъ, оживавшихъ съ утреннимъ благовѣстомъ, имъ повсюду попадались лагери нашихъ войскъ. Въ нѣсколько дней наши солдаты сумѣли на скорую руку устроить себѣ пристанища: со свойственнымъ имъ врожденнымъ и изобрѣтательнымъ вкусомъ, они даже свои временныя жилища убрали, какъ можно лучше, украсивъ ихъ грубыми орнаментами, взятыми изъ окрестныхъ деревень. Наполеонъ съ своимъ гостемъ объѣзжалъ стоянки; онъ показывалъ ему своихъ людей вблизи,

[1]) Hardenberg. III, 461—463.

принималъ участіе въ ихъ домашнемъ богослуженіи, проявлялъ такую заботу о ихъ благосостояніи, которая поражала русскаго императора. Затѣмъ они галопомъ доѣзжали до открытаго мѣста, удобнаго для маневровъ. Тутъ были собраны другія войска, построенныя въ образцовомъ порядкѣ; ихъ длинные, неподвижные, сверкавшіе сталью ряды далеко уходили вдаль. Маршалы принимали командованіе надъ своими корпусами, огромная свита группировалась вокругъ императоровъ, начинался смотръ.

Александръ съ захватывающимъ вниманіемъ слѣдилъ за такими зрѣлищами. Подобно всѣмъ государямъ его династіи, онъ любилъ красивые полки и точно-исполненные маневры, и ничто не доставляло ему такого удовольствія, какъ видъ ровнымъ шагомъ проходившихъ передъ нимъ колоннъ и вихремъ проносившейся кавалеріи: это было то, что князь Адамъ Чарторижскій называлъ его «парадоманіей»[1]). Французская армія представляла тогда неисчерпаемый источникъ для удовлетворенія его склонности. Она была не только самымъ храбрымъ, самымъ воинственнымъ, наиболѣе дисциплинированнымъ войскомъ Европы, но и самой богатой по краскамъ, самой разнообразной по виду, самой живописной и самой блестящей. Александръ не переставалъ любоваться безподобными войсками, ихъ выправкой и энергіей. Съ милостивымъ вниманіемъ воздавалъ онъ имъ должное и не щадилъ похвалъ своимъ побѣдителямъ. Онъ просилъ представить ему полковыхъ командировъ, которые въ особенности обратили на себя его вниманіе. «Вы очень молоды для такой славы»[2]), сказалъ онъ одному изъ нихъ. Его интересовали самыя ничтожныя подробности, а брата его даже приводили въ восхищеніе. Съ согласія царя, великій князь Константинъ просилъ императора дать ему одного изъ тамбуръ-мажоровъ, которые парадировали въ мундирѣ съ золотыми по всѣмъ швамъ галунами, съ фантастическимъ султаномъ, во главѣ нашихъ полковъ. Онъ хотѣлъ, чтобы этотъ новомодный инструкторъ научилъ своихъ русскихъ собратьевъ тѣмъ движеніямъ и «штучкамъ», которые онъ выдѣлывалъ своимъ жезломъ[3]). Не вызываетъ ли этотъ поступокъ въ нашемъ воображеніи цѣлую картину, не заставляетъ

---

[1]) Mémoires du prince Adam Czartorysky I, 109

[2]) Mémoires du duc de Padoue I, 118.

[3]) Archives des affaires étrangères, Russie 1810.

ли онъ на мгновеніе ожить передъ нашими глазами наши побѣдоносные полки, когда они, гордые своими побѣдами, бодро проходили эшелонами передъ свитой обоихъ императоровъ, подъ звуки музыки, играя красками своихъ мундировъ?

На одномъ изъ такихъ смотровъ императору подали дипломатическія депеши. Онъ распечаталъ, пробѣжалъ ихъ, затѣмъ, обращаясь къ Александру, съ вдохновленнымъ видомъ воскликнулъ: «Вотъ рѣшеніе Божественнаго Промысла, которое говоритъ мнѣ, что Турецкая имперія не можетъ долѣе существовать» [1]. Депеши, которыя онъ далъ прочесть царю, были отъ генерала Себастіани, его посланника въ Константинополѣ. Себастіани подробно излагалъ событіе 27 мая и сообщалъ, что недовольные солдаты и населеніе соединились противъ султана-реформатора; что Селимъ, осажденный въ своемъ дворцѣ, быстро покорился велѣніямъ судьбы, покорно, по примѣру своихъ предшественниковъ, сложилъ съ себя корону, и Турція, временно оправившаяся подъ управленіемъ просвѣщеннаго монарха, сама собой валилась въ пропасть. Наполеонъ былъ союзникомъ султана, но не Турціи: съ ней онъ не подписывалъ никакого договора. Онъ объявилъ, что паденіе Селима освобождало его отъ всякой связи съ его имперіей, успокаивало его совѣсть и предоставляло ему свободу привести въ исполненіе тѣ великіе планы, къ которымъ влекли его и его личная склонность, и дружба къ Александру. Мысли обоихъ императоровъ, переносясь черезъ окружавшую ихъ воинственную обстановку, черезъ поля Польши, черезъ блѣдные горизонты Сѣвера, понеслись къ болѣе свѣтлымъ областямъ, къ Востоку и Константинополю, въ обѣтованную землю, туда, куда стремились честолюбивыя вожделѣнія царей.

Въ слѣдующіе дни Наполеонъ постоянно говорилъ о Востокѣ, со свойственнымъ ему одному безыскусственнымъ, образнымъ и потрясающимъ краснорѣчіемъ. Онъ переносился въ тотъ сказочный міръ, который онъ видѣлъ и оцѣнилъ въ бытность свою въ Египтѣ; въ тѣ страны, которыя казались ему одаренными всѣми благами природы, но которыя человѣкъ оставлялъ неиспользованными; его мысль неслась къ туркамъ, которыми онъ при случаѣ пользовался, воинственныя доблести которыхъ иногда цѣнилъ, но слабое и распущенное правительство которыхъ было ему нена-

---

[1] Донесеніе Савари отъ 4 ноября 1807 г.

вистно, ибо оно было противно его духу, поклонявшемуся силѣ и закону. «Императоръ не любитъ турокъ, писалъ позднѣе одинъ изъ его министровъ, онъ считаетъ ихъ варварами» [1]). Едва позволяя Александру коснуться до этой разлагающейся имперіи, онъ тѣмъ не менѣе рисовалъ ему возможность легко воспользоваться ея останками. Ея завоеваніе, говорилъ онъ, будетъ дѣломъ и гуманнымъ и просвѣщеннымъ: присутствіе турокъ безобразитъ возрождающуюся Европу; оно — темное пятно на свѣтломъ фонѣ обновленнаго континента. Такія громкія фразы не были только блестящей игрой словъ, предназначенныхъ обольстить Александра обманчивыми надеждами: у Наполеона, дѣйствительно, были высказываемыя имъ съ такой силой стремленія. Хотя его поведеніе по отношенію къ туркамъ и мѣнялось въ зависимости отъ потребностей его политики, хотя онъ покидалъ или поддерживалъ Турцію, руководствуясь только своими выгодами, но съ самаго начала его карьеры въ немъ засѣла одна идея — хотя смутная и далекая, но упорная - и жила въ мысляхъ его объ отдаленномъ будущемъ: его мечтой было выполнить на Востокѣ огромную миссію и пересоздать цѣлый міръ. Благодаря своимъ побѣдамъ, онъ передѣлалъ Европу и придалъ ей новый отвѣчающій идеямъ и потребностямъ его политики видъ; но развѣ былъ его трудъ законченъ, пока Востокъ не организованъ, пока эта благородная часть древняго міра остается въ состояніи безформеннаго хаоса? Подобно большинству своихъ современниковъ, онъ не зналъ истиннаго положенія и распредѣленія расъ на турецкой территоріи; но одну изъ нихъ онъ считалъ достойной своего вниманія, ибо она являлась ему въ ореолѣ свѣтозарнаго прошлаго. Мысль возродить Грецію, привязавъ ее къ своей имперіи, неоднократно приходила ему на умъ, глубоко пропитанный классическими воспоминаніями и страстями. «Греція, говорилъ онъ позднѣе, ждетъ своего освободителя, въ ней найдетъ онъ прекрасный вѣнецъ славы» [2]). Предчувствуя для народовъ Востока новую судьбу, онъ хотѣлъ ее ускорить, для того, чтобы самому ее установить; и тамъ, какъ и вездѣ, его нетерпѣливый геній мечталъ подвинуть исторію.

Александръ слушалъ Наполеона съ восхищеніемъ; его воображеніе разгоралось подъ вліяніемъ его всеобъемлющей и могучей

[1]) Шампаньи къ Коленкуру, 9 марта 1808.

[2]) Mémorial. 10—12 mars 1816.

мысли. Страсть къ Востоку внѣдрялась въ его душу; онъ чувствовалъ, какъ честолюбивыя мысли овладѣвали имъ. Въ словахъ Наполеона онъ узнавалъ тѣ самые звуки, которые напѣвали ему въ юности. Планъ раздѣла былъ въ его глазахъ тѣмъ «греческимъ проектомъ», которымъ увлекалась его бабка; онъ еще по привычкѣ, по традиціи, называлъ его этимъ именемъ [1]). Слова французскаго завоевателя оживляли въ немъ воспоминанія о царствованіи Екатерины и переносили его въ героическіе годы современной Россіи.

Но, указавъ, что пришло время снова пойти по стопамъ великой императрицы и начать освобожденіе Востока, Наполеонъ сдѣлалъ оговорку: будущему, сказалъ онъ, надлежитъ развить и окончить этотъ трудъ. Теперь нужно заняться только тѣмъ, чтобы сузить оттоманскую территорію, оттѣснить и «прижать» [2]) къ Азіи народъ, чуждый Европѣ, отнять у него нѣкоторыя провинціи, которыя онъ еще угнетаетъ, но которыми болѣе не управляетъ. Идти же дальше, приступить къ полному раздѣлу, было бы дѣломъ чреватымъ осложненіями и опасностями. Оно могло бы вызвать между Франціей и Россіей столкновеніе, гибельное для ихъ согласія: могутъ создаться такія положенія, когда споры не желательны и нельзя покидать другъ друга. Очевидно, что будущая участь центральныхъ провинцій Турціи и, особенно, Константинополя не была серьезно разсмотрѣна. Когда позднѣе оба императора подняли этотъ вопросъ, онъ предсталъ предъ ними, какъ совершенно новый: ни тотъ, ни другой не намекнули на прежніе разговоры, — въ Тильзитѣ они стремились къ тому, что могло ихъ соединить, а не разъединить. На европейскомъ же Востокѣ, если допустить предположеніе объ ограниченномъ раздѣлѣ, были области, распредѣленіе которыхъ не могло дать повода къ пререканіямъ: ихъ положеніе рѣшало ихъ судьбу. Наполеонъ по картѣ указалъ на нихъ пальцемъ и выкроилъ изъ отрѣзанныхъ владѣній Турціи соотвѣтственныя владѣнія обоихъ государствъ. Россія въ теченіе столѣтія домогалась Молдавіи и Валахіи и теперь занимала ихъ по праву войны; онѣ должны будутъ составить ея долю. Въ случаѣ перехода черезъ Дунай, часть Болгаріи могла бы раздѣлить участь Княжествъ. Франція же найдетъ

---

[1]) Hardenberg, III, 494.

[2]) Письмо графа Румянцева, въ которомъ упоминаются слова Наполеона сказанныя въ Тильзитѣ, 26 ноября 1807 г. Архивы С.-Петербурга.

средство къ расширенію по сосѣдству своихъ Иллирійскихъ владѣній. Наполеонъ указывалъ то на Боснію и Албанію, которыя придали бы болѣе прочности и устойчивости Далмаціи, маленькой провинціи, расположенной вдоль берега Адріатическаго моря, то на Албанію, Эпиръ и Грецію, которыя служили ея продолженіемъ на югѣ. Хотя оба императора и много говорили о предполагаемыхъ завоеваніяхъ, они, однако, не устанавливали строго ни ихъ внутренней цѣнности, ни протяженія: они не намѣчали границъ. Убаюкавъ себя многочисленными гипотезами, не разсмотрѣвъ обстоятельно ни одной, они возвращались къ общимъ мѣстамъ туманнаго и отдаленнаго будущаго, и разговоръ продолжался, не приводя ни къ какимъ опредѣленнымъ выводамъ.

Хотя Наполеонъ и склонялся къ раздѣлу Турціи и уже съ этихъ поръ изучалъ средства произвести этотъ грабежъ[1]), но въ дѣйствительности онъ еще не остановился ни на какомъ рѣшеніи. «Моя система относительно Турціи колеблется и готова рухнуть, писалъ онъ Талейрану, я ни на что не могу рѣшиться» [2]). Раздѣлъ Турціи былъ однимъ изъ тѣхъ средствъ, которыми онъ считалъ необходимымъ искушать вожделѣнія Россіи, избѣгая въ то же время всякаго положительнаго обязательства. Сохраняя къ Россіи принципіальное недовѣріе, онъ не рѣшался еще допустить ее до вѣчной цѣли ея стремленій. Кромѣ того, страшное потрясеніе, вызванное преждевременнымъ раздѣломъ, прибавляя къ существующимъ уже между государствами причинамъ раздора еще новую, отдалило бы на неопредѣленное время общій миръ, въ которомъ Наполеонъ и нуждался и котораго страстно желалъ; это значило бы прибавить новую распрю къ тѣмъ безконечнымъ и жестокимъ распрямъ, которыхъ не могли разрѣшить пятнадцатилѣтнія побѣды французовъ. Конечно, если Англія, несмотря на давленіе, произведенное на нее Россіей, останется несговорчивой, придется въ силу требованій безпримѣрной борьбы прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣропріятіямъ. Чтобы сильнѣе привязать

[1]) 8 іюля онъ приказалъ написать Мармону, командующему Далматинской арміей, чтобы онъ выяснилъ, какіе доходы будутъ давать западныя турецкія провинціи европейскому государству, которое будетъ обладать ими, и составилъ записку о способахъ завладѣть этими провинціями. Voyages du duc de Raguse. II, 389.

[2]) Corresp 12886.

къ себѣ Россію, побудить ее къ дѣятельнымъ мѣрамъ противъ общаго врага и поразить этого врага на новой почвѣ, Наполеонъ не отступитъ отъ рѣшенія восточнаго вопроса; онъ взглянетъ ему прямо въ лицо,искренно и смѣло приступитъ къ нему, при условіи быть его руководителемъ, и сумѣетъ извлечь изъ него окончательное торжество своей политики; но къ этой крайней мѣрѣ онъ рѣшилъ прибѣгнуть только въ случаѣ безусловной необходимости, вполнѣ обезпечивъ свое господство надъ Европой, выяснивъ себѣ намѣренія Англіи и испытавъ добросовѣстность Александра. Пока же онъ надѣялся, что для того, чтобы удовлетворить Александра и сохранить надъ нимъ чарующую силу, достаточно будетъ только обѣщаній безъ всякихъ обязательствъ.

Нѣсколько дней спустя онъ прекратилъ разговоры о Востокѣ подъ предлогомъ спѣшнаго отъѣзда въ Парижъ, куда призывали его важныя обязанности. Остававшееся въ ихъ распоряженіи время, говорилъ онъ, займутъ дѣла, которыя необходимо уладить теперь-же; окончательное же соглашеніе по раздѣлу слѣдовало отложить до слѣдующаго свиданія, гдѣ оно составитъ исключительный предметъ переговоровъ. Александръ обѣщалъ своему союзнику посѣтить его въ Парижѣ. Тамъ-то оба императора, свободные отъ занятій, нетерпящихъ отлагательства, могутъ на досугѣ возобновить разговоръ о великомъ замыслѣ—установить судьбу цѣлой части свѣта и распредѣлить между собой управленіе ею [1]).

Александръ былъ такъ ослѣпленъ, почти ошеломленъ впечатлѣніями, которыя Наполеонъ заставлялъ его ежеминутно переживать, неожиданными и захватывающими картинами, вереницами проносившимися передъ его взорами, что даже, когда онъ и вполнѣ владѣлъ собою, ему не приходило въ голову подумать о просьбѣ рѣшить дѣло теперь же и потребовать договора. Изъ всего, что ему было сказано, онъ помнилъ только одно: вмѣсто того, чтобы противопоставить вожделѣніямъ Россіи заявленіе о ихъ непріемлемости, Наполеонъ поощрялъ ихъ проявленіе, признавалъ за ними право на существованіе, обѣщалъ, что въ скоромъ времени они получатъ нѣкоторое удовлетвореніе. Съ этихъ поръ Александръ горячо, страстно предался этой надеждѣ, не опредѣляя ее пока точно и не придавая ей слишкомъ широкаго значенія.

[1]) См. Приложеніе, подъ цифрой 1, инструкціи Коленкуру.

Еще вопросъ—соблазняла ли его перспектива дѣйствительнаго раздѣла Турціи, крупной разверстки земель по соглашенію съ Наполеономъ, настолько, какъ это вообще было принято думать. Повидимому, въ его умѣ по временамъ зарождалась затаенная мысль. Русскій монархъ спрашивалъ себя: благоразумно ли, дѣло ли осторожной политики, вмѣшиваться въ окончательное упорядоченіе восточнаго вопроса, когда для этого нужно сдѣлаться союзникомъ честолюбца, передъ которымъ трепещетъ весь міръ? Не будетъ ли доля Россіи, какъ бы ни была она значительна, всегда меньше той, которую по праву всесильнаго присвоитъ себѣ Франція, не разумнѣе ли извлечь изъ намѣреній императора непосредственную и осязаемую выгоду и не слишкомъ серьезно компрометировать будущее?

Къ тому же Александръ не испытывалъ того стремленія къ безконечнымъ захватамъ, той алчности къ присоединенію, которая не давала покоя нѣкоторымъ государямъ восемнадцатаго вѣка. Если онъ и мечталъ о побѣдахъ, то о побѣдахъ нравственныхъ; его честолюбіе не равнялось его самолюбію. Удовлетворивъ свое тщеславіе тѣмъ, что, явившись въ роли благодѣтельнаго посредника, онъ очаровалъ и привелъ въ восторгъ Европу, онъ желалъ теперь понравиться своимъ подданнымъ, поразить и ихъ воображеніе, и такимъ образомъ привлечь къ себѣ ихъ ненадежные умы. Его преобразовательные проекты и борьба съ злоупотребленіями, которые должны были создать его славу, вызвали противъ него свѣтскую оппозицію, злобную и иногда опасную. Несмотря на его благородныя и привлекательныя качества, популярность его была сомнительна. Чтобы установить ее, онъ горѣлъ нетерпѣніемъ доставить Россіи скорую, ощутительную, давно-желанную выгоду, которая смягчила бы горечь отъ испытанныхъ бѣдствій и удовлетворила чувство народной гордости. Но для осуществленія этихъ намѣреній вовсе не было необходимости бросаться на поприще безконечныхъ завоеваній и приключеній. Пріобрѣтенія на Востокѣ нѣсколькихъ хорошо выбранныхъ территорій, всего или, по крайней мѣрѣ, значительной части Молдаво-Валахскаго княжества, которое Екатерина мечтала присоединить къ своей имперіи, достаточно было бы для удовлетворенія Россіи и для достойнаго завершенія настоящаго кризиса. Александръ разсчитывалъ получить это, хотя и ограниченное, но все-таки значительное расширеніе, не дожидаясь раздѣла, то

есть соотвѣтственнаго увеличенія Франціи. Онъ смутно надѣялся, что Наполеонъ, приговоривъ къ смерти Оттоманскую имперію, но не считая себя въ силахъ привести приговоръ въ исполненіе, позволитъ Россіи взять нѣкоторыя провинціи въ счетъ будущаго наслѣдства въ Турціи.

Итакъ, высказывая большое сочувствіе къ раздѣлу, Александръ не торопилъ съ нимъ Наполеона, и, когда Наполеонъ, заботясь о соблюденіи приличія, выразилъ желаніе, чтобы Россія, до принятія противъ Турціи совмѣстныхъ крайнихъ мѣръ, попробовала вступить съ ней въ переговоры, царь не отклонилъ этой мысли: онъ разсчитывалъ легко вырвать у Порты выгодный миръ и уступку территорій, такъ какъ Франція, до сихъ поръ поддерживавшая Турцію, отдернула свою руку и отвернулась отъ нея. Онъ даже надѣялся, что Наполеонъ окажетъ поддержку его требованіямъ и найдетъ выгоднымъ ослабленіе имперіи, на которую впослѣдствіи хотѣлъ напасть и разбить на нѣсколько частей. «Я не жду слишкомъ большого сопротивленія моимъ намѣреніямъ, писалъ Александръ, ибо они въ интересахъ императора французовъ и вполнѣ отвѣчаютъ его взглядамъ на Оттоманскую имперію» [1]. Въ концѣ-концовъ условились въ принципѣ, что въ первыхъ числахъ іюля Россія начнетъ мирные переговоры съ Портой при посредничествѣ Франціи. Если же Турція откажется или будетъ лишена возможности вести переговоры, будетъ составленъ планъ раздѣла, который установитъ принятые взгляды и отреченіе Франціи отъ своей прежней союзницы; но этотъ строго-секретный проектъ не будетъ приводиться въ исполненіе до вторичнаго свиданія и окончательнаго соглашенія.

III.

Когда вызванное на горизонтѣ волшебное зрѣлище Востока все скрасило въ глазахъ Александра, сдѣлало его болѣе друже-

[1]) Инструкціи графу Толстому. Въ замѣткѣ, служившей основой для редактированія этой инструкціи, Александръ выражаетъ мысль, что вмѣсто того, чтобы предлагать Наполеону Боснію и Албанію, что можетъ вызвать раздѣлъ, слѣдуетъ ему только напомнить, что въ случаѣ, если онъ захочетъ выполнить это дѣло, ему будетъ выгодно, чтобы Россія теперь же вступила во владѣніе княжествами. Архивы С.-Петербурга.

любнымъ и уступчивымъ, Наполеонъ энергично возобновилъ переговоры о дѣлахъ, упорядоченіе которыхъ было необходимо для того, чтобы теперь же установить между двумя имперіями мирныя и союзныя отношенія. При этомъ онъ хотѣлъ точно опредѣлить свои выгоды, но не принимая на себя обязательствъ по отношенію къ Россіи. Разсмотрѣвъ сначала Европу вообще, затѣмъ Турцію въ частности, установили нѣкоторыя основы; оставалось только закрѣпить соглашеніе письменными условіями.

Для выполненія этой задачи оба монарха должны были избрать себѣ изъ своихъ министровъ надлежащихъ помощниковъ и, дѣйствительно, въ первые же дни свиданія, и тотъ и другой назвали своихъ полномочныхъ министровъ. Уполномоченный Франціи былъ уже намѣченъ: это былъ Талейранъ, спѣшно вызванный изъ Кенигсберга. Александръ предложилъ Будберга, который все еще управлялъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. По поводу этого выбора Наполеонъ сдѣлалъ нѣсколько возраженій. Онъ боялся, что баронъ Будбергъ, бывшій орудіемъ враждебной Франціи политики, не достаточно искренно проникнется новыми идеями своего государя; во всякомъ случаѣ его нѣмецкая фамилія внушала ему нѣкоторое чедовѣріе. Александръ замѣтилъ, что Будбергъ, уроженецъ прибалтійскихъ губерній, былъ такимъ же русскимъ, «какъ эльзасецъ—французомъ» [1]; тѣмъ не менѣе, изъ утонченнаго вниманія, онъ не настаивалъ на немъ, отстранилъ отъ переговоровъ самого министра и выбралъ своимъ уполномоченнымъ князя Куракина, новаго посланника въ Вѣнѣ, находившагося въ это время въ главной квартирѣ. Въ помощники ему былъ данъ князь Лобановъ. Куракинъ былъ старымъ царедворцемъ, вполнѣ послушнымъ, но не обладалъ ни инициативой, ни энергіей: 2 іюля у него было еще только одно совѣщаніе съ нашимъ представителемъ и въ жалобномъ письмѣ къ Талейрану, ссылаясь на свои недуги, онъ извинялся, что заставляетъ его ждать [2]. Въ сущности, переговоры между уполномоченными касались только мелочей и редактированія,—всякій важный вопросъ оставался исключительно въ вѣдѣніи императоровъ.

Ихъ непосредственные переговоры были единственными въ своемъ родѣ: не было ни приготовленій, ни торжественной обста-

[1]) Hardenberg, III, 488.

[2]) Archives des affaires étrangères, Prusse, 240.

новки, ни назначенныхъ для совѣщаній дней, ни докучливыхъ свидѣтелей, обязанныхъ все записывать. «Я буду вашимъ секретаремъ, сказалъ Наполеонъ Александру, а вы моимъ» [1]). Видѣлись и совѣщались, не стѣсняясь временемъ. Не относящіеся къ дѣлу задушевные разговоры, откровенныя бесѣды, нарушая монотонность дѣловыхъ разговоровъ, давали обоимъ императорамъ возможность лучше узнать, понять и оцѣнить другъ друга.

Между ними установились общія и правильныя привычки. Обыкновенно они встрѣчались среди дня, то у одного, то у другого. Если свиданіе происходило у императора, то въ теченіе долгихъ часовъ разговаривали въ его салонѣ, стоя, или ходили по комнатѣ большими шагами; иногда проходили въ сосѣдній кабинетъ, гдѣ были разложены карты, и изучали очертанія той части Европы, о передѣлкѣ которой шелъ разговоръ. Для отдохновенія отъ трудовъ предпринимали прогулки, посѣщали войска, ѣздили верхомъ по окрестностямъ Тильзита. Тогда нарушались свиданія вдвоемъ. Между обоими императорами являлось третье лицо — прусскій король. Фридрихъ-Вильгельмъ рѣшился, наконецъ, поселиться въ Тильзитѣ или, по крайней мѣрѣ, проводилъ тамъ часть дня. Онъ устроился въ скромной обстановкѣ, занялъ квартиру въ домѣ мельника [2]). Хотя Наполеонъ и Александръ и устранили его изъ своихъ совѣщаній, но они не могли исключить его изъ своего общества. Они приглашали его сопутствовать имъ во время ихъ ежедневныхъ выѣздовъ, и три государя ѣхали рядомъ во-главѣ ихъ слившихся въ одну группу свитъ.

Какъ только выѣзжали за городъ, Наполеонъ пускалъ въ галопъ своего коня и ѣхалъ съ привычной ему быстротой. Александръ, ловкій и искусный во всякаго рода гимнастическихъ упражненіяхъ, не уступалъ ему. Чувствовавшій себя неловко Фридрихъ-Вильгельмъ, къ тому же ѣздокъ менѣе искусный, не зналъ, что дѣлать съ своей особой, «отставалъ или наѣзжалъ на Наполеона и постоянно мѣшалъ ему» [3]). Пруссаки, видимо, страдали отъ этого. Ихъ унылый видъ составлялъ рѣзкій контрастъ съ великолѣпнымъ расположеніемъ духа остальной свиты. Скоро

[1]) Hardenberg, III, 490.
[2]) Hardenberg, III, 480.
[3]) Mémorial, 16 juin 1816.

между французами и русскими установились сердечныя отношенія, и, хотя среди нашихъ вчерашнихъ враговъ нѣкоторые генералы, между прочимъ и Платовъ, отказывались отъ всякаго общенія съ нами, офицеры, состоявшіе при особѣ царя, подражали ему и даже утрировали его поведеніе. Братъ его Константинъ сталъ на короткую ногу съ Мюратомъ, маршаломъ Бертье и генераломъ Груши. Онъ говорилъ съ ними о Парижѣ, обѣщалъ навѣстить ихъ, клялся имъ въ вѣчной дружбѣ. «Я желалъ бы, говорилъ онъ впослѣдствіи, чтобы они вполнѣ были увѣрены въ моемъ уваженіи и моей преданности. Какъ свидѣтель ихъ достойнаго поведенія и доблести, я имѣлъ возможность оцѣнить ихъ. Нельзя любить ихъ больше моего, всю жизнь буду я вспоминать пріятныя минуты, проведенныя съ ними» [1]).

Послѣ прогулки Наполеонъ и Александръ не разставались уже въ продолженіе всего дня. Обѣдали у императора; въ это время присутствіе Фридриха-Вильгельма опять вызывало нѣкоторую натянутость и омрачало собраніе. Вслѣдствіе этого оба друга довольно рано «расходились» [2]); но это было часто только хитростью, имѣющей цѣлью отдѣлаться отъ тягостнаго гостя. Вечеромъ они снова встрѣчались у царя, гдѣ «пили чай» [3]). Проговоривъ до полуночи и долѣе, они выходили вмѣстѣ. Иногда военные всякаго званія, наполнявшіе вечеромъ улицы Тильзита, встрѣчая двухъ прохожихъ, которые, идя подъ руку, дружески разговаривали, съ удивленіемъ узнавали въ нихъ императоровъ Франціи и Россіи [4]).

Въ этихъ непрерывныхъ свиданіяхъ, разговоръ всегда велъ и направлялъ Наполеонъ. Онъ былъ неизсякаемъ въ рѣчахъ и мысляхъ. Отдаваясь своей страсти къ эффектнымъ монологамъ, онъ во всемъ находилъ предметъ для подробнаго развитія своеобразныхъ и глубокихъ взглядовъ. Александръ предоставлялъ ему говорить и умѣлъ его слушать. Такая манера держать себя облегчалась молодому монарху тѣмъ, что затрагиваемые вопросы были вполнѣ достойны его вниманія: дѣло шло о политикѣ, администраціи и войнѣ. Наполеонъ разсказывалъ о первыхъ своихъ по-

[1]) Повѣренный въ дѣлахъ Лессепсъ министру иностранныхъ дѣлъ, 22 августа 1807 г.

[2]) Mémorial, 16 juin 1816.

[3]) Id.

[4]) Mémoires de Roustam, loc cit.

бѣдахъ, поразившихъ міръ, о походахъ въ Италію и Египетъ. Замѣтивъ, что египетскій походъ въ высокой степени поражалъ воображеніе царя, онъ повторялъ его романическое описаніе. Затѣмъ, простодушнымъ тономъ, онъ открывалъ секреты и пріемы военнаго дѣла. Онъ говорилъ, что искусство побѣждать не было недосягаемой наукой, что иногда глубокіе разсчеты противника разрушаются на войнѣ присутствіемъ духа и хладнокровіемъ. Все заключается въ томъ, говорилъ онъ, чтобы испугаться послѣднимъ [1]). Александръ благоговѣйно слушалъ его, запечатлѣвая въ своей памяти все слышанное и не забылъ этого, «твердо рѣшившись, разсказывалъ онъ впослѣдствіи, «при случаѣ» этимъ воспользоваться» [2]). Онъ также хотѣлъ научиться у Наполеона, какъ вести народъ и управлять государствомъ. Императоръ любезно удовлетворялъ его любознательности, раскрывалъ главные двигатели своего могущества, объяснялъ устройство своего правленія, внутренній ходъ той «громадной машины», разсматривать которую дозволялось Европѣ только съ ея внѣшней импонирующей стороны. Онъ вспоминалъ, какими способами онъ пересоздалъ администрацію, общество, націю; какъ передѣлалъ Францію съ помощью разбросанныхъ и разнородныхъ элементовъ. Вдаваясь въ подробности, онъ давалъ краткую характеристику людей, услугами которыхъ пользовался; описывалъ ихъ происхожденіе, склонности, многообразныя ихъ способности; говорилъ, чего требовалъ отъ каждаго изъ нихъ и что умѣлъ извлечь; какую большую цѣну придавалъ тому, чтобы они оставались на своихъ мѣстахъ, какъ обезпечивалъ устойчивость ихъ должностей, какъ предпочиталъ скорѣе не обращать вниманія на ихъ недостатки, чѣмъ отказываться извлекать пользу изъ ихъ хорошихъ качествъ, предпочитая лучше объѣздить ихъ, чѣмъ сокрушить [3]).

Затѣмъ бесѣда возобновлялась снова, вдаваясь иногда въ чисто-умозрительныя области. Обсуждали различные образы правленій и присущую имъ цѣнность. Оказалось, между прочимъ,

[1]) Mémoires de la comtesse Edling, 85.

[2]) Id.

[3]) Слова, о которыхъ Александръ упоминаетъ въ своихъ разговорахъ съ Коленкуромъ: переписка этого посланника. 1807—1808, passim.

что Александръ былъ поклонникомъ «идеологіи» [1]). Самодержецъ по положенію, онъ хотѣлъ казаться либеральнымъ по принципамъ, даже называлъ себя республиканцемъ, и коронованному солдату приходилось отстаивать преимущества наслѣдственнаго права. Во всякомъ затронутомъ вопросѣ, какимъ бы отвлеченнымъ онъ ни былъ, Наполеонъ старался уловить, главнымъ образомъ, практическую его сторону и коснуться того пункта, который долженъ былъ заинтересовать и понравиться его собесѣднику. Однажды заговорили о печати. Императоръ, искусно и не щадя противника пользовавшійся этимъ орудіемъ, вспомнилъ, что Александру приходилось страдать отъ личныхъ нападокъ, и что у него сохранилось о нихъ непріятное воспоминаніе. «Не нужно вспоминать прошлаго, сказалъ онъ, но увѣряю васъ, что въ будущемъ не будетъ сказано ни одного слова, которое почему-либо могло бы непріятно подѣйствовать на васъ, ибо, хотя печать и пользуется достаточной свободой, но полиція оказываетъ на журналы сдерживающее вліяніе» [2]).

Въ отвѣтъ на такія любезности, Александръ дѣлалъ видъ, что совершенно отрекается отъ людей и дѣлъ прошлаго режима. Онъ вполнѣ откровенно сознался въ своемъ посѣщеніи Митавы во время послѣдней кампаніи и въ своихъ сношеніяхъ съ главой Бурбонскаго дома, но прибавилъ, что считаетъ этого принца «самымъ ничтожнымъ и пустымъ человѣкомъ въ Европѣ» [3]). Наполеонъ былъ того же мнѣнія, и оба согласились, что будущій Людовикъ XVIII лишенъ всякихъ качествъ, необходимыхъ для того, чтобы быть государемъ. Зато Александръ крайне сочувственно относился къ новой царствующей во Франціи династіи. Онъ выразилъ желаніе, чтобы Наполеонъ разсказалъ ему о своей семьѣ, о семейной жизни, о своихъ интимныхъ заботахъ и тревогахъ. Тогда императоръ вспомнилъ о только-что понесенной имъ утратѣ, о смерти старшаго сына Людовика *), о ребенкѣ, котораго онъ приказывалъ называть «маленькимъ Наполеономъ»; онъ особенно подчеркнулъ горе матери и замѣтилъ, что королева Гортензія занимаетъ видное мѣсто въ его сердцѣ. Нѣсколько

[1] Mémorial, 10—12 mars 1816.

[2]) Донесеніе Коленкура отъ 30 апрѣля 1808 г.

[3]) Слова, сказанныя повѣренному въ дѣлахъ Лессепсу; его письмо отъ 23 августа 1807 г.

*) Дѣло идетъ о сынѣ Людовика, короля голландскаго. (*Прим. пер.*).

мѣсяцевъ спустя, императоръ Александръ позволилъ себѣ тонкій намекъ на этотъ разговоръ: «Передайте императору мое поздравленіе, сказалъ онъ нашему послу, по поводу разрѣшенія королевы Гортензіи. Я очень доволенъ, что это мальчикъ [1]). Въ Тильзитѣ императоръ часто говорилъ мнѣ о ней и о ребенкѣ, котораго она потеряла: это жестокая утрата. Я знаю, что она женщина съ большими достоинствами, и что онъ очень ее уважаетъ» [2]).

Послѣ обмѣна увѣреніями въ преданности и довѣріи, для обоихъ государей создавались лучшія условія для возобновленія ихъ труда и примиренія ихъ интересовъ. Незамѣтно, они возвращались къ политикѣ, къ дѣламъ, и простая бесѣда превращалась въ совѣщаніе. Въ это время Наполеонъ особенно заботился, чтобы не столкнулись слишкомъ рѣзко взгляды, иногда діаметрально противоположные. Какой бы ни поднимался вопросъ, онъ не разсматривалъ его близко, ограничивался лишь тѣмъ, что пускалъ въ ходъ только идеи и внушалъ разные способы рѣшенія. Затѣмъ, вечеромъ или на другой день, онъ приказывалъ передать Александру краткую, составленную въ сильныхъ выраженіяхъ, записку, въ которой онъ точно опредѣлялъ спорный вопросъ, ясно излагалъ требованія, вкратцѣ и остроумно приводилъ доводы. Благодаря этому, когда возвращались къ обсужденію вопроса, разговоръ становился сразу на опредѣленную и заранѣе ограниченную почву. Впрочемъ, бывали случаи, когда они не приходили къ соглашенію. Тогда, снова обдумавъ вопросъ, Наполеонъ отыскивалъ способъ примиренія, *mezzo termine*, какъ онъ говорилъ, и дѣлалъ его предметомъ новой и послѣдней записки [3]). При новой встрѣчѣ императоровъ, разногласіе было уже сглажено, и имъ не трудно было окончательно устранить его. Благодаря такому пріему, то есть, перепискѣ, сопровождавшей словесные переговоры, дѣла подвигались впередъ, составлялись

[1]) Этотъ ребенокъ былъ впослѣдствіи императоръ Наполеонъ III.

[2]) Донесеніе Коленкура отъ 21 марта 1808 г.

[3]) Записки Наполеона находятся частью въ корреспонденціи, частью въ сборникѣ документовъ, приложенномъ въ Mémoires de Hardenberg; большая часть отвѣтовъ Александра была опубликована Татищевымъ, Nouvelle Revue, 1-er juin, 1890.

рѣшенія, статьи договора присоединялись однѣ къ другимъ, и дѣло о союзѣ принимало конкретную форму.

Первый рядъ вопросовъ былъ быстро разсмотрѣнъ. Въ нѣкоторыхъ статьяхъ общаго договора Александръ, опредѣленно или путемъ замалчиванія, признавалъ и даже гарантировалъ всѣ завоеванія своего союзника, все совершенное имъ до войны 1806 г. Онъ соглашался, чтобы Францiя, возстановленная республикой въ ея естественныхъ границахъ, повсюду перешла ихъ и стояла во главѣ федеративныхъ государствъ; чтобы Луи-Наполеонъ царствовалъ въ Голландiи, Мюратъ—въ Бергскомъ герцогствѣ, чтобы Швейцарія оставалась вассальной, чтобы императоръ французовъ былъ покровителемъ и главой Рейнской Конфедераціи. Не довольствуясь тѣмъ, что допустилъ существованіе этой лиги, онъ признавалъ за ней право къ неопредѣленному распространенію. Въ статьѣ 15-й мирнаго договора говорилось: «Его Величество Императоръ Россіи обѣщаетъ, на основаніи сообщеній, которыя будутъ доставлены ему Его Величествомъ Императоромъ Наполеономъ, признавать государей, которые сдѣлаются въ будущемъ членами Конфедераціи, въ томъ титулѣ, который имъ будетъ данъ актами, предназначенными ихъ туда ввести» [1]. На Югѣ Александръ соглашался, чтобы нашъ союзъ производилъ давленіе на Испанію, чтобы Францiя, перейдя по ту сторону Альповъ, распространилась на Пьемонтъ и протянулась по лигурійскому берегу; чтобы продолженіемъ великой имперіи служило Цизальпинское королевство, чтобы остальныя итальянскія государства были ея ленниками; чтобы Жозефъ-Наполеонъ, король неаполитанскій, обезпечилъ за нами оконечность полуострова; чтобы обладаніе Далмаціей упрочило положеніе Франціи на границахъ Турціи. Австрія, обойденная молчаніемъ въ договорѣ, была исключена изъ Германіи и оставалась въ границахъ, установленныхъ Пресбургскимъ миромъ. Однимъ словомъ, всѣ страны, расположенныя къ югу отъ границъ Австріи, къ югу отъ Саксоніи и Тюрингіи, на востокъ отъ Рейна и даже на востокъ отъ голландской границы, оставались въ положеніи, въ которое поставили ихъ наши побѣды; такимъ образомъ Наполеону предоставлялась власть надъ Западомъ.

Когда было установлено это разграниченіе, задача обоихъ

[1]) De Clercq, Recueil de traités de la France, II, 211.

императоровъ сдѣлалась менѣе трудной. Оставалось только разсмотрѣть и разрѣшить три вопроса, относящіеся къ собственнымъ и существеннымъ интересамъ Россіи: судьбу Пруссіи, согласованіе мѣръ противъ Англіи, составленіе статей по поводу Турціи.

Вопросъ о Пруссіи включалъ въ себѣ вопросъ о всей сѣверной Германіи и Польшѣ. Французское нашествіе, прокатясь волною отъ Рейна до Нѣмана, или сломило, или подняло все на своемъ пути. Оно стерло границы, повергло престолы, покорило многіе народы; другихъ оно оживило и увлекло за собой, не давъ имъ прочнаго и устойчиваго существованія. Какой новый порядокъ долженъ возникнуть на исковерканной почвѣ, на которой не осталось ничего, кромѣ безформенныхъ элементовъ, обломковъ прошлаго и зачатковъ будущаго? Наполеонъ обѣщалъ Александру возстановить Пруссію, но оставилъ за собой право передѣлать и устроить ее по-своему. Какимъ образомъ примиритъ онъ существованіе Пруссіи съ дѣлами, которыя онъ считалъ необходимыми для собственной безопасности?

Съ самаго начала онъ задумалъ стройную систему. Первой его мыслью было создать на мѣстѣ Германіи во всю ея длину, отъ Рейна до Вислы, рядъ государствъ, зависящихъ отъ Франціи. Сперва Бергское великое герцогство, которому имѣлось въ виду придать прусскія вестфальскія владѣнія; затѣмъ гессенскія, брунсвикскія, нассаускія владѣнія, сгруппированныя при иныхъ условіяхъ; затѣмъ Саксонія, которая была бы возведена въ королевство, и политика которой зависѣла бы отъ нашей; далѣе отнятая у Фридриха-Вильгельма Силезія, отданная французскому принцу [1]); наконецъ, въ концѣ этой непрерывной линіи было бы создано княжество — великое герцогство Варшавское, которое можно было бы составить изъ польскихъ провинцій Пруссіи. Благодаря такому взаимному положенію государствъ, хотя и различныхъ, но связанныхъ между собой тѣсными отношеніями и узами общей зависимости, вліяніе или, вѣрнѣе сказать, власть императора непрерывнымъ токомъ прошла бы отъ нашихъ границъ до границъ Россіи. Сфера французскаго вліянія разсѣкла бы пополамъ Германію и даже центральную Европу. Внѣдрившись между враждебными или сомнительными государствами, Пруссіей и Ав-

[1]) Hardenberg, III, 492.

стріей, она держала бы ихъ разобщенными, помѣшала бы имъ соединиться и расшатала бы коалицію, разъединивъ ея членовъ.

По этой гипотезѣ Пруссія теряла менѣе въ длину, чѣмъ въ ширину. Ей возвращались нѣкоторыя владѣнія по сю сторону Эльбы [1]); но зато по ту сторону рѣки она получила бы только Бранденбургъ, Померанію и старую Пруссію, то есть, неплодородныя и песчаныя Сѣверныя провинціи; она была бы сведена къ узкой полосѣ земли, втиснута въ прежнія границы *) и прижата къ морю. Кромѣ того, Наполеонъ имѣлъ въ виду сохранить за собой на побережьѣ, по крайней мѣрѣ на время, всѣ пункты сколько-нибудь полезные для борьбы съ Англіей. Онъ хотѣлъ удержать за собой Ганноверъ, привлечь въ свой союзъ Данію, по-прежнему занимать ганзейскіе города, Штетинъ, берега Мекленбурга и шведскую Померанію, сдѣлать Данцигъ свободнымъ городомъ и утвердить въ немъ свое вліяніе. Созданіе подъ негласнымъ протекторатомъ Франціи изъ Данцига и Варшавы автономныхъ владѣній, связанныхъ между собой рѣкой Вислой, плаваніе по которой предполагалось объявить свободнымъ, отдало бы въ наши руки теченіе Вислы и замкнуло бы кольцо, охватывающее Пруссію.

Возвращая къ самостоятельной жизни нѣкоторыя части Польши, не хотѣлъ ли Наполеонъ, несмотря на свои увѣренія, подготовить будущее ея возстановленіе? Мы знаемъ, что, во время войны, онъ тщательно избѣгалъ принять рѣшеніе по этому вопросу и, не желая скомпрометировать себя, не давалъ полякамъ никакихъ обязательствъ. Къ тому же то, что онъ узналъ о нихъ, повидимому, не могло внушить ему довѣрія въ ихъ политическій умъ, въ ихъ способность снова возродиться. Слѣдовательно, онъ былъ вполнѣ искрененъ, когда въ присутствіи Александра отрекался отъ всякой мысли о дѣйствительномъ возстановленіи Польши. Однако, его практическій умъ вовсе не имѣлъ въ виду лишать себя возможности использовать вызванные имъ къ жизни на Вислѣ воинственные элементы и свести ихъ, такъ сказать, къ нулю. Онъ спрашивалъ себя: нельзя ли, соединивъ ихъ съ другими заимствованными отъ Германіи элементами, создать политическое и военное тѣло, настолько сильное, чтобы оно могло служить однимъ изъ оплотовъ Имперіи? Безъ сомнѣ-

---

[1]) Hardenberg, III. 494.

*) До Фридриха II (прим. перев.).

нія, такому разнородному полуславянскому, полугерманскому государству недоставало бы спайки, которую могли бы дать ему однородная національность и общія традиціи и стремленія. Быть можетъ, такое неестественное сочетаніе было бы кратковременнымъ. Но въ тотъ критическій для имперіи періодъ времени, когда ей приходилось быть на-стражѣ и защищать себя со всѣхъ сторонъ, Наполеонъ гораздо болѣе думалъ объ удовлетвореніи насущныхъ потребностей, чѣмъ о закладкѣ зданій для будущаго. Его проектъ приклеить великое герцогство къ чуждымъ ему элементамъ, то есть къ Саксоніи и Силезіи, опредѣляетъ истинный характеръ и мѣрило его намѣреній относительно Польши. Не намѣреваясь поставить жертву тройного раздѣла въ положеніе прочнаго государства, онъ хочетъ создать въ Европѣ, — я не скажу польскую націю, но польскую армію, ибо онъ признаетъ въ проектируемомъ государствѣ только крупную военную силу, стоящую на стражѣ Франціи. Онъ хочетъ водворить ее на довольно обширномъ и достаточно сильно укрѣпленномъ мѣстѣ, для того, чтобы она могла сломить или, по крайней мѣрѣ, задержать набѣгъ нашихъ враговъ; онъ хочетъ сдѣлать изъ великаго герцогства учрежденіе подобное тѣмъ пограничнымъ, поставленнымъ на военную ногу, провинціямъ, тѣмъ *округамъ*, которые создавалъ Карлъ Великій для прикрытія своихъ громадныхъ владѣній и для охраны ихъ отъ вторженій. Имѣя во второй линіи поддержку въ крѣпостяхъ рѣки Одера, въ третьей въ крѣпостяхъ на верхней Эльбѣ, Варшавское герцогство будетъ тѣсно связано съ нашей оборонительной системой, будетъ держать въ почтеніи Пруссію, и при случаѣ угрожать Австріи. Сама Россія, если бы она когда-нибудь отреклась отъ союза съ нами и снова вступила въ коалицію, не сможетъ сдѣлать по направленію къ Германіи ни одного шага, не наткнувшись на остріе французской шпаги, протянутой черезъ Саксонію, Силезію и Польшу до самыхъ ея границъ.

Однако, Наполеонъ вскорѣ сознал, что въ точности выполнить этотъ планъ невозможно. Онъ допустилъ разорвать по срединѣ цѣпь государствъ, которую разсчитывалъ протянуть между Рейномъ и Вислой. Принявъ Фридриха Вильгельма въ Тильзитѣ и признавъ за Александромъ право вступаться за него, могъ ли онъ предписать Фридриху-Вильгельму, кромѣ другихъ многочисленныхъ жертвъ, еще и тяжелую утрату Силезіи? Но, думалъ онъ, Силезія, возвращенная прусскому королю, не будетъ имѣть въ

его рукахъ своего прежняго значенія: зажатая и сдавленная въ своей сѣверной части между Саксонскимъ королевствомъ и провинціей Познанью, принадлежащей великому герцогству, пересѣченная военной дорогой, которая будетъ поддерживать сообщеніе между этими двумя государствами, она только клочкомъ своей территоріи будетъ примыкать къ Бранденбургской монархіи и при первомъ толчкѣ отпадетъ отъ нея. Къ тому же Наполеонъ намѣревался наложить на Пруссію денежную контрибуцію, которая дастъ ему возможность долго удерживать ее подъ своимъ гнетомъ, и, въ случаѣ надобности, вырвать у нея новыя уступки. По этимъ причинамъ онъ отказался отъ требованія Силезіи, но, въ возмѣщеніе этой уступки, рѣшилъ взять обратно свое предложеніе о возвращеніи нѣкоторыхъ территорій по сю сторону Эльбы и потребовать, чтобы страны, расположенныя между Эльбой и Рейномъ, были всецѣло отданы ему; однѣ изъ нихъ должны послужить для увеличенія Бергскаго великаго герцогства, удѣла Мюрата, другія для устройства принцу Жерому-Наполеону цѣлаго королевства, королевства Вестфальскаго [1]).

Такъ какъ императоръ только слегка коснулся Силезіи, а свои предложенія возвратить лѣвый берегъ Эльбы изложилъ вполнѣ опредѣленно, то Александръ въ правѣ былъ запомнить, изъ его не совсѣмъ опредѣленной рѣчи, только то, что отвѣчало его желаніямъ, устранивъ остальное. Нотой отъ 4 іюля при чрезвычайно нѣжномъ письмѣ, онъ напомнилъ Наполеону о его обѣщаніи, дѣлая видъ, что смотритъ на это обѣщаніе, какъ на нѣчто рѣшенное и безусловное. Тѣмъ не менѣе онъ сознавалъ трудность отстоять свое толкованіе. Для того, чтобы облегчить ему пріемъ, онъ поддержалъ его такими соблазнительными предложеніями: такъ какъ необходимо найти престолъ принцу Жерому, нельзя ли дать ему Варшавскій и открыть ему путемъ брака права на Саксонскій? [2]). Наполеонъ рѣшительно отклонилъ это пред-

[1]) Corresp., 12846, 12849. Hardenberg, III, 498.

[2]) О какомъ бракѣ говорится между императорами? Записка Александра не дошла до насъ, а Наполеонъ въ своемъ отвѣтѣ не высказывается достаточно ясно. Какъ намъ кажется, дѣло идетъ о бракѣ принца Жерома съ старшей дочерью саксонскаго короля, во всякомъ случаѣ пробѣлъ въ документахъ не позволяетъ намъ утверждать что-либо положительно. См. № 12849. Correspondance.

ложеніе. Онъ находилъ въ немъ неудобствъ болѣе, чѣмъ выгодъ. Устраивая въ центрѣ Европы оборонительную систему, отчасти направленную противъ самой Россіи, онъ не хотѣлъ, чтобы его мысль обнаружилась; онъ, конечно, стремился къ тому, чтобы косвенно войти въ соприкосновеніе съ Сѣверной имперіей, но такъ, чтобы это не бросилось ей въ глаза. Посадить же на Вислѣ одного изъ своихъ братьевъ, значило бы офиціально помѣстить туда Францію, слѣдовательно, водворить ее на границахъ России и создать возможность столкновенія между двумя государствами, которыя могли оставаться друзьями, только при условіи территоріальнаго разобщенія: «Призвать принца Жерома на Саксонскій и Варшавскій престолъ, отвѣтилъ Наполеонъ Александру въ сильно мотивированной нотѣ, значитъ почти въ одинъ мигъ испортить наши отношенія... Политика императора Наполеона состоитъ въ томъ, чтобы его непосредственное вліяніе не переходило за Эльбу. Онъ признаетъ эту политику за единственную, которая можетъ согласоваться съ желаніемъ искренней и вѣчной дружбы, которую онъ хочетъ заключить съ великимъ Сѣвернымъ государствомъ» [1]. Итакъ, пусть сохранитъ Саксонія свою древнюю династію и пусть эта династія будетъ призвана царствовать также и въ великомъ герцогствѣ Варшавскомъ, но Пруссія должна окончательно удалиться по ту сторону Эльбы и признать въ этой рѣкѣ границу, которую она не можетъ переступить.

Александръ не рѣшился самъ настаивать, но приказалъ возбудить вопросъ своимъ уполномоченнымъ. Въ первый разъ начались довольно серьезныя пререканія между представителями обоихъ императоровъ. Русскіе требовали для Пруссіи по крайней мѣрѣ двѣсти тысячъ душъ на лѣвомъ берегу Эльбы, просили также, чтобы Пруссіи были возвращены нѣкоторыя частицы ея прежнихъ владѣній въ Польшѣ «для того, чтобы установить непрерывность государства отъ Кенигсберга до Берлина» [2]. По первому вопросу Наполеонъ былъ непреклоненъ и призналъ исполненіе этихъ требованій только въ неопредѣленномъ будущемъ. Онъ согласился на секретную статью, въ которой будетъ сказано, что «въ случаѣ, если Ганноверъ, послѣ мира съ Англіей, будетъ присоединенъ къ Вестфальскому королевству, области на лѣ-

[1]) Corresp. 12849.

[2]) Corresp., 12863.

вомъ берегу Эльбы съ четырьмястами тысячъ душъ будутъ возвращены Пруссіи» [1]). На Сѣверѣ онъ не отказался тотчасъ же расширить слегка новыя границы Пруссіи такъ, чтобы она «отъ Кенигсберга до Берлина имѣла повсюду протяженіе на пятьдесятъ лье болѣе» [2]). Эти двѣ ничтожныя уступки были его послѣднимъ и окончательнымъ словомъ въ нотѣ къ русскому императору.

Благодаря царю, прусскій дворъ былъ въ курсѣ всѣхъ перемѣнъ, происходящихъ въ переговорахъ. Быстро оправившись послѣ тревоги, причиненной ему требованіемъ Силезіи, онъ понемногу набрался смѣлости и упорно привязался къ мысли возвратить себѣ нѣкоторыя владѣнія на лѣвомъ берегу Эльбы, въ особенности крѣпость Магдебургъ, который одинъ стоилъ цѣлой провинціи. Когда онъ узналъ истинное неутѣшительное положеніе вещей, его горе было велико; оно увеличилось еще болѣе, благодаря несбывшимся надеждамъ. Къ довершенію несчастья, онъ не былъ допущенъ до участія въ переговорахъ и могъ защищать свое дѣло только при посредствѣ третьяго лица. Онъ вынужденъ былъ представлять свои заявленія и жалобы черезъ посредничество Александра, рвеніе котораго начинало ослабѣвать. Наполеонъ по-прежнему избѣгалъ говорить о дѣлахъ съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ; да и всегда грустное настроеніе молчаливаго короля вовсе не располагало къ объясненію. Тщетно умоляли его преодолѣть себя и быть хоть сколько нибудь предупредительнымъ. Онъ оставался мрачнымъ и полнымъ чувства собственнаго достоинства, какъ будто онъ предпочиталъ лучше покориться своей участи, чѣмъ просить помилованія. Правда, маршалъ Калькрейтъ продолжалъ офиціально считаться прусскимъ представителемъ, но онъ никогда не умѣлъ ни отстоять довѣренное ему дѣло, ни даже оцѣнить положенія вещей. Старый солдатъ стараго режима, честный и недалекій, онъ думалъ, что воевали еще такъ, какъ въ прошломъ вѣкѣ, безъ ненависти, съ рыцарской умѣренностью; что пораженіе было непріятнымъ приключеніемъ безъ слишкомъ серьезныхъ послѣдствій; что Пруссія, послѣ неслыханныхъ пораженій, выйдетъ изъ тяжелаго положенія, уступивъ «нѣсколько католическихъ

---

[1]) Id.
[2]) Corresp., 12863.

церквей» [1]). Наполеонъ и Талейранъ оставляли его въ пріятномъ заблужденіи и осыпали комплиментами и любезностями; съ нимъ болтали, но не вели переговоровъ. Чтобы придти на помощь его бездарности, король слишкомъ поздно далъ ему въ помощники графа Гольца съ порученіемъ видѣть Наполеона и, если возможно, умилостивить его. Но новый уполномоченный тщетно просилъ Талейрана и Дюрока выхлопотать ему аудіенцію. Министръ и фельдмаршалъ поочередно отсылали другъ къ другу несчастнаго просителя. 7 іюля, дважды написавъ Талейрану, Гольцъ все еще ждалъ отвѣта. Императоръ сдѣлался невидимкой, и Пруссія почувствовала, что ее приговорили, даже не выслушавъ ее [2]).

При поискахъ, во что бы то ни стало, выйдти изъ столь отчаяннаго положенія, умъ прусскихъ министровъ озарила мысль испытать исключительное средство. Какъ ни былъ труденъ доступъ къ Наполеону, можетъ ли отказать надменный побѣдитель выслушать августѣйшую особу, которая явится умолять его во всеоружіи всѣмъ міромъ признаннаго обаянія? Съ нѣкотораго времени знаменитая красота прусской королевы входила въ разсчеты европейской дипломатіи. Говорили, что Александръ вступилъ въ прусскій союзъ и оставался въ немъ благодаря ея вліянію. До Іены, чтобы увлечь націю въ пагубное предпріятіе, военная партія прикрывалась именемъ королевы. Въ то время Наполеонъ, объявивъ личную войну королевѣ, велъ ее на страницахъ *Moniteur'a* безпощадно и безжалостно. Теперь, послѣ тяжкаго душевнаго потрясенія, удалившись въ Мемель, Луиза Прусская съ душевной тоской слѣдила изъ своего угрюмаго мѣстопребыванія за преніями, которыя должны были рѣшить судьбу ея народа. Когда ее стали просить вступиться за него и начать переговоры съ побѣдителемъ, оскорбившимъ въ ней королеву и женщину, она сперва возмутилась, но затѣмъ вникла въ дѣло, покорилась и объявила, что готова принести жертву, которой отъ нея требовали. О посѣщеніи ею Тильзита было объявлено офиціально. Отъ 6 іюля Наполеонъ писалъ

[1]) Hardenberg, III, 453.
[2]) Письма Гольца находятся въ archives des affaires étrangères, Prusse, 240.

Жозефинѣ: «Красавица королева прусская пріѣдетъ сегодня обѣдать со мной» [1]).

Въѣздъ въ Тильзитъ она совершила въ придворной каретѣ, при чемъ ей были оказаны воинскія почести. Ее сопровождали двѣ дамы, графини Фоссъ и Тауенцинъ. Первая, состоявшая оберъ-гофмейстериной при дворѣ въ теченіе пятидесяти лѣтъ, была олицетвореніемъ этикета. Она была совершеннѣйшимъ образцомъ нѣмецкихъ манеръ и вкусовъ; ея туалеты «рѣзали глазъ» [2]). Несмотря на волненіе, сжимавшее ея сердце, королева была дивно хороша въ изящномъ воздушномъ нарядѣ изъ вышитаго серебромъ бѣлаго крепа, съ діадемой изъ жемчуга на головѣ, съ выраженіемъ томной прелести во всѣхъ движеніяхъ. Она остановилась въ скромной квартирѣ короля Фридриха-Вильгельма. Министры, офицеры столпились вокругъ нея; каждый желалъ дать совѣтъ, ободрить ее, каждый читалъ ей наставленія: «Ахъ! ради Бога, дайте мнѣ немного успокоиться, дайте мнѣ собраться съ мыслями» [3]), говорила бѣдная женщина. Вдругъ раздались крики: «Императоръ ѣдетъ!» Дѣйствительно, онъ приближался верхомъ, съ короткимъ хлыстикомъ въ рукѣ, съ многочисленнымъ и блестящимъ эскортомъ, въ сопровожденіи своихъ маршаловъ и всей своей свиты. Король и принцы двинулись ему навстрѣчу.

«Королева наверху?»—кланяясь, спросилъ онъ, какъ будто хотѣлъ показать этими словами, что его визитъ предназначался только ей. Онъ поднялся по узкой и неудобной лѣстницѣ, которая вела въ комнату королевы. «Чего только не сдѣлаешь, чтобы достичь такой цѣли»,—любезно сказалъ онъ, когда королева стала извиняться, что заставила его подняться наверхъ. Она спросила его, какъ онъ переноситъ сѣверный климатъ, и затѣмъ тотчасъ-же съ трогательной смѣлостью приступила къ

---

1) Corresp., 12861. Большинство слѣдующихъ цитатъ взято изъ нѣмецкаго сочиненія, M. Adami, Louise de Prusse. Этотъ авторъ пользовался двумя описаніями приближенныхъ ко двору лицъ, 243—257. См. также les Souvenirs de la comtesse Voss, 305—309. По мѣрѣ возможности мы будемъ указывать французскіе источники.

2) Archives nationales, AF, IV. 1691. Перехваченныя письма.

3) Ach, jetzt! bitte ich, schweigen Sie, dass ich zur Ruhe komme und meine Gedanken sammeln kann. Adami, 253

цѣли своего путешествія, оплакивая несчастья Пруссіи, жестоко наказанной за то, что вызвала на сцену бога войны, что была ослѣплена славными преданіями Фридриха. Она старалась придать сценѣ трогательный, возвышенный, даже патетическій характеръ: «другой подумалъ бы, что это Дюшенуа въ трагедіи» [1]), грубо выразился о ней императоръ. Зато онъ изо всѣхъ силъ старался свести разговоръ на шутливый тонъ. Въ возгорѣвшейся на этой почвѣ борьбѣ онъ не оказался достаточно сильнымъ—онъ самъ сознался въ этомъ. Онъ сдѣлалъ королевѣ любезное замѣчаніе по поводу ея туалета.— «Этотъ крепъ и газъ изъ Италіи?»—спросилъ онъ. «Можно ли говорить о тряпкахъ въ такую серьезную минуту?»—отвѣтила она. Она овладѣла разговоромъ и высказала все, что хотѣла сказать; просила возвратить владѣнія въ Вестфаліи, на сѣверѣ и, въ особенности, Магдебургъ.—«Вы слишкомъ многаго просите, закончилъ разговоръ императоръ, но я обѣщаю вамъ подумать». И съ этими подающими надежду словами онъ покинулъ ее.

Въ продолженіе всего остального дня королевѣ оказывалось всевозможное вниманіе. Ежеминутно въ домъ мельника пріѣзжали съ порученіями высокопоставленныя особы, маршалы, принцы: Бессье привезъ помилованіе плѣнника; Бертье передъ обѣдомъ пріѣхалъ за королевой и проводилъ ее къ императору. За столомъ она заняла мѣсто между двухъ императоровъ, по правую руку Наполеона, по лѣвую руку котораго сѣлъ прусскій король. Иногда, поворачиваясь къ королю, побѣдитель бросалъ ему съ нескрываемой пренебрежительностью нѣсколько словъ утѣшенія, которыя тотъ отвергалъ съ чувствомъ собственнаго достоинства. Затѣмъ, обращаясь снова къ королевѣ, Наполеонъ заводилъ съ ней дружескія пререканія. «Знаете ли вы, что мои гусары едва не захватили васъ въ плѣнъ?—Мнѣ трудно повѣрить этому, Государь, потому что я не видѣла французовъ.—Но зачѣмъ было такъ рисковать? Отчего не подождали вы меня въ Веймарѣ!—Откровенно говоря, Государь, у меня не было ни малѣйшаго желанія».

Впрочемъ, Наполеонъ все время былъ утонченно-любезенъ и продолжалъ слѣдовать своему плану. Вмѣсто уступокъ онъ оказывалъ королевѣ изысканное вниманіе и вознаграждалъ ее

[1]) Mémorial, 15 juin 1816.

ничего нестоющими любезностями; вмѣсто Магдебурга онъ поднесъ ей розу. Послѣ обѣда, онъ долго продолжалъ разговоръ съ нею и рѣшилъ, что королева женщина очень умная, съ характеромъ, и очень обольстительная. Вполнѣ увѣренный въ себѣ, увѣренный, что никогда не допуститъ чувству восхищенія королевой овладѣть собой, онъ не мѣшалъ себѣ ему отдаться. Хотя онъ тщательно избѣгалъ всякаго слова, которому можно было бы придать характеръ обязательства, и не давалъ никакихъ обѣщаній, но его, позволявшая на все надѣяться, предупредительность поощряла королеву пустить въ ходъ всю силу своего обаянія, такъ что ему представился прекрасный случай насладиться встрѣчей съ красивой женщиной выдающагося ума и старавшейся ему понравиться. Словомъ, онъ сдѣлалъ видъ, что очарованъ ею, и королева, пустившая въ ходъ, не теряя своего достоинства, всю силу своего обаянія, уѣхала отъ него убѣжденная, что дѣло выиграно. По ея отъѣздѣ, безжалостный политикъ всецѣло вступилъ въ свои права. Онъ спокойно призвалъ Талейрана, выразилъ ему свою волю и приказалъ, чтобы дѣло было покончено и договоръ, безъ всякаго смягченія, подписанъ, какъ можно скорѣе, что нисколько не мѣшало ему высказать свое восхищеніе королевой и дать о ней самый лестный отзывъ. «Прусская королева и въ самомъ дѣлѣ прелестна, писалъ онъ Жозефинѣ; она очень кокетничаетъ со мной, но не ревнуй: я клеенка, по которой все это только скользитъ. Мнѣ слишкомъ дорого обошлось бы быть ея поклонникомъ» [1]).

Бѣдная королева вернулась домой вполнѣ счастливой: «Идите, идите, сказала она своимъ дамамъ, я вамъ все разскажу». Она такъ вѣрила въ благотворное впечатлѣніе, произведенное ея присутствіемъ, что была готова его продлить. «Если нужно будетъ, сказала она, я совсѣмъ поселюсь въ Тильзитѣ». Ночью она вернулась въ Пиктупёненъ, гдѣ ея разсказы всѣхъ обрадовали; а такъ какъ Наполеонъ повторилъ свое приглашеніе, было рѣшено, что на другой день она вернется въ городъ. На другой день все готово было къ отъѣзду. Экипажи были поданы, ждали только королеву, оканчивавшую свой туалетъ. Наконецъ она появилась въ великолѣпномъ и театральномъ костюмѣ, красномъ съ золотомъ, съ муслиновой чалмой на головѣ, но съ глазами

---

[1]) Corrsp., 12875.

красными отъ слезъ, съ разстроеннымъ лицомъ. Записка короля, который оставался въ Тильзитѣ, только-что разрушила всѣ ея надежды. «Положеніе очень измѣнилось, писалъ несчастный монархъ, условія ужасны». Въ ту же минуту пріѣхалъ графъ Гольцъ. Наконецъ-то, сегодня утромъ, императоръ его принялъ, но былъ неумолимъ, далъ понять, что его слова королевѣ были ничто иное, «какъ любезныя фразы»; что прусскій домъ долженъ считать себя счастливымъ уже и тѣмъ, что сохранилъ корону, тогда какъ могъ всего лишиться; что онъ обязанъ своимъ спасеніемъ только заступничеству Александра. Затѣмъ онъ отправилъ Гольца къ Талейрану. Талейранъ вынулъ изъ своего портфеля совсѣмъ готовый проектъ договора, едва далъ время прусскому министру познакомиться съ нимъ и представилъ его, какъ актъ, который слѣдовало подписать, но не обсуждать. Императоръ, присовокупилъ князь Беневентскій, хочетъ въ скоромъ времени возвратиться въ свое государство и желаетъ, чтобы въ два дня все было покончено.

Королева, возмущенная такимъ приговоромъ, все-таки должна была вернуться въ Тильзитъ; ей пришлось опять выслушивать комплименты Бертье, любезности Талейрана, занять мѣсто за столомъ возлѣ человѣка, котораго она ненавидѣла. Онъ началъ опять говорить «о тряпкахъ»: — «Какъ, развѣ прусская королева носитъ чалму? Конечно это не для того, чтобы понравиться русскому императору, который воюетъ съ турками?» — «Мнѣ думается, что я дѣлаю это больше всего, чтобы быть пріятной Рустаму», — отвѣтила королева. И она посмотрѣла на мамелюка императора, стоявшаго на вытяжку за кресломъ своего господина [1]). Вечеръ былъ для нея пыткой. Она должна была притворяться и дѣлать отчаянныя усилія, чтобы быть любезной въ то время, когда сердце ея было переполнено горечью. По временамъ она не справлялась съ своими чувствами. Принцъ Мюратъ сильно ухаживалъ за ней: «Чѣмъ развлекаетесь вы, Ваше Величество, въ Мемелѣ?—спросилъ онъ.— Чтеніемъ. — Что читаете вы, Ваше Величество? — Исторію прошлаго.— Но вѣдь и настоящая эпоха представляетъ событія, достойныя исторіи. – Съ меня довольно и того, что я пере-

[1]) Рустамъ не упоминаетъ объ этомъ анекдотѣ въ своихъ мемуарахъ. Cf. Adami, 256.

живаю ихъ» [1]). Наполеонъ разсказалъ, что во время отъѣзда королевы, когда онъ, провожая её, сходилъ съ лѣстницы, она сказала ему нѣжнымъ, въ душу проникающимъ голосомъ:—«Возможно ли, что послѣ того, какъ я имѣла счастье видѣть такъ близко историческаго человѣка, мнѣ не дано будетъ утѣшенія и возможности увѣрить его въ моей вѣчной преданности... —Ваше Величество, обо мнѣ нужно сожалѣть, серьезно отвѣтилъ онъ, таковъ удѣлъ моей несчастной звѣзды» [2]). Прусскій разсказъ утверждаетъ, что королева выразилась болѣе рѣзко: «Государь, будто бы сказала она, вы жестоко меня обманули», «сатанинская» улыбка была единственнымъ отвѣтомъ на ея упрекъ. Достовѣрно, что въ присутствіи Дюрока, который сажалъ ее въ карету и посѣтилъ на другой день, она не стѣснялась въ выраженіяхъ своей досады. Она жаловалась и Александру, что сдѣлалась жертвой нарушеннаго обѣщанія, но не могла припомнить ни одного положительнаго обѣщанія императора. Ея заблужденіе, общее многимъ ея соперницамъ по красотѣ и граціи, состояло въ томъ, что она вѣрила будто мимолетная дань удивленія, воздаваемая ея красотѣ, была непреодолимымъ и глубокимъ чувствомъ, которое подчиняло ея власти. Грубо выведенная изъ заблужденія, она вообразила, что ее обманули, уѣхала раздраженная, понявъ, наконецъ, какъ велика была ея неудача, унося неизлѣчимую рану, которая свела ее въ могилу. «Если бы раскрыли мое сердце, сказала она, пользуясь выраженіемъ Маріи Тюдоръ, въ немъ прочли бы слово Магдебургъ».

Договоръ съ Пруссіей былъ подписанъ 9 іюля и утвержденъ 12, безъ всякихъ измѣненій главныхъ статей, послѣ немногихъ споровъ о мелочахъ. Фридрихъ-Вильгельмъ терялъ треть своихъ владѣній, все, чѣмъ онъ владѣлъ въ западной Германіи и Польшѣ, и обязался закрыть всѣ свои гавани для англійской торговли. Кромѣ того, въ силу особой статьи, онъ обѣщалъ 1 декабря 1807 г. объявить войну Англіи, если она до этого времени не согласится подписать съ нами миръ согласно «съ истинными принципами морского права» [3]). Побѣжденная Пруссія отрекалась отъ всякой свободы дѣйствій и приковывалась къ колесницѣ побѣдителя.

Скоро ли, по крайней мѣрѣ, цѣной такой покорности могъ

[1]) Archives nationales, A F, IV, 1691.
[2]) Mémorial, loc. cit.
[3]) De Clercq, II, 223.

вступить Фридрихъ-Вильгельмъ во владѣніе своимъ умаленнымъ государствомъ? Въ этомъ отношеніи статьи договора были повидимому вполнѣ точны; но Наполеонъ еще не покончилъ съ Пруссіей: онъ приберегъ ей еще одно лишнее огорченіе. 12 іюля между княземъ Невшательскимъ и маршаломъ Калькрейтомъ было подписано въ Кенигсбергѣ условіе объ эвакуаціи прусскихъ владѣній. Наши войска должны были уходить постепенно, эшелонами, въ назначенные сроки. Но статья 4-я гласила, что это обязательство будетъ приведено въ исполненіе «только въ томъ случаѣ, если контрибуція, наложенная на страну, будетъ уплачена»[1]). Такимъ образомъ освобожденіе Пруссіи ставилось въ зависимость отъ уплаты долга, размѣръ котораго не былъ еще опредѣленъ и могъ превзойти ея платежныя средства, окончательные разсчеты по которому потребовали бы большихъ отсрочекъ и могли вызвать нескончаемыя затрудненія. Этимъ путемъ Наполеонъ предоставлялъ себѣ право безконечно отсрочивать эвакуацію, продлить мученіе Пруссіи, быть можетъ, вырвать у нея новыя жертвы и при полномъ мирѣ продолжать свои завоеванія. Условіе 12 іюля, въ связи съ договоромъ 9 іюля, было «образцомъ разрушенія»[2]); оговорка въ главномъ актѣ дѣлала чисто-случайными благопріятныя для Пруссіи условія.

Единственная надежда Пруссіи—быстро и сполна получить обратно оставленныя ей провинціи—основывалась на поручительствѣ Россіи. Статья 4 мирнаго договора, заключеннаго между обоими императорами, упоминала объ обѣщаніи возвратить Пруссіи провинціи и добавляла, что Наполеонъ отказывается сохранить за собой завоеванія «въ знакъ уваженія къ Его Величеству Императору Всероссійскому»[3]). Опираясь на эту статью, Александръ могъ потребовать очищенія Пруссіи, какъ исполненія обязательства, даннаго Россіи. Правда, чтобы окончательно разъединить и поссорить оба государства, Наполеонъ не щадилъ никакихъ усилій. Онъ предложилъ Александру часть изъ остат-

---

[1]) Id. 224.

[2]) Поццо ди Борго выражается такъ о договорѣ, который въ 1815 г. Пруссія въ пылу мести хотѣла поставить намъ въ вину и отъ чего отчасти предохранилъ насъ императоръ Александръ. Correspondance diplomatique du comte Pozzo di Borgo. 207.

[3]) De Clercq II, 203.

ковъ Пруссіи. Не довольствуясь тѣмъ, что заставилъ его принять Бѣлостокскій округъ въ Польшѣ, который во всякомъ случаѣ долженъ былъ перемѣнить хозяина, онъ, ссылаясь на принципъ естественныхъ границъ, навязывалъ ему Мемель, съ территоріальной полосой, которой владѣлъ Бранденбургскій домъ по ту сторону Нѣмана. Царь вынужденъ былъ нѣсколько разъ отказываться отъ этого почти оскорбительнаго подарка,—такъ мало отвѣчалъ онъ его чувству деликатности. Несмотря на его отказъ, Наполеонъ надѣялся, что ему не слишкомъ скоро напомнятъ объ исполненіи договора, такъ какъ Александръ, поддерживавшій сперва изо всѣхъ силъ просьбы Пруссіи, старался теперь дѣлать видъ, что отстраняется отъ нея. Однакожъ, статья 4 давала Россіи право на вмѣшательство, которое, если бы оно произошло, могло создать первое разногласіе между союзниками.

Однако, не въ вопросѣ о Пруссіи была наибольшая опасность для договора, установившаго, повидимому, порядокъ государствъ и распредѣленіе территорій отъ Рейна до Вислы. Можно думать, что Александръ поддерживалъ Пруссію изъ рыцарскаго чувства, изъ страха угрызеній совѣсти и изъ желанія ей добра, но предметомъ, на которомъ должно было скорѣе всего сосредоточиться его недовѣрчивое вниманіе, было герцогство Варшавское. Тщетно Наполеонъ поставилъ Польшу въ тѣсныя рамки и далъ ей названіе, которое не заключало въ себѣ ни воспоминаній, ни обѣщаній; тщетно избѣгалъ онъ поставить ее въ непосредственную зависимость отъ себя; тщетно отдѣлилъ незначительную часть ея для болѣе выгоднаго исправленія границъ Россіи. Да и странно было бы, если бы Россія вскорѣ не признала въ герцогствѣ зародыша возрождающейся Польши, предназначенной сдѣлаться ея врагомъ, выступить мстительницею за прошлое и потребовать обратно свои провинціи. Въ Тильзитѣ Александръ, какъ будто, отрекся отъ своихъ опасеній. Онъ доказалъ свою вѣру въ добросовѣстность союзника, предложивъ ввѣрить французскому принцу судьбу великаго герцогства. Тѣмъ не менѣе, ясно, что достаточно будетъ одного случая, одного неосторожнаго шага, какой-нибудь выгоды, предоставленной или обѣщанной полякамъ, сверхъ тѣхъ, которыя были имъ даны въ крайне умѣренномъ размѣрѣ по договору, чтобы покончить съ притворнымъ или дѣйствительнымъ довѣріемъ. Но было ли во власти самого Наполеона задержать и замкнуть въ опредѣленныхъ границахъ распространеніе силы, которую онъ,

вѣроятно, имѣлъ въ виду использовать? Безъ сомнѣнія, если бы вскорѣ за соглашеніемъ между обоими императорами наступилъ общій миръ, который сохранилъ бы государства въ установленныхъ тогда видѣ и границахъ, возвратилъ бы устойчивость Европѣ, уже въ теченіе пятнадцати лѣтъ подвергавшейся бурному волненію, уплотнилъ бы, такъ сказать, эту расплывчатую массу,—можетъ быть, Россія продолжала бы смотрѣть со спокойной увѣренностью на свою западную границу, гдѣ она видѣла бы только неполную, изуродованную, не способную къ развитію Польшу. Но война съ Англіей могла затянуться. Въ такомъ случаѣ все останется по старому неупроченнымъ и шаткимъ. Англія будетъ попрежнему мутить Европу, будетъ искать и найдетъ способъ вызвать новыя войны. Чтобы ихъ предупредить или наказать за нихъ, Наполеонъ вынужденъ будетъ совершить болѣе глубокіе перевороты: границы будутъ постоянно измѣняться и перемѣщаться. При этой безпрерывной передѣлкѣ континента, Варшавское герцогство найдетъ причину и поводъ къ приращенію. У него явится сила притяженія на окружающіе его элементы той же расы; оно окажетъ Наполеону услуги, за которыя нужно будетъ заплатить. Императоръ не разрушитъ окончательно надежды народа, который доблестно будетъ служить ему съ оружіемъ въ рукахъ. Не желая возстановленія Польши, онъ, въ силу обстоятельствъ, будетъ дѣлать видъ, что подготовляетъ его. Съ этой минуты наступитъ конецъ довѣрію, установившемуся въ Тильзитѣ. Царь откажется видѣть друга въ покровителѣ поляковъ, на которыхъ онъ будетъ смотрѣть, какъ на авангардъ, предназначенный для вторженія въ Россію. Итакъ, безполезно искать въ другомъ мѣстѣ, а не въ Варшавѣ, главную причину раздора, который, несмотря на установившіяся дружескія отношенія Франціи и Россіи, доведетъ ихъ до войны. Именно въ Польшѣ съ 1807 г. таится причина разлада, хотя еще скрытая, но которой, рано или поздно, суждено обнаружиться. Создавая великое герцогство, съ существованіемъ котораго въ умѣ императора связывалась идея объ оборонѣ, но которое неизбѣжно должно было принять видъ угрозы, тильзитскій договоръ ввелъ въ франко-русскій союзъ зародышъ смерти и положилъ начало своему собственному разрушенію.

IV.

Статьи, относящіяся до Англіи и Турціи, были составлены такъ, что представляли видимое соотношеніе. Дѣйствія того и другого императора, мирныя или военныя, смотря по обстоятельствамъ, должны идти параллельно, хотя и въ разныхъ мѣстахъ. Каждый долженъ дѣйствовать въ пользу союзника. Помощь, которую мы окажемъ Россіи на Востокѣ, будетъ соотвѣтствовать услугамъ, которыя окажетъ намъ Россія противъ Англіи, съ той только разницею, что Александръ бралъ на себя положительныя, а Наполеонъ только условныя обязательства.

Прежде всего, Александръ обязуется предложить лондонскому кабинету свое посредничество для возстановленія мира между Франціей и Англіей: онъ употребитъ всѣ силы, чтобы доставить успѣхъ желанному дѣлу. Если Англія согласится заключить миръ, признавая, «что флоты всѣхъ государствъ должны пользоваться равной и полной свободой на моряхъ» [1]), возвратитъ всѣ завоеванія, сдѣланныя за счетъ Франціи или ея союзниковъ, начиная съ 1805 г.,—дѣло шло о французскихъ, испанскихъ и голландскихъ колоніяхъ,—Наполеонъ возвратитъ ей Ганноверъ. Если къ 1 ноября 1807 г. Англія не приметъ посредничества Россіи или, принявъ его, не согласится вести переговоровъ на вышеуказанныхъ основахъ, петербургскій кабинетъ въ послѣдній разъ обратится къ ней съ требованіемъ. Если къ 1 декабря это требованіе не произведетъ дѣйствія, русскій посланникъ возьметъ свои вѣрительныя граматы, и начнется война.

Тогда франко-русскій союзъ долженъ вполнѣ развить непреодолимую мощь своихъ средствъ. Не довольствуясь употребленіемъ всѣхъ своихъ силъ противъ общаго врага, императоры принудятъ всю Европу цѣликомъ присоединиться къ своему дѣлу. Они не потерпятъ болѣе нейтральныхъ государствъ на континентѣ, такъ какъ Великобританія не признаетъ таковыхъ на моряхъ. До сихъ поръ одна великая держава, Австрія, и три второстепенныхъ, но выгодно расположенныхъ для морской борьбы, Швеція, Данія и Португалія, оставались нейтральными или вѣрными Англіи. Отъ дворовъ Стокгольма, Копенгагена и Лиссабона будетъ потребовано, чтобы они закрыли свои гавани для англійской торговли,

[1]) De Clercq, II, 214.

чтобы они отозвали изъ Лондона своихъ посланниковъ и объявили войну. Въ случаѣ отказа къ нимъ будутъ немедленно примѣнены принудительныя мѣры. Со Швеціей, король которой кичится своей, доходящей до безумія, враждой къ Наполеону, и финляндскія владѣнія котораго представляютъ честолюбивымъ стремленіямъ Александра заманчивую добычу, будетъ поступлено особенно сурово: не только Россія и Франція не пощадятъ ее, но онѣ заставятъ и Данію принять участіе въ войнѣ. Для вовлеченія Австріи въ общую войну удовольствуются «мѣрами настойчиваго нравственнаго воздѣйствія», не прибѣгая къ силѣ оружія. Пользуясь попеременно то матеріальнымъ, то нравственнымъ воздѣйствіемъ, Наполеонъ и Александръ употребятъ всѣ усилія для созданія противъ Англіи европейской лиги и превратятъ союзъ въ коалицію [1]).

Въ теченіе періода, предшествующаго чрезвычайнымъ мѣрамъ, въ то время, когда петербургскій кабинетъ будетъ употреблять всѣ усилія для достиженія мирнаго соглашенія съ Англіей, Наполеонъ съ своей стороны постарается о заключеніи мира между Россіей и Портой. Онъ предложитъ свое посредничество туркамъ и царю, который и приметъ его. При его содѣйствіи будетъ заключено перемиріе на Дунаѣ. Главное условіе предусмотрѣно уже теперь: Россія должна будетъ очистить Княжества, при чемъ султанъ будетъ лишенъ права занимать ихъ войсками. Хотя Наполеонъ, чтобы пощадить самолюбіе турокъ и сохранить за собой ихъ довѣріе, и настоялъ на томъ, чтобы эта статья вошла въ подлежащій огласкѣ договоръ, но на словахъ онъ далъ понять Александру, что не придаетъ ея выполненію большого значенія и не будетъ настаивать на эвакуаціи русскихъ войскъ [2]).

По прекращеніи враждебныхъ дѣйствій на Дунаѣ, переговоры о мирѣ будутъ продолжаться въ назначенномъ мѣстѣ. Задача Франціи, которая будетъ предсѣдательствовать во время преній, будетъ состоять въ примиреніи взаимныхъ требованій. Однако, «если, вслѣдствіе перемѣнъ, могущихъ произойти въ Константинополѣ, Порта не приметъ посредничества Франціи, или, если, послѣ принятія посредничества, окажется, что въ теченіе трехъ мѣсяцевъ послѣ открытія переговоровъ они не приведутъ къ желательному результату, Франція будетъ дѣйствовать заодно съ Россіей про-

[1]) Отъ до 6 статьи тайнаго договора.

[2]) Объ этомъ словесномъ обязательствѣ упоминается въ инструкціяхъ Александра I его посланнику Толстому. Архивы С.-Петербурга.

тивъ Оттоманской Порты. Обѣ высокія договаривающіяся стороны придутъ къ соглашенію объ изъятіи всѣхъ провинцій Оттоманской имперіи въ Европѣ, кромѣ Константинополя и Румеліи, изъ подъ ига и притѣсненія турокъ» [1]).

Какъ видимъ, раздѣлъ Оттоманской имперіи ставился въ зависимость отъ исхода переговоровъ, которые Франція, въ роли посредницы, пользуясь своимъ грознымъ престижемъ, имѣла возможность направлять, ускорить или затянуть, прервать или довести до конца. Благодаря этой оговоркѣ Наполеонъ сохранялъ за собой право опредѣлять размѣры своихъ уступокъ Россіи и оспаривать и увеличивать ихъ, въ зависимости отъ услугъ, которыя онъ отъ нея потребуетъ и въ зависимости отъ требованій войны съ Англіей. Вмѣсто того, чтобы круто измѣнить свою восточную политику, онъ просто принималъ мѣры къ ея видоизмѣненію, если обстоятельства его къ этому вынудятъ, и для выбора того или другого рѣшенія оставлялъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько мѣсяцевъ. Правда, впослѣдствіи императоръ Александръ утверждалъ, что Наполеонъ во время разговоровъ въ Тильзитѣ шелъ гораздо дальше и опредѣленно обѣщалъ Россіи пріобрѣтеніе на Дунаѣ. Но слѣдуетъ замѣтить, что такой смыслъ былъ приданъ императорскимъ словамъ приблизительно черезъ четыре мѣсяца послѣ свиданія, тогда, когда Александръ разобрался въ своихъ собственныхъ домогательствахъ, когда созналъ, что его вождѣленія выросли и приняли опредѣленную форму. Однако, если и предположить, что Наполеонъ допустилъ неясность, благопріятную для русской политики, онъ запасся трудно опровержимымъ аргументомъ, который въ случаѣ надобности могъ ее разсѣять и который былъ ничто иное, какъ самый текстъ договора, т. е. письменный документъ, на который только и можно было ссылаться при разногласіи между императорами. На несвоевременныя или преждевременныя требованія Александра онъ могъ бы всегда отвѣтить, какъ онъ это и сдѣлалъ впослѣдствіи: «Мнѣ указываютъ, что я не придерживаюсь болѣе *Тильзитской пѣсни*: я признаю только *пѣсню, положенную на ноты*, т. е., букву договора» [2]).

Слѣдуетъ еще замѣтить, что если бы раздѣлъ и состоялся,

---

[1]) De Clercq, II, 214.

[2]) Шампаньи къ Коленкуру, 2 апрѣля 1808 г.

условія его были плохо опредѣлены. Только вопросъ о Константинополѣ опредѣленно былъ изъятъ изъ обсужденія. Выраженіе «Румелія», употребленное для обозначенія странъ, которыя вмѣстѣ со столицей оставались за Портой, было особенно растяжимо; можно было примѣнить его въ тѣсномъ смыслѣ къ территоріямъ, непосредственно сгруппированнымъ вокругъ Константинополя и можно было распространить его на всѣ центральныя провинціи европейской Турціи, которыя обозначались въ оттоманскомъ словарѣ подъ именемъ «Румелія». Съ другой стороны, договоромъ не воспрещалось, чтобы въ вопросъ о раздѣлѣ были включены нѣкоторыя положенія объ островахъ: одна статья говорила опредѣленно, что Неаполитанскіе Бурбоны получатъ «въ вознагражденіе Балеарскіе острова или островъ Кандію, или что либо иное такого же значенія» [1]), если при заключеніи общаго мира у нихъ отнимутъ Сицилію. Наполеонъ теперь же присудилъ себѣ драгоцѣнную частицу приморскаго Востока, а именно: рейдъ Каттаро и семь Іоническихъ острововъ [2]). Если бы ему понадобилось еще бороться и завоевывать, они могли бы служить ему путемъ къ болѣе обширнымъ пріобрѣтеніямъ, онъ могъ бы найти въ нихъ предметъ для обмѣна и вознагражденія во время своихъ переговоровъ съ Англіей, если она не откажется «облагодѣтельствовать человѣчество заключеніемъ мира» [3]).

Всѣ статьи, по которымъ состоялось соглашеніе между императорами, были распредѣлены въ трехъ актахъ: договоръ о мирѣ, предназначенный къ немедленному обнародованію, отдѣльныя секретныя статьи и, наконецъ, тайный договоръ о союзѣ. Эти акты взаимно дополняли и объясняли другъ друга, и изъ всей ихъ совокупности вытекала система, принятая обоими императорами для совмѣстнаго разрѣшенія міровыхъ вопросовъ. Независимо отъ совмѣстныхъ шаговъ по отношенію къ Англіи и Турціи, тайный договоръ включалъ въ себѣ общій наступательный и оборонительный союзъ. «Его Величество Императоръ Французовъ, король Итальянскій и Его Величество Императоръ Всероссійскій обязуются дѣйствовать заодно, будетъ ли то на сушѣ, будетъ ли

[1]) De Clercq, II, 213.

[2]) Нота, въ которой Наполеонъ требовалъ Каттаро и Іоническіе острова, была опубликована въ мемуарахъ Гарденберга, V, 528—530.

[3]) Выраженіе, употребленное въ 4 статьѣ тайнаго договора.

то на морѣ, наконецъ на сушѣ и на морѣ, въ каждой войнѣ, которую Францiя и Россiя должны будутъ предпринять или поддерживать противъ какого-бы то ни было европейскаго государства. Въ случаѣ, если наступитъ моментъ для дѣйствiя союза и всякiй разъ, когда это дѣйствiе можетъ быть предусмотрѣно, высокiя договаривающiяся стороны опредѣлятъ особымъ соглашенiемъ силы, которыя каждая изъ нихъ должна будетъ выставить противъ общаго врага, и мѣста, гдѣ эти силы должны будутъ дѣйствовать; но онѣ отнынѣ же обязуются, если потребуютъ обстоятельства, употреблять всю полноту своихъ силъ, какъ морскихъ, такъ и сухопутныхъ» [1]).

Договоры были подписаны 7 iюля и утверждены 9. Несмотря на неопредѣленность нѣкоторыхъ статей, Александръ былъ, повидимому, вполнѣ счастливъ, и въ предвидѣнiи крупныхъ выгодъ, беззавѣтно отдавался радости. По мѣрѣ того, какъ свиданiе близилось къ концу, дружба обоихъ императоровъ становилась еще болѣе демонстративной. Они хотѣли, чтобы ихъ хорошее настроенiе передалось другимъ. Начались раздача и обмѣнъ знаковъ отличiй, заранѣе условленныхъ между императорами; Александръ собственноручно составилъ списокъ новыхъ кавалеровъ большого ордена Почетнаго Легiона, таковыми были: великiй князь Константинъ, князья Куракинъ и Лобановъ и баронъ Будбергъ. Новый Вестфальскiй король, великiй герцогъ Бергскiй, князья Невшательскiй и Беневентскiй получили Андрея Первозваннаго. Съ той и другой стороны главные начальники и особенно отличившiеся офицеры получили похвальные отзывы въ лестныхъ выраженiяхъ. Войска также не были забыты; хотѣли, чтобы примиренiе армiй послужило знакомъ примиренiя народовъ. Между фран-

[1]) Договоръ, подлежащiй обнародованiю, былъ опубликованъ de Clercq, II. 207—212: тотъ же авторъ могъ только по частямъ анализировать секретныя статьи и тайный договоръ. Тайный договоръ былъ опубликованъ Fournier, по черновикамъ, подписаннымъ уполномоченными и хранящимся въ нашихъ дипломатическихъ архивахъ: Napoléon I-er, Leipsick et Prague 1888, II, 250—52. Онъ былъ вторично опубликованъ Татищевымъ, Nouvelle Revue., 1 juin 1890, по офицiальному договору, хранящемуся въ архивахъ С.-Петербурга. Мы нашли нужнымъ воспроизвести въ приложенiи, подъ цифрой I. всѣ три акта, для того, чтобы въ первый разъ представить во всей ихъ совокупности статьи договоровъ, заключенныхъ въ Тильзитѣ между Францiей и Россiей.

цузской императорской гвардіей и батальономъ Преображенскаго полка, расположенными въ Тильзитѣ рядомъ, установились превосходныя отношенія. Когда войска должны были брататься торжественно и по приказанію, ихъ примиреніе состоялось по естественному влеченію. Въ одинъ прекрасный день въ Тильзитѣ, на мѣстѣ прогулокъ, подъ зеленой сѣнью деревъ были поставлены столы; солдатамъ обѣихъ гвардій было устроено обильное угощеніе. Наполеонъ приказалъ привезти съѣстные припасы и вина изъ Варшавы, Данцига и еще болѣе отдаленныхъ мѣстъ. Вечеромъ заразительная веселость нашихъ французовъ увлекла за собой угрюмыхъ во хмѣлю сѣверныхъ солдатъ. Обмѣнявшись своими головными уборами и знаками отличія, въ вывороченныхъ на изнанку костюмахъ, они смѣшанными группами весело проходили мимо окна, у котораго стояли императоры. Ночь прошла въ шумныхъ играхъ при неистовой пушечной пальбѣ [1]).

8 іюля Наполеонъ сдѣлалъ прощальный визитъ Александру. Послѣ продолжительнаго разговора оба императора вышли вмѣстѣ. Передъ домомъ стоялъ подъ ружьемъ батальонъ Преображенскаго полка и взялъ на караулъ. Тогда-то Наполеонъ попросилъ у царя позволенія наградить орденомъ лучшаго гренадера Россіи. Приказали выдти изъ рядовъ одному храброму старому воину, по фамиліи Лазареву. На императорѣ былъ крестъ Почетнаго Легіона, но въ этотъ день утромъ, имѣя въ виду устроить эффектное зрѣлище и обезпечить за нимъ вѣрный успѣхъ, онъ приказалъ не очень крѣпко прикрѣплять орденъ [2]). Онъ снялъ его и надѣлъ на грудь Лазареву; старый солдатъ, по русскому обычаю, поцѣловалъ ему руку, затѣмъ полу его мундира. По рядамъ пронеслись громкіе радостные крики.

На другой день императоры разстались, и Александръ опять переправился черезъ Нѣманъ. Въ то время, когда удалялась лодка, Наполеонъ, стоя на берегу, дѣлалъ своему союзнику рукой дружескіе и прощальные знаки. Въ десять часовъ вечера онъ уѣхалъ въ Кенигсбергъ, отправивъ сперва приказанія, долженствовавшія ускорить перемиріе съ Турціей и передачу въ наши руки Іоническихъ острововъ.

Сцены въ Тильзитѣ и великое зрѣлище примиренія произвели

---

[1]) Mémoires de Roustam, Revue rétrospective, 8—9.

[2]) Id.

на всѣхъ присутствующихъ неизгладимое впечатлѣніе, тѣмъ болѣе сильное, что оно было почти единственнымъ въ это грозное боевое время. Во Франціи радость по поводу заключенія мира была даже сильнѣе гордости отъ побѣдъ. Какъ будто, небо внезапно прояснилось. До сихъ поръ думали, что эпоха войнъ будетъ безконечна; теперь предвидѣли болѣе спокойное будущее; вообразили, что императоръ, закрѣпивъ дѣло своихъ побѣдъ соглашеніемъ съ могущественнымъ Сѣвернымъ монархомъ, пожелаетъ и признаетъ возможнымъ прекратить войны на континентѣ. Мечта, которую исторія не можетъ раздѣлять! Пока не кончится морская война, — этотъ далекій и не всегда видимый источникъ, изъ котораго вытекали всѣ другія войны, - императору было предназначено судьбой вступать въ союзы только для того, чтобы сражаться и безъ устали подвизаться на поприщѣ завоеваній. Хотя наши континентальные враги и будутъ неоднократно побѣждены и разсѣяны, Англія всегда будетъ подлѣ нихъ, чтобы предложить имъ пристанище и сборный пунктъ, чтобы платить за возмущенія и поощрять измѣну; и до тѣхъ поръ, пока эта глава коалиціи будетъ оставаться неуязвимой, ея разбросанные члены будутъ всегда стремиться къ сближенію и соединенію. Раздробленная Пруссія, униженная Австрія, — столько побѣжденныхъ, покоренныхъ и недовольныхъ государствъ не покорятся своей судьбѣ; наши вассалы постараются избавиться отъ тяжелой опеки, наши друзья будутъ ненадежны, и даже русскій союзъ только съ трудомъ устоитъ передъ продолжительностью мірового кризиса. Тильзитъ отнюдь не закрѣпилъ судьбу міра, онъ даже не закрѣпилъ союза съ Россіей. Хотя оба монарха поклялись въ вѣчной дружбѣ и неизмѣнномъ довѣріи и клятвенно обязались оказывать взаимную помощь, хотя и обсуждали въ духѣ союза важныя задачи, которыя разъединяли ихъ до сихъ поръ, они, откровенно говоря, не рѣшили ни одной изъ нихъ. Вопросъ о Пруссіи былъ оконченъ только по внѣшности; польскій вопросъ по-прежнему былъ чреватъ опасностями; по восточному вопросу договоръ скорѣе давалъ надежду на его рѣшеніе, чѣмъ увѣренность. Какъ только дѣло пойдетъ о болѣе точномъ опредѣленіи интересовъ той и другой стороны, въ томъ положеніи, какое создалось для нихъ соперничествомъ въ прошломъ и въ особенности потребностями, вытекающими изъ послѣдней войны, такъ и представится случай увидѣть, что они по-прежнему враждебны и въ

самомъ основаніи противорѣчивы. Это облако, нависшее надъ будущимъ, не ускользнуло отъ Наполеона. Онъ сознавалъ, что Англія располагала еще безчисленными средствами для разрушенія шаткаго зданія его союзовъ; что его врагу достаточно будетъ оставаться неуступчивымъ и затянуть хотя бы пассивное сопротивленіе, чтобы снова найти союзниковъ и соучастниковъ; что слѣдовало его преслѣдовать безъ отдыха, сломить его, не откладывая этого дѣла, подъ опасеніемъ, что онъ снова подыметъ вопросъ о результатахъ, добытыхъ съ такой славой; что Францiя не можетъ ждать, пока миръ придетъ къ ней, но должна его завоевать. Поэтому-то и составилъ онъ въ Тильзитѣ, пользуясь первымъ горячимъ порывомъ Александра, самый грозный изъ всѣхъ созданныхъ имъ доселѣ плановъ войны для того, чтобы сломить британское упорство. Но его планъ заключалъ въ самомъ себѣ громадныя опасности. Побуждая императора къ примѣненію еще болѣе строгихъ мѣръ, заставляя его доводить до крайняго раздраженія побѣжденныя и насиловать нейтральныя государства, онъ тѣмъ самымъ давалъ новое оружіе въ руки Англіи и, доводя гнетъ до послѣдняго предѣла, долженъ былъ подготовить противъ насъ всеобщій взрывъ и дать ему оправданіе. Тѣмъ не менѣе Наполеонъ покидалъ Александра съ надеждами и былъ доволенъ своимъ дѣломъ. Онъ впервые заключилъ союзъ съ великой державой и нашелъ помощника для борьбы, которую велъ съ заносчивой націей. Съ его, хотя бы кратковременной, помощью онъ разсчитывалъ приступить ко всѣмъ своимъ предпріятіямъ и выполнить ихъ. Наполеонъ надѣялся быстро укротить или разбить Англію, лишь бы царь, хотя бы не надолго, остался ему вѣренъ, и не такъ скоро прекратилось на него его обаяніе, лишь бы Александръ продолжалъ слѣдовать въ Петербургѣ импульсу, данному въ Тильзитѣ. «Всеобщій миръ въ Петербургѣ, говорилъ онъ послѣ свиданія, дѣла всего міра тамъ же» [1]). Примиреніе съ Россіей отнюдь не обезпечивало всемірнаго покоя, но союзъ съ нею могъ его дать; хотя въ Тильзитскомъ соглашеніи ничто не было доведено до конца, Наполеонъ все-таки видѣлъ въ немъ средство все покончить.

[1]) Неизданные документы.

ГЛАВА II.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ РАЗВѢДКА.

Генералъ Савари временно назначается состоять при императорѣ Александрѣ.— Двоякая цѣль его назначенія: онъ долженъ поддерживать довѣріе Александра и изучить настроеніе русскаго общества.—Инструкціи императора; слова Талейрана.—Тяжелое путешествіе; всеобщее нерасположеніе.— Любезный пріемъ царя.—Его разговоры, слово-въ-слово переданные въ донесеніяхъ генерала.—Вечера на Каменномъ островѣ.—Императрица Елизавета.—Простота въ обращеніи Александра.—Два двора.—Положеніе императрицы-матери.—Минутная аудіенція.—С.-Петербургъ лѣтомъ; острова.—Савари отовсюду выпроваживаютъ.—Оскорбленія, которыя ему наносятъ.—Онъ отправляетъ первую серію свѣдѣній; портреты русскихъ министровъ и иностранныхъ представителей.—Князь Адамъ Чарторижскій и Жозефъ де Местръ.—Императоръ Александръ старается смягчить непріязнь общества къ французскому послу.—Предметъ его отдохновеній.—Императоръ Наполеонъ и русскія красавицы.—Возрастающая въ салонахъ агитація.—Савари опасается покушенія на жизнь царя: онъ самовольно дѣлается его министромъ полиціи.—Роль Нарышкиной.—Усилія Савари убѣдить Александра почистить министерство и удалить недовольныхъ; характерныя слова Александра.—Свѣтская дѣятельность Савари; его воинственный нравъ.— Результаты его изслѣдованія.—Его мнѣніе объ императорѣ Александрѣ, царствующей императрицѣ, императрицѣ-матери.—Музей въ Павловскѣ.—Великій князь Константинъ.—Описаніе дворянства.—Роскошь и нищета; историческія причины разоренія; опасность, которая отсюда вытекаетъ для союза.—Качества, которыми долженъ будетъ обладать посланникъ Наполеона.—Торговый и экономическій вопросъ.—Наполеонъ назначаетъ посланникомъ генерала Коленкура; необходимость вліять на общество; предоставляемыя въ распоряженіе Коленкура средства.—Онъ продолжаетъ по отношенію къ Александру свою систему личнаго обаянія.—Обмѣнъ подарками; дружеская и непосредственная переписка.—Какое заключеніе выводитъ Наполеонъ изъ донесеній Савари.

I.

Послѣ кратковременной остановки въ Дрезденѣ Наполеонъ вернулся во Францію, чтобы насладиться своей славой и на ко-

роткое время заняться внутренними дѣлами своего государства. Какъ ни былъ онъ ими озабоченъ, его мысль часто, и не безъ тревоги, переносилась къ молодому монарху, который только что скрылся въ далекой Россіи. Онъ спрашивалъ себя: не подпадетъ ли Александръ, предоставленный самому себѣ, снова подъ враждебное Франціи вліяніе, и устоитъ ли въ разлукѣ съ нимъ его недавняя дружба? Для сохраненія надъ нимъ необходимаго вліянія, Наполеонъ желалъ, чтобы ихъ отношенія не прерывались. Въ Тильзитѣ было рѣшено возстановить дипломатическія сношенія и назначить посланниковъ, но дѣло это требовало нѣкотораго времени и формальностей. Въ ожиданіи этого, Наполеонъ рѣшилъ назначить къ Александру и временно аккредитовать въ Петербургѣ одного изъ своихъ флигель-адъютантовъ. Онъ надѣялся, что этотъ, не имѣющій офиціальнаго характера посолъ, у котораго права на вниманіе обусловливались только его генеральскими эполетами, займетъ, быть можетъ, въ интимныхъ чувствахъ царя мѣсто, на которое съ трудомъ могъ бы претендовать офиціально признанный посланникъ, права котораго были строго установлены и ограничены этикетомъ. Флигель-адъютантъ, на котораго палъ его выборъ, былъ генералъ Савари, присутствовавшій при свиданіи въ Тильзитѣ и неоднократно входившій въ сношенія съ Александромъ. Для веденія дѣлъ ему былъ данъ въ помощники повѣренный въ дѣлахъ Лессепсъ. Савари получилъ отъ императора рекомендательное письмо къ царю: «Прошу, Ваше Величество, писалъ императоръ, принять его съ присущей вамъ добротой и вполнѣ вѣрить ему во всемъ, что онъ будетъ говорить отъ моего имени» [1]).

По правдѣ говоря, дѣло не шло еще о переговорахъ и урегулированіи вопросовъ, поднятыхъ или затронутыхъ въ Тильзитѣ, а только о поддержаніи довѣрія, о томъ, чтобы продлить, постоянно обновляя, въ душѣ русскаго монарха впечатлѣніе, которое произвело на него общеніе съ Наполеономъ. Живя десять лѣтъ около императора, видя его каждый день, приноровившись служить ему и понимать его, Савари, лучше чѣмъ кто либо, могъ передать мысли своего монарха, которыя онъ привыкъ брать за образецъ своимъ собственнымъ. Онъ, какъ думалъ Наполеонъ, передастъ не только ихъ смыслъ, но и форму, съ тѣми ориги-

[1]) Corresp. 12910.

нальными оборотами, которые составляли ихъ характерную черту. Онъ явится какъ бы воплощеннымъ воспоминаніемъ объ интимныхъ часахъ, проведенныхъ въ Тильзитѣ; въ его лицѣ будетъ всегда стоять подлѣ Александра смутный образъ самого Наполеона.

Его миссія имѣла еще и другую цѣль. Хотя русскій императоръ, повидимому, и былъ на нашей сторонѣ, но ни его правительство, ни министры, ни офиціальные и закулисные совѣтники, ни представители знати и руководители общественнаго мнѣнія, никто изъ тѣхъ, кто подъ управленіемъ снисходительнаго монарха могъ имѣть въ Петербургѣ вліяніе на ходъ дѣлъ, кто могъ служить или противодѣйствовать его предначертаніямъ— не присутствовалъ въ Тильзитѣ и не подписывалъ договора о союзѣ. Пойдетъ ли Россія за перемѣной, происшедшей съ ея государемъ? Или, наоборотъ, она будетъ упорствовать во враждѣ съ нами и будетъ постоянно держать подъ угрозой союзъ и даже миръ? Есть ли возможность оказать на нее давленіе, овладѣть ею всецѣло или хотя бы отчасти? Прежде чѣмъ рѣшить, чего слѣдовало отъ нея ожидать, необходимо было ее узнать. О ней имѣлись только устарѣлыя, неточныя и противорѣчивыя свѣдѣнія. Савари былъ посланъ на развѣдки. Онъ долженъ былъ разсмотрѣть вблизи русское общество, изучить тайныя общества и политическія партіи, проникнуть въ игру интригъ, изслѣдовать средства для созданія французской партіи, оцѣнить духъ арміи и дать по всѣмъ этимъ вопросамъ подробныя свѣдѣнія. Наполеонъ нуждался въ нихъ, чтобы опредѣлить истинную цѣну союза и, соотвѣтственно этому, установить дальнѣйшіе свои поступки. Наблюдательность и проницательность,—способности, которыми Савари обладалъ въ высокой степени и благодаря которымъ онъ позднѣе сдѣлался превосходнымъ министромъ полиціи, дѣлали его особенно пригоднымъ для роли развѣдчика. Онъ долженъ былъ приступить къ ней тактично, втереться въ довѣріе русскихъ, не показывая вида, что наблюдаетъ за ними, и избѣгать всего, что могло придать его дѣятельности характеръ надзора и шпіонства. Талейранъ почти однимъ словомъ начерталъ ему планъ его поведенія: «Старайтесь, сказалъ онъ ему, мало распрашивая, многое узнать» [1]).

---

[1]) Письмо Савари къ министру иностранныхъ дѣлъ, 9 сентября 1807 г.

Савари, вмѣстѣ съ прикомандированными къ нему офицерами и секретарями, переправился черезъ Нѣманъ. Сперва французы проѣхали черезъ узкую полосу прусской территоріи, которая не была занята нашими войсками. Они говорили громко, держали себя хозяевами, вели себя весьма шумно, какъ побѣдители. На границѣ Россіи имъ пришлось сразу понизить тонъ. Для начала ихъ подвергли паспортнымъ формальностямъ, хотя Савари и перечислилъ всѣ свои званія [1]). Когда ему представилась возможность снова пуститься въ путь, онъ скоро замѣтилъ, что русскіе все еще смотрѣли на насъ, какъ на своихъ враговъ. Повсюду угрюмыя и недоброжелательныя лица, нѣмое молчаніе или злобныя выходки. Повинуясь прежнимъ внушеніямъ, не вѣдая о Тильзитѣ, чиновники и духовенство не переставали возбуждать противъ насъ національное и религіозное чувство. Такъ какъ Александръ не позаботился еще объ отмѣнѣ указа о провозглашеніи анаѳемы французамъ, какъ врагамъ царя и врагамъ Бога, они по долгу службы продолжали молиться во всѣхъ церквахъ о нашемъ истребленіи. По мѣрѣ приближенія нашихъ путешественниковъ къ столицѣ вражда принимала все болѣе ощутительный и оскорбительный характеръ. По пріѣздѣ въ Петербургъ Савари едва нашелъ себѣ квартиру; никто не позаботился о томъ, чтобы его встрѣтить и приготовить ему помѣщеніе [2]).

Ему нужно было переступить порогъ императорскаго дворца, чтобы попасть въ дружескую страну. Пріѣхавъ 23 іюля, онъ былъ принятъ Александромъ въ тотъ же вечеръ. Послѣ нѣсколькихъ любезныхъ словъ, обращенныхъ къ послу, Александръ спросилъ: «Какъ поживаетъ императоръ?» и тотчасъ же съ царской простотой, которой онъ пользовался, какъ однимъ изъ средствъ обольщенія, дружескимъ и довѣрчивымъ тономъ началъ говорить о Тильзитѣ, о тѣхъ дняхъ, воспоминаніе о которыхъ, повидимому, владѣло его мыслью и доставляло ему истинное удовольствіе. Савари записалъ этотъ разговоръ, придавъ ему форму діалога, какъ это ему приказано было дѣлать со всѣми бесѣдами съ

---

[1]) Life of general sir Robert Wilson, from autobiographical Memoirs Journal, etc. London, 1862, II, 319—20.

[2]) Описаніе С.-Петербурга въ промежутокъ времени отъ 23 іюля до 5 августа, отправленное Савари 6 августа 1807 г. Archives nationales, AF IV, 1697. Mémoires de Savary, duc de Rovigo, III, 149.

Александромъ. Такой пріемъ придаетъ его разсказамъ замѣчательную жизненность и какъ бы воскрешаетъ дѣйствующихъ лицъ. Александръ принялъ письмо Наполеона и прочелъ. Онъ задалъ нѣсколько вопросовъ о путешествіи императора и тотчасъ же сказалъ: «Въ Тильзитѣ онъ далъ мнѣ доказательства своей привязанности, о которыхъ я никогда не забуду. Я очень тронутъ увѣреніями въ дружбѣ, полученными мною отъ него сегодня, и очень благодаренъ ему за то, что именно васъ избралъ онъ для врученія ихъ мнѣ».

Послѣ минутнаго молчанія, пристально взглянувъ на генерала, онъ продолжалъ: «Да! Чѣмъ болѣе я думаю, тѣмъ болѣе я доволенъ, что повидался съ нимъ. Я все еще боюсь, какъ-бы не забыть хотя бы одно слово изъ того огромнаго количества мыслей, которыя онъ высказалъ мнѣ въ такой короткій срокъ. Это человѣкъ необычайный, и, надо сознаться, господа, что, хотя мы и имѣемъ нѣкоторое право на ваше уваженіе, у васъ слишкомъ замѣтное преимущество, и нужно быть безумцемъ, чтобы у васъ его оспаривать. Впрочемъ, надѣюсь, что съ этимъ вполнѣ покончено: я далъ слово и сдержу его.—Нѣтъ ли у васъ какихъ нибудь инструкцій, кромѣ письма?

Отвѣтъ.—Нѣтъ, Государь, у меня нѣтъ никакихъ полномочій Мнѣ предписано только употребить всѣ усилія, чтобы быть пріятнымъ Вашему Величеству.

Императоръ.—Не слыхали ли вы, кого императоръ хочетъ избрать ко мнѣ посланникомъ?

Отвѣтъ.—Нѣтъ, Государь. Многіе добиваются этой чести, но Императоръ еще ничего не говорилъ объ этомъ. Онъ приказалъ сказать Вашему Величеству, что ему предстоитъ большое путешествіе, что ему нужно быть на открытіи Законодательнаго Корпуса, познакомиться съ дѣлами Сената, учрежденій по внутреннему управленію и Государственнаго Совѣта, въ которомъ онъ давно уже не предсѣдательствовалъ; что, вѣроятно, эти заботы всецѣло поглотятъ его вниманіе съ самаго его пріѣзда, но что въ первую же свободную минуту онъ намѣтитъ лицо, которое могло бы понравиться Вашему Величеству и которое было бы убѣжденнымъ сторонникомъ принциповъ великаго тильзитскаго событія.

Императоръ.—Отлично, я съ удовольствіемъ приму всякаго, кто явится отъ него и будетъ говорить, какъ онъ, то есть, ко-

торый всегда будетъ держаться его точки зрѣнія, которой держусь и я... Слышите? которой держусь и я» [1]).

Послѣ такого категорическаго заявленія аудіенція продолжалась еще нѣсколько минутъ. Когда она кончилась, оберъ-гофмейстеръ Толстой подошелъ къ Савари и отъ имени императора, «который, сказалъ онъ, не любитъ церемоній», пригласилъ его къ обѣду на другой день.

24 Савари обѣдалъ въ Зимнемъ дворцѣ и нѣсколько дней спустя на Каменномъ Островѣ, лѣтней резиденціи Его Величества. Приглашенныхъ было мало,—нѣсколько министровъ и два-три лица изъ придворнаго штата. За нѣсколько минутъ до обѣда вошла императрица въ сопровожденіи своей сестры Амаліи Баденской. Елизавета Алексѣевна была очень хороша собой и обладала удивительно-изящной, истинно-царской фигурой и поступью. Екатерина II выбрала ее въ супруги великому князю Александру, и никогда еще народы не преклонялись передъ болѣе прелестной четой. Но бракъ, повидимому, обѣщавшій Елизаветѣ счастье, далъ ей только корону. Съ душой романической и гордой, она не сумѣла овладѣть непостояннымъ юношей, за котораго ее выдали замужъ, и отказалась дѣлиться съ другими чувствами своего супруга. Непонятая и покинутая, она ушла въ себя, скрыла свои истинныя чувства подъ непроницаемой безстрастной оболочкой, и какъ бы гордилась тѣмъ, что живетъ, какъ чужая, при дворѣ своего супруга и остается въ тѣни. Кромѣ того, презирая интригу, она избѣгала, если не имѣть, то, по крайней мѣрѣ, высказывать свое мнѣніе; дѣлала видъ, что ничѣмъ не интересуется и позволяетъ управлять собой, уступала во всемъ и берегла только свое сердце. Она приняла французскаго посла съ любезной, безцвѣтной улыбкой. Ея сестра подражала ей въ искусственной манерѣ держать себя. Однако, Савари показалось, что онъ подмѣтилъ у обѣихъ высочайшихъ особъ нѣкоторый оттѣнокъ въ проявленіи покорности; натянутость показалась ему менѣе замѣтной у государыни, чѣмъ у ея неразлучной подруги.

За столомъ Савари сидѣлъ рядомъ съ императоромъ, по правую его руку. Разговоръ шелъ общій. Александръ направлялъ его преимущественно на военные вопросы, на свои войска, на нашу армію и на заимствованія, которыя разсчитывалъ у нея сдѣлать.

[1]) Донесенія отъ 6 августа 1807 г.

Полная непринужденность царила между собесѣдниками; и эта картина чисто-семейнаго характера еще лучше оттѣняла красоту и блескъ обстановки. Зала была великолѣпно обставлена, сервированный массивнымъ серебромъ столъ былъ весь въ роскошныхъ цвѣтахъ, что рисовало въ воображеніи совсѣмъ иной климатъ. Придворные лакеи, въ красной ливреѣ, имѣли величественный видъ; а чернокожіе африканскіе невольники, одѣтые по-турецки и стоявшіе за креслами обоихъ величествъ, напоминали царю о Востокѣ и какъ бы воплощали его мечты [1]).

Послѣ обѣда императрица удалялась рано. На Каменномъ Островѣ она проводила время на террасѣ, откуда взоры ея отдыхали на свѣжей зелени, на тихой водѣ, и на разстилавшемся вдали, объятомъ сѣверными сумерками горизонтѣ. Возлѣ императора остались только мужчины. Тогда онъ подошелъ къ Савари, отдалилъ его отъ кружка, овладѣлъ имъ и увелъ въ садъ, гдѣ вечеръ прошелъ въ дружеской бесѣдѣ. Заговорили о путешествіи, которое Наполеонъ обѣщалъ предпринять въ Петербургъ. «Я знаю, что онъ боится холода,—сказалъ Александръ,—но, не взирая на это, я не избавлю его отъ путешествія; я велю натопить его помѣщеніе до египетской жары». Но предварительно онъ самъ хотѣлъ поѣхать въ Парижъ. Онъ хотѣлъ отдать визитъ своему союзнику, «еще поговорить съ нимъ, повидать его у него дома и осмотрѣть всѣ его великія учрежденія».—«Трудно передать,—прибавляетъ Савари,—въ какихъ выраженіяхъ и съ какимъ удовольствіемъ говоритъ императоръ Александръ объ этомъ путешествіи. Онъ уже разсчиталъ, что доѣдетъ до Парижа въ двадцать дней и что только на обратномъ пути посѣтитъ мѣста стоянки нашихъ большихъ гарнизоновъ, Мецъ и Страсбургъ. Онъ говоритъ объ этомъ, какъ о любимой мечтѣ, которую онъ всегда лелѣялъ». Затѣмъ Александръ намекнулъ на слухи дня, на извѣстія съ Востока, незамѣтно перевелъ разговоръ на политическую почву, и, не будучи въ силахъ удержаться отъ разговора о предметѣ, который его особенно озабочивалъ, онъ слегка коснулся его, сказавъ: «Когда пришли извѣстія о событіяхъ въ Константинополѣ, Императоръ былъ такъ добръ, что сказалъ мнѣ, что онъ считаетъ себя совершенно свободнымъ отъ обяза-

[1]) Донесенія отъ 6 августа. Cf. Wilson, II, 354.

тельствъ къ Турціи, и, по своей чрезмѣрной добротѣ, позволилъ мнѣ надѣяться... Говорилъ онъ вамъ что-нибудь объ этомъ?

Отвѣтъ. — Мнѣ кажется, я понимаю васъ, Ваше Величество. Вы дѣлаете мнѣ честь говорить со мной о дѣлѣ, о которомъ онъ мнѣ говорилъ, но не далъ никакихъ инструкцій.

Царь. — Мнѣ показалось тогда, что Императоръ, который судитъ о дѣлахъ лучше, чѣмъ кто-либо, также сознаетъ, что Турецкая имперія не можетъ долго существовать среди европейскихъ государствъ. Мы много объ этомъ говорили, и, признаюсь, что, если Турція въ одинъ прекрасный день рухнетъ, положеніе России позволяетъ ей надѣяться унаслѣдовать извѣстную часть ея останковъ. Императоръ такъ добръ, что понимаетъ меня, и я всецѣло положусь на него, когда, по его мнѣнію, наступитъ время... Я очень разсчитываю на чувство дружбы, которое онъ высказалъ ко мнѣ... Я не буду ускорять этого момента...» [1]). И не настаивая болѣе, ограничиваясь только этимъ скромнымъ напоминаніемъ, Александръ тотчасъ же вернулся къ менѣе щекотливымъ вопросамъ. Онъ заговорилъ о другихъ государствахъ, о ихъ поведеніи, которое порицалъ, о ихъ представителяхъ въ Петербургѣ, которыхъ не щадилъ, выражалъ къ Франціи полную симпатію, къ нашему послу безпредѣльную благосклонность, и Савари удалился польщенный, очарованный пріемомъ, въ восторгѣ отъ любезнаго монарха, который не скрылъ отъ него своихъ самыхъ сокровенныхъ мыслей.

Увы! за блестящими вечерами шли тяжелые дни. Савари скоро замѣтилъ, что у Александра не было двора въ строгомъ смыслѣ этого слова. Строй его жизни былъ похожъ на семейный бытъ богатаго частнаго человѣка, живущаго съ своими друзьями, окруженнаго тѣснымъ кружкомъ, который онъ себѣ избралъ и котораго не расширялъ. У него почти не было офиціальныхъ пріемовъ и никогда не бывало парадныхъ обѣдовъ и церемоній, ибо въ такомъ случаѣ ему пришлось бы «сидѣть на возвышеніи и представительствовать въ роли государя» [2]). Когда генералъ, удивленный такой простотой, спрашивалъ, гдѣ же найти въ Петербургѣ блескъ, торжественность, царскую обстановку съ ея

---

[1]) Донесенія отъ 6 августа 1807 г.

[2]) Joseph de Maistre, Mémoires politiques et correspondance diplomatique, publiès par Blanc, 269.

обаяніемъ и вліяніемъ,—ему отвѣтили, что за этимъ надо идти къ вдовствующей императрицѣ.

Марія Ѳеодоровна, супруга Павла I, мать Александра, послѣ трагической ночи, когда она сдѣлалась вдовой, сохранила въ Россіи положеніе, которому не было примѣра. Ея сынъ, вступивъ на престолъ, пожелалъ, чтобы она сохранила свой прежній рангъ, присвоенные ему доходы и почетныя права. Сверхъ того, такъ какъ онъ питалъ отвращеніе къ церемоніалу и любилъ только тѣсный кружокъ или чисто-военныя торжества, смотры и парады, онъ, въ нѣкоторомъ родѣ, раздѣлилъ царскія обязанности, и, оставивъ за собой заботы о дѣлахъ, уступилъ матери представительство. Марія Ѳеодоровна вполнѣ подходила къ роли, предоставленной ей ея сыномъ. Несмотря на то, что прошло уже много времени съ тѣхъ поръ, когда она впервые появилась при дворѣ Екатерины II, въ расцвѣтѣ молодости, прекрасная и «чистая» [1]), ея годы и несчастье еще болѣе возвели ее на пьедесталъ. Достойный подражанія образъ жизни, ея благоговѣйное, доходящее до театральности, поклоненіе прошлому, неизгладимое воспоминаніе о перенесенныхъ ею испытаніяхъ, которыя ранили ея сердце, не затуманивъ ясности ея чела, внушали къ ней всеобщее уваженіе. Въ прежнія времена ею или восхищались, или жалѣли ее, теперь ее боготворили. Всегда готовая творить добро, она завѣдывала дѣлами благотворительности, царствовала надъ бѣдными, и въ имперіи своего сына создала свое собственное государство, основанное на любви и благодарности. Но при всемъ томъ, рожденная для двора, зная въ совершенствѣ и поддерживая при своемъ дворѣ службу придворныхъ чиновъ, любя этикетъ и вводя его въ малѣйшія подробности жизни, безъ утомленія перенося долгіе часы представленій ко двору, доводившія до изнеможенія ея придворныхъ дамъ, она считала своей главной задачей выставлять самодержавіе въ самой привлекательной его формѣ и въ этомъ полагала свою гордость. Она продолжала играть роль царствующей императрицы, дѣлала пріемы, занимала тронъ, окружала себя многочисленнымъ дворомъ, при которомъ дворы ея четырехъ, жившихъ при ней младшихъ дѣтей, были какъ бы спутниками большого свѣтила. Только при ней можно было видѣть службу придворныхъ дамъ, камергеровъ, шталмей-

---

[1]) Mémoires de Czartorysky, I, 163.

стеровъ, пажей, блескъ большихъ пріемовъ и церемоніалъ официальныхъ представленій. Поэтому-то всѣ, кто стремился ко двору или не могъ безъ него обойтись, представлялись императрицѣ-матери, такъ какъ только при ней была придворная жизнь. Вполнѣ естественно и безъ всякихъ усилій съ своей стороны, Марія Ѳеодоровна сохранила за собой всѣ почести, поклоненіе, словомъ, весь тотъ культъ, который воздается царствующимъ особамъ. Власть прошлаго удержала при себѣ всѣхъ приверженцевъ, которыхъ настоящая власть не пожелала къ себѣ привлечь. Вдовствующую императрицу являлись благодарить за всякое назначеніе, за всякую пожалованную милость, хотя бы даже она не принимала въ этомъ никакого участія; ей представлялись и цѣловали руку вновь произведенные или награжденные орденомъ офицеры [1]). Хотя она обыкновенно жила въ Павловскѣ въ двѣнадцати лье отъ Петербурга, знать считала своей обязанностью показываться на ея пріемахъ, по крайней мѣрѣ, въ двѣ недѣли разъ, — Александръ самъ бывалъ тамъ два раза въ недѣлю. Старый дворъ—такое названіе давали императрицѣ-матери и ея приближеннымъ—оставался такимъ образомъ великой общественной и свѣтской силой въ Россіи, и. не имѣя власти, сохранялъ вліяніе [2]).

Въ политикѣ роль стараго двора можно было бы сравнить съ ролью верхней палаты въ конституціонномъ правительствѣ.

[1]) „Царствующей императрицѣ ни о чемъ не докладывается, писалъ Савари, и, когда иностранецъ выражаетъ удивленіе по этому поводу, ему отвѣчаютъ, что это не принято... Во время публичныхъ церемоній, императрица-мать чаще всего идетъ подъ руку съ императоромъ: царствующая императрица идетъ позади нея и одна. Въ каретѣ вдовствующая императрица сидитъ всегда на правой сторонѣ—царствующая императрица налѣво отъ нея, а императора видѣли иногда на переднемъ сидѣньѣ. Случалось часто, я самъ это видѣлъ, что во время военныхъ парадовъ, войска были уже выстроены, императоръ верхомъ впереди нихъ, а парадъ не начинался, потому что императрица-мать еще не прибыла". Archives nationales, AF, IV, 1697.

[2]) Свѣдѣнія о русскомъ дворѣ, приложенныя Савари къ его донесеніямъ отъ 6 августа 1807 г. Замѣтки о русскомъ дворѣ и С.-Петербургѣ того же автора, мемуары хранящіеся въ національныхъ архивахъ AF, IV, 1697. Cf. Mémoires de Czartorysky, I, 275, 384.. et Reminiscences sur Alexandre I-er e Napoléon I-er, par la comtesse de Choiseul-Gouffier, 355.

Неподвижный, мало способный къ прогрессивному движенію, хранитель традицій, онъ сдерживалъ дѣятельность государства; онъ мѣшалъ уже своимъ бездѣйствіемъ. Чтобы какое либо мѣропріятіе было безрезультатнымъ, часто достаточно было того, чтобы онъ его не одобрилъ. Онъ не утвердилъ еще мира съ Наполеономъ, и присутствіе французскаго посла было для него дѣломъ несуществующимъ. Савари скоро убѣдился въ этомъ на самомъ себѣ. «30, говоритъ онъ, я былъ представленъ императрицѣ-матери въ Таврическомъ дворцѣ; пріемъ былъ холоденъ и не продолжался и одной минуты» [1]).

Это было для генерала сигналомъ къ непріятностямъ. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ самый разгаръ лѣта. Лѣтній сезонъ не остановилъ, а только перемѣстилъ свѣтскую жизнь. Офиціальная Россія, т. е. всѣ семьи, которыя въ теченіе полувѣка занимали придворныя и государственныя должности, покидали тогда столицу, но оставались вблизи ея и селились на островахъ. Въ этой части города, гдѣ величественная Нева, раздѣленная на множество рукавовъ, особенно привлекательна и красива, лѣтнія помѣщенія, дворцы и дачи, разбросанныя на лужайкахъ и въ лѣсу, между ея извилинами, были всѣ заняты. Тамъ проживали министры, вліятельныя особы, придворные, любители весело пожить и львицы. Держались отдѣльными кружками. На Островахъ видались часто; всюду царили роскошь и веселье. Днемъ нарядные экипажи, запряженные четверикомъ, шестерикомъ и восьмерикомъ, бороздили аллеи; вечеромъ дачи сіяли огнями, въ лѣсу импровизировались концерты на духовыхъ инструментахъ, громкіе звуки которыхъ далеко разносились въ воздухѣ. За блестящими городскими пріемами слѣдовали собранія безъ соблюденія этикета, обѣды на восемь, десять и двѣнадцать особъ, прогулки по великолѣпнымъ садамъ графа Строганова, расположеннымъ террасами на одномъ изъ рукавовъ рѣки. Повидимому, веселая, широкая жизнь представляла Савари подходящій случай для болѣе близкаго знакомства съ русскимъ обществомъ и для того, чтобы наблюдать за нимъ въ его семейномъ обиходѣ. Онъ добросовѣстно постарался найти туда доступъ. Онъ расписался у высокопоставленныхъ лицъ; ему не отдали визита. Онъ возобновилъ попытку, опять сдѣлалъ визиты, и снова не былъ

[1]) Донесенія отъ 6 августа 1807 г.

принятъ. Какъ будто быстро распространился лозунгъ, и русское общество замкнулось въ своихъ кастовыхъ предразсудкахъ, въ національной враждѣ и отказалось отъ всякаго общенія съ иностранцемъ, который былъ его побѣдителемъ и не принадлежалъ къ его обществу [1]).

Особенно враждебно были настроены дамы. Француженки по вкусамъ и воспитанію, но француженки иного, стараго времени, онѣ теперь не желали видѣть французовъ въ революціонномъ народѣ, который путемъ насилія и жестокости заставилъ признать себя союзникомъ и другомъ. Въ большинствѣ случаевъ очаровательныя и образованныя, онѣ дѣйствовали на окружающихъ мужчинъ силой высшей культуры. Онѣ сумѣли въ немногихъ словахъ навлечь на Савари всеобщее недоброжелательство. Съ ихъ прелестныхъ губокъ, на которыхъ нашъ языкъ обыкновенно принималъ обаятельный, немного шаловливый оттѣнокъ, срывались суровые, безапелляціонные приговоры. Въ теченіе первыхъ недѣль своего пребыванія Савари не удалось открыть себѣ доступа ни въ одинъ домъ. Когда онъ обѣдалъ у императора, онъ видѣлъ, какъ другіе собесѣдники вечеромъ покидали его, чтобы отправиться въ свѣтъ, а я, говорилъ онъ грустно, возвращался оттуда въ общество своего секретаря [2]). *

Высказываемое ему недоброжелательство касалось не только его званія, но распространялось и на него лично. Его роль въ казни герцога Энгіенскаго, которую припомнили и пересуживали на разные лады, давала противъ него положительное оружіе, охлаждала немногихъ доброжелателей и способствовала униженіямъ, которымъ его подвергали со всѣхъ сторонъ. Появлялся ли онъ на прогулкѣ, онъ видѣлъ, что всѣ взоры устремляются на него съ оскорбительнымъ вниманіемъ; проходилъ ли по петербургскимъ улицамъ, онъ замѣчалъ въ окнахъ книжныхъ магазиновъ брошюры, въ которыхъ осмѣивали его націю и его самого, видѣлъ противореволюціонные пасквили, т. е. литературу, созданную эмиграціей. Чтобы заглушить свою досаду и скуку, онъ долженъ былъ на нѣкоторое время ограничиться ролью неиз-

[1]) Донесенія и письма Савари, августъ—сентябрь 1807 г. Gf. Wilson, II, 345—56. См. также сочиненіе M. Pingaud, Français et Russes, 483.

[2]) Mémoires du duc de Rovigo, III.

* Савари въ это время было около 33-хъ лѣтъ. (Прим. перев.).

вѣстнаго, одинокаго путешественника; онъ добросовѣстно осматривалъ Петербургъ и совершалъ обыкновенныя прогулки иностранцевъ по церквамъ, галлереямъ и дворцамъ величественной столицы [1]).

«Какъ находите вы Петербургъ, генералъ? —спросилъ его Александръ по прошествіи нѣсколькихъ дней.—Удивительнымъ, Государь, даже и въ Италіи нѣтъ ничего подобнаго.—Какъ проводите вы время? Я знаю, что вы не веселитесь. Вѣдь вы мало бываете въ обществѣ?—Государь, долженъ сознаться Вашему Величеству, что, если бы не ваша доброта и доброта великаго князя, я не вышелъ бы изъ своей квартиры.—Это скоро перемѣнится» [2]), отвѣтилъ императоръ, и, чтобы помочь Савари терпѣливо пережить это время, онъ посовѣтовалъ ему поѣхать осмотрѣть Кронштадтъ. Немного времени спустя по случаю именинъ императрицы-матери былъ блестящій пріемъ въ Петергофскомъ дворцѣ. Александръ старался выдвинуть французскаго генерала путемъ самыхъ лестныхъ отличій, и все время держалъ его около себя, какъ бы, молча, давая приказаніе признать въ немъ узаконеннаго гостя и представителя союзника Россіи.

Вмѣшательство государя оказало нѣкоторое дѣйствіе. «Лица стали болѣе привѣтливыми, писалъ Савари, двери нѣкоторыхъ домовъ открылись» [3]). Спустя мѣсяцъ или полтора, онъ былъ уже принятъ въ нѣсколькихъ домахъ, столкнулся съ высокопоставленными русскими и могъ наблюдать ихъ. Въ первой запискѣ отъ 23 сентября, послѣ краткаго изложенія и откровеннаго констатированія враждебнаго настроенія общества, давалась характеристика нѣкоторыхъ видныхъ лицъ [4]). Савари встрѣтился съ княземъ Адамомъ Чарторижскимъ, европейской извѣстностью, бывшимъ до Аустерлица управляющимъ дѣлами министерства иностранныхъ дѣлъ, «нынѣ сенаторъ и членъ Государственнаго Совѣта; въ обществѣ прибавляютъ: другъ императора. Его поведеніе непонятно, у него видъ человѣка, который ни во что не вмѣшивается, а общественное мнѣніе почти вездѣ указываетъ

[1]) Mémoires du duc de Rovigo, III, 153.

[2]) Донесенія отъ 6 августа 1807 г.

[3]) Письмо къ министру иностранныхъ дѣлъ, 23 августа 1807 г

[4]) Id. Мы опубликовали этотъ документъ въ Revue d'histoire diplomatique, 1-er juillet 1890.

на него. Чего онъ хочетъ, неизвѣстно; онъ рѣдко бываетъ въ обществѣ»... На поляхъ Савари дѣлаетъ слѣдующее неожиданное замѣчаніе: «Я нашелъ его гораздо ниже его репутаціи. Это человѣкъ, о мнѣніи котораго нечего особенно заботиться». Когда то князь вмѣстѣ съ Кочубеемъ, Строгановымъ и Новосильцевымъ составлялъ интимный совѣтъ императора, то, что называлось Комитетомъ общественнаго спасенія. Что же сталось съ другими членами этого кружка? Кочубей теперь министръ внутреннихъ дѣлъ, но его положеніе поколеблено; остается опасаться Новосильцева. Все еще другъ императора, онъ либералъ на англійскій образецъ и мечтаетъ только о томъ, чтобы ввести въ Россіи британскія учрежденія. «Благодаря этому онъ смѣшонъ», прибавляетъ Савари. Среди лучшихъ генераловъ императора, князь Лобановъ, назначенный военнымъ министромъ,—нашъ сторонникъ; адмиралъ Чичаговъ, морской министръ,—«молодой человѣкъ, свѣдущій въ своемъ дѣлѣ; онъ ни англичанинъ, ни французъ, а просто добродушный русскій человѣкъ»; графъ Румянцевъ, министръ торговли, и генералъ Будбергъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, повидимому, стоятъ за Францію, но съ той разницею, что Будбергъ сторонникъ только-что оставленной системы, а Румянцевъ другъ новой. Въ группѣ портретовъ, набросанныхъ Савари, позади министровъ перваго разряда смутно выступаютъ другіе министры, люди безличные, и, совершенно въ сторонѣ, держится герой послѣдней кампаніи князь Багратіонъ, «человѣкъ угрюмый и честолюбивый; онъ не любитъ французовъ».

Впрочемъ, вдохновителей общества не слѣдуетъ искать среди русскихъ. «Обществомъ, по своему усмотрѣнію, повелѣваетъ дипломатическій корпусъ, говоритъ Савари; онъ направляетъ умы и руководитъ развлеченіями». Итакъ, вся сила враждебности въ дипломатическомъ корпусѣ. Посланники Англіи и Австріи ведутъ войну съ нами; агенты другихъ дворовъ дѣйствуютъ по ихъ указаніямъ; даже агенты тѣхъ государствъ, о которыхъ Наполеонъ думаетъ, что они подчинились его политикѣ, открыто или исподтишка враждуютъ съ нами. Болѣе того: въ Петербургѣ заставляютъ себя выслушивать и признавать оракулами фиктивные дипломаты, представители несуществующихъ государствъ, посланники государей, низложенныхъ Наполеономъ. Дѣятели далекаго прошлаго, какъ напримѣръ, старый герцогъ

Серра Капріола, состоящій уже тридцать пять лѣтъ [1]) неаполитанскимъ посланникомъ, заставляютъ сторониться посла побѣдителя Европы. Что прикажете дѣлать, если среди пословъ *изгнанныхъ* королей встрѣчаются противники, пользующіеся такимъ большимъ вліяніемъ! «Здѣсь встрѣчаешь, говоритъ Савари, графа де Местръ (Жозефа де Местръ), который все еще думаетъ, что онъ состоитъ посломъ Сардиніи. Это человѣкъ умный и свой человѣкъ въ домахъ австрійскаго и англійскаго посланниковъ. Ему, можетъ быть, скорѣе слѣдовало бы быть въ Митавѣ, чѣмъ здѣсь, если ужъ онъ такъ упорно хочетъ быть посланникомъ короля Каліяри» *).

Эти первыя свѣдѣнія не вполнѣ удовлетворили Наполеона. Онъ ожидалъ картину, а ему посылали серію набросковъ. Онъ потребовалъ отъ Савари болѣе точныхъ, а главное болѣе глубокихъ наблюденій. Устремивъ пытливый взоръ на далекую и невѣдомую ему Сѣверную имперію, онъ спрашивалъ себя, представляетъ ли та группа вельможъ, которая собралась вокругъ трона, все мыслящее и дѣйствующее въ націи, или за этой свѣтской Россіей скрывается другая, менѣе склонная къ предразсудкамъ, гдѣ наше вліяніе могло бы найти точку опоры. «Будьте любезны увѣдомить, приказалъ онъ написать Савари, не существуетъ ли другого общества, болѣе далекаго отъ трона, но ближе стоящаго къ народу» [2]). На этотъ вопросъ Савари могъ смѣло, какъ онъ это и сдѣлалъ, отвѣтить отрицательно. За исключеніемъ группы купцовъ, въ Россіи не было средняго сословія. За дворянствомъ непосредственно шелъ простой народъ, та, повидимому, косная, недоступная никакому внѣшнему вліянію масса, въ которой ничто не проявляло внутреннихъ силъ, дремавшихъ въ ея груди. Чтобы имѣть возможность вести борьбу съ аристократіей и пріобрѣсти въ ея средѣ союзниковъ, необходимо было изучить только ее. Савари вполнѣ основательно

---

[1]) Онъ былъ женатъ на дочери одной русской дамы, у которой бывали большіе пріемы и которую называли т е щ е й д и п л о м а т и ч е с к а г о к о р п у с а.

*) Провинція въ Сардиніи. (Прим. перев.)

[2]) Министръ иностранныхъ дѣлъ Шампаньи къ Савари, 17 сентября 1807 г.

стремился проникнуть въ ея среду и сдѣлать ее предметомъ своихъ наблюденій.

Въ дѣлѣ осады аристократіи Александръ продолжалъ оказывать ему помощь. Государь дѣйствовалъ путемъ личнаго вліянія; онъ старался воздѣйствовать на своихъ приближенныхъ и «на дамъ, за которыми немного ухаживалъ».—«Мнѣ сообщили изъ совершенно вѣрнаго источника, прибавляетъ Савари, много маленькихъ анекдотовъ по поводу его ухаживаній, въ которыхъ онъ имѣлъ случай выказать всю искренность своей преданности къ Вашему Величеству. Дошло до того, что онъ поссорился съ одной особой, къ которой относился благосклонно и взаимностью которой пользовался, изъ-за того, что она посмѣла разсуждать съ нимъ обо всемъ, что произошло между нимъ и императоромъ французовъ» [1]). Съ своей стороны Савари и самъ обратился за содѣйствіемъ къ тѣмъ изъ дамъ, которыя уже подпали подъ вліяніе обольстительнаго монарха; и у одной изъ нихъ встрѣтилъ самый блестящій успѣхъ.

Среди петербургскихъ красавицъ царь особенно отличалъ жену Александра Нарышкина, прелестную и поэтичную Марію Антоновну. Поклоненіе, которое онъ ей воздавалъ уже нѣсколько лѣтъ, было нѣжно и постоянно, хотя и не исключало другихъ увлеченій. Принятый въ домѣ ея мужа, Савари былъ любезно встрѣченъ ею, нашелъ, что она хорошо относится къ намъ и счелъ возможнымъ расположить ее въ нашу пользу цѣною маленькихъ услугъ. Достаточно было бы доставить ей средства обезпечить за собой рѣшительное превосходство надъ ея соперницами на почвѣ изящнаго и моды. Только Парижъ могъ доставить эти средства. Несмотря ни на что, взоры русскихъ все еще обращались къ столицѣ роскоши и вкуса; многіе прощали Франціи ради Парижа. Савари съ корыстнымъ усердіемъ тотчасъ же подумалъ о томъ, чтобы выписать изъ Парижа все, что могло понравиться Нарышкиной, и сдѣлался ея поставщикомъ. Онъ написалъ объ этомъ Дюроку и Коленкуру, но главнымъ образомъ поручилъ это дѣло молодому французскому офицеру де Сенъ-Шаманъ. Конечно, ничто не должно было дѣлаться безъ разрѣшенія императора.

Идея понравилась Наполеону. Онъ только нашелъ, что Савари не былъ достаточно скроменъ и посвятилъ въ дѣло слишкомъ

[1]) Письмо къ императору, отъ 9 сентября 1807 г.

много людей. «Все, что касается частной жизни государя, должно быть для него священно» [1]), приказалъ онъ Шампаньи написать ему. Сверхъ того, такъ какъ это было государственное дѣло, то не слѣдовало бояться обратиться по этому поводу прямо къ императору; онъ пожелалъ взять лично на себя это порученіе. Послѣ министерскаго выговора, который спасалъ принципъ, онъ собственноручно, въ дружески-безцеремонныхъ выраженіяхъ, написалъ Савари: «Я и не зналъ, что вы такой дамскій угодникъ, какимъ вы оказались на дѣлѣ. Но, тѣмъ не менѣе, наряды для вашихъ русскихъ красавицъ будутъ вамъ отправлены. Я беру расходы на себя. Передавая наряды, вы скажете, что, случайно распечатавъ депеши, въ которыхъ вы ихъ требовали, я самъ хотѣлъ ихъ выбрать. Вы знаете, что я отлично понимаю толкъ въ туалетахъ» [2]).

Неизвѣстно, нужна ли была такая предупредительность, чтобы окончательно привлечь на нашу сторону Марію Антоновну; ею руководили болѣе серьезныя побужденія. Въ дѣйствительности она не особенно любила Францію и еще менѣе политику; но она нѣжно любила Александра. Дѣлаясь нашей союзницею, она вѣрила, что служитъ его завѣтнымъ желаніямъ, его интересамъ и даже дѣлу его личной безопасности. Ея содѣйствіе было намъ не безполезно. Савари нѣсколько разъ передавалъ царю полезные совѣты черезъ ту, которую царь, говоря языкомъ сентиментальныхъ рыцарей, называлъ «предметомъ своихъ отдохновеній». Кромѣ того, Нарышкина охотно помогала генералу въ его свѣтскихъ дѣлахъ и облегчила ему доступъ во многіе салоны.

Въ русскомъ обществѣ была сдѣлана брешь; зато рвеніе нашихъ противниковъ удвоилось. Будучи до сихъ поръ безспорными господами положенія, они ограничивались при своей оборонѣ только презрѣніемъ; но по мѣрѣ того, какъ выяснялся характеръ дѣятельности Савари, — создавалось и ихъ сопротивленіе. Открылась война салоновъ. Тѣ кружки общества, доступъ въ которые былъ намъ закрытъ,—а ихъ было значительное большинство—предали анаѳемѣ другихъ; достаточно было какому-нибудь дому принять французовъ, чтобы другіе отшатнулись отъ него. Въ то же время

---

[1]) Шампаньи къ Савари. 27 сентября 1807 г.

[2]) Corresp, 13190.

общественное мнѣніе, точно съ цѣпи сорвавшись, набросилось на Александра; тонъ разговоровъ изъ ворчливаго, какимъ онъ былъ до сихъ поръ, перешелъ въ ожесточенный; злословіе принимало болѣе опасный характеръ; поговаривали о необходимости добиться, во что бы то ни стало, перемѣны политики, хотя бы даже цѣною перемѣны главы государства. Савари, до свѣдѣнія котораго дошелъ этотъ ропотъ, спрашивалъ себя, не слѣдовало ли видѣть въ этомъ симптомѣ предвѣстника катастрофы. Воспоминаніе о 1801 г. овладѣло его умомъ; его врожденная склонность къ сыску заставляла его видѣть повсюду заговоръ; онъ опасался какъ бы Александра не постигла участь Павла I-го. Считая, что долгъ передъ Наполеономъ обязывалъ его заботиться о безопасности царственнаго друга, онъ добросовѣстно отнесся къ этому дѣлу. Онъ взялся за русскую исторію, отыскивая въ ней описаніе прежнихъ переворотовъ; спрашивалъ себя, какимъ путемъ можно было предупредить ихъ, умолялъ Александра прибѣгнуть къ мѣрамъ охраны, возбуждалъ бдительность его приближенныхъ и добровольно взялъ на себя роль его министра полиціи [1]). Онъ дошелъ до того, что доносилъ ему о неосторожныхъ или преступныхъ словахъ, говорившихся въ его арміи. Пріемъ, оказанный его предостереженіямъ, побудилъ его къ шагу, который, по его мнѣнію, могъ дать рѣшительные результаты. Что, если бы ему удалось, воочію выяснивъ Александру опасности, могущія произойти отъ чрезмѣрной терпимости, навести его на большое и энергичное дѣло: перемѣнить своихъ совѣтниковъ, почистить высшую администрацію и удалить подальше коноводовъ враждебной партіи? Такое проявленіе власти обуздало бы гордое общество, не желавшее сдаться.

Сначала Савари позондировалъ почву у Нарышкиной. Тамъ его намеки были отлично приняты. Его умоляли поговорить съ императоромъ, быть съ нимъ откровеннымъ и настойчивымъ. «Помните, говорилось ему, что вы можете ему все сказать, и что онъ васъ выслушаетъ» [2]). Но такъ какъ Савари не рѣшался взять: на себя иниціативу подобнаго объясненія, Нарышкина сказала «Ну, хорошо! въ такомъ случаѣ, съ вами заговорятъ, и мы по-

[1]) Mémoires de Rovigo, III, 175 et suiv. 191 et suiv.

[2]) Донесеніе отъ 23 сентября 1807 г.

смотримъ, хотите ли вы служить ему... По крайней мѣрѣ, прибавила она, постарайтесь сдѣлать его болѣе злымъ» [1]).

Черезъ день послѣ этого разговора Савари, въ полной парадной формѣ, присутствовалъ на смотру и сопровождалъ верхомъ императора. Когда проходили войска, Александръ сдѣлалъ ему знакъ, чтобы онъ занялъ мѣсто возлѣ него и сказалъ: «Сегодня вы обѣдаете со мной. Вечеромъ не уѣзжайте, мнѣ нужно съ вами переговорить». Во время разговора Савари долженъ былъ сказать все, что зналъ. Онъ въ рѣзкихъ чертахъ обрисовалъ злословіе салоновъ, возрастающую агитацію и зловредное поведеніе нѣкоторыхъ лицъ, указалъ на необходимость, для предупрежденія ихъ плановъ, дѣйствовать противъ нихъ рѣшительно и положить конецъ ихъ развращающему вліянію на общественное мнѣніе. «Общественнымъ мнѣніемъ, прибавилъ онъ, отнюдь не слѣдуетъ пренебрегать. Оно что-то замышляетъ; съ нимъ крайне необходимо быть настorожѣ и мечомъ разсѣчь тучу; иначе, если за нимъ не наблюдать, оно, въ концѣ концовъ, охватитъ всѣ умы до такой степени, что, когда наступитъ моментъ исполнить обязательства, принятыя на себя Вашимъ Величествомъ, вы найдете всѣ пружины ослабленными, даже среди членовъ правительства... Мнѣ кажется, что Ваше Величество много выиграетъ, если удалитъ слишкомъ явно оппозиціонныхъ людей и замѣститъ ихъ другими, извѣстные принципы которыхъ помогутъ привести въ исполненіе предначертанія Вашего Величества. Въ противномъ случаѣ, возможно, что въ непродолжительномъ времени интрига, даже крамола, и вопли всего торговаго сословія заставятъ васъ поколебаться въ выборѣ между Англіей и нами. Признаюсь, Государь, я предвижу такой моментъ»...

Царь прервалъ его и, взявъ за руку, сказалъ: «Генералъ, мой выборъ сдѣланъ, ничто не можетъ его измѣнить. Не будемъ говорить объ этомъ, а подождемъ событій». Послѣ этого онъ въ трогательныхъ выраженіяхъ просилъ Савари не судить о Россіи по нѣкоторымъ интриганамъ, пренебречь ихъ происками и противопоставить имъ спокойствіе и презрѣніе. Онъ говорилъ, что работаетъ надъ тѣмъ, чтобы поставить все на другую ногу; но, что при этомъ онъ долженъ поступать осторожно и не торопиться; что ему нужно побѣдить массу предразсудковъ, перевос-

[1]) Id.

питать народъ. Задуманная имъ перемѣна могла совершиться только постепенно. Сверхъ того, онъ утверждалъ, что никакая интрига не собьетъ его съ его пути и не помѣшаетъ идти къ намѣченной цѣли. Онъ намекнулъ, между прочимъ, и на разладъ, который старались посѣять между его матерью и имъ, и, постепенно оживляясь, онъ сказалъ: «Я очень люблю моихъ родныхъ, «но я царствую и хочу, чтобы ко мнѣ относились съ уваженіемъ».— «Говоря это, прибавляетъ Савари, императоръ, видимо, начиналъ горячиться. Онъ вдругъ остановился, устремивъ взоры въ пространство; затѣмъ взялъ мою руку, пожалъ и продолжалъ: «Вы «видите, генералъ, что я отношусь къ вамъ съ большимъ довѣ-«ріемъ, ибо посвящаю васъ въ мои интимныя отношенія къ семьѣ. «Я разсчитываю на вашу скромность и преданность» [1]). Такая вспышка казалась искренней, но ею и окончился разговоръ, не приведшій ни къ какому результату. Савари понялъ, что ничто не могло побудить его на рѣшительныя мѣры и жестоко поступить съ оппозиціей, гдѣ было много лицъ, дорогихъ его сердцу.

Такъ какъ попытка покончить съ оппозиціей однимъ ударомъ не удалась, Савари вернулся къ дѣлу медленной осады. Онъ былъ неутомимъ. Вѣрный данному предписанію, состоявшему въ томъ, чтобы, во что бы то ни стало, найти себѣ доступъ въ общество, онъ не падалъ духомъ отъ дурныхъ пріемовъ. Если ему отказывали у дверей «петербургской красавицы», онъ являлся во второй, въ третій, въ четвертый разъ, когда, наконецъ, его принимали [2]). Если онъ встрѣчался съ противниками, онъ принималъ бой и держался, какъ подобаетъ храброму воину. Въ этотъ періодъ времени мы видимъ, какъ онъ ведетъ непрерывную борьбу, говоритъ авторитетно, всегда готовъ къ ѣдкому отвѣту, смѣло подхватываетъ всякій злорадный намекъ и заставляетъ относиться съ уваженіемъ къ своему императору и своей націи. Если онъ слишкомъ часто замѣняетъ тактъ самоувѣренностью, если у него иногда сказывается дурная привычка высказывать революціонныя мысли за столомъ дипломатовъ стараго режима, зато мы также слышимъ, какъ онъ отражаетъ самохвальство нашихъ враговъ словами, вызывающими смѣхъ. Какой-то англичанинъ съ ехидствомъ заговорилъ о потери нами Египта. «Это произошло отъ того,

[1]) Донесеніе отъ 23 сентября 1807 г.
[2]) Wilson, II, 359.

что императора самого тамъ не было,—живо отвѣтилъ генералъ;—пошли онъ туда только свою ботфорту, и вы обратились бы въ бѣгство». Удивляя странностью своихъ манеръ, онъ подкупалъ своею то рѣзкой, то цвѣтистой рѣчью и кончилъ тѣмъ, что внушилъ къ себѣ всеобщее уваженіе [1]).

Чтобы ослабить предубѣжденія императрицы-матери и ея двора, употребленное имъ средство не было плохо выбрано. Онъ просилъ разрѣшенія посѣтить одно изъ большихъ благотворительныхъ учрежденій, созданныхъ Маріей Θеодоровной, которымъ она лично завѣдывала и любила показывать, какъ образецъ. Онъ очень громко восторгался всѣмъ, что ему показывали, и вскорѣ узналъ, что его одобреніе произвело благопріятное впечатлѣніе. Нѣсколько времени спустя, хотя онъ лично и не имѣлъ доступа ко двору императрицы-матери, онъ сумѣлъ ввести туда молодого французскаго офицера де-Монтескьё, который былъ принятъ благодаря своему аристократическому имени, несмотря на невысокій чинъ. Хотя онъ не проникъ самъ, но, благодаря сдѣланной бреши, онъ могъ бросить взглядъ на внутренній строй этой крѣпости и завязать въ ней кое съ кѣмъ сношенія. Такимъ образомъ, онъ достигъ того, что владѣлъ даже въ самой враждебной средѣ, если не партіей, то, по крайней мѣрѣ, соучастниками, и, если и не привлекъ на свою сторону лицъ другого толка, то могъ познакомиться съ позиціями, которыя нужно было завоевать, узнать ихъ слабыя стороны, изучить средства возможно легче добиться успѣха,—однимъ словомъ, установить свое мнѣніе о настроеніи русскаго общества и о способахъ овладѣть имъ. Послѣ пятимѣсячнаго пребыванія сборникъ трудовъ, подъ названіемъ: «Замѣтки о Русскомъ дворѣ и С.-Петербургѣ», передалъ императору результатъ его развѣдки [2]).

---

[1]) Переписка Савари, сентябрь, октябрь, ноябрь 1807, passim. Cf. les Mémoires du feld-maréchal comte de Stedingк, ministre de Suède en Russie, II. 354, 376, 403, 404.

[2]) Archives nationales AF, IV, 1697. Мы опубликовали этотъ документъ въ Revue d'Histoire diplomatique, 1-re juillet 1890.

II.

«Путешественникъ, прiѣхавшiй въ С.-Петербургъ, говоритъ Савари въ своемъ донесенiи, совершенно ясно различаетъ въ немъ четыре отдѣльныхъ слоя: дворъ, дворянство, купечество и народъ, который находится въ крѣпостной зависимости». Коснувшись бѣгло двора, онъ добавляетъ только нѣсколько подробностей къ сообщеннымъ уже свѣдѣнiямъ объ императорѣ Александрѣ, въ искренность чувствъ котораго вѣритъ все болѣе. На минуту онъ останавливается передъ загадочной фигурой императрицы Елизаветы, тайну которой никто еще не разгадалъ. «Вотъ уже четырнадцать лѣтъ, говоритъ онъ, какъ царствующая императрица здѣсь; ея характеръ еще не разгаданъ даже тѣми, кто видитъ ее чаще всего. Въ обществѣ она до такой степени сдержана, что у нея не вырывается ни одного слова, ни одного взгляда, по которымъ можно было-бы о ней судить». Савари считаетъ ее очень умной, съ выработаннымъ сужденiемъ, а «такъ какъ она, говоритъ онъ, много занимается серьезными вещами, много читаетъ, правильно судитъ о нашихъ выдающихся писателяхъ, восхищается, читая нашихъ трагическихъ авторовъ», то онъ думаетъ, что легче было бы «овладѣть ея умомъ, чѣмъ сердцемъ». Но зачѣмъ стремиться проникнуть въ душу той, которая хочетъ остаться непроницаемой? Императрица менѣе, чѣмъ когда либо, желаетъ играть роль; намъ нечего надѣяться на ея поддержку, равно какъ и опасаться ея враждебности. «Оказанное время отъ времени вниманiе, любезно поднесенный подарокъ удержатъ ее на пути, избранномъ императоромъ ея супругомъ».

Слѣдуетъ, во что бы то ни стало, привлечь на свою сторону императрицу-мать и ея салонъ. Какими способами можно добиться этой побѣды? Савари избѣгаетъ высказаться и сказать что-нибудь опредѣленное по этому вопросу. По его мнѣнiю, попытаться можно, даже слѣдуетъ; но это дѣло настолько серьезно и щекотливо, что пусть императоръ возьметъ его лично на себя; его непогрѣшимая мудрость подскажетъ ему, какъ довести его до желанной цѣли. Между прочимъ, Савари подмѣтилъ, что императрица Марiя была крайне чувствительна къ знакамъ вниманiя. Ей дорого всякое доказательство уваженiя, она свято хранитъ самые незначительные подарки, особенно если они

являются знаками вниманія или предупредительности. Она живетъ, окруженная предметами, которые всѣ вызываютъ воспоминанія, изъ которыхъ одни говорятъ ея сердцу, другія ея самолюбію. Ея дворецъ въ Павловскѣ—храмъ прошлаго. Посѣтивъ, какъ путешественникъ, ея чудную резиденцію, Савари видѣлъ тамъ кабинетъ императора Павла, сохраненный въ томъ видѣ, какъ онъ былъ въ минуту его смерти [1]). Въ паркѣ ему показали рядомъ съ мавзолеями и надгробными урнами, воздвигнутыми императрицею въ память ея усопшихъ родителей, деревья, которыя имѣютъ свою исторію, ибо они сажались по желанію Маріи Ѳеодоровны въ день рожденія каждаго изъ ея дѣтей и были посвящены воспоминаніямъ о ея семейныхъ радостяхъ. Онъ также обратилъ вниманіе на музей съ подарками царствующихъ особъ, на севрскій сервизъ, присланный Людовикомъ XVI и украшавшій малые апартаменты императрицы, на обои, подарокъ Людовика XV Екатеринѣ II,—и пріобрѣлъ увѣренность, что такого же рода подарки отъ необыкновеннаго человѣка, на которомъ сосредоточено вниманіе всего міра, будутъ приняты съ признательностью, лишь бы они были выбраны со вкусомъ, скромно предложены и до извѣстной степени могли сойти за утонченную дань уваженія. «Изящный выборъ, говоритъ онъ, и искусство поднести, —вотъ что, главнымъ образомъ, придаетъ цѣну подобнымъ вещамъ. Это произвело бы тѣмъ лучшее впечатлѣніе, что здѣсь, въ особенности при этомъ дворѣ (при дворѣ императрицы-матери), есть люди, убѣжденные, что въ царствованіе императора Наполеона наши фабрики и мануфактуры не выдѣлываютъ уже такихъ изящныхъ вещей, какъ въ царствованіе королей. Очевидно, думаютъ, что мы обошлись съ искусствомъ и ремеслами, какъ турки и арабы».

Остановивъ на нѣкоторое время вниманіе своего высокаго читателя на Павловскѣ, онъ заставляетъ его сдѣлать быстрый обзоръ дворца въ Стрѣльнѣ, мѣстопребываніи великаго князя Константина. Великій князь почти совсѣмъ офранцузился; такъ какъ онъ любитъ только военное ремесло и легкія удовольствія, то Наполеонъ его богъ, а Парижъ его рай. Онъ желаетъ снова увидать Наполеона и познакомиться съ Парижемъ. Пока онъ живетъ одинъ съ своимъ уланскимъ полкомъ, въ тридцати верстахъ отъ

[1]) Cf. Mémoires de la comtesse Edling. 98—99.

Петербурга, и здѣсь онъ приблизительно воспроизводитъ привычки и занятія своего дѣда Петра III. Какъ и тотъ, онъ безумно играетъ въ солдатики. Его дворецъ содержится, какъ крѣпость; всѣ мелочи крѣпостной службы соблюдаются со всей строгостью. Покои великаго князя представляютъ арсеналъ; его библіотека состоитъ только изъ сочиненій, относящихся къ арміи. Устремивъ взоры на великую военную націю Запада, онъ безпрестанно отыскиваетъ въ ней предметы для кропотливаго изученія и безцѣльнаго подражанія. Для украшенія своихъ садовъ онъ заставилъ французскихъ плѣнниковъ соорудить въ миніатюрѣ Булонскій лагерь; музыканты его кавалеріи играютъ только французскіе мотивы; во время развода его уланы дефилируютъ при звукахъ *Chant du départ*. Къ тому же, благодаря своему причудливому нраву, Константинъ Павловичъ не пользуется въ арміи особенной любовью; его упрекаютъ въ томъ, что онъ только военный, а не воинъ; да и сверхъ того этотъ нашъ новоявленный новобранецъ, несмотря на его положеніе въ императорской фамиліи, повидимому, вовсе не способенъ сблизить съ нами просвѣщенное общество Петербурга.

Общество, которое исключительно состоитъ изъ дворянъ, доставляетъ Савари сюжетъ для подробной, крайне жизненной и очень язвительной картины. Не доходитъ ли суровость Савари до несправедливости? Мы склонны были бы такъ думать, если бы его описаніе не было согласно съ описаніями другихъ лицъ, имѣвшихъ возможность наблюдать лучше, чѣмъ онъ, при томъ принадлежащихъ къ другимъ слоямъ общества и руководившихся совершенно другими побужденіями и склонностями. Его донесеніе является безжалостнымъ, быть можетъ, преувеличеннымъ, но логическимъ развитіемъ извѣстныхъ наблюденій, приводимыхъ княземъ Адамомъ Чарторижскимъ въ его мемуарахъ и Жозефомъ де-Местромъ въ его перепискѣ [1]). Мы однако же не прочь признать, что Савари, очерчивая тѣхъ людей, которые столько разъ его выпроваживали, не забылъ и своихъ собственныхъ непріятныхъ приключеній. Не вникая въ глубину этого неспокойнаго и сложнаго обще-

[1]) См. относительно перваго, I, 366; относительно второго томъ Mémoires politiques et correspondance diplomatique, les pages 99, 324—325.

ства, гдѣ боролось столько различныхъ стремленій, гдѣ столько идей бродило подъ покровомъ страстей и свѣтскаго легкомыслія, онъ старался уловить только характерныя его черты, тѣ, которыя бросались въ глаза и выступали рельефно. Затѣмъ, разсмотрѣвъ ихъ въ ихъ связи съ политикой, онъ настойчиво обращаетъ на нихъ вниманіе императора.

Савари различаетъ въ русскомъ обществѣ, при его тогдашнемъ составѣ, двѣ группы: въ первую входятъ нѣкоторыя семьи съ прочнымъ положеніемъ, съ безукоризненной репутаціей, съ традиціоннымъ блескомъ; другая, болѣе многочисленная и неуравновѣшенная, представляется нашему наблюдателю толпой разоренныхъ, алчущихъ роскоши, но не имѣющихъ денегъ вельможъ, которые при денежныхъ затрудненіяхъ не всегда считались съ требованіями нравственнаго чувства, и, по заведенному порядку, прибѣгали къ непозволительнымъ средствамъ.

Такое безденежье объясняется историческимъ путемъ. Екатерина II по расчету, Павелъ—по склонности къ деспотизму, допустили установиться отвратительному обычаю, въ силу котораго государь не только награждалъ дворянство, но платилъ ему въ строгомъ смыслѣ этого слова за услуги; онъ платилъ ему деньгами, помѣстьями, людьми. Въ царствованіе Екатерины, послѣ каждаго счастливаго похода противъ Турціи происходилъ между генералами и офицерами раздѣлъ завоеванныхъ земель. Россія воевала столько же ради добычи, сколько и ради славы. «Въ этомъ отношеніи мы еще немного азіаты», простодушно сказалъ одинъ изъ министровъ. Когда не хватало земель, отнятыхъ отъ побѣжденныхъ, Екатерина, чтобы по горло засыпать богатствами тѣхъ, которые ей хорошо служили, пользовалась государственными имуществами; ея чрезмѣрная щедрость вошла въ пословицу. Павелъ, сумасбродный, доходившій во всемъ до крайности, еще усугубилъ эту систему: онъ дарилъ «три тысячи крестьянъ, какъ какой-нибудь перстень» [1]). Русское дворянство, поощренное такой чрезмѣрной щедростью, стало смотрѣть на государственную казну, какъ на неисчерпаемый запасъ, и дало волю своимъ расточительнымъ и тщеславнымъ инстинктамъ. Имъ овладѣла бѣшеная страсть наслаждаться, выѣзжать въ свѣтъ, лихорадочное стремленіе веселиться, и самая молодая столица Европы сдѣлалась самой тще-

[1]) Донесеніе Савари отъ 4 ноября.

славной. Въ концѣ восемнадцатаго вѣка, въ тѣ мрачные дни, когда буря революціи разразилась надъ Европой, Петербургъ оставался свѣтлой точкой, куда устремился весь цвѣтъ стараго общества, гдѣ жилось легко, и не думали о завтрашнемъ днѣ, гдѣ царило гостепріимство, гдѣ старались перещеголять другъ друга баснословной расточительностью.

Вдругъ, среди охватившаго русское общество вихря удовольствій, изсякъ источникъ наживы. Призванный волею судебъ на престолъ, Александръ выступилъ съ преобразовательными стремленіями, съ честнымъ желаніемъ возстановить государственные финансы, а вмѣстѣ съ тѣмъ покончить и съ унизительнымъ обычаемъ. Онъ прекратилъ всѣ награды за счетъ государственной казны; на просьбы о пособіяхъ отвѣчалъ совѣтами быть экономнѣе. Но толчокъ былъ уже данъ, привычки были сильнѣе воли монарха. Дворянство не сумѣло умѣрить свой образъ жизни, продолжало жить въ своихъ убранныхъ съ утонченной роскошью дворцахъ широко и открыто, среди толпы приживальщиковъ и прихлебателей; но, такъ какъ царская щедрость не исправляла уже брешей, которыя безпрестанно образовывались въ состояніяхъ, то вскорѣ подъ этотъ золоченый внѣшній блескъ прокралось всеобщее безденежье. Въ 1807 г. Петербургъ, столица, блестящая по внѣшности, сдѣлалась городомъ должниковъ. На этотъ счетъ Савари даетъ характерныя подробности. «Я знаю,— говоритъ онъ, разсказывая о русскихъ,—нѣсколькихъ титулованныхъ особъ, которые покрыты бриллiантами въ дни представленій ко двору, занимаютъ высокія должности въ государствѣ, а между тѣмъ булочникъ нерѣдко отказывается отпустить имъ хлѣба къ обѣду. Въ этомъ отношеніи здѣсь увидишь вещи, которыхъ нѣтъ нигдѣ. Можно видѣть людей съ милліонными долгами, которымъ ничего не остается, какъ жить по примѣру прочихъ, успокаивать себя этимъ и даже дѣлать изъ этого предметъ своей гордости. Одна титулованная дама въ С.-Петербургѣ разсказываетъ, какъ о чемъ то, чему она не придаетъ никакого значенія, что у нея полтораста тысячъ рублей долгу. Когда ее приглашаютъ на балъ и она не можетъ поѣхать, она обыкновенно извиняется, говоря, что ростовщикъ не хотѣлъ ей довѣрить ея бриллiантовъ на эту ночь. Особенно странно то, что все это нисколько не роняетъ этихъ дамъ въ глазахъ свѣта, такъ какъ всѣ онѣ приблизительно въ одинаковомъ положеніи».

Далѣе онъ продолжаетъ, что въ этомъ разореніи кроется нѣкоторая опасность и для новой политической системы, и для самого Александра. Англійская партія могла такъ легко возмутить общественное мнѣніе противъ подписи тильзитскаго договора только потому, что она обратилась къ тѣмъ, которые уже давно были недовольны. Среди нихъ многіе истощили свои послѣднія средства. Ужасъ ихъ положенія дѣлаетъ ихъ на все готовыми; революція, которая вновь открыла-бы имъ при новомъ монархѣ дорогу къ выгоднымъ почестямъ, является для нихъ средствомъ къ спасенію. Если явится вождь, достаточно смѣлый, чтобы вести ихъ на приступъ противъ власти, онъ найдетъ въ нихъ вполнѣ подготовленныхъ борцовъ. Савари, хорошо знакомый съ нашими авторами, узнаетъ этихъ корыстныхъ враговъ государя въ слѣдующихъ знаменитыхъ стихахъ:

Un tas d'hommes perdus de dettes et de crimes
Que pressent de ses lois les ordres légitimes,
Et qui, désespérant de les plus éviter,
Si tout n'est renversé, ne sauraient subsister.

Но не содержитъ ли зло въ самомъ себѣ спасительнаго средства? Русская аристократія, опасная благодаря своей неустойчивости, сама по себѣ представляетъ легкую добычу. Если такая неустойчивость и располагаетъ нѣкоторыхъ изъ ея членовъ къ отчаяннымъ предпріятіямъ, то, съ другой стороны, она не защищаетъ ихъ отъ увлеченій удовольствіями, отъ блеска кстати данныхъ баловъ и отъ поклоненія высокому свѣтскому положенію. Нельзя ли одурманить ее и привлечь на нашу сторону подобными средствами? Если посланникъ Франціи устроится въ Петербургѣ такъ, чтобы привлекать всеобщее вниманіе, если будетъ жить на широкую ногу и поражать своимъ богатствомъ, если двери его дома будутъ для всѣхъ широко открыты, если балы его будутъ предметомъ разговоровъ и будетъ считаться необходимымъ присутствовать на нихъ, тогда политическія убѣжденія не устоятъ передъ притягательной силой удовольствій, и русскіе вельможи будутъ толпиться въ салонахъ нашего посла; онъ будетъ въ состояніи залучить къ себѣ и подчинить своему вліянію однихъ, проникнуть въ замыслы другихъ, слѣдить за обществомъ и управлять имъ.

Этотъ пріемъ съ успѣхомъ употреблялся то тѣмъ, то другимъ государствомъ. Въ странѣ у него есть уже традиціи, а въ настоящее время его примѣняетъ Англія. Она до такой степени хорошо усвоила себѣ идею о необходимости держать въ Петербургѣ открытый домъ, что у ней какъ-бы два посольства: дѣла ведетъ министръ второго разряда, сэръ Стюартъ; на дѣйствительномъ же посланникѣ, лордѣ Говерѣ, лежитъ, главнымъ образомъ, обязанность представительства. «Большой лѣнтяй, который не любитъ своего дѣла», сказалъ о немъ императоръ Александръ. Но у этого надменнаго, удивительно безпечнаго представителя британской аристократіи самыя красивыя лошади въ Петербургѣ, самые роскошные экипажи, превосходный столъ; онъ живетъ на болѣе широкую ногу, чѣмъ нѣкоторые нѣмецкіе короли, и знать, поклоняющаяся его манерамъ, ослѣпленная его пышностью, привлекаемая его блестящими пріемами, является почтительно выслушивать отъ него наставленія Англіи. Когда императоръ Александръ, согласно тильзитскому договору, порветъ съ Лондономъ, отъѣздъ британской миссіи произведетъ переворотъ въ привычкахъ общества и приведетъ его въ замѣшательство. Слѣдуетъ воспользоваться этой неурядицей для привлеченія его на нашу сторону; взять на себя роль руководителя его удовольствіями и предложить ему тотчасъ же новый сборный пунктъ. Слѣдовательно, необходимо, чтобы къ этому времени у Франціи былъ въ Петербургѣ надлежащій представитель, прекрасно обставленный на своемъ посту. Этотъ посолъ долженъ быть не только добросовѣстнымъ и искуснымъ агентомъ, но и человѣкомъ съ величественной осанкой, громкаго имени и, если возможно, древняго рода, съ выдающимся личнымъ положеніемъ. Самое важное, чтобы домъ его не имѣлъ себѣ равнаго, чтобы онъ отнюдь не боялся соперниковъ въ умѣньѣ создавать блестящее положеніе. Если нашъ посланникъ будетъ имѣть всѣ эти качества, ему, вѣроятно, удастся занять то господствующее положеніе въ свѣтѣ, которое теперь занимаетъ посланникъ нашей соперницы и отчасти пріобрѣсти ея политическое наслѣдство. Конечно, нельзя разсчитывать на безусловное торжество: всегда будетъ весьма рѣзко очерченная и стойкая оппозиціонная партія; но та неустойчивая и безпочвенная толпа, которая плыветъ по теченію и которую можно увлечь обѣдами и танцами, придетъ за приказаніями вмѣсто англійскаго дворца во французскій.

Есть еще средство замѣнить вліяніе Англіи нашимъ: это занять въ торговлѣ Россіи господствующее положеніе. Савари могъ судить, до какой степени выгоды торговыхъ сношеній, установившихся между Великобританіей и Россіей, способствовали политической дружбѣ обоихъ государствъ; онъ даетъ на этотъ счетъ любопытныя подробности. Онъ видѣлъ, что торговля съ Англіей все болѣе входила въ нравы Россіи. Она заставляетъ Неву кораблями, возбуждаетъ дѣятельность въ ея портахъ, оживляетъ ея набережныя. На тысяча двѣсти судовъ, которыя ежегодно входятъ въ эту большую рѣку, болѣе шестисотъ носятъ британскій флагъ. Въ Петербургѣ купечество всецѣло обязано своимъ благосостояніемъ торговымъ сдѣлкамъ съ Англіей; большинство купцовъ британской національности или британскаго происхожденія. Что же касается до остальныхъ, кто бы они ни были, нѣмцы или русскіе, барышъ создалъ имъ изъ Англіи второе отечество и сдѣлалъ ихъ англичанами. Даже дворяне состоятъ данниками Великобританіи. Она покупаетъ лѣсъ въ ихъ обширныхъ помѣстьяхъ и доставляетъ имъ самую аккуратную статью ихъ доходовъ. Болѣе того, она пріучила ихъ видѣть въ ней общепризнаннаго, традиціоннаго, неизбѣжнаго поставщика цѣлой партіи предметовъ, необходимыхъ для ихъ жизни. Произведенія ея промышленности распространены повсюду въ Россіи; они каждую весну прибываютъ въ видѣ громадныхъ грузовъ. Тѣ же продукты, ввозъ которыхъ невозможенъ, благодаря строгимъ или запретительнымъ пошлинамъ, Англія выдѣлываетъ на мѣстѣ руками своихъ добровольно эмигрировавшихъ рабочихъ, т. е. въ самой Россіи выдѣлываются на фабрикахъ англійскіе продукты. Она поставляетъ дворянамъ сукна для одежды, мебель для домовъ, посуду, которая украшаетъ ихъ столъ, даже бумагу, перья и чернила, которыми они пользуются; она сдѣлалась госпожей ихъ вкусовъ, привычекъ, комфорта; сумѣла соткать тонкія, но безчисленныя и прочныя нити, которыя обвиваютъ Россію и держатъ ее въ плѣну.

Но будетъ ли Франція въ состояніи тотчасъ же послѣ политическаго разрыва, вслѣдъ за которымъ прекратится ввозъ Англіи, замѣнить ея произведенія нашими и сдѣлаться наслѣдницею ея монополіи? Савари не думаетъ этого. Совѣтуя предпринять это дѣло, онъ не скрываетъ, что средства къ достиженію этого, какъ то: ввозъ избранныхъ товаровъ, французскія фак-

торіи, торговые дома могутъ создаться только постепенно и въ теченіе долгаго времени. Экономическое завоеваніе имперіи должно быть дѣломъ времени, рынокъ не захватывается, какъ военная крѣпость. Итакъ, Франція не можетъ надѣяться на немедленное заполненіе громадной пустоты, которая произойдетъ въ Россіи, благодаря прекращенію торговыхъ сношеній съ Англіей, и не будетъ въ состояніи избавить ее отъ временныхъ затрудненій. Переходное время явится острымъ испытаніемъ для союза. Тогда-то на почвѣ матеріальныхъ интересовъ вспыхнетъ противъ насъ возмущеніе, и разразятся яростныя нападки недовольныхъ. Въ это время отъ Александра потребуется исключительная энергія, которую необходимо будетъ внушить ему. Только одинъ императоръ Наполеонъ, благодаря своимъ непосредственнымъ сношеніямъ съ русскимъ государемъ и вліянію, которое онъ на него имѣетъ, сможетъ внушить ему необходимыя твердость и силу, чтобы устоять противъ всякаго рода давленія, сможетъ заставить его принять необходимыя строгія мѣры и, такимъ образомъ, косвенно сломить оппозицію торговаго міра, изгнать интригу при дворѣ и окончательно создать торжество Франціи въ Россіи. Обращеніе къ императору, призывъ къ его всемогуществу, надежда на чудодѣйственную силу его генія,—таково заключеніе, къ которому приходитъ Савари, какъ по этому, такъ и по другимъ вопросамъ. Ничто не можетъ лучше доказать, какъ мало вѣрилъ онъ во всѣ человѣческія и раціональныя средства.

Въ донесеніяхъ генерала Наполеонъ почерпнулъ необходимую точку опоры для нѣсколькихъ рѣшеній. Его крайне озабочивалъ выборъ посланника для Петербурга. Сознавая необходимость придать своему представительству въ этой столицѣ исключительный характеръ, онъ сперва остановился на слѣдующемъ рѣшеніи: крайне искусный дипломатъ, владѣющій въ совершенствѣ опытомъ и умѣньемъ управлять дѣлами, де Ла Форé, бывшій посланникъ въ Берлинѣ, будетъ аккредитованъ въ качествѣ посла; но, кромѣ него, императоръ будетъ всегда держать въ Петербургѣ одного изъ своихъ флигель-адъютантовъ, назначеніемъ котораго будетъ состоять при особѣ самого царя и замѣстить Савари въ дружескихъ отношеніяхъ къ монарху. Это рѣшеніе пріобрѣло уже огласку, когда Наполеонъ призналъ, что крайне необходимо вліять не только на императора, но и на

высшее общество. Это заставило его отказаться отъ первоначальнаго плана и придать представительству своего посланника исключительный блескъ. Съ этой минуты назначеніе только посла и выборъ для этой цѣли другого, чѣмъ думалъ сперва Наполеонъ, лица сдѣлались необходимыми.

Наполеонъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи человѣка, имя и семейныя традиціи котораго связывали его съ прежней Франціей, но который въ то же время далъ новому правительству доказательства безусловной преданности; это былъ его оберъ-шталмейстеръ, дивизіонный генералъ Коленкуръ. Человѣкъ выдающагося ума, съ прямой и великодушной душой, Коленкуръ питалъ къ императору рыцарскую привязанность и доблестно служилъ ему при выполненіи многихъ его порученій. Благодаря одному изъ нихъ онъ былъ уже въ Россіи. Позднѣе, въ дни испытаній, онъ возвысился еще болѣе, сохранивъ вѣрность и въ несчастьѣ, удѣлъ только истинно-благородныхъ душъ. Въ то же время этотъ благородный человѣкъ не забывалъ о своемъ происхожденіи и любилъ напоминать о немъ своей манерой говорить и держать себя. Его отъ природы художественно развитой вкусъ заставлялъ его стремиться къ изящному и роскоши; онъ искалъ придворной атмосферы, и никакая слава не могла болѣе льстить его самолюбію, какъ слава— примирить императорскую Францію съ аристократіей одного изъ государствъ старой Европы. Наполеонъ нашелъ, что никто изъ состоящихъ при его дворѣ и въ его свитѣ не былъ болѣе способенъ занять не только съ достоинстомъ, но и съ блескомъ первый постъ во французской дипломатіи. «Я окончательно рѣшилъ послать Коленкура» [1]); въ такихъ выраженіяхъ объявилъ онъ 1 ноября 1807 г. Савари о своемъ выборѣ. Нѣсколько дней спустя Коленкуръ, несмотря на горячее сопротивленіе, былъ снабженъ полномочіями и долженъ былъ отправиться въ Петербургъ въ званіи чрезвычайнаго посла, съ содержаніемъ въ 800,000 франковъ, 250,000 франковъ на расходы по помѣщенію и съ избраннымъ персоналомъ секретарей и чиновниковъ. Ему приказано было во всемъ поступать широко, превзойти всѣхъ въ роскоши и заняться дѣломъ завоеванія свѣтской Россіи.

---

[1]) Corresp., 13318.

Наполеонъ позаботился расчистить путь своему посланнику и старался лично понравиться въ Россіи. Онъ ничего не щадилъ, ни малыхъ, ни великихъ средствъ. Чтобы ослабить застой въ торговлѣ, Наполеонъ вызвался купить въ Россіи мачтоваго лѣсу и выстроить на русскихъ верфяхъ три французскихъ корабля. Онъ обѣщалъ для арміи царя пятьдесятъ тысячъ ружей новаго образца и открылъ наши гавани *кадетамъ*, желающимъ усовершенствоваться въ морскомъ образованіи. Въ то же время, онъ, видимо, былъ расположенъ оказать содѣйствіе петербургскимъ увеселеніямъ. Такъ какъ Савари увѣдомилъ его, что открытіе французскаго театра доставитъ удовольствіе, онъ отвѣтилъ: «Талейранъ вышлетъ актеровъ и актрисъ» [1]).

Онъ желалъ также, чтобы сношенія съ обоими русскими дворами сдѣлались правильными и утонченно-вѣжливыми. Хотя для снисканія расположенія обѣихъ императрицъ онъ гнушался употребить нѣсколько грубые пріемы, о которыхъ писалъ ему Савари, тѣмъ не менѣе, онъ настоялъ, чтобы его братъ Жеромъ и новая невѣстка, королева Екатерина Вестфальская, родственница Маріи Ѳеодоровны, увѣдомили ее въ почтительныхъ выраженіяхъ о своемъ бракосочетаніи. Самому себѣ онъ предоставилъ вліять на Александра силой личнаго обаянія. Между обоими императорами установился уже обмѣнъ любезностей. Александръ послалъ императору шубы, цѣнностью въ восемьдесятъ тысячъ рублей каждая, и принялъ на себя званіе его *поставщика мѣховъ*; Наполеонъ отвѣтилъ подарками изъ севрскаго фарфора, выбранными по вкусу царя на основаніи указаній Савари. Кромѣ того, онъ сталъ часто переписываться съ самимъ Александромъ въ надеждѣ, что, увѣривъ его въ своей преданности и довѣріи и овладѣвъ, такимъ образомъ, его сердцемъ, онъ вѣрнѣе найдетъ доступъ къ его уму и будетъ управлять имъ. Въ своихъ письмахъ онъ тактично вводилъ въ бесѣду о политикѣ и дѣлахъ увѣренія въ преданности, высказывалъ въ сдержанныхъ, убѣдительныхъ и трогательныхъ выраженіяхъ, не злоупотребляя чрезмѣрными изліяніями, свое желаніе, чтобы между Александромъ и имъ упрочилась истинная дружба, мужская, простая и солидная и чтобы,

---

[1]) Corresp., 13190. На Талейрана, состоявшаго въ званіи оберъ-камергера, былъ возложенъ высшій надзоръ за театрами.

такимъ образомъ, на разстояніи поддерживалась тильзитская близость [1]).

Несмотря на надежду, которую онъ возлагалъ на эти сношенія и на другіе, избранные имъ, способы вліянія, Наполеонъ обладалъ черезчуръ практическимъ умомъ для того, чтобы придавать имъ существенное значеніе. То, что установилъ Савари, было мало утѣшительно, и поддерживало въ умѣ Наполеона сомнѣнія, которыя онъ не переставалъ чувствовать относительно прочности русскаго союза. Твердо рѣшившись слѣдовать плану, намѣченному имъ въ Тильзитѣ, онъ рѣшилъ, что ему ясно было указано на неблагоразуміе отдаваться беззавѣтно этому плану. Онъ мало вѣрилъ въ покушеніе на царя. Среди вождей оппозиціи онъ не видѣлъ ни одного, чья отвага была бы на высотѣ подобнаго злодѣянія. Онъ даже приказалъ Савари прекратить предостереженія, считая ихъ скорѣе опасными, чѣмъ полезными; но, тѣмъ не менѣе, онъ усматривалъ серьезную опасность въ настроеніи русскаго общества; онъ опасался его вреднаго вліянія на умъ Александра, въ которомъ онъ, несмотря на все происшедшее между ними, замѣчалъ слѣды непостоянства и недовѣрія. Словомъ, Россія была завоевана только на-половину. Безъ сомнѣнія, главная, высшая точка позиціи, т.-е., императоръ, былъ нашъ. Но находясь среди враждебныхъ массъ, которыя засѣли въ сильно укрѣпленныхъ окопахъ, хорошо защищались и только съ трудомъ позволяли добраться до нихъ, онъ былъ въ нашихъ рукахъ рискованнымъ владѣніемъ, оставался, говоря языкомъ военныхъ операцій, безъ прикрытія, и всегда могъ подвергнуться враждебнымъ посягательствамъ. Возвратъ Россіи къ заблужденіямъ прошлаго все болѣе казался Наполеону возможной гипотезой, которую слѣдуетъ имѣть въ виду, и какъ существенный элементъ, который долженъ войти въ его разсчеты. Это убѣжденіе, которому наблюденія Савари давали прочную опору, должно было замѣтно повліять на его политику. Мы увидимъ, что его сношеніями съ Петербургомъ будетъ руководить двоякая мысль: съ одной стороны сохранить союзъ съ Россіей, заставить его дѣйствовать и приносить всѣ плоды, но въ то же время быть постоянно на-чеку противъ новой измѣны Россіи.

[1]) См. относительно конца 1807 г. письма Наполеона въ Correspondance, t. XVI и отвѣты Александра, опубликованные Татищевымъ въ Nouvelle Revue, 15 juin 1890.

ГЛАВА III.

РАЗРЫВЪ СЪ АНГЛІЕЙ.

Россія предлагаетъ въ Лондонѣ свое посредничество: отклоненіе ея услугъ.—Англія подслушиваетъ.—Она только отчасти вывѣдываетъ тайну Тильзита.—Какъ Наполеонъ, такъ и Англія рѣшили не признавать нейтралитета и свободы дѣйствій Даніи.—Британское министерство предупреждаетъ Наполеона.—Бомбардировка Копенгагена; захватъ флота.—Впечатлѣніе, которое произвела эта катастрофа на Наполеона.—Его искусство извлекать пользу даже изъ самыхъ неблагопріятныхъ условій.—Онъ хочетъ использовать нападеніе, учиненное англичанами, чтобы поднять на нихъ континентъ и ускорить исполненіе тильзитскаго плана.—Призывъ къ Россіи.—Вступленіе Австріи въ континентальную лигу.—Причины, побуждающія Александра I-го временно поддерживать добрыя отношенія съ Англіей.—Сѣятель интригъ и подкупа.—Сэръ Робертъ Вильсонъ за царскимъ столомъ.—Какъ создается легенда.—Заблужденія Сенъ-Джемскаго кабинета.—Русская политика пріобрѣтаетъ болѣе опредѣленный характеръ подъ вліяніемъ графа Румянцева: прошлое и характеръ Румянцева.—Причины экономическаго порядка, благодаря которымъ отсрочивался антагонизмъ русскихъ и англійскихъ интересовъ на Востокѣ.—Соблазнительныя рѣчи Вильсона.—Его свѣтская дѣятельность, его салонные успѣхи.—Врожденная Савари склонность къ сыску сослужила ему полезную службу: онъ подстраиваетъ жестокую непріятность Вильсону.—Гнѣвъ и горе Александра: его слова объ освобожденіи крестьянъ.—Вильсонъ высланъ.—Манифестъ о войнѣ.—Истинная причина разрыва между Россіей и Англіей.—Александръ требуетъ, чтобы Наполеонъ отдалъ ему Княжества.

I.

Первымъ дѣломъ, къ которому обязывали царя статьи Тильзитскаго договора, было предложеніе съ его стороны посредничества между Франціей и Англіей. Александръ приказалъ сдѣлать въ Лондонѣ соотвѣтствующіе шаги. Ему было отвѣчено 29 августа, что Его Британское Величество желаетъ прежде всего знать «тѣ, покоющіяся на принципѣ справедливости и признанія взаимныхъ правъ, основы, на которыхъ Франція намѣрена вести

переговоры»; Его Величество проситъ сообщить ему также и тайныя статьи тильзитскаго договора[1]). Вторымъ требованіемъ, несовмѣстимымъ съ принятыми Александромъ по отношенію къ Наполеону обязательствами, фактически отвергалось русское посредничество, и вмѣстѣ съ тѣмъ выдавались мысли, которыя уже цѣлый мѣсяцъ осаждали и угнетали англійскій кабинетъ.

Лишь только Англія узнала о перемиріи и о состоявшемся вслѣдъ за нимъ свиданіи, лишь только почуяла попутный вѣтеръ для интимныхъ переговоровъ между обоими императорами, она поняла, что ихъ примиреніе могло состояться только за ея счетъ. Опасенія ея пробудились, и она прибѣгла къ шпіонству. Ея ревностные, не стѣсняющіеся въ выборѣ средствъ, агенты появились въ Тильзитѣ и проскользнули въ главную квартиру обѣихъ армій. Насторораживъ уши, они улавливали слухи о сказанныхъ словахъ и взаимныхъ обязательствахъ. Но, какъ обыкновенно бываетъ съ тѣми, кто подслушиваетъ, они схватывали только обрывки фразъ и мыслей, и могли передать въ Лондонъ только неточныя и, слѣдовательно, тревожныя свѣдѣнія. Усилія Англіи раскрыть истину обнаружили только часть ея, а въ остальномъ заставили ее прибѣгнуть къ догадкамъ. Она узнала о состоявшемся противъ нея соглашеніи, но точный характеръ его оставался ей неизвѣстнымъ [2]).

Для того, чтобы лучше уяснить себѣ и разгадать настоящее положеніе дѣлъ, ничто не мѣшало ей обратиться къ событіямъ недавняго прошлаго и въ нихъ поискать указаній. 1807 г. представлялъ поразительное сходство съ 1801 г. И въ то время, какъ и теперь, Англія также стояла одиноко передъ побѣдительницею Европы—Франціей. Послѣ Маренго и Гогенлиндена, какъ и позднѣе послѣ Іены и Фридланда, континентальныя государства, не желая долѣе работать въ пользу другихъ и вести войну, въ которой всѣ труды и издержки несли они одни, бросали оружіе, сдавались одно за другимъ на капитуляцію, и откровеннѣе всѣхъ

---

[1]) Донесенія Савари отъ 9 сентября 1807 г. Депеши барона Жакоби-Клостъ, прусскаго министра въ Лондонѣ, 3 и 25 августа 1807 г., Hassel. 342. Mémoires du comte de Stedingk. II, 334—335, 338.

[2]) Alison, History of Europe, from the French revolution to the Restoration of the Bourbons, VII, p. 243.

отдѣлилась отъ британскаго дѣла Россія. Бонапартъ тогда-же мечталъ сдѣлать Россію своимъ орудіемъ противъ англичанъ; но онъ не рѣшился потребовать, чтобы она немедленно обратилась противъ своихъ вчерашнихъ союзниковъ и удовольствовался тѣмъ, что она присоединилась къ другимъ прибалтійскимъ государствамъ, Швеціи и Даніи, къ той лигѣ, задачей которой было формулировать, выставить и, въ случаѣ надобности, поддержать силою оружія требованія о признаніи правъ нейтральныхъ державъ, т.-е. тѣ требованія, на которыя Англія смотрѣла, какъ на отрицаніе своего господства на моряхъ. Вооруженный нейтралитетъ привелъ Россію къ разрыву съ Лондономъ, но далъ ей возможность объяснить свою измѣну заботой о пользѣ общаго дѣла и благодаря этому совершить переходъ въ другой лагерь постепенно и безнаказанно. Естественно было думать, что и въ Тильзитѣ Наполеонъ прибѣгъ къ тому же самому пріему, и Англія вовсе не разсчитывала, что Александръ перейдетъ на нашу сторону болѣе открыто и отнесется къ своимъ обязательствамъ менѣе добросовѣстно, чѣмъ Павелъ I-ый. По ея предположеніямъ, однимъ изъ обязательствъ, возложенныхъ на царя, было его участіе въ лигѣ по наружности оборонительнаго характера, но, въ дѣйствительности, предназначенной подготовить для дѣйствій противъ Англіи внушительныя морскія силы [1]). Впрочемъ, по мнѣнію англичанъ, возможно было, что Россія ограничится въ этой коалиціи второстепенной ролью, состоящей въ томъ, чтобы оказывать давленіе на Швецію и въ особенности побудить къ войнѣ Данію.

Хотя въ 1801 г. принципъ о независимости на моряхъ надменно провозгласила Россія, но борцомъ за это дѣло выступила Данія; она проливала за него кровь и рисковала своей столицей. Ей-то съ ея двадцатью линейными кораблями, хорошо обученнымъ и храбрымъ экипажемъ, съ населеніемъ изъ природныхъ моряковъ, повидимому, и теперь было предназначено снова взять на себя ту же роль, лишь бы царь, ея старинный покровитель, поощрилъ ее или, по крайней мѣрѣ, пересталъ ее сдерживать. Такъ какъ для созданія балтійской лиги необходимо было участіе и попустительство Александра, то было вполнѣ вѣроятно, что самымъ дѣятельнымъ и усерднымъ ея членомъ сдѣлается Данія. Сразу же поставивъ Данію въ невозможность

[1]) Депеша Жакоби, 18 августа 1807 г., Hassel, 345; Stedingk, II, 345—36.

бороться, Англія могла надѣяться привести въ замѣшательство другихъ членовъ предположенной ассоціаціи и, быть можетъ, предупредить ихъ враждебныя дѣйствія. Она рѣшила, что, для уничтоженія въ самомъ зародышѣ тильзитскихъ проектовъ, нужно нанести ударъ въ Копенгагенѣ.

Конечно, такой взглядъ не былъ совершенствомъ, ибо онъ не обнималъ во всей совокупности обязательствъ, подписанныхъ Александромъ, но онъ былъ необыкновенно проницателенъ и вѣренъ. Дѣйствительно, ближайшій результатъ, котораго Наполеонъ ожидалъ отъ союза съ Россіей, была возможность для него морской войны. Овладѣвъ континентомъ, онъ снова обращался къ морю, гдѣ держалась его неуловимая соперница, и гдѣ онъ поклялся до нея добраться. Онъ снова возвращается къ своимъ проектамъ непосредственнаго на нее нападенія, на которыхъ еще недавно такъ упорно останавливался его геній. Видѣть въ блокадной системѣ, введенной его берлинскимъ декретомъ, единственный принятый имъ способъ борьбы съ Англіей, было бы важной ошибкой, вредящей пониманію его политики. Хотя въ теченіе десяти мѣсяцевъ послѣ Тильзита онъ и старается ввести и распространить повсюду примѣненіе необычайно строгой *континентальной блокады*, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ безъ устали и послѣдовательно изучаетъ планы морской войны, которые предназначаетъ для пораженія британскаго государства въ его самыхъ жизненныхъ частяхъ.

Между этими планами, первый, за которымъ уже было право давности и который тотчасъ же пришелъ ему на умъ, относился къ сѣвернымъ морямъ. Наполеонъ разсчитывалъ создать изъ береговъ Ламанша, точнѣе говоря, Сѣвернаго и Балтійскаго морей, громадный фронтъ для нападенія на Англію и снабдить его могучими средствами для морской войны: флотами, флотиліями, десантными войсками, чтобы затѣмъ цѣлымъ рядомъ согласованныхъ маневровъ тревожить непріятеля, угрожать ему и, наконецъ, подготовить и облегчить высадку [1]). Въ проектированномъ распредѣленіи французскихъ или, лучше сказать, союзныхъ силъ, датскій флотъ, единственный, съ которымъ нужно было считаться на Балтійскомъ морѣ, занималъ важное мѣсто и составлялъ наше правое крыло. Правда, Копенгагенскій дворъ, несмотря на свои французскія

[1]) Corresp.. 12848. 12874. 12879. 12911.

симпатіи, все еще колебался открыто стать на нашу сторону и пытался сохранить нейтралитетъ, въ которомъ видѣлъ свое спасеніе. Но императоръ не допускалъ подобной роли: какъ извѣстно, секретныя статьи тильзитскаго договора устанавливали, что Данія, волей или неволей, будетъ нашимъ союзникомъ. Впрочемъ, намѣреніе произвести на нее, въ случаѣ надобности, матеріальное давленіе явствуетъ изъ поведенія, предписаннаго императоромъ своей дипломатіи и войскамъ [1]). Итакъ, слѣдуетъ признать, что преемники Питта, отправляя противъ Копенгагена экспедицію съ предписаніемъ привести къ покорности Данію и лишить ее флота, только разгадали и предупредили намѣренія Наполеона; они лишь разломали оружіе, прежде чѣмъ онъ, рѣшившись завладѣть имъ, успѣлъ схватить его. Но ихъ нападеніе, по вѣроломству и жестокости, съ которыми оно было совершено, по общей симпатіи, которую внушала жертва, и по необычайнымъ размѣрамъ катастрофы, осталось самымъ жестокимъ примѣромъ того, какъ, къ прискорбію, несовершенны тѣ преграды, которыя именуются правами людей, святостью договоровъ, уваженіемъ нейтралитета,—и которыя въ рѣшительные историческіе моменты тщетно выдвигаются противъ необузданнаго произвола великихъ политическихъ силъ.

Въ послѣднихъ числахъ іюля англійская экспедиція вышла въ море. Въ началѣ августа эскадра изъ тридцати семи кораблей обложила островъ Зеландію и высадила на немъ армію. Извѣстно, какими дѣяніями адмиралъ Гамбіе и генералъ Каткартъ ознаменовали тамъ свое присутствіе. 1 сентября, послѣ ряда надменныхъ требованій съ одной стороны и мужественныхъ отказовъ съ другой, линія фугасныхъ баттарей открыла огонь по Копенгагену. Послѣ пятидневной бомбардировки часть города была въ пламени, погибли сотни жертвъ. Тогда Копенгагенъ сдался, открылъ городскія ворота, передалъ арсеналъ, позволилъ увести свой флотъ и спасъ только честь. Принцъ регентъ удалился въ Гольштейнъ. Отсюда онъ написалъ Наполеону, предлагалъ ему союзъ,—теперь уже безполезный, и призывалъ насъ отомстить за него [2]).

Вышеописанный разгромъ захватилъ императора врасплохъ

[1]) Corresp., 12962, 12974.

[2]) См. Thiers, VIII, 188—199; Lefebvre, III, 136—145; Alison, VII, 249—256.

и привелъ въ бѣшенство; увѣряютъ, что со смерти Павла I-го онъ не подвергался такимъ припадкамъ гнѣва. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. И въ самомъ дѣлѣ, если Наполеонъ хоть короткое время могъ разсчитывать на то, что Англія, покинутая Россіей, пойдетъ на переговоры, зловѣщее дѣло ея флота самымъ оскорбительнымъ образомъ опровергало такое предположеніе; оно означало, что постоянныя неудачи Англіи, не только не ослабили, но скорѣе возбудили ея мужество, что въ ея глазахъ Тильзитъ былъ только однимъ изъ событій великой борьбы, о прекращеніи которой она не хотѣла и думать, и что ея неразборчивая въ средствахъ энергія и не думала слагать оружія. Сверхъ того, съ захватомъ Англіеіі датскаго флота исчезъ главный факторъ первоначальнаго плана, составленнаго въ предположеніи силой, принудить Англію къ миру, въ случаѣ, если бы она отказалась отъ него. Слѣдовательно, всему проекту не доставало основы, онъ рушился. Но характерной чертой Наполеона была удивительная способность приспособляться къ обстоятельствамъ и постоянно видоизмѣнять и возобновлять свои планы въ зависимости отъ хода событій. Онъ изъ всего умѣлъ искусно извлекать пользу, даже изъ неудачъ. Разсматривая совершившіеся факты со всѣхъ сторонъ, онъ всегда старался открыть въ нихъ элементы, съ помощью которыхъ онъ могъ бы овладѣть событіями и повернуть ихъ въ свою пользу; такъ что послѣ неоднократныхъ размышленій непріятное, даже роковое событіе становилось исходной точкой для его побѣдоносныхъ операцій. Потерпѣвъ въ Копенгагенѣ косвенное пораженіе, онъ видитъ въ потерѣ датскаго флота средство привести въ исполненіе другую часть своихъ плановъ—закрыть англичанамъ доступъ на континентъ. Объявивъ всей Европѣ о гнусномъ ихъ поступкѣ, онъ въ особенности обратитъ на него вниманіе Россіи; заставитъ ее сдержать всѣ свои обѣщанія, даже ускорить ихъ исполненіе и понудитъ ее, при первой возможности, открыто выступить противъ Великобританіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ воспользуется Россіей для давленія на остальныя государства, на Швецію, даже на Австрію, чтобы побудить ихъ къ принятію суровыхъ и исключительныхъ мѣръ противъ англійскихъ продуктовъ, агентовъ и подданныхъ. Онъ предназначаетъ царю задачу поднять противъ Англіи сѣверъ и даже центръ континента, тогда какъ самъ онъ займется югомъ; какъ въ тискахъ сдавитъ онъ Испанію, займетъ войсками

Португалію и будетъ преслѣдовать до самыхъ нѣдръ Иберійскаго полуострова вліяніе и торговлю нашихъ соперниковъ. Такъ какъ англичане еще разъ доказали, что на океанѣ они хозяева, онъ вооружится ихъ преступной побѣдой, чтобы закрыть имъ доступъ на континентъ и изгнать ихъ изъ европейскаго общества.

Въ письмѣ къ Александру отъ 28 сентября, онъ указываетъ на копенгагенскую экспедицію, какъ на знаменательный отвѣтъ англичанъ на предложенія Россіи. «Мнѣ кажется, добавлялъ онъ, что намъ легко будетъ прогнать ихъ со всего континента; это должна сдѣлать совмѣстная декларація» [1]). 13 октября въ длинной депешѣ къ Савари, Шампаньи, замѣстившій Талейрана на посту министра иностранныхъ дѣлъ, подробно излагаетъ принятыя Россіей обязательства и напоминаетъ, что 1 декабря она должна закрыть свои гавани и начать войну. «Гавани Португаліи и Швеціи, продолжаетъ министръ, должны быть также закрыты добровольно или силою. Сила обстоятельствъ требуетъ, чтобы Франція взяла на себя закрытіе португальскихъ гаваней, а Россія шведскихъ... Оба двора должны сообща повліять на вѣнскій кабинетъ и заставить его примкнуть къ общему дѣлу» [2]). Послѣдняя просьба вскорѣ должна была сдѣлаться безцѣльной. Предвидя такое требованіе, Австрія сочла за лучшее избавиться отъ него, предупредивъ наше желаніе, и послѣ простого намека отозвала своего посланника изъ Лондона. 7 ноября Наполеонъ приказалъ Савари передать извѣстіе объ этомъ императору Александру. Оно было такого свойства, что должно было поторопить русскаго государя и подстрекнуть его усердіе въ случаѣ, если бы онъ не занялъ еще того положенія, которое требовалось обстоятельствами. «Было бы дѣломъ постыднымъ для Россіи остаться позади послѣ событія, которое ее такъ близко касается,—говорилъ Наполеонъ; но я надѣюсь, что лордъ Говеръ уже изгнанъ» [3]).

[1]) Corresp., 13191.

[2]) Archives des affaires étrangères. Russie, 144.

[3]) Corresp., 13339.

II.

О проходѣ кораблей Гамбіе черезъ Зундскій проливъ въ Петербургѣ узнали въ августѣ. Вслѣдъ за этимъ были получены одинъ за другимъ потрясающіе бюллетени объ англійскихъ операціяхъ. Волненіе росло съ каждымъ днемъ. Какъ только стало извѣстно о бомбардировкѣ города и о первыхъ случаяхъ пожара, Александръ тотчасъ же приказалъ передать Говеру ноту съ протестомъ и въ то же время въ частномъ разговорѣ сообщилъ Савари о своемъ негодованіи. При первыхъ же предложеніяхъ генерала выступить противъ Англіи, онъ отвѣтилъ, что готовъ принять противъ нея мѣры, которыя ему укажетъ императоръ, что онъ ждетъ только сигнала[1]).

Но были ли вполнѣ искренни увѣренія Александра? Нѣкоторая разница между приподнятымъ стилемъ публичнаго обращенія къ Англіи и той рѣчью, съ которой обращались къ ней по секрету, разница между тономъ дипломатическихъ нотъ и тономъ разговоровъ наединѣ—заставляютъ съ самаго начала усумниться въ этомъ. Будбергъ далъ понять лорду Говеру, что царь не оставилъ еще привычки смотрѣть на Англію, какъ на свою лучшую союзницу [2]); сношенія же самого Александра съ неимѣющимъ офиціальныхъ полномочій агентомъ лондонскаго двора, повидимому, скорѣе подтверждали, чѣмъ опровергали увѣренія Будберга.

Съ нѣкотораго времени Савари сталъ указывать на присутствіе въ Петербургѣ «сѣятеля интригъ и подкупа»[3]). Это былъ молодой англійскій офицеръ, Вильсонъ. Онъ считался въ числѣ тѣхъ агентовъ, которые составляли, такъ называемую, бродячую дипломатію коалиціи. Безъ опредѣленнаго мѣстожительства, не имѣя опредѣленнаго званія, они безпрестанно переѣзжали изъ одной столицы въ другую, подогрѣвая повсюду рвеніе нашихъ противниковъ; смотря по обстоятельствамъ, ихъ или признавали или отрекались отъ нихъ, оставляли ихъ въ роли простыхъ

---

[1]) Corresp. de Savary, août—septembre 1807, passim. Pf. Stedingk, II 334—35.

[2]) Stedingk, II, 370 et suiv.

[3]) Письмо къ императору отъ 21 октября 1807 г.

исполнителей порученій, или возвышали до званія уполномоченныхъ посредниковъ. Даже въ то время, когда Наполеонъ мечомъ разрубилъ узелъ коалицій, ихъ происки все-таки сохраняли между государствами невидимую связь.

Родовитый, умный и образованный, сэръ Робертъ Вильсонъ доблестно участвовалъ во всѣхъ кампаніяхъ противъ насъ и завоевалъ на полѣ битвы чинъ полковника. Однако, разсматривая портреты, оставшіеся намъ о его физическихъ и нравственныхъ свойствахъ, смотря на его почти женски-лукавое лицо, на его тонкій профиль, на взглядъ—одновременно и пронизывающій и ласкающій—читая донесенія о немъ нашихъ агентовъ, а также его дневникъ о пребываніи въ Петербургѣ, представляющій собой настоящій свѣтскій вѣстникъ, гдѣ къ политикѣ примѣшиваются разсказы о балахъ и пикантныя мнѣнія о женщинахъ, узнаешь въ немъ человѣка, привыкшаго находить въ придворныхъ и кабинетныхъ интригахъ свою родную стихію. Въ настоящее время онъ съ наслажденіемъ погружался въ нее, такъ какъ это было средствомъ вредить его заклятому врагу. Бонапартъ олицетворялъ собой все, что онъ ненавидѣлъ: Францію, революцію и торжество народныхъ силъ надъ правами происхожденія и воспитанія. Онъ питалъ къ завоевателю непримиримую ненависть, сотканную изъ желчнаго патріотизма и кастовыхъ предразсудковъ, ненависть англичанина и аристократа. Въ 1806 г. онъ сдѣлалъ кампанію съ пруссаками, а затѣмъ кампанію 1807 г., находясь при главной квартирѣ императора Александра. Посланный теперь въ Россію съ дипломатическими депешами, онъ снова на другой почвѣ возобновилъ борьбу съ нами и дѣятельно велъ ее въ петербургскихъ салонахъ.

Всюду хорошо принятый, обласканный нашими врагами, онъ смѣло сталъ въ антагонизмъ съ Савари, котораго называлъ «палачомъ герцога Энгіенскаго» [1]). Ловкій, находчивый, необыкновенно подвижной, онъ всюду противодѣйствовалъ генералу. Во время визитовъ Савари онъ или слѣдовалъ за нимъ по пятамъ съ цѣлью разрушить успѣшный результатъ его работы, или же являлся до него, чтобы заблаговременно создать ему затрудненія. Отправлялся ли Савари къ Нарышкиной, онъ сталкивался у дверей ея съ англичаниномъ; открывала ли какая-нибудь дама

---

[1]) Life of general sir Robert Wilson II, 319.

свой салонъ французскому послу и «его кликѣ», Вильсонъ дѣлалъ ей по этому поводу строгій выговоръ и отнюдь не допускалъ подобной слабости; онъ заботливо охранялъ «свѣтскую» [1]) Россію, старался защитить ее отъ французовъ и избавить ее отъ опасности замарать себя общеніемъ съ нами. Стремясь всюду пролѣзть, онъ проникъ и ко двору, гдѣ императоръ принялъ его съ дружеской фамильярностью, какъ стараго товарища по оружію; даже обѣдалъ на Каменномъ Островѣ, и, по довольно странной случайности, его разсказъ объ этой сценѣ точь-въ-точь походитъ на разсказъ Савари послѣ его перваго вечера во дворцѣ. Англичанину были оказаны тѣ же почести, та же предупредительность, предоставлено то же мѣсто около государя, какъ и французу; императрица говорила съ англичаниномъ немного болѣе, чѣмъ съ французомъ—въ этомъ только и было все различіе съ внѣшней стороны [2]). Вотъ что еще болѣе странно: нѣсколько дней спустя Вильсонъ въ разговорѣ съ Алопеусомъ, русскимъ посланникомъ въ Швеціи, намекнулъ на нѣкоторыя болѣе чѣмъ успокоительныя слова, будто бы, сказанныя ему императоромъ. Александръ, будто бы, дошелъ до того, что сказалъ ему, что онъ будетъ доволенъ, если англійскія войска продлятъ свое пребываніе на Зеландскомъ островѣ около Копенгагена. Эти слова, переданныя Вильсономъ своимъ начальникамъ и друзьямъ въ Лондонѣ, впослѣдствіи повторенныя ими въ видѣ особой исторической подробности, въ связи съ заявленіемъ Будберга, допустили создаться легендѣ, что Александръ измѣнилъ Наполеону чуть-ли не на другой день послѣ Тильзита и передъ тѣмъ, какъ угрожать англичанамъ войной, заранѣе успокаивалъ ихъ относительно своихъ намѣреній [3]).

Поспѣшимъ добавить, что подобная роль, приписываемая царю, основана на неточныхъ данныхъ или на ложныхъ толкованіяхъ. Во-первыхъ, на слова Будберга нельзя смотрѣть, какъ на выраженіе императорской мысли. Александръ уже не довѣрялъ ему и готовился его замѣстить. Отъ словъ же, приписанныхъ ему Вильсономъ, Александръ нѣсколькими недѣлями позднѣе отрекся съ гнѣвомъ,—не передъ Наполеономъ или его агентами,

[1]) Wilson, II, 362
[2]) Id., II. 354-355.
[3]) Walter Scott, Histoire de Napcléon. VI. 24

которымъ остались они навсегда неизвѣстными, но передъ Англіей, и обращаясь только къ ней. Вильсонъ, вынужденный дать объясненіе, пытался выдти изъ затрудненія, ссылаясь на то, что слова, сорвавшіяся съ устъ императора, онъ сообщилъ по секрету Алопеусу, а этотъ послѣдній передалъ ихъ царю; что только послѣ такого путешествія они могли вернуться къ своему автору въ страшно искаженномъ видѣ; онъ не настаивалъ на своемъ первомъ изложеніи [1]). Однако мы не затруднимся допустить, что въ то время въ своихъ частныхъ сношеніяхъ съ Англіей, Александръ говорилъ съ ней миролюбиво, почти дружески. Но, по нашему мнѣнію, было бы безразсудно искать въ этомъ вѣроломный умыселъ по отношенію къ Франціи.

Нужно замѣтить, что у Александра были причины никоимъ образомъ не обнаруживать преждевременно своихъ плановъ двору, на который онъ обязался напасть. Ударомъ, который только-что нанесла Англія, она показала, что предпочитаетъ предупредить нападеніе, а не ожидать его. Ея флотъ находился въ Балтійскомъ морѣ. Слишкомъ явное поведеніе Россіи могло привести его къ устью Невы, съ цѣлью подвергнуть Петербургъ одинаковой съ Копенгагеномъ участи. Въ Кронштадтѣ въ продолженіе нѣсколькихъ дней ожидали его появленія; форты были исправлены, баттареи вооружены, сдѣланъ былъ запасъ каленыхъ ядеръ. Но эти мѣры, достаточныя для защиты столицы, оставляли открытыми для нападенія другія гавани Балтійскаго моря, такъ какъ зима не воздвигла еще передъ ними своихъ ледяныхъ преградъ [2]). Съ другой стороны лучшій флотъ Россіи, подъ командой адмирала Сенявина, дѣйствовавшій въ началѣ года противъ турокъ и отозванный теперь съ Востока, медленно возвращался на Сѣверъ, огибая Европу. Раздѣленный на нѣсколько отрядовъ, разбросанныхъ въ Средиземномъ морѣ, онъ до окончанія своего кругосвѣтнаго плаванія былъ во власти британскихъ крейсеровъ. Итакъ Россія, если бы она слишкомъ рано высказалась, подвергала себя почти неизбѣжному бѣдствію; она болѣе чѣмъ сжигала, она отдавала свои корабли. При такихъ условіяхъ, естественно думать, что Александръ хотѣлъ усыпить недовѣріе лондонскаго кабинета, что съ Вильсономъ и его соотечественниками онъ пустилъ въ ходъ

[1]) Письмо Вильсона къ Каннингу, 29 октября 1807 г. Wilson, II, 434 et suiv.
[2]) Савари, сентябрь—октябрь 1807 г., passim. Stedingk, II, 357.

всю силу скрытности, которой природа, по замѣчанію одного британскаго государственнаго человѣка [1]), такъ щедро надѣлила его, и что, если онъ и старался обмануть кого-нибудь, то скорѣе Англію, чѣмъ Наполеона.

Его цѣль была достигнута, ибо лондонскій кабинетъ повѣрилъ въ возможность избѣгнуть разрыва и въ свою очередь старался не ускорять событій. Придавая успокоительнымъ сообщеніямъ Говера и Вильсона больше значенія, чѣмъ протестамъ противъ бомбардировки, въ которыхъ онъ видѣлъ только выраженіе офиціальнаго гнѣва, и по поводу которыхъ мало безпокоился, онъ надѣялся, при помощи нѣкоторыхъ уступокъ, заключить съ Россіей по дѣламъ Даніи сдѣлку, которая обезпечила бы ему бездѣйствіе великой сѣверной державы. Послѣ того, какъ Данія была поставлена въ невозможность принимать участіе въ борьбѣ, Англія могла легко признать ея нейтралитетъ и нейтралитетъ Балтики. Въ англійскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ вздумали предложить царю принять на себя ихъ охрану и ручательство за ихъ нейтралитетъ; тамъ думали, что такая роль миротворца и покровителя польстила бы, быть можетъ, сентиментальной гордости Александра. Вильсонъ, отозванный въ сентябрѣ въ Лондонъ, немедленно долженъ былъ отвезти это предложеніе въ Петербургъ и дать по всѣмъ вопросамъ самыя успокоительныя объясненія. Если бы его предложенія встрѣтили хорошій пріемъ, лордъ Говеръ долженъ былъ вмѣшаться офиціально и подписать соглашеніе. Такимъ образомъ, вездѣсущій офицеръ только самое короткое время оставался въ Лондонѣ. Послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ совѣщаніяхъ съ Каннингомъ, онъ 2 октября отправился въ путь, ѣхалъ на курьерскихъ, и 17 попалъ въ Петербургъ, гдѣ его друзья при дворѣ и въ городѣ приняли его съ распростертыми объятіями [2]).

Пока онъ отсутствовалъ, время не ждало. Наступившая зима закрыла для англичанъ Балтійское море. Что же касается кораблей Сенявина, то нѣкоторые изъ нихъ нашли уже убѣжище въ итальянскихъ гаваняхъ, бо̀льшая же часть въ Лиссабонѣ. Попавъ въ руки Наполеона, они, по крайней мѣрѣ, спасались отъ британскаго захвата. Въ то же время Россія все болѣе двигалась

[1]) Alison, VII, 267.
[2]) Wilson, 374.

по пути неблагопріятному для Англіи, не столько въ силу бомбардировки Копенгагена, сколько вслѣдствіе естественной перемѣны взглядовъ, начало которой было положено въ Тильзитѣ.

Такому болѣе рѣшительному измѣненію въ русской политикѣ способствовала перемѣна въ министерствѣ. Однажды, въ сентябрѣ къ графу Румянцеву, завѣдывавшему департаментомъ торговли, вошелъ самъ императоръ, держа въ рукахъ портфель министерства иностранныхъ дѣлъ;—въ то время портфель былъ не только въ переносномъ, но и въ буквальномъ смыслѣ этого слова принадлежностью министерской должности. Александръ передалъ графу, или скорѣе возложилъ на него, эту драгоцѣнную ношу, несмотря на довольно сильное сопротивленіе [1]).

Николай Румянцевъ былъ самымъ доблестнымъ ветераномъ прошлаго вѣка. Такъ какъ онъ сыздавна, благодаря очень важнымъ заслугамъ, занималъ высокое положеніе, былъ страшно богатъ, пользовался почетомъ и уваженіемъ, то государственныя должности, какъ бы высоки онѣ ни были, ничего не могли прибавить къ блеску его положенія. Этотъ старецъ, обремененный годами и почестями, этотъ министръ-вельможа, особа и манеры котораго сохраняли изящество и ароматъ минувшаго вѣка, могъ считать, что, подвергая себя повседневной заботѣ о дѣлахъ, скорѣе снисходилъ къ возлагаемой на него должности, чѣмъ получалъ повышеніе. Тѣмъ не менѣе онъ позволилъ соблазнить себя предложенной должностью, ибо видѣлъ въ ней средство дать преобладаніе дорогой его сердцу политикѣ и вести ее къ блестящему будущему.

Русскихъ государственныхъ людей можно раздѣлить на двѣ категоріи: на сторонниковъ западной и сторонниковъ восточной политики. Первые, главнымъ образомъ, мечтаютъ для своего правительства о роли вершителя и посредника въ раздорахъ на европейскомъ материкѣ, вторые думаютъ, что Россія должна забыть Европу и принимать во вниманіе только свои личные интересы на Дунаѣ и Черномъ морѣ. Румянцевъ былъ сторонникомъ восточной политики; онъ былъ имъ по традиціи и, такъ сказать, по рожденію. Какъ сынъ фельдмаршала Румянцева который первый перенесъ императорскій двуглавый орелъ по ту сторону Дуная и у подножія Балканъ пожалъ безсмертные лавры,

---

[1]) Stedingк, II, 339.

онъ свято чтилъ память объ этихъ великихъ событіяхъ. Къ тому же, достигнувъ во время самаго блестящаго періода царствованія Екатерины полной зрѣлости,—тѣхъ лѣтъ, когда человѣкъ окончательно устанавливаетъ свои принципы, когда его умъ, характеръ, взгляды и сужденія принимаютъ устойчивый складъ, Николай Румянцевъ выработалъ свои политическія убѣжденія и правила по идеямъ, господствовавшимъ тогда при Русскомъ дворѣ, по тѣмъ идеямъ, которыя вызвали повторныя нападенія на Турцію и нашли свое самое смѣлое выраженіе въ *греческомъ проектѣ*. По его мнѣнію, если великая императрица только провидѣла Византію, если смерть помѣшала ей подчинить своей верховной власти наилучшія части Оттоманской имперіи, то развѣ не завѣщала она своему внуку славное дѣло возобновленія ея плана? Румянцевъ тѣмъ болѣе былъ сторонникомъ этой идеи, что французская революція, сопровождаемая войнами и переворотами, повидимому, особенно благопріятствовала ея осуществленію. Среди разрушенія стараго свѣта, Россіи было бы легче толкнуть ногой гнилое, расшатанное зданіе на Востокѣ; было бы только однимъ переворотомъ больше; къ тому же онъ былъ бы среди другихъ самымъ естественнымъ и самымъ законнымъ. Въ началѣ новаго царствованія, въ то время, когда Россія истощалась въ борьбѣ съ Наполеономъ, вмѣсто того, чтобы слѣдовать по стопамъ Екатерины на Дунаѣ, Румянцевъ стушевался, посвятивъ себя исключительно дѣламъ своего департамента. Тильзитскій договоръ, намѣчая возвратъ къ восточной политикѣ, естественно снова выдвинулъ Румянцева на первый планъ и указалъ на него, какъ на человѣка, назначеннаго самой судьбой, почти незамѣнимаго. Призванный къ власти, онъ внесъ въ политику взгляды болѣе установившіеся, чѣмъ взгляды его государя, въ планахъ котораго было нѣчто туманное и неопредѣленное; придалъ болѣе смѣлый характеръ ея стремленіямъ, больше твердости ея выводамъ. Онъ болѣе Александра былъ преданъ идеѣ о раздѣлѣ Турціи и, во всякомъ случаѣ, не допускалъ окончанія настоящаго кризиса безъ значительнаго расширенія для своего отечества. Благодаря его вліянію начинаютъ точнѣе опредѣляться взгляды Россіи на Востокъ; желанія очень пылкія, но въ то же время очень неопредѣленныя, стремятся превратиться въ строго-обдуманную связную систему, въ которой разрывъ съ Англіей составляетъ одинъ изъ существенныхъ элементовъ.

Правда, Англія долго закрывала глаза на восточные захваты Россіи. Напротивъ, она рукоплескала побѣдамъ Екатерины II. Чтобы оказать ей содѣйствіе при уничтоженіи оттоманскаго флота, она ссужала ее своими моряками и офицерами и направляла дѣйствія Россіи въ восточныхъ моряхъ. Въ этомъ зрѣлищѣ восемнадцатаго вѣка нѣтъ ничего удивительнаго. Такое поведеніе Англіи, выступившей впослѣдствіи соперницей Россіи на Востокѣ, объяснялось коммерческой выгодой. Въ то время Востокъ оставался еще рынкомъ Франціи, Россія же была рынкомъ Англіи, и наши сосѣди по ту сторону Ламанша помогали своимъ покупателямъ, потребителямъ ихъ произведеній, во вредъ туркамъ, которые отказывались отъ лондонскихъ суконъ ради лангедокскихъ. Но наканунѣ революціи, въ то время, когда успѣхи Россіи угрожали самому существованію Турецкаго государства, когда и Англія тоже создавала себѣ сферу вліянія въ Азіи, Питтъ пророчески предугадалъ столкновеніе между двумя силами, стремящимися къ одной цѣли. Онъ нашелъ неблагоразумнымъ допустить переходъ сухопутныхъ путей въ Индію изъ безпечныхъ рукъ мусульманъ въ руки честолюбивыхъ и властолюбивыхъ русскихъ. Онъ попробовалъ возвести сохраненіе Оттоманской имперіи въ догматъ британской политики [1]). Но нація не поняла его и отказалась за нимъ слѣдовать; купцы Сити почти что взбунтовались при мысли о войнѣ съ Россіей. Питтъ не могъ дѣйствовать и былъ только предвѣстникомъ.

Его доктрина возродилась уже послѣ него подъ вліяніемъ событій. Слѣдствіемъ революціи и египетскаго похода было изгнаніе насъ изъ турецкихъ гаваней на Средиземномъ морѣ; англичане заняли отчасти наше мѣсто и оказались соперниками русской торговли. Между тѣмъ, какъ въ Европѣ интересы Англіи и Россіи оставались тѣсно связанными, на Востокѣ они стали въ противорѣчіе, и между обоими государствами выросъ антагонизмъ. Хотя въ 1807 г. необходимость сломить французское вліяніе и сблизила ихъ на этой почвѣ, и привела къ чуду появленія англійскаго флота, угрожавшаго Константинополю именемъ царя, но это противоестественное соглашеніе, дѣло растерявшейся политики, не могло долго продолжаться. Скрытая, но уже глубокая вражда, которую оно прикрывало, ждала только случая,

[1]) См. Albert Sorel, l'Europe et la Rèvolution, II. 206.

чтобы вспыхнуть. Этотъ случай доставилъ Тильзитъ. Сенъ-Джемскій кабинетъ тотчасъ же понялъ, что Востокъ былъ однимъ изъ предметовъ состоявшагося между обоими императорами договора, и счелъ нужнымъ противопоставить предполагаемымъ притязаніямъ Россіи декларацію принциповъ: правительство Его Величества, сказалъ Каннингъ русскому министру, никогда не признаетъ сдѣлки, результатомъ которой будетъ принесеніе въ жертву Порты [1]). Это сообщеніе сильно поразило Александра и Румянцева. Оно доказало имъ, что въ политикѣ Англіи произошелъ полный переворотъ, что съ этихъ поръ она становится на пути ихъ честолюбивыхъ стремленій, что рано или поздно имъ придется сломить ее, прежде чѣмъ осуществить ожидаемыя за счетъ Турціи выгоды.

Для Россіи же было въ высшей степени важно покончить счеты съ Портой безъ промедленія. Настроеніе Наполеона было таково, что ей представлялся чрезвычайно благопріятный случай приступить къ этому дѣлу, и не только потому, что она, повидимому, могла отнять у Порты громадныя владѣнія, но также и потому, что при существующихъ условіяхъ исключалось при раздѣлѣ участіе Австріи или, по крайней мѣрѣ, ей предоставлялась второстепенная роль. Изъ всѣхъ государствъ Австрія была расположена выгоднѣе другихъ, чтобы мѣшать успѣхамъ Россіи на Востокѣ или ихъ уравновѣшивать. Въ переговорахъ о раздѣлѣ, происходившихъ въ разныя времена, всегда нужно было для отвращенія ея вражды, или, чтобы заручиться ея содѣйствіемъ, подкупать ея алчность обѣщаніями богатыхъ возмѣщеній. По опыту было извѣстно, что всякое преслѣдуемое Россіей на Востокѣ предпріятіе на половинныхъ съ нею началахъ будетъ оплачено со стороны Россіи жертвами, которыя отчасти уничтожатъ ея выгоды. Слѣдовательно, для Александра было неожиданной случайностью, истиннымъ счастьемъ, что онъ засталъ Наполеона въ Тильзитѣ въ минуту его непріязни къ Вѣнскому двору, когда онъ былъ предубѣжденъ и раздраженъ противъ него и не прочь былъ наказать его за двусмысленное поведеніе во время войны, отказавъ ему въ какомъ бы то ни было серьезномъ расширеніи на Востокѣ. Правда, Австрія могла бы возстать противъ такого рѣшенія, но она еще не вполнѣ оправилась отъ

[1]) Савари къ императору, 23 сентября 1807.

сильнаго удара, который былъ ей нанесенъ Наполеономъ въ 1805 г.; ея военныя преобразованія не были окончены, ея бездѣятельность при недавнихъ обстоятельствахъ въ достаточной степени показала ея неспособность къ дѣйствію. Было бы легко, цѣною нѣкоторыхъ уступокъ ея самолюбію, заставить ее закрыть глаза на ея принесенные въ жертву интересы. Такъ какъ невозможно было безъ войны съ англичанами выполнить какое бы то ни было важное дѣло на Востокѣ, - а дѣло шло о раздѣлѣ совмѣстно съ Наполеономъ или объ отдѣльныхъ завоеваніяхъ, предпринятыхъ съ его согласія,—то Россія думала, что самое лучшее было бы начать войну съ Англіей и привести въ исполненіе свои планы теперь же, пока не нужно было опасаться вмѣшательства неудобнаго третьяго лица. Императоръ Александръ былъ склоненъ сильнѣе скрѣпить съ нами узы и добросовѣстно исполнить свои обѣщанія, въ надеждѣ разрѣшить восточный вопросъ съ одной только Франціей, противъ Англіи и безъ Австріи [1]).

Такой разсчетъ не ускользнулъ отъ Лондонскаго двора. Поэтому, высказавшись сперва о предполагаемыхъ требованіяхъ Россіи, какъ о непріемлемыхъ, онъ понялъ опасность держаться на такой опредѣленной почвѣ и теперь старался доказать въ Петербургѣ, что между давнишними друзьями самъ Востокъ могъ бы служить матеріаломъ для полюбовной сдѣлки. Турецкій вопросъ и былъ тѣмъ вопросомъ, къ которому долженъ былъ приступить Вильсонъ, и, если возможно, основательно обсудить его во время его второго путешествія. Въ секретныхъ предписаніяхъ ему было приказано не уступать ни въ чемъ, что могло бы скомпрометировать существованіе Оттоманской имперіи, но, во всемъ остальномъ, онъ долженъ быть уступчивымъ и быть какъ можно предупредительнѣе съ Александромъ.

30 октября онъ видѣлся съ Румянцевымъ. Прежде всего онъ изложилъ предложеніе относительно Даніи и Балтійскаго моря; но вскорѣ оба собесѣдника, какъ будто почувствовавъ, что не въ этомъ суть дѣла, заговорили о другихъ предметахъ. Вильсонъ заявилъ, что ради сохраненія дружбы царя, Англія готова на самыя большія жертвы; что она не хочетъ ссорить его съ

---

[1]) Разговоръ Румянцева съ Савари, о которомъ доноситъ Савари 9 октября 1807 г.

Франціей и вовлекать въ новую коалицію, а проситъ только его нейтралитета и будетъ вести свое дѣло, не вмѣшивая его. Затѣмъ, принявъ таинственный тонъ, посолъ объявилъ, что его правительство не начнетъ переговоровъ съ Наполеономъ до тѣхъ поръ, пока не создастъ противъ французскаго стремленія къ міровому господству достаточныхъ преградъ; что такую гарантію могутъ дать только значительныя территоріальныя выгоды для Пруссіи и Россіи за счетъ Германіи. Здѣсь Румянцевъ не могъ скрыть нѣкотораго удивленія. Можно ли, высказалъ онъ, допускать, чтобы Россія согласилась расшириться по направленію къ Франціи и неосторожно создала себѣ условія для столкновенія съ грозной имперіей? Вильсонъ не настаивалъ, и перешли къ вопросу о Востокѣ.

Тамъ, сказалъ эмиссаръ Каннинга, Англія согласится на все, что будетъ совмѣстимо съ ея принципами. Конечно, она никогда не согласится на уничтоженіе и полный раздѣлъ Турціи, но, тѣмъ не менѣе, она признаетъ, что у Россіи по ту сторону Дуная первостепенные интересы. Вмѣсто того, чтобы оспаривать ея интересы, она желала бы стать на-стражѣ ихъ и заботиться о нихъ, какъ о своихъ собственныхъ. Она знала, что петербургскій кабинетъ поддерживалъ переписку съ греками Албаніи, Эпира и Мореи. Эти тайныя нити только-что порвались вслѣдствіе потери русскими владѣній на Средиземномъ морѣ, которыя служили передаточной инстанціей. Англія предлагала съ помощью англійскихъ агентовъ снова связать ихъ, предлагала сдѣлаться посредникомъ царя въ сношеніяхъ съ традиціонными кліентами его имперіи. Мало того, ея щедрость приберегала для Александра великолѣпный подарокъ, настоящую жемчужину Востока, о цѣнѣ которой Россія могла судить тѣмъ лучше, что долго владѣла ею. «Я долженъ вамъ сказать, объявилъ Вильсонъ, что Англія предполагаетъ немедленно напасть на уступленные Франціи Іоническіе острова и захватить ихъ, во что бы то ни стало, такъ какъ не желаетъ, чтобы ими владѣла Франція. Мы не намѣрены удерживать ихъ за собой, и хотимъ, при заключеніи мира, принудить Францію уступить ихъ вамъ». Такимъ образомъ Англія возвратила бы своимъ прежнимъ союзникамъ то, что Франція только-что отняла у нихъ, и своею кровью загладила бы одно изъ послѣдствій Фридланда. Можетъ быть, Россія хочетъ бо̀льшаго? Есть еще средство удовлетворить ее. Она зани-

маетъ Молдавію и Валахію; и общій голосъ приписываетъ ей намѣреніе удержать ихъ. Великобританія могла бы на это согласиться, такъ какъ не усматриваетъ въ потерѣ Турціей этихъ провинцій настоящаго расчлененія, но при одномъ условіи: чтобы найдено было средство вознаградить Австрію и чтобы все было сдѣлано съ ея согласія. Высказывая послѣднюю уступку, Вильсонъ, вѣроятно, разсчитывалъ произвести наибольшее впечатлѣніе. Онъ не зналъ, что сопровождавшая ее оговорка совершенно ее обезцѣнивала, такъ какъ русскіе считали, что одна изъ существеннѣйшихъ выгодъ ихъ настоящаго положенія состояла въ томъ, что имъ не нужно было считаться съ Вѣной. Сверхъ того, въ Тильзитѣ Наполеонъ, видимо, былъ расположенъ предложить сразу все то, что съ такимъ трудомъ позволяла вырвать у себя Англія; онъ даже позволилъ провидѣть болѣе блестящее будущее. Неподкупность Россіи была только тонкимъ разсчетомъ; британскія предложенія мало ее трогали потому, что она ждала съ нашей стороны рѣшительной надбавки.

Румянцевъ отвѣтилъ молчаніемъ на заманчивыя слова Вильсона. Предоставляя ему высказываться, расточать обѣщанія и исчерпывать убѣжденія, онъ за все время свиданія ничѣмъ не проявилъ себя, и англичанинъ, несмотря на утонченную вѣжливость министра, ушелъ послѣ разговора разочарованный, смущенный, спрашивая себя, не расточалъ ли онъ напрасно свое краснорѣчіе передъ собесѣдникомъ, мнѣніе котораго было уже установлено [1]).

Тогда неизбѣжность разрыва сдѣлалась очевидной для всѣхъ, даже Говеръ прозрѣлъ. Нашимъ врагамъ оставалась одна надежда. Они разсчитывали на возмущеніе общественнаго мнѣнія, настолько сильное и единодушное, чтобы заставить императора отступить изъ страха передъ послѣдствіями, которыя могли быть результатомъ его рѣшенія. Вильсонъ, дѣятельный болѣе, чѣмъ когда-либо, напрягалъ всѣ силы, чтобы вызвать такое движеніе. По невѣроятной дерзости его рѣчей, можно было задать себѣ вопросъ, не пріѣхалъ ли онъ въ Россію для того, чтобы вызвать возстаніе: «У него видъ человѣка, прибывшаго ускорить роковое событіе», писалъ Савари, который всегда предавался мрачнымъ предчувствіямъ [2]).

[1]) Wilson. II, 319—362. Cf. Содержаніе разговора передано Румянцевымъ Савари, донесеніе Савари отъ 4 ноября 1807 г.

[2]) Донесеніе Савари отъ 4 ноября.

Все свое время нашъ неутомимый противникъ посвящалъ или тайнымъ собраніямъ съ единомышленниками или агитаціи. Утромъ онъ *работалъ*—по его выраженію—съ руководителями англійскаго заговора; день проводилъ въ обществѣ кавалергардскихъ офицеровъ, большинство которыхъ кутило, нуждалось въ деньгахъ и не прощало намъ Аустерлица; вечеромъ онъ показывался на всѣхъ свѣтскихъ собраніяхъ, на обѣдахъ, чаяхъ, балахъ и ужинахъ, гдѣ разжигалъ противъ насъ ненависть и раздавалъ пароль. Возобновленіе зимняго сезона, открывая обществу обычныя мѣста свиданій и увеселеній, давало Вильсону случай находить его въ большомъ сборѣ и открыто поучать его. Въ театрахъ можно было видѣть, какъ онъ перебѣгалъ изъ ложи въ ложу съ видомъ генерала, который дѣлаетъ смотръ своимъ войскамъ и ободряетъ ихъ къ сраженію. 31 октября большой вечеръ у одной изъ придворныхъ дамъ подалъ поводъ къ нѣкотораго рода манифестаціи въ его честь. Онъ имѣлъ честь открыть балъ съ графиней Ливенъ, оберъ-гофмейстериной императрицы-матери, а принцесса Амелія выбрала его своимъ кавалеромъ въ полонезѣ. Этотъ танецъ, или скорѣе маршъ, напоминающій величественное и торжественное шествіе, при блескѣ люстръ, среди блестящихъ мундировъ и роскошныхъ туалетовъ, передъ шестьюстами самыхъ знатнѣйшихъ особъ въ Петербургѣ, принялъ для молодого англичанина размѣры тріумфа. Но было ли это тріумфомъ Англіи? Вильсонъ надѣялся, что это такъ, и занесъ свою надежду въ дневникъ [1]). Но его побѣдный кликъ былъ преждевременнымъ. Опьяненный салонными успѣхами, онъ заблуждался относительно могущества своихъ интригъ. При томъ, потерявъ всякую мѣру, онъ далъ своимъ противникамъ поводы его выжить, а кромѣ того его неосторожность доставила ему жестокую непріятность.

Съ цѣлью сильнѣе возбудить умы, онъ привезъ въ Россію нѣсколько экземпляровъ брошюры подъ названіемъ: *Размышленія о тильзитскомъ мирѣ*. Это былъ памфлетъ, сочиненный въ Лондонѣ. Въ немъ были среди обычныхъ ругательствъ, направленныхъ противъ Франціи, фразы безусловно оскорбительныя для Александра. Вильсонъ и Говеръ взяли на себя раздачу этого сочиненія, и вскорѣ оно ходило по всѣмъ гостинымъ; оно распространялось и дѣлало свое дѣло, ускользая, однако, отъ

---

[1]) „This completed my Englisch triumph", Wilson, II, 380.

императорской полиціи; оно было вездѣ, но было неуловимо. Савари, слѣдившій за всѣми дѣяніями англичанина, остановился на мысли, что его собственныя способности сыщика могли бы оказать услугу правому дѣлу. Не стараясь соперничать съ Вильсономъ на почвѣ изящныхъ манеръ и успѣховъ въ свѣтѣ, онъ началъ гоняться за таинственной брошюрой, и ему удалось достать одинъ экземпляръ. На другой день, приглашенный на обѣдъ къ императору, онъ позаботился захватить съ собою свою находку.

«Итакъ, члены англійской партіи снова заговорили?—сказалъ ему императоръ при встрѣчѣ.—Да, Государь, и даже, какъ никогда еще до сихъ поръ. На этотъ разъ, кажется, это достойно вниманія, такъ какъ въ самомъ Петербургѣ и даже среди чиновъ вашего двора распространяются пасквили, въ которыхъ осмѣливаются сѣять раздоръ между Вашимъ Величествомъ и народомъ и арміей. Эти отвратительныя сочиненія привезены сюда изъ Лондона Вильсономъ и розданы имъ Орлову, Новосильцеву, Кочубею, Строганову и нѣкоторымъ другимъ.—Императоръ: Т. е., всей англійской партіи. А вы сами читали эту брошюру?—Да. Государь, вотъ она. Я постарался достать ее для врученія вамъ. По ней Ваше Величество увидитъ, не пришло ли время помѣшать этимъ господамъ зайти слишкомъ далеко, дабы вы не были вынуждены покарать ихъ слишкомъ строго.—Императоръ (съ довольнымъ видомъ): Очень вамъ благодаренъ, генералъ; Румянцевъ (Romanzof [1]) обѣщалъ мнѣ это сочиненіе, но онъ все еще не можетъ достать его, вы оказались искуснѣе его...»

«Я только-что прочелъ эту подлую брошюру,—сказалъ вечеромъ императоръ.—Нужно быть очень смѣлымъ, чтобы привезти подобное сочиненіе вмѣстѣ съ депешами кабинета. Благодарю васъ, что вы мнѣ ее дали. Напишите о ней Императору, но добавьте, что, вмѣсто того, чтобы придавать ей значеніе, я попираю ногами все, что въ ней говорится о немъ и обо мнѣ. Надѣюсь, что у него обо мнѣ достаточно хорошее мнѣніе, чтобы быть увѣреннымъ въ моей непоколебимости». Затѣмъ Александръ, скорѣе съ грустью, чѣмъ съ негодованіемъ, высказался о людяхъ, которые взяли и распространили пасквиль, о предателяхъ, кото-

[1]) Такъ написана фамилія Румянцева въ французскихъ документахъ того времени.

рыхъ онъ повсюду встрѣчаетъ на своемъ пути, о дѣятеляхъ, неспособныхъ его понять и ему служить. «Вашъ императоръ, сказалъ онъ, счастливѣе меня; онъ нашелъ готовыхъ людей и многихъ создалъ самъ. Мнѣ же, наоборотъ, не хватаетъ даже того, что у васъ называется *людьми*, чтобы составить министерство. Независимо отъ этого, я унаслѣдовалъ тысячи злоупотребленій, которыя нужно искоренить, тысячи должностныхъ лицъ, недостойныхъ занимаемаго ими мѣста». Онъ долго продолжалъ въ томъ же тонѣ, говорилъ о своемъ желаніи все обновить, о препятствіяхъ, которыя ему ставилъ существующій соціальный строй въ Россіи, о безобразныхъ обычаяхъ, введенныхъ при предшествующихъ правительствахъ, о невѣжествѣ народа, сдѣлавшагося для дворянъ предметомъ купли и продажи. Онъ прибавилъ слѣдующія знаменательныя слова, въ которыхъ, поистинѣ, обрисовывается душа, поклонявшаяся добру и прогрессу: «Я хочу вывести народъ изъ его варварскаго состоянія. Скажу болѣе, если бы цивилизація была достаточно подвинута, я уничтожилъ бы рабство, хотя бы цѣной своей головы» [1]).

Затѣмъ онъ отпустилъ Савари, обѣщая дать строгое предостереженіе виновнымъ. На этотъ разъ гнѣвъ его не остался безъ послѣдствій: «Кочубей, писалъ генералъ на поляхъ своего донесенія, только-что получилъ приказъ вернуть обратно портфель, Новосильцеву приказано отправиться путешествовать; Орловъ, упавъ къ ногамъ императора, признался, что Говеръ лично передалъ ему брошюру». Эти мѣры строгости непосредственно предшествовали рѣшительнымъ мѣрамъ противъ Англіи. Вильсонъ осмѣлился написать царю. Его письмо вернулось къ нему не распечатаннымъ. Нѣсколько дней спустя, 7 ноября, была выпущена грозная декларація противъ его правительства; въ ней объявлялось о прекращеніи сношеній, и снова признавалась непререкаемость принциповъ морского права, оспариваемыхъ въ Лондонѣ. Декларація непосредственно предшествовала началу враждебныхъ дѣйствій.

Инструкціи, въ которыхъ содержалось предписаніе обратиться къ Россіи съ призывомъ къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ Англіи, посланныя Савари въ ноябрѣ, прибыли въ Петербургъ только въ концѣ этого мѣсяца. Такимъ образомъ, еще до по-

[1]) Донесѣніе Савари отъ 4 ноября 1807 г.

лученія отъ Наполеона положительнаго требованія, за мѣсяцъ до установленнаго тильзитскимъ договоромъ срока, Александръ объявилъ себя врагомъ Англіи и насиліемъ, совершеннымъ надъ чувствами и матеріальными интересами своего народа, далъ союзнику неопровержимое доказательство своей искренности. Благодаря искусству, съ которымъ Савари сумѣлъ обратить противъ нашихъ противниковъ не рыцарское оружіе, которымъ они пользовались, онъ, быть можетъ, на нѣсколько дней ускорилъ крайнія мѣры; благодаря ему онѣ пріобрѣли болѣе рѣзкій и неожиданный характеръ. Однако, приписывать его вмѣшательству, какъ бы своевременно оно ни было, рѣшающее значеніе въ дѣлѣ разрыва, значило бы преувеличивать его роль. Александръ рѣшился на войну только потому, что быстрый ходъ развитія его политическихъ взглядовъ, который мы въ немъ замѣтили, достигъ въ это время своего апогея; досрочное исполненіе по отношенію къ Франціи своихъ обязательствъ представлялось ему, какъ необходимый факторъ активной политики, на которую онъ безповоротно рѣшается на Востокѣ, и какъ необходимое условіе для предъявленія настойчивыхъ и обоснованныхъ требованій услуги за услугу. Несмотря на то, что онъ съ каждымъ днемъ все болѣе отдается надеждамъ, которыя породилъ въ немъ Наполеонъ, и что обстоятельства для ихъ осуществленія кажутся ему особенно благопріятными, онъ до сихъ поръ не рѣшался еще выставить ихъ въ опредѣленной формѣ. Онъ ждетъ, чтобы императоръ заговорилъ первымъ и чтобы отъ него исходило продолженіе разговора, начатаго въ Тильзитѣ. Стремясь къ обширнымъ пріобрѣтеніямъ, онъ ставитъ ихъ въ извѣстной степени въ зависимость отъ рѣшенія, которое приметъ Наполеонъ по всей совокупности турецкаго вопроса. Въ случаѣ, если Франція предпочтетъ отложить раздѣлъ, онъ не прочь удовольствоваться выгодными исправленіями границъ въ Европѣ и Азіи,—какъ о томъ свидѣтельствуютъ труды, составленные по его указаніямъ [1]). Теперь его притязанія, развившіяся и созрѣвшія подъ вліяніемъ работы мысли и нашедшія поддержку въ Румянцевѣ, ясно опредѣляются и смѣло выступаютъ впередъ. Онъ рѣшается предъявить свои требованія. Чтобы имѣть воз-

[1]) Инструкціи, данныя графу Петру Толстому, назначенному посланникомъ въ Парижъ, 14 сентября 1807 г. Архивы С.-Петербурга.

можность многаго потребовать, онъ соглашается на все, что можетъ дать, т.-е. на предупреждающее наши желанія содѣйствіе противъ Англіи. Уплативъ впередъ по своему счету, онъ чувствуетъ въ себѣ достаточно мужества, чтобы обратиться къ Франціи съ просьбой уплатить и ему по первому его требованію; исполнивъ корректно, даже предупредительно, свои обязательства, онъ считаетъ себя въ правѣ требовать отъ Наполеона полной взаимности. Преступное нападеніе на Данію даетъ ему справедливый поводъ къ разрыву съ Англіей. Оно уничтожаетъ его колебанія и успокаиваетъ его совѣсть. Конечно, благородное негодованіе, вмѣстѣ съ желаніемъ придать всѣмъ своимъ поступкамъ видъ утонченной честности, способствовало его рѣшенію, но не это было побудительной причиной, и въ то время, когда онъ подписывалъ акты, въ которыхъ объявлялъ себя врагомъ Англіи, его взоры устремлялись скорѣе на берега Дуная, чѣмъ на дымящіяся развалины Копенгагена.

Такое направленіе его мыслей ясно обрисовывается въ его словахъ и поясненіяхъ, которыми онъ обставилъ свое сообщеніе Савари о принятыхъ противъ Англіи мѣрахъ. Александръ сообщилъ ему о всѣхъ предложеніяхъ, которыми осыпала его Англія, подчеркивая особенно тѣ, которыя имѣли отношеніе къ Востоку. «Скажите Императору, прибавилъ онъ, что интрига достигла своего апогея; насъ хотѣли подкупить, но меня не проведешь: я моментально всѣхъ выпроваживаю за дверь» [1]). Этимъ онъ давалъ понять, что ему пріятнѣе быть обязаннымъ исполненіемъ своихъ желаній Наполеону, чѣмъ общему врагу. Съ своей стороны Румянцевъ, въ замаскированныхъ, но достаточно сильныхъ выраженіяхъ, насилуя смыслъ тильзитскаго договора, старался установить полное тождество между обязательствами, подписанными Александромъ противъ Англіи, и обѣщаніями Наполеона относительно Турціи и старался обсуждать оба вопроса параллельно. При изложеніи средствъ, предназначенныхъ для морской войны, онъ сдѣлалъ обзоръ событій на Востокѣ. По его мнѣнію, положеніе въ Константинополѣ ухудшалось съ каждымъ днемъ: тамъ хронически царили безпорядокъ въ правленіи, волненіе на улицахъ, насиліе и бунтъ въ войскахъ; Турція начинала разлагаться. «Вотъ увидите, говорилъ министръ, что вскорѣ

[1]) Донесеніе Савари отъ 9 декабря 1807 г.

вынуждены будутъ объявить въ газетахъ, что Оттоманская имперія скончалась и что приглашаютъ ея наслѣдниковъ явиться за наслѣдствомъ» [1]). Императоръ не пренебрегалъ пользоваться такими же пріемами. Объявивъ Савари, что его рѣшеніе окончательно принято, и что онъ порвалъ съ Англіей, онъ сказалъ: «Поговоримъ о другомъ», и круто перенесъ его на Востокъ. Онъ напомнилъ при этомъ, въ какихъ выраженіяхъ вынесъ Наполеонъ въ Тильзитѣ приговоръ Турціи, и съ особымъ удовольствіемъ повторялъ этотъ приговоръ, сорвавшійся съ непогрѣшимыхъ устъ.

Эти намеки и вызовы на объясненія были прелюдіей требованій по формѣ. Не говоря еще о раздѣлѣ, Александръ пригласилъ Савари передать Наполеону его формальную просьбу о княжествахъ; онъ желалъ, чтобы Молдавія и Валахія, во всякомъ случаѣ, независимо отъ рѣшенія, принятаго относительно судьбы Оттоманской монархіи, были присоединены къ его имперіи. Сообщеніе объ этомъ сдѣлалось предметомъ депеши, написанной Савари 18 ноября [2]), спустя девять дней послѣ манифеста о войнѣ съ Англіей, и близость чиселъ окончательно указываетъ на тѣсную связь, которую устанавливала Россія между обоими событіями. Въ то же время Россія вызывающе держала себя на Дунаѣ. Она мѣшала успѣшности нашихъ примирительныхъ шаговъ, предпринятыхъ въ силу тильзитскаго договора, вызывала разнаго рода затрудненія, умышленно поддерживала конфликтъ и ясно выражала свое намѣреніе отклонить всякое основанное на умѣренности соглашеніе съ турками и, въ крайнемъ случаѣ, оставить за собой часть ихъ имперіи и за ихъ счетъ вознаградить себя за услугу, оказанную намъ противъ Англіи.

---

[1]) Донесеніе Савари, приложенное къ его письму отъ 4 ноября 1807 г.

[2]) Publieé dans le tome VII, 364-385, de la Correspondance de Napoléon Bonaparte, arue chez Panckoucke (1819-1820.)

ГЛАВА IV.

ТУРЦІЯ и ПРУССІЯ.

Положеніе дѣлъ на Дунаѣ послѣ тильзитскаго свиданія.—Миссія Гюльмино и заключеніе перемирія.—Оскорбительныя для России статьи; Александръ отказывается утвердить перемиріе и удерживаетъ свои войска въ княжествахъ.—Наполеонъ понимаетъ невозможность добиться эвакуаціи.—Онъ сознаетъ необходимость покончить одно изъ дѣлъ съ Россіей.—Его затрудненія.—Онъ придумываетъ разныя комбинаціи, которыя могли бы замѣнять другъ друга.—Онъ желаетъ мира, который обезпечилъ бы Турціи почти полную неприкосновенность ея владѣній, но не надѣется на это.—Онъ соглашается предоставить русскимъ княжества за территоріальную компенсацію Франціи. — Причины, заставлявшія его отложить раздѣлъ Оттоманской имперіи.—Его постоянные виды на Египетъ.—Онъ думаетъ вознаградить себя за счетъ Пруссіи.—Отсрочка эвакуаціи; финансовыя затрудненія.—Наполеонъ хочетъ поставить Пруссію окончательно внѣ возможности вредить намъ.—Коленкуру поручено предложить царю княжества за Силезію.—Фридрихъ II и Наполеонъ.—Роль, предписанная Коленкуру; ампутація Пруссіи, какъ средство избавить ее отъ страданій.—Замѣтка, продиктованная императоромъ на поляхъ инструкціи.—Въ случаѣ неудачи съ прусско-турецкой комбинаціей, Наполеонъ не отклоняетъ въ принципѣ полный раздѣлъ Оттоманской имперіи, но откладываетъ его исполненіе на неопредѣленный срокъ и послѣ новаго свиданія.

Послѣ тильзитскаго свиданія въ главную квартиру русской арміи въ Валахіи былъ отправленъ французскій офицеръ генеральнаго штаба Гюльмино, съ порученіемъ быть посредникомъ между Россіей и Турціей и подготовить между воюющими сторонами дѣло прекращенія враждебныхъ дѣйствій. Благодаря его стараніямъ, 24 августа въ Злободцахъ было подписано перемиріе. Въ 22-й статьѣ этого договора былъ параграфъ, которымъ предусматривалось очищеніе русскими обоихъ княжествъ. Но Александръ никогда не относился серьезно къ этому обязательству и ждалъ только случая отъ него избавиться. По своей волѣ или нѣтъ, но только его генералы доставили ему такой случай, допустивъ включить въ условія о перемиріи обычно недопустимыя статьи. Россія обязывалась

не только отвести свои войска по сю сторону Днѣстра, но и должна была возвратить военную добычу и захваченные корабли; она должна была отдать не только свои завоеванія, но и трофеи. Опираясь на то, что такія требованія оскорбительны для чести его оружія, и сверхъ того, ссылаясь на набѣги турокъ по ту сторону Дуная, царь отказался утвердить перемиріе. Его армія, начавшая уже отступленіе, получила приказаніе немедленно занять прежнія позиціи и болѣе не покидать обѣихъ провинцій, не возобновляя, однако, враждебныхъ дѣйствій ранѣе условленнаго срока. Россія необыкновенно искусно снова овладѣла въ обезпеченіе долга Наполеона залогомъ который тотъ, для сохраненія свободы своихъ собственныхъ рѣшеній, вовсе не хотѣлъ ей предоставить.

Императоръ узналъ объ этомъ событіи въ октябрѣ, еще до разрыва Россіи съ Англіей, и не скрылъ своей досады. Онъ отправилъ Гюльмино строгія приказанія: выразилъ желаніе, чтобы непріемлемыя статьи исчезли изъ условія о перемиріи для того, чтобы отнять у русскихъ всякій предлогъ къ отсрочкѣ эвакуаціи. Однако, полуобязательства, которыя онъ на словахъ принялъ на себя въ Тильзитѣ, не позволяли ему быть очень настойчивымъ; къ тому же онъ не создавалъ себѣ иллюзій относительно возможности исправить неудавшійся планъ. Онъ понялъ, что Россія, освободившись отъ путъ, которыя имѣлось въ виду наложить на нее тильзитскимъ договоромъ, не позволитъ вновь связать себя, что пріемъ, придуманный имъ для отсрочки на нѣсколько мѣсяцевъ восточнаго вопроса, т.-е. такое перемиріе, которое вернуло бы все въ первоначальное состояніе, дѣлался непримѣнимымъ.

Сверхъ того, выясняющееся общее положеніе обязывало Наполеона и съ своей стороны установить на опредѣленныхъ началахъ свою политику. Въ надеждѣ, что уже одна угроза франко-русскаго союза принудитъ Англію смириться, онъ избѣгалъ въ Тильзитѣ подписать съ Александромъ вполнѣ опредѣленный договоръ, который лишилъ бы его возможности вернуть себѣ свободу дѣйствій. Но Англія отказалась вести переговоры; она держалась стойко и непримиримо; слѣдовательно, необходимо было, чтобы союзъ обѣихъ имперій сталъ на твердую почву и отъ словъ перешелъ къ дѣлу. Правда, Наполеонъ разсчитывалъ получить въ скоромъ времени извѣщеніе, что Александръ объ-

явилъ себя врагомъ Англіи; но онъ сознавалъ, что даже и въ этомъ случаѣ его содѣйствіе будетъ только условнымъ, обставленнымъ извѣстными оговорками, что только соглашеніе по турецкому вопросу сдѣлаетъ содѣйствіе Александра абсолютнымъ. Съ ноября мѣсяца эта истина сдѣлалась для него очевидной, онъ писалъ: «Я сознаю необходимость покончить одно изъ дѣлъ и готовъ сговориться по этому поводу съ Россіей» [1]). Такимъ образомъ, восточный вопросъ, который всегда искушалъ его воображеніе, который онъ уже не въ первый разъ, правда, не рѣшая его, выдвигалъ на сцену, предсталъ передъ нимъ и потребовалъ рѣшенія. Его судьба, вознося его на все болѣе головокружительную высоту, ставя его геній предъ рѣшеніемъ все болѣе трудныхъ задачъ, возлагала на него теперь обязанность рѣшить великій споръ, который уже полвѣка занималъ вниманіе Европы и былъ ея мученіемъ,—рѣшить его во время борьбы, необычайныя условія которой сложились такъ, какъ будто ихъ цѣлью было создавать повсюду осложненія.

Въ предстоящей рѣшенію задачѣ главное затрудненіе состояло въ удовлетвореніи Александра, не слишкомъ компрометируя и даже, если возможно, вполнѣ ограждая интересы Франціи. А они были такъ значительны и такъ разносторонни, что Наполеонъ останавливался въ нерѣшительности и почти въ смущеніи передъ ихъ ужасающей сложностью. Его мысль работала медленно, шагъ-за-шагомъ, съ безконечными предосторожностями. «Это дѣло меня очень интересуетъ, писалъ онъ; оно требуетъ большихъ соображеній, къ нему нужно подходить очень осторожно» [2]). Въ зависимости отъ тѣхъ плановъ, требованій и уступокъ, которые онъ предполагалъ встрѣтить въ Петербургѣ, онъ придумывалъ разныя рѣшенія, способныя замѣщать другъ друга и хотя бы отчасти согласоваться съ принципами его политики.

Самое простое рѣшеніе и наиболѣе легко осуществимое на дѣлѣ былъ бы миръ, обезпечивающій почти полную цѣлость оттоманскихъ владѣній, по которому Россія удовольствовалась бы незначительными выгодами въ настоящемъ и большими надеждами на будущее. Конечно, такая развязка всего болѣе соотвѣтствовала бы желаніямъ Наполеона, и онъ не отказывался

[1]) Corresp. 13253.
[2]) Id. 13318.

отъ нея безусловно. Хотя онъ и ставилъ ее на первомъ мѣстѣ въ ряду своихъ излюбленныхъ плановъ, но онъ не останавливался на ней, будучи убѣжденъ, что Россія отвергнетъ или, по крайней мѣрѣ, только въ силу необходимости допуститъ ее, сохраняя въ сердцѣ горечь обманутыхъ надеждъ. Ясно было, что, вызвавъ ее высказать свои притязанія, было крайне трудно отложить ихъ удовлетвореніе на неопредѣленный срокъ, что только значительное расширеніе на Востокѣ, полученное теперь же, могло окончательно привязать къ намъ царя и, быть можетъ, привлечь на нашу сторону общественное мнѣніе Россіи. При томъ, продолжая занимать Молдавію и Валахію, оставляя въ нихъ, вопреки буквѣ договора, свои войска, Александръ тѣмъ самымъ позволялъ угадать его желаніе—удержать за собой, по крайней мѣрѣ, эту часть Турціи. Не зная еще о положительныхъ въ этомъ отношеніи намѣреніяхъ Россіи, Наполеонъ смотрѣлъ на отдачу обѣихъ провинцій, какъ на досадное, но почти неизбѣжное, зло, и занялся другой комбинаціей, другимъ соглашеніемъ, пріемлемымъ обѣими имперіями, въ основу котораго, какъ одинъ изъ элементовъ, входила бы уступка Россіи княжествъ.

При обдумываніи этой комбинаціи его преслѣдовала одна мысль: онъ не допускалъ для Россіи какого-либо пріобрѣтенія безъ выгоды, по крайней мѣрѣ, равной для Франціи. Обѣ имперіи, говорилъ онъ, должны идти нога-въ-ногу. Какъ ни былъ страненъ такой взглядъ въ то время, когда императоръ уже далеко перегналъ на завоевательномъ поприщѣ своего союзника, было бы ошибочно видѣть въ этомъ простую страсть къ захватамъ. Наполеонъ глубоко обдумывалъ всѣ свои честолюбивые замыслы, и только, сказалъ бы я, злоупотребленіе логикой, разсчетомъ и предусмотрительностью дѣлало его ненасытнымъ. Если онъ хотѣлъ противопоставить всякому усиленію Россіи параллельное усиленіе Франціи, то только изъ предосторожности, предосторожности, обоснованной по отношенію къ ней, и, надо сказать, имѣющей свое оправданіе. По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ Петербургѣ, онъ знаетъ, что русскій союзъ, какимъ бы искреннимъ онъ ни считался, зависитъ только отъ того, какъ долго продержатся дружественныя къ намъ чувства впечатлительнаго и непостояннаго монарха, окруженнаго нашими врагами, лично не обезпеченнаго отъ всѣхъ случайностей, которыя угрожаютъ трону и жизни царя; онъ знаетъ также, что въ отношеніяхъ между Фран-

ціей и Россіей въ томъ видѣ, какъ ихъ установили событія, нѣтъ средины между дружбой и враждой, между союзомъ и войной; что если Петербургскій дворъ разойдется съ нами, то только для того, чтобы вернуться къ нашимъ врагамъ [1]). Поэтому, сознавая необходимость дать широкое удовлетвореніе нашему теперешнему союзнику, онъ въ то же время хочетъ подготовить противъ него, какъ противъ возможнаго въ будущемъ противника, свои оборонительныя средства; онъ не столько хочетъ соотвѣтствующаго вознагражденія, сколько обезпеченія своей безопасности. Забота о назначеніи своей доли чрезвычайно задерживаетъ его выборъ. Въ равномѣрномъ распредѣленіи прибылей, которыя онъ хочетъ установить между двумя государствами, онъ не принимаетъ въ разсчетъ и не вноситъ на свой активъ ни Италіи, гдѣ онъ беретъ Тосканскія провинціи, ни Испаніи, которую онъ уже замышляетъ тѣсно присоединить къ себѣ, ни Португаліи, до которой вскорѣ доберутся его войска и которую его политика раздѣлитъ на части. Онъ считаетъ, что ему необходимо усиленіе въ тѣхъ странахъ, гдѣ Россія можетъ дѣйствовать непосредственно, гдѣ произойдетъ столкновеніе обѣихъ имперій въ случаѣ, если бы между ними возобновилась вражда, т.-е. въ той территоріальной зонѣ, которая разрѣзаетъ Европу поперекъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ и тянется отъ береговъ Балтійскаго моря до береговъ Босфора. Если онъ и согласенъ, чтобы Россія сдѣлала здѣсь одинъ шагъ впередъ, то только при условіи, что онъ самъ сдѣлаетъ другой, и самъ намѣтитъ точку на той громадной шахматной доскѣ, гдѣ встрѣтятся и вступятъ въ игру интересы обѣихъ сторонъ.

Въ Тильзитѣ, когда оба императора, давая волю своему воображенію, замышляли великія передѣлки, Турціи одной предназначено было за все расплачиваться. Какъ помнятъ, Франція пріобрѣтала на западѣ Балканскаго полуострова положеніе достаточно сильное, чтобы уравновѣсить положеніе Россіи, которой предоставлялось занять нижнее теченіе Дуная. Однако, послѣ Тильзита На-

[1]) Въ это время генералъ Савари, въ подтвержденіе своего первоначальнаго мнѣнія, писалъ: «Только Императоръ и его министръ графъ Румянцевъ истинные друзья Франціи въ Россіи; это—истина, умолчать о которой было бы опасно. Народъ же готовъ опять взяться за оружіе и принести новыя жертвы ради войны съ нами». Archives des affaires étrangères, Russie, 144.

полеонъ передумалъ; его взгляды измѣнились, ибо части не казались ему равноцѣнными. Россіи, которая фактически владѣла Молдавіей и Валахіей, оставалось только удержаться тамъ, чтобы завладѣть своей долей; Франціи же свою пришлось бы завоевывать. Присоединяя румынскія провинціи, наша союзница пріобрѣтала пограничныя съ своимъ государствомъ области, которыя составляли ея географическое продолженіе. Боснія, Албанія, даже Эпиръ и Греція будутъ въ нашихъ рукахъ только отдаленными владѣніями, трудно соединимыми съ главными частями имперіи. Россія пріобрѣтала провинціи, Франція—колоніи; и какія колоніи! Суровыя, бѣдныя, недоступныя страны, защищаемыя воинственнымъ племенемъ. Для завоеванія ихъ нужно было сражаться и опять-таки сражаться, чтобы ихъ сохранить. Такая безславная борьба привела бы только къ сомнительнымъ выгодамъ, и Наполеонъ недалекъ былъ отъ мысли, что подобныя крохи Турціи не стоили крови и одного гренадера его арміи.

Захватъ этихъ странъ имѣлъ бы еще другое неудобство. Потеря Молдавіи и Валахіи не приводила неизбѣжно къ паденію Оттоманской имперіи; Турція могла жить ампутированной. Но перенесетъ ли она двустороннее увѣчье? Если послѣ того, какъ Россія отниметъ у нея дунайскія провинціи, и Франція, съ своей стороны, нападетъ на нее и врѣжется въ ея западныя владѣнія, Оттоманская имперія почти неминуемо падетъ отъ страшнаго удара. Она или сама собой расшатается и распадется на куски, или, собравшись съ силами для отчаянной борьбы, бросится на завоевателей, разобьется объ ихъ оружіе и погибнетъ у ихъ ногъ. Въ томъ и другомъ случаѣ, обоимъ императорамъ придется собрать ея останки и принять на себя трудную задачу ихъ распредѣленія. Мысль о возможности частичнаго раздѣла, допущенная императоромъ въ Тильзитѣ, теперь не казалась ему осуществимой; въ его глазахъ пожертвованіе княжествами за пріобрѣтеніе Франціей правъ на западныя провинціи Турціи вовсе не было надлежащимъ рѣшеніемъ вопроса. Онъ обдумывалъ полный раздѣлъ Оттоманской имперіи и увлекался этимъ планомъ.

Наполеонъ считалъ, что, рано или поздно, это громадное дѣло будетъ неизбѣжнымъ. Для него дѣло шло вовсе не о томъ, могла ли Турція существовать, но только о томъ, слѣдовало ли насильно ускорить ея конецъ или предоставить ей умирать медленной смертью. Впрочемъ, Наполеонъ отступалъ передъ первымъ рѣше-

ніемъ и по причинамъ чисто-политическимъ. Послѣ паденія Селима онъ полагалъ, что новое правительство—слабое, необъединенное, воспитанное въ ненависти къ иностранцамъ,—станетъ по отношенію къ намъ въ безразличное или даже враждебное положеніе. Болѣе свѣжія извѣстія опровергли такое предположеніе. Несмотря на то, что миръ между Франціей и Россіей вызвалъ безпокойство въ Константинополѣ, турки не обнаружили своего неудовольствія; они по-прежнему называли себя нашими друзьями, искали покровительства императора и вручали въ его руки свою судьбу. Они снабдили своего посланника въ Парижѣ полными полномочіями для переговоровъ съ Россіей при нашемъ посредничествѣ и не возобновляли сношеній съ Англіей. Могъ ли рѣшиться Наполеонъ разрушить собственными руками государство, которое въ отчаяніи снова льнуло къ нему и могло еще принести ему нѣкоторую пользу? Какъ ни казалось ему важнымъ это обстоятельство, однако слѣдуетъ искать въ иномъ мѣстѣ главную причину, которая не позволяла ему поднять руку на Турцію. Чтобы понять секретъ его отрицательнаго отношенія къ раздѣлу, слѣдуетъ проникнуть до тайниковъ одной изъ его завѣтныхъ и глубокихъ мыслей, которая возникла у него во время событія, составившаго эпоху въ исторіи его идей, какъ и въ исторіи его жизни.

Экспедиція въ Египетъ не была только героическимъ предпріятіемъ, внушеннымъ Бонапарту его эгоистическими видами и желаніемъ заставить признать себя великимъ человѣкомъ въ странѣ древнихъ. Въ 1797 г., одержавъ побѣду надъ природой Альповъ и выйдя къ Адріатическому морю, молодой генералъ увидалъ за покоренной Италіей, по ту сторону моря Востокъ. Въ восторгѣ отъ этого новаго міра, онъ охватилъ его быстрымъ взглядомъ, обратилъ вниманіе на его рельефъ, на его выдающіяся позиціи, и, пораженный несравненными выгодами, какія представляло положеніе Египта, намѣтилъ его, какъ долю Франціи въ будущемъ раздѣлѣ Турціи. Годъ спустя онъ былъ въ Каирѣ. Онъ тотчасъ же подпалъ подъ чарующее обаяніе Египта. Ни съ чѣмъ несравнимая страна, ея почва, дающая по два урожая въ годъ, ея кормилица-рѣка, ея положеніе при сліяніи двухъ міровъ, обаяніе прошлаго, теряющагося въ безграничной глубинѣ вѣковъ,—все производило на него неизгладимое впечатлѣніе. Онъ не считалъ себя въ правѣ отказаться отъ надежды возстановить значеніе этой страны чудесъ и возвратить ее цивилизованному міру, упро-

чивъ ее за Франціей. Вынужденный покинуть Египетъ, онъ не забываетъ о немъ. Тотчасъ-же послѣ Маренго, всѣ его усилія были направлены на то, чтобы выручить Египетъ, и утрата нами этой колоніи примѣшиваетъ горечь къ опьяненію, вызванному его побѣдами. Въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ, будучи вынужденъ двинуться на Сѣверъ и тамъ сражаться, побѣждать и дѣлать завоеванія, цѣнность которыхъ казалась ему только относительной или преходящей, онъ часто мысленно переносится къ той странѣ солнца, которая нѣкогда предстала передъ нимъ по ту сторону морей и завоеваніе которой было его завѣтной мечтой.

Онъ страстно желалъ снова привести Францію на берега Нила, но въ то же время сознавалъ, что въ 1807 г. время для этого еще не наступило, и его политика сводилась къ отсрочкѣ дѣла на будущее время. Въ этомъ отношеніи болѣе продолжительное существованіе Оттоманскаго правительства отвѣчало его планамъ. Турокъ, дни котораго, повидимому, были сочтены, являлся на Нилѣ скорѣе временнымъ, чѣмъ настоящимъ владѣльцемъ; онъ только хранилъ для другихъ наслѣдство, на-стражѣ котораго былъ поставленъ. Приговорить къ смерти Оттоманскую имперію, и, слѣдовательно, объявить Египетъ совершенно свободнымъ, не имѣющимъ хозяина, значило предоставить его тому, кто первый его займетъ; а, по всему вѣроятію, Англія опередитъ насъ. Въ ея рукахъ было море. Занимая войсками Мальту и Сицилію, помѣстившись при входѣ въ Адріатическое море, тамъ, гдѣ перекрещиваются всѣ пути, она владѣла всѣми подступами къ Египту. Она не сводила глазъ съ богатой провинціи, куда Бонапартъ показалъ ей дорогу. Хотя во время своихъ дурныхъ отношеній съ Портой, она и ограничилась угрозой только Константинополю, все-таки она не прочь была бы отнять Египетъ. Теперь желаніе быть въ добрыхъ отношеніяхъ съ Константинополемъ и высокое значеніе, которое она придавала сохраненію Оттоманской имперіи, препятствовали ей возобновить этотъ планъ и самой дать сигналъ къ раздѣлу; но если только Наполеонъ и Александръ возьмутъ на себя починъ въ этомъ переворотѣ, она, не будучи въ состояніи воспрепятствовать ему, оградитъ свои интересы и захватитъ лучшую часть изъ добычи. Прежде чѣмъ наши войска доберутся до Константинополя и Салоникъ, она наложитъ руку на Александрію и Каиръ. Въ то же время она возьметъ Кипръ, Кандію, Циклады, быть можетъ, Морею и Дарданеллы, всѣ наиболѣе цѣн-

ныя морскія части имперіи, т. е. тѣ, которыя только однѣ и были желательны для Франціи. Пытаясь отнять эти области теперь, Наполеонъ лишалъ себя обладанія ими въ будущемъ и заранѣе отдавалъ ихъ Англіи: «Это самое сильное возраженіе Императо р противъ раздѣла Оттоманской имперіи», писалъ Шампаньи [1]).

Но развѣ только на Востокѣ, думалъ Наполеонъ, надлежитъ искать компенсацію за пріобрѣтенія Россіи? Безъ сомнѣнія, если союзъ порвется, французское и русское вліянія, снова сдѣлавшись враждебными, столкнутся на Дунаѣ и Босфорѣ. Но развѣ тамъ постарается царь нанести намъ рѣшительный ударъ? Прежде всего онъ позаботится поднять противъ насъ Европу. Эту-то задачу можно будетъ легко, почти мгновенно, привести въ исполненіе. Первымъ слѣдствіемъ возобновленія враждебныхъ дѣйствій съ Россіей, будетъ союзъ противъ насъ трехъ, обладающихъ внушительными военными силами, монархій континента, т. е. коалиція болѣе грозная, чѣмъ предыдущія. При появленіи русскихъ армій на Нѣманѣ, Пруссія, непримиримая со времени Іены и Тильзита, бросится имъ навстрѣчу и будетъ служить ихъ авангардомъ. Австрія намъ глубоко враждебна. Хотя тяжкія раны 1805 г. и не позволили ей въ 1807 г. подняться и броситься на правый флангъ великой арміи, но она дѣятельно продолжала возстановлять свои силы. Можетъ быть, не пройдетъ и нѣсколькихъ лѣтъ, даже нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ она снова займетъ положеніе великой державы. И если тогда представится случай столь же благопріятный, какъ тотъ, которымъ она не могла воспользоваться во время кампаніи въ Польшѣ, она поспѣшитъ ухватиться за него, будетъ дѣйствовать заодно съ Россіей и Пруссіей, и, такимъ образомъ, создастся тотъ тройственный союзъ, который петербургская дипломатія тщетно пыталась завязать наканунѣ Аустерлица и непосредственно послѣ Іены. Наполеонъ побѣдилъ Австрію и Россію безъ Пруссіи, Пруссію и Россію безъ Австріи. Если ему придется сражаться одному противъ троихъ, борьба станетъ уже болѣе неравной и можетъ завершиться столь грознымъ нападеніемъ, какому до сихъ поръ не подвергалась еще императорская Франція.

Но если бы одно изъ трехъ государствъ, вражды которыхъ нужно было опасаться, было заблаговременно поставлено внѣ

[1]) Инструкціи Коленкуру.

возможности борьбы, сдѣлано неспособнымъ вредить намъ, вычеркнуто изъ числа государствъ, способныхъ къ активной дѣятельности, коалиція хромала бы на одну ногу, была бы недостаточно сильной и, слѣдовательно, менѣе грозной. Чтобы справиться съ ней, Наполеону достаточно было бы повторить Аустерлицъ или нанести громовой фридландскій ударъ. Какъ мы помнимъ, со времени Іены мысль о полномъ уничтоженіи одного изъ членовъ европейской лиги вовсе не принадлежала къ разряду тѣхъ, отъ которой бы Наполеонъ легко отказался. Вынужденный въ Тильзитѣ согласиться на рѣшеніе, не отвѣчающее его планамъ по отношенію къ Пруссіи, нарушая, скрѣпя сердце, завѣтъ Фридриха Великаго: «Никогда не оставлять противника недобитымъ», онъ ничуть не закрывалъ глазъ на опасность обѣщанія возвратить Фридриху-Вильгельму его владѣнія. Мы видѣли, съ какой недовѣрчивой заботливостью изыскивалъ онъ средства отсрочить исполненіе обѣщанія, ставя его въ зависимость отъ уплаты тяжелой контрибуціи.

Съ тѣхъ поръ его великая армія отступила только на одинъ шагъ. Онъ отвелъ свои войска по сю сторону Пассарга, возвратилъ Фридриху-Вильгельму Кенигсбергъ, но удержалъ за собой остальную часть королевства и держалъ свои главныя силы между Эльбой и Вислой, а авангардъ даже по ту сторону Вислы. Прикрываясь соглашеніемъ отъ 12 іюля, онъ ставилъ эвакуацію въ зависимость отъ соглашенія относительно размѣровъ и способа уплаты вознагражденія. Онъ былъ крайне тяжелъ въ своихъ требованіяхъ и въ дѣлѣ установленія платежей. Первымъ дѣломъ, его коммисаръ Дарю потребовалъ сумму въ сто пятьдесятъ милліоновъ, несоразмѣрную съ доходами Пруссіи; къ этому онъ присоединялъ другія требованія, создавалъ безконечныя затрудненія и систематически затягивалъ переговоры. Въ то же время военная оккупація угнетала Пруссію неслыханной суровостью. Наши агенты хозяйничали повсюду, лишали страну свободы дѣйствій, изнуряли ее налогами и систематически истощали источники ея доходовъ; а такъ какъ пруссаки, приведенные въ отчаяніе такимъ веденіемъ дѣла, изливались въ жалобахъ, въ протестахъ и давали поводъ заподозрить ихъ въ страстномъ стремленіи къ возстанію, то императоръ чувствовалъ, какъ въ немъ росли вражда и недовѣріе къ ихъ родинѣ. Теперь онъ думалъ о средствахъ совсѣмъ избавиться отъ исполненія договора. Когда онъ

спрашивалъ себя, какимъ путемъ окончательно и прочно обезопасить себя со стороны Пруссіи, требованія, предъявленныя Россіей, явились для него лучомъ свѣта. Вопреки статьямъ договора, по которымъ дробленіе Турціи допускалось только въ томъ случаѣ, если бы она уклонилась отъ переговоровъ, царь желалъ получить теперь же извѣстныя провинціи. Что могъ бы онъ имѣть противъ того, если бы, путемъ точно такого же нарушенія договора, императоръ получилъ компенсацію за счетъ Пруссіи, прибавилъ бы къ наложеннымъ уже на нее обязательствамъ новыя и подвергъ ее новой ампутаціи? Въ случаѣ его согласія, Наполеонъ, ссылаясь на неисполненіе Пруссіей ея денежныхъ обязательствъ, обошелся бы съ ней, какъ съ несостоятельнымъ должникомъ, и повелъ бы дѣло путемъ экспропріаціи; согласно съ его первой мыслью въ Тильзитѣ, онъ вынудитъ уступить ему Силезію, обезпечивъ сперва за царемъ Молдавію и Валахію. Онъ предоставитъ своему союзнику княжества, Александръ ему Силезію; оба императора принесутъ за чужой счетъ взаимную жертву, и двойной грабежъ возстановитъ между ними равновѣсіе.

Съ потерей Силезіи Пруссія вернется въ границы прежняго Бранденбургскаго курфюршества. Монархія Гогенцоллерновъ, послѣ временнаго господства надъ всѣми своими сосѣдями,— Швеціей, Саксоніей, Австріей, Польшей—будетъ умирать медленной смертью въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, которыя были ея колыбелью. Отброшенная къ берегамъ Балтійскаго моря, имѣя въ своемъ распоряженіи только бѣдныя провинціи, доходы съ которыхъ не позволятъ ей содержать арміи, она вступитъ въ число второстепенныхъ государствъ и, какъ слабосильная, отнынѣ будетъ или только присутствовать при борьбѣ на континентѣ, или броситъ на вѣсы тяжесть, не имѣющую значенія. Силезія же, не состоя непосредственно въ нашей власти, будетъ способствовать укрѣпленію оборонительной системы имперіи. По всѣмъ вѣроятіямъ, ее придется присоединить къ Саксонскому королевству для того, чтобы установить связь между нимъ и состоящимъ подъ скипетромъ саксонскаго короля великимъ герцогствомъ Варшавскимъ. Получивъ опять то назначеніе, которое въ самомъ началѣ думалъ ей дать Наполеонъ, она усилитъ могущество германо-польскаго государства, создаваемаго нами въ качествѣ передовой позиціи. И въ этотъ разъ мысль возстановить именно Польшу, составленную изъ однород-

ныхъ элементовъ, не проглядываетъ у Наполеона. Онъ не намѣренъ воскрешать польскую націю, но хочетъ парализировать этимъ путемъ другую націю, ту самую Пруссію, въ которой онъ провидитъ вѣчнаго врага, а вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ стремится увеличить свои средства обороны и противъ Россіи. Онъ все настойчивѣе стремится обезпечить себѣ противъ Россіи пунктъ сопротивленія «блокгаузъ», какъ сказали бы теперь. Что ему за дѣло, что для постройки этого ретраншемента онъ мѣшаетъ разношерстные матеріалы, прибавляя нѣсколько обломковъ Прусскаго королевства къ тѣмъ, которые найдены въ развалинахъ Польши.

За тридцать пять лѣтъ до описываемыхъ событій, нѣкій прусскій король, дальновидный и коварный геній, усмотрѣлъ въ соперничествѣ на Востокѣ средство для удовлетворенія своихъ честолюбивыхъ замысловъ за счетъ несчастнаго народа. Екатерина II, побѣдительница турокъ, намѣревалась подвергнуть ихъ имперію безжалостной операціи. Австрія, смущенная успѣхами своей сосѣдки, волновалась, угрожала и вооружалась. Повидимому, столкновеніе между обѣими имперіями было неизбѣжно, когда Фридрихъ II задумалъ примирить ихъ, указавъ имъ на обширную и въ то же время слабую Польшу, провинціи которой могли вполнѣ насытить ихъ честолюбивые аппетиты. Австрія нашла-бы въ Галиціи компенсацію за успѣхи русскаго государства; Россія, прекративъ свои завоеванія на Востокѣ, вознаградила бы себя другими частями Польши, Фридрихъ же, завладѣвъ третьей частью приговореннаго къ смерти государства, получилъ-бы плату за добрый совѣтъ. Это внушеніе привело къ первому раздѣлу Польши.

Въ 1807 г. планы Наполеона относительно Пруссіи исходили изъ принципа, недавно установленнаго самой же Пруссіей. Дѣлая изъ ея лучшей провинціи предметъ обмѣна, добавку при разверсткѣ территорій, которую имѣлось въ виду произвести на континентѣ съ сѣвера на югъ, французскій монархъ возобновлялъ и самъ примѣнялъ политику раздѣловъ и вознагражденій, первые и незабвенные уроки которой далъ Европѣ Фридрихъ II. Правда, сравненіе грѣшитъ въ одномъ. Когда Наполеонъ задумалъ нанести новый ударъ государству, которое въ 1806 г. безразсудно вызвало его на бой, онъ разсчитывалъ только сдѣлать неумѣренное употребленіе изъ права побѣдителя, употребленіе тѣмъ болѣе противозаконное, что оно сводило къ нулю

условія недавняго мира, что оно было наказаніемъ уже послѣ помилованія. Фридрихъ же не могъ даже сослаться относительно Польши на высшіе интересы, на интересы своей собственной обороны; онъ напалъ на нее врасплохъ и ограбилъ во время столѣтняго мира, подъ единственнымъ предлогомъ захватить ея владѣнія, и только потому, что зналъ, что она безсильна ихъ защитить. Кромѣ этой разницы, пріемъ былъ тотъ же и жестокость одинакова; это было то же самое отрицаніе за слабымъ права на жизнь со стороны сильнѣйшаго. По неисповѣдимой превратности судьбы, по той справедливости, которая содержится въ міровыхъ переворотахъ и почти всегда воздаетъ зломъ за зло, побѣжденная, униженная и безсильная Пруссія предназначалась по планамъ побѣдителя для точно такой-же роли, какую одинъ изъ ея самыхъ способныхъ королей недавно предписалъ Польшѣ. Доставляя намъ соотвѣтствующую завоеваніямъ Россіи на Востокѣ компенсацію, она избавила бы Наполеона отъ необходимости вознаграждать себя за счетъ Оттоманской имперіи, способствовала бы продленію существованія этого государства и, подобно Польшѣ, въ свою очередь, послужила бы выкупомъ за сохраненіе Турціи.

Остановясь на этой идеѣ, Наполеонъ рѣшилъ сообщить ее императору Александру и указать ему на ея выгодныя стороны. Объ этомъ долженъ былъ первымъ долгомъ позаботиться нашъ новый посланникъ Коленкуръ тотчасъ же по пріѣздѣ въ Петербургъ; это была главная статья въ его инструкціяхъ. Этотъ замѣчательный документъ, помѣченный 12 ноября 1807 г., составленный Шампаньи, но просмотрѣнный и одобренный императоромъ, даетъ возможность прослѣдить весь ходъ его мышленія [1]). По мнѣнію Наполеона, Коленкуръ, посвященный вполнѣ въ развитіе мысли, создавшейся въ умѣ его государя, лучше пойметъ, сколь важно обезпечить ея успѣхъ. Въ это дѣло онъ долженъ будетъ вложить все свое усердіе, всю силу убѣжденія. Не предлагая съ самаго начала княжествъ, онъ дастъ понять, если его вызовутъ на это, что императоръ, чрезвычайно желая быть пріятнымъ своему союзнику, который въ то же время и его другъ, ничего не имѣетъ противъ этой важной уступки. Но, тѣмъ не менѣе,

---

[1]) Мы опубликовали инструкцію Коленкуру въ Revue d'histoire diplomatique, 1 janvier 1897. Мы даемъ ее въ приложеніи подъ цифрой II.

торжественный тильзитскій актъ не долженъ быть измѣняемъ ради исключительной выгоды одной изъ сторонъ; нарушеніе, допущенное въ пользу Россіи, должно повлечь за собой такое же въ пользу Франціи. «Таковъ принципъ, которымъ будетъ обусловливаться поведеніе Императора. Разумъ, справедливость и осторожность не позволяютъ ему принять другого рѣшенія, и никакое препятствіе не будетъ въ состояніи сбить его съ этого пути».

Установивъ это, Коленкуръ укажетъ причины, которыя побуждаютъ императора отсрочить раздѣлъ и не позволяютъ ему искать себѣ на Адріатикѣ компенсаціи русскихъ завоеваній. При такихъ условіяхъ только одна Силезія можетъ послужить для него справедливымъ возмѣщеніемъ. Конечно, самымъ труднымъ будетъ заставить царя принять вторую часть предложенія. Коленкуръ долженъ будетъ пустить въ ходъ откровенныя объясненія. Онъ не скроетъ, что, при настоящемъ положеніи Европы, императоръ не можетъ отказаться ни отъ одного изъ условій, обезпечивающихъ его выгоды; что упорная враждебность Пруссіи оправдываетъ всѣ принимаемыя противъ нея мѣры предосторожности. Итакъ, Франція будетъ занимать ее, пока русскіе будутъ оставаться въ Валахіи и Молдавіи, если только уступкой Силезіи не будетъ дано намъ соотвѣтствующей гарантіи. Такимъ образомъ, Пруссія должна выбрать одно изъ двухъ: или она должна на неопредѣленный срокъ оставаться въ нашихъ рукахъ, какъ военноплѣнная, или же должна откупиться, пожертвовавъ своей провинціей. Слѣдуетъ постараться доказать, что, изъ двухъ рѣшеній, второе не самое для нея невыгодное. Нашему посланнику предстоитъ трудная, довольно оригинальная задача—доказать, что Пруссія меньше будетъ страдать послѣ грозящей ей операціи, что для ея же блага оба императора должны сдѣлать ей ампутацію, что только живое участіе къ ней побуждаетъ лишить ее положенія великой державы, несовмѣстимаго съ ея настоящимъ состояніемъ, дабы, низведя ее къ ничтожеству, обезпечить ей спокойное существованіе. «У Пруссіи, говорится въ инструкціи, будетъ населеніе только въ два милліона жителей. Но развѣ этого не достаточно для счастья королевской семьи, и развѣ не въ ея интересахъ занять тотчасъ же и вполнѣ покорно мѣсто среди второстепенныхъ государствъ, тогда какъ всѣ ея усилія вернуть утраченное положеніе послужатъ только къ тому, чтобы терзать ея подданныхъ и питать безплодныя сожалѣнія»?

Если царь согласится на предложенный обмѣнъ, все можетъ быть кончено теперь же. Оба императора обмѣняются договоромъ, который замѣнитъ тильзитскій, подъ предлогомъ его истолкованія. Онъ останется въ тайнѣ, но будетъ служить руководящей нитью для условій мира, который будетъ заключенъ между Россіей и Портой при нашемъ посредничествѣ, и для новой сдѣлки между Франціей и Пруссіей при посредничествѣ царя. Наполеонъ возьметъ на себя трудъ дать совѣтъ султану покориться своей участи, Александръ исполнитъ то же относительно Фридриха-Вильгельма. Восточный вопросъ и прусскій будутъ разрѣшены одновременно и за рѣшеніе одного будетъ отплачено рѣшеніемъ другого.

Какъ ни была соблазнительна для Александра перспектива скораго окончанія дѣла, какъ ни были обильны доводы, данные въ распоряженіе Коленкуру, какъ ни велико было довѣріе императора къ его умѣнью, тѣмъ не менѣе нельзя было быть увѣреннымъ, что русское правительство согласится на предложенную комбинацію. По нѣкоторымъ донесеніямъ Савари, Наполеонъ думалъ, что къ Пруссіи царь питаетъ только незначительный интересъ; вспоминая же о горячности, съ которой царь, видимо, подхватилъ въ Тильзитѣ идею о раздѣлѣ, онъ спрашивалъ себя, не поклялся ли онъ покончить съ туркомъ и не потребуетъ ли онъ бо̀льшаго, чѣмъ Молдавія и Валахія. Если бы было предъявлено такое требованіе, нужно ли его отвергнуть? Наполеонъ разсуждалъ иначе. Онъ хотѣлъ, чтобы его идея о раздѣлѣ была представлена царю, какъ дѣло въ принципѣ рѣшенное и неотложное, но чтобы формальное предложеніе объ этомъ не было его послѣднимъ словомъ. Въ случаѣ, если бы императоръ Александръ сталъ настаивать на расчлененіи Турціи, Коленкуру слѣдовало не отказываться отъ этого, но онъ долженъ былъ замѣтить, что вопросъ настолько серьезенъ, что, согласно принципамъ, установленнымъ въ Тильзитѣ, дѣлаетъ необходимымъ новое свиданіе и непосредственные переговоры между императорами. Отсюда мы видимъ, что, какъ ни желалъ Наполеонъ избѣгнуть раздѣла въ настоящее время, онъ не отвергалъ безусловно идеи о немъ, но допускалъ его только, какъ послѣдній доводъ при окончательномъ обсужденіи и какъ послѣднее средство выйти изъ затруднительнаго положенія. Онъ, впрочемъ, позаботился лично указать на это своему посланнику. Въ изложеніи инструкціи есть моментъ, когда стушевывается государственный

секретарь и начинаетъ говорить самъ императоръ; замѣтка на поляхъ, гласящая «продиктовано Императоромъ», какъ молнія озаряетъ тайники его мысли. «Итакъ, говорится въ ней, въ настоящій моментъ истинное желаніе Императора состоитъ въ томъ, чтобы Оттоманская имперія осталась въ своей *нынѣшней* неприкосновенности (этимъ словомъ Наполеонъ исключалъ княжества, фактически уже отдѣленныя отъ оттоманскихъ владѣній), чтобы она жила въ мирѣ съ Россіей и Франціей, чтобы ея границей было теченіе Дуная, сверхъ того крѣпости, которыя принадлежатъ Турціи на этой рѣкѣ,—какъ напримѣръ: Измаилъ,—конечно, все это при условіи, что Россія согласится на пріобрѣтеніе Франціей соотвѣтствующаго увеличенія за счетъ Пруссіи. *Однако возможно, что вопросъ о раздѣлѣ Оттоманской имперіи уже рѣшенъ въ Петербургѣ. Въ такомъ случаѣ Императоръ желаетъ, чтобы самолюбіе Россіи никоимъ образомъ не было задѣто по этому поводу: онъ предпочитаетъ совершить раздѣлъ вдвоемъ съ нею, ибо лучше доставить Франціи въ дѣлѣ раздѣла наивозможно большее вліяніе, чѣмъ заставить русскихъ впутать въ него Австрію. Итакъ, никоимъ образомъ. не слѣдуетъ отказываться отъ раздѣла, но заявить, что по этому поводу необходимо лично сговориться*».

Словомъ, Наполеонъ признавалъ три способа рѣшенія въ восточномъ вопросѣ: во-первыхъ, миръ, обезпечивающій Турціи возвратъ всѣхъ ея провинцій, включая и княжества, если бы царь добровольно согласился отложить обсуждаемые въ Тильзитѣ проекты; во-вторыхъ, уступка Россіи княжествъ за предоставленіе въ наше распоряженіе Силезіи, при чемъ Наполеонъ объявляетъ, что на этой основѣ онъ готовъ тотчасъ же начать переговоры; наконецъ, полный раздѣлъ Оттоманской имперіи, при условіи, что оба императора лично сговорятся о средствахъ направить его къ общей пользѣ ихъ государствъ. «Таковы намѣренія Императора по этому важному политическому вопросу, заключала инструкція. Самое предпочтительное для него, чтобы турки могли мирно владѣть Валахіей и Молдавіей. Однако, въ силу желанія быть въ добрыхъ отношеніяхъ съ петербургскимъ кабинетомъ и еще болѣе привлечь къ себѣ императора Александра, онъ не прочь отъ того, чтобы предоставить ему обѣ провинціи за справедливое вознагражденіе, которое надлежитъ взять въ прусскихъ провинціяхъ. Наконецъ, хотя онъ очень далекъ отъ раздѣла Ту-

рецкой имперіи, видя въ немъ мѣру чреватую опасностями, онъ всетаки не желаетъ, чтобы при вашихъ объясненіяхъ съ императоромъ Александромъ и его министромъ вы осудили ее безусловно; но, тѣмъ не менѣе, онъ предписываетъ вамъ твердо представить причины, которыя вынуждаютъ отдалить время ея исполненія. Этотъ старинный проектъ русскихъ честолюбивыхъ стремленій представляетъ узы, которыя могутъ привязать Россію къ Франціи, и поэтому-то слѣдуетъ остерегаться вполнѣ разрушать ея надежды».

ГЛАВА V.

ДВА ПОСЛАННИКА.

Желательныя качества у русскаго посланника въ Парижѣ; желаніе Александра, чтобы онъ былъ недоступенъ вліянію салоновъ.— Выборъ царя падаетъ на графа Петра Толстого.—Достоинства и недостатки Толстого.—Графиня Толстая.—Графъ покоряется своей судьбѣ, принимаетъ назначеніе и уѣзжаетъ въ Парижъ.—Его инструкціи относительноВостока и Пруссіи.—Проѣздъ черезъ Мемель; чувства, внушенныя ему прусскими королемъ и королевой.—Милостивый и честный пріемъ Наполеона.— Наполеонъ отбираетъ у принца Мюрата дворецъ подъ помѣщеніе русскаго посольства.—ХолодностьТолстого; онъ уклоняется отъ милостиваго вниманія Наполеона и избѣгаетъ встрѣчъ съ нимъ.—Ссора Толстого съ Неемъ.— Пребываніе въ Фонтенебло.—Блескъ императорскаго двора.— Мнѣніе русскихъ о французскомъ офиціальномъ обществѣ; Толстой ищетъ развлеченій въ предмѣстьѣ Сенъ-Жерменъ, а члены его посольства въ Французской Комедіи.—Предвзятая враждебность Толстого къ Наполеону.—Онъ горячо приступаетъ къ прусскому вопросу.— Наполеонъ развиваетъ разнообразныя комбинаціи.—Онъ не отказываетъ Россіи въ Константинополѣ.—Толстой полагаетъ, что угадалъ въ немъ намѣреніе совершенно уничтожить Пруссію.—Его тревожныя депеши.—Сцена, будто-бы происшедшая между императоромъ и королемъ Жеромомъ.—Дурное впечатлѣніе въ Петербургѣ.—Объясненіе съ Савари.—Пріѣздъ Коленкура. — Торжественная аудіенція.—Интимный обѣдъ у царя.—Важный разговоръ.—Первое появленіе Коленкура въ свѣтѣ.—Александръ осыпаетъ его почестями и вступаетъ съ нимъ въ близкія и непрерывныя сношенія.—Задушевныя бесѣды монарха; его разспросы о частной жизни Наполеона.—Благородный характеръ Коленкура; его преданность Александру не вредитъ его политической проницательности.—Онъ понимаетъ опасность положенія и откровенно указываетъ на нее своему повелителю.—Причины, вытекающія изъ понятій Александра о законахъ чести и интересахъ его государства, препятствуютъ ему согласиться на новую ампутацію Пруссіи.—Возникновеніе польскаго вопроса; съ этихъ поръ онъ будетъ первенствовать надъ всѣми другими вопросами въ сношеніяхъ между Франціей и Россіей.—Причина, по которой царь не можетъ отказаться отъ княжествъ.—Первый кризисъ союза.

I.

Въ то время, когда Наполеонъ, точно опредѣливъ Коленкуру его роль и что и какъ онъ долженъ говорить, готовился

14

назначить въ его лицѣ постояннаго при дружественномъ дворѣ представителя, Александръ опередилъ его на этомъ поприщѣ международныхъ отношеній и утонченной предупредительности. Коленкуръ долженъ былъ отправиться 10 ноября, а 6-го графъ Толстой уже представилъ въ Фонтенебло свои вѣрительныя граматы: онъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ. Въ первый разъ со времени революціи русскій являлся во Франціи въ такомъ высокомъ званіи.

Прежде чѣмъ установить свой выборъ, Александръ, подобно Наполеону, испыталъ большія затрудненія. Если задача привить въ Петербургѣ тильзитскій союзъ и сдѣлать его плодотворнымъ считалась одной изъ самыхъ деликатныхъ, какую только императоръ французовъ могъ поручить одному изъ своихъ подданныхъ, то задача быть представителемъ царя при Тюльерійскомъ дворѣ представляла ничуть не меньшія трудности. Дѣйствительно, ихъ задачи были совершенно несходны, даже можно сказать, что для того, чтобы русскій посланникъ имѣлъ во Франціи успѣхъ, онъ долженъ былъ представлять полную противоположность французскому посланнику въ Россіи. Слѣдовало, чтобы французскій посланникъ былъ вполнѣ свѣтскимъ человѣкомъ, и, наоборотъ, необходимо было, чтобы русскій не былъ бы имъ черезчуръ. Вмѣсто того, чтобы завоевывать симпатіи салоновъ и руководить ими, онъ долженъ былъ избѣгать слишкомъ частаго ихъ посѣщенія. Дѣйствительно, если одной изъ обязанностей нашего министра-резидента въ Петербургѣ было привлечь на свою сторону аристократію страны и сблизить ее съ Франціей, то для русскаго посла въ Парижѣ слишкомъ тѣсно сблизиться съ обществомъ стараго режима и подвергнуться его вліянію было бы величайшею опасностью. Отели предмѣстья Сенъ-Жерменъ, гдѣ втихомолку собиралась свѣтская оппозиція, охотно открывали свои двери иностраннымъ министрамъ; министры съ удовольствіемъ бывали тамъ, тѣмъ болѣе, что въ этой средѣ ихъ склонности, вкусы и предразсудки чувствовали себя, какъ дома. Въ преобразованной столицѣ они только здѣсь встрѣчали тонъ и манеры, которые господствовали при ихъ дворѣ, и которымъ научила Европу прежняя Франція. Если бы русскій уполномоченный позволилъ себѣ увлечься обаяніемъ недовольнаго общества, онъ рисковалъ не понравиться императору; кромѣ того, онъ получилъ бы невыгодное понятіе о новомъ режимѣ, смотрѣлъ бы

на него глазами эмигранта, и его систематическое недовѣріе быстро ухудшило бы отношенія между Россіей и Франціей. Недавній случай съ графомъ Морковымъ, который своимъ поведеніемъ ускорилъ разрывъ, сдѣлавшись изъ-за своихъ частыхъ посѣщеній салоновъ и изъ-за интригъ лично ненавистнымъ Первому Консулу, служилъ въ этомъ отношеніи прискорбнымъ примѣромъ. Очевидно, нужно было опасаться, чтобы не повторились тѣ же факты, тѣмъ болѣе, что въ русскомъ дипломатическомъ корпусѣ не было ни одного вполнѣ убѣжденнаго сторонника союза съ Наполеономъ.

За неимѣніемъ посланника, взгляды котораго отвѣчали бы его желаніямъ, Александръ вынужденъ былъ остановиться на такомъ человѣкѣ, у котораго послушаніе могло замѣнить личное убѣжденіе. Эта мысль заставила его искать желаемое лицо между высшими чинами своей арміи. Можно было думать, что военный, склонный по характеру своей дѣятельности къ пассивному послушанію, не будетъ обсуждать своихъ инструкцій, а будетъ исполнять ихъ, какъ приказаніе. Генералъ-лейтенантъ графъ Петръ Толстой, братъ фельдмаршала, повидимому, представлялъ съ этой стороны очень много гарантій. Бо̀льшую часть своей службы онъ провелъ въ арміи. Его прошлое и его взгляды не позволяли считать его среди нашихъ друзей; но онъ никогда не принадлежалъ къ политическимъ партіямъ, раздиравшимъ петербургское общество, и держался отъ нихъ въ сторонѣ. Такая выдержка, повидимому, обѣщала, что онъ сумѣетъ хорошо держаться въ Парижѣ. Онъ трудно сходился съ людьми, не располагалъ къ себѣ, былъ суровъ съ виду. Но при настоящихъ обстоятельствахъ не могли ли его недостатки превратиться въ достоинства? Салоны тотчасъ-же стали бы искать знакомства съ пріятнымъ собесѣдникомъ, съ человѣкомъ блестящей внѣшности, и, можетъ быть, вполнѣ завладѣли бы имъ. Въ этомъ отношеніи за Петра Толстого, повидимому, можно было быть спокойнымъ. При всемъ томъ, его строгая военная выправка, репутація храбраго воина, простыя манеры и открытое лицо могли понравиться Наполеону, ненавидѣвшему больше всего интригу при дворѣ и въ обществѣ. Быть можетъ, этому суровому солдату лучше, чѣмъ профессіональному дипломату, удалось бы снискать довѣріе императора и установить съ нимъ близкія отношенія, лишь бы ему точно былъ намѣченъ его путь.

Графъ Толстой былъ въ своемъ имѣніи, когда получилъ предложеніе принять на себя обязанности посланника. Оно его разстроило, привело почти въ отчаяніе. Онъ колебался принять на себя эту должность и не смѣлъ отказаться: съ одной стороны дѣйствовала привычка къ повиновенію, съ другой—отвращеніе къ тяжелому бремени, къ которому онъ считалъ себя неспособнымъ. Увѣряютъ, что графиня, крайне враждебно относившаяся къ Франціи, умоляла его отказаться и что эта семейная оппозиція сильно смущала человѣка, привыкшаго ко всякаго рода послушанію [1]). Въ концѣ-концовъ Толстой покорился своей участи и принялъ мѣсто посланника, какъ службу по приказанію. Въ послѣднихъ числахъ августа онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и былъ офиціально назначенъ на постъ въ Парижѣ: «Вотъ и пріѣхалъ мой посланникъ,—сказалъ однажды царь Савари;—вы скоро его увидите. Это прекрасный человѣкъ; я ему безусловно довѣряю и отправляю его къ императору, какъ человѣка, котораго считаю самымъ подходящимъ для него. Я буду говорить съ вами откровенно (беря генерала за руку): вы одинъ изъ нашихъ друзей и должны оказать мнѣ услугу. Мое величайшее желаніе, чтобы графъ Толстой имѣлъ у васъ успѣхъ; если онъ не понравится Императору, я буду чрезвычайно огорченъ; мнѣ будетъ крайне трудно его замѣстить. Отъ васъ, генералъ, я жду, что вы замолвите о немъ слово и поможете ему сразу-же по пріѣздѣ поставить себя такъ, чтобы не быть непріятнымъ; похлопочите, чтобы онъ сталъ, на сколько возможно, поближе къ Императору. Я знаю, что по вашему этикету посланники могутъ быть приглашаемы на императорскіе охоты и маневры; признаюсь, я очень желалъ бы этого для графа Толстого, ибо во время охоты нерѣдко бываетъ, что Императоръ, думая о дѣлахъ и желая заняться ими, покидаетъ охотниковъ; при такихъ обстоятельствахъ мой посланникъ можетъ найти случай говорить съ нимъ. Наконецъ, есть тысяча маленькихъ способовъ въ этомъ родѣ, которые часто лучше скрѣпляютъ узы, чѣмъ всѣ офиціальные пріемы, которые только утомляютъ. Напишите же вашимъ товарищамъ

[1]) „Высшее общество прохаживается насчетъ графини Толстой. Вотъ какъ ее описываютъ: „долговязая, тощая, не свѣтская, неуклюжая, не умная, она тѣмъ не менѣе держитъ въ рукахъ своего мужа“. On dit de Pétersbourg. 13 janvier 1808.

и попросите ихъ не отказать въ ихъ дружескомъ вниманіи къ Толстому. Скажите Дюроку и Коленкуру [1]), что я очень совѣтую моему посланнику почаще видѣться съ ними, и расчитываю на нихъ и на ихъ дружбу къ нему» [2]).

Судя по предосторожностямъ, которыя принималъ царь чтобы доставить Толстому благосклонный пріемъ и заранѣе обезпечить ему хорошія отношенія и добрые совѣты, легко понять, что его довѣріе къ искусству посла далеко не было безгранично. Онъ выбралъ Толстого за неимѣніемъ лучшаго, и, хотя надѣялся, что особа графа не будетъ непріятна, отнюдь не хотѣлъ подвергать испытанію его таланты въ качествѣ посредника. По мнѣнію Александра, съ Франціей оставалось рѣшить только одинъ вопросъ—вопросъ объ отношеніяхъ къ Турціи. Правда, онъ имѣлъ существенное значеніе, но до сихъ поръ не было еще примѣра, чтобы важные переговоры велись одновременно при обоихъ заинтересованныхъ дворахъ. Они хорошо идутъ и достигаютъ цѣли только при условіи, если они ведутся на одной только сценѣ, и если все происходитъ между однимъ изъ правительствъ и уполномоченнымъ представителемъ другого государства. Такъ какъ Александръ приступилъ къ восточному вопросу съ Савари, то онъ разсчитывалъ, что нашъ посланникъ привезетъ отвѣтъ на его предложенія и будетъ вполнѣ посвященъ въ тайны Франціи. Онъ былъ убѣжденъ, что соглашеніе состоится при посредничествѣ французскаго посла и что отъ его собственнаго агента не потребуется никакой инициативы. Инструкціи Толстого отстали отъ событій, такъ какъ были даны до разрыва съ Англіей и до требованій, которыя Россія сочла себя въ правѣ предъявить Франціи послѣ этого шага; по вопросу о турецкихъ провинціяхъ въ нихъ предписывалось посланнику говорить только намеками Такимъ образомъ, наиболѣе существенное обсужденіе было изъято изъ его вѣдѣнія, и, повидимому, его задача была значительно облегчена и упрощена. Единственныя дѣла, по которымъ ему надлежало добиться рѣшенія, относились къ выполненію статей договора, относящихся не къ Востоку, а исключительно къ эвакуаціи прусскихъ провинцій.

---

[1]) Александръ еще не зналъ, что Коленкуръ вскорѣ будетъ назначенъ къ нему посланникомъ.

[2]) Донесеніе отъ 23 августа 1807 г.

По этому вопросу, какъ и по остальнымъ, Александръ не предвидѣлъ серьезныхъ затрудненій. Безъ сомнѣнія, онъ былъ непріятно пораженъ слишкомъ затянувшейся оккупаціей Пруссіи нашими войсками. Будучи чувствителенъ къ ея страданіямъ и жалобамъ ея правительства, онъ искренно желалъ сократить первыя и тѣмъ избавиться отъ вторыхъ. При томъ, не зная еще о соотношеніи, которое императоръ устанавливалъ между судьбами Силезіи и княжествъ, убѣжденный, что дѣло шло только о томъ, чтобы подвергнуть Пруссію на болѣе или менѣе продолжительное время временной оккупаціи, онъ не хотѣлъ изъ-за этого ссориться съ Наполеономъ. Итакъ, хотя онъ и указалъ Толстому на очищеніе Пруссіи, «какъ на вопросъ, которому онъ придаетъ громадное значеніе», хотя онъ и поручалъ ему ускорить его своими настояніями, но въ то же время предписалъ ему сохранять во всѣхъ поступкахъ мѣру, совмѣстимую съ главной цѣлью его миссіи, состоявшей въ томъ, чтобы скрѣпить согласіе и довѣріе [1]).

Очевидно, Толстой не прочелъ этой формально-выраженной въ его инструкціяхъ оговорки или, по крайней мѣрѣ, нарушивъ съ самаго начала принципы воинской дисциплины, рѣшилъ совершенно пренебречь ею и исключительно обратилъ вниманіе на предшествовавшія ей строки. Хлопоты о возстановленіи Пруссіи казались ему наиболѣе крупнымъ дѣломъ настоящаго времени, единственнымъ, истинно-достойнымъ его заботъ. Чуждый величественнымъ мечтамъ, искушавшимъ Александра и Румянцева, онъ не испытывалъ на себѣ дѣйствія чарующаго миража, которое обыкновенно восточныя страны производятъ на русское воображеніе; то, что можно назвать восточной лихорадкой, его не затронуло. По его мнѣнію, его родинѣ угрожала страшная опасность—та опасность, которая во время войны наглядно и осязаемо встала передъ нимъ и противъ которой онъ сражался на равнинахъ Польши, то есть, чрезмѣрное распространеніе французскаго могущества въ Европѣ и особенно въ Германіи. Для того, чтобы, возможно скорѣе, возстановить преграду между обѣими имперіями и вернуть Россіи оплотъ, онъ стремился къ возстановленію Пруссіи и покинулъ Петербургъ съ желаніемъ работать въ этомъ направленіи изо-всѣхъ силъ.

[1]) Инструкціи Толстому. Архивы С.-Петербурга.

Одно событіе во время его путешествія, затронувъ наиболѣе чувствительныя струны его души, окончательно заставило его отдаться этому дѣлу. Проѣзжая черезъ Мемель, онъ засвидѣтельствовалъ свое почтеніе прусской королевской четѣ и имѣлъ случай видѣть ее въ моментъ самаго бѣдственнаго ея положенія. Безъ власти, безъ владѣній, безъ денегъ—Фридрихъ-Вильгельмъ и королева Луиза безпомощно смотрѣли на страданія своего народа. Къ тягостнымъ воспоминаніямъ, къ безпокойству о будущемъ, къ борьбѣ противъ постоянно нарождающихся требованій, присоединялся еще, къ вящшему ихъ мученію, недостатокъ матеріальныхъ средствъ. Это было полное безденежье, почти нищета. Для того, чтобы помочь имъ, Александръ долженъ былъ, подъ видомъ вниманія и подарковъ на память, снабжать ихъ платьемъ и полезными для нихъ подарками. «Несчастнымъ, говорилъ онъ, нечего ѣсть» [1]). Зрѣлище униженнаго величія, монарха, преисполненнаго горечи, и королевы, красота которой устояла передъ всѣми испытаніями и блистала среди несчастья, глубоко затронуло монархическую душу Толстого и внушило ему самое нѣжное участіе. Онъ почерпнулъ въ немъ усугубленное усердіе къ дѣлу Гогенцоллерновъ, которое въ его глазахъ сливалось съ дѣломъ всѣхъ законныхъ династій, и русскій посланникъ рѣшилъ по собственной иниціативѣ выступить въ Парижѣ въ роли защитника интересовъ Пруссіи. Симпатій и намѣреній, столь діаметрально-противоположныхъ желаніямъ Наполеона, трудно было придумать.

Императоръ устроилъ ему торжественный пріемъ. Это былъ способъ отблагодарить за любезное гостепріимство, которымъ пользовался Савари; къ тому же, въ нашу политику входило не только скрѣпить союзъ съ Россіей, но и всенародно объявить о немъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ Шампаньи разсказываетъ Савари о пріемѣ русскаго посла: «Аудіенція, говоритъ онъ, имѣвшая мѣсто 6 числа этого мѣсяца,была замѣчательна по милости и добротѣ, съ которыми Его Величество принялъ русскаго посланника. Всѣ

---

[1]) Thiers VIII, 436. 29 ноября 1807 г. Фридрихъ-Вильгельмъ заканчивалъ письмо къ Александру слѣдующимъ post-scriptum: «Позвольте мнѣ, Ваше Величество, выразить вамъ всю мою благодарность за любезное вниманіе, которое вы оказали мнѣ, прислявъ великолѣпныя перья на шляпу...» Hassel, 369.

замѣтили утонченное вниманіе, которое оказалъ Императоръ, надѣвъ орденъ Андрея Первозваннаго и нося его цѣлый день. Дворъ такъ же, какъ и публика Фонтенебло, которая была допущена на придворный спектакль, вечеромъ, во время представленія *Manlius'a*, обратили большое вниманіе на это выраженіе публичнаго и исключительнаго почета императору Александру со стороны императора Наполеона. Толстой допущенъ въ тѣсный кружокъ императрицы, что не въ обычаѣ для посланниковъ и иностранцевъ; онъ имѣлъ честь составить партію Ея Величеству. Онъ занялъ покои, приготовленные ему во дворцѣ, пользуется всѣми привилегіями придворнаго званія, допущенъ на утренній пріемъ Императора и сегодня сопровождалъ Императора къ обѣднѣ. Все это возбудило зависть другихъ посланниковъ» [1]).

Подарокъ, поистинѣ императорскій, увѣнчалъ эти милости. Наполеонъ самъ хотѣлъ позаботиться о помѣщеніи русскихъ посланниковъ въ его столицѣ. Если довѣрять разсказу, который ходилъ по Петербургу, вотъ какъ онъ взялся за это: «Мюратъ, — сказалъ онъ однажды великому герцогу Бергскому,—сколько вамъ стоитъ вашъ отель въ улицѣ Cérutti? — Четыреста тысячъ франковъ. — Я не говорю о четырехъ стѣнахъ: я подразумѣваю отель и все, что въ немъ находится: мебель, посуда и пр. — Въ такомъ случаѣ, Государь, онъ стоитъ мнѣ милліонъ. — Завтра вамъ заплатятъ эту сумму: это будетъ отель русскаго посланника» [2]).

Каково же было поведеніе Толстого въ отвѣтъ на такія безпримѣрныя отличія? Шампаньи писалъ по поводу первой императорской аудіенціи: «Онъ немного оробѣлъ, какъ это и должно быть съ прямодушнымъ человѣкомъ, который впервые представляется великому человѣку столь высокой геніальности, но доброе и привѣтливое обращеніе Императора вскорѣ его ободрило» [3]). Вопреки оптимизму офиціальнаго сообщенія и его утѣшительнымъ объясненіямъ, можно догадаться, что холодность со стороны русскаго посланника плохо согласовалась съ благосклонностью его собесѣдника. Нѣсколькими строками ниже министръ почти признается въ этомъ: «Не знаю, говоритъ онъ, почувствовалъ ли онъ всю цѣну необыкновеннаго пріема, сдѣланнаго ему Импера-

[1]) Шампаньи къ Савари, 8 ноября 1807 г.
[2]) Joseph de Maistre, p. 277.
[3]) Шампаньи къ Савари, 8 ноября 1807 г.

торомъ, оцѣнилъ ли онъ его такъ, какъ это сдѣлалъ бы человѣкъ проходившій дипломатическую карьеру и привыкшій придавать цѣну самымъ незначительнымъ обстоятельствамъ». А вскорѣ, въ позднѣйшей депешѣ, Шампаньи вынужденъ сознаться, что въ Толстомъ императоръ не нашелъ «человѣка, какого онъ желалъ и съ которымъ онъ могъ бы бесѣдовать» [1]). Дѣйствительно, почтительное, но обезкураживающее нѣмое молчаніе, которое на первой же аудіенціи Толстой наложилъ на себя, продолжалось и дѣлалось хроническимъ. На милостивыя обращенія Наполеона онъ отвѣчалъ ледянымъ выраженіемъ лица. Если, во время пріемовъ при дворѣ, императоръ обращался къ нему со словами, которыя, очевидно, вызывали на продолжительный разговоръ, онъ еле бормоталъ въ отвѣтъ нѣсколько словъ, избѣгалъ всякаго выраженія, которое могло бы поддержать разговоръ, и монархъ проходилъ мимо него недовольный. Въ другихъ случаяхъ онъ избѣгалъ направленнаго на него взгляда императора, отступалъ въ смущеніи назадъ и скрывался въ толпѣ придворныхъ, какъ будто главной его заботой было уклоняться отъ милостиваго вниманія.

Съ придворными и лицами, занимающими высокое служебное положеніе, его обращеніе было не менѣе странно. Ничто не обнаруживало въ немъ надежды установить прочную дружбу между обоими государствами и на желаніе этому способствовать; ничто не давало чувствовать въ немъ посланника дружественной державы. Скорѣе могла быть рѣчь о парламентерѣ, присланномъ вечеромъ послѣ неудачной битвы въ главную квартиру непріятеля. Такого рода посолъ съ суровымъ, скорбнымъ, непроницаемымъ лицомъ взвѣшиваетъ каждое слово и прежде всего старается оградить свое достоинство побѣжденнаго: вотъ образецъ, по которому Толстой, повидимому, создалъ свою роль. Если онъ начиналъ откровенно высказываться, его слова были еще болѣе зловѣщи, чѣмъ молчаніе; тогда его разговоръ становился воинственнымъ и отдавалъ запахомъ пороха. Однажды, послѣ императорской охоты, онъ возвращался въ каретѣ съ маршаломъ Неемъ и княземъ Боргезскимъ. Въ пути онъ настойчиво наводилъ разговоръ на военные предметы; затѣмъ, разгорячась, началъ восхвалять русскія войска и чуть было не объявилъ ихъ непобѣдимыми; онъ приписывалъ ихъ неудачи несчастному стеченію

[1]) Шампаньи къ Коленкуру, 2 февраля 1808 г.

обстоятельствъ и дурно истолкованнымъ приказаніямъ, и кончилъ тѣмъ, что намекнулъ на надежду реванша. Ней, невоздержный отъ природы, горячо подхватилъ его слова. Разговоръ принялъ острый оборотъ, и скоро повсюду распространился слухъ о возможной дуэли между русскимъ посланникомъ и императорскимъ маршаломъ [1]).

Такія неумѣстныя выходки, вперемежку съ надменной сдержанностью, все болѣе обнаруживали неспособность Толстого усвоить себѣ поведеніе, которое было ему предписано. Этотъ исполнительный солдатъ становился недисциплинированнымъ дипломатомъ. Обманывая возлагаемыя на него Александромъ надежды, превосходя его опасенія, не довольствуясь тѣмъ, что принесъ съ собой во Францію всю ненависть, все злопамятство русской аристократіи, онъ даже не старался ихъ скрывать и считалъ нужнымъ внести въ свою манеру слѣдить за ходомъ дѣлъ и вести переговоры ту предвзятую враждебность, которая проявлялась въ его манерѣ держать себя.

Первыя его впечатлѣнія во Франціи и духъ, царившій среди окружающихъ его, не только не ослабили, а скорѣе усилили эти тенденціи. Какъ ни старались сдѣлать членамъ русскаго посольства пріятнымъ ихъ новое мѣстопребываніе, они не были имъ довольны. Они не чувствовали особеннаго влеченія къ офиціальному міру, и относились равнодушно къ зрѣлищу могущества и силы, которыя являла Франція, ибо это величіе было отчасти завоевано за счетъ ихъ страны. Однако, это было однимъ изъ тѣхъ временъ первой Имперіи, когда Наполеонъ особенно заботился о торжественныхъ пріемахъ и о поддержаніи великолѣпія двора. Въ Фонтенебло, пребываніе въ которомъ въ этомъ году носило исключительный блескъ, непрерывной цѣпью проходили знатные посѣтители и высочайшія особы, ежедневно приносились увѣренія въ уваженіи и преданности Европы императору. Прелестное мѣстопребываніе Валуа, реставрированное въ современномъ вкусѣ, роскошно украшенное въ строго-римскомъ стилѣ, снова оживилось. Удовольствія слѣдовали одно за другимъ ежедневно въ назначенные часы: офиціальные пріемы, театральныя представленія, великолѣпные балы, о которыхъ сообщалось въ военныхъ приказахъ, поѣздки на охоту, для чего даже дамы надѣвали установленный для нихъ

---

[1]) Шампаньи къ Коленкуру, 2 февраля 1808 г.

кокетливый мундиръ, который и въ самомъ дѣлѣ шелъ къ нимъ; въ такихъ охотахъ принимали участіе эскадроны амазонокъ, при чемъ у каждаго былъ свой отличительный цвѣтной значокъ [1]). Русскіе любовались этими зрѣлищами, но находили, что блескъ не всегда спасалъ ихъ отъ монотонности, и что новый дворъ не сумѣлъ позаимствовать отъ стараго то, что составляло его неподражаемую прелесть: непринужденность хорошаго тона. Когда они наѣзжали въ Парижъ, имъ казалось, что сторонники правительства живутъ слишкомъ замкнуто; они жаловались, «что въ Парижѣ не было даже двухъ-трехъ открытыхъ домовъ, подобныхъ дому князя Беневентскаго, гдѣ можно было съ увѣренностью найти гостей, любезную, предупредительную хозяйку дома и хорошій ужинъ послѣ театра»; они находили, что «въ Парижѣ въ этомъ отношеніи совсѣмъ плохо» [2]). Не находя общества по своему вкусу, они искали развлеченій въ иномъ мѣстѣ и проводили вечера у мадемуазель Жоржъ, «героини русскаго посольства» [3]).

Ихъ болѣе солидный глава не противился искушенію посѣщать роялистскіе салоны. Онъ тамъ не интриговалъ, но слушалъ, наблюдалъ и, не задавая самъ тона, воспринималъ его. Разговоры, которые онъ слышалъ тамъ, обыкновенно вращались около честолюбія и деспотизма Наполеона и усиливали его недовѣріе къ главѣ государства и къ его режиму. Относясь къ императорскому правительству съ вѣчнымъ недовѣріемъ и подозрительностью, онъ дошелъ до того, что чуялъ западню во всѣхъ обращенныхъ къ нему словахъ и истолковывалъ ихъ въ смыслѣ своихъ предубѣжденій. Не лишенный тонкаго, предусмотрительнаго ума, онъ угадывалъ быстро нѣкоторыя изъ намѣреній императора, но подъ вліяніемъ ненависти, дававшей ложное направленіе его проницательности, онъ неосновательно приписывалъ ему и такія, которыхъ у него не было.

Какъ только встрѣтился онъ съ Шампаньи, онъ горячо затронулъ прусскій вопросъ. Уклончивые отвѣты министра ему не понравились и показались признакомъ задней мысли. Въ своемъ первомъ разговорѣ съ императоромъ, онъ приступилъ къ тому же предмету и сталъ совершенно не похожъ на того Толстого,

---

[1]) См. les Mémoires de madame de Rémuzat, III, 227-245.

[2]) Новости и on dit Петербурга, 29 января 1808 г.

[3]) Id.

какимъ казался обыкновенно. Сбросивъ съ себя всякое смущеніе и сохранивъ только упорство, онъ напрямикъ потребовалъ эвакуаціи Пруссіи, осмѣлившись сказать, что Россія не можетъ считать себя въ мирѣ съ Франціей до тѣхъ поръ, пока первое условіе договора остается не выполненнымъ. Наполеонъ попробовалъ сперва уклониться отъ отвѣта. Зачѣмъ, съ фамильярной откровенностью, сказалъ онъ Толстому, принимать такое участіе въ прусскомъ королѣ, въ этомъ неудобномъ и ненадежномъ союзникѣ? «Вы дождетесь, что онъ сыграетъ съ вами плохую шутку» [1]). Впрочемъ, Франція готовится вывести свои войска—они уже въ походѣ. Но генералъ Толстой былъ слишкомъ свѣдущъ въ вопросахъ, касающихся военнаго дѣла, чтобы повѣрить, что подобныя операціи могутъ быть приведены въ исполненіе въ одну минуту. «Армію передвинуть не табаку понюхать» [2]), писалъ онъ Румянцеву. Такъ какъ Толстой не сдавался на эти доводы и продолжалъ настаивать на своемъ, то императоръ, прижатый къ стѣнѣ и желавшій къ тому же намекнуть русскому правительству о болѣе цѣнныхъ съ своей стороны предложеніяхъ и подготовить его къ нимъ, позволилъ себѣ поднять завѣсу, скрывавшую его планы. Крупными штрихами набросалъ онъ три возможныхъ комбинаціи, заявивъ при этомъ, что онъ не будетъ оспаривать удовлетворенія желаній Россіи, какъ-бы чрезмѣрны они ни были, лишь бы ему самому была предоставлена свобода избрать для себя вознагражденіе.

Прежде всего, онъ объявилъ, что готовъ вывести войска изъ Пруссіи, при условіи, что Россія удалится изъ княжествъ, что полное и обоюдное исполненіе договора было его первѣйшимъ желаніемъ. «Онъ сказалъ мнѣ, излагаетъ Толстой въ своемъ донесеніи, что въ расчлененіи Оттоманской имперіи онъ не видитъ для Франціи никакой выгоды, что не желаетъ ничего лучшаго, какъ только обезпечить ея неприкосновенность, что онъ даже это предпочитаетъ, ничуть не прельщаясь Албаніей и Мореей гдѣ, по его словамъ, можно ожидать только неудачъ и затрудненій. Однако, если мы ужъ такъ стремимся обладать Молдавіей и Валахіей, онъ охотно согласится на это и предлагаетъ намъ русло

---

[1]) Толстой къ Румянцеву, 26 октября---7 ноября 1807 г. Архивы С.-Петербурга.

[2]) Id.

Дуная, но при условіи, что ему будетъ предоставлено вознаградить себя въ другомъ мѣстѣ. Я сильно настаивалъ на томъ, чтобы онъ объяснилъ мнѣ, что онъ подъ этимъ подразумѣваетъ и гдѣ разсчитываетъ получить компенсацію. Онъ хотѣлъ уклониться отъ всякаго объясненія по этому поводу, но я настаивалъ все сильнѣе и почти прижалъ его къ стѣнѣ замѣчаніемъ, что, такъ какъ онъ знаетъ, что̀ мы желаемъ пріобрѣсти, было бы вполнѣ справедливо, чтобы и мы знали, чего и гдѣ онъ домогается. Послѣ нѣкотораго колебанія, и какъ бы сдѣлавъ надъ собой большое усиліе, онъ сказалъ мнѣ: Ну, конечно, въ Пруссіи. Если въ планы Россіи входитъ болѣе крупный раздѣлъ Оттоманской имперіи (продолжалъ онъ), онъ даже и на это согласенъ. Онъ уполномочиваетъ меня предложить Константинополь, такъ какъ увѣряетъ, что не подписывалъ никакого обязательства съ турецкимъ правительствомъ и не имѣетъ никакихъ видовъ на столицу Турціи. Однако, при этомъ послѣднемъ предположеніи, онъ не можетъ не принимать во вниманіе интересовъ Франціи, равно какъ и высказаться теперь же о требованіяхъ, которыя отсюда воспослѣдуютъ. Итакъ, онъ предлагаетъ вывести войска изъ областей, возвращенныхъ по тильзитскому договору Пруссіи, если мы откажемся отъ нашихъ видовъ на Молдавію и Валахію. Если не согласны на это, онъ готовъ предоставить намъ русло Дуная, при условіи, что онъ вознаградитъ себя за счетъ Пруссіи. Въ третьемъ случаѣ, предусматривающемъ полное расчлененіе Европейской Турціи, онъ согласенъ на расширеніе Россіи до Константинополя, включая и самый Константинополь, при условіи полученія имъ пріобрѣтеній, относительно которыхъ онъ не далъ никакихъ объясненій» [1]).

Думается, что неожиданно заговоривъ о Константинополѣ съ такими оговорками, благодаря которымъ предложеніе было неяснымъ и безпочвеннымъ, Наполеонъ хотѣлъ только испытать Толстого, поглядѣть, какое дѣйствіе произведетъ на него это магическое слово. Быть можетъ, онъ хотѣлъ посмотрѣть, какъ далеко идутъ честолюбивыя стремленія Россіи, не расположена

[1]) Толстой къ Румянцеву, 26 октября—7 ноября 1807 г. Архивы С.-Петербурга. Донесенія Толстого, подобно всѣмъ дипломатическимъ бумагамъ того времени, написаны по-французски. Генералъ Шильдеръ опубликовалъ часть ихъ по-русски. (Русскій Архивъ, январь 1890 г.)

ли она ради пріобрѣтенія Константинополя допустить все и не согласна ли предоставить ему всю Европу за одинъ городъ. Но Толстой и глазомъ не моргнулъ при видѣ вызваннаго передъ нимъ лучезарнаго видѣнія; онъ отнесся къ нему равнодушно, и хотя и передалъ своему двору предложенія императора, но сдѣлалъ это, прибавивъ придуманное имъ самимъ объясненіе. Смотря на все съ точки зрѣнія преслѣдующей его идеи, онъ въ словахъ Наполеона обратилъ вниманіе, главнымъ образомъ, на то, что относилось къ Пруссіи. Онъ болѣе не сомнѣвался, что исполненіе договора въ пользу Пруссіи отсрочивалось умышленно. Исходя изъ этого вѣрнаго даннаго, его воображеніе выводило или неточныя, или черезчуръ преувеличенныя слѣдствія. Сопоставляя слова императора съ собранными съ вѣтру, непровѣренными слухами, онъ пришелъ къ убѣжденію, что Наполеонъ въ принципѣ рѣшилъ полное расчлененіе Пруссіи. Это ложное открытіе въ высшей степени взволновало его; онъ счелъ своимъ долгомъ забить тревогу.

Принявъ тонъ прорицателя, онъ поспѣшилъ указать своему двору, какъ на непосредственный предметъ нашихъ вожделѣній, не только на Силезію, но и на Берлинъ и на теченіе Одера. По его мнѣнію, эти мѣста были сперва предназначены для округленія За-Рейнскаго французскаго королевства, удѣла Жерома. Этотъ проектъ, будто бы, былъ на пути къ осуществленію, и только твердость русскаго посла заставила Наполеона одуматься. Толстой, въ подтвержденіе своихъ словъ, разсказывалъ самыя неправдоподобныя сцены: «*Господину Жерому*, писалъ онъ, былъ положительно обѣщанъ для его Вестфальскаго королевства Берлинъ съ расширеніемъ до Одера. Послѣ моей частной аудіенціи Императоръ приказалъ позвать его и напрямикъ объявилъ ему, что объ этомъ нечего и думать; но Жеромъ, какъ это нерѣдко съ нимъ бываетъ, пустился въ препирательства; онъ осмѣлился требовать обѣщаннаго и сослался на данное ему императорское слово. Между обоими братьями произошла одна изъ самыхъ бурныхъ сценъ, результатомъ которой была высылка Жерома, вынужденнаго уѣхать сегодня утромъ въ Шербургъ, подъ предлогомъ исполненія порученія императора» [1]).

---

[1]) Толстой къ Румянцеву, 26 октября—7 ноября, 1807 г. Архивы С.-Петербурга.

По словамъ Толстого, вмѣсто брата Наполеона остатки Пруссіи получитъ одинъ изъ его вассаловъ; въ настоящее время лучшая часть изъ нихъ предназначена для великаго герцогства Варшавскаго. Затѣмъ завоеватель закончитъ возстановленіе Польши присоединеніемъ къ ней западныхъ провинцій Россіи. Уничтоженіе Пруссіи служитъ ему только средствомъ добраться до имперіи, съ которой онъ пока обходится, какъ съ союзникомъ, и которую обольщаетъ коварными обѣщаніями. Вмѣсто того, чтобы содѣйствовать планамъ Россіи, онъ хочетъ оттолкнуть ее въ ея прежнія границы, сдѣлать изъ нея азіатское государство, изгнать ее на Востокъ, отбросить на Персію и Индію, пока не будетъ въ состояніи разрушить ее окончательно. Его цѣль, разрушивъ и низвергнувъ все вокругъ себя, царствовать надъ развалинами Европы. Онъ объявилъ, что его династія вскорѣ будетъ самой древней на континентѣ, и онъ сдержитъ свое слово [1]).

Свое первое посланіе съ курьеромъ Толстой посвятилъ разбору этого ужаснаго будущаго. Онъ написалъ его въ патетическихъ выраженіяхъ, въ чрезвычайно искреннемъ и глубоко-тревожномъ тонѣ; умолялъ, чтобы въ Петербургѣ открыли глаза и приняли мѣры для обороны и спасенія. Не довольствуясь тѣмъ, что высказалъ свои страхи въ нѣсколькихъ донесеніяхъ, онъ сдѣлалъ ихъ предметомъ частнаго письма къ Румянцеву, и его сообщеніе, спѣшно отправленное въ Петербургъ, опередило Коленкура. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы съ надлежащими предосторожностями, въ качествѣ простого предложенія, довести до свѣдѣнія Александра мысль о томъ, чтобы часть Пруссіи послужила компенсаціей за румынскія княжества, эта мысль, благодаря неожиданному и прискорбному стеченію обстоятельствъ, была сообщена ему въ грубой формѣ; она дошла до него черезъ посредство врага Франціи въ искаженномъ, преувеличенномъ видѣ; была представлена ему, какъ безповоротное рѣшеніе, какъ зрѣло обдуманный проектъ, противный духу договоровъ, существованію независимаго государства и безопасности Россіи.

При чтеніи депешъ Толстого, Александръ не скрылъ своего

[1]) Толстой къ Румянцеву. 26 октября—7 ноября, 22 ноября—4 декабря 27 ноября—9 декабря 1807 г. Архивы С.-Петербурга.

удивленія и безпокойства. Онъ спросилъ Савари. На несчастье, какъ-разъ въ это время, Савари было поручено подготовить при удобномъ случаѣ благосклонный пріемъ предложенію, которое везъ Коленкуръ. Конечно, тотъ не могъ отвѣтить на вопросы царя безусловнымъ отрицаніемъ. Благодаря его полупризнанію Александръ пришелъ къ мысли, что Толстой судилъ вѣрно, и что уничтоженіе Пруссіи входило въ намѣренія Наполеона. Въ немъ вспыхнула жалость къ Пруссіи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пробудились его опасенія по отношенію къ необузданному и разрушительному генію; вѣра его въ французскій союзъ поколебалась, въ немъ возникло сомнѣніе въ дѣло рукъ своихъ. Онъ тотчасъ же приказалъ написать въ Парижъ, чтобы напомнили Наполеону о томъ, что говорилось въ Тильзитѣ, и пожелалъ, чтобы вознагражденіе, предназначенное Франціи, было указано именно на Востокѣ, а не въ иномъ мѣстѣ; въ первый разъ ясно предлагался раздѣлъ Турціи [1]). Тщетно объяснялъ Савари, что проектъ императора имѣлъ въ виду только одну провинцію, а не всю Прусскую монархію; что онъ имѣлъ только случайный характеръ въ зависимости отъ согласія Россіи и предназначался для облегченія ея же плановъ. Александръ оставался подъ впечатлѣніемъ недовѣрія, предубѣжденный противъ всякаго предложенія, по которому Пруссія была бы осуждена на новыя жертвы. Когда Коленкуръ прибылъ, наконецъ, 17 декабря въ Петербургъ, оказалось, что вмѣсто подготовленной для него почвы, онъ нашелъ почву, которую не въ мѣру усердная ненависть загромоздила препятствіями.

II.

Сомнѣнія, осаждавшія умъ царя, нисколько не отразились на пріемѣ, сдѣланномъ Коленкуру. Чтобы быть пріятнымъ Наполеону, Александръ сразу же пустилъ въ ходъ милостивое обращеніе съ посломъ и оказалъ ему исключительное вниманіе. Тотчасъ же по пріѣздѣ въ Петербургъ Коленкуръ былъ отвезенъ во дворецъ Волконскихъ, самый красивый въ столицѣ послѣ дворцовъ императора и великаго князя. Тутъ ему сообщили, что онъ у себя дома, и что этотъ великолѣпный дворецъ царь предоставля-

[1]) Румянцевъ къ Толстому, 26 ноября 1807 г. Архивы С.-Петербурга.

етъ въ его распоряженіе. «Это цѣлый городъ» [1]), писалъ онъ въ первомъ порывѣ своего восторга. 20 декабря состоялось врученіе вѣрительныхъ граматъ. Со времени пріема графа Кобенцля, чрезвычайнаго посла Іосифа II при Екатеринѣ Великой, Петербургъ не присутствовалъ при столь великолѣпномъ дипломатическомъ торжествѣ; былъ соблюденъ тотъ же церемоніалъ съ нѣкоторыми измѣненіями въ нашу пользу; Франція офиціально была признана наслѣдницею германскихъ цезарей. Царь принялъ нашего посла, какъ стараго знакомаго, и нѣсколькими дружескими и любезными словами скрасилъ обычную банальность офиціальныхъ разговоровъ. Вечеромъ былъ спектакль въ Эрмитажѣ. Зала, выстроенная въ концѣ дворца, представляла изъ себя амфитеатръ, гдѣ весь дворъ щеголялъ роскошными мундирами и туалетами. Позади оркестра рядъ креселъ предназначался для императора, обѣихъ императрицъ и высочайшихъ особъ. Коленкуръ, прибывъ по особому приглашенію, былъ отведенъ къ одному изъ креселъ и занялъ мѣсто въ одномъ ряду съ императорской фамиліей, рядомъ съ великими князьями,—«отличіе, гласитъ современный разсказъ, которому не было еще примѣра; оно поразило весь дворъ и расположило умы видѣть въ Его Превосходительствѣ болѣе, чѣмъ простого посланника» [2]).

«Я съ удовольствіемъ принимаю посланника и радъ буду видѣть генерала у себя», сказалъ ему на утренней аудіенціи Александръ [3]). Онъ сдержалъ слово и на третій день пригласилъ Коленкура на обѣдъ, на одинъ изъ тѣхъ интимныхъ обѣдовъ, на которыхъ Савари въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ былъ частымъ гостемъ. Новый посланникъ съ нѣкоторымъ страхомъ повиновался этому приглашенію. Посвященный Савари въ привычки, личные взгляды и чувства царя, Коленкуръ зналъ уже, что Александръ по вечерамъ охотно бесѣдовалъ о политикѣ, а также и то, что сообшенія Толстого привели его въ отчаяніе: «Слово это не слишкомъ сильно» [4]), писалъ онъ Наполеону. Онъ боялся, какъ бы царь, вызвавъ его въ этотъ же вечеръ изложить наши предложенія, съ первыхъ же словъ не замазалъ ему рта ссылкой

[1]) Донесеніе отъ 20 декабря 1807 г.

[2]) Archives des affaires étrangères, Russie, 144.

[3]) Донесеніе Коленкура отъ 23 декабря 1807 г.

[4]) Письмо отъ 31 декабря 1807 г.

на ихъ непріемлемость. Посовѣтовавшись съ Савари, опытъ котораго имѣлъ большое значеніе, онъ рѣшилъ быть съ Александромъ крайне сдержаннымъ и постараться, осторожно наводя разговоръ, узнать его мысли, но такъ, чтобы имѣть возможность отступить при первомъ же намекѣ на сопротивленіе. Составивъ, такимъ образомъ, свой планъ, онъ отправился въ Зимній дворецъ, гдѣ нашелъ въ сборѣ нѣсколько министровъ и генераловъ, и друзей и недруговъ Франціи. Онъ бесѣдовалъ съ графомъ Румянцевымъ, когда вошли императоръ съ императрицей. Теперь мы предоставимъ слово ему самому; въ своемъ донесеніи къ Наполеону онъ выражается такъ:

«Передъ обѣдомъ, императоръ сказалъ мнѣ: «Генералъ, съ «удовольствіемъ вижу васъ здѣсь и спѣшу ввести васъ въ кругъ «вашихъ правъ и обязанностей. Мы побесѣдуемъ послѣ обѣда». Императрица сказала мнѣ нѣсколько любезныхъ словъ по поводу моего перваго пребыванія здѣсь. Затѣмъ всѣ двинулись къ столу.

«За обѣдомъ императоръ говорилъ о томъ, съ какой быстротой Ваше Величество путешествуете и ѣздите верхомъ; что въ Тильзитѣ только онъ да я могли поспѣвать за вами. Затѣмъ зашла рѣчь о князѣ Невшательскомъ. Его Величество сказалъ, что онъ принадлежитъ къ числу людей, внушающихъ ему наибольшее уваженіе. Онъ спросилъ меня, велико ли было производство по арміи Вашего Величества, и добавилъ, что слышалъ, будто Ваше Величество отказались отъ бѣлаго цвѣта для пѣхоты, что онъ лично стоитъ за синій и предпочитаетъ его потому, что въ синемъ французская армія совершила столь славныя дѣла.

«Послѣ обѣда разговоръ со мной продолжался нѣсколько минутъ о Петербургѣ и о безразличныхъ предметахъ. Затѣмъ Императоръ прошелъ въ свой кабинетъ и приказалъ позвать меня. Онъ сказалъ мнѣ:

Императоръ.—До полученія депешъ, которыя везетъ Фодоа (дѣло шло о депешахъ, отправленныхъ Савари 18 ноября, довѣренныхъ капитану Фодоа и содержавшихъ просьбу о княжествахъ), у насъ не будетъ ничего особенно-важнаго для обсужденія, но я хочу ввести васъ въ кругъ вашихъ правъ и обязанностей.

«(Императоръ взялъ меня за руку, заставилъ сѣсть направо отъ себя и продолжалъ такъ):

«Вы пользуетесь полнымъ моимъ довѣріемъ. Императоръ не

могъ сдѣлать выбора, который болѣе бы отвѣчалъ моему личному желанію и который, благодаря вашей близости къ нему, болѣе бы приличествовалъ нашей странѣ. Передайте ему, что въ этомъ я вижу новое доказательство его дружбы ко мнѣ. Я всегда буду радъ васъ видѣть. Въ дни торжественныхъ пріемовъ можете быть посланникомъ, сколько вамъ угодно; въ другое же время вы знаете дорогу въ мой кабинетъ; я буду радъ васъ видѣть.

Посланникъ.—Эту честь, Государь, я цѣню выше всего, и только это можетъ вознаградить меня за жизнь вдали отъ моего повелителя.

Императоръ.—Я знаю, что, уѣхавъ далеко отъ Императора, вы принесли жертву; но Ла Форè совсѣмъ не годится. Я не могъ бы видѣться съ нимъ вотъ такъ. Здѣсь нуженъ военный и, кромѣ того, такой человѣкъ, который своимъ умѣньемъ обращаться привлекъ бы на свою сторону (наше) общество. Императоръ Наполеонъ всегда умѣетъ сдѣлать хорошій выборъ.

Посланникъ.—Если бы пріѣхалъ Ла Форè, съ нимъ остался бы генералъ Савари или какой-либо другой флигель-адъютантъ Императора.

Императоръ.—У двухъ лицъ дѣла не могутъ идти успѣшно, ибо у каждаго изъ нихъ свой личный интересъ, который нерѣдко ставится впереди самого дѣла. Мои намѣренія прямодушны, въ моей привязанности къ императору Наполеону нѣтъ задней мысли, я это доказалъ ему всѣми моими поступками. Генералъ Савари могъ бы вамъ сказать, что всѣ дѣла, о которыхъ ему поручалось просить, онъ находилъ сдѣланными заранѣе. Мы сдѣлали въ октябрѣ то, что должны были сдѣлать только въ декабрѣ; генералъ Савари, вѣроятно, увѣдомилъ Императора, что я и Румянцевъ всегда предупреждали его желанія въ вопросѣ о войнѣ съ Англіей. Если бы мы оба не думали, что слѣдуетъ ждать сигнала императора Наполеона, я, можетъ быть, объявилъ бы ее еще раньше. Что же касается шведовъ, мы уже приняли мѣры, какъ я говорилъ вамъ объ этомъ вчера».

«Здѣсь императоръ вкратцѣ изложилъ требованія, предъявленныя Швеціи, которая оставалась по-прежнему неуступчивой, и о сдѣланныхъ для понужденія ея приготовленіяхъ. Затѣмъ, словно спѣша высказать мысль, которая лежала у него на душѣ, онъ почти тотчасъ же заговорилъ: «Императоръ говорилъ Толстому о Пруссіи. Меня это огорчило; Савари, вѣроятно, скажетъ вамъ

объ этомъ. Никогда не было рѣчи о томъ, чтобы она расплачивалась за турецкія дѣла. Императоръ Наполеонъ самъ завелъ въ Тильзитѣ разговоръ о Валахіи и Молдавіи, равно какъ и о другой части Турціи. Онъ самъ опредѣлилъ свою долю. Благодаря низложенію султана Селима, онъ считалъ себя вполнѣ свободнымъ отъ обязательствъ. Вѣрьте, что не было сказано ни одного слова, которое могло бы заставить подумать, что бѣдная Пруссія должна будетъ сыграть роль вознагражденія въ этой сдѣлкѣ, которую вызвали не столько интересы Россіи, сколько безпорядки въ упомянутыхъ провинціяхъ. Генералъ Савари могъ сказать вамъ, насколько подобная сдѣлка не отвѣчаетъ моимъ чувствамъ, и что я, дѣйствительно, не могу согласиться на дѣлежъ остатковъ владѣній несчастнаго короля, про котораго Императоръ возвѣстилъ Европѣ и Франціи, что онъ возвращаетъ ему владѣнія изъ уваженія ко мнѣ. По законамъ чести онъ остается моимъ союзникомъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ возстановленъ во владѣніи тѣмъ, что предоставлено ему мирнымъ договоромъ».

Посланникъ.—Государь, императоръ Наполеонъ питаетъ къ Вашему Величеству такое же чувство привязанности; всѣ его мысли направлены къ интересамъ и славѣ Вашего Величества. Вы могли найти новыя доказательства этому въ томъ, что онъ говорилъ графу Толстому, если только графъ далъ Вашему Величеству вѣрный отчетъ. Вы не можете сомнѣваться относительно его истинныхъ намѣреній, ибо самое бо́льшее, чего можетъ желать Императоръ,—это точное исполненіе тильзитскаго договора. Онъ впервые отдѣляетъ свое дѣло отъ дѣлъ одного изъ своихъ исконныхъ союзниковъ. Онъ дѣлаетъ это ради Вашего Величества, ибо всѣми доводами, приводимыми вами въ пользу Пруссіи, мой повелитель могъ бы съ такимъ же правомъ воспользоваться въ пользу Турціи. По вопросамъ чести, которымъ, повидимому, Ваше Величество придаетъ такую цѣну, положеніе обоихъ государствъ во всѣхъ отношеніяхъ одинаково. Повторяю Вашему Величеству, что въ этомъ случаѣ императоръ Наполеонъ болѣе думалъ объ интересахъ Вашего Величества, чѣмъ о своихъ собственныхъ. Прошу, Ваше Величество, обратить особенное вниманіе на это замѣчаніе.

Императоръ.—Я понимаю васъ: то, что вы говорите, справедливо. При такомъ способѣ обсужденія дѣлъ всегда можно сговориться. Письмо Толстого меня огорчило. Я не могу дать согласія

на такую сдѣлку, которая не согласуется съ намѣреніями, высказанными мнѣ самимъ Императоромъ.

Посланникъ.—Государь, когда Толстой подольше пробудетъ при Императорѣ, онъ лучше, и въ ихъ истинномъ свѣтѣ, станетъ передавать сдѣланныя ему предложенія.

Императоръ.—Вотъ потому-то мнѣ и пріятно, что Императоръ выбралъ именно васъ. Вы лучше другихъ понимаете, чего онъ хочетъ, и мы всегда поймемъ другъ друга.

Посланникъ.—Благоволите, Ваше Величество, сообщить ваши мысли своему посланнику. Императоръ, мой повелитель, ничего не желаетъ лучшаго, какъ только установить свои дѣйствія согласно съ дѣйствіями Вашего Величества. Императоръ готовъ на все; его завѣтныя мысли направлены всецѣло къ интересамъ и славѣ Вашего Величества. Имѣю честь повторить это вамъ. Позволите ли вы мнѣ, Ваше Величество, вернуться къ одному изъ вопросовъ настоящаго разговора?

Императоръ.—Съ удовольствіемъ.

Посланникъ.—Мнѣ хотѣлось, Государь, познакомить васъ съ истинными намѣреніями моего повелителя, съ этого я и началъ. Теперь я долженъ сказать относительно его интересовъ. Компенсаціи въ Турціи, о которыхъ говоритъ Ваше Величество, нужно еще завоевать, тогда какъ вы, Ваше Величество, нарушивъ тильзитскій договоръ и обусловленное имъ перемиріе, уже взяли себѣ свою долю. Намъ нужно сражаться, чтобы завоевать свою долю, и опять-таки сражаться, чтобы сохранить ее. Въ этихъ провинціяхъ нѣтъ никакой торговли и ни одной изъ тѣхъ выгодъ, какія пріобрѣтетъ Ваше Величество. Если вамъ угодно будетъ вполнѣ безпристрастно взвѣсить условія, въ которыхъ находятся то и другое государство, вы не будете болѣе сомнѣваться, что положеніе Франціи относительно Турціи было бы то же самое, что и положеніе Россіи относительно Пруссіи, если бы добрыя чувства императора Наполеона къ императору Александру не склоняли вѣсовъ на вашу сторону.

Императоръ.—Это возможно. Вы хорошо изображаете дѣло. Но я все-таки ссылаюсь на то, что мнѣ говорилъ императоръ Наполеонъ. Я шелъ навстрѣчу всѣмъ его желаніямъ. Его интересы лежали въ основѣ моего поведенія. Я оставилъ въ сторонѣ мои собственные, ибо до сихъ поръ не имѣю никакихъ извѣстій о моемъ флотѣ. Я жду, чтобы на дѣлѣ сказалась та истинная

дружба, въ которой онъ далъ мнѣ слово; доказательства моей дружбы онъ уже имѣетъ. Я не могу войти въ сдѣлку, о которой между нами никогда не поднималось вопроса, и которая разоритъ короля и такъ уже такъ много потерявшаго. Пусть онъ будетъ возстановленъ во владѣніи всѣмъ тѣмъ, что полагается ему по тильзитскому договору, и по поводу чего Императоръ сказалъ, что отдаетъ ему ради меня. Затѣмъ пусть будетъ то, что Богу угодно. Я лично нисколько не сомнѣваюсь въ намѣреніяхъ Императора, но здѣсь, у насъ, нужно что-нибудь такое, что доказало бы націи и арміи, что нашъ союзъ существуетъ не только ради вашей выгоды. Въ вашихъ интересахъ сдѣлать его національнымъ; говорю вамъ откровенно, это было бы даже услугой лично для меня. Судя по тому, что говорилъ мнѣ Императоръ въ Тильзитѣ, мнѣніе его о туркахъ не таково, чтобы заставить его ими дорожить. Онъ самъ назначилъ нашу и свою долю—и что-нибудь дать Австріи, чтобы удовлетворить скорѣе ея самолюбіе, чѣмъ честолюбіе— таковы были его намѣренія. Они не должны измѣниться, ибо съ тѣхъ поръ я шелъ навстрѣчу всему, чего онъ могъ желать. Что же касается завоеваній, которыя предстоитъ ему сдѣлать, мои войска будутъ готовы, если онъ вернется къ своимъ первоначальнымъ намѣреніямъ. Турки первые нарушили перемиріе. Слѣдовательно, если бы я не относился добросовѣстно къ Императору, у меня былъ бы предлогъ порвать съ ними, не нанося ущерба тильзитскому договору.

Посланникъ.—Сдѣлки, о которыхъ говоритъ Ваше Величество, какъ мнѣ кажется, входятъ въ кругъ тѣхъ сдѣлокъ, переговоры о которыхъ вы и мой Императоръ отложили до личнаго свиданія. Если турки и обошлись дурно съ нѣкоторыми валахами, такъ вѣдь они пока еще ихъ подданные. И Пруссія, въ свою очередь, не всегда соблюдала мѣру и была внимательна, хотя это и требовалось отъ нея мирнымъ положеніемъ; но такіе пустяки, которые относятся скорѣе къ вѣдѣнію полиціи, чѣмъ политики, не могутъ имѣть вліянія на громадные интересы, связывающіе насъ.

Императоръ.—Я отправилъ инструкціи Толстому, какъ вы могли это видѣть изъ моего разговора съ генераломъ Савари. Императоръ, вѣроятно, пришлетъ вамъ инструкціи, составленныя на основаніи депешъ, отправленныхъ съ Фодоа. Мы часто будемъ бесѣдовать и поймемъ другъ друга. Намъ слѣдуетъ обдумать, что дѣлать весной, если англичане будутъ угрожать нашимъ берегамъ.

Моя армія уже укомплектована и можетъ дѣйствовать либо противъ англичанъ, либо противъ шведовъ.

Посланникъ.—Императоръ навѣрное всѣми своими силами поможетъ Вашему Величеству, и въ нужную минуту французская и датская арміи будутъ въ готовности вступить въ Сканію*), если это потребуется для поддержки операцій Вашего Величества.

Императоръ.—До свиданія. Очень радъ, что побесѣдовалъ съ вами (и, пожавъ мнѣ руку, сказалъ): объясняясь подобнымъ образомъ, всегда можно сговориться» [1]).

Въ результатѣ, что доказывалъ этотъ разговоръ, законченный словами довѣрія и надежды, и какой выводъ могъ сдѣлать изъ него Коленкуръ? Императору, видимо, очень понравились его благоразумная рѣчь и умѣнье съ достоинствомъ держать себя; можно было думать, что они ослабили тягостное впечатлѣніе, произведенное Толстымъ на умъ государя. Но измѣнили ли они его взглядъ на самое существо дѣла? Въ этомъ позволительно было сомнѣваться. Александръ смягчился, но вовсе не былъ убѣжденъ. Чтобы вывѣдать его мнѣніе по всѣмъ пунктамъ, Коленкуръ осторожно коснулся въ предписанномъ ему порядкѣ тѣхъ трехъ способовъ рѣшенія восточныхъ затрудненій, между которыми надлежало сдѣлать выборъ. Онъ заговорилъ о такомъ мирѣ съ Турціей, при которомъ все осталось бы по-прежнему,—объ этомъ не хотѣли и слышать. Дважды онъ вскользь намекнулъ на предоставленіе княжествъ за Силезію; тогда онъ наткнулся на любезное, но упорное сопротивленіе. Оказалось, что изъ всѣхъ возможныхъ рѣшеній только-что придуманное Наполеономъ больше всего противорѣчило чувствамъ царя. Наконецъ, истощивъ всѣ доводы, и ничего не добившись, посланникъ допустилъ возможность принятія нѣкоторыхъ соглашеній при личномъ свиданіи императоровъ, а это значило согласиться на раздѣлъ,—и по манерѣ, съ которой Александръ наводилъ на это неопредѣленное обязательство, съ которой заставлялъ дать его, легко можно было угадать, что онъ ничего не уступитъ изъ своихъ требованій: онъ хотѣлъ расчленить Турцію или, по крайней мѣрѣ, отнять у нея часть ея владѣній и не хотѣлъ жертвовать Пруссіей; вотъ что вытекало изъ его словъ и замалчиваній. Коленкуръ поспѣшилъ сообщить въ

*) Южная провинція Швеціи (Прим. перев.).

[1]) Донесеніе отъ 23 декабря 1807 г. По странной случайности, это донесеніе находится въ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Россія. 144

Парижъ о рѣшеніи, которое, по его мнѣнію, онъ обнаружилъ въ умѣ царя и которое, послѣ разговора съ Румянцевымъ, онъ уже предчувствовалъ [1]). Тѣмъ не менѣе онъ отложилъ свое окончательное сужденіе, просилъ дать ему немного времени, чтобы осмотрѣться, лучше разгадать Александра и затѣмъ уже, согласно полученному впечатлѣнію, высказать свое мнѣніе.

Другія обязанности на-время отвлекли его отъ этого дѣла. Онъ долженъ былъ не только вести переговоры, но и представительствовать. Упрочивъ за собой довѣріе государя, онъ долженъ былъ побѣдить общество. Прежде всего онъ хотѣлъ произвести впечатлѣніе на умы и заставить уважать себя, а затѣмъ уже позаботиться о томъ, чтобы сдѣлаться пріятнымъ; поэтому онъ былъ крайне неуступчивъ по вопросамъ о своихъ прерогативахъ. На первомъ же пріемѣ дипломатическаго корпуса онъ смѣло пошелъ впереди австрійскаго посланника, которому въ теченіе цѣлаго вѣка принадлежало старшинство; его смѣлость была одобрена свыше: «Эти французы, улыбаясь, сказалъ Александръ, всегда проворнѣе австрійцевъ» [2]). Вечеромъ, въ тотъ же день, на большомъ балу у императрицы-матери уже сами пошли навстрѣчу желаніямъ нашего посла: ему во всемъ предоставлялось первенство. Онъ явился на этотъ балъ въ полномъ блескѣ своего званія, окруженный настоящимъ дворомъ изъ гражданскихъ и военныхъ чиновъ. Первые его выѣзды въ свѣтъ произвели сенсацію. Его изящная осанка, гордое и вмѣстѣ съ тѣмъ утонченно-вѣжливое обращеніе были оцѣнены по достоинству,—ему были благодарны за его старанія подражать тону и манерамъ стараго французскаго общества. Не отказываясь отъ нѣкоторой сдержанности, большинство знати не объявило ему заранѣе войны и не уклонилось отъ знакомства съ нимъ, какъ это было съ Савари. Даже женская оппозиція перестала быть непримиримой, и посланнику казалось, что умилостивить ее будетъ дѣломъ вниманія и предупредительности: «Я танцовалъ съ самыми непримиримыми, писалъ онъ, а остальное сдѣлаетъ время» [3]).

«Въ свѣтѣ мое положеніе вполнѣ прилично», добавлялъ онъ немного позднѣе; при дворѣ онъ считалъ его «превосходнымъ» [4]).

[1]) Письмо къ Шампаньи отъ 23 декабря 1807 г.
[2]) Донесеніе Коленкура отъ 26 февраля 1808 г.
[3]) Донесеніе отъ 26 декабря 1807 г.
[4]) Письмо къ Шампаньи, отъ 25 февраля 1808 г.

И въ самомъ дѣлѣ, всякое офиціальное торжество служило поводомъ для оказанія ему все бо̀льшихъ почестей и для того, чтобы доставлять ему нравственное удовлетвореніе. 1 января—день большого бала въ Зимнемъ дворцѣ, на который было приглашено четырнадцать тысячъ человѣкъ, и на который дамы явились въ живописныхъ національныхъ костюмахъ, осыпанныхъ жемчугомъ и брилліантами—ужинъ былъ сервированъ въ залѣ Эрмитажа, превращенной ради этого въ феерическій дворецъ; Коленкуръ занимаетъ мѣсто за столомъ высочайшихъ особъ, подъ хрустальнымъ сводомъ, блещущимъ тысячами огней. Нѣсколько дней спустя состоялся интимный балъ у императора; вопреки обычнымъ правиламъ церемоніала, французское посольство получило на него приглашеніе. За ужиномъ столъ былъ сервированъ однимъ изъ севрскихъ сервизовъ, присланныхъ Наполеономъ: «Императоръ, обѣ императрицы и принцесса Амелія, писалъ Коленкуръ, пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы похвалить какъ его рисунокъ, такъ и вкусъ, съ которымъ онъ выбранъ, и неоднократно говорили посланнику объ удовольствіи, которое они испытываютъ, пользуясь вещами, присланными императоромъ» [1]).

На другой день послѣ этихъ баловъ царь и генералъ встрѣчались на парадѣ, передъ фронтомъ войскъ. Коленкуръ чувствовалъ себя польщеннымъ въ своей національной гордости, видя, что побѣжденный, какъ это неизмѣнно бываетъ послѣ несчастной войны, до мелочей подражалъ маршировкѣ и выправкѣ побѣдителя: «Все на французскій образецъ, писалъ онъ: шитье у генераловъ, эполеты у офицеровъ, портупея вмѣсто пояса у солдатъ; музыка на французскій ладъ, марши французскіе, ученье тоже французское» [2]). Во время смотровъ Александръ постоянно обращался къ нашему послу и часто приглашалъ его обѣдать. Эта честь оказывалась Коленкуру по нѣскольку разъ въ недѣлю, а послѣ обѣда государь приглашалъ его въ свой кабинетъ, и разговоръ продолжался безъ докучныхъ свидѣтелей.

Тогда Александръ становился сообщительнымъ и обаятельнымъ; роли мѣнялись, и теперь уже монархъ, видимо, желалъ пріобрѣсти расположеніе посланника. Онъ ничѣмъ не пренебрегалъ, чтобы понравиться ему. Зная, что Коленкуръ чуть не молился на На-

[1]) Id, 10 января 1808 г.

[2]) Feuille de nouvelles, janvier 1808.

полеона, онъ высказывалъ безграничный восторгъ передъ великимъ человѣкомъ, не забывая, однако, любезныхъ комплиментовъ по адресу посланника: «Кстати, генералъ, внезапно сказалъ онъ ему, вы имѣли большой успѣхъ въ высшемъ обществѣ, вы одержали побѣду надъ самыми непримиримыми... Благодаря вашему обращенію, у насъ всѣ сдѣлаются французами» [1]). Коленкуръ былъ обрадованъ такой похвалой, воздаваемой его свѣтскимъ талантамъ. Затѣмъ шли откровенныя изліянія души, которыя, исходя изъ высочайшихъ устъ, такъ пріятно щекочутъ самолюбіе простого смертнаго, ибо сокращаютъ разстояніе и на-время уничтожаютъ разницу между нимъ и его высокимъ собесѣдникомъ, допуская видѣть въ государѣ только человѣка. Всякій разъ, когда дѣло не касалось интересовъ его государства, Александръ любилъ повѣрять свои тайны, и, такъ какъ онъ былъ сердечно расположенъ къ Коленкуру, тактъ, скромность и прямоту котораго цѣнилъ, онъ посвящалъ его въ свои задушевныя радости и треволненія; онъ, не задумываясь, повѣдалъ ему свою сердечную тайну. Какъ сильно увлекающійся человѣкъ, онъ не могъ не поддаться искушенію говорить о своихъ любовныхъ связяхъ и объ особѣ, которая создала для него семейный очагъ, «о влеченіи, которое постоянно приводило его къ Н..., хотя бы онъ мимоходомъ и увлекался нѣкоторыми другими; о ревности, которая ни къ чему не ведетъ и ни отъ чего не ограждаетъ; объ удовольствіи любоваться, какъ растутъ маленькія дѣтки, которыхъ любишь. «Есть въ жизни минуты, говорилъ онъ, когда чувствуешь потребность не быть государемъ; особенно пріятно быть увѣреннымъ, что васъ любятъ ради васъ самихъ, что расточаемыя вамъ вниманіе и ласки—не жертва, которая приносится изъ честолюбія или корыстолюбія» [2]).

Затѣмъ, возвращаясь къ Наполеону и не мѣняя темы разговора, онъ сказалъ: «Мнѣ жаль его, если у него нѣтъ предмета любви; это пріятный отдыхъ послѣ большихъ трудовъ. Онъ необходимъ ему, невзирая на то, что онъ слишкомъ уменъ, чтобы увлекаться чувствомъ» [3]). Онъ выразилъ желаніе познакомиться съ частной жизнью императора; съ любопытствомъ друга постоянно разспра-

---

[1]) Донесеніе, приложенное къ письму Коленкура отъ 31 декабря 1807 г.
[2]) Донесеніе, приложенное къ письму Коленкура отъ 26 января 1808 г.
[3]) Письмо Коленкура къ императору, 4 апрѣля 1808 г.

шивалъ о немъ и, такимъ образомъ, давалъ доказательства, что интересуется не только славой, но и личнымъ счастьемъ своего союзника. Наконецъ, желая польстить въ Коленкурѣ самому щекотливому изъ всѣхъ чувствъ, чувству сердечнаго тщеславія, и, зная, что Коленкуръ оставилъ во Франціи особу, къ которой питалъ нѣжныя чувства и настойчиво стремился къ женитьбѣ *), къ чему существовали препятствія, онъ, повидимому, одобрялъ его выборъ и желалъ ему успѣха: «И у васъ, генералъ, добавилъ онъ, будетъ предметъ. Можетъ быть, *она* прiѣдетъ?» [1]).

Чувствительное и нѣжное сердце Коленкура было беззащитно противъ такого способа обращенія. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые не въ состояніи противостоять знакамъ искренняго участія, и любятъ за то, что ихъ любятъ. Анекдотъ, распространившійся нѣкогда на его счетъ въ парижскомъ обществѣ, мѣтко обрисовываетъ его въ этомъ отношеніи. Разсказывали, что Коленкуръ, сильно ухаживавшій за женщинами и мастеръ этого дѣла, не обратилъ вниманія только на одну особу, хотя не менѣе другихъ достойную любви. Она затаила въ себѣ чувство горькой обиды и не щадила въ своихъ разговорахъ блестящаго офицера, все преступленіе котораго состояло въ томъ, что онъ былъ къ ней равнодушенъ. Узнавъ о ея враждѣ, Коленкуръ придумалъ способъ отомстить ей, самый благородный и самый остроумный. Съ этихъ поръ не было той предупредительности, того вниманія и тѣхъ знаковъ нѣжныхъ чувствъ, которыхъ бы онъ не оказывалъ той, которая объявила себя его врагомъ. Онъ такъ искусно велъ дѣло, что эта особа не только отказалась отъ своихъ предубѣжденій, но воспылала къ нему страстной любовью и не скрывала этого отъ него. Его торжество было полнымъ; даже черезчуръ. Въ самомъ дѣлѣ, польщенный и тронутый перемѣной, происшедшей въ сердцѣ, которое теперь беззавѣтно ему отдавалось, онъ не могъ устоять и не раздѣлить чувства, которое самъ внушилъ и не на шутку полюбилъ свою побѣду. Если исключить вражду, съ которой началось это похожденіе, оно представляетъ нѣкоторое сходство въ отношеніяхъ, установившихся между Коленкуромъ и императоромъ Александромъ. Получивъ приказаніе понравиться русскому

---

*) Коленкуру въ это время было 34—35 лѣтъ. (Прим. перев.).

[1]) Письмо Коленкура къ императору, 4 апрѣля 1808 г.

государю и стараясь добросовѣстно его выполнить, генералъ вполнѣ достигъ этого, но въ то же время, его поразили благородныя, великодушныя, даже поэтическія стороны характера царя, благодаря которымъ тотъ возвысился въ его глазахъ, и онъ восторженно и прочно привязался къ нему. Однако, было бы крупной ошибкой думать, что его привязанность къ человѣку имѣла вліяніе на его сужденіе о главѣ Россіи. Въ этомъ отношеніи его неусыпное усердіе и здравый, утонченный умъ предохраняли его отъ всякаго заблужденія и давали ему возможность всегда съ удивительной проницательностью оцѣнивать русскую политику; онъ считалъ вопросомъ чести при всякомъ обстоятельствѣ, угрожающемъ дѣлу Наполеона, своевременно усматривать опасность и указывать на нее. Наоборотъ, близкія отношенія, въ которыхъ онъ былъ съ Александромъ, служили ему для непосредственнаго изученія и лучшаго пониманія царя и давали возможность съ успѣхомъ влiять на его умъ, нерѣдко разсѣивать его сомнѣнія и надолго сохранить его довѣріе. Даже его склонность приписывать царю возвышенныя чувства въ бо̀льшей мѣрѣ, чѣмъ это было въ дѣйствительности, и, не довольствуясь оцѣнкой его благородныхъ качествъ, увлекаться имъ иногда до признанія за добродѣтель его милостивое обращеніе, были ему не безполезны для того, чтобы лучше понимать и заранѣе предвидѣть ходъ мыслей государя, который любилъ выставлять на видъ, что во всѣхъ своихъ поступкахъ онъ руководствуется законами чести и благородными чувствами.

Такъ въ частной жизни, особенно въ дѣлѣ привязанности, Александръ казался ему рыцаремъ—слово, которое онъ любилъ повторять. Въ немъ укрѣпился взглядъ, въ сущности очень вѣрный, что русскій императоръ никогда не пожертвуетъ несчастнымъ союзникомъ, и что Пруссія останется для него «святая святыхъ» [1]. Естественно напрашивалась такая мысль: если царь болѣе всего дорожитъ тѣмъ, чтобы обезпечить Пруссіи возвратъ ея владѣній, то для достиженія этой цѣли онъ располагаетъ чрезвычайно простымъ средствомъ: ему стоитъ только отказаться отъ турецкихъ провинцій, и Наполеонъ, связанный формальными обѣщаніями, будетъ лишенъ возможности оставить за собой Силезію. Но Коленкуръ полагалъ, что для отступленія на Востокѣ царь

[1]) Коленкуръ къ императору, 31 декабря 1807 г.

не обладалъ уже полной свободой дѣйствій, и что нѣчто, въ родѣ состоявшагося договора съ подданными, налагало на него долгъ отстаивать свои требованія.

Изъ разговоровъ, слышанныхъ имъ въ петербургскихъ салонахъ, и изъ оказаннаго ему въ нихъ пріема, посланникъ могъ вывести слѣдующія заключенія: Русское общество, сопротивленіе котораго противъ политики Александра до сихъ поръ выражалось открыто, измѣнило тактику. Теперь оно подобралось, молчало, приняло выжидательное положеніе, и, прежде чѣмъ высказать окончательное сужденіе о союзѣ съ Франціей, ожидало его плодовъ. Царь лично завелъ рѣчь о такомъ перемиріи. Предпочитая лучше жить въ мирѣ, чѣмъ бороться съ представителями оппозиціи, онъ не скрылъ отъ нихъ, какія надежды заронилъ въ немъ Наполеонъ. За ихъ покорность онъ обѣщалъ имъ обширныя завоеванія на Востокѣ; а такъ какъ такая перспектива имѣла даръ ослѣпительно дѣйствовать на всѣ умы, то общественное мнѣніе, принявъ къ свѣдѣнію царскія слова, ждало, чтобы теченіе событій оправдало или опровергло ихъ. Если выгоды, о которыхъ говорилъ царь, осуществятся, если границы Россіи безъ кровопролитія расширятся до Дуная или даже перейдутъ за него—тогда враждебное отношеніе прекратится, и настанетъ окончательный миръ. Наоборотъ, если ожидаемый результатъ заставитъ себя ждать, если Франція дастъ поводъ усумниться въ ея искренности, за которую ручался Александръ, тогда Александръ тотчасъ же увидитъ, что противъ его политики и даже лично противъ него съ удвоенной силой возобновятся нападки, тѣмъ болѣе нестерпимыя, что онъ будетъ сознавать ихъ справедливость. Онъ вынесетъ изъ этого опыта убѣжденіе, что попалъ въ западню, и, быть можетъ, его власть и даже жизнь подвергнутся опасности; во всякомъ случаѣ пострадаетъ его царственный престижъ, самъ онъ будетъ униженъ и скомпрометированъ въ глазахъ его подданныхъ, и въ силу его законной обидчивости, онъ никогда не проститъ императору французовъ такого страшнаго оскорбленія. Такимъ образомъ, Коленкуръ находилъ, что вопросъ, сойдя съ политической почвы и перейдя на почву гораздо болѣе щекотливую, на почву личнаго самолюбія и вопросовъ чести, принималъ угрожающую остроту. По его мнѣнію, наступило время, когда императору слѣдуетъ окончательно привязать къ себѣ Александра, подъ опасеніемъ потерять его навсегда. Тогда,

въ силу своей безпредѣльной преданности, рискуя попасть въ немилость, онъ заговорилъ откровенно и хотѣлъ сообщить своему повелителю всю правду въ томъ видѣ, какъ она являлась передъ нимъ. Онъ сдѣлалъ это въ трогательныхъ, смѣлыхъ и сильныхъ выраженіяхъ:

«Государь, писалъ онъ императору 31 декабря, союзъ Россіи съ Вашимъ Величествомъ и, въ особенности, война съ Англіей перевернули въ ней вверхъ дномъ всѣ понятія; это, въ нѣкоторомъ родѣ, перемѣна вѣры». Затѣмъ посланникъ объясняетъ, что Александръ считаетъ дѣломъ своей чести доставить русскимъ пріобрѣтенія на Востокѣ за тѣ жертвы, которыя налагаетъ на нихъ война съ Англіей: «Вотъ его положеніе, добавляетъ онъ, или, говоря точнѣе, его затруднительное положеніе, ибо его рыцарская честь закрываетъ ему тотъ выходъ, который Ваше Величество предлагаетъ ему въ Пруссіи... Конечно, если чувства и мысли императора не измѣнятся, онъ восторжествуетъ надъ всѣми препятствіями; но если онъ сочтетъ себя обманутымъ, если его министръ, мечтающій связать свое имя съ славными завоеваніями, сочтетъ себя одураченнымъ за то, что довѣрчиво отнесся къ тому, что торжественно возвѣстилъ ему его императоръ, невозможно опредѣлить тѣ послѣдствія, къ какимъ его приведутъ его размышленія» [1]).

Нѣкоторое время спустя, лучше уяснивъ себѣ дѣло, Коленкуръ призналъ, что побужденія, которыми руководствовался Александръ, какъ при своемъ отказѣ, такъ и въ своихъ требованіяхъ, не были исключительно сентиментальнаго свойства. Царь упорно отказывалъ намъ въ Силезіи не столько изъ состраданія или симпатіи къ Прусскому дому, сколько въ силу неустанной заботы объ интересахъ Россіи. Александръ и Румянцевъ сразу же поняли, что Наполеонъ предназначалъ Силезію для усиленія герцогства Варшавскаго. Подпавъ, несмотря ни на что, подъ вліяніе зловѣщихъ предсказаній Толстого и при томъ вѣря всякому слуху, отвѣчавшему ихъ тайнымъ опасеніямъ, они боялись, чтобы присоединеніе Силезіи къ герцогству Варшавскому не положило начала полному возрожденію Польши. Приписываемая ими Наполеону мысль о возстановленіи Польши показалась имъ теперь не какъ случайное, преходящее желаніе, а какъ твердо принятое намѣреніе,

[1]) Письмо отъ 31 декабря 1807 г.

близкое къ осуществленію. Ихъ подозрѣнія приняли опредѣленную форму, смутныя опасенія превратились въ смертельную тревогу, и въ результатѣ, благодаря созданію герцогства Варшавскаго расцвѣлъ внѣдрившійся между двумя государствами и, благодаря обстоятельствамъ, быстро созрѣвшій зародышъ раздора. Хотя русскій императоръ и его министръ постоянно говорили о Пруссіи, но думали они, главнымъ образомъ, о Польшѣ; секретъ ихъ упорнаго сопротивленія проекту относительно Силезіи слѣдуетъ искать въ ихъ опасеніяхъ, чтобы Польша не возродилась изъ пепла; этой затаенной мысли предназначено было отнынѣ оказывать на ихъ сношенія съ Наполеономъ преобладающее и роковое вліяніе. «Требованіе Берлина, быть можетъ, встревожило бы менѣе» [1]), писалъ Коленкуръ; эти слова точно опредѣляли положеніе. По вопросу же о Турціи между правительствомъ и общественнымъ мнѣніемъ существовала полная общность во взглядахъ и надеждахъ, такъ какъ императоръ Александръ очень чутко относился къ желаніямъ своего народа, находилъ ихъ справедливыми и вполнѣ присоединялся къ нимъ.

Итакъ, царь повиновался побужденіямъ менѣе безкорыстнымъ, чѣмъ предполагалъ Коленкуръ сначала; но, тѣмъ не менѣе, посланникъ съ самаго начала пришелъ къ неоспоримо-вѣрнымъ выводамъ. Да, тильзитскій союзъ переживалъ критическое и роковое время. Вопросы восточный и польскій, которые уже цѣлое столѣтіе мѣшали всякому прочному сближенію между Франціей и Россіей, выступили теперь снова на сцену и были поставлены въ тѣсную зависимость; Наполеонъ же, пытаясь разрѣшить первый съ помощью второго, только усложнилъ его. Если тотъ или другой вопросъ будетъ оставаться нерѣшеннымъ, затягивая настоящее неопредѣленное положеніе, союзъ не развалится немедленно, но то, что составляетъ его сущность и силу, то есть, вѣра Александра въ блага этого союза, безвозвратно исчезнетъ, и останется только одна изсохшая скорлупа, которая разсыплется при первомъ же толчкѣ. Все могло бы быть еще исправлено, но только при условіи, чтобы Наполеонъ разсѣялъ недовѣріе Россіи и заодно удовлетворилъ ея честолюбивыя стремленія; необходимо было успокоить ее по вопросу о Польшѣ и, какъ можно скорѣе, дать ей удовлетвореніе за счетъ Турціи.

[1]) Письмо къ императору отъ 17 февраля 1808 г.

ГЛАВА VI.

ЭВОЛЮЦІЯ КЪ ВОСТОКУ.

Наполеонъ узнаетъ, что Александръ не соглашается предоставить ему Силезію, и что онъ настойчиво требуетъ княжества.—Путешествіе въ Италію; посѣщеніе Венеціи.—Миражъ Востока.—Наполеонъ серьезно думаетъ о раздѣлѣ Турціи и хочетъ воспользоваться имъ, какъ средствомъ добраться до своей соперницы.—Пророческое предвидѣніе будущаго.—Англія уязвима въ Азіи.—Упорная мечта объ экспедиціи въ Индію.—Три пути, ведущіе въ Индію: 1) путь черезъ Суецъ: 2) мимо мыса Доброй Надежды; 3) черезъ центральную Азію; Наполеонъ пытался использовать одинъ за другимъ всѣ три пути.—Проекты Павла I-го.—Сношенія съ Персіей.—Посланникъ Фетъ-Али во дворцѣ Финкенштейнъ.—Договоръ, обезпечивающій намъ свободный проходъ черезъ Персію.—Топографическая миссія.—Наполеонъ думаетъ поставить раздѣлъ Турціи въ связь съ экспедиціей въ Индію.—Истинный характеръ его проектовъ относительно Азіи.—Разговоръ съ Талейраномъ.—Планъ всемірной войны.—Усилія поднять и использовать противъ Англіи всѣ государства южной Европы: соотношеніе между проектами относительно Испаніи и проектами, предметомъ которыхъ служитъ Турція.—Колебанія императора.—Его постоянно преслѣдуетъ мысль о Египтѣ.—Наполеонъ хочетъ выиграть время.—Новый курьеръ Коленкура; настойчивость Россіи усиливается.—Австрія приглашается на всякій случай къ раздѣлу.—Разговоръ съ Меттернихомъ.—Важная депеша Коленкуру отъ 29 января 1808 г.; она свидѣтельствуетъ о нерѣшительности императора.—Возвращеніе Савари.—Вопросы, предложенные Коленкуру.—Необходимость въ теченіе нѣкотораго времени поддерживать союзъ съ Россіей.—Англія заявляетъ о своей непримиримости; тронная рѣчь; пренія въ парламентѣ.—Гнѣвъ Наполеона; онъ клянется уничтожить Англію и сдѣлать Александра соучастникомъ своихъ колоссальныхъ плановъ.

Въ декабрѣ 1807 г., еще до вступленія Коленкура въ должность, Наполеонъ узналъ впервые изъ донесеній Савари, что императоръ Александръ отказывается предоставить ему Силезію. Кромѣ того, онъ получилъ ноту отъ 18 ноября и изъ нея увидѣлъ, что царь настаиваетъ на своихъ притязаніяхъ относительно княжествъ. Если бы, послѣ Савари, и Коленкуру не удалось убѣдить согласиться на предлагаемый обмѣнъ, единственнымъ сред-

16

ствомъ для удовлетворенія Россіи и соотвѣтственнаго вознагражденія Франціи оставался раздѣлъ между ними Турціи. Но рѣшился ли бы Наполеонъ на такую крайнюю мѣру, хотя онъ и намекалъ на нее въ письменныхъ инструкціяхъ и въ разговорахъ, правда, съ оговорками и не скрывая, что это вовсе не отвѣчаетъ его желаніямъ?

Депеши Савари нагнали его въ Венеціи. Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль онъ осматривалъ свое Транзальпинское королевство. Онъ былъ въ восторгѣ, видя снова мѣста своихъ первыхъ подвиговъ, и горѣлъ желаніемъ осмотрѣть попутно тѣ венеціанскія государства, которыя далъ ему Аустерлицъ, и привести въ блестящее положеніе свои новыя владѣнія. Онъ только заѣхалъ въ Миланъ и быстро прокатилъ черезъ Ломбардію, сѣя повсюду на пути полезныя учрежденія и зачатки цивилизаціи. Венеція задержала его на болѣе продолжительное время. Онъ занялся возрожденіемъ этого мертваго города, и, по разсказамъ, въ четыре дня сдѣлалъ больше, чѣмъ австрійское правительство въ четыре года. Въ Венеціи онъ снова очутился у порога Востока. Здѣсь-то въ 1797 г. взорамъ его открылись страны, которыя имѣли на него притягательную силу; здѣсь въ немъ зародилась мысль, что ему предназначено быть участникомъ въ рѣшеніи ихъ судебъ [1]). Теперь, десять лѣтъ спустя, не явилось ли передъ нимъ то же, открывающее ему широкіе горизонты, видѣніе? Прибывъ снова на Адріатическое море, оба берега котораго теперь принадлежали ему и, вмѣстѣ съ Корфу, охраняли въ него входъ; любуясь этимъ моремъ или, вѣрнѣе, глубокимъ заливомъ, изъ котораго открывался видъ на греческія моря и изъ котораго онъ хотѣлъ сдѣлать французскій рейдъ, не испыталъ ли онъ, подъ вліяніемъ этого зрѣлища, болѣе сильное желаніе использовать эту чудную операціонную базу? Не поддался ли онъ снова горячему призыву Востока, и не способствовало ли его влеченіе къ нему такъ же, какъ и русскія требованія, уменьшенію его предубѣжденій противъ великаго предпріятія? Мы охотно вѣримъ этому, такъ какъ видъ мѣстностей захватывающе дѣйствовалъ на его воображеніе и иногда имѣлъ рѣшающее вліяніе на его планы.

---

[1]) См. сочиненіе графа Boulay de la Meurthe, le Directoire e l'expédition d'Égypte, p. 17 et 18.

Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что его мысли снова устремляются къ Востоку. Изъ Венеціи онъ пишетъ Савари: «Моя главная цѣль и основное желаніе моей души—измѣнить мою политику такъ, чтобы согласовать мои интересы съ интересами императора Александра» [1]); въ этихъ словахъ, какъ будто, слышится обѣщаніе покинуть Турцію. Изъ Удино онъ приказываетъ Мармону: «Присылайте мнѣ, какія только можете достать, свѣдѣнія о значеніи различныхъ провинцій Европейской Турціи, а также и о положеніи дѣлъ на Востокѣ; но, собирая свѣдѣнія, не компрометируйте себя» [2]). Поднявъ въ Тильзитѣ вопросъ о раздѣлѣ, отсрочивъ и сдѣлавъ по поводу его оговорки въ ноябрѣ, теперь онъ снова возвращается къ нему. Пока еще не рѣшая его, онъ приступаетъ къ его изученію и обдумываетъ его выполненіе.

Вѣрный самому себѣ, онъ вовсе не имѣлъ въ виду идти противъ неизбѣжнаго; онъ хотѣлъ только взять это дѣло въ свои руки и приноровить его къ своимъ видамъ. Этимъ путемъ онъ сохранялъ возможность руководить событіями; вмѣсто того, чтобы подчиняться имъ, онъ хотѣлъ повелѣвать ими. Переворотъ на Востокѣ, ограниченный раздѣломъ только собственно турецкихъ провинцій, былъ чреватъ опасностями, такъ какъ могъ привлечь англичанъ въ Египетъ. Но не могъ ли тотъ же раздѣлъ, вмѣсто того, чтобы принести пользу нашимъ соперникамъ, сдѣлаться орудіемъ для ихъ разгрома и полнаго уничтоженія, если, не останавливаясь передъ самыми рискованными послѣдствіями, довести до конца это гигантски-громадное дѣло?

Оттоманскія владѣнія, въ частности полуострова Фракія и Малая Азія, которые сближаются почти до соприкосновенія, имѣютъ не одну только внутреннюю цѣнность. Ихъ географическое положеніе во много разъ усиливаетъ ихъ значеніе, такъ какъ они представляютъ пунктъ соединенія Европы съ Азіей, образуютъ между этими материками какъ бы мостъ. Для Наполеона же они имѣли исключительную важность, ибо въ эту же самую Азію, но только въ болѣе отдаленную ея часть, забралась Англія и пріобрѣла тамъ свои самыя драгоцѣнныя владѣнія; тамъ это морское государство вступило на сушу и сдѣлалось континенталь-

[1]) Corresp., 13384.
[2]) Corresp., 13386.

нымъ. Вѣдь только тутъ и могъ властитель суши добраться до нея и нанести ударъ непосредственно ей самой. Въ Индіи необъятность владѣній, завоеванныхъ Великобританіей, вредитъ прочности ея могущества; нѣсколько тысячъ европейцевъ господствуютъ надъ милліонами туземцевъ, надъ слабовольнымъ населеніемъ, покорнымъ съ виду, но способнымъ легко приходить въ броженіе и волнуемымъ неуловимыми теченіями и глухимъ недовольствомъ. На этомъ то неустойчивомъ фундаментѣ возвышается ослѣпительное, но хрупкое зданіе англійскаго могущества; достаточно прикоснуться къ нему, чтобы оно разсыпалось въ прахъ. Поэтому, во всѣ времена, Англія сознавала необходимость издалека защищать свои индійскія владѣнія, никого не допускать до путей къ нимъ и держать въ своихъ рукахъ всѣ подступы. Мусульманскія государства, расположенныя послѣдовательно отъ долины Инда до Средиземнаго моря, какъ-то афганскія государства, Персія, даже Турція, всегда разсматривались ею, какъ необходимые оплоты ея восточной имперіи, и въ наши дни она объявила, что защита Индіи начинается у стѣнъ Константинополя. Убѣжденный въ неоспоримой вѣрности ея взгляда, Наполеонъ думалъ создать изъ турецкаго Востока исходную точку для похода въ глубь Азіи. Онъ думалъ, что если Франція и Россія соединятъ всѣ свои силы, если Турція будетъ уничтожена или послушна, какъ раба, а Персія использована, если соединенныя арміи, выйдя изъ Малой Азіи, займутъ позиціи на возвышенныхъ плоскогорьяхъ, которыя идутъ вдоль бассейна Евфрата и господствуютъ надъ нимъ, то на пути между союзными арміями и англійскими владѣніями не будетъ никакого непреодолимаго препятствія. Только море, усѣянное англійскими кораблями, можетъ ограничить ихъ свободу дѣйствій; отъ Евфрата до Инда имъ придется устранить съ своего пути только варварскія племена, преодолѣть разстояніе, побѣдить природу, пройти по сушѣ, и, быть можетъ, Франціи легче будетъ дойти до Инда, чѣмъ переплыть Па-де-Калè.

За время борьбы съ вѣчнымъ врагомъ у императора всегда было въ запасѣ два плана, изъ которыхъ онъ выдвигалъ на первое мѣсто то тотъ, то другой. То онъ предается мысли о высадкѣ, хочетъ напасть на Англію на ея островѣ и сразиться съ нею грудь съ грудью; то предпочитаетъ напасть на тѣ пункты, по которымъ она разбросала свои морскія и торговыя станціи. Тогда онъ мечтаетъ развить военныя операціи противъ

этого распространившагося повсюду государства во всѣхъ пунктахъ его владычества, но особенно въ тѣхъ странахъ Азіи, гдѣ оно обладаетъ неисчерпаемымъ источникомъ богатствъ, въ той колоніи, которая сдѣлалась имперіей. Въ продолженіе десяти лѣтъ въ его мысляхъ о будущемъ живетъ планъ нападенія на Индію, принимая въ зависимости отъ создающагося положенія тотъ или иной характеръ.

Въ 1797 г., въ то время, когда Директорія подготовляла высадку въ Ирландію, Бонапартъ организуетъ египетскій экспедиціонный отрядъ, составляющій «правое крыло дѣйствующей противъ Англіи арміи» и имѣющій назначеніемъ открыть намъ черезъ Суецъ путь къ прекраснѣйшей колоніи нашихъ враговъ [1]). Но завоеванный Бонапартомъ Египетъ былъ отнятъ у его замѣстителей, и, чтобы найти доступъ къ Индіи, Первый Консулъ долженъ былъ искать другихъ путей. Былъ моментъ, когда Россія предлагала открыть ему путь въ Индію. Павелъ I-й увлекся Наполеономъ и хотѣлъ помочь ему съ такимъ же страстнымъ порывомъ, съ какимъ недавно сражался противъ насъ. Онъ лелѣялъ мысль о франко-русской экспедиціи черезъ Азію [2]), и его мечта окончилась только съ его жизнью. Павелъ внезапно сошелъ со сцены; Россія замкнулась и снова воздвигла между нами и Азіей свою непроницаемую громаду. Однако, Наполеонъ все-таки не отказывается отъ своихъ наступательныхъ плановъ или, по крайней мѣрѣ, отъ диверсіи въ Индію. Въ 1805 г., въ то время, когда онъ подготовляетъ нападеніе на Англію и сосредоточиваетъ французскія силы между Булонью и Дюнкирхеномъ, онъ замышляетъ усилить мысъ Доброй Надежды тремя эскадрами и направить ихъ къ берегамъ большого азіатскаго полуострова [3]).

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя Трафальгаръ снова закрываетъ передъ нимъ доступъ къ океану, но вотъ какъ будто опять открывается путь въ Индію—по сушѣ. Турція возвращается къ союзу съ нами, а далѣе къ востоку, за имперіей турецкаго султана, наши отважные агенты проникаютъ въ Персію. Имъ предшествуетъ молва о нашихъ побѣдахъ. На персидскомъ тронѣ они находятъ монарха, поклонника Наполеона, отъ всей души желающаго поступить въ его школу. Шахъ Фетъ-Али объявляетъ

[1]) Boulay de la Meurthe, le Directoire et l'expédition d'Egypte, p. 15.
[2]) См. Rambaud, Histoire de Russie, 524-25.
[3]) Corresp., 8279.

себя другомъ великаго западнаго императора, посылаетъ ему подарки, проситъ офицеровъ для обученія войскъ, ружей для вооруженія, умоляетъ о нашей помощи противъ Россіи и предлагаетъ свою противъ Англіи. Наполеонъ тотчасъ-же соображаетъ, что Персія, единственное полупросвѣщенное государство Иранскаго плоскогорья, можетъ, благодаря своимъ средствамъ, дорогамъ, нѣкоторому подобію организаціи, облегчить намъ путь въ Индію и довести насъ до англійскихъ колоній. Это неожиданное содѣйствіе даетъ толчокъ его смѣлой мысли. Въ немъ пробуждается идея проникнуть въ Индію черезъ Азію и принимаетъ опредѣленную форму.

Съ Персіей устанавливаются сношенія; посланникъ Фетъ-Али отправляется въ Европу. Зимой 1807 г. онъ застаетъ Наполеона въ Польшѣ въ самый разгаръ борьбы съ Россіей. Императоръ принимаетъ его въ своей квартирѣ въ Финкенштейнѣ, въ промежутокъ времени между двумя сраженіями, среди войскъ, расположившихся биваками на мерзлой землѣ. Эта воинственная картина вызываетъ передъ глазами восточнаго человѣка образъ тѣхъ азіатскихъ завоевателей, у которыхъ, помимо ихъ лагеря, не было другой столицы, и которые управляли полміромъ изъ своей палатки. Изъ Финкенштейна посланника перевозятъ въ Варшаву; начинаются переговоры; Наполеонъ преслѣдуетъ свою идею и заставляетъ перса подписать договоръ, въ которомъ обращаетъ на себя вниманіе слѣдующая статья: «Если бы Его Величеству Императору Французовъ заблагоразсудилось отправить сухимъ путемъ армію для нападенія на англійскія владѣнія въ Индіи, Его Величество Персидскій Императоръ, какъ добрый и вѣрный союзникъ, предоставляетъ ему свободный проходъ по своей территоріи». Въ это же время въ Персію былъ отправленъ генералъ Гарданъ; но этотъ посланникъ былъ, главнымъ образомъ, главой топографической миссіи, которому было поручено изучить топографію страны, ея средства и способы провести черезъ нее армію. Онъ долженъ былъ собрать свѣдѣнія въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, а затѣмъ, послѣ ратификаціи договора, долженствующаго открыть намъ доступъ въ глубь Азіи, передать ихъ своему повелителю [1]).

---

[1]) Текстъ договора и инструкціи генералу были опубликованы въ сочиненіи, озаглавленномъ: „Miss on du géneral Gardane en Perse sous le premier empire“, par le comte Alfred de Gardane. Paris, 1865, p. 71-94, Gf.

Между тѣмъ, Россія уступаетъ нашему оружію и проситъ мира. Между императорами происходитъ свиданіе. Послѣ сердечнаго объясненія, они дѣлаются друзьями, и заключаютъ союзъ, полагая въ основу его общность вражды и общность политическихъ цѣлей. Въ союзѣ съ Россіей Наполеонъ видитъ новый доводъ въ пользу того, чтобы дѣйствовать въ Азіи. Чего только онъ не сдѣлаетъ въ этой части древняго міра, если къ содѣйствію, обѣщанному ему Фетъ-Али, прибавится еще содѣйствіе, которое предлагалъ ему Павелъ I-й; если онъ одновременно будетъ располагать и Персіей и Россіей? Въ Тильзитѣ онъ довѣряетъ свой планъ Александру, говоритъ ему о предполагаемой экспедиціи и проситъ принять въ ней участіе. Четыре мѣсяца спустя Коленкуру поручается возобновить разговоръ объ этомъ въ Петербургѣ [1]). Александръ и Румянцевъ отнеслись къ нашему предложенію сдержанно [2]). Будучи ближе къ мѣсту предполагаемыхъ дѣйствій и въ лучшихъ условіяхъ для оцѣнки трудностей предпріятія, зная варварское состояніе народовъ и громадность разстояній, они вовсе не раздѣляли фантазій Павла I-го, но, тѣмъ не менѣе, избѣгали высказаться въ отрицательномъ смыслѣ. Чувствовалось, что они могли бы дать согласіе на наши планы, если не по убѣжденію, то, по крайней мѣрѣ, изъ желанія быть намъ пріятными. Но, очевидно, Россія не оказала бы намъ содѣйствія даромъ; она пожелала бы получить выгоды, пропорціональныя возможному риску. Плохо вѣря въ сомнительныя завоеванія по ту сторону пустыни, она потребовала бы себѣ теперь же нѣчто положительное; прежде чѣмъ дѣйствовать въ Азіи, она заставила бы заплатить себѣ въ Европѣ. Наполеонъ сознавалъ, что даже уступка княжествъ не подвинетъ ее на это дѣло, что необходимо будетъ сдѣлать ей за счетъ Турціи выходящія изъ ряда вонъ, окончательно рѣшающія восточный вопросъ, уступки, и вотъ мало-по-малу въ немъ начала зрѣть мысль, исполненіе которой, повидимому, превышало человѣческія силы, мысль—построить походъ въ Индію на раздѣлѣ Оттоманской имперіи.

Lettres inédites de Talleyrand à Napoléon, publiées par M. Pierre Bertrand, février à avril 1807.

[1]) См. въ приложеніи инструкціи Коленкуру.

[2]) Коленкуръ къ Шампаньи, 31 декабря 1807 г. Archives des affaires étrangères, Russie, 144.

Вѣрилъ ли онъ искренно въ возможность достигнуть Индіи? Въ наши дни Россія, чтобы пробраться въ глубь Азіи и приблизиться къ подножію едва доступныхъ горъ, въ которыхъ расположены проходы въ Индію, употребила треть столѣтія. Провидя пророческимъ окомъ это движеніе Россіи, думалъ ли Наполеонъ заставить ее совершить его однимъ прыжкомъ, по его командѣ, въ силу даннаго имъ импульса, предполагая, что она бросится туда вслѣдъ за нѣсколькими тысячами французовъ? Если, дѣйствительно, такова была его надежда, нельзя не остановиться въ смущеніи передъ столь дерзновенной мыслью и вмѣстѣ съ тѣмъ столь глубокимъ проникновеніемъ въ будущее. Правда, союзъ съ Персіей дѣлалъ предпріятіе менѣе фантастичнымъ. Въ девятнадцатомъ вѣкѣ агенты и солдаты царя, вынужденные избѣгать персидской территоріи, должны были обогнуть ее съ сѣвера, пройти черезъ степи Туркестана и могли приблизиться къ Индіи только послѣ грандіознаго обхода. Въ 1808 г. расположенная на Иранскомъ плоскогорьѣ, занимающемъ господствующее положеніе между долиной Евфрата и Индійскими странами, Персія открывала намъ болѣе естественный и прямой путь въ Индію, тотъ путь, по которому всегда шли завоеватели и купцы. Но было ли содѣйствіе Персіи искреннимъ или, по крайней мѣрѣ, имѣющимъ цѣну? Какъ ни симпатизировалъ намъ Фетъ-Али, правительство его было распущено и своевольно; его дѣйствіями руководила интрига; все зависѣло отъ подкупа. Если бы Персія и допустила насъ на свою территорію, она, вѣроятно, возбранила бы доступъ къ себѣ нашимъ союзникамъ, русскимъ, въ которыхъ привыкла видѣть опасныхъ враговъ.

Эти затрудненія не могли ускользнуть отъ Наполеона, и, однако, несмотря на все это, при чтеніи его точныхъ и подробныхъ инструкцій Гардану ясно видно его намѣреніе намѣтить этапы будущаго похода. Въ складѣ его ума всегда выступаетъ одна особенность, которой не слѣдуетъ пренебрегать при оцѣнкѣ столь невѣроятныхъ проектовъ. Даже позволяя себѣ увлекаться ими, онъ былъ далекъ отъ того, чтобы не признавать за ними рискованнаго и романическаго характера и не въ мѣру обольщать себя возможностью успѣха. Но, такъ какъ его необычайная способность и страсть къ математически-точному подсчету шансовъ своихъ проектовъ были равны силѣ его воображенія,—явленіе, быть можетъ, единственное въ своемъ родѣ,—то какъ только какой

либо изъ такихъ проектовъ останавливалъ на себѣ его вниманіе, онъ находилъ особенное удовольствіе представлять его себѣ въ точной, конкретной формѣ, съ правильными очертаніями, съ точно опредѣленными линіями, и даже его мечты принимали математическую форму. По тому серьезному вниманію, съ какимъ онъ изучалъ походъ въ Азію, нельзя съ достовѣрностью заключить, что онъ льстилъ себя надеждой довести одну изъ своихъ армій до Индіи, по крайней мѣрѣ, въ одну кампанію. Мысль, которую онъ лелѣялъ,—какъ это и обрисовывается въ его перепискѣ и подтверждается указаніями современниковъ [1]),—очевидно, была болѣе осуществимой и болѣе практичной.

Когда онъ думалъ о приведеніи въ исполненіе стремительнаго движенія Франціи и Россіи къ азіатскимъ странамъ, его непосредственной цѣлью было не поразить Англію оружіемъ, а причинить ей моральный ущербъ, пошатнуть ея престижъ и поколебать въ ней увѣренность въ ея безопасность. Для достиженія этого результата не было необходимости доходить до Индіи, нужно было только доказать, что это возможно. Императоръ имѣлъ въ виду скорѣе демонстрацію, чѣмъ нападеніе. По его мнѣнію достаточно будетъ нашимъ колоннамъ миновать Босфоръ, чтобы привести въ трепетъ Азію. Въ безлюдныхъ пустыняхъ этого материка, гдѣ слышенъ малѣйшій шорохъ, шумъ нашихъ шаговъ пробудитъ безконечное эхо и донесется до Индіи; онъ вселитъ надежду въ народахъ и ужасъ среди ихъ владыкъ. Англія почувствуетъ непрочность своего могущества. Увидя передъ собой націю, которая, перейдя предѣлы возможнаго, готовится нанести ей смертельный ударъ, она испугается нападенія, успѣхъ котораго удвоится благодаря имени Наполеона, вступитъ для предупрежденія нападенія въ переговоры, и гордыня ея смирится передъ столь страшной угрозой.

Вотъ какія мысли роились въ умѣ Наполеона при его возвращеніи изъ Италіи; можно думать, что онѣ часто посѣщали его за время его долгаго пути. 1 января 1808 г., возвратясь въ Тюльери, не отдохнувъ ни минуты, онъ запирается съ Талейраномъ и проводитъ въ бесѣдѣ съ нимъ пять часовъ [2]). Хотя онъ и позволилъ князю Беневентскому перемѣнить должность мини-

[1]) C o r r e s p., lettres du 2 février 1808, XVI, 586, et du 17 février 1808, n° 13573. Cf. les instructions de Caulaincourt, i n f i n e.

[2]) Толстой Румянцеву, 29 декабря—9 января, 30 декабря—11 января 1808 г. Архивы С.-Петербурга.

стра на званіе вице-кардинала, но, освободивъ его отъ другихъ дѣлъ, онъ всегда охотно съ нимъ совѣтовался, посвящалъ его въ важныя государственныя дѣла и держалъ его при себѣ на случай совѣщаній по вопросамъ высшей политики. Ихъ бесѣды повторялись въ теченіе нѣсколькихъ дней и не ускользнули отъ общаго вниманія. Въ нихъ онъ открылъ ему оба проекта,—первый, по которому въ жертву приносилась Турція и второй, по которому объектомъ его операцій могла сдѣлаться Индія. Несмотря на возраженія Талейрана, онъ далъ замѣтить, что тотъ и другой проектъ его сильно соблазняютъ [1]).

Однако, эти проекты заключали въ себѣ только одну сторону его обширнѣйшихъ плановъ, только одну изъ частей обнимавшей весь міръ политической системы. Другія дѣла поглощали тогда императора, и каждое изъ нихъ могло быть разсматриваемо имъ, какъ дѣло исключительной важности и требующее полнаго его вниманія. Въ это время онъ заканчивалъ и усиливалъ оккупацію Португаліи, посылалъ новые полки по ту сторону Пиринеевъ, осторожно вводилъ свою армію въ глубь Испаніи и потихоньку протягивалъ къ ней руку. Въ Италіи, занявъ сперва Этрурію, Парму, Пьяченцы, онъ рѣшаетъ захватить романскія государства и начинаетъ противъ главы церкви роковую для его памяти борьбу. Эти многочисленныя дѣла не отрываютъ его отъ мыслей о Востокѣ, и, несмотря на то, что столько предпріятій, начатыхъ и подготовленныхъ, мѣняютъ въ его умѣ свой характеръ, онъ хочетъ поставить ихъ въ тѣсную связь, чтобы они дополняли одно другое и взаимно поддерживали другъ друга. По его мнѣнію, всѣхъ ихъ связываетъ одна общая идея. Онъ не разсматриваетъ ихъ каждую въ отдѣльности, но видитъ въ нихъ рядъ военныхъ операцій, направленныхъ къ одной общей цѣли, совокупность которыхъ должна сломить Англію и повергнуть ее, доведенную до ничтожества, къ его ногамъ.

---

[1]) Mémoires de Metternich, II. 144 à 150 по разговорамъ съ Талейраномъ. 16 января 1808 г. Талейранъ по секрету сказалъ австрійскому послу: „У императора два плана, одинъ основанъ на реальной почвѣ, другой на романической. Первый, это раздѣлъ Турціи, второй—экспедиція въ восточную Индію. Вы знаете, что новые перевороты не входятъ въ мои планы; но въ этомъ отношеніи ничто не можетъ повліять на рѣшенія императора, характеръ котораго вамъ извѣстенъ". Gf. Beer, Die orientaliche Politik Oesterreichs, 171—174, и Zehn Jahre oesterreichischer Politik, 303—308.

Страстное желаніе заставить Англію занять подобающее ей мѣсто и тѣмъ добиться полнаго мира охватываетъ его властно, съ непреодолимою силой. Оно то подстрекаетъ и одухотворяетъ его геній, то вводитъ его въ заблужденіе, то внушаетъ ему геніальные, глубокіе, но черезчуръ широкіе планы, диктуетъ примѣненіе чрезвычайныхъ, сверхчеловѣческихъ мѣръ, которыя нарушаютъ какъ обычные законы политики, такъ и права народовъ. Сдавивъ, какъ въ тискахъ, Германію, вѣря въ возможность обезпечить за собой Россію, которая стоитъ его стражемъ на сѣверѣ, онъ думаетъ, что пришло время организовать югъ Европы для борьбы съ морскимъ и колоніальнымъ могуществомъ англичанъ. Нѣсколько государствъ на югѣ, изъ принципа или по недостатку рѣшимости, уклоняются еще дѣйствовать сообразно его желаніямъ; ихъ слабость дѣлаетъ ихъ доступными вліянію нашей соперницы. Слѣдуетъ, чтобы они сплотились подъ его рукой; чтобы не только прекратили всякія сношенія съ нашими врагами, но и могли быть употреблены въ дѣло противъ нихъ; чтобы они допустили насъ на свою территорію, отреклись отъ своихъ симпатій и поднялись противъ нашего врага. Они должны или исполнять нашу волю, или погибнуть, ибо ихъ средства, ихъ населеніе должны быть использованы для общаго дѣла; ихъ территорія должна быть предоставлена намъ для свободнаго прохода до тѣхъ мѣстъ, которыми владѣетъ или которымъ угрожаетъ Англія. Распространяя французскую власть на Средиземномъ морѣ, Наполеонъ хочетъ подчинить себѣ этотъ обширный бассейнъ отъ одного конца до другого для созданія одной громадной операціонной базы. Въ основѣ всего этого лежитъ та же самая мысль, которая побуждаетъ его направить правое крыло своихъ силъ къ Гибралтару, а лѣвое перекинуть по ту сторону Босфора.

Несмотря на то, что умъ его работаетъ съ поразительной силой, что онъ наводненъ и какъ бы брыжжетъ идеями, онъ вовсе не думаетъ, что наступило время для рѣшенія двухъ главныхъ вопросовъ, испанскаго и восточнаго. Онъ ждетъ, чтобы событія, принимая болѣе опредѣленный характеръ, доставили ему болѣе ясныя указанія и достаточныя причины для принятія того или другого рѣшенія. Думая объ Испаніи, онъ колеблется между нѣсколькими рѣшеніями, не зная, слѣдуетъ ли ему низложить царствующую династію или сдѣлать ее своимъ орудіемъ; слѣ-

дуетъ ли уничтожить королевство, завладѣвъ при этомъ его сѣверными провинціями, или попытаться примирить его съ собой, обезпечивъ ему лучшій образъ правленія; слѣдуетъ ли довести свои границы до Эбро или же распространить свою сферу вліянія до Кадикса. Что касается Востока, то онъ выжидаетъ, когда онъ лучше уяснитъ себѣ желанія Россіи, и ждетъ отъ Коленкура первыхъ его донесеній. Прежде чѣмъ пожертвовать Оттоманской имперіей, онъ хочетъ знать, безусловно ли обязываютъ его къ этому требованія Александра, и въ то же время задаетъ себѣ вопросъ, способна ли Турція играть активную роль въ его политикѣ.

Зная, что турецкій посланникъ только-что видѣлся въ Парижѣ съ Толстымъ и выразилъ желаніе поскорѣй начать переговоры, онъ приказываетъ 12 января задать Себастіани цѣлый рядъ вопросовъ. Подпишетъ ли Порта миръ, по которому она лишится Молдавіи и Валахіи, и будетъ ли уступка княжествъ достаточнымъ средствомъ для удовлетворенія Россіи? Съ другой стороны, не предпочтутъ ли турки скорѣе возобновить борьбу, чѣмъ уступить эти двѣ провинціи, и, во всякомъ случаѣ, нужно ли, чтобы Востокъ оставался въ пламени? Останется ли Порта нашей союзницей противъ Англіи, каковъ бы ни былъ исходъ переговоровъ? Какое военное содѣйствіе можетъ она предложить намъ? По всѣмъ этимъ вопросамъ Наполеонъ желаетъ имѣть обстоятельныя свѣдѣнія [1]). Но въ концѣ концовъ онъ все-таки возвращается къ своимъ первоначальнымъ возраженіямъ противъ раздѣла и находитъ, что ему не удалось ихъ устранить. Присутствіе британскаго флота въ Средиземномъ морѣ стѣсняетъ всѣ его планы, мѣшаетъ ихъ осуществленію и, умѣряя полетъ его мысли въ область воображаемыхъ завоеваній, возвращаетъ его къ грозящей ему дѣйствительности, которую онъ предусматриваетъ и которой боится. У него нѣтъ увѣренности, что Турція распадется при первомъ толчкѣ, и что, слѣдовательно, Азія будетъ для насъ открыта; но зато онъ почти что увѣренъ, что Англія попытается овладѣть Египтомъ и островами, лишь только мы нанесемъ первый ударъ оттоманской неприкосновенности. Передъ такой грозной перспективой онъ отступаетъ въ нерѣшительности и временно останавливается на мы-

---

[1]) Corresp., 13446. Шампаньи къ Себастіани 14 января 1808 г. Archives des affaires étrangères, Turquie, 216.

сли—не ускорять событій. 14 января онъ заставляетъ Шампаньи написать Коленкуру въ смыслѣ первыхъ данныхъ ему инструкцій, т. е., чтобы онъ вернулся къ турецко-прусскому проекту и отклонилъ всякую компенсацію для Франціи на Востокѣ: «она рѣшила бы вопросъ о существованіи Турецкой имперіи, а императоръ отнюдь не хочетъ ускорять ея паденія».

Его истинныя намѣренія въ разсматриваемое нами время обнаруживаются въ post-scriptum'ѣ, прибавленномъ къ министерской депешѣ. Теперь онъ не надѣется уже получить Силезію за уступку Россіи княжествъ; его желаніе сводится къ тому, чтобы, какъ можно дольше, не высказываться и не связывать себя обязательствами. Поэтому посолъ долженъ затянуть переговоры; не вызывать императора Александра и его министровъ на категорическія объясненія; избавить его отъ требованія вывести немедленно войска изъ Пруссіи и отъ необходимости принимать теперь же рѣшеніе относительно Турціи. Настоящее положеніе дѣлъ, несмотря на всю свою неупроченность и неопредѣленность, вовсе н было для него неблагопріятнымъ; оно давало возможность нашей арміи оставаться въ Пруссіи и предоставляло Франціи господство надъ Европой; оно могло и долѣе продолжаться вполнѣ безопасно. Имѣя въ виду продлить это неопредѣленное положеніе, Наполеонъ приказываетъ добавить къ свѣдѣнію Коленкура слѣдующее замѣчаніе: «Существующее положеніе отвѣчаетъ намѣреніямъ императора; ничто не вынуждаетъ желать его измѣненія; стало быть, не слѣдуетъ ускорять принятія опредѣленныхъ рѣшеній петербургскимъ кабинетомъ, тѣмъ болѣе, если есть основаніе думать, что они не будутъ соотвѣтствовать намѣреніямъ императора. Особенно это примѣнимо къ раздѣлу Турецкой имперіи въ Европѣ, т. е., тому самому дѣлу, которое императоръ желаетъ отсрочить, такъ какъ, при настоящихъ условіяхъ, оно не можетъ состояться съ выгодой для него. Слѣдовательно, вы должны постараться выиграть время, дѣйствуя настолько умѣло, чтобы эти отсрочки, никоимъ образомъ, не вызвали неудовольствія Русскаго двора; вы должны неустанно внушать ему, что главнымъ предметомъ заботъ и усилій обоихъ императоровъ должна быть война съ Англіей и миръ, къ которому ее необходимо принудить» [1]).

[1]) Archives des affaires étrangères, Russie, 146.

Депеша отъ 15 января съ *post-scriptum*, помѣченнымъ 18 числомъ, была приготовлена, но не была еще отправлена, когда пришли отъ Коленкура донесенія въ формѣ замѣтокъ и наблюденій, которыя онъ велъ со времени своего пріѣзда до 31 декабря. Вѣроятно, читатели не забыли, въ какихъ выраженіяхъ и съ какимъ возрастающимъ жаромъ говорилъ въ нихъ посланникъ о непреодолимомъ предубѣжденіи царя противъ проекта, въ основу котораго была положена уступка Силезіи, о его вновь пробудившемся недовѣріи, о томъ, что его честолюбіе возбуждено до послѣдней степени; и что наступило время разсѣять его недовѣріе и дать удовлетвореніе его честолюбію, словомъ, о томъ, что безотлагательно нужно остановиться на извѣстномъ рѣшеніи и провести его въ жизнь. Итакъ, необходимость принять опредѣленное рѣшеніе, отъ чего Наполеонъ старался всячески избавиться, становилась неотложной. Основанные на наблюденіяхъ выводы посла удивили его. Онъ велѣлъ отправить заранѣе составленныя депеши, но при этомъ обѣщалъ Коленкуру новыя и точныя инструкціи. Пока же онъ уполномочивалъ его подать надежду на соглашеніе, хотя бы Франціи при подписаніи такого соглашенія пришлось пожертвовать своими принципами. «Ни о чемъ не просите, заставляетъ онъ написать ему, и не давайте опредѣленнаго отвѣта на требованія, которыя вамъ предъявятъ, но при всякомъ удобномъ случаѣ вы должны говорить о томъ сердечномъ участіи, съ какимъ императоръ старается относиться къ желаніямъ императора Александра, и что единственно желанія русскаго императора могутъ заставить его уклониться отъ направленія, которое намѣчаютъ ему интересы его имперіи. Слѣдуетъ указать на возможность во всемъ сойтись при взаимномъ искреннемъ желаніи понять другъ друга» [1]).

Въ слѣдующіе за этимъ дни императоръ снова занимается вопросомъ о раздѣлѣ Турціи, изучаетъ его, разсматриваетъ его со всѣхъ сторонъ, и изыскиваетъ средства ослабить невыгодныя стороны и опасности ужаснаго дѣла, на которое толкаетъ его сама судьба. Русскія вожделѣнія, упорство которыхъ ясно выступаетъ наружу, безпокоятъ его не менѣе, чѣмъ предполагаемые захваты Англіи. Онъ чувствуетъ, что, если

---

[1]) Шампаньи къ Коленкуру, 18 января 1808 г. Archives des affaires étrangères, Russie, 146.

онъ долженъ принять предосторожности противъ своихъ враговъ, то въ той же мѣрѣ ему необходимо защитить себя и отъ своихъ союзниковъ. Онъ задается вопросомъ: не сумѣетъ-ли онъ создать на пути честолюбивыхъ стремленій Россіи, въ иной формѣ, преграду взамѣнъ той, которую онъ уничтожитъ, разрушивъ Турцію, и нѣтъ ли возможности удовлетворить Россію, задержавъ въ то же время развитіе ея могущества?

Тогда Наполеонъ усматриваетъ извѣстныя выгоды въ политикѣ, которую онъ пытался вести въ самое недавнее время, которую постоянно превозносилъ Талейранъ, но которая была несовмѣстима съ тильзитскимъ соглашеніемъ. Въ іюлѣ 1807 г. онъ съ презрѣніемъ устранилъ Австрію отъ всякаго участія въ предстоящихъ раздѣлахъ; въ январѣ 1808 г. онъ считаетъ себя счастливымъ, что на свѣтѣ есть Австрія, и что онъ можетъ воспользоваться ею для того, чтобы поставить преграду выходящему изъ предѣловъ могуществу нашихъ союзниковъ. Теперь онъ стремится соединить обѣ системы, между которыми онъ нѣкогда колебался, т.-е. союзъ съ Россіей и въ то же самое время союзъ съ Австріей. Пусть императоръ Александръ получитъ по ту сторону Дуная выгоды, настолько блестящія, чтобы онѣ могли на время обезпечить намъ его признательность, но зато пусть и Вѣнскій дворъ будетъ приглашенъ къ раздѣлу и выкроитъ себѣ обширныя владѣнія въ центральныхъ частяхъ Турціи. Тогда политика Вѣнскаго двора, рѣшительно втянутая въ восточныя дѣла, обратитъ главное свое вниманіе на Востокъ; тамъ, какъ наши интересы, такъ и австрійскіе столкнутся съ интересами великой православной державы, которая все болѣе будетъ стремиться къ присоединенію къ себѣ одноплеменнаго и православнаго населенія, и, благодаря этимъ условіямъ, монархія Габсбурговъ перейдетъ на нашу сторону и окажетъ намъ содѣйствіе. Уже съ этого времени Наполеонъ хотѣлъ подготовить Австрію къ предназначавшейся ей роли. Вотъ почему, разсматривая раздѣлъ, главнымъ образомъ, какъ средство быть пріятнымъ императору Александру, онъ, прежде чѣмъ заговорить о немъ съ русскимъ кабинетомъ, сообщилъ по секрету предполагаемый планъ австрійскому послу.

22 января онъ принималъ въ частной аудіенціи графа Меттерниха, посланника Франца I-го. Послѣ нѣсколькихъ, ничего не значащихъ словъ, онъ, по выраженію Меттерниха, «обѣими но-

гами прыгнулъ въ турецкій вопросъ». «Только властная сила обстоятельствъ, сказалъ онъ, можетъ вынудить меня нанести ударъ Турціи, которую я долженъ былъ бы всячески поддерживать; къ этому, помимо моей воли, могутъ принудить меня англичане: мнѣ приходится искать ихъ тамъ, гдѣ я могу ихъ найти. Мнѣ ничего не нужно, я не ищу никакого расширенія; Египетъ и нѣкоторыя колоніи представили бы для меня нѣкоторую выгоду, но эта выгода не можетъ возмѣстить непомѣрнаго расширенія Россіи. Вы также не можете смотрѣть равнодушно на ея расширеніе, и я вижу, что именно раздѣлу Турціи суждено тѣснѣе насъ сблизить». Здѣсь слова императора приняли знаменательное значеніе: въ двусмысленныхъ фразахъ, въ которыхъ чувствовались и безсильная злоба и опасенія, у него вырвалось полупризнаніе о чрезвычайныхъ жертвахъ, къ которымъ, быть можетъ, принудитъ его его союзъ съ Александромъ. «Въ тотъ день, когда русскіе...» сказалъ онъ, затѣмъ тотчасъ же спохватился и, «проглотивъ» начало этой фразы, онъ продолжалъ: «Когда водворятся въ Константинополѣ, вамъ нужна будетъ Франція, какъ помощница противъ Россіи, и Франція будетъ нуждаться въ васъ, чтобы сдерживать русскихъ». Онъ нарисовалъ передъ глазами Меттерниха русскую опасность и «съ силой и увлеченіемъ говорилъ о ней»; наоборотъ, одобрилъ притязанія Австріи на долину Дуная, притязанія, по его мнѣнію, вполнѣ законныя, такъ какъ они «основываются на ея географическомъ положеніи». Наконецъ, изложивъ все вкратцѣ, онъ въ видѣ заключенія сказалъ графу: «Вы можете увѣдомить вашъ дворъ, что вопросъ о раздѣлѣ Турціи еще не поднятъ; но, лишь только это случится, вы не только будете допущены, но даже приглашены, какъ это и подобаетъ по всей справедливости, для защиты и обсужденія съ общаго согласія вашихъ интересовъ и вашихъ видовъ» [1]).

Предупрежденный Талейраномъ, Меттернихъ ждалъ этого разговора. Онъ не успѣлъ еще получить приказаній своего двора и ограничился принятіемъ къ свѣдѣнію словъ императора. Впрочемъ, Наполеонъ и не хотѣлъ ничего другого. Онъ не думалъ, чтобы Австрія могла не откликнуться на надежды, которыя онъ на нее возлагалъ. Не потому, чтобы онъ вѣрилъ въ силу и

[1]) Mémoires de Metternich, II, 151, 154 à 156, 159.

постоянство восточныхъ вожделѣній Франца I-го; напротивъ, ему было извѣстно, что Австрія,—уже по самой своей натурѣ сторонница охранительной политики,—съ ужасомъ будетъ смотрѣть на новое разрушеніе; но онъ зналъ, что ея географическое положеніе вмѣняетъ ей въ обязанность, скрѣпя сердце, принимать участіе во всякомъ раздѣлѣ Турціи, разъ она не въ состояніи помѣшать ему. Для Австріи Оттоманская имперія очень удобный и не особенно грозный сосѣдъ; у ней нѣтъ ни малѣйшей охоты замѣнить его однимъ или нѣсколькими другими государствами, менѣе уживчивыми. Но, лишь только новое расхищеніе Турціи дѣлается неизбѣжнымъ, единственнымъ средствомъ Австріи уменьшить роковыя его послѣдствія остается примкнуть къ дѣлежу; она плачетъ, но беретъ, и, обогащаясь за счетъ турокъ, утѣшается въ своемъ безсиліи спасти ихъ. На этихъ, совершенно вѣрныхъ, данныхъ, Наполеонъ основывалъ свои разсчеты. Поэтому онъ не столько желалъ сговориться съ Австріей, сколько заранѣе предупредить ее, чтобы событія не застали ее врасплохъ, чтобы и она, съ своей стороны, могла изучить вопросъ, опредѣлить точно свои намѣренія и подготовить средства къ борьбѣ. Благодаря этому, когда наступитъ часъ рѣшительнаго спора, она будетъ въ состояніи властно, съ полнымъ знаніемъ дѣла, появиться на сценѣ и, ставъ на нашу сторону, работать въ пользу нашихъ интересовъ.

Но, принявъ предосторожности въ Вѣнѣ, былъ ли намѣренъ Наполеонъ приступить, наконецъ, совмѣстно съ Россіей къ важному вопросу? 29 января онъ отсылаетъ Коленкуру обѣщанный отвѣтъ; но эта инструкція не содержитъ въ себѣ ничего опредѣленнаго. Императоръ подвигается очень мало впередъ,—онъ дѣлаетъ только одинъ шагъ по направленію къ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Онъ позволяетъ Коленкуру не только выслушивать русскихъ, если они заговорятъ съ нимъ о раздѣлѣ, но и спросить, какъ они думаютъ и желаютъ выполнить это дѣло. Однако, слова посланника не должны имѣть значенія ясно выраженнаго согласія. Наполеонъ отлично понималъ, что если война съ Англіей затянется, онъ вынужденъ будетъ вступить съ Россіей въ серьезное, прочное соглашеніе, что онъ вынужденъ будетъ удовлетворить царя, и намѣревался включить требуемое царемъ удовлетвореніе въ общую сумму вознагражденій за дѣйствія, гибельныя для Британской имперіи. Тѣмъ не менѣе, онъ имѣлъ въ виду рѣшиться на

это, только скрѣпя сердце, и въ настоящее время старался отдалить, насколько возможно, часъ расплаты, ибо отсрочивая ее, онъ все еще надѣется избавиться отъ нея. Положимъ, Англія, какъ будто, готова вести съ нами ожесточенную борьбу. Но искренно ли ея поведеніе? Можетъ быть, чтобы привести ее въ болѣе мирное настроеніе, достаточно будетъ найти только способъ подойти къ ней и объясниться? Недавно, до отозванія своего посланника изъ Лондона, вѣнскій кабинетъ пытался предложить свое посредничество въ лицѣ этого агента [1]). Австріецъ плохо взялся за дѣло и не имѣлъ успѣха. Но, думалъ Наполеонъ, развѣ порванная нить не можетъ быть опять скрѣплена болѣе искусной и болѣе доброжелательной рукой? Вѣдь, вполнѣ возможно, что въ ближайшіе мѣсяцы, даже недѣли, завяжутся переговоры, что они сдѣлаются серьезными, приведутъ къ цѣли и въ результатѣ избавятъ его отъ непоправимыхъ рѣшеній. Но захочетъ ли Александръ и будетъ ли имѣть возможность согласиться на новыя отсрочки? Долго ли еще, не касаясь вопроса о Пруссіи, а говоря только о раздѣлѣ, можно заставить царя ждать и питать исключительно только надеждами, не отталкивая его отъ насъ и не компрометируя его личной безопасности? Вотъ вопросъ, по которому недавно прибывшій изъ Петербурга Савари, послѣ долгихъ разспросовъ, не могъ сказать ничего опредѣленнаго [2]); по этому же вопросу было предписано собрать свѣдѣнія и Коленкуру. Въ письмѣ отъ 29-го, императоръ не приказываетъ, а только разспрашиваетъ; этотъ документъ выдаетъ секретъ его нерѣшительности. Чувствуя на себѣ тяготѣніе рокового закона, обрекающаго его не останавливаться на своемъ пути, онъ противится еще его велѣніямъ, и, готовясь переступить предѣлы, за которыми человѣческій разумъ и предвидѣніе теряютъ свою силу, увлеченный потокомъ борьбы до грани, за которой начинается неизвѣстность, онъ, прежде чѣмъ поставить на карту свою судьбу, колеблется и собирается съ мыслями.

«Господинъ посланникъ, пишетъ Шампаньи, я сообщалъ вамъ, что мнѣ придется болѣе подробно ознакомить васъ съ намѣреніями Императора относительно того направленія политики, котораго вы должны держаться. Я это дѣлаю теперь. Вы прекрасно выразили намѣренія Императора. Нужно непрестанно говорить

[1]) Mémoires de Metternich, II, 144.
[2]) Mémoires du duc de Rovigo, III, 205.

при Петербургскомъ дворѣ—и крайне важно, чтобы Петербургскій дворъ вполнѣ проникся этимъ убѣжденіемъ,—что главный интересъ Франціи и первѣйшее желаніе Императора состоятъ въ точномъ выполненіи тильзитскаго договора, что Императоръ вовсе не думаетъ о расчлененіи Пруссіи, что ему не нужно ни одной изъ ея провинцій, и что если онъ и требуетъ Силезію, какъ компенсацію за Валахію и Молдавію, которыя останутся за русскими, то вовсе не потому, что придаетъ особую цѣну пріобрѣтенію этой провинціи, а въ силу невозможности найти въ другомъ мѣстѣ справедливое вознагражденіе за подобную жертву. Но и эта сдѣлка будетъ заключена имъ весьма неохотно, единственно изъ желанія оказать услугу императору Александру и усилить престижъ его власти. Императоръ болѣе всего предпочитаетъ, чтобы положеніе вещей оставалось таковымъ, какъ установилъ его тильзитскій договоръ.

«Но можетъ ли оно оставаться такимъ? Такъ какъ населеніе Петербурга не будетъ занято приготовленіями къ войнѣ и надеждой на новое расширеніе имперіи, то не возрастетъ ли его нетерпѣніе вслѣдствіе лишеній и потерь, которыя налагаетъ на него прекращеніе давнишнихъ сношеній съ Англіей? Не найдетъ ли недовольство народа поддержку въ недовольныхъ при дворѣ и въ арміи? Не будетъ ли армія тяготиться бездѣйствіемъ и съ величайшимъ неудовольствіемъ смотрѣть, какъ исчезаютъ ея надежды на возможность сдѣлать, благодаря новымъ завоеваніямъ, блестящую карьеру? Можетъ ли англійская партія извлечь значительную выгоду изъ такого настроенія?

«Разузнайте, Милостивый Государь, будетъ ли Императоръ въ силахъ справиться съ затрудненіями. Критическій моментъ наступитъ весной. Тогда прекращеніе торговыхъ сношеній съ Англіей дастъ себя сильнѣе почувствовать. Можетъ ли императоръ Александръ, не мѣняя политической системы и не опасаясь революціи, ждать слѣдующей зимы, не имѣя, однако, возможности сказать своимъ подданнымъ: «Благодаря моему союзу съ Франціей, я увеличилъ Россійское государство, и хотя вы и испытали нѣкоторыя лишенія, но они съ избыткомъ вознаграждены уваженіемъ, съ которымъ произносится русское имя, и пріобрѣтеніемъ богатыхъ провинцій, которыя увеличиваютъ и богатство, и мощь Россіи»?

«Наконецъ, какъ долго, по вашему мнѣнію, можно будетъ

поддерживать спокойствіе въ Россіи, питая ее только надеждами, отъ осуществленія которыхъ избавитъ насъ миръ?

«Если правда, что благодаря вашему званію, вашему блестящему положенію и вліянію на дипломатическій корпусъ,—который вскорѣ будетъ состоять изъ лицъ, преданныхъ Франціи,—вы можете вліять и на петербургское высшее общество, имѣющее съ своей стороны, какъ говорятъ, большое вліяніе на дворъ и армію, то вамъ предлагается не пренебрегать никакимъ средствомъ для достиженія этой цѣли. Всѣ средства, которыя могутъ быть вамъ доставлены отсюда, будутъ даны въ ваше распоряженіе.

«Но можете ли вы добиться того результата, который необходимъ для осуществленія желанія Императора, а именно: поддерживая до мира съ Англіей франко-русскій союзъ, ограничиться только точнымъ выполненіемъ тильзитскаго договора, не подвергая императора Александра опасностямъ дворцоваго переворота?

«Императоръ отлично знаетъ, что, какъ уступкой Валахіи и Молдавіи, такъ и раздѣломъ Турецкой имперіи, онъ сохранитъ союзъ и обезпечитъ императору Александру спокойное царствованіе. Но въ такомъ случаѣ союзъ обойдется намъ слишкомъ дорого: въ Европѣ начнутся новые перевороты. Нѣтъ сомнѣнія, они представятъ генію Императора счастливые моменты, которымъ онъ сумѣетъ дать выгодный для себя оборотъ, но эти же перевороты отдалятъ миръ съ Англіей и усилятъ для Франціи и Европы бѣдствія войны, которая и такъ уже затянулась слишкомъ долго и дѣлается, благодаря все болѣе далекимъ походамъ, болѣе дорогой и болѣе утомительной.

«Однако, въ вашихъ разговорахъ съ императоромъ Александромъ и графомъ Румянцевымъ не отвергайте окончательно идеи о раздѣлѣ. Наведите справки, какъ хотятъ его совершить, каковы средства для его выполненія, какія государства хотятъ пріобщить къ нему, и не скрывайте, насколько онъ мало-благопріятенъ для интересовъ Франціи, которая не можетъ имѣть въ немъ выгодной доли, какъ бы обширна она ни была. Укажите также на выгоду отложить раздѣлъ до мира съ Англіей или, по крайней мѣрѣ, до того времени, когда можно будетъ вырвать у нея господство на Средиземномъ морѣ, ибо это господство даетъ ей въ

настоящее время возможность захватить самыя драгоцѣнныя части Оттоманской имперіи»[1]).

Всегдашнимъ и главнымъ препятствіемъ, на которое намекалъ императоръ и которое считалось до сихъ поръ непреодолимымъ, было положеніе, занятое Англіей на пути въ Египетъ и Архипелагъ. Однако, стеченіе благопріятныхъ обстоятельствъ начинало внушать ему надежду на устраненіе этого препятствія; но на нихъ мы укажемъ въ дальнѣйшемъ изложеніи. Нѣсколько дней спустя, въ самомъ концѣ января, пришли изъ Лондона извѣстія, которыя привели его въ бѣшенство. Въ Лондонѣ только-что открылась парламентская сессія; тронная рѣчь, прочитанная передъ обѣими палатами и обсуждаемая ими, дышала неукротимымъ упорствомъ; министры говорили въ ней депутатамъ: «Если, какъ Его Величество твердо въ этомъ увѣренъ, вы проявите въ это рѣшительное для судьбы вашей страны время то мужество, которое служитъ характерной чертой британской націи, если вы безстрашно встрѣтите противоестественную лигу, которая образовалась противъ васъ, Его Величество приказываетъ намъ убѣдить васъ въ его твердой увѣренности, что, съ помощью Промысла Божія, Великобританія съ успѣхомъ и славой выйдетъ изъ этой борьбы. Наконецъ, намъ приказано увѣрить васъ, что въ этой грозной борьбѣ, на которую устремлены взоры всего міра, вы можете разсчитывать на твердость Его Величества, у котораго, помимо интересовъ его народа, нѣтъ другихъ интересовъ...»[2]). При чтеніи этой гордой декларации Наполеонъ затрясся отъ гнѣва. Онъ принялъ брошенный ему вызовъ. Такъ какъ Англія хотѣла войны на жизнь и смерть, онъ поклялся уничтожить ее и потрясти весь міръ, чтобы раздавить ее подъ его развалинами. Тогда и онъ, подобно Англіи, принялъ свое рѣшеніе, рѣшилъ тѣснѣе сблизиться съ Россіей, разбудить эту громадную имперію, открыть честолюбію Александра безпредѣльную будущность, и показать ему Константинополь, какъ этапъ на пути въ Индію.

---

[1]) Archives des affaires étrangères, Russie, 146.

[2]) Moniteur du 2 février 1808.

ГЛАВА VII.

ПИСЬМО ОТЪ 2-го ФЕВРАЛЯ 1808 г.

Письмо Наполеона къ Александру отъ 2 февраля 1808 года.—Оно дышитъ страстью къ великимъ дѣламъ.—Искренно ли оно?—Не есть ли предложеніе подѣлить Турцію только приманка, назначеніе которой ослѣпить Александра и отвлечь его вниманіе.—Необходимость отвлечь вниманіе царя отъ Испаніи и Пруссіи; предложеніе раздѣла даетъ къ тому средства.—Не преслѣдуетъ ли письмо императора также и другую цѣль: подготовить предстоящія дѣйствія на Востокѣ?—Планы Наполеона относительно Турціи и Индіи зрѣютъ и постепенно развиваются.—Приготовленія въ Далмаціи и Албаніи.—Морскія операціи.—Стремленія Наполеона завладѣть Средиземнымъ моремъ.—Его усилія захватить одну за другой всѣ господствующія надъ нимъ позиціи.—Онъ приписываетъ исключительную важность обладанію Корфу.—Кратчайшій путь въ Египетъ.—Многочисленныя мѣры, употребляемыя для обезпеченія и сохраненія Корфу.—Пока англичане будутъ въ Сициліи и на Мальтѣ, они останутся властителями Средиземнаго моря.—Въ декабрѣ 1807 г. англичане выводятъ изъ Сициліи часть своихъ войскъ и увозятъ ихъ въ океанъ — Наполеонъ тотчасъ-же призываетъ въ Средиземное море наибольшую часть своихъ морскихъ силъ.—Онъ обдумываетъ внезапный захватъ Сициліи.—Настоятельная необходимость снабдить Корфу всѣмъ необходимымъ.—Наполеонъ думаетъ о возможности сочетать эти два предпріятія, успѣшное выполненіе которыхъ устранитъ его главное возраженіе противъ раздѣла.—Параллель между инструкціями, данными королю Жозефу и адмиралу Гантому, и предложеніями, сдѣланными въ Петербургѣ.—Откровенное сообщеніе министру Декре по поводу Турціи и Египта.—Условный характеръ проекта нападенія на Турцію.—Разговоръ съ Толстымъ на охотѣ.—Наполеонъ ставитъ крупныя предпріятія, которыя онъ обдумываетъ, въ зависимость отъ враждебныхъ отношеній съ Англіей; онъ усиленно старается добиться мира; справедливость, которую воздаютъ ему его самые ожесточенные враги.—Истинный смыслъ письма отъ 2 февраля.—Сочетаніе плановъ политическаго и военнаго характера.—Наполеонъ хочетъ дать Англіи сраженіе на пространствѣ цѣлаго міра.—Желаемая диверсія на сѣверѣ: предполагаемыя операціи у береговъ океана, въ Испаніи, въ Средиземномъ морѣ, въ Африкѣ и, какъ послѣднее средство—проектъ относительно Турціи и Индіи.—Мысли императора о будущей судьбѣ Востока.—Инструкціи Коленкуру.—Наполеонъ предлагаетъ новое свиданіе.—Пренія, которыя вскорѣ откроются въ Петербургѣ, должны носить только подготовительный и крайне неопредѣленный характеръ.—Пункты, не подлежащіе обсужденію.—Сербія.—

Вопросъ о Константинополѣ выдѣленъ изъ вопроса о Дарданеллахъ.—Наполеонъ проситъ немедленнаго содѣйствія русскихъ эскадръ въ Средиземномъ морѣ.—Европейскій флотъ.—Черное море, какъ русская собственность.—Поприще, открытое русскимъ честолюбивымъ стремленіямъ на сѣверѣ Малой Азіи.—Наполеонъ желаетъ оттѣснить Россію въ Азію, а Австрію на Балканскій полуостровъ, для того, чтобы обезпечить себѣ первенство въ Европѣ и господство на Средиземномъ морѣ.

I.

2 февраля 1808 г. Наполеонъ написалъ Россійскому императору слѣдующее письмо:

«Мой братъ, только-что пріѣхалъ генералъ Савари. Я провелъ съ нимъ цѣлые часы, разговаривая о Вашемъ Величествѣ. Все, что онъ передалъ мнѣ, очень тронуло меня, и я, не теряя времени, хочу поблагодарить васъ за оказанныя ему и моему посланнику милости.

«Ваше Величество прочтете о послѣднихъ рѣчахъ въ англійскомъ парламентѣ и о его рѣшеніи вести войну до послѣдней крайности. Вотъ при какихъ условіяхъ я пишу непосредственно Коленкуру. Если Вашему Величеству угодно будетъ поговорить съ нимъ, онъ познакомитъ васъ съ моими взглядами. Только путемъ крупныхъ, обширныхъ мѣропріятій можемъ мы добиться мира и упрочить нашу систему. Увеличьте и усильте, Ваше Величество, вашу армію. Всякую помощь и содѣйствіе, какія я только буду въ состояніи оказать вамъ, я окажу отъ чистаго сердца. У меня нѣтъ ни малѣйшаго чувства зависти къ Россіи, а лишь желаніе ей славы, благоденствія и увеличенія ея территоріи. Позволите ли вы, Ваше Величество, высказать мнѣніе человѣку, который считаетъ своимъ долгомъ питать къ вамъ самую нѣжную и искреннюю преданность? Вашему Величеству необходимо отодвинуть шведовъ отъ вашей столицы; расширьте ваши границы въ ту сторону, насколько вамъ угодно; я готовъ всѣми моими силами помочь вамъ въ этомъ.

«Армія въ 50,000 человѣкъ, состоящая изъ русскихъ, французовъ и, быть можетъ, даже отчасти и изъ австрійцевъ, направленная черезъ Константинополь въ Азію, не успѣетъ дойти до Евфрата, какъ приведетъ въ трепетъ Англію и заставитъ ее преклониться предъ континентомъ. Я имѣю возможность собрать армію въ Далмаціи; вы, Ваше Величество, на Дунаѣ. Черезъ мѣ-

сяцъ послѣ того, какъ мы условимся, онѣ могутъ быть на берегахъ Босфора. Слухъ объ этомъ разнесется по Индіи, и Англія будетъ сломлена. Я не отказываюсь ни отъ какого предварительнаго условія, ведущаго къ достиженію этой великой цѣли. Но слѣдуетъ привести въ соотвѣтствіе и уравновѣсить взаимные интересы обоихъ государствъ. Это можетъ совершиться только при свиданіи съ Вашимъ Величествомъ, или послѣ искреннихъ бесѣдъ между Румянцевымъ и Коленкуромъ, и послѣ назначенія сюда лица, преданнаго нашей политической системѣ. Толстой честный человѣкъ, но полонъ предразсудковъ и недовѣрія къ Франціи; онъ совсѣмъ не на высотѣ тильзитскихъ событій и новаго положенія вещей, въ которое поставила міръ тѣсная дружба, существующая между Вашимъ Величествомъ и мной. Все можетъ быть рѣшено и подписано до 15 марта. Къ 1 мая наши войска могутъ быть въ Азіи, и къ тому же времени войска Вашего Величества въ Стокгольмѣ. Тогда англичане, угрожаемые въ Индіи, изгнанные съ Леванта, будутъ раздавлены тяжестью событій, которыми будетъ пропитана атмосфера. Ваше Величество и я предпочли бы блага мира, мы предпочли бы проводить нашу жизнь среди нашихъ обширныхъ имперій, посвящая себя заботамъ о ихъ возрожденіи и счастіи нашихъ подданныхъ, покровительствуя наукамъ и искусствамъ и сѣя повсюду благодѣтельныя учрежденія. Этого не хотятъ всесвѣтные враги. Поневолѣ приходится стать выше этого. Мудрости и политикѣ присуще слѣдовать велѣніямъ судьбы и идти туда, куда ведетъ насъ непреодолимый ходъ событій. Тогда эта стая карликовъ, которая не хочетъ видѣть, что настоящія событія таковы, что слѣдуетъ искать имъ сравненіе въ исторіи, а не въ газетахъ послѣдняго столѣтія, смирится и послѣдуетъ по указанному Вашимъ Величествомъ и мною пути. Русскіе подданные будутъ наслаждаться славой, богатствомъ и счастьемъ, которыя будутъ результатомъ этихъ великихъ событій.

«Въ этихъ немногихъ строкахъ я изливаю Вашему Величеству всю мою душу. Дѣло Тильзита установитъ судьбы міра. Быть можетъ, нѣкоторая доля малодушія, какъ со стороны Вашего Величества, такъ и съ моей, заставляла насъ предпочитать болѣе обезпеченное настоящее положеніе лучшему и болѣе совершенному положенію, которое можетъ быть пріобрѣтено въ будущемъ;

но, такъ какъ Англія не хочетъ мира, признаемъ, что настало время великихъ перемѣнъ и событій» [1]).

Въ этомъ удивительно-краснорѣчивомъ письмѣ идея о раздѣлѣ не была высказана, но она подразумѣвалась. Въ болѣе ясно изложенномъ письмѣ, написанномъ въ тотъ же день Коленкуру, говорилось о формальномъ согласіи на раздѣлъ. Въ немъ предписывалось посланнику приступить къ обсужденію долей, взаимныхъ выгодъ и способовъ дѣйствій и войти въ самую суть и въ подробности вопроса. Царю императоръ хотѣлъ только указать на общій характеръ дѣйствій и дать къ нимъ толчокъ. Онъ сдѣлалъ это столь же искусно, какъ и благородно. Не говоря русскому монарху ни одного слова, которымъ бы тотъ могъ злоупотребить, онъ дѣлалъ для него все яснымъ и предоставлялъ ему на все надѣяться. Въ письмѣ его геніальная личность проявляется во всѣхъ направленіяхъ, переходя послѣдовательно отъ словъ дружбы и ласки къ геніальнымъ и величественнымъ мыслямъ: сперва онъ льститъ и ласкаетъ, затѣмъ отрывается отъ земли, расправляетъ во всю ширь свои могучія крылья и несется въ заоблачную высь. По мѣрѣ чтенія письма, сообщается читателю и высокій полетъ его мысли. Чувствуешь, какъ увлекаешься, какъ подпадаешь подъ вліяніе непреодолимой силы воли этого человѣка, и становится понятнымъ, что позднѣе двадцать различныхъ народовъ,—не изъ ненависти, не будучи обуреваемы страстями, по одному мановенію его руки, бросились за нимъ на завоеваніе Москвы. Когда онъ говоритъ о нашествіи Европы на Азію, кажется, что духъ древнихъ великихъ завоевателей, тотъ духъ, который перебрасывалъ народы изъ одной страны въ другую, отрывалъ ихъ отъ мирнаго труда и толкалъ на далекія переселенія, ожилъ въ немъ и повелѣваетъ его устами. Никогда еще болѣе мощный человѣческій голосъ не трубилъ сигнала къ великимъ сраженіямъ и къ обновленію міра.

Хотя при чтеніи императорскаго письма сперва проникаетъ въ душу трепетъ воинственнаго восторга, но затѣмъ, мало-помалу, зарождается и овладѣваетъ умомъ сомнѣніе. Какъ мы видѣли, Наполеонъ до послѣдней минуты былъ противъ раздѣла. 29 января онъ еще колебался и ни на что не давалъ согласія; и вдругъ, четыре дня спустя, онъ предупреждаетъ желанія союзника,

[1]) Corresp., документъ безъ номера, т. XVI, стр. 586.

опережаетъ его надежды, опускаетъ передъ нимъ всѣ барьеры. Было ли впечатлѣніе, произведенное на него англійскими декларацiями столь сильно, чтобы вызвать въ немъ такую полную перемѣну? Было ли искренно его обращеніе къ царю? Не прикрывало ли оно громаднаго обмана? По мѣрѣ того, какъ усиливалось упорство Англіи, а наши арміи углублялись въ Испанію, прижатый Россiей къ стѣнѣ, видя возрастающую съ каждымъ днемъ необходимость обезпечить за собой Сѣверъ и поддерживать съ нимъ добрыя отношенія, сознавая, насколько это важно и въ то же время чувствуя непреодолимое недовѣріе къ Россіи, не старался ли Наполеонъ избавить себя отъ дѣйствительныхъ жертвъ, предлагая своему союзнику только для вида важныя уступки? Въ такомъ случаѣ онъ предлагалъ бы раздѣлъ, не имѣя въ виду его выполнить, и его планъ сводился бы къ слѣдующему: пользуясь формально поставленными преніями о восточномъ вопросѣ, онъ обошелъ бы императора Александра, обворожилъ и ослѣпилъ бы его блестящими надеждами, а самъ тѣмъ временемъ привелъ бы въ исполненіе свой планъ относительно Испаніи, единственный, которымъ онъ былъ серьезно занятъ; затѣмъ, устроивъ судьбу полуострова, поставивъ Россію и Европу предъ совершившимся фактомъ, онъ мало-по-малу отрекся бы отъ своихъ предложеній, и, въ результатѣ, отъ столь великолѣпно вызваннаго миража осталось бы пустое мѣсто. Въ этомъ случаѣ его письмо было бы только произведеніемъ безподобнаго, но коварнаго искусства, и фраза въ концѣ, въ которой вибрируетъ страсть къ великимъ дѣламъ, была бы эффектнымъ заключеніемъ рѣчи. Тогда цѣлью Наполеона было бы только показать Россіи зрѣлище обширнаго замысла, взволновать ее процессомъ фиктивныхъ переговоровъ, пропустить передъ ея ослѣпленными глазами видѣнія городовъ, предназначенныхъ для завоеванія, и территорій и королевствъ, подлежащихъ раздѣлу, а, между тѣмъ, подъ прикрытіемъ этой великолѣпной декораціи вѣроломно преслѣдовать болѣе практическій проектъ: свергнуть безвольную династію и похитить ея корону. Слѣдуетъ ли допустить такой коварный разсчетъ и признать, что на этотъ разъ побѣдитель Европы опустился до роли крайне искуснаго декоратора? Или, наоборотъ, мы можемъ повѣрить, что Наполеонъ, величіе котораго проявлялось въ искренности его необузданныхъ проектовъ, дѣйствительно хотѣлъ того, о чемъ говорилъ, что онъ дѣйствительно былъ склоненъ къ тому, чтобы, послѣ пере-

дѣлки Европы преобразовать Востокъ? Съ этой загадкой мы встрѣчаемся на высшей ступени его карьеры, въ то время, когда онъ, повидимому, въ нерѣшимости останавливается на самой вершинѣ, прежде чѣмъ пуститься по роковому пути.

Достовѣрно, что, въ первыхъ числахъ февраля 1808 г., императору было крайне необходимо занять умъ Александра и отвлечь его вниманіе. Слѣдовало отвлечь вниманіе царя и отъ Испаніи, и отъ Пруссіи, отъ юга и центра Европы. Нѣтъ сомнѣнія, что въ это время, быть можетъ, подъ впечатлѣніемъ извѣстій изъ Лондона, Наполеонъ рѣшился направить всю свою дѣятельность на Испанію и сильнѣе упрочить ее за собой съ тѣмъ, чтобы использовать ее для борьбы съ Англіей. Обдумалъ ли онъ уже заранѣе все, что долженъ былъ сдѣлать въ Испаніи? Для него все болѣе выяснялось ничтожество Бурбоновъ. Ихъ мелочныя ссоры, повидимому, предавали ихъ въ его руки; онъ чувствовалъ искушеніе вмѣшаться въ распри между потерявшимъ престижъ отцомъ и сыномъ, обладавшимъ болѣе честолюбіемъ, чѣмъ мужествомъ,— вмѣшаться съ цѣлью устранить одного при посредствѣ другого. Онъ, дѣйствительно, думалъ о перемѣнѣ династіи; но, при всемъ томъ, у насъ нѣтъ основанія положительно утверждать, что уже въ это время онъ исключалъ возможность иного, менѣе жестокаго рѣшенія; хотя онъ и думалъ о дипломатическомъ воздѣйствіи, опирающемся на значительныя военныя силы, онъ не отказался еще ни отъ мысли о договорѣ, по которому отошли бы къ Франціи сѣверныя провинціи, ни отъ брачнаго договора принца Астурійскаго съ дочерью Люсьена, ни отъ мысли подчинить себѣ королевскій домъ. Во всякомъ случаѣ, онъ не предвидѣлъ народнаго сопротивленія; борьба съ возставшимъ народомъ, такъ называемая Испанская война, отнюдь не входила въ его разсчеты, и это было самой крупной и самой роковой изъ его ошибокъ. Полагая, что введеніе Испаніи въ сферу его вліянія должно быть, главнымъ образомъ, дѣломъ политики, ловкости,— можетъ быть, времени,— онъ не отдѣлялъ этого дѣла отъ другихъ, еще болѣе крупныхъ предпріятій, и подготовлялся къ его выполненію не менѣе другихъ. А для того, чтобы Россія закрыла глаза на это новое усиленіе французской сферы вліянія, нужно было возбудить ея собственные аппетиты. Давая ей надежду поживиться за счетъ всѣхъ ея сосѣдей, Наполеонъ тѣмъ самымъ предоставлялъ самому себѣ такое

же право. «Я ни въ чемъ не завидую, писалъ онъ въ письмѣ къ Коленкуру, и прошу не завидовать и мнѣ» [1]).

Съ другой стороны, допустивъ возникнуть между Франціей и Россіей назойливому и опасному прусскому вопросу и не желая рѣшать его, Наполеонъ стремился изъять его изъ обсужденія. Александръ въ видѣ намека просилъ Коленкура, а черезъ Толстого настойчиво требовалъ освобожденія Пруссіи; Наполеонъ-же твердо рѣшилъ не выпускать Пруссіи изъ цѣпей, въ которыхъ онъ ее держалъ, и не ослаблять ихъ до окончанія войны съ Англіей. Въ этомъ отношеніи онъ никогда не уступилъ бы Александру и не согласился бы вывести войска изъ Пруссіи; но ему не хотѣлось слишкомъ рѣшительно отказывать ему, такъ какъ онъ боялся возстановить его противъ себя и вызвать конфликтъ. Итакъ, онъ желалъ прекратить разговоры по этому вопросу и избавиться отъ болѣе настойчивыхъ просьбъ. Предложеніе о раздѣлѣ давало ему возможность это сдѣлать. Заговоривъ объ этомъ предметѣ, Наполеонъ прекращалъ плохо начатую партію, смѣшивалъ карты и могъ возобновить свою игру съ Россіей на новыхъ началахъ. Приглашенная къ обсужденію вопроса, значеніе котораго заставило бы померкнуть всякій другой интересъ, Россія на нѣкоторое время перестала бы обращать вниманіе на Пруссію, смотрѣла бы только на Турцію, и не мѣшала бы намъ и впредь пользоваться положеніемъ, обезпечивающимъ наше господство въ Германіи. Наполеонъ вполнѣ спокойно могъ бы продолжать обращаться съ Пруссіей, какъ съ завоеванной страной, и сохранять по отношенію къ ней всѣ права завоевателя. Это было одной не упомянутой, но несомнѣнной выгодой среди тѣхъ, которыя онъ ожидалъ отъ своего письма.

Но, при всемъ томъ, не думалъ ли онъ добиться и другого результата, того, о которомъ говорилъ открыто? Откладывая между Франціей и Россіей одинъ изъ двухъ щекотливыхъ вопросовъ,— прусскій вопросъ, не хотѣлъ ли онъ въ то же время сговориться съ Александромъ о другомъ, то есть о Востокѣ, и скрѣпить союзъ двухъ имперій путемъ необычайнаго по своимъ размѣрамъ согласованія мѣропріятій, гибельныхъ для общаго врага?

Повидимому, изложенная нами перемѣна, происшедшая съ им-

[1]) Выдержка изъ письма Коленкура, опубликованная Татищевымъ въ Nouvelle Revue, du 15 juin 1890.

ператоромъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, предшествующихъ письму, заранѣе отвѣчаетъ на этотъ вопросъ. Мы видѣли, какъ проектъ о раздѣлѣ, бывшій доселѣ въ его умѣ на послѣднемъ планѣ, мало по-малу занимаетъ первое мѣсто въ его заботахъ. Въ январѣ 1808 г. мы чувствуемъ въ умѣ императора присутствіе этого проекта и даже по временамъ ясно видимъ его, благодаря собственнымъ словамъ Наполеона или словамъ его министровъ, благодаря откровеннымъ бесѣдамъ Талейрана съ Меттернихомъ и разговору, въ которомъ Наполеонъ даетъ австрійскому министру возможность предугадать близкое паденіе Турціи. Такимъ образомъ, хотя медленно и съ трудомъ, но эта идея прокладываетъ себѣ путь въ умѣ императора. Инструкціи Коленкуру отъ 29 января рисуютъ намъ идею о раздѣлѣ все еще спорной, но требующей скорѣйшаго рѣшенія; и, наконецъ, когда она высказывается въ письмѣ отъ 2 февраля, вполнѣ естественно предположить, что, послѣ вызова Англіи, Наполеонъ не счелъ нужнымъ откладывать долѣе ея выполненіе. Это доказывается еще тѣмъ, что въ письмѣ къ императору Александру мы узнаемъ проектъ въ томъ видѣ, какъ уловили его въ зачаточномъ состояніи нѣсколько недѣль тому назадъ. Это все тотъ же планъ, взятый въ послѣдовательныхъ положеніяхъ въ различныхъ стадіяхъ его развитія, но все еще обнимающій въ характерныхъ чертахъ оба существенныхъ элемента: раздѣлъ Турціи и походъ въ Индію. Эта послѣдняя особенность служитъ признакомъ его искренности. Если бы Наполеонъ хотѣлъ обмануть Россію, онъ предложилъ бы ей только раздѣлъ, который, по его мнѣнію, долженъ былъ преисполнить ее радостью, а не походъ въ Азію, которому она мало сочувствовала, считала неосуществимымъ и опаснымъ. Уже тѣмъ, что онъ вноситъ это условіе и эту поправку въ вопросъ о расчлененіи Турціи, онъ даетъ неоспоримое доказательство, что дѣйствительно допускаетъ раздѣлъ Турціи и выдаетъ намъ одну изъ причинъ своей уступчивости: онъ согласенъ разрушить старое восточное зданіе, потому что среди его развалинъ надѣется проложить себѣ путь въ Индію и черезъ трупъ Турціи добраться до Англіи и нанести ей пораженіе.

Такое намѣреніе окончательно обрисовывается въ военныхъ мѣрахъ, принимаемыхъ имъ на границахъ Оттоманской имперіи. Между рѣчами, предписанными Наполеономъ его дипломатіи, и его приказами по арміи и флоту существуетъ вполнѣ опредѣлен-

ное соотношеніе. Въ то время, когда онъ предлагаетъ въ Петербургѣ раздѣлъ, онъ принимаетъ и мѣры къ его выполненію. Его армія въ Далмаціи служила для него авангардомъ по направленію къ Востоку; съ этого времени онъ ее усиливаетъ, снабжаетъ всѣмъ нужнымъ и поддерживаетъ постоянныя сношенія съ ея командирами. Онъ разспрашиваетъ Мармона о мѣстахъ высадки на берегахъ Эпира [1]); приказываетъ изучить пути, по которымъ наши войска могутъ вступить на оттоманскую территорію и по которымъ можно не только идти вдоль моря, но и углубиться во внутрь страны. Узнавъ, что одна дорога идетъ изъ нашихъ владѣній въ Бератъ, главный городъ одного изъ пашалыковъ Албаніи, онъ пишетъ: «Слѣдуетъ основательно ознакомиться съ этой дорогой, каждая ея миля меня крайне интересуетъ» [2]). Правда, эти инструкціи могутъ быть объяснены заботой объ оборонѣ. Съ нѣкотораго времени Наполеонъ думалъ провести на всякій случай французскій отрядъ черезъ турецкую Албанію съ тѣмъ, чтобы, поставивъ его противъ Корфу, поручить ему защиту острова отъ нападенія англичанъ. Но разсмотримъ другія, болѣе убѣдительныя, данныя; отъ береговъ Адріатики перейдемъ къ берегамъ Средиземнаго моря. Тутъ все въ движеніи, все готовится; отдѣльныя эскадры и сопровождающія ихъ суда съ припасами соединяются вмѣстѣ; несмотря на тысячи затрудненій, вотъ уже два мѣсяца идетъ, иногда замедляясь, но никогда не прерываясь, внушительное сосредоточеніе боевыхъ силъ. Если слѣдить за ходомъ этого дѣла, начавъ съ его возникновенія, то видишь, какъ все ярче выступаютъ наружу вначалѣ неясные планы императора и измѣненія, которыя онъ въ нихъ вноситъ; какъ внезапно воскресаютъ въ немъ неоднократно разрушенныя надежды и, наконецъ, въ первыхъ числахъ февраля, когда развивающемуся движенію дается ускоренный темпъ, когда оно направляется къ восточной части Средиземнаго моря,—относящіеся къ нему приказы, спѣшные и сжатые, даютъ очевидные намеки на намѣренія именно относительно Турціи, содержатъ въ этомъ смыслѣ безспорныя указанія и выраженія, пріобрѣтающія все болѣе опредѣленное значеніе, и въ заключеніе—признаніе въ своихъ намѣреніяхъ въ полномъ смыслѣ слова.

[1]) Corresp., 13489.
[2]) Id.

Съ того самаго момента, когда Наполеонъ выступилъ, какъ звѣзда первой величины, на мировой аренѣ, онъ мечталъ о завоеваніи Средиземнаго моря. Это была одна изъ его постоянныхъ идей, съ которой онъ сроднился,—вовсе не изъ тѣхъ, которыя возникали въ немъ только подъ давленіемъ событій. По его мнѣнію, чтобы господствовать надъ моремъ, которое онъ любилъ, волны котораго омывали берега его родины, шумъ котораго убаюкивалъ его первые сны, вовсе не было необходимости противопоставлять англичанамъ равныя морскія силы, искать ихъ въ ихъ стихіи и на ней стараться побѣдить ихъ. Вѣдь, отъ Гибралтара до Босфора море было подчинено сушѣ; заливы, въ которыхъ оно заключено, полуострова, которые дѣлятъ его и разобщаютъ его части, разсѣкающіе его мысы, разбросанные по немъ архипелаги, каналы, въ которыхъ оно суживается,—все это держитъ его въ тѣсной зависимости. Для завоеванія открытаго океана необходимо покрыть его воды побѣдоносными эскадрами; Средиземное же море управляется съ высоты господствующей надъ нимъ суши. Среди этихъ позицій, Наполеонъ, руководимый топографическимъ инстинктомъ, тѣмъ «діагнозомъ мѣстностей» [1]), которымъ никто не владѣлъ въ такомъ совершенствѣ, какъ онъ, тотчасъ же распозналъ самыя важныя и наиболѣе выгодно расположенныя позиціи; тѣ позиціи, которыя должны были служить базами его могущества, и его цѣлью было присваивать ихъ себѣ одну за другой.

Эта система обнаруживается съ самаго начала его карьеры. Лишь только онъ спустился съ Альповъ, онъ между остатками итальянскаго государства выбираетъ и захватываетъ для Франціи сперва островки, расположенные на югъ отъ Сардиніи, затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ побѣды наши слѣдуютъ одна за другой, беретъ Геную, Эльбу, Анкону, наконецъ, Корфу и прилегающіе къ нему острова, тѣ семь острововъ на Іоническомъ морѣ, которые Венеція сумѣла сохранить до дня своего паденія и которые составляли остатки ея восточныхъ владѣній, послѣднія жемчужины ея короны. Сдѣлавшись хозяиномъ на Корфу, онъ стремится завоевать Египетъ и мимоходомъ беретъ Мальту. Вскорѣ послѣ такого натиска Франціи на Средиземное море слѣдуетъ

[1]) L. Drapeyron, Revue de géographie, mars 1888: Le grand dessein médi erranéen et l'expédition d'Égypte.

отступленіе. Вторая коалиція вырываетъ изъ нашихъ рукъ Іоническіе острова, Мальту, Александрію и всюду замѣщаетъ насъ англичанами или ихъ союзниками. Однако, Наполеонъ не отказывается отъ возможности вернуть эти потери и старается достигнуть этого косвеннымъ путемъ. Отъ 1805 до 1807 г. онъ пользуется каждой своей побѣдой на сѣверѣ, чтобы снова занять какую-нибудь позицію на Средиземномъ морѣ. Послѣ Аустерлица онъ овладѣваетъ Далмаціей, изгоняетъ Бурбоновъ изъ Неаполя и размѣщаетъ по берегамъ ихъ королевства свои войска. Два года спустя, благодаря Фридланду, онъ снова пріобрѣтаетъ Корфу. Тильзитскій договоръ, возвращая ему Іоническій архипелагъ и драгоцѣнный рейдъ Каттаро, вторично приводитъ Францію въ восточный бассейнъ Средиземнаго моря.

Корфу сразу же становится для Наполеона предметомъ безпримѣрныхъ заботъ. Этотъ постъ, неохотно переданный намъ русскими военачальниками и пока занятый лишь нѣсколькими французскими отрядами, могъ подвергнуться опасности; онъ долженъ былъ искушать алчность англичанъ. Изъ предложеній Вильсона русскому кабинету видно, что захватъ острова былъ одной изъ ихъ излюбленныхъ идей. Но Наполеонъ угадалъ ихъ умыселъ, даже прежде, чѣмъ разоблачили его сообщенія Румянцева, и, дабы предупредить его, онъ увеличиваетъ боевыя силы острова. Онъ намѣренъ отовсюду доставить въ Корфу войска, боевые припасы и провіантъ. Находясь вдали отъ острова, онъ организуетъ его оборону, входитъ во всѣ мельчайшія подробности и ничего, что можетъ предусмотрѣть, не предоставляетъ случаю. По мѣрѣ того, какъ недѣли идутъ одна за другой, усиливается и его неусыпное вниманіе; онъ повторяетъ приказанія, подгоняетъ и бранитъ лицъ, которымъ поручено дѣло, и вмѣняетъ имъ въ преступленіе ихъ медлительность. Корфу постоянно упоминается въ его предписаніяхъ; островъ, занимающій нѣсколько квадратныхъ километровъ, одинъ заботитъ его болѣе, чѣмъ всѣ остальныя части его имперіи [1]).

---

[1]) Corresp., 13095, 13098, 13116, 13117, 13118, 13126, 13206, 13221, 13223—24, 13232—33, 13240, 13269, 13331, 13337, 13341, 13368. Correspondance politique et militaire du roi Joseph, publiée par A. Du Casse. 3-e édition, t. IV, 25 septembre au 15 décembre 1807. Voy. aussi

Эта всепоглощающая забота дѣлается понятной при сопоставленіи ея съ планами, обсуждаемыми въ Тильзитѣ. Если бы суждено было приступить фактически къ раздѣлу Турціи, Корфу былъ бы стержнемъ, на которомъ вращалась бы вся операція, развернутая на два фронта, континентальный и морской. Главный Іоническій островъ Корфу, примыкая къ флангу европейской Турціи, ставилъ насъ въ непосредственное соприкосновеніе съ самыми важными областями этой страны, давалъ возможность наблюдать за Албаніей, за Эпиромъ, и Али, его тираномъ; позволялъ намъ пріобрѣсти сторонниковъ среди начинавшихъ волноваться подъ турецкимъ игомъ грековъ и пробудить въ нихъ національное чувство. Эта островная Греція могла служить для возбужденія возстанія въ остальной Греціи. Ея продолженіе на сушѣ, Парга, укрѣпленная по приказанію императора, и Бутринто, которую онъ предписалъ занять, составляли по ту сторону Адріатики наши укрѣпленныя мѣста, предназначенныя для десантовъ. Непрерывность позицій облегчала переходъ изъ Италіи въ Эпиръ, и, въ случаѣ, если бы потребовалось внезапно напасть на Турцію, Корфу былъ однимъ изъ тѣхъ пунктовъ, откуда всего легче было начать предпріятіе.

Съ другой стороны, Корфу былъ часовымъ, выдвинутымъ на пути къ Египту, этому вѣчному предмету нашей скорби и нашихъ вожделѣній. Бросьте взглядъ на карту. Италія, вытягиваясь къ юго-востоку, выставляетъ свой южный конецъ по направленію къ Египту; прямая линія, исходя изъ глубины Тарентскаго залива, проведенная черезъ море, оканчивается у Александрійской пристани. Области Отранто, Бриндизи, Таренто, то, что Наполеонъ называлъ «конецъ сапога» [1]) и что вѣрнѣе представляетъ каблукъ, вотъ мѣсто, гдѣ западная Европа подходитъ ближе всего къ бывшему нашему африканскому владѣнію. Отсюда въ наше время начинается путь быстраго пароходнаго сообщенія, путь торговыхъ сношеній, который черезъ Суецъ соединяетъ европейскія страны со странами далекаго Востока. Пророческій геній Наполеона предвидѣлъ значеніе этой части

la mission du commandant de Clermont-Tonnerre à Corfou, dans l'ouvrage de M. Camille Rousset intitulé: *Un ministre de la Restauration, le marquis de Clermont-Tonnerre*, 50 et suiv.

[1]) Drapeyron, вышепоименованная статья.

Неаполитанскаго государства; именно изъ Таренто предполагалъ онъ отправить экспедицію для возвращенія намъ Египта. Но Іоническіе острова, какъ вѣхи, стоятъ на востокѣ, вдоль пути, по которому намъ придется идти; они составляютъ необходимое дополненіе къ нашей позиціи; съ потерей ихъ она утратила бы всякое значеніе. Разъ англичане въ Корфу, это значитъ, что выходъ изъ Адріатики закрытъ, Тарентскій заливъ подъ ихъ строгимъ надзоромъ, Неаполитанское королевство подвержено нападенію съ тыла. Наоборотъ, въ нашихъ рукахъ Корфу былъ бы для нашего флота первой гаванью на востокѣ, превосходнымъ рейдомъ, въ которомъ онъ могъ бы укрываться отъ враговъ и морскихъ волнъ, выжидать для выхода въ море благопріятнаго момента, окончательно подготовить свои силы и броситься на врага.

Хотя обладаніе Корфу и облегчало намъ доступъ къ Египту, оно не обезпечивало его за нами, пока англичане владѣли Мальтой и особенно Сициліей. Водворившись на этомъ большомъ островѣ, который даетъ возможность прервать сообщеніе между двумя бассейнами Средиземнаго моря, они могли ударить намъ во флангъ, преградить намъ путь, предупреждать насъ повсюду на Востокѣ и мѣшать тамъ нашимъ операціямъ. Создавъ себѣ изъ Сициліи арсеналъ и пристанище, они постоянно держали тамъ отъ восьми до десяти тысячъ испытаннаго войска, готоваго дѣйствовать по всѣмъ направленіямъ. Пока они были на островѣ, Наполеонъ считалъ ихъ хозяевами Средиземнаго моря. Поэтому-то въ октябрѣ и ноябрѣ 1807 г. онъ старается отложить на неопредѣленный срокъ раздѣлъ Турціи, такъ какъ пока не видитъ еще возможности прогнать ихъ изъ Сициліи.

Въ декабрѣ онъ получилъ въ Миланѣ неожиданное извѣстіе: Сицилія была оставлена англичанами [1]). Почти всѣ ихъ войска подъ командой генерала Мура были посажены въ Палермо на суда, и вскорѣ стало извѣстно, что они вышли въ открытый океанъ, Куда отправлялись они? Не для защиты ли Португаліи отъ нашихъ. войскъ? Или, можетъ быть, въ Балтійское море, спѣша на помощь Швеціи, которой угрожали русскіе? Каково бы ни было ихъ назначеніе, но было достовѣрно, что возрастающая въ другихъ мѣстахъ опасность вынудила Англію устремить туда свои силы и очистить Средиземное море. Съ присущей ему быстротой, Напо-

---

1) Король Жозефъ Наполеону, 12 и 19 ноября 1807 г.

леонъ тотчасъ же оцѣнилъ выгоду, которую онъ могъ извлечь изъ этого оборота дѣла, и рѣшилъ отвѣтить на него движеніемъ въ противоположномъ направленіи. Послѣ Тильзита, разсчитывая еще на содѣйствіе датскаго флота, онъ, главнымъ образомъ, предполагалъ употребить свои эскадры на сѣверѣ; теперь, когда югъ предоставилъ ему на нѣкоторое время свободное поле дѣйствій, онъ предписываетъ своимъ морскимъ силамъ быструю перемѣну фронта и рѣшаетъ перенести ихъ всѣ, безъ исключенія, въ Средиземное море. Онъ сберегъ одну эскадру въ Брестѣ, другую въ Лоріентѣ, третью въ Рошфорѣ. 12 декабря изъ Венеціи онъ приказываетъ послать имъ всѣмъ приказъ выйти въ море, обогнуть Иберійскій полуостровъ, пройти Гибралтарскимъ проливомъ и соединиться въ Тулонѣ подъ командой адмирала Гантома съ флотомъ, который еще находится у него въ этомъ порту и къ которому въ то же время должны присоединиться шесть кораблей, вызванныхъ изъ Кадикса [1]). Дѣло закипаетъ тотчасъ-же; курьеры скачутъ, эскадры снимаются съ якорей. 24 января становится извѣстнымъ, что рошфорская эскадра, которой первой удалось обмануть бдительность непріятельскихъ крейсеровъ, идетъ въ Тулонъ, гдѣ ее ожидаютъ корабли Гантома. Императоръ хочетъ использовать эту первую концентрацію морскихъ силъ, предвѣстницу другой, болѣе значительной, и тотчасъ же намѣревается направить на Сицилію соединенныя морскія силы. 24 января онъ отправляетъ неаполитанскому королю Жозефу планъ неожиданнаго нападенія на островъ и завоеванія его [2]). Этотъ планъ представляетъ собой въ миніатюрѣ предполагаемый большой планъ высадки въ Англію; дѣло постоянно идетъ о томъ же: обезпечить успѣхъ арміи одновременнымъ содѣйствіемъ флота.

Наполеонъ со страстью предавался приготовленіямъ къ экспедиціи, когда до него дошли непріятныя извѣстія изъ Корфу. По этимъ извѣстіямъ, хотя главныя англійскія силы и удалились изъ Средиземнаго моря, но крейсера остались тамъ, и одинъ изъ нихъ, бдительно наблюдая за Іоническими островами, мѣшалъ подвозу провіанта и войскъ [3]). Наши подкрѣпленія и транспортныя суда

---

[1]) Corresp., 13387. Voy. aussi Chevalier, Histoire de la marine française sous le Consulat et l' Empire, p. 281 et suiv.

[2]) Corresp., 13480.

[3]) Id., 13418.

перехватывались имъ. Къ 1 января ничто не дошло по назначенію; и, нѣсколько дней спустя, король Жозефъ откровенно указалъ на недостаточность средствъ, употребляемыхъ для обезпеченія обороны [1]). Англичане могли появиться неожиданно съ большими силами, и опасность становилась угрожающей. Сицилія, сама по себѣ, имѣла въ глазахъ Наполеона меньше значенія, чѣмъ Корфу. Завоеваніе Сициліи облегчило бы выполненіе всѣхъ плановъ, но, съ другой стороны, утрата Корфу была бы всему помѣхой. Желая, какъ можно скорѣе, предупредить несчастье, Наполеонъ рѣшилъ сперва употребить оба флота, которыми онъ располагалъ, для снабженія Корфу провіантомъ. Гантомъ получаетъ приказаніе выйти навстрѣчу рошфорской эскадрѣ, какъ только она покажется въ виду Тулона, и соединиться съ ней въ открытомъ морѣ; затѣмъ онъ долженъ пойти прямо въ Корфу, выгрузить тамъ провіантъ и боевые припасы, защитить путь для транспортовъ, а также крѣпость отъ всякаго нападенія. Въ то же время Наполеонъ пишетъ генералу Цезарю Бертье, губернатору Семи Острововъ, извѣщая его о прибытіи помощи и приказывая, въ случаѣ нападенія, держаться до послѣдней крайности [2]). Жозефу онъ пишетъ, чтобы онъ сосредоточилъ всѣ свои силы для защиты Корфу и уже не говоритъ о высадкѣ въ Сициліи.

Нѣсколько дней спустя его мысль принимаетъ другое направленіе и дѣлается смѣлѣе: у него возникаютъ новые планы. Такъ какъ соединеніе обоихъ флотовъ вскорѣ обезпечитъ намъ въ Средиземномъ морѣ, хотя и кратковременное, но безспорное превосходство силъ, отчего бы не соединить обѣ операціи, пойти сперва въ Корфу, а затѣмъ въ Сицилію? Подобная экспедиція, представлявшая всѣ шансы на успѣхъ, дѣйствительно, имѣла бы рѣшающее вліяніе на наши проекты относительно Востока и была бы въ состояніи положить конецъ нашей нерѣшительности. Она лишила бы англичанъ операціонной базы и въ то же время обезпечила бы нашу. Въ концѣ-концовъ Наполеонъ рѣшаетъ попытаться привести въ исполненіе этотъ планъ, и въ этомъ смыслѣ излагаетъ свои послѣднія инструкціи. Гантомъ долженъ направиться сперва въ Корфу, затѣмъ, принявъ мѣры, обезпечивающія безопасность этого поста и проникнувъ въ Мессинскій проливъ, дать нашей

[1]) Король Жозефъ Наполеону 12, 18 и 23 января 1808 г.

[2]) Corresp., 13504.

неаполитанской арміи, которую Жозефъ будетъ держать наготовѣ къ походу, возможность прочно основаться въ Сициліи [1]).

Эти мѣры предписаны 7 февраля; слѣдовательно, онѣ были рѣшены въ предшествующіе дни, то есть въ то время, когда Наполеонъ предлагалъ раздѣлъ русскому императору; связь между этими двумя его рѣшеніями не подлежитъ спору. Она сказывается даже въ нѣкоторомъ сходствѣ выраженій. Въ депешѣ къ Коленкуру отъ 29 января Наполеонъ указываетъ на выгоду отложить раздѣлъ «до того дня, когда у англичанъ будетъ вырвано господство на Средиземномъ морѣ» [2]). Въ инструкціяхъ для Гантома, онъ указываетъ «на громадное значеніе обладать Сициліей, что совершенно измѣнитъ положеніе на Средиземномъ морѣ» [3]). Такимъ образомъ, онъ смотритъ на завоеваніе Средиземнаго моря, какъ на нѣчто, отнынѣ осуществимое и неизбѣжное, и думаетъ, что въ настоящее время можно считать, что главное условіе, въ зависимость отъ котораго онъ ставилъ раздѣлъ, имѣется на лицо. Въ то же время онъ обращается къ Жозефу по поводу Корфу съ поразительными, характерными по ихъ таинственному смыслу, словами: «Корфу до такой степени важенъ для меня, пишетъ онъ ему, что утрата его нанесетъ роковой ударъ моимъ планамъ... Запомните мои слова: при настоящемъ положеніи Европы, самое большое несчастье, которое только можетъ меня постигнуть, это—утрата Корфу» [4]).

Вскорѣ онъ высказывается опредѣленнѣе. По прошествіи нѣсколькихъ недѣль флотъ Гантома, снабдивъ всѣмъ необходимымъ Іоническіе острова, вернулся передохнуть въ Тулонъ, ничего не сдѣлавъ, однако, въ Сициліи. Такой не полный успѣхъ не только не разочаровываетъ Наполеона, а скорѣе возбуждаетъ его дѣятельность. Въ мартѣ, въ адресованномъ министру Декре общемъ обзорѣ, въ которомъ разсматривается предполагаемое распредѣленіе и употребленіе всѣхъ его морскихъ силъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ подробно излагаетъ мѣры, которыя нужно принять на сѣверѣ, онъ добавляетъ: «Въ то же время я буду дѣлать приготовленія въ Корфу, Таренто и Неаполѣ для экспедиціи въ Сицилію или Египетъ» [5]).

---

1) Id., 13534.
2) См. стр. 139.
3) Corresp., 13534.
4) Id., 13537, 13540.
5) Corresp. 13708.

Затѣмъ, онъ снова возвращается къ своей мысли и дополняетъ ее, но уже не допускаетъ выбора между экспедиціями въ Сицилію или Египетъ, а указываетъ на ихъ нераздѣльность и связь съ событіями, театромъ которыхъ сдѣлается Турція. Послѣ указанія на маневры, при помощи которыхъ онъ надѣется скрыть отъ англичанъ свои виды на океанъ и на западную часть Средиземнаго моря, онъ отказывается отъ мысли обмануть ихъ на Востокѣ, намекаетъ, что нападеніе на Оттоманскую имперію съ суши обнаружитъ наши морскіе планы и кончаетъ слѣдующей фразой: «*Желаніе овладѣть Сициліей и Египтомъ будетъ столь очевидно; операціи, направленныя противъ Константинополя, до такой степени выяснятъ это, что англичанамъ невозможно будетъ заблуждаться*» [1]).

Итакъ, мысль вторгнуться въ Турцію и затѣмъ угрожать Индіи засѣла и укоренилась въ умѣ императора. Слѣдуетъ ли изъ этого, что она пріобрѣла характеръ безповоротнаго рѣшенія? А главное, вѣрилъ ли Наполеонъ, что обѣ операціи могли быть вполнѣ подготовлены и приведены въ исполненіе въ столь точно опредѣленный срокъ, какой онъ назначалъ въ своемъ письмѣ, съ столь молніеносной, какъ бы волшебной, быстротой? Мы этого не думаемъ. Напротивъ, болѣе вѣроятно, что, когда онъ писалъ письмо отъ 2 февраля, въ его намѣреніе входило желаніе, вполнѣ сохраняя за собой возможность дальнѣйшихъ соглашеній съ Россіей, избѣгать всякаго преждевременнаго обязательства подъ предлогомъ обсужденія вопроса, важность и сложность котораго доставляли ему достаточно матеріала, чтобы увеличивать препятствія для его рѣшенія. Чтобы успокоить нетерпѣніе Россіи, онъ приглашалъ ее теперь же къ совмѣстному обсужденію предпріятія, на которое самъ онъ смотрѣлъ, не иначе какъ на самое крайнее средство противъ Англіи, и которое держалъ про запасъ, вовсе не думая, что оно должно быть выполнено немедленно и даже, что слѣдуетъ придти по этому поводу къ соглашенію. Неотступно преслѣдуемый мечтой, которая искушаетъ его въ теченіе уже нѣсколькихъ мѣсяцевъ, онъ высказываетъ ее вслухъ Александру съ цѣлью очаровать этого монарха, заставить его обо всемъ забыть и все претерпѣть, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и съ цѣлью подготовить совмѣстно съ нимъ средства превратить въ дѣйствительность самые смѣлые

---

[1]) Id., 13708.

замыслы, но только при томъ условіи, если это властно потребуется грядущими событіями и окажется возможнымъ.

Къ тому же, даже въ своихъ основахъ проектъ оставался въ неопредѣленномъ положеніи; приведеніе его въ исполненіе зависѣло отъ стеченія обстоятельствъ. Для этого требовалось, чтобы вполнѣ удались предварительныя операціи на Средиземномъ морѣ; чтобы дѣла въ Испаніи безъ особыхъ хлопотъ были улажены; чтобы удалось сговориться съ Александромъ по вопросу о распредѣленіи оттоманскихъ владѣній. Въ случаѣ отсутствія какого-либо изъ названныхъ условій, Наполеонъ не исключалъ изъ разговоровъ съ Россіей другія предположенныя и разсмотрѣнныя имъ средства къ соглашенію. Какъ всегда, его планы имѣли много рѣшеній, и онъ выдвигалъ то или другое, смотря по собесѣднику, съ которымъ разговаривалъ. Въ первыхъ числахъ февраля, почти одновременно съ отправкой письма къ царю, онъ приглашаетъ Толстого на охоту и пользуется этимъ случаемъ для продолжительнаго разговора. Хотя онъ и остерегается откровенно говорить съ непользующимся его довѣріемъ посланникомъ о томъ, что только-что сообщилъ его государю, хотя и ограничивается однимъ изъ тѣхъ многословныхъ, тягучихъ, часто противорѣчивыхъ разговоровъ, которыми онъ превосходно умѣлъ сбивать съ толку своихъ собесѣдниковъ и скрывать отъ нихъ свою мысль, онъ, тѣмъ не менѣе, слегка касается всѣхъ способовъ рѣшенія и не отказывается ни отъ одного изъ нихъ. Онъ можетъ согласиться на раздѣлъ, говоритъ онъ, «въ угоду императору Александру» [1]; онъ не отвергаетъ мысли предоставить Россіи просто расшириться до Дуная, даже въ томъ случаѣ, если Франція выведетъ войска изъ Пруссіи: тѣмъ не менѣе онъ все-таки проситъ себѣ Силезію, но въ то же время не перестаетъ весьма энергично утверждать, что готовъ отказаться отъ нея, вернуть ее тотчасъ же Пруссіи, если Россія очиститъ княжества [2]). Онъ остается

[1]) Толстой Румянцеву. 25 января—6 февраля 1808 г. Архивы С.-Петербурга.

[2]) „Онъ схватилъ обѣими руками свою шляпу, пишетъ Толстой, и бросилъ ее на землю, а затѣмъ обратился ко мнѣ со слѣдующими словами, слишкомъ замѣчательными, чтобы не передать ихъ слово-въ-слово: „Обратите вниманіе на мои слова, господинъ Толстой, къ вамъ теперь обращается уже не императоръ французовъ, а ведетъ разговоръ дивизіонный генералъ съ другимъ дивизіоннымъ генераломъ. Пусть буду я послѣднимъ изъ людей, если я не

постояннымъ только въ одномъ пунктѣ,—въ необходимости нанести тяжкій ударъ Англіи и добраться до нея въ Азіи. Если Турція не будетъ разрушена, можно будетъ ею воспользоваться и мирнымъ путемъ занять ея территорію до границъ Персіи; затѣмъ необходимо достичь Евфрата: «Разъ это будетъ сдѣлано, ничто не помѣшаетъ дойти до Индіи. Если это предпріятіе не удалось Александру и Тамерлану, это не служитъ еще доказательствомъ его невозможности: слѣдуетъ только повести дѣло лучше ихъ» [1]).

Такимъ образомъ, все было направлено противъ Англіи. Но было очевидно, что ея своевременная уступчивость остановила бы все и удержала бы занесенную на нее руку императора. Даже въ то время, когда Наполеонъ предлагалъ довести борьбу до неслыханныхъ размѣровъ, онъ не пренебрегалъ никакимъ случаемъ, какъ бы ничтоженъ онъ ни былъ, чтобы предупредить путемъ соглашенія ея ужасную неизбѣжность. Русскій посолъ въ Лондонѣ, Алопеусъ [2]), былъ отозванъ вслѣдствіе разрыва съ Англіей, и, возвращаясь на родину, проѣзжалъ въ февралѣ черезъ Францію. Узнавъ, что тотъ слышалъ въ Англіи кое-какія примирительныя слова, которыя какъ будто противорѣчили тону министерскихъ декларацій, Наполеонъ спѣшитъ ухватиться за эту нить. Черезъ посредство русскаго, онъ пытается возобновить переговоры, неуспѣшно начатые австрійцемъ. Даже его упорные порицатели, между прочимъ и Толстой, вынуждены были признать въ немъ безспорное желаніе мира [3]). Новая попытка не могла дать луч-

---

исполню добросовѣстно обязательства, подписаннаго въ Тильзитѣ, и если я не выведу войска изъ Пруссіи и герцогства Варшавскаго въ то время, когда вы будете уводить ваши войска изъ Молдавіи и Валахіи. Какъ можете вы сомнѣваться въ этомъ? Я не сумасшедшій и не ребенокъ, чтобы не знать, о чемъ я заключаю договоръ, а то, что я обязываюсь сдѣлать, я исполняю всегда". Толстой Румянцеву, 25 января—6 февраля 1808 г., архивы С.-Петербурга.

1) Id.

2) Братъ русскаго посланника въ Швеціи.

3) „Находя у императора Наполеона, пишетъ Толстой 6—18 марта 1808 г. неизмѣнную склонность къ миру, неизмѣнное желаніе мира, я счелъ долгомъ воспользоваться этимъ послѣднимъ средствомъ“ (посредничество Алопеуса): архивы С.-Петербурга. Съ своей стороны, послѣ одного разговора съ императоромъ, Алопеусъ говорилъ, „что, по его мнѣнію, императоръ довольно опредѣленно выражалъ желаніе мира съ Англіей, и что это сказывалось во

шихъ результатовъ, чѣмъ предшествующія; но императоръ твердо рѣшилъ, если Англія будетъ расположена прекратить борьбу, считать свои предложенія Россіи недѣйствительными и остановить грозныя пружины, которыя онъ готовился пустить въ ходъ.

Обставленное вышеизложенными оговорками, освѣщенное дошедшими до насъ показаніями современниковъ, письмо къ царю раскрываетъ свой истинный смыслъ и выступаетъ во всемъ своемъ значеніи. Если же сопоставить его съ мѣрами, предписанными императоромъ не только на югѣ, но и въ другихъ частяхъ Европы, все понятно въ немъ, каждая фраза принимаетъ точное значеніе, и между строкъ выступаетъ во всемъ его величіи набросокъ проекта во всей его совокупности. Это планъ тонкой и глубокой политики, способный доставить успѣхъ самой грозной военной комбинаціи, когда либо возникавшей въ человѣческомъ умѣ. Начиная съ Балтійскаго моря до самой глубины Малой Азіи, вдоль Сѣвернаго моря, береговъ Атлантическаго океана, Иберійскаго полуострова, Италіи, Востока,—Наполеонъ распредѣляетъ міръ, какъ поле битвы. По этой линіи, протяженіемъ въ нѣсколько тысячъ лье, пользуясь то властью, то искуснымъ подстрекательствомъ, онъ призываетъ и ставитъ въ боевой порядокъ, какъ корпуса одной и той же арміи, подвластные и союзные ему народы и указываетъ каждому его мѣсто, его роль; однимъ поручаетъ производить демонстраціи и ложныя нападенія, другихъ держитъ въ резервѣ для нанесенія рѣшительныхъ ударовъ; онъ хочетъ вызвать цѣлый рядъ находящихся въ тѣсной связи, хорошо согласованныхъ, взаимно-поддерживающихъ другъ друга операцій въ ожиданіи того момента, когда, держа въ рукахъ соединенную Европу, онъ броситъ ее, если того потребуютъ обстоятельства, на рѣшительный приступъ противъ британскаго могущества. Это будетъ послѣднимъ актомъ великой борьбы, достойной развязкой той драмы, отдѣльныя сцены которой назывались Маренго, Аустерлицъ, Іена, Фридландъ и Тильзитъ.

Россія должна теперь же начать рѣшительныя дѣйствія на сѣверѣ противъ Швеціи и угрожать Стокгольму. Наполеонъ

всѣхъ его вопросахъ... Не такъ обстоитъ дѣло въ Лондонѣ, добавлялъ представитель Россіи, гдѣ не только сэръ Каннингъ, но и все министерство стоятъ за продолженіе войны..." Hassel. 498.

предлагаетъ царю въ вознагражденіе за его энергію не только Финляндію, но все, что можно будетъ завоевать въ этомъ направленіи, и высказываетъ готовность оказать ему содѣйствіе. И дѣйствительно, одновременно съ этимъ онъ предписываетъ Бернадоту, занимавшему съ своимъ корпусомъ ганзейскіе города, подвинуться до Ютландіи, для того, чтобы имѣть возможность пройти на датскіе острова, и, кромѣ того, приказываетъ ему условиться съ правительствомъ Копенгагена по поводу нападенія на Сканію, южную провинцію Швеціи. Хочетъ ли онъ на самомъ дѣлѣ уничтожить Швецію? Такой планъ далекъ отъ его мысли: онъ вскорѣ напишетъ: «Я ничего не выиграю отъ появленія русскихъ въ Стокгольмѣ» [1]). И дѣйствительно, онъ никогда не окажетъ имъ серьезнаго содѣйствія. Въ его глазахъ нападеніе, къ которому онъ ихъ подстрекаетъ, только политическая и военная диверсія, назначеніе которой отвлечь вниманіе и нашихъ союзниковъ и нашихъ враговъ. Предлагая Россіи теперь же пріобрѣтенія на Сѣверѣ, хотя она проситъ ихъ на Востокѣ, онъ даетъ необходимую пищу завоевательной алчности русскаго двора; онъ занимаетъ его силы войной съ Швеціей, а умъ разговорами о раздѣлѣ Турціи. Съ другой стороны, походъ русскихъ на Скандинавскій полуостровъ въ связи съ демонстраціей Бернадота, будетъ все болѣе привлекать въ этомъ направленіи силы Англіи и задержитъ ихъ вдали отъ Испаніи и Средиземнаго моря.

Въ то время, когда Англія, не смѣя отказать въ помощи монарху, ради ея выгодъ безразсудно поставившему себя въ тяжелое положеніе, пошлетъ въ Швецію лучшіе свои полки, Испанія, предоставленная самой себѣ, не способная сопротивляться вліянію Наполеона и какъ бы зачарованная имъ, бросится въ его руки. Быть можетъ, перемѣнивъ династію и, навѣрное, характеръ правленія, она тѣснѣе сблизится съ нами и будетъ дѣйствовать противъ нашей соперницы. Къ тому времени Средиземное море будетъ очищено отъ англичанъ; отважныя нападенія доставятъ намъ или Сицилію или нѣкоторые посты на сѣверномъ берегу Африки и облегчатъ болѣе далекія операціи. До этого времени проектъ о раздѣлѣ будетъ служить только приманкой для Россіи и въ то же время пугаломъ для Англіи, ибо Наполеонъ въ *Moniteur'ѣ* даетъ возможность предугадать, «каковъ будетъ

[1]) Corresp., 13955.

результатъ войны, если будутъ имѣть неблагоразуміе ее продолжать. Миръ когда-нибудь наступитъ... говоритъ онъ, но къ тому времени произойдутъ такія событія, что Англія очутится безъ буферовъ въ своихъ самыхъ отдаленныхъ владѣніяхъ, въ главномъ источникѣ своего богатства» [1]). Если и эта угроза не будетъ убѣдительна для британской заносчивости, если ударовъ, косвенно нанесенныхъ на Сѣверѣ, въ Испаніи, на Средиземномъ морѣ, не будетъ достаточно, чтобы смирить Англію, тогда только рѣшатся судьбы Востока; только тогда обозначится конечная задача всѣхъ операцій и наступитъ время для вторженія нашихъ силъ.

Когда между Франціей, Россіей и Австріей все будетъ условлено, армія Мармона, стоящая наготовѣ въ Далмаціи, двинется на югъ; затѣмъ, устроивъ на Адріатикѣ операціонную базу, усилившись доставленными на судахъ корпусами, она бросится къ Константинополю. Находящійся въ тылу у ней Корфу, въ изобиліи снабженный войсками, снарядами, аммуниціей, всевозможнымъ провіантомъ, будетъ ея арсеналомъ и магазиномъ. «Когда у насъ захватили Корфу, говорилъ Наполеонъ на островѣ Св. Елены, тамъ должны были найти боевые припасы и полное снаряженіе для арміи въ сорокъ — пятьдесятъ тысячъ» [2]). Въ первыхъ провинціяхъ вторгнувшаяся армія не встрѣтитъ никакого организованнаго сопротивленія, никакихъ регулярныхъ войскъ: она найдетъ только пашей, убивающихъ другъ друга, мусульманскихъ данниковъ, которые будутъ просить только о сохраненіи ихъ привилегій, и христіанъ, готовыхъ возстать противъ Турціи; въ Албаніи не найдется противъ насъ и шести тысячъ [3]). Въ Македоніи и Румеліи французы соединятся съ австрійцами, которые спустятся черезъ возставшую Сербію съ сѣвера, далѣе—съ бросившимися изъ княжествъ русскими. Побѣдители и побѣжденные при Аустерлицѣ, примирившись на почвѣ общей идеи, двинутся далѣе вмѣстѣ, ускореннымъ маршемъ. Даже у вратъ своей столицы Турція не можетъ надѣяться на

[1]) Moniteur du 2 février, 1807.

[2]) Mémorial, 10—12 mars 1816.

[3]) Письмо, написанное 18 апрѣля 1808 г. губернатору Іоническихъ острововъ днимъ изъ его корреспондентовъ въ Албаніи. Документы относительно Іоническихъ острововъ и Албаніи намъ любезно сообщилъ г. Августъ Боппе.

серьезную защиту. Большая часть ея арміи, собранной въ прошломъ году у Адріанополя, послѣ перемирія была распущена, и для ея возстановленія нужно нѣсколько мѣсяцевъ. Союзники безъ выстрѣла подойдутъ къ Константинополю, гдѣ крамола облегчитъ ихъ дѣло; они уничтожатъ или выгонятъ правительство султана и лишатъ Турцію ея главы.

Въ то время, какъ огромное тѣло Турціи будетъ корчиться въ предсмертныхъ судорогахъ, будутъ двинуты войска второй линіи, назначенныя для оккупаціи страны. Постепенно западная часть Балканскаго полуострова, предназначенная при раздѣлѣ Франціи, покроется нашими солдатами. Задачей ихъ будетъ сломить мѣстное сопротивленіе и организовать страну. Головная же колонна, т. е. армія, состоящая изъ французовъ, русскихъ и австрійцевъ, смѣло будетъ продолжать начатое дѣло въ Азіи и двинется навстрѣчу новымъ русскимъ войскамъ, спускающимся съ горъ Кавказа. Какъ только союзная армія достигнетъ верховьевъ Евфрата, вступитъ на дорогу въ Персію и Индостанъ, ея задача на время будетъ закончена, ибо назначеніе ея не нападеніе, а скорѣе угроза. Тогда императоръ займется тѣмъ, чтобы закончить свои предпріятія въ другихъ пунктахъ. Прежде чѣмъ европейскія войска пройдутъ насквозь Турцію, французскія и союзныя морскія силы, прибывшія со всѣхъ концовъ свѣта, присоединятся къ нашему тулонскому флоту. «Жду другія эскадры» [1]), пишетъ императоръ Жозефу. Это будутъ эскадры изъ Лоріента, Бреста, Картагены, корабли съ острова Эльбы, изъ Лиссабона и Кадикса. Такимъ образомъ составится грозная, непобѣдимая морская армія. Подойдя сперва къ берегамъ Таренто, она возьметъ на свой бортъ экспедиціонный отрядъ и отвезетъ его въ Египетъ, населеніе котораго зоветъ насъ и на насъ надѣется [2]). Англія, на азіатскую имперію которой направлены дула орудій, увидитъ угрозу и со стороны Египта, и убѣдится, что оба пути, какъ сухопутный, такъ и морской, ведущіе въ Индію черезъ мусульманскія государства, почти перешли въ наши руки. Въ то же время изъ нашихъ портовъ на Сѣверномъ и Атлантическомъ моряхъ появятся флоты и флотиліи и произведутъ цѣлый рядъ демонстрацій. Въ Ирландіи, гдѣ уже орудуютъ наши

---

[1]) Corresp., 13561

[2]) Lettre du consul Drovetti, en date du 8 avril 1808, archives des affaires étrangères, consulat du Caire.

агенты, начнется волненіе. Легкіе крейсера, проскользнувъ во всѣ моря, наведутъ ужасъ повсюду во вражескихъ владѣніяхъ. Тогда Англія, оглушенная нападеніями со всѣхъ сторонъ, не зная, гдѣ на нихъ отвѣтить, не будучи въ состояніи отличить дѣйствительныхъ ударовъ отъ ложныхъ аттакъ, истощаясь въ безплодныхъ усиліяхъ, растерявшись среди такого «всемірнаго вихря» [1]), пошатнется. Потерявъ силы и, что еще важнѣе, мужество, она перестанетъ оспаривать то положеніе, которое событіями предоставлено новой Франціи, признаетъ своего побѣдителя, и полный миръ будетъ слѣдствіемъ этого необъятнаго міровою переворота.

Итакъ, мы видимъ, что Наполеонъ желалъ серьезно вести переговоры съ Россіей, хотя и ставилъ ихъ въ зависимость отъ событій и не опредѣлялъ точно времени, когда къ нимъ слѣдуетъ приступить;—таковъ смыслъ его письма. Несмотря на то, что онъ придаетъ своему намѣренію только преходящее, условное значеніе, оно съ теченіемъ времени должно было окрѣпнуть; оно устояло передъ первыми затрудненіями въ испанскихъ дѣлахъ и уступило только всей совокупности событій, изъ которыхъ самыя важныя были всего менѣе предусмотрѣны. И дѣйствительно, какъ и во всѣхъ случаяхъ, когда стратегическій замыселъ лежитъ въ основѣ задуманныхъ Наполеономъ проектовъ, когда онъ служитъ ихъ исходной точкой, его воображеніе открываетъ въ нихъ блестящія и величественныя стороны, которыя, возвышая ихъ въ его собственныхъ глазахъ, еще сильнѣе заставляютъ его стремиться къ нимъ. Борьба съ Англіей можетъ вынудить его напасть на Турцію; необходимость этого пробуждаетъ въ немъ мысли о преобразовательной работѣ, которую нужно совершить по ту сторону Дуная и Адріатики, и заставляетъ его умъ работать въ этомъ направленіи. Ему, стремящемуся къ такой высокой цѣли, нѣтъ дѣла до того, что онъ будетъ опять приносить въ жертву человѣческія жизни, вызывать перевороты, нарушать обязательства, измѣнять традиціонной политикѣ. Онъ не останавливается передъ мыслью принести въ жертву исконнаго союзника Франціи, и съ легкимъ сердцемъ готовится погубить монарха, желающаго быть его другомъ, того самаго султана, которому онъ даже въ это время пишетъ въ дружелюбномъ и довѣрчивомъ тонѣ, пред-

[1]) Письмо Наполеона къ королю Людовику, 27 марта 1808 г. Corresp., XVI, 589, документъ безъ номера.

писывая, однако, своему посланнику передать письмо осторожно и не возбуждая вниманія [1]). Такая двойственная игра кажется ему простымъ разсчетомъ благоразумія. Хотя онъ и избѣгаетъ преждевременно компрометировать себя по отношенію къ Турціи, тѣмъ не менѣе онъ обдумываетъ средства ее уничтожить. Польза и величіе цѣли берутъ въ его глазахъ верхъ надъ всякимъ другимъ соображеніемъ; беззаконіе средствъ исчезаетъ въ конечной справедливости будущаго порядка, который онъ думаетъ сдѣлать священнымъ, поставя страны, которыя оспариваютъ другъ у друга жестокіе тираны, подъ покровъ твердой, зиждительной и охранительной власти и водворивъ мирную французскую культуру въ бо̀льшей части странъ, въ которыхъ нѣкогда Римъ распространялъ свой просвѣщенный деспотизмъ.

II.

На какихъ же началахъ думалъ Наполеонъ создать новый режимъ на Востокѣ? Иначе говоря, на какихъ условіяхъ предлагалъ онъ царю произвести раздѣлъ? Чѣмъ руководился онъ при опредѣленіи своей собственной доли, долей Россіи и Австріи? Какимъ способомъ надѣялся онъ согласовать требованія, очевидно противоположныя, т. е. такъ повести дѣло, чтобы дать удовлетвореніе Александру и доставить пользу Франціи? Затрудненіе при отвѣтѣ на этотъ вопросъ осложняется пробѣломъ въ документахъ. «Въ Корреспонденціи» недостаетъ письма къ Коленкуру; оно не дошло до насъ [2]). Только съ помощью объемистыхъ отвѣтовъ посланника, въ которыхъ онъ постоянно ссылается на приказанія своего государя, излагаетъ ихъ своими словами, иногда приводитъ выраженія изъ нихъ, возможно возстановить, если не полный текстъ, то, по крайней мѣрѣ, смыслъ инструкцій.

[1]) Archives des affaires étrangères. Turquie, 216.

[2]) Въ опубликованномъ Татищевымъ краткомъ изложеніи (см. стр. 249), которое предназначалось для свѣдѣнія русскаго кабинета, который и сохранилъ его въ своихъ архивахъ, только болѣе подробно развивается содержаніе письма къ царю, не указывая видовъ императора на условія раздѣла. Вообще же письма Наполеона къ Коленкуру за время миссіи Коленкура въ Россіи, до сихъ поръ, за рѣдкими исключеніями, не были найдены.

По правдѣ говоря, письмо къ Коленкуру, допуская даже, что оно цѣликомъ было бы намъ извѣстно, не освѣтило бы вполнѣ намѣренія императора. По фразамъ, дошедшимъ до насъ, легко понять, что оно не содержало въ себѣ ничего вполнѣ опредѣленнаго, ничего безусловнаго относительно проведенія въ жизнь поставленнаго на очередь вопроса. Сомнительно, чтобы уже въ то время въ умѣ Наполеона безповоротно созрѣлъ планъ полнаго раздѣла Турціи; по крайней мѣрѣ онъ не сообщалъ объ этомъ своему посланнику, подобно тому, какъ не выдавалъ секрета военныхъ операцій, предназначенныхъ рѣшить судьбу дня, генералу, которому поручалъ открыть огонь въ началѣ сраженія.

Въ дипломатіи, какъ и въ сраженіи, его обычные пріемы почти что не измѣнялись. Сперва онъ въ широкихъ размѣрахъ предлагалъ состязаніе, то есть, обращаясь къ противной сторонѣ, онъ приглашалъ ее къ обсужденію вопроса во всей его полнотѣ, со всѣхъ сторонъ. Это было средствомъ заставить противника обнаружить всѣ его намѣренія, исчерпать всѣ доводы. Предоставляя спору разгорѣться по всей линіи, принять значительные размѣры и дойти до обсужденія деталей, онъ тѣмъ временемъ уяснялъ себѣ таланты противниковъ, ихъ скрытыя желанія и свои собственныя выгоды; а также, къ чему онъ могъ стремиться и чего могъ достигнуть. Затѣмъ, пользуясь идеями, выдвинутыми обѣими сторонами, онъ выбиралъ способъ рѣшенія дѣла, хватался за него съ быстрой, несокрушимой рѣшимостью и старался усиліемъ своей вполнѣ свѣжей воли доставить себѣ побѣду надъ противниками, уже утомленными борьбой.

Въ вопросѣ о раздѣлѣ эта тактика выступаетъ яснѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ. Въ дѣлѣ переговоровъ Наполеонъ устанавливаетъ два вполнѣ опредѣленныхъ фазиса. Въ первомъ Коленкуръ долженъ начать общія пренія, но не высказывать никакихъ заключеній; онъ долженъ коснуться всѣхъ затрудненій, не разрѣшая ихъ, и долженъ заставить русскихъ «предъявить свои желанія» [1]), то есть, обнаружить всю подноготную ихъ упованій и вожделѣній. Во второмъ, императоръ раскроетъ свои намѣренія и выскажется лично. Представивъ вполнѣ готовое рѣшеніе,—то рѣшеніе, которое онъ на основаніи указаній предварительнаго обсужденія будетъ

[1]) Донесеніе Коленкура отъ 29 февраля 1808 г.

считать самымъ удобоисполнимымъ и самымъ выгоднымъ, онъ постарается заставить принять его либо во время совѣщаній съ русскимъ посломъ, снабженнымъ полномочіями, либо во время разговора съ самимъ Александромъ, для чего онъ устроитъ нѣчто въ родѣ второго Тильзита. Въ письмѣ къ царю онъ только намекаетъ на новое свиданіе; Коленкуру же онъ положительно предписываетъ предложить таковое. Онъ предоставляетъ Александру выборъ мѣста и дня, лишь бы только оно состоялось въ скоромъ времени. Пусть царь и посланникъ, говорится въ инструкціи, «поставятъ циркуль на карту» [1]) и выберутъ точку на равномъ разстояніи отъ Петербурга и Парижа, пусть русскій монархъ сообщитъ о своемъ намѣреніи прибыть въ такой-то день; Наполеонъ заранѣе согласенъ на свиданіе, обѣщаетъ быть точнымъ, и уполномочиваетъ Коленкура принять отъ его имени формальныя обязательства. Такая поспѣшность еще разъ доказываетъ его желаніе лично направлять послѣднюю часть переговоровъ.

Итакъ, согласно желанію Наполеона, пренія, которыя вскорѣ должны открыться въ Петербургѣ, будутъ имѣть только подготовительный характеръ. Во всякомъ случаѣ, если для достиженія преслѣдуемой имъ цѣли и нужно предоставить имъ широкую свободу, то не менѣе важно поставить ихъ въ извѣстные предѣлы и сохранить за собой извѣстную позицію. Хотя императоръ и надѣялся лично вернуть часть боевого поля, которое уступилъ бы его представитель, тѣмъ не менѣе Коленкуръ не долженъ отступать безконечно изъ опасенія вселить русскимъ неосуществимыя надежды. Слѣдовательно, необходимо теперь же оказать безусловное сопротивленіе по нѣкоторымъ пунктамъ ихъ требованій. Наполеонъ указалъ Коленкуру эти пункты, и донесенія посланника даютъ возможность опредѣлить, о чемъ идетъ дѣло. Относительно другихъ онъ соглашается на болѣе или менѣе серьезныя уступки; наконецъ, по третьей серіи пунктовъ онъ подсказываетъ разные способы сдѣлокъ, сохраняя за собой право въ удобную минуту выбрать между ними тѣ, которые покажутся ему самыми подходящими для подготовки окончательнаго соглашенія.

Въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ каждымъ изъ участниковъ предполагаемаго дѣлежа были области, отвѣчающія его вожделѣніямъ. Каждый и начнетъ съ того, что завладѣетъ ими. Въ то время,

[1]) Id., 26 февраля 1808 г. Cf. выдержка, опубликованная Татищевымъ.

какъ французское господство, начиная отъ Далмаціи, будетъ распространяться вдоль береговъ Адріатики и Іоническаго моря, въ другомъ концѣ Турціи Россія окончательно присвоитъ себѣ княжества, но они будутъ зачтены ей за долю Франціи, соотвѣтствующую имъ по пространству и ихъ необыкновенно-важному значенію. По ту сторону Дуная—пространство, лежащее между княжествами и Балканами, очевидно, было продолженіемъ новыхъ пріобрѣтеній нашихъ союзниковъ; въ нихъ Наполеонъ имъ не отказывалъ. До какихъ же мѣстъ позволитъ онъ имъ дойти на западѣ и югѣ? По руслу Дуная онъ останавливаетъ ихъ на границахъ Сербіи, которая должна будетъ составить или автономное княжество или стать въ зависимость отъ Австріи. Отъ Бѣлграда мысль императора направляется къ юго-востоку. Минуя невѣдомыя области Румеліи, поле, открытое соперничеству Россіи и Австріи, она несется къ крайнимъ предѣламъ полуострова и встрѣчаетъ проливы и Константинополь. Тамъ возникаетъ главное затрудненіе. Занимая безподобное мѣстоположеніе, куда нѣкогда, для болѣе удобнаго управленія міромъ, перенесся древній Римъ, Константинополь былъ рожденъ, чтобы царствовать. Въ то время народныя легенды связывали съ его обладаніемъ идею господства надъ всѣми прилегающими странами. Между тѣмъ, какъ весь полуостровъ былъ въ глазахъ современниковъ покрытъ густымъ мракомъ, Константинополь, являясь въ блескѣ своей былой славы, своей неувядаемой красоты, представлялъ въ своемъ лицѣ и заключалъ въ себѣ весь европейскій Востокъ. Подобно золоченому куполу, который, сіяя на вершинѣ монумента, бросается первымъ въ глаза, онъ привлекаетъ взоры, чаруетъ ихъ издали; кажется, что именно изъ него-то состоитъ все зданіе, тогда какъ, въ дѣйствительности, онъ составляетъ только его украшеніе.

Установилось убѣжденіе, что Наполеонъ никогда не отдалъ бы Константинополя Россіи. Оно основано на преданіи, освященномъ нѣкоторыми фразами изъ *Меморіала*. «Константинополь,— сказалъ императоръ на островѣ Св. Елены,—по своему положенію предназначенъ быть центромъ и столицей всемірнаго владычества» [1]). Однако, намъ извѣстно, что Наполеонъ, въ разговорахъ съ Толстымъ и Меттернихомъ [2]), предвидѣлъ и допускалъ

[1]) Mémorial, 10—12 mars 1816.
[2]) См. стр. 201 и 236.

водвореніе русскихъ на Босфорѣ. Въ 1812 г., въ разговорѣ съ Нарбонномъ, онъ признался, что предлагалъ Константинополь императору Александру [1]). Намъ кажется, что разногласіе между показаніями современниковъ объясняется, какъ различіемъ во времени, такъ и въ направленіи ума Наполеона. На островѣ Св. Елены онъ выражалъ свои идеи въ теоретической и абсолютной формѣ, не принимая въ разсчетъ требованій даннаго момента. Къ тому же онъ записывалъ свои мысли для потомства и хотѣлъ выставить себя защитникомъ европейской независимости противъ чрезмѣрнаго честолюбія Россіи. Наоборотъ, его откровенная бесѣда съ Нарбонномъ, очевидно, отвѣчаетъ вполнѣ тѣмъ идеямъ, которыя онъ себѣ составилъ въ 1808 г. Требуя отъ Россіи огромнаго напряженія силъ, мечтая воспользоваться ею для нанесенія англичанамъ «сокрушительнаго удара» [2]), онъ далеко не прочь былъ заплатить ей за содѣйствіе необычайнымъ вознагражденіемъ.

Однако, дойдетъ ли онъ до уступки ей несравненной позиціи, которая открыла бы ей доступъ къ Средиземному морю и поставила бы подъ угрозу всю Европу? Конечно, нѣтъ. Но Царь-градъ самъ по-себѣ, одинъ, не составляетъ еще всей позиціи;—онъ только одна изъ ея частей. Проходъ между Чернымъ моремъ и Средиземнымъ состоитъ прежде всего изъ Босфора, затѣмъ расширяется во внутреннее море, Мраморное, и суживается вторично въ Дарданеллахъ. Этотъ драгоцѣнный соединительный путь имѣетъ два затвора, и Наполеонъ, оставляя за собой одинъ изъ нихъ, могъ лишить всякаго значенія другой въ рукахъ Россіи. Такимъ образомъ, у него появилась мысль раздѣлить на части спорную позицію, и, въ случаѣ, если императоръ Александръ рѣшительно потребуетъ Константинополь, обусловить пріобрѣтеніе нашихъ союзниковъ водвореніемъ въ Дарданеллахъ другого государства: либо самой Франціи, либо Австріи [3]). Конечно, Коленкуръ не долженъ сразу предлагать Константинополь. Сначала онъ долженъ отказать, предложить сдѣлать изъ него столицу независимаго и нейтральнаго государ-

[1]) Souvenirs contemporains d'histoire et de littérature, par Villemain, nouvelle édition. Paris, 1858, 178.

[2]) Донесеніе Коленкура отъ 29 февраля 1808 г.

[3]) Письмо Коленкура отъ 16 марта 1808 г.

ства, расположеннаго на двухъ проливахъ; затѣмъ, если Россія ужъ очень будетъ настаивать, медленно отступить къ Дарданелламъ и тамъ сосредоточить свое сопротивленіе. Подобная тактика заставитъ, быть можетъ, Россію отказаться отъ своихъ требованій; возможно и то, что, ставя для уступки Константинополя трудно пріемлемое условіе, эта тактика была только средствомъ косвеннаго отказа. Наконецъ, согласился ли бы Наполеонъ сдѣлать царя византійскимъ императоромъ, если бы тотъ принялъ предложенный ему для разрѣшенія труднаго вопроса способъ? Мы далеки отъ того, чтобы утверждать это. Весьма вѣроятно, что онъ не рѣшилъ этого окончательно. Несомнѣненъ одинъ только фактъ: въ февралѣ 1808 г. онъ не ставилъ вопроса о Константинополѣ въ число тѣхъ, по которымъ бы онъ отказывался отъ соглашенія и который бы ставилъ внѣ всякаго обсужденія.

Наполеонъ никогда не дѣлалъ уступокъ даромъ; и если онъ не отвергалъ съ самаго начала самой блестящей изъ всѣхъ возможныхъ уступокъ, то только потому, что эта уступчивость, можетъ быть, только кажущаяся, могла привести его къ крупнымъ, необычайнымъ выгодамъ. Для него Египетъ былъ тѣмъ же, чѣмъ для Россіи Константинополь: его кульминаціоннымъ пунктомъ. Во всѣхъ разсматриваемыхъ имъ случаяхъ онъ берегъ его для себя. Но завоеваніе Египта вынуждало его сдѣлать другія завоеванія. Для защиты нашей предполагаемой колоніи будетъ необходимо присоединить господствующую надъ ней съ сѣвера Сирію, затѣмъ пріобрѣсти аванпосты Александріи, острова Кипръ и Кандію, и связать цѣпью принадлежащихъ Франціи острововъ превращенный въ нашу провинцію Египетъ съ Мореей, освобожденной нашимъ оружіемъ. Тогда для того, чтобы господствовать надъ всѣми морскими путями древняго міра въ точкѣ ихъ соединенія и царствовать на главномъ перекрестѣ земного шара, Франціи останется завоевать только Архипелагъ и наложить руку на порты Малой Азіи.

Но Наполеонъ не хотѣлъ, чтобы оттоманскія владѣнія въ Африкѣ и Азіи были теперь же точно распредѣлены, во-первыхъ потому, что онъ не установилъ еще соотношеній долей въ предполагаемомъ раздѣлѣ, а во-вторыхъ боялся, чтобы Россія не сочла бы себя въ правѣ сократить нашу европейскую долю, если бы Франція въ слишкомъ ясной формѣ стала домогаться провинцій по ту сторону морей. Его желаніемъ было, чтобы им-

ператоръ Александръ, сосредоточивъ все свое вниманіе на Дунаѣ, на Черномъ морѣ и Константинополѣ, предоставилъ намъ свободу дѣйствій въ Египтѣ, Сиріи, въ портахъ Малой Азіи на Средиземномъ морѣ, и даже оказалъ бы намъ въ этихъ приморскихъ мѣстахъ безкорыстное содѣйствіе своимъ флотомъ. Русскій флотъ еще не перешелъ изъ Средиземнаго моря въ Балтійское; его корабли были разбросаны между Тріестомъ, островомъ Эльбой и Лиссабономъ, безъ всякой пользы качаясь на своихъ якоряхъ. Наполеонъ съ болью въ сердцѣ видѣлъ, что русскій флотъ остается въ бездѣйствіи въ то время, какъ всѣ силы его энергіи были направлены къ борьбѣ на моряхъ. Поэтому онъ поручилъ Коленкуру просить о передачѣ въ его распоряженіе русскихъ кораблей, о предоставленіи ему права распоряжаться ими по своему усмотрѣнію и пользоваться ими, какъ частью своихъ эскадръ. Онъ хотѣлъ, чтобы это содѣйствіе было ему обезпечено теперь же; чтобы оно предшествовало всякой окончательной сдѣлкѣ; чтобы Россія, одолживъ намъ свой флотъ, тѣмъ самымъ помогла нашимъ предварительнымъ операціямъ около Корфу и Сициліи; чтобы она содѣйствовала сформированію могущественной *Армады*, назначеніемъ которой было подобрать расположенные на моряхъ останки Турціи и которая должна была покинуть Тулонъ только для того, чтобы сдѣлаться владычицею Средиземнаго моря [1]). Если бы Россія въ возмѣщеніе столь значительныхъ услугъ, въ свою очередь, потребовала бы права на пріобрѣтенія внѣ европейскаго континента, Коленкуръ не долженъ отказывать ей въ этомъ; но пусть онъ предложитъ ей вознагражденіе вдали отъ насъ, на сѣверѣ турецкой Азіи; пусть онъ укажетъ ей на Трапезондъ, на южный берегъ Чернаго моря и съ этой стороны покажетъ ей естественное поле къ ея расширенію [2]).

Итакъ, пусть Черное море сдѣлается русскимъ озеромъ, но при условіи, чтобы Средиземное море сдѣлалось французскимъ. Такова, очевидно, была преобладающая мысль Наполеона. Онъ вносилъ еще поправку, въ силу которой оба моря окончательно были бы отдѣлены одно отъ другого; онъ сохранялъ за собой

[1]) Corresp., 13897.

[2]) Донесенія и письма Коленкура отъ 26 февраля по 16 марта 1808 г. Мы опубликовали эти документы въ Revue d'Histoire diplomatique, 1-er juillet 1890.

право въ случаѣ надобности запереть Черное море. Имѣя именно это въ виду, онъ и предлагалъ создать въ Константинополѣ промежуточное государство, поставленное на-стражѣ проливовъ и обязанное держать ихъ закрытыми для Россіи. Если бы Россія, во что бы то ни стало, пожелала получить Константинополь, оккупація Дарданеллъ, оборудованныхъ такъ, чтобы запереть выходъ съ востока въ Средиземное море, въ иной формѣ выполнила бы цѣль, преслѣдуемую императоромъ. Россія найдетъ тогда въ Константинополѣ великолѣпное, но зато и окончательное завершеніе своего поступательнаго движенія въ Европѣ, и, когда она довершитъ свою историческую и ниспосланную Провидѣніемъ миссію, когда отомститъ за Крестъ и водрузитъ его на Босфорѣ, когда, благодаря ей, своды храма Святой Софіи огласятся торжественнымъ греческимъ богослуженіемъ,—тогда на порогѣ своего завоеванія она столкнется съ авангардомъ Запада, поставленнымъ у второго пролива, владѣющимъ сильно укрѣпленными позиціями и поддержаннымъ силами Франціи и Австріи. Все это представитъ болѣе серьезное препятствіе, чѣмъ слабая и непрочная Турція. Россія отступитъ передъ «такой преградой» [1]). Энергично сдерживаемая со стороны Европы, она направится въ Азію, куда Наполеонъ указывалъ и открывалъ ей путь. Такимъ образомъ, объясняется фраза, сказанная позднѣе Нарбонну, обѣ части которой, на первый взглядъ, какъ будто исключаютъ одна другую. «Я по-дружески хотѣлъ толкнуть Россію въ Азію: я предложилъ ей Константинополь» [2]). Громаднымъ обходомъ, путемъ русскаго союза, приближался Наполеонъ къ тому, къ чему хотѣлъ его привести Талейранъ путемъ союза съ Австріей. Что бы онъ ни обѣщалъ для услажденія гордости и воображенія Россіи, онъ предоставлялъ ей основаться только на восточномъ берегу Балканскаго полуострова. Отдавая въ ея распоряженіе устье Дуная безъ Сербіи, болгарскую землю безъ центральныхъ частей Румеліи, быть можетъ и Константинополь, но безъ Дарданеллъ, онъ поставилъ бы ее въ положеніе, уступающее въ стратегическомъ отношеніи положенію Австріи, прочно устроенной въ центрѣ прежней Турціи. Оттѣсняя одновременно оба государства къ востоку, онъ натравилъ бы ихъ другъ на друга и закончилъ бы тѣмъ, что толкнулъ бы Россію на путь, на кото-

[1]) Mémorial, 10—12 mars 1816.
[2]) Villemain, 178.

ромъ она въ одинъ прекрасный день очутилась бы сосѣдкой Англіи, т. е. въ борьбѣ съ ней. Такимъ образомъ, между тремя государствами, съ которыми намъ нужно было сражаться или которыхъ намъ нужно было опасаться, установился бы вѣчный конфликтъ. Одновременное отступленіе къ Востоку нашихъ обѣихъ соперницъ на континентѣ очистило бы передъ нами поле и сдѣлало бы Францію властительницею Европы и царицей Средиземнаго моря.

ГЛАВА VIII.

РАЗГОВОРЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Нетерпѣніе и мучительныя тревоги Александра.— Несмотря на хлопоты Коленкура, Россія не рѣшается начать борьбу со Швеціей.—Приводимые ею предлоги отсрочки.—О какихъ дѣлахъ велись переговоры на балу.—Праздникъ Водосвятія.—Смотръ войскъ; Александръ обѣщаетъ употребить ихъ противъ Швеціи.—Новая отсрочка.—Протесты посланника; какое средство было принято для выхода изъ создавшагося положенія.—Баронъ Штедингъ.—Старанія успокоить тревоги Швеціи.—Внезапное вторженіе русскихъ въ Финляндію.—Александръ все настойчивѣе требуетъ уступокъ на Востокѣ.—Подарки отъ Наполеона.—Александръ надѣется получить провинціи, а получаетъ только роскошное оружіе и севрскіе фарфоры.—Показное удовольствіе и затаенное разочарованіе.—Невозможность сговориться относительно Силезіи.—Опасность для союза усиливается.—Прибытіе письма отъ 2 февраля.—Нежданное эффектное событіе.—Восхищеніе Александра.—Лица проясняются.—Размышленія царя и министра снова вызываютъ ихъ недовѣріе.—Желаніе Александра добиться формальнаго отреченія отъ Силезіи и гарантіи противъ расширенія герцогства Варшавскаго.—Искусный оборотъ рѣчи.—Александръ предлагаетъ сдѣлать Константинополь вольнымъ городомъ.—Совѣщанія Коленкура съ Румянцевымъ по поводу раздѣла: необычайный характеръ этихъ переговоровъ.—Распредѣленіе городовъ, провинцій и королевствъ.—Первый споръ по поводу Константинополя и Дарданеллъ.—Румянцевъ осторожно и издалека подходитъ къ вопросу: бой начинается.—Коленкуръ допускаетъ возможность уступки Константинополя, отступаетъ къ Дарданелламъ и тамъ сосредоточиваетъ свое сопротивленіе.—Онъ передаетъ на судъ государя требованія министра.—Разговоръ Александра мѣняетъ свой характеръ: какія причины и чьи совѣты заставляютъ его требовать Константинополя и проливовъ; онъ крайне упорно стоитъ на этомъ требованіи.—Долгіе часы обсужденій съ Румянцевымъ.—Дарданеллы постоянно остаются предметомъ спора.—Кошачій языкъ.—Два министра въ одномъ лицѣ.—Чтобы получить спорную позицію, Россія предоставляетъ намъ Египетъ и порты въ Малой Азіи, предлагаетъ намъ военную дорогу черезъ проливы, отдаетъ свой флотъ въ наше распоряженіе.—Средство примиренія, придуманное Коленкуромъ: у Франціи и Россіи, у каждой въ отдѣльности, будутъ свои Дарданеллы.—Отказъ Румянцева.—Послѣдній разговоръ съ Але-

ксандромъ.—Нота Румянцева и оговорки къ ней Коленкура.—Франко-русскій Востокъ.—Доля Австріи.—Александръ ставитъ условіемъ свиданія предварительное соглашеніе относительно основъ раздѣла.—Его два письма къ Наполеону.—Отправка подарковъ.—Сибирскій мраморъ въ Тріанонскомъ дворцѣ.—Сообщенія Коленкура о настроеніи въ Петербургѣ.—Раздѣлъ міра.

Русскій императоръ съ возрастающей тревогой ждалъ отвѣта на свои требованія, переданныя черезъ Савари и позднѣе черезъ Коленкура. Въ теченіе первыхъ недѣль 1808 г. задача нашего посланника сдѣлалась особенно затруднительной. Въ силу своихъ прежнихъ инструкцій онъ долженъ былъ просить у Россіи новыхъ обязательствъ и не давать ей ни одной изъ просимыхъ ею выгодъ; долженъ былъ совѣтовать ей вести активную политику на сѣверѣ, терпѣніе на югѣ, и, не позволяя ей дѣйствовать противъ Турціи, торопить ее съ принятіемъ рѣшительныхъ мѣръ противъ Швеціи.

Оставаясь глухимъ къ увѣщаніямъ, нечувствительнымъ къ угрозамъ, шведскій король рѣшительно отказался присоединиться къ двумъ союзнымъ имперіямъ и закрыть для Англіи свои гавани. Вѣрность къ прошлому и ненависть къ революціонному императору сдѣлались у этого монарха съ рыцарской душой и неуравновѣшеннымъ умомъ пунктомъ помѣшательства. Онъ хотѣлъ держаться независимо среди поверженной Европы, и думалъ, что, уступая требованіямъ Франціи или ея союзниковъ, онъ поступитъ противно законамъ чести. Какъ только вполнѣ выяснились его намѣренія, Коленкуръ настойчиво сталъ просить царя прибѣгнуть къ обѣщаннымъ мѣрамъ воздѣйствія и напасть на Швецію. Александръ не отказывался. Къ концу 1807 г. корпуса, назначенные для вторженія въ Финляндію, окончательно сгруппировались и расположились вокругъ Петербурга. Въ то время, когда армія была уже въ полномъ составѣ и ждала только приказанія выступить въ походъ, въ правящихъ сферахъ стало замѣтно нѣкоторое колебаніе. Послѣднія приготовленія шли вяло и часто прерывались. Нельзя было объяснять эти проволочки только медлительностью, присущей русской администраціи, и Коленкуръ вполнѣ справедливо приписывалъ ихъ и другимъ причинамъ.

До сихъ поръ разрывъ съ Великобританіей носилъ платоническій характеръ. Александръ объявилъ войну нашимъ врагамъ, но въ дѣйствительности не велъ ее. Вторгнуться въ предѣлы Швеціи, союзницы и друга британскаго кабинета, значило перей-

ти отъ угрозъ къ дѣлу и закрыть себѣ всякое отступленіе. Не будучи вполнѣ увѣренъ въ насъ, Александръ колебался рискнуть на такой рѣшительный шагъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ боялся торопиться съ занятіемъ Финляндіи, дабы Наполеонъ не указалъ ему на это завоеваніе, какъ на равнозначущее завоеванію турецкихъ провинцій, не отнесъ его тотчасъ же на активъ Россіи и не уменьшилъ бы соотвѣтственно ея долю на Дунаѣ и Черномъ морѣ [1]).

Итакъ, Россія не торопилась дѣйствовать. Графъ Румянцевъ, которому поручено было не поддаваться нашимъ настояніямъ, съ неистощимой плодовитостью изобрѣталъ предлоги къ отсрочкѣ. Сегодня движенію войскъ мѣшала оттепель; завтра—недостатокъ съѣстныхъ припасовъ; на третій день генералъ-аншефъ Буксгевденъ упалъ съ лошади, что уложило его въ постель; затѣмъ приближалось Крещеніе. Въ этотъ день происходило освященіе воды, и религіозная церемонія по традиціи сопровождалась большимъ смотромъ. Чтобы зрѣлище вышло болѣе блестящимъ, надлежало, чтобы въ немъ приняли участіе войска экспедиціоннаго корпуса; слѣдовательно, нужно было удержать ихъ въ Петербургѣ до этого торжественнаго дня. Единственнымъ средствомъ посланника противъ такой тактики было обращаться непосредственно къ царю, который любилъ обсуждать дѣла болѣе широко, и, дѣйствительно, рѣдко бывало, чтобы разговоръ съ нимъ не приводилъ къ сокращенію отсрочекъ, требуемыхъ его министромъ [2]).

Къ счастью, у нашего посла не было недостатка въ случаяхъ бесѣдовать съ государемъ. Не считая того, что Александръ чаще обыкновеннаго приглашалъ его въ свой интимный кружокъ, они почти каждый вечеръ встрѣчались въ свѣтѣ. Зима подходила къ концу; Петербургъ все болѣе оживлялся; офиціальные и частные балы слѣдовали безъ перерыва. Императоръ бывалъ всюду, оставался до утра, и, отдаваясь развлеченіямъ свѣта съ увлеченіемъ, свойственнымъ его возрасту, отрывался отъ нихъ только для того, чтобы побесѣдовать съ посланникомъ Франціи. Тогда онъ подходилъ къ Коленкуру, дружески начиналъ съ нимъ бесѣду и увлекался долгими разговорами. Присутствующіе, привлеченные любопытствомъ, образовывали на почтительномъ разстояніи

[1]) Письма и донесенія Коленкура, январь 1808 г. passim.
[2]) Id.

кругъ зрителей. Самымъ внимательнымъ изъ нихъ былъ шведскій посланникъ, престарѣлый и умный баронъ Штедингъ, который видѣлъ, какъ, на его глазахъ, но безъ его участія, обсуждалась судьба его страны. Онъ старался, хотя бы по жестамъ и выраженію лицъ обоихъ собесѣдниковъ, понять скрытое значеніе ихъ словъ. Онъ видѣлъ, какъ посланникъ о чемъ-то настойчиво проситъ, какъ сначала императоръ сопротивляется, потомъ уступаетъ, и, по глубинѣ поклоновъ, съ которыми принимались послѣднія слова императора, онъ догадывался, что врагъ Швеціи получилъ новыя обѣщанія, и что опасность приближалась [1]).

6 января, благодаря милости, которой до сихъ поръ не было примѣра, Коленкуръ сопровождалъ императора на водосвятіе. Въ продолженіе всего этого, исключительно-русскаго, обряда, ему было отведено мѣсто вблизи императора. Онъ шелъ по льду въ процессіи, состоящей изъ духовенства, обѣихъ императрицъ, придворныхъ, императора и его свиты. Послѣ водосвятія проходили войска церемоніальнымъ маршемъ; ихъ было сорокъ семь батальоновъ, тридцать девять эскадроновъ—цѣлая армія. «Это было великолѣпное зрѣлище, безъ котораго я могъ бы отлично обойтись» [2]), писалъ Штедингъ, съ тихой грустью смотрѣвшій изъ окна на грозное шествіе войскъ. «Остались ли вы довольны моими войсками?» спросилъ императоръ Коленкура послѣ смотра.—«Да, Ваше Величество, они великолѣпны» [3]), отвѣтилъ посланникъ. Онъ воспользовался своимъ комплиментомъ, чтобы возобновить просьбу о болѣе скоромъ употребленіи въ дѣло этой отборной арміи. Ему отвѣтили, что вскорѣ будетъ выпущена декларація, равносильная манифесту о войнѣ. На этотъ разъ нашъ посланникъ считалъ, что выигралъ дѣло.

Каково же было его разочарованіе, когда, явившись на другой день къ министру иностранныхъ дѣлъ за полученіемъ копіи съ деклараціи, онъ узналъ отъ него, что дѣло отложено на пятнадцать дней. Онъ выразилъ удивленіе, не удержался отъ сопоставленія словъ государя со словами Румянцева, объявилъ первыя непреложнымъ закономъ и назвалъ «еретиками» [4]) всѣхъ

---

1) Mémoires de Stedingk, II, 434.
2) Id. II, 430.
3) Донесеніе Коленкура отъ 21 января 1808 г.
4) Коленкуръ къ Шампаньи, 29 января 1808 г.

тѣхъ, которые ихъ нарушали. Александръ не хотѣлъ дать повода усумниться въ своей честности, и, чтобы выйти изъ неловкаго положенія, были приняты соотвѣтствующія мѣры. Было условлено, что декларація будетъ составлена тотчасъ же и копія передана намъ; но это сообщеніе о выпускѣ деклараціи, которое связывало Россію по отношенію къ Франціи, должно было содержаться въ тайнѣ до 15 февраля, число, въ которое будетъ объявленъ Стокгольмскому двору актъ о разрывѣ, и армія вступитъ въ Финляндію [1]). Благодаря своей умышленной медлительности, Россія и на самомъ дѣлѣ лишила себя возможности приступить къ дѣйствіямъ ранѣе установленнаго срока, а съ другой стороны, пользуясь искуснымъ, но не совсѣмъ добросовѣстнымъ пріемомъ, она хотѣла объявить войну своимъ сосѣдямъ только въ моментъ нападенія [2]). Штединга успокаивали до самаго конца, старались усыпить тревоги Швеціи и въ то же время готовились напасть на нее врасплохъ: «Я занимаюсь разговорами, пока это желательно въ Петербургѣ, сказалъ Александръ, но это не мѣшаетъ дѣйствовать моимъ войскамъ» [3]). Дѣйствительно, армія незамѣтно приближалась къ границѣ. 15-го, она внезапно перешла ее и тотчасъ же открылись военныя дѣйствія. Императорскій кабинетъ ограничился тѣмъ, что нѣсколькими неясными фразами смягчилъ впечатлѣніе внезапнаго нападенія.

Россія еще разъ исполнила свои обѣщанія. Благодаря такой точности, она пріобрѣтала новыя права требовать турецкія провинціи, и заявленія ея сдѣлались болѣе рѣзкими. Къ несчастью, въ февралѣ мѣсяцѣ Коленкуръ могъ говорить только на основаніи неопредѣленныхъ приказаній, присланныхъ ему въ теченіе января. Въ это время, въ своихъ сношеніяхъ съ Россіей Наполеонъ старался замѣнить уступки знаками вниманія; каждая посылка депешъ сопровождалась подарками императору Александру, выбранными со вкусомъ и особымъ вниманіемъ. Александръ горячо благодарилъ за нихъ, но охотно предпочелъ бы нѣсколько строкъ, имѣющихъ рѣшающее значеніе въ восточномъ вопросѣ. Весьма интересенъ контрастъ между офиціальнымъ удовольствіемъ, кото-

[1]) Id.
[2]) Stedingk, II, 438. Cf. Lefebvre, III, 342—350.
[3]) Донесеніе Коленкура отъ 17 февраля 1808 г.

рое онъ считалъ необходимымъ высказывать и разочарованіемъ, проглядывавшимъ въ его интимныхъ разговорахъ

6 февраля изъ Парижа прибылъ курьеръ. Ему поручено было доставить депеши, написанныя Шампаньи 15 и 18 января, въ которыхъ рекомендуется ничего не рѣшать; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ привезъ для Его Императорскаго Величества коллекцію драгоцѣннаго оружія. На другой день Коленкуръ видѣлъ императора на парадѣ. «Къ вамъ прибылъ курьеръ»,—сказалъ ему императоръ и продолжалъ: «Сожалѣю, что сегодня воскресенье. Я обѣдаю въ семейномъ кругу, но пріѣзжайте завтра ко мнѣ обѣдать». На другой день за обѣдомъ императоръ говорилъ исключительно о Парижѣ и Франціи. «Онъ переименовалъ всѣхъ маршаловъ, писалъ Коленкуръ Наполеону, говорилъ о флигель-адъютантахъ Вашего Величества, объ арміи и о томъ преимуществѣ, благодаря которому при производствѣ не надо считаться съ мѣстничествомъ, а можно награждать единственно по заслугамъ. Послѣ обѣда я прошелъ въ его кабинетъ и поднесъ ему отъ имени Вашего Величества оружіе. Онъ подробно осматривалъ его, ежеминутно восторгался тонкой работой и изяществомъ отдѣлки, часто повторялъ мнѣ, что Ваше Величество осыпаетъ его любезностями и что онъ глубоко цѣнитъ каждый знакъ вниманія Вашего Величества, хотя каждый курьеръ привозитъ ему новые. Затѣмъ онъ сказалъ мнѣ, что сожалѣетъ, что не въ состояніи подарить вамъ ничего столь изящнаго, а затѣмъ прибавилъ: «Получили вы письмо отъ Императора?»—«Нѣтъ, Государь», долженъ былъ отвѣтить Коленкуръ. Чело царя тотчасъ же омрачилось. Въ продолженіе разговора нѣсколько разъ вырывались у него жалобы: «Я съ своей стороны, говорилъ онъ, дѣлаю всю, что возможно. Я исполнилъ всѣ мои обязательства; Императоръ найдетъ меня всегда готовымъ идти навстрѣчу тому. что онъ сочтетъ полезнымъ и даже только пріятнымъ для себя; но, признаюсь, я ожидалъ отвѣта по поводу того, что говорилъ мнѣ Императоръ въ Тильзитѣ» [1]). Нѣсколько дней спустя, встрѣтивъ Коленкура на балу, царь добавилъ слѣдующія слова: «Я хотѣлъ бы, однако, чтобы этому наступилъ конецъ» [2]).

20 февраля прибылъ новый курьеръ изъ Франціи. Онъ при-

[1]) Донесеніе Коленкура отъ 9 февраля 1808 г.

[2]) Донесеніе отъ 14 февраля 1808 г.

везъ, вмѣстѣ съ длинной и неопредѣленной депешей отъ 29 января, картину, написанную на фарфорѣ, образецъ искусства севрской мануфактуры. Когда эта, единственная въ своемъ родѣ, вещь была поднесена императорской фамиліи, царица Елизавета, не скрывая своего удовольствія, любезно похвалила ее. Александръ хотѣлъ отослать Наполеону обратно знаменитый образецъ прогресса, достигнутаго въ искусствѣ подъ его управленіемъ: «Геній все одухотворяетъ», любезно замѣтилъ онъ. Затѣмъ онъ отвелъ генерала въ сторону: «Ну, что же, сказалъ онъ ему, пишутъ вамъ что-нибудь о Турціи? Императоръ, должно быть, уже пришелъ къ рѣшенію; вѣдь онъ знаетъ, хочетъ ли онъ или не хочетъ сдержать то, о чемъ говорилъ мнѣ въ Тильзитѣ» [1]). Не будучи уполномоченъ удовлетворить его жгучему желанію знать истинное положеніе дѣла, Коленкуръ съ этихъ поръ могъ по его лицу прослѣдить день-за-день его возрастающее неудовольствіе; сперва онъ находилъ его «серьезнымъ», затѣмъ «задумчивымъ», затѣмъ «разсѣяннымъ» и даже «мрачнымъ» [2]).

Заводилъ ли посланникъ разговоръ объ обмѣнѣ Силезіи на румынскія провинціи,—Александръ отвергалъ эту мысль болѣе упорно, чѣмъ когда-либо; тягостный и непріятный разговоръ объ этомъ возобновлялся въ десятый разъ. Видно было, что если бы Россія и согласилась на новыя тяжелыя жертвы со стороны Пруссіи, все-таки требовалось, чтобы этой жертвой не была Силезія, и чтобы Кенигсбергскій дворъ [3]) получилъ надлежащую компенсацію. Притомъ, этотъ способъ выйти изъ затрудненія не возстановилъ бы довѣрія, и облако продолжало бы висѣть надъ будущимъ. Депеши Толстого, продолжавшаго видѣть «все въ мрачномъ свѣтѣ» [4]) и указывать на польскую опасность, а также жалобы Пруссіи, которая обвиняла петербургскій кабинетъ въ томъ, что онъ приноситъ ее въ жертву своимъ собственнымъ честолюбивымъ замысламъ, окончательно смутили душу Александра. Такъ какъ его личныя отношенія къ Коленкуру, его природная доброта и деликатность не позволяли ему высказывать вполнѣ свои мысли, то Румянцевъ былъ уполномоченъ быть ихъ выразителемъ. Онъ ясно давалъ

[1]) Id, отъ 20 февраля 1808 г.

[2]) Коленкуръ къ Шампаньи, 17 февраля 1808 г.

[3]) Фридрихъ-Вильгельмъ и королева Луиза въ ожиданіи. что имъ будетъ возвращенъ Берлинъ, только-что поселились въ Кенигсбергѣ.

[4]) Толстой Румянцеву, 14—26 января 1808 г. Архивы С.-Петербурга.

понять, что основныя наши предложенія непріемлемы, что наши пріемы затягивать дѣло никому не приносятъ пользы, что они даютъ оружіе въ руки нашимъ врагамъ. По серьезному, настойчивому, иногда скорбному тону его рѣчей чувствовалось, что царь быстро отдаляется отъ насъ, и что союзъ подвергается чрезвычайной опасности. Но проходили дни, недѣли, а опредѣленнаго отвѣта не было. Намѣренія императора все еще были окружены непроницаемой тайной [1]).

Наконецъ, 25 февраля прибыло въ Петербургъ императорское письмо отъ 2-го, привезенное камергеромъ Дарбергомъ. Это было неожиданнымъ событіемъ. Чѣмъ дольше, нетерпѣливѣе и тягостнѣе было ожиданіе, тѣмъ сильнѣе была радость. Хотя до сихъ поръ императоръ Александръ былъ болѣе склоненъ къ простому пріобрѣтенію княжествъ, чѣмъ къ раздѣлу, но, видя, что теперь осуществляется золотая мечта его предковъ, что она дѣлается доступной и осязаемой, онъ почувствовалъ, какъ въ немъ пробудилась та унаслѣдованная страсть, отъ которой загорались глаза его бабки Екатерины, когда она говорила о Востокѣ. Онъ не сумѣлъ побороть своего волненія, и, въ присутствіи Коленкура, разсказъ котораго передалъ намъ всѣ подробности этой сцены, отдался порыву радости.

Коленкуръ отправился во дворецъ, чтобы довести до свѣдѣнія гофмаршала Толстого, что ему нужно передать царю письмо императора. Немедленно извѣщенный, «Его Величество, писалъ Коленкуръ, приказалъ мнѣ явиться къ нему, въ томъ видѣ, какъ я былъ. Я попросилъ позволенія отправиться за письмомъ Вашего Величества и тотчасъ же принесъ его.

Императоръ.—Отчего вы не хотѣли ко мнѣ войти? Въ моемъ кабинетѣ этикета не полагается. Я съ нетерпѣніемъ жду писемъ Императора, а васъ я всегда вижу съ удовольствіемъ. Здоровъ ли Императоръ? Я думаю, намъ будетъ о чемъ поговорить».

Посланникъ.—Имѣю честь передать Вашему Величеству письмо Императора, моего повелителя.

«Императоръ поспѣшилъ взять его и сказалъ мнѣ: «Прошу, «генералъ, позволенія прочесть. Вы не мѣшаете», прибавилъ онъ, такъ какъ я хотѣлъ удалиться. Императоръ былъ серьезенъ, но

[1]) Переписка Коленкура съ императоромъ и съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, январь, февраль 1808 г., passim.

мало-по-малу лицо его оживлялось. Въ концѣ первой страницы онъ улыбнулся, затѣмъ, спустя нѣкоторое время, воскликнулъ: «Вотъ великія дѣла!» и повторилъ нѣсколько разъ: «Вотъ стиль «Тильзита!» При фразѣ: «*Не будемъ искать въ газетахъ*», онъ воскликнулъ: «Вотъ великій человѣкъ!» прочелъ мнѣ вслухъ эту фразу, затѣмъ про себя прочелъ письмо до конца. Затѣмъ онъ взялъ мою руку и, съ волненіемъ пожимая ее, сказалъ мнѣ: «Передайте Императору, какъ тронутъ я его довѣріемъ, какъ «я желаю ему содѣйствовать. Вы свидѣтель тому, какъ я принялъ «письмо. Я хочу вамъ его прочесть». Императоръ прочелъ его со мной. На каждой фразѣ онъ останавливался, но особенно на вышеупомянутой. Затѣмъ онъ сказалъ мнѣ: «Скажу вамъ откро«венно, генералъ, это письмо доставляетъ мнѣ большое удоволь«ствіе: это языкъ Тильзита. Императоръ можетъ на меня раз«считывать, такъ какъ, вы знаете, я не мѣнялъ тона» [1]).

«Затѣмъ онъ разошелся и началъ говорить о способахъ окончательно сговориться послѣ совѣщаній Коленкура и Румянцева, когда они подготовятъ основы соглашенія. Онъ страстно желалъ поѣхать въ Парижъ. Но возможно ли, говорилъ онъ, пробыть тамъ только нѣсколько дней, и, кромѣ того, развѣ могъ онъ при теперешнихъ обстоятельствахъ надолго отлучиться? Онъ откладываетъ на будущее время это путешествіе, какъ награду, которую назначилъ себѣ послѣ славныхъ дѣлъ. Что же касается до того, чтобы послать довѣреннаго человѣка, его трудно найти. «Императоръ убѣдился на Толстомъ, что у меня нѣтъ такого; не знаете ли вы здѣсь подходящее лицо? Я избралъ Толстого потому, что онъ не интриганъ; ну! а онъ не занимается дѣлами. Императоръ имъ недоволенъ. Между нами говоря, я уже давно замѣчаю это». Онъ склонялся къ свиданію на полпути, говорилъ, что помчится, «какъ курьеръ», чтобы поскорѣе встрѣтиться съ своимъ союзникомъ. Пока онъ желалъ, чтобы Императору сообщили о его чувствахъ: «Напишите ему о моей благодарности... До свиданія, генералъ», прибавилъ онъ, отпуская Коленкура. «Вамъ «все еще досадно, что вы не по формѣ одѣты? А я, я очень радъ, «что васъ видѣлъ». Донесеніе посланника оканчивается такъ:

[1]) Донесеніе Коленкура № 17. Не на всѣхъ донесеніяхъ посланника въ продолженіе этихъ переговоровъ выставлены числа; мы указываемъ на нихъ по порядку номеровъ.

«Вечеромъ на балу, императоръ нѣсколько разъ говорилъ со мной и сказалъ мнѣ: «Я нѣсколько разъ перечелъ письмо Императора; вотъ гдѣ рѣчи Тильзита». Я увѣрилъ его, что другихъ никогда и не говорилось» [1]).

Первымъ душевнымъ движеніемъ Александра былъ восторгъ; вслѣдъ за нимъ явилось размышленіе, и оно-то пробудило недовѣріе. У Александра и Румянцева возникли тѣ же подозрѣнія, которыя овладѣваютъ и нами въ наши дни при чтеніи письма отъ 2 февраля, когда мы размышляемъ объ обстоятельствахъ, при которыхъ оно было написано, о необходимости для Наполеона избавиться по вопросу о Пруссіи отъ опредѣленнаго отвѣта, о необходимости оборвать и перемѣнить предметъ обсужденія. Они опасались (это слова Коленкура), чтобы «предложеніе о раздѣлѣ не оказалось бы только средствомъ подмѣнить вопросъ и оставаться въ Силезіи, лишивъ Россію возможности спросить: зачѣмъ» [2]). Эта мысль, которая имѣла непосредственную связь съ мыслями, осаждавшими царя уже въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, отравляла его радость. Она сдѣлалась столь назойливой, что ему, во что бы то ни стало, нужно было выяснить себѣ дѣло. Румянцеву было поручено позондировать Коленкура и, въ случаѣ надобности, поприжать его. И вотъ, во время перваго же совѣщанія между обоими уполномоченными, Пруссія сдѣлалась главнымъ предметомъ разговора, который, повидимому, предназначался всецѣло вопросу о Турціи.

Русскій министръ всячески старался получить обѣщаніе, въ силу котораго наши новыя предложенія повлекли бы за собой безусловное отреченіе отъ проекта относительно Силезіи. Одно слово, твердилъ онъ; достаточно будетъ одного слова. Коленкуръ не былъ уполномоченъ сказать это слово. Его отвѣты показались настолько неудовлетворительными, что царь счелъ нужнымъ лично поддержать просьбы своего министра. 1 марта, посланникъ обѣдалъ во дворцѣ. Естественно, что разговоръ зашелъ о письмѣ императора. Александръ, пользуясь риторическимъ пріемомъ, состоящимъ въ томъ, что, вмѣсто того, чтобы непосредственно изложить просьбу, предполагается, что желаемое уже исполнено, выразился такъ: «Я очень радъ, что не будетъ болѣе разговора о

[1]) Донесеніе № 17.
[2]) Письмо Коленкура императору отъ 29 февраля 1808 г.

Силезіи. Откровенно говоря, вопросъ о раздѣлѣ Оттоманской имперіи, должно быть, покончитъ со всѣмъ, что предлагалось и говорилось относительно Пруссіи со времени Тильзита; это возстановитъ дѣло въ томъ видѣ, какъ его освятилъ договоръ» [1]) На этотъ вызовъ Коленкуръ отвѣтилъ ссылкой на потребности борьбы съ Англіей, что онѣ не позволяютъ еще выполнить обязательства, принятыя на себя обѣими сторонами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ призналъ, что относительно эвакуаціи Пруссіи еще не принято опредѣленнаго рѣшенія, но при этомъ замѣтилъ, что и русская армія занимаетъ княжества. Его объясненіе закончилось фразой, заимствованной изъ инструкцій его повелителя: «Императоръ Наполеонъ проситъ Ваше Величество не торопить его, равно какъ и онъ не торопитъ васъ» [2]).

Александръ долженъ былъ удовольствоваться такимъ отвѣтомъ, который, очевидно, заключалъ въ себѣ обѣщаніе эвакуировать въ срокъ, и не отказался идти вслѣдъ за нами на Востокъ. Сразу же приступивъ къ разсмотрѣнію главнаго вопроса, онъ проявилъ на этой почвѣ неожиданную умѣренность: «Конечно, Константинополь, сказалъ онъ, важный пунктъ, но онъ слишкомъ далекъ отъ васъ, и поэтому вы, быть можетъ, преувеличиваете и для насъ его значеніе. Мнѣ пришла такая мысль: чтобы не было изъ-за него затрудненій, сдѣлаемъ изъ него нѣчто въ родѣ вольнаго города» [3]).

Послѣ такого заявленія, очевидно, весьма облегчавшаго задачу французскаго посла, Александръ пошелъ за предѣлы Константинополя и позволилъ увлечь себя въ глубь Азіи. Несмотря на свое первоначальное предубѣжденіе, онъ соглашался принять участіе въ походѣ на Индію и давалъ требуемое Наполеономъ количество солдатъ. «Я выберу ему ихъ, какъ другъ» [4]), сказалъ онъ. Бóльшая часть изъ нихъ можетъ пройти вмѣстѣ съ французскими войсками черезъ Константинополь и Малую Азію, а остальные высадятся въ Трапезондѣ на Черномъ морѣ и въ Астрабадѣ на югѣ Каспійскаго моря; можетъ быть, потомъ можно будетъ пойти къ конечной цѣли черезъ Гератъ и Афга-

[1]) Донесеніе № 18.
[2]) Id.
[3]) Id.
[4]) Id.

нистанъ. Впрочемъ, заключилъ царь, дѣло нашихъ представителей придти къ соглашенію относительно способовъ дѣйствій и предусмотрѣть и разрѣшить затрудненія; самъ же онъ хочетъ свидѣться съ Наполеономъ только для того, чтобы скрѣпить соглашеніе. Онъ былъ вполнѣ согласенъ на свиданіе въ Германіи, въ Веймарѣ или Эрфуртѣ, и обѣщалъ явиться своевременно, хотя бы для этого ему пришлось ѣхать «день и ночь» [1]).

Чтобы удовлетворить его нетерпѣливое желаніе, Румянцевъ и Коленкуръ принялись за дѣло и 2 марта приступили къ дѣлежу. Вначалѣ у нихъ былъ моментъ нерѣшительности и сдержанности. Такъ два противника во время дуэли, скрестивъ шпаги и встрѣтившись взорами, нѣкоторое время, молча, наблюдаютъ другъ за другомъ и выжидаютъ, въ надеждѣ, что противникъ начнетъ поединокъ первымъ и откроетъ себя. Такая тактика была предписана Коленкуру Наполеономъ, но и Румянцевъ считалъ ее также для себя удобной и не хотѣлъ отъ нея отказаться. По его мнѣнію, такъ какъ иниціатива проекта исходила отъ императора Наполеона, то ему первому и надлежало ознакомить со своими взглядами и высказать основныя положенія, которыя должны подлежать обсужденію. Во-первыхъ, о какомъ раздѣлѣ идетъ рѣчь? О томъ ли, вопросъ о которомъ былъ поднятъ въ Тильзитѣ и по которому Румелія съ Константинополемъ оставались за турками? Слѣдовало ли приступить къ раздѣлу всей европейской Турціи? Слѣдуетъ ли дойти до раздѣла между собой оттоманскихъ владѣній въ Азіи и Африкѣ? Отвѣтъ Коленкура былъ постоянно одинъ и тотъ же: что слѣдуетъ высказаться по всѣмъ этимъ гипотезамъ, что инструкціи Наполеона ничего точно не опредѣляютъ и ничего не исключаютъ. Наконецъ, отчаявшись вызвать нападеніе своего собесѣдника, Румянцевъ покорился необходимости взять нападеніе въ свои руки. Тогда начались эти единственные по своей необычайности переговоры, тайну которыхъ сохранили наши архивы. Министръ и посланникъ разговариваютъ по-пріятельски, съ глазу-на-глазъ. Передъ ними столъ, заваленный картами. Съ утонченной вѣжливостью, и даже любезнымъ и игривымъ тономъ, который дипломаты добраго стараго времени старались придать своимъ преніямъ, они общими усиліями стараются сочинить рѣшеніе самыхъ

[1]) Id.

грозныхъ задачъ, какія только можетъ поставить политика. Они распредѣляютъ столько территорій, провинцій, королевствъ, сколько никогда не раздавалъ торжественно-собранный конгрессъ. Стараясь на словахъ перещеголять другъ друга въ любезностяхъ, они на дѣлѣ стараются превзойти въ неуступчивости; играя прижимисто, но съ пріятной улыбкой, они любезно спорятъ о самыхъ знаменитыхъ, чрезвычайно выгодно расположенныхъ странахъ, на которыя съ завистью устремлены взоры всего міра.

Рѣшили начать съ гипотезы частичнаго раздѣла, развернули карты:

Посланникъ.—Поищемъ, что вамъ подойдетъ. Чего желалъ императоръ (Александръ) въ Тильзитѣ? Ему тоже должно быть извѣстно и то, чего хотѣлъ императоръ Наполеонъ.

Министръ.—Онъ никогда вполнѣ опредѣленно не высказывался объ этомъ. Мнѣ кажется, что нашими были Молдавія, Валахія и Болгарія; у Франціи—Морея и, можетъ быть, Албанія и Кандія.

Посланникъ.—Это не все. Что дѣлали съ остальнымъ, даже и въ томъ случаѣ, если бы Румелія осталась за турками? Вѣдь объ этомъ планѣ теперь мы говоримъ? Не такъ ли, графъ?

Министръ.—Да! Мы желаемъ, чтобы вы получили то, что вамъ наиболѣе подходяще. Австрія ничего не сдѣлала. Если она приметъ участіе, ей немного нужно; но не дурно было бы воспользоваться ею.

Посланникъ.—Что же вы даете ей?

Министръ.—Кроацію; если этого слишкомъ мало, то кое что въ Босніи.

Посланникъ. — Боснія—прямой путь въ Албанію. По ея положенію, — это наша естественная доля. Но вы забываете Сербію.

Министръ.—Можно ее сдѣлать независимой, дать ей собственное правительство, поставить ее въ сферу нашего общаго вліянія.

Посланникъ. — Два сильныхъ вліянія въ одной странѣ, не то же ли, что двѣ хозяйки въ одномъ домѣ?

Министръ. — Вы правы, это будетъ неудобно. Можно бу-

детъ отдать эту провинцію австрійскому эрцгерцогу. Императоръ Наполеонъ могъ бы выбрать его изъ младшей линіи для того, чтобы Сербія никогда не перешла къ царствующей линіи.

Посланникъ.—Нѣтъ ли у васъ какихъ-нибудь обязательствъ съ сербами?

Министръ. — Въ этомъ отношеніи никакихъ;—только отнюдь не отдавать ихъ туркамъ и постараться добиться для нихъ отдѣльнаго правительства, хотя бы подъ главенствомъ Порты, т. е. не отдавать ихъ на избіеніе туркамъ.

Посланникъ. — Вы берете слишкомъ много. Всѣ эти провинціи въ непосредственной связи; все ихъ населеніе останется на мѣстѣ, и, такъ какъ оно состоитъ изъ христіанъ, то будетъ за васъ, тогда какъ въ другихъ областяхъ большинство жителей—турки, которые уйдутъ вслѣдъ за оттоманскимъ правительствомъ во время его бѣгства. Слѣдовательно, ваши провинціи будутъ населены, а наши безлюдны» [1]).

Румянцевъ не обратилъ вниманія на послѣднее возраженіе своего противника. Какъ бы то ни было, они вѣдь только для виду спорили по поводу этой гипотезы, не имѣвшей, по ихъ мнѣнію, никакой будущности. Назначая Константинополь исходнымъ пунктомъ для похода на Индію, Наполеонъ заранѣе предрѣшалъ разрушеніе и полное расчлененіе Турціи. Пренія неизбѣжно должны будутъ расшириться, и тогда только наступитъ моментъ для серьезнаго столкновенія аппетитовъ. Румянцевъ первый сорвалъ завѣсу: «Если турки, сказалъ онъ, будутъ изгнаны изъ Европы,—а это мнѣ кажется неизбѣжнымъ, имѣя въ виду походъ въ Азію, ибо я сомнѣваюсь, чтобы султанъ, которому заранѣе отсѣкутъ руки и ноги, разрѣшилъ пройти по своей территоріи, да и помимо того, если, говорю я, турки будутъ изгнаны изъ Константинополя что, по-моему мнѣнію, противно нашимъ интересамъ, конечно, если только его не отдадутъ такому же слабому, какъ турецкое, правительству,—въ силу положенія, занимаемаго этимъ городомъ, въ силу нашего положенія и требованій нашей торговли, ключъ которыхъ лежитъ на Босфорѣ и Дарданеллахъ, Константинополь долженъ отойти къ намъ, а

---

[1]) Донесеніе № 19.

также и бо́льшая часть территоріи, прилегающей къ проливамъ.

Посланникъ.—Ключъ отъ Чернаго и ключъ отъ Мраморнаго моря! Это слишкомъ много для одного выхода, графъ; имѣть и одинъ изъ нихъ было бы уже очень хорошо. Мнѣ кажется, можно было бы предложить, чтобы у каждаго былъ свой ключъ.

Министръ. — Одинъ безъ другого ничто. Наше географическое положеніе и обладаніе Чернымъ моремъ,—даже болѣе чѣмъ наши политическіе интересы,—требуютъ, чтобы мы владѣли Константинополемъ. Вы далеко отъ Константинополя, да и кромѣ того у васъ будутъ настолько хорошія владѣнія, что вы не будете имѣть повода намъ завидовать» [1]).

Послѣ этихъ словъ, совершенно противорѣчившихъ мысли, высказанной императоромъ Александромъ за нѣсколько часовъ до совѣщанія, оба собесѣдника поспѣшили приступить къ разсмотрѣнію другихъ вопросовъ, какъ будто они хотѣли на этотъ разъ только коснуться жгучей почвы. Министръ оказался болѣе требовательнымъ, чѣмъ его государь, болѣе русскимъ, чѣмъ царь. Не дѣлая ни малѣйшаго намека ча идею о Византіи, какъ о вольномъ городѣ, онъ требовалъ Константинополь и даже отказывался отдѣлить его отъ Дарданеллъ. Убѣдилъ ли онъ императора согласиться съ его мнѣніемъ и выражалъ ли онъ точно волю своего правительства? Говорилъ ли онъ только отъ себя лично? Быть можетъ, въ его требованіяхъ слѣдовало видѣть только способъ спорить, одно изъ тѣхъ требованій, которое выставляется для того, чтобы изъ отказа отъ него создать себѣ право на вознагражденіе? Если Коленкуръ и питалъ сначала такую несбыточную надежду, второе совѣщаніе, состоявшееся черезъ день, должно было вполнѣ разсѣять его иллюзію. Доктрина русскаго министра опредѣлилась вскорѣ еще точнѣе и энергичнѣе.

Однако, министръ, желая подготовить почву, приступилъ къ ней осторожно и началъ съ предложенія императору Наполеону «всего, что могло быть ему подходящимъ».

Посланникъ.—Что подразумѣваете вы подъ этимъ, графъ?

Министръ.—Ну! Напримѣръ, что, кромѣ Мореи и Архипелага,

[1]) Id.

вы можете взять Албанію, о которой не было рѣчи. Эта страна находится возлѣ васъ и дастъ вамъ драгоцѣнныя средства для вашего флота. Императоръ Александръ лично пришелъ къ мысли, что это будетъ подходяще для императора Наполеона. Кромѣ того, вы можете еще пріобрѣсти Египетъ, даже Сирію, если это вамъ нравится.

Посланникъ.—Вопросъ объ Албаніи до сихъ поръ считался рѣшеннымъ. Вы часто называли ее мнѣ, и даже еще третьяго дня указывали на нее, какъ на пріобрѣтеніе, относительно котораго вы не возбуждали никакихъ сомнѣній. То, что вы намѣрены предложить безъ Албаніи, было бы то же самое, что дать Валахію безъ Молдавіи. Затѣмъ, вы тотчасъ же ведете насъ въ Азію, графъ. Я очень радъ идти за вами. Однако, будемъ подвигаться шагъ-за-шагомъ, распредѣлимъ по порядку наши идеи и раздѣлимъ сперва Европу, такъ какъ, я думаю, слѣдуетъ начать съ этого пункта.

Министръ.—Ну, что же! Валахію и Молдавію съ прибавкой Болгаріи, пожалуй даже Сербіи, вотъ что намъ подходяще; Франція возьметъ Морею, Албанію, Архипелагъ, часть Босніи. Другая часть Босніи и Кроація отойдутъ къ Австріи. Конечно, все это при условіи, что Румелія и Константинополь останутся за турками.

Посланникъ.—Съ прошлаго раза вы очень сильно увеличили вашу долю, графъ. Если пойдетъ такъ дальше, вы скушаете все. Австрія не поблагодаритъ васъ за долю, которую вы ей предназначаете. Я даже хорошенько не знаю, что думать о нашеії собственной. Взгляните на карту; Сербія лежитъ внѣ вашего географическаго положенія.

Министръ. — Императору она не нужна; не будемъ болѣе объ этомъ говорить, если, по вашему мнѣнію, это непріемлемо. Отдайте ее въ такомъ случаѣ, какъ мы говорили, какому-нибудь эрцгерцогу изъ младшей линіи или какому-нибудь европейскому принцу, напримѣръ, если хотите, принцу Кобургскому, или кому-нибудь другому. Если вы хотите сдѣлать намъ пріятное, назначьте ее въ приданое одной изъ нашихъ великихъ княженъ, (какой вамъ угодно), хотя бы, какъ собственность ея супруга, если вы найдете это нужнымъ. Какъ православная, она будетъ служить связью между принцемъ, за котораго ее выдадутъ замужъ, и жителями этой страны. Они крайне фанатичны, и, вы-

сказывая эту мысль, я думаю сослужить службу дѣлу мира и указать на единственное средство поддержать спокойствіе среди этихъ дикарей. Быть можетъ, будетъ даже полезно выговорить, что дѣти будутъ воспитываться въ духѣ греческой вѣры. Впрочемъ, я не придаю никакого значенія этой мысли, она исходитъ лично отъ меня.

Посланникъ.—Императору будетъ, конечно, очень пріятно доставить удовольствіе лично императорской семьѣ, но Сербія будетъ плохимъ приданымъ для великой княжны при обязательствѣ жить ей тамъ. Поставить одну изъ вашихъ великихъ княженъ между вами и нами, не значитъ ли поступать на дѣлѣ противно вашимъ принципамъ о неудобствахъ непосредственнаго соприкосновенія великихъ державъ и, можетъ быть, подать поводъ къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ, ибо фактически вы будете царствовать тамъ, гдѣ будетъ ваша великая княжна. Какъ видите, я держусь вашей доктрины. Впрочемъ, вы знаете, что я не уполномоченъ ни отказывать вамъ, ни давать согласіе.

Министръ. — Пусть эта страна будетъ независимой, вотъ все, чего мы хотимъ при настоящемъ положеніи вещей» [1]).

Начнется ли бой послѣ этой схватки? Румянцевъ началъ подходить къ главной позиціи, но путемъ искусныхъ обходовъ. «Мы хотимъ, говорилъ онъ, оказать вамъ услугу, помочь вамъ всѣми нашими силами; но, уже потому, что наше содѣйствіе будетъ безграничнымъ, оно должно повлечь за собой крупныя выгоды, такія, которыя бросались бы въ глаза, которыя поразили бы націю, закрѣпили бы ее за новой системой и не показались бы ей не соразмѣрными съ требуемыми отъ нея жертвами. Вѣдь мы пойдемъ въ Индію только ради васъ; у насъ тамъ нѣтъ никакого личнаго интереса.

Посланникъ.—Можно подумать, что вы и не воюете съ Англіей? Мы тоже хотимъ оказать вамъ услугу, графъ, и, главнымъ образомъ, сдѣлать нѣчто такого рода, что привязало бы вашу націю къ ея повелителю: вотъ наша цѣль въ этомъ дѣлѣ, повѣрьте мнѣ! Мы съ вами можемъ только набросать предварительныя мысли, постараться предусмотрѣть затрудненія для того, чтобы поскорѣе сговорились: вотъ наша роль; ибо, какъ вы знаете,

---

[1]) Донесеніе № 20.

я не имѣю права заключать договора. Приступимъ же откровенно къ вопросу».

Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вызовъ, русскій министръ постарался еще разъ обезпечить свой тылъ. Поддавшись снова опасеніямъ или какъ бы угрызеніямъ совѣсти, онъ внезапно вернулся къ вопросу о Пруссіи и сдѣлалъ слѣдующую оговорку: «Все-таки нужно будетъ объясниться и сговориться относительно Силезіи».

Посланникъ.—Видно, что въ Россіи не существуетъ разстояній. Какое отношеніе можетъ имѣть Силезія къ громадному вопросу, которымъ мы заняты? Мнѣ досадно, что вы еще не формулировали вашихъ взглядовъ, тогда мы двигались бы скорѣе» [1]).

Румянцевъ отвѣтилъ, что самое лучшее было бы составить общій планъ и записывать его по мѣрѣ того, какъ будетъ создаваться соглашеніе, и, рѣшившись, наконецъ, снова перейти въ наступленіе, онъ сказалъ: «Поговоримъ о Константинополѣ. Самой судьбой предназначено намъ владѣть имъ; наше положеніе толкаетъ насъ къ нему такъ же, какъ къ Босфору и Дарданелламъ. Въ такомъ случаѣ, Сербія должна быть отдана въ полное владѣніе Австріи, равно какъ и часть Македоніи и Румеліи до моря для того, чтобы она раздѣляла насъ согласно принципу, изложенному въ нотѣ императора Наполеона въ Тильзитѣ, по которому для того, чтобы оставаться друзьями, не слѣдуетъ быть сосѣдями. Вы не можете себѣ представить, до какой степени такая сдѣлка привяжетъ нашу страну къ вашей системѣ, къ вашей династіи. Ваше дѣло будетъ нашимъ дѣломъ. Вамъ достанется остальная часть Македоніи и часть западной Румеліи, вообще, все, что вамъ подходитъ. Хотите, берите всю Боснію взамѣнъ того, что будетъ дано Австріи въ Румеліи и Македоніи съ цѣлью насъ обособить. Сверхъ того, Египетъ и Сирію, если это вамъ нравится.

Посланникъ.—Доли не равны. Константинополь одинъ стоитъ всего, что вы предлагаете намъ въ Европѣ. Вы не щедры сегодня, графъ.

Министръ.—Вы больше получите. Что такое Констан-

[1]) Донесеніе № 20

тинополь и все окружающее его, когда не будетъ турокъ? Наконецъ, какъ смотрите вы на это?

Посланникъ.—Сознаюсь, Константинополь пугаетъ меня. Проснуться императоромъ Константинополя,—какое чудное пробужденіе! Отъ вашей теперешней границы до него,—вѣдь это цѣлая имперія. Какое положеніе, можно сказать, на двухъ частяхъ свѣта! Нужно свыкнуться съ этими мыслями, чтобы взять на себя смѣлость говорить объ этомъ.

Министръ.—Этого требуютъ какъ наше географическое положеніе, такъ и интересы нашей торговли; ваше географическое положеніе требуетъ нѣчто другое. Это вовсе не такъ выгодно, какъ вы думаете. Это далеко отъ насъ, это будутъ городъ и страна безъ жителей; но наше положеніе таково, что, ради Чернаго моря, мы не можемъ не желать Константинополя и Дарданеллъ.

Посланникъ.—Въ моей головѣ не укладывается возможность пріобрѣтенія Константинополя; но, если это допустить, сознаюсь, я не соглашусь на пріобрѣтеніе и Дарданеллъ тѣмъ же государствомъ.

Министръ.—Кому же вы дадите Дарданеллы?

Посланникъ.—Я возьму ихъ для Франціи.

Министръ.—Для чего? Какая вамъ выгода такъ близко подходить къ намъ?

Посланникъ.—Результатомъ уступки вамъ Константинополя должны быть для Франціи огромныя, поразительныя выгоды. Гдѣ прикажете искать ихъ въ Европѣ? Я не вижу. Не въ Азіи ли; можетъ быть, Египетъ, Сирія? Развѣ это сравнимо? Положимъ, вы подносите ихъ намъ, но нужно имѣть возможность сообщаться съ этими пріобрѣтеніями. Я вижу только одинъ вѣрный путь— черезъ Дарданеллы. Да сверхъ того, я спрошу васъ, поможете-ли вы намъ завоевать эти двѣ провинціи. Конечно, говоря мнѣ о Сирі и и Египтѣ, вы хотѣли оказать намъ услугу, графъ. Но что стоитъ это подношеніе безъ Дарданеллъ?

Министръ.—Императоръ не высказывался относительно особаго на этотъ предметъ содѣйствія; но вы знаете, какъ онъ уступчивъ по всѣмъ этимъ вопросамъ, и какъ охотно принимается имъ все, что подтверждаетъ, какую цѣну онъ придаетъ союзу и всему, что устраиваетъ императора Наполеона. А наша торговля, господинъ посланникъ! Я допускаю, что пока живъ

Императоръ, ее не будутъ тревожить; но потомъ, чѣмъ она будетъ обезпечена, если ключъ будетъ у васъ?

Посланникъ.—Вся ваша торговля въ земледѣльческихъ продуктахъ. Вся Европа нуждается въ нихъ, и Францiя такъ же, какъ и другiя государства. Ихъ корабли, а не ваши, перевозятъ ваши продукты. Какой же вредъ могли бы вы ощутить отъ нашего положенiя на Дарданеллахъ? Никакого, увѣряю васъ; ваше положенiе можетъ стѣснять всѣхъ, наше—никого.

Министръ.—Судите сами, что вы прiобрѣтаете такимъ путемъ, какое влiянiе! а мы, что мы получимъ? городъ съ громкимъ именемъ и болѣе ничего. Я во сто кратъ предпочелъ бы второе.

Посланникъ.—Сравненiе не будетъ въ ущербъ Константинополю.

Министръ.—Острова представляютъ для васъ несмѣтное богатство, они дадутъ вамъ превосходныхъ матросовъ. Вы устроите Египетъ и Сирiю, для кого вамъ угодно, а что мы получимъ за это? Если вы ужъ такъ дорожите Дарданеллами, не можете ли вы намъ отдать Сербiю?

Посланникъ.—Такимъ образомъ вы залѣзаете въ нашъ карманъ, говоря, что не хотите, чтобы мы залѣзли въ вашъ. Что же оставите вы Австрiи, такъ какъ имѣется въ виду воспользоваться и ея услугами? Взгляните на карту, графъ, географiя рѣшительно не допускаетъ, чтобы Сербiя была вашей. Разъ мы заговорили объ Азiи, вы тамъ можете взять: Трапезондъ у васъ подъ рукой. Вотъ великолѣпное прiобрѣтенiе для министра торговли; но, графъ, примите въ соображенiе слѣдующее: все, что вы прiобрѣтаете, соприкасается съ вашимъ государствомъ и укрѣпляетъ его; все, что вы намъ предлагаете, находится по отношенiю къ нашему почти на краю свѣта. Итакъ, при любомъ положенiи дѣла вы вездѣ будете сильны, а мы слабы.

Министръ.—Но до какихъ мѣстъ и какимъ путемъ пойдете вы, если признать Дарданеллы вашими?

Посланникъ.—Ну, по крайней мѣрѣ до Родосто; можно будетъ принять за границу цѣпь горъ отъ Пристина до Адрiанополя.

Министръ.—Мое мнѣнiе таково: мы не можемъ уступить ни Константинополя, ни Дарданеллъ. Впрочемъ, я подожду приказанiй Императора, можетъ быть, онъ будетъ болѣе податливъ.

Будьте увѣрены, мы хотимъ вамъ помочь, помочь всѣми способами, и хотимъ, чтобы вы получили все, что вамъ нравится; что же касается нашихъ желаній, то мы должны найти тѣ же чувства въ императорѣ Наполеонѣ» [1]).

Съ кѣмъ согласится царь, къ которому Румянцевъ вызвался обратиться по этому поводу? Со своимъ ли министромъ, наслѣдникомъ русскихъ традицій во всей ихъ полнотѣ или съ посланникомъ, который могъ сослаться на первоначально поданныя ему надежды? Приметъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, тотъ способъ соглашенія, который внушала Франція? Въ теченіе нѣсколькихъ дней государя нельзя было видѣть: постъ и говѣнье задержали всѣ дѣла; официіальная Россія отсутствовала. Каковъ будетъ результатъ его уединенныхъ размышленій?

Когда Александръ снова встрѣтился съ нашимъ посломъ, его слова были милостивы, но не удовлетворили Коленкура.—«Кажется, сказалъ онъ ему, вы отлично ладите съ Румянцевымъ, и дѣло подвигается».

Посланникъ.—Наши мнѣнія расходятся относительно Константинополя и Дарданеллъ, хотя я и не уполномоченъ давать согласія на что бы то ни было и въ чемъ бы то ни было отказывать. Впрочемъ, первоначальная мысль о немъ была высказана Вашимъ Величествомъ. Вы думали, что, можетъ быть, нужно будетъ сдѣлать Константинополь вольнымъ городомъ.

Императоръ.—Положеніе дѣлъ измѣнилось. Императоръ поднимаетъ вопросъ о походѣ, о которомъ не было рѣчи. Мы сговоримся, будьте въ этомъ увѣрены. Вопросъ идетъ о дѣлахъ, которыми я долженъ дорожить, хотя бы для того, чтобы имѣть возможность дѣйствовать открыто и слѣдовать вашей политикѣ» [2]).

Александръ не упоминалъ о Константинополѣ. Онъ еще стѣснялся высказывать свои честолюбивыя стремленія, но чувствовалось, что въ немъ произошла перемѣна. Вскорѣ Коленкуръ узналъ, чье вліяніе ее вызвало. Несмотря на обязательство соблюдать тайну, стало извѣстно, что были запрошены мнѣнія нѣкоторыхъ лицъ, что были совѣщанія, на которыхъ всегда одерживало верхъ наиболѣе захватывающее мнѣніе Румянцева. Пред-

[1]) Донесеніе № 20.

[2]) Письмо Коленкура императору отъ 7 марта 1808 г.

ставленные имъ доводы вполнѣ убѣдили Александра. Постепенно доведенный до чрезмѣрныхъ требованій, онъ будетъ съ этихъ поръ настаивать на нихъ, такъ какъ мысли, высказанныя по этому вопросу, а также разсчетъ, даже болѣе чѣмъ наслѣдственное влеченіе, указывали на ихъ необходимость. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что настоящій моментъ былъ рѣшающимъ для будущности его государства. Вотъ уже сто лѣтъ, говорилъ онъ себѣ, Россія стремится обладать Константинополемъ изъ-за славы и проливами ради своихъ интересовъ; на пути къ этимъ двумъ цѣлямъ ее постоянно останавливала зависть европейскихъ государствъ. Теперь Европы болѣе не существуетъ; ее замѣнилъ человѣкъ, который по своему произволу создаетъ и разрушаетъ имперіи и мечомъ разрубаетъ вопросы, по которымъ въ былыя времена дипломатія ограничивалась тѣмъ, что откладывала рѣшеніе. Однако, оказывается, что этотъ завоеватель не можетъ упрочить своего дѣла и сокрушить Англіи безъ содѣйствія русскаго государя. Подъ опасеніемъ пропустить моментъ для выполненія своего историческаго назначенія, Россія должна воспользоваться случаемъ, быть можетъ, единственнымъ въ теченіе вѣковъ, и вырвать у Наполеона то, чего она никогда не получитъ послѣ него отъ возстановленной Европы. Она должна упрочить за собой безпримѣрное завоеваніе, которое сдѣлаетъ ее владычицей Востока.

Чувствуя за собой поддержку, Румянцевъ оставался несговорчивымъ. Взаимныя требованія были изложены письменно, и рѣзко обозначилось, что они въ корнѣ расходятся. Передъ ними были двѣ вполнѣ опредѣленныя системы раздѣла. Но какъ-бы Франція и Россія отважно, но обдуманно, ни совершали походъ по Востоку, какъ бы ихъ честолюбивыя стремленія ни уносились ввысь, постояннымъ мѣстомъ ихъ встрѣчи и послѣдующаго спора были Дарданеллы. Безъ боя отдавали другъ другу громадныя пространства; но возлѣ этого клочка земли, возлѣ «кошачьяго языка» [1]), какъ называлъ его Румянцевъ, намекая на форму Галлиполійскаго полуострова, нападеніе и оборона сосредоточивали всѣ свои силы. 9 марта борьба продолжалась четыре часа; 10-го споръ опять начался, но не внесъ ничего новаго: тѣ же требованія, тѣ же отвѣты, тѣ же доводы. Румян-

[1]) Донесеніе № 22, 9 марта 1808 г.

цевъ всегда ссылался не только на политическія, но и на экономическія потребности; онъ съ одинаковымъ знаніемъ дѣла умѣлъ выдвигать какъ тѣ, такъ и другія, такъ какъ сдѣлавшись министромъ иностранныхъ дѣлъ, оставался и министромъ торговли: «Благодаря этому, съ грустью писалъ Коленкуръ, всегда двое противъ одного» [1]).

Графъ прибѣгнулъ къ своей щедрой на обѣщанія тактикѣ. Онъ старался поколебать своего противника, предлагая ему во всѣхъ другихъ мѣстахъ все болѣе важныя выгоды. Такъ, высказавшись сперва противъ содѣйствія Россіи при завоеваніи нами Египта, Сиріи и малоазіатскихъ портовъ, онъ мало-по-малу перешелъ къ обѣщаніямъ, искусно распредѣляя свои уступки. Его дворъ, сперва говорилъ онъ, формально гарантируетъ намъ, если не Египетъ и Сирію, слишкомъ отдаленные отъ Россіи, то, по крайней мѣрѣ, порты Малой Азіи; уступку ихъ Франціи онъ поставитъ однимъ изъ условій своего будущаго мира съ Англіей.—«Но поможетъ ли намъ Россія теперь же вступить во владѣніе ими»?—спросилъ Коленкуръ. Сперва Румянцевъ отказалъ, затѣмъ внесъ поправку, ссылаясь на то, что Россія не будетъ въ состояніи дѣйствовать на сушѣ, такъ какъ война со Швеціей, завоеваніе Турціи и походъ въ Индію займутъ всѣ ея арміи, но она можетъ располагать своими морскими силами на Средиземномъ морѣ, можетъ отдать ихъ въ наше распоряженіе, согласно высказанному нашимъ посланникомъ желанію. Однако, Румянцевъ не допускалъ, чтобы подобное одолженіе могло осуществиться безъ условій и оговорокъ; онъ направилъ Коленкура для переговоровъ по этому вопросу къ адмиралу Чичагову: «У флота,—сказалъ онъ,—свой собственный начальникъ. Начальникъ этотъ, какъ Богъ Израиля, самый завистливый изъ всѣхъ боговъ и при томъ богъ немного упрямый» [2]). Вмѣсто того, чтобы идти къ адмиралу, Коленкуру пришла счастливая мысль отправиться къ императору. Онъ принесъ отъ него приказаніе, въ силу котораго на все время войны государь, безъ всякихъ условій, отказывался въ пользу своего союзника отъ всякой власти надъ своими собственными кораблями на Средиземномъ морѣ. Александръ зналъ Коленкура и зналъ также, что предупредительность дѣйствовала

---

[1]) Письмо Коленкура императору отъ 16 марта 1808 г.

[2]) Донесеніе № 23, 10 марта 1808 г.

на него сильнѣе требованій, но онъ не принялъ во вниманіе опредѣленныхъ инструкцій, которыя связывали нашего посла и парализовали его доброжелательныя намѣренія. По главному вопросу продолжалъ существовать полный разладъ; императорскій кабинетъ не хотѣлъ уступать, а Коленкуръ не былъ на это уполномоченъ.

Однако, Россія старалась дѣлать видъ, что уступаетъ. Какъ способъ сообщенія по сушѣ съ нашими будущими владѣніями въ Анатоліи, вмѣсто Дарданеллъ, она предложила намъ военную дорогу, которая прошла бы черезъ сдѣлавшуюся русской провинціей Румелію и черезъ проливъ, и, такимъ образомъ, въ Азію былъ бы свободный путь нашимъ войскамъ. Коленкуръ отвергъ эту сдѣлку, но придумалъ замѣнить ее другой. Двѣ крѣпости или, лучше сказать, два замка на Дарданеллахъ, обстрѣливающіе своей артиллеріей узкій проливъ, получившій отъ нихъ свое названіе, возвышаются, одинъ на европейскомъ берегу, другой на азіатскомъ. Развѣ нельзя было европейскій дать Россіи, а азіатскій Франціи? У каждаго были бы свои Дарданеллы. Румянцевъ отвѣтилъ, что всякая сдѣлка, въ силу которой его государь не получитъ цѣликомъ, безъ всякаго ограниченія, всей позиціи, будетъ въ его глазахъ хуже, чѣмъ продленіе настоящаго положенія, которое, по крайней мѣрѣ, не предрѣшаетъ будущаго и не лишаетъ надеждъ [1]).

Въ послѣдній разъ Коленкуръ хотѣлъ подвергнуть рѣшеніе министра на благоусмотрѣніе государя. У него былъ съ нимъ окончательный разговоръ.

«Румянцевъ прочелъ мнѣ свои соображенія,—сказалъ Александръ:—я внесъ нѣсколько поправокъ, и всѣ въ вашу пользу. Ей-Богу! у васъ прекрасная и большая доля.

Посланникъ.—Скорѣе прекрасна и удобна доля, которую выдѣлили вы себѣ, Ваше Величество: все неразрывно и всюду поддержка; она выгодна, какъ въ географическомъ отношеніи, такъ и въ отношеніи ея населенія.

Императоръ.—А у васъ! сколько владѣній, не считая Албаніи и Мореи.

Посланникъ.—Вездѣ отрѣзки и всѣ далеко отъ насъ.

---

[1]) Ib.

Императоръ.—Какъ! Ваша доля прикасается къ Далмаціи, къ Каттаро, смежна съ Италіей, со всѣми вашими владѣніями.

Посланникъ.—Да, Государь, если бы Вашему Величеству принадлежали владѣнія Австрійскаго императора, и вы отдали бы ихъ намъ. Только въ такомъ случаѣ мы прикасались бы къ нашей долѣ. Безъ этого между ними только море, тогда какъ въ долѣ Вашего Величества все въ непосредственной связи съ вашими теперешними владѣніями.

Императоръ.—Нужно же сдѣлать что-нибудь, что внушило бы и поддерживало довѣріе, что доказало бы, что наша теперешняя политическая система самая лучшая. Увѣряю васъ, я умѣренъ въ моихъ требованіяхъ. Я прошу только то, къ чему вынуждаютъ меня интересы государства и въ чемъ я не могу уступить.

Посланникъ.—Прошу у Вашего Величества позволенія напомнить вамъ вашу прежнюю мысль,—мысль создать независимое государство въ Константинополѣ. Будьте увѣрены, императоръ Наполеонъ присоединится къ вашему мнѣнію.

Императоръ.—Я не взвѣсилъ тогда значенія того, что просилъ у меня Императоръ. Смотрите, какъ на недѣйствительное, на то, что я вамъ говорилъ объ этомъ. Если я даю армію для похода въ Индію, слѣдуетъ, чтобы результатомъ этого были выгоды, могущія вознаградить Россію за ея жертвы. Итакъ, обладаніе Константинополемъ не должно оставаться подъ сомнѣніемъ.

Посланникъ.—А Дарданеллы, Государь? Если вмѣстѣ съ Константинополемъ они будутъ во владѣніи Вашего Величества, проходъ будетъ менѣе свободенъ, чѣмъ черезъ Зундъ, у котораго, однако, на каждомъ берегу особое государство.

Императоръ.—Не будемъ сосѣдями. Я помню добрые совѣты императора Наполеона. Вѣроятно, Румянцевъ сказалъ вамъ, что я не могу уступить по этому вопросу. Если вы будете у проливовъ, — безъ вашего позволенія ни я, ни кто-либо другой не можетъ ни войти ко мнѣ, ни выйти отъ меня. Я не сомнѣваюсь относительно намѣреній императора Наполеона, но я ничего не хочу сдѣлать такого, что дало бы поводъ къ безпокойству общественнаго мнѣнія и что установило бы неясныя отношенія между нами. Уже давно ждутъ какого-нибудь результата. Сдѣлайте, чтобы онъ былъ достоинъ Императора. Необходимо, чтобы вы-

годы, которыя вы намъ обѣщали втайнѣ, сдѣлались, наконецъ, явными. Знаете ли вы что-либо, богаче и населеннѣе портовъ Востока? Смирна, какое богатство! Вообще, ваше положеніе великолѣпно во всѣхъ отношеніяхъ.

Посланникъ.—Ваше Величество изволитъ говорить о нашемъ положеніи. Однако, каково же оно? Положеніе осторожныхъ людей, которыхъ Англія вынуждаетъ быть предусмотрительными,— и ничего больше! Впрочемъ, можемъ ли мы когда-либо сдѣлаться врагами Россіи? Мы слишкомъ далеко отъ нея, Государь, и если мы приблизимся къ ней, то только для того, чтобы дѣйствовать съ ней за одно. Врагъ Россіи, Государь,—Австрія. Если произойдетъ раздѣлъ, она будетъ враждебнѣе, чѣмъ когда-либо. Ея географическое положеніе не можетъ сдѣлать ее вашимъ союзникомъ; но благодаря нашимъ войнамъ съ ней, Вашему Величеству не придется ее опасаться въ продолженіе полувѣка; слѣдовательно, Франція уже этимъ оказала услугу Россіи. Эта выгода не можетъ ускользнуть отъ политики, которая учитываетъ все. Когда въ Россіи все взвѣсятъ безпристрастно, Государь, никто не будетъ сомнѣваться въ намѣреніяхъ Франціи относительно Россіи; до тѣхъ же поръ неоднократно будутъ несправедливы, но, тѣмъ не менѣе, императоръ Наполеонъ останется вѣрнымъ союзникомъ императора Александра... Возвращаюсь къ Турціи, Государь. Вы, Ваше Величество, предлагаете намъ въ Азіи, чего мы не просимъ, и ставите намъ это на счетъ.

Императоръ.—Даже не считая Азіи, благодаря вашему флоту, у васъ все-таки лучшая доля.

Посланникъ.—Ваше Величество, вы предлагаете намъ военную дорогу къ портамъ Востока. Но откуда начинаются эти порты? Конечно, отъ азіатскихъ Дарданеллъ. Безъ Дарданеллъ, чѣмъ будетъ обезпечена эта дорога? Затѣмъ, Ваше Величество, вѣдь, въ сущности, вы уплачиваете намъ за то, что берете себѣ въ Европѣ, только предложеніемъ взять въ Азіи; куда бы то ни шло еще, если вы, независимо отъ похода въ Индію, предложите намъ свое содѣйствіе въ дѣлѣ завоеванія нашей доли въ Азіи. Благодаря этому, она, можетъ быть, пріобрѣла бы нѣкоторую цѣну!

Императоръ.—Берите въ Азіи все, что хотите, исключая того, что лежитъ около Дарданеллъ. Въ противномъ случаѣ, то, что вы дадите, потеряетъ всякую цѣнность. Что же касается содѣйствія для завоеванія портовъ, я всегда въ этомъ отказывалъ; я

обѣщалъ только мою гарантію; но сегодня вечеромъ я не хочу вамъ отказывать во всемъ, чего вы просите. Если предложенныя мною основы будутъ приняты, если состоится крупный раздѣлъ, который приведетъ меня въ Дарданеллы и Константинополь, я помогу вамъ въ вашихъ завоеваніяхъ, но кромѣ Сиріи и Египта.

Посланникъ.—Я увѣренъ, что Ваше Величество не прочь оказать намъ въ этомъ отношеніи любезность, что вызываетъ во мнѣ чувство глубокой признательности. Но имѣю честь замѣтить вамъ, что если я говорю объ Азіи, то только для того, чтобы облегчить средства сговориться. Намѣренія Императора мнѣ неизвѣстны. Я не могу ничего ни принять, ни дать, ни отказать въ чемъ-либо. Мнѣ поручено только предложить почву для соглашенія и обсудить вопросъ въ этомъ направленіи. Итакъ, если во время переговоровъ, я сказалъ что-нибудь лишнее или не договорилъ, прошу, Ваше Величество, поставить это въ вину лично мнѣ, такъ какъ Императоръ не далъ мнѣ никакой инструкціи, кромѣ тѣхъ, которыя находятся въ его письмѣ къ вамъ.

Императоръ.—Само собой разумѣется, что, стараясь, чтобы ваша доля была какъ можно лучше, вы исполняете свой долгъ. Но Императоръ оцѣнитъ мои доводы. Я очень надѣюсь на это. Вотъ случай сдѣлать для меня то, на что мнѣ всегда позволяла надѣяться его дружба ко мнѣ» [1]).

Послѣ столь опредѣленныхъ словъ, трудно было допустить, чтобы Россія, устами своего государя, не сказала своего послѣдняго слова. Тогда нашъ посланникъ, памятуя, что ему поручено только узнать желанія двора, участвующаго въ дѣлежѣ, стараясь свести ихъ къ самому умѣренному объему, счелъ безполезнымъ продолжать пренія и полагалъ, что наступило время сообщить Наполеону результаты своихъ трудовъ. Онъ попросилъ Румянцева болѣе подробно изложить свой проектъ и тщательно указать на возраженія и оговорки, которыя были представлены съ нашей стороны. Результатомъ этого была нота, всецѣло написанная рукой министра, въ которой оба проекта, одинъ французскій, другой русскій, выработанные во время хода переговоровъ, выступили во всей ихъ полнотѣ, съ ихъ параллельными и противополож-

---

[1]) Донесеніе № 24, 12 марта 1808 г.

ными чертами, съ ихъ характерными различіями по существу и по формѣ [1]).

Французскій проектъ представлялъ только эскизъ, набросанный, согласно краткимъ инструкціямъ, робкой рукой его автора, оставлявшаго всѣ вопросы на благоусмотрѣніе своего повелителя. Однако, изъ него видно, что Франція, направляясь отъ Адріатики и Іоническаго моря, поглощаетъ всю западную часть полуострова до Салоникъ включительно; Россія же, идя отъ ея теперешней границы, присоединяетъ къ себѣ сперва Бессарабію, Молдавію и Валахію; затѣмъ она переходитъ Дунай и распространяется на Болгарію; Австрія одновременно съ нею вступаетъ въ Сербію и Македонію. Для Константинополя, Дарданеллъ и сѣверной стороны Эгейскаго моря проектъ допускаетъ выборъ между двумя рѣшеніями: по первому, Константинополь съ Дарданеллами и территоріей, которую предстоитъ еще опредѣлить, возводится въ автономное княжество; Австрія завладѣваетъ приморскими частями Македоніи, за исключеніемъ Салоникъ. По второму предположенію, русская часть идетъ, суживаясь, отъ Балканъ до Босфора,—Константинополь составляетъ ея конечный пунктъ; французская часть идетъ мимо Салоникъ, по берегу Архипелага до Дарданеллъ, включаетъ эту позицію и прикасается къ Мраморному морю. Австрія отстранена отъ моря, но въ ширину выигрываетъ то, что теряетъ въ длину. Водворившись въ Сербіи, она распространяется на сосѣднія провинціи, турецкую Кроацію, Боснію и на сѣверную Македонію; занявъ центръ внутреннихъ областей, она получаетъ тамъ болѣе прочное положеніе.

Что касается внѣевропейскихъ территорій, то Франція заявляетъ, что она воспользуется сдѣланнымъ ей предложеніемъ относительно Египта, Сиріи, Анатолійскихъ портовъ и предложенной ей помощью для пріобрѣтенія и сохраненія этихъ странъ; кромѣ того, она теперь же возьметъ въ свое вѣдѣніе русскій флотъ. Съ своей стороны Россія можетъ взять въ Азіи, по направленію къ Трапезонду, возмѣщеніе или за отказъ отъ Константинополя, если она на это рѣшится, или за водвореніе Франціи на берегахъ Геллеспонта.

Въ русскомъ проектѣ все точно, все опредѣленно. Читая его, можно начертить карту франко-русскаго Востока въ томъ видѣ, какъ о ней мечтали Александръ и Румянцевъ. Новая гра-

[1]) Нота Румянцева была опубликована Тьеромъ, VIII, 449—456.

ница имперіи, охвативъ княжества, идетъ сначала по Карпатамъ до Дуная, затѣмъ переходитъ черезъ Дунай, нѣкоторое время примыкаетъ къ Сербіи, затѣмъ уклоняется на юго-востокъ, чтобы приблизиться къ теченію рѣки Марицы, древнему Гемусу, вдоль котораго она идетъ до моря. Круто повернувъ тогда къ востоку, она идетъ вдоль Архипелага до Дарданеллъ, продолжается по европейскому берегу этого пролива, предоставляя азіатскій берегъ туркамъ, обходитъ Мраморное море и, включивъ предварительно Константинополь съ райономъ въ нѣсколько лье въ Азіи, оканчивается у Чернаго моря. Доля Австріи непосредственно примыкаетъ къ долѣ Россіи отъ Дуная до Архипелага; на востокѣ ея граница совпадаетъ съ новой русской границей. На западѣ Франціи предоставляется полная свобода въ дѣлѣ разграниченія своихъ владѣній съ владѣніями Австріи въ Кроаціи, Босніи, Сербіи и Македоніи, при условіи, что будетъ принятъ во вниманіе принципъ несмежности имперій французской и русской. Впрочемъ, было предусмотрѣно, что Салоники не только будутъ принадлежать Франціи, но что и Австрія должна будетъ также гарантировать ей это важное пріобрѣтеніе. Франція получаетъ полностью Албанію, Эпиръ, Ѳессалію, собственно Грецію, Пелопонезъ и острова. По ту сторону морей, ея владѣнія идутъ по Египту, Сиріи и западной окраинѣ Малой Азіи. Въ запискѣ любезно перечисляются всѣ мѣры, предлагаемыя намъ Россіей, для содѣйствія въ дѣлѣ присоединенія къ намъ этихъ странъ: неограниченное пользованіе ея средиземнымъ флотомъ, военную дорогу, идущую черезъ Дарданеллы, гарантію Анатолійскихъ портовъ и, наконецъ—послѣдняя уступка царя—содѣйствіе сухопутной арміи въ дѣлѣ завоеванія этихъ богатыхъ факторій. Съ другой стороны, Россія отказывается отъ Трапезонда и заранѣе отказывается отъ всякаго притязанія на завоеванія, которыя могутъ быть сдѣланы сообща въ Индіи. Она только ради насъ пройдетъ черезъ Азію, ничего не требуя себѣ въ тѣхъ мѣстахъ. Вмѣсто того, чтобы разбрасывать свои честолюбивыя стремленія, она сосредоточиваетъ ихъ на новой имперіи, которую желаетъ создать себѣ въ Европѣ и столицей которой будетъ Византія.

Послѣдняя часть ноты касалась весьма существеннаго и щекотливаго пункта. Этотъ пунктъ долженъ былъ не понравиться Наполеону болѣе всякаго территоріальнаго требованія. Мы видѣли, что въ планы императора входило уклоняться отъ вся-

каго предварительнаго обязательства до личнаго свиданія съ русскимъ императоромъ. Что же касается условій раздѣла, то Наполеонъ думалъ, что необходимо было, чтобы до встрѣчи все оставалось неопредѣленнымъ, незаконченнымъ, шаткимъ для того, чтобы при встрѣчѣ съ Александромъ, онъ не былъ связанъ заранѣе никакимъ обѣщаніемъ, могъ, въ случаѣ надобности, взять весь вопросъ цѣликомъ и обсудить и рѣшить его согласно своему ничѣмъ не связанному вдохновенію. Къ несчастью, въ Петербургѣ, повидимому, разгадали его разсчетъ и хотѣли ему помѣшать. Свиданіе было принято, но съ условіемъ, чтобы Наполеонъ теперь же согласился съ принципами, высказанными Россіей, и принялъ, если не въ подробностяхъ, то въ главныхъ чертахъ, изложенный проектъ раздѣла. Нота Румянцева вполнѣ опредѣленно ставила эту оговорку. Можно было подумать, что царь хотѣлъ предохранить себя отъ собственной слабохарактерности и не хотѣлъ отдаваться обаянію генія, не обезпечивъ себя заранѣе.

Впрочемъ, государь и его совѣтникъ дѣлали видъ, что вполнѣ довѣряютъ намѣреніямъ императора. Онъ будетъ справедливѣе и не такъ несговорчивъ, какъ его посолъ, говорили они Коленкуру тономъ дружескаго упрека и не разъ высказывали ему: «Вы проиграете дѣло»[1]). Тѣмъ не менѣе, Александръ счелъ необходимымъ лично обратиться къ Наполеону. Ему нужно было отвѣтить на письмо отъ 2 февраля. Онъ изложилъ свое письмо такъ, что оно имѣло безспорный и вѣскій характеръ утвержденія министерской ноты. Онъ выражается въ немъ съ чувствомъ, пишетъ въ самомъ сердечномъ и нѣжномъ тонѣ, но среди увѣреній въ преданности и признательности ухитряется два раза ввернуть вскользь намекъ на предварительныя статьи, необходимыя для свиданія. Его письмо не оставляетъ, впрочемъ, никакого сомнѣнія относительно его непреклонной воли одобрить міровой переворотъ и принять участіе въ его осуществленіи, лишь бы ему предоставили главный предметъ его честолюбивыхъ стремленій. За ключами отъ Константинополя онъ готовъ идти до Индіи. Отвѣчая императору по пунктамъ и не будучи въ состояніи сравниться съ нимъ въ блескѣ краснорѣчія, онъ старается воз-

[1]) Донесеніе № 25.

высить свою мысль до уровня колоссальныхъ идей своего союзника.

«Мой братъ, писалъ онъ, письмо Вашего Величества отъ 2 февраля перенесло меня во времена Тильзита, воспоминаніе о которомъ навсегда останется для меня столь дорогимъ. Читая его, я какъ будто снова переживаю то время, когда мы были вмѣстѣ, и не могу достаточно-сильно высказать вамъ о томъ удовольствіи, которое оно мнѣ доставило. Взгляды Вашего Величества кажутся мнѣ столь же великими, какъ и вѣрными. Только такому исключительному генію, какъ вы, дано въ удѣлъ задумать столь обширный планъ. Тотъ же самый геній будетъ руководить и его выполненіемъ. Я откровенно, и ничего не скрывая, высказалъ генералу Коленкуру, каковы интересы моей имперіи; ему поручено сообщить Вашему Величеству мои мысли. Ихъ основательно обсудили Коленкуръ и Румянцевъ, и, если Ваше Величество согласенъ на нихъ, я предлагаю вамъ армію для похода въ Индію, другую—чтобы помочь вамъ завладѣть портами, расположенными въ Малой Азіи. Равнымъ образомъ, я пишу нѣкоторымъ командирамъ моего флота, чтобы они всецѣло исполняли приказанія Вашего Величества. Надѣюсь, что вы усмотрите во всемъ моемъ поведеніи неизмѣнное желаніе доказать вамъ всю силу моихъ чувствъ къ вамъ, равно какъ и желаніе тѣснѣе скрѣпить узы, соединяющія насъ и долженствующія имѣть вліяніе на судьбы міра. Если предлагаемыя мною Вашему Величеству планы соотвѣтствуютъ вашимъ, я готовъ отправиться на желаемое вами свиданіе. Я заранѣе радуюсь этому. Мнѣ потребуется только пятнадцать дней, чтобы пріѣхать въ Эрфуртъ,—мѣсто, по-моему, самое подходящее для свиданія. Генералу Коленкуру поручено объяснить Вашему Величеству причины, заставляющія меня предпочесть этотъ городъ. Я смотрю на это время, какъ на самое прекрасное въ моей жизни. Завоеваніе Финляндіи не было труднымъ дѣломъ. Мои войска уже занимаютъ самые важные пункты и въ то время, когда бомбардируется Свеаборгъ, идутъ на Або. Я разсчитываю, что въ непродолжительномъ времени съ этой стороны все будетъ кончено, и думаю, что не далеко то время, когда Англія должна будетъ

смириться, благодаря совокупности всѣхъ мѣръ, которыя приметъ Ваше Величество»[1]).

Къ этому письму было приложено другое, вполнѣ интимнаго характера; оно еще сильнѣе подчеркивало страстныя увѣренія перваго. Александръ хотѣлъ отвѣтить достойнымъ его образомъ на неоднократныя любезности своего союзника. Вотъ уже нѣсколько дней весь Петербургъ любовался выставленными въ одной изъ залъ Зимняго дворца наиболѣе замѣчательными произведеніями азіатской Россіи: то былъ рѣдкій мраморъ, порфировыя колонны, великолѣпнаго зерна и великолѣпной полировки, и массивныя малахитовыя вазы, съ большими расходами добытыя изъ каменоломенъ Сибири; эти предметы предназначались Александромъ въ подарокъ Наполеону. «Мой братъ, писалъ во второмъ письмѣ царь, я не въ силахъ достаточно поблагодарить Ваше Величество за многочисленные подарки, которые вамъ угодно было мнѣ сдѣлать, а именно за великолѣпное оружіе, прелестную картину на фарфорѣ, за двѣ фарфоровыя вазы и, наконецъ, за великолѣпный трудъ Каирскаго Института[2]). Вы оказываете любезности не неблагодарному. Съ своей стороны позволяю себѣ предложить Вашему Величеству нѣкоторыя произведенія моей страны. Это только каменныя глыбы, но онѣ способны сдѣлаться украшеніемъ, благодаря вкусу, съ которымъ работаютъ въ Парижѣ. Соблаговолите ихъ принять на память отъ того, кто считаетъ своимъ долгомъ быть вамъ искренно преданнымъ».

Наполеонъ пожелалъ, чтобы изъ русскаго мрамора была сдѣлана драгоцѣнная мебель, оправленная въ золото и бронзу, и чтобы она служила украшеніемъ одной изъ залъ большого Тріанона[3]). Этотъ мраморъ можно видѣть и теперь въ заброшенномъ дворцѣ, гдѣ онъ увѣковѣчиваетъ память о дружбѣ, которая провозглашала себя несокрушимой, какъ этотъ мра-

---

[1]) Archives des affaires étrangères, Russie, supplément 17. Мы опубликовали это и слѣдующее письмо въ Revue de la France moderne, 1-er Juin 1890.

[2]) Посланный Наполеономъ съ письмомъ отъ 2 февраля.

[3]) „При дворѣ и въ городѣ, пишетъ Тибодо, малахитъ сталъ входить въ моду. На севрской императорской мануфактурѣ были выполнены изъ фарфора бюсты императора Александра. Ихъ пустили въ продажу, и придворные, всегда готовые подслужиться, запасались ими“.

моръ, и которая, задавшись цѣлью обновить судьбы міра, оставила Франціи только это вещественное воспоминаніе.

Послѣ отправки обоихъ императорскихъ писемъ въ сопровожденіи ноты Румянцева, Коленкуръ не удовольствовался отправкой Наполеону объемистаго донесенія или, вѣрнѣе, протокола своихъ совѣщаній. Онъ хотѣлъ сверхъ того, въ частномъ письмѣ къ императору, вкратцѣ изложить впечатлѣніе, вынесенное имъ изъ этихъ безпримѣрныхъ дебатовъ, и о «великомъ испытаніи» [1]), которому подвергъ его его повелитель. Онъ сдѣлалъ это съ своей обычной честностью безупречнаго слуги. Сперва его болѣе всего поразило—онъ считаетъ своимъ долгомъ настаивать на этомъ—что русскій дворъ, несмотря на предложеніе о раздѣлѣ и на испытанную имъ вслѣдствіе этого безграничную радость, продолжаетъ относиться недовѣрчиво. Любезности, подарки, обѣщанія,—все это онъ принимаетъ съ удовольствіемъ, съ признательностью но, тѣмъ не менѣе, онъ держится на-сторожѣ съ тѣхъ поръ, какъ пришелъ къ мысли, что уловилъ въ нашихъ проектахъ относительно Силезіи секретъ наполеоновской политики, сокровенную и вѣроломную мысль—возсоздать Польшу, прибавивъ къ ней отрѣзки Пруссіи. Этимъ объясняется его упорное требованіе гарантіи по поводу Силезіи. Если даже Востокъ, вопреки надеждамъ Наполеона, не могъ вполнѣ отвлечь русскій дворъ отъ прусскаго вопроса, такъ это случилось потому, что прусскій вопросъ болѣе, чѣмъ когда либо, сливается въ его глазахъ съ вопросомъ о Польшѣ.

Тѣмъ не менѣе, Коленкуръ упорно вѣритъ, что царь лично преданъ императору и склоненъ къ довѣрію. Царь скоро отрекся бы отъ своихъ подозрѣній, если бы его министръ безпрестанно не поддерживалъ ихъ въ немъ, и, съ другой стороны, если бы онъ, вопреки своимъ увѣреніямъ, не поддавался вліянію двора и общества. Чтобы успокоить его, существуетъ одно вѣрное средство: вывести войска изъ Пруссіи и особенно изъ великаго герцогства. Посланникъ не рѣшается совѣтовать подобной жертвы, но умоляетъ, чтобы впредь избѣгали всякаго намека на передѣлку территоріи, чтобы обуздали неумѣстныя манифестаціи поляковъ, чтобы воздерживались отъ мѣръ, которыя, согласно характерному выраженію Александра, могли бы «оживить мертвецовъ и

[1]) Письмо Коленкура отъ 16 марта 1808.

подать мысль, что ихъ хотятъ совсѣмъ воскресить» [1]). Благодаря такому благоразумію, быть можетъ, окажется возможнымъ усыпить опасенія Россіи, а затѣмъ и разсѣять ихъ. Такой результатъ сильно упроститъ нашу задачу въ Петербургѣ. «Если не будетъ болѣе вопроса о Силезіи и если сговорятся по поводу раздѣла Оттоманской имперіи, то черезъ шесть мѣсяцевъ посольство превратится въ легкій и прибыльный приходъ» [2]), фамильярно пишетъ Коленкуръ, но онъ считаетъ второе условіе не менѣе необходимымъ, чѣмъ первое. Затѣмъ онъ полагаетъ, что обязанъ откровенно высказать свое мнѣніе о способахъ произвести раздѣлъ.

Онъ убѣжденъ, что Александръ никогда не уступитъ въ вопросахъ о Константинополѣ и Дарданеллахъ. Если эти два вопроса будутъ разрѣшены по его желанію, все станетъ легкимъ. Что касается содѣйствія Россіи нашимъ личнымъ военнымъ предпріятіямъ, она еще не дошла до конца своихъ уступокъ. Владѣя Константинополемъ и тѣмъ, что по географическому положенію обезпечиваетъ его безопасность, она пойдетъ съ нами не только въ Индію, но и въ Сирію и Египетъ,—всюду, гдѣ мы найдемъ полезнымъ употребить ея флотъ и армію. Сверхъ того, она предоставитъ императору свободу, по своему желанію, устроить югъ и центръ Европы. Оставляя за собой только дѣла на Сѣверѣ, она предоставитъ ему управлять всѣми другими, не будетъ мѣшать и завидовать его гигантскимъ планамъ и согласится, чтобы раздѣлъ на Востокѣ превратился на-дѣлѣ въ раздѣлъ цѣлаго міра. «Присоедините, Ваше Величество, къ Франціи,—заканчиваетъ посланникъ свое письмо къ императору,— Италію, даже Испанію; мѣняйте династіи, создавайте королевства, требуйте содѣйствія Черноморскаго флота и сухопутной арміи для завоеванія Египта; просите, какихъ хотите, гарантій; обмѣнивайтесь съ Австріей, чѣмъ вамъ будетъ угодно—однимъ словомъ, хотя-бы весь свѣтъ перевернулся вверхъ дномъ, но, если Россія получитъ Константинополь и Дарданеллы, ее, по моему мнѣнію, можно будетъ заставить смотрѣть на все спокойно» [3]).

[1]) Донесеніе № 24.
[2]) Письмо Коленкура отъ 2 апрѣля 1808 г.
[3]) Письмо отъ 16 марта 1808 г.

ГЛАВА IX.

ПЕРВАЯ ОТСРОЧКА.

Наполеонъ переноситъ свою дѣятельность въ Испанію.—Положеніе на полуостровѣ.—Дошедшій до безумія дворъ.—Симптомы революціи.—Наполеонъ все болѣе склоняется къ рѣшенію низложить Бурбоновъ.—Всякое обязательство съ Россіей должно быть отложено до приведенія въ порядокъ испанскихъ дѣлъ.—Конфиденціальныя сообщенія Талейрана Меттерниху.—Востокъ все-таки остается для Наполеона конечной цѣлью.—Его слова принцу Вильгельму Прусскому.—Шампаньи предписывается составить докладъ по поводу раздѣла Турціи и средствъ его выполненія.—Необходимость поддерживать терпѣніе Россіи.—Какъ держится Толстой въ Парижѣ.—Гдѣ онъ бываетъ.—Русскій посланникъ и мадамъ Рекамье.—Наполеонъ старается успокоить Толстого и подаетъ ему надежду на эвакуацію Пруссіи.—Онъ теперь же предлагаетъ Александру уступки, но только въ другомъ мѣстѣ, а не на Востокѣ.—Онъ вторично совѣтуетъ ему завладѣть Финляндіей.—Начало испанскаго кризиса.—Прибытіе писемъ Александра и донесеній Коленкура.—Императоръ отсрочиваетъ свиданіе, откладываетъ всякое обсужденіе по дѣламъ Востока и уѣзжаетъ въ Бейонну.—Тревожныя извѣстія изъ Константинополя.—Рѣзкіе и безпорядочные скачки оттоманской политики.—Воинственное настроеніе турокъ.—Наполеонъ, во что бы то ни стало, хочетъ помѣшать возобновленію военныхъ дѣйствій на Дунаѣ.—Онъ отъ имени Александра даетъ обязательство, что до исхода переговоровъ, начатыхъ въ Парижѣ между Россіей и Портой, къ военнымъ дѣйствіямъ приступлено не будетъ.—Чрезмѣрная смѣлость такого поступка.—Какъ посмотрятъ на это въ Петербургѣ? Недолго продолжавшееся довѣріе и спокойствіе духа Александра.—Онъ справляется ѣхать въ Эрфуртъ.—Успѣхи русскихъ въ Финляндіи.—Царь принимаетъ эту провинцію, какъ подарокъ Наполеона.—Красавицы Петербурга.—Присоединеніе Финляндіи.—Благодаря этому союзъ съ Франціей пріобрѣтаетъ благосклонность общества.—Предводители оппозиціи появляются въ салонахъ посольства.—Маршалъ Бернадотъ останавливаетъ свое движеніе по направленію къ Сканіи.—Дурное впечатлѣніе, вызванное этимъ въ Петербургѣ.—Вѣсти объ отъѣздѣ Наполеона въ Байонну; разочарованіе Александра.—Второй кризисъ союза.—Важность политической и стратегической роли, выпавшей на долю Коленкура.

Пока велись переговоры въ Петербургѣ, Наполеонъ дѣйствовалъ въ Испаніи. Если и допустить, что 2 февраля онъ еще не установилъ ни размѣровъ предполагаемыхъ на полуостровѣ военныхъ операцій, ни способовъ вмѣшательства въ испанскія дѣла, все-таки его проекты, подъ вліяніемъ событій, скоро созрѣли. Со второй половины мѣсяца, создавшееся на полуостровѣ положеніе внушало ему сильное желаніе покончить съ Бурбонами, ускорить событія въ Мадридѣ и водворить тамъ свою династію [1]).

Наши колонны, безъ огласки двинутыя за Пиринеи, продолжали подвигаться впередъ, ставили гарнизоны въ городахъ, занимали провинціи и перешли Эбро, нигдѣ не встрѣтивъ сопротивленія; но внутреннее состояніе страны становилось угрожающимъ. Національное чувство пробудилось и страдало; общественное мнѣніе все болѣе отдалялось отъ потерявшей авторитетъ власти, которую обвиняли въ томъ, что она предала Испанію въ руки иноземца. Недовольные обращали свои взоры къ инфанту Фердинанду. Члены верховнаго суда, оправдавъ друзей инфанта, обвиняемыхъ въ заговорѣ, очевидно, тѣмъ самымъ осудили стараго короля; со всѣхъ сторонъ выступали предвѣстники переворота. Поставленный между угрожающей ему революціей и нашей арміей, намѣренія которой дѣлались для него подозрительными, дворъ умѣлъ только дрожать отъ страха. Карлъ IV писалъ Наполеону отчаянныя письма, умоляя его нарушить молчаніе и высказать свои желанія. Вокругъ королевы поговаривали о крайнихъ мѣрахъ и думали о бѣгствѣ. Правительственныя пружины повсюду ослабли. Намъ не было оказано Испаніей обѣщаннаго морского содѣйствія, которому предназначалась извѣстная роль въ нашихъ операціяхъ на Средиземномъ морѣ и которое было однимъ изъ элементовъ предполагаемой нами преобразовательной дѣятельности на полуостровѣ. Вызванная въ Тулонъ изъ Картагены испанская эскадра не прошла еще Балеарскихъ острововъ; она не явилась на помощь Гантому въ Сициліи, и ея отсут-

[1]) По тщательному изученію и сравненію документовъ Тьеръ нашелъ возможнымъ установить, что у императора въ серединѣ февраля зародился слѣдующій планъ: застращиваніями побудить Бурбоновъ къ бѣгству; приказать нашему флоту арестовать ихъ въ Севильѣ; затѣмъ, устранивъ ихъ такимъ образомъ и не допустивъ уѣхать въ Америку, отдѣлить колоніи отъ метрополіи и возвести на вакантный испанскій престолъ французскаго принца. (VIII, 428).

ствіе оставило пробѣлъ въ нашихъ комбинаціяхъ. Обманутый въ своихъ надеждахъ и раздраженный Наполеонъ, ничего не ожидая отъ ослабѣвшей власти, собралъ свои испанскія войска подъ начальствомъ Мюрата и направилъ ихъ по дорогѣ въ Мадридъ. Думая, что для паденія колеблющагося трона Бурбоновъ достаточно малѣйшаго толчка, онъ рѣшился ускорить развязку, чтобы затѣмъ, когда царствующая династія сойдетъ со сцены, перейти Пиренеи, явиться предъ испанцами въ роли вершителя ихъ судебъ, въ роли властнаго и благодѣтельнаго преобразователя, и установить у нихъ власть, которая исходила бы отъ него самого. Хотя въ предыдущія недѣли, онъ, повидимому, и былъ занятъ главнымъ образомъ восточнымъ вопросомъ, однако онъ не скрывалъ отъ своихъ приближенныхъ, что предпочитаетъ устройство испанскихъ дѣлъ окончательнымъ переговорамъ съ Россіей; именно на это-то его желаніе и намекалъ Талейранъ въ новомъ разговорѣ съ Меттернихомъ: «Дѣло,—сказалъ онъ, говоря о раздѣлѣ,—какъ будто, немного откладывается», и такъ какъ австріецъ, еще не пришедшій въ себя отъ ужаса, который онъ испыталъ, благодаря предупрежденіямъ Талейрана о нашихъ планахъ, поторопился схватить на-лету надежду на отсрочку, Талейранъ быстро перебилъ его: «Не говорите отсроченъ, я говорю только, что, самое бóльшее, онъ менѣе неизбѣженъ» [1]).

Дѣйствительно, Востокъ оставался для Наполеона по-прежнему его конечной цѣлью. 17 февраля, въ письмѣ къ своему брату Луи, онъ даетъ ему возможность предугадать время, когда Англія, аттакованная со всѣхъ сторонъ, «угрожаемая въ Индіи французской и русской арміями» [2]), должна будетъ сдаться, и при этомъ онъ понукаетъ его, и приказываетъ, чтобы тотъ содѣйствовалъ этому результату, усиливая боевую готовность флота. 23-го, принимая принца Вильгельма Прусскаго, который пріѣхалъ умолять его за свою страну, онъ встрѣтилъ его слѣдующими словами: «Вопросъ объ устройствѣ вашихъ дѣлъ занимаетъ опредѣленное мѣсто въ планахъ общей политики, которые накканунѣ своего развитія: это вопросъ не денегъ, а политики... Въ теченіе лѣта, добавляетъ онъ, крупныя дѣла, быть можетъ, будутъ налажены». И онъ повторяетъ нѣсколько разъ, «что въ настоящее

[1]) Metternich, II, 161.
[2]) Corresp., 13573.

время Константинополь составляетъ главный пунктъ, къ которому стремится его политика», прибавивъ, что, «смотря по обстоятельствамъ, онъ будетъ смотрѣть на турокъ или какъ на своихъ друзей, или какъ на враговъ»)[1].

По его приказанію собирались топографическія свѣдѣнія объ европейской Турціи и обо всемъ, что могло облегчить нападеніе на нее. Изученіе этого вопроса было спеціально поручено министру иностранныхъ дѣлъ. Когда Наполеонъ написалъ Александру и Коленкуру письма отъ 2 февраля, онъ отправилъ ихъ посланнику непосредственно отъ себя, минуя государственнаго секретаря; онъ даже не счелъ нужнымъ преждевременно посвящать Шампаньи въ это важное дѣло. Правда, было бы крупной ошибкой видѣть въ подобномъ поступкѣ склонность къ скрытной дипломатіи, желаніе измѣнить офиціальные пути или идти имъ въ разрѣзъ. Наполеонъ никогда не шелъ противъ своихъ министровъ, но иногда онъ дѣйствовалъ помимо ихъ. Видя въ нихъ дѣятелей пассивныхъ и подчиненныхъ его волѣ, онъ знакомилъ ихъ со своими мыслями постольку, поскольку это требовалось для исполненія ихъ прямыхъ обязанностей. Считая, что вопросъ о раздѣлѣ долженъ обсуждаться непосредственно между обоими государями и что они одни имѣли право судить о немъ, онъ съ самаго начала хотѣлъ придать этому вопросу интимный и конфиденціальный характеръ, не желая уменьшать значенія предварительныхъ переговоровъ вмѣшательствомъ канцеляріи. Но изъ-за этого онъ не хотѣлъ лишать себя тѣхъ свѣдѣній, которыя могъ бы дать ему министръ иностранныхъ дѣлъ; онъ совѣтовался съ нимъ на почвѣ историческихъ данныхъ. Въ половинѣ февраля, онъ приказалъ Шампаньи, усердіе и преданность котораго высоко цѣнилъ, представить себѣ докладъ политическаго и географическаго характера по поводу раздѣла Турціи и о средствахъ его выполненія

Министръ, не зная, что вопросъ по существу уже въ значительной степени предрѣшенъ, долго изучалъ его, сдѣлалъ оцѣнку своевременности предпріятія, и въ двухъ донесеніяхъ добросовѣстно, хотя и коротко, изложилъ доводы за и противъ раздѣла, избѣгая высказывать свое мнѣніе и полагаясь во всемъ на мудрость своего

[1]) Hassell, 451.

повелителя. Къ своему докладу онъ приложилъ нѣсколько замѣтокъ, часть которыхъ была составлена Барбье-дю-Бокажъ, географомъ департамента. Въ нихъ были указаны, по довольно не полнымъ даннымъ, которыя имѣлись тогда о Балканскомъ полуостровѣ, нѣсколько путей, по которымъ могли бы идти наступательныя арміи, отправленныя съ береговъ Адріатики по направленію къ Константинополю. Это былъ сборникъ маршрутовъ, гдѣ были указаны этапы, разстоянія, продовольственныя средства страны, имѣющіяся на пути слѣдованія, и препятствія, которыя придется преодолѣть. Съ своей стороны Шампаньи наполнилъ свой отчетъ всякаго рода справками, какія только могъ понабрать изъ книгъ, относительно поверхности и рельефа разныхъ провинцій и о ихъ значеніи [1]).

Съ помощью этихъ трудовъ императоръ получалъ возможность, когда наступитъ время, основательнѣе обсудить съ Александромъ условія раздѣла и завоеванія Турціи. Собирая свѣдѣнія, онъ придумывалъ, чѣмъ-бы подсластить Россіи горечь отъ отсрочки рѣшенія восточныхъ дѣлъ, которая все болѣе входила въ его комбинаціи. Поэтому, не говоря съ ней болѣе о раздѣлѣ, довольствуясь тѣмъ, что заронилъ въ умъ царя крупныя надежды, онъ, въ ожиданіи извѣстій о произведенномъ тамъ впечатлѣніи, по другимъ вопросамъ старался быть крайне предупредительнымъ. Пользуясь для сношеній съ Россіей всѣми способами, обращаясь письменно къ императору и на словахъ къ Толстому, онъ приноравливалъ свой разговоръ съ тѣмъ и другимъ, сообразуясь съ особенностями ихъ стремленій и ихъ характера.

Успокоить Толстого и вылечить его отъ недовѣрія было трудно-выполнимой задачей. Посланникъ не поддавался никакимъ соблазнамъ. Тщетно привлекалъ его императоръ въ свой интимный кругъ, тщетно пользовался всѣми случаями отличить его и оказать ему почетъ: русскій посланникъ оставался сумрачнымъ, озабоченнымъ, встревоженнымъ. Онъ поступалъ какъ

[1]) Обѣ записки Шампаньи, съ приложеніями и отправленными къ императору письмами, хранятся въ національныхъ архивахъ, A. F. IV, 1688. Въ это же самое время Шампаньи признавался Толстому, который продолжалъ высказывать ему свои опасенія по поводу Силезіи, что императоръ обдумываетъ „болѣе обширные планы“. Толстой Румянцеву, 12—22 февраля 1807 г. Архивы С.-Петербурга.

разъ наоборотъ желаніямъ Наполеона. Вмѣсто того, чтобы посѣщать «то общество, которое было въ духѣ правительства» [1]), онъ обыкновенно искалъ въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ забвенія отъ непріятныхъ, удручающихъ его, офиціальныхъ обязанностей. Можно было подумать, что онъ нарочно старался сходиться съ лицами, наименѣе пріятными императору. Въ ихъ обществѣ онъ сбрасывалъ свою холодность и дѣлался любезнымъ. Онъ дошелъ до того, что влюбился въ мадамъ де-Рекамье, какъ разъ въ то время, когда императоръ говорилъ, что на всякаго иностранца, который будетъ посѣщать эту даму, «онъ будетъ смотрѣть, какъ на своего личнаго врага» [2]). Тѣмъ не менѣе Наполеонъ не сердился на него за подобные поступки. Отчаявшись взять его любезностями, онъ, наконецъ, попытался переговорить съ нимъ и счелъ необходимымъ сдѣлать, по крайней мѣрѣ, кажущіяся уступки личной политикѣ посланника.

До сихъ поръ онъ обѣщалъ ему вывести войска изъ Пруссіи только при условіи, если Россія выведетъ свои изъ княжествъ; онъ въ особенности старался внушить ему терпѣніе, указывая, что терпѣніе основная добродѣтель въ его новой должности: «Вы вовсе не дипломатъ, говорилъ онъ ему; вы хотите, чтобы дѣла шли, какъ идутъ бригады и полки; вы хотѣли бы поднять ихъ въ галопъ. Они должны хорошенько назрѣть» [3]). Въ концѣ февраля его рѣчь сдѣлалась опредѣленнѣе. Онъ говоритъ, что въ ближайшемъ времени выведетъ войска изъ Пруссіи и особенно напираетъ на то, что вернетъ Фридриху-Вильгельму его столицу; онъ даже приказываетъ Дарю подписать въ Берлинѣ проектъ о финансовой сдѣлкѣ. Въ разговорѣ съ Толстымъ онъ протестуетъ противъ всякой мысли о возстановленіи Польши, увѣряетъ его, что выведетъ войска изъ великаго герцогства тотчасъ же, какъ время года позволитъ ему ихъ передвинуть. Самое позднее въ іюлѣ, прибавляетъ онъ, все будетъ установлено и окончательно покончено между Франціей и Россіей, такъ что обоимъ дворамъ

[1]) Коленкуръ императору, 13 января 1808 г.

[2]) Nouvelles et on dit de Pétersbourg du 18 août 1808: „Говорятъ, что Толстой влюбленъ въ мадамъ Рекамье". См. les Souvenirs de madame Récamier, опубликованныя госпожей Ленорманъ, I, 90.

[3]) Толстой Румянцеву, 25 января—6 февраля 1807 г. Архивы С.-Петербурга.

ранѣе четырехъ-пяти лѣтъ не о чемъ будетъ обмѣниваться мнѣніями [1]).

Императору Александру онъ даетъ удовлетвореніе болѣе положительнаго свойства. Онъ приказываетъ Коленкуру вторично предложить царю Финляндію и отъ его имени дать совѣтъ объявить о ея присоединеніи. Это—задатокъ, который онъ даетъ царю въ счетъ болѣе обширныхъ завоеваній, какъ средство успокоить нетерпѣніе общественнаго мнѣнія и дать возможность пережить грозныя испытанія предстоящей весны. Чтобы занять русскихъ на Сѣверѣ и, какъ можно долѣе, затянуть ихъ въ войнѣ со Швеціей, онъ обѣщаетъ имъ свое содѣйствіе, и сообщаетъ, что корпусъ Бернадота уже въ походѣ, что онъ вступилъ въ Гольштинію и что, если позволитъ время года, въ скоромъ времени двадцать тысячъ французовъ съ десятью тысячами датчанъ проникнутъ съ юга на Скандинавскій полуостровъ и вмѣстѣ съ подошедшими съ сѣвера русскими поставятъ Стокгольмъ между двухъ огней [2]). Онъ и на самомъ дѣлѣ посвящаетъ часть своихъ заботъ этой совмѣстной операціи [3]), не переставая, однако, съ возрастающимъ вниманіемъ слѣдить за Испаніей, гдѣ онъ ждетъ событій, которыя бы дали ему поводъ къ вмѣшательству.

Въ мартѣ вспыхиваетъ испанскій кризисъ. Дворъ, перепуганный приближеніемъ нашихъ войскъ, потерявъ голову отъ страха, рѣшилъ удалиться въ Севилью съ тѣмъ, чтобы уѣхать въ Америку. Все уже готово было къ отъѣзду, когда населеніе Мадрида, рѣшившее помѣшать бѣгству, возстало противъ Карла IV, или вѣрнѣе противъ королевы и ея недостойнаго фаворита. 18-го возстаніе переносится въ Аранжуецъ, резиденцію двора; мятежники овладѣваютъ княземъ Мира, вынуждаютъ у стараго короля актъ объ отреченіи и провозглашаютъ королемъ Фердинанда. Наши войска на пути въ Мадридъ, гдѣ идетъ борьба между двумя спорящими за власть и взаимно обвиняющими другъ друга партіями. Положеніе создалось безусловно революціонное. Испанія сама доставляетъ намъ поводъ къ

[1]) Толстой Румянцеву, 8—20 февраля 1808 г. Архивы С.-Петербурга. Cf. донесеніе, отправленное 19 марта изъ Петербурга прусскому двору майоромъ Шелеромъ, получившемъ свѣдѣнія о депешахъ Толстого. Hassel, 406.

[2]) Инструкція Коленкуру, выдержки изъ которой онъ приводитъ въ своемъ донесеніи № 27, 9 апрѣля 1808 г.

[3]) Corresp., 13592, 13651.

вмѣшательству, и теперь ничто не мѣшаетъ Наполеону выступить на сцену.

Онъ начинаетъ поговаривать о своемъ отъѣздѣ и приказываетъ сдѣлать необходимыя приготовленія. Но для того, чтобы развязать себѣ руки, ему необходимо знать, какъ принялъ Александръ его письмо, согласенъ ли государь на свиданіе и на какое число назначилъ онъ его; ибо, чѣмъ объяснитъ онъ свою неявку на столь формально вызванное, столь торжественно предложенное свиданіе, если русскій императоръ, поймавъ его на словѣ, рѣшилъ немедленно откликнуться на его приглашеніе. Наполеонъ горитъ желаніемъ уѣхать, и, считая дни, затягиваетъ свое пребываніе въ Парижѣ, надѣясь, что отвѣтъ Россіи уже въ пути и не замедлитъ прибыть. Наконецъ, въ послѣднихъ числахъ марта, онъ получаетъ двѣ посылки,—одну отъ Александра, другую отъ Коленкура; онѣ доставляютъ ему истинное удовольствіе. Принимая свиданіе условно, ставя его въ зависимость отъ исхода новыхъ переговоровъ, царь фактически откладываетъ свиданіе. Наполеонъ ухватывается за это обстоятельство, чтобы извинить передъ союзникомъ свой отъѣздъ въ Испанію. Такъ какъ свиданіе, во всякомъ случаѣ, не должно состояться въ скоромъ времени, то онъ считаетъ себя въ правѣ отложить его на болѣе долгій срокъ и въ этомъ смыслѣ и пишетъ Коленкуру. 2 апрѣля онъ уѣзжаетъ въ Байонну, не высказавшись по существу русскихъ предложеній, отложивъ всѣ переговоры, и, не отказываясь отъ своихъ будущихъ проектовъ относительно Востока, на нѣсколько недѣль совершенно отрѣшается отъ нихъ.

Для сохраненія вопроса во всей его неприкосновенности, онъ хотѣлъ помѣшать возобновленію враждебныхъ дѣйствій на Дунаѣ, которыя, въ силу того, что перемиріе не было ратификовано, да къ тому же и срокъ его приходилъ къ концу, дѣлались неизбѣжными. Если бы они вспыхнули, они могли измѣнить положеніе воюющихъ сторонъ и впослѣдствіи оказать на наши рѣшенія нежелательное вліяніе. Вотъ уже полгода русскіе и турки въ полной боевой готовности стояли другъ противъ друга, въ ожиданіи, что Наполеонъ примиритъ ихъ или вернетъ имъ свободу сражаться. Бездѣйствіе начинало тяготить ихъ, исверхъ, того—что особенно важно,—извѣстія изъ Константинополя принимали угрожающій характеръ.

Вслѣдствіе полученныхъ въ январѣ инструкцій Себастіани

позондировалъ Порту по вопросу объ уступкѣ княжествъ. Вспоминая о тѣхъ дняхъ, когда онъ гордо гарантировалъ туркамъ неприкосновенность ихъ территоріи, онъ, съ болью въ сердцѣ, приступилъ къ исполненію своего долга, и боялся, какъ-бы они не сослались на его собственныя слова. «При такихъ обстоятельствахъ, писалъ онъ, я испытывалъ самое тягостное, что только можетъ быть въ обязанностяхъ должностного лица» [1]). Диванъ, который былъ торжественно созванъ съ спеціальной цѣлью выслушать его сообщенія, принялъ ихъ съ угрюмымъ изумленіемъ. Сквозь подобающія восточнымъ людямъ спокойствіе и важность на ихъ лицахъ сквозило негодованіе. Одни,—наши враги,—торжествовали, видя, какъ подтверждаются ихъ зловѣщія предсказанія; повязка спала съ глазъ другихъ; нельзя было болѣе сомнѣваться въ предательствѣ императора. Противъ насъ немедленно началась реакція; слова ненависти и гнѣва дошли до слуха посланника. Нашихъ друзей отрѣшали отъ должностей, ссылали, казнили; втайнѣ возобновили переговоры съ Англіей. Однако, жестокое, но безвольное правительство Мустафы IV не посмѣло довести до конца перемѣну своего фронта. Опасаясь нашего оружія, смутно сознавая страшную опасность, висѣвшую надъ его головой, оно старалось отвратить ее искусной тактикой. Отвѣтъ на наше сообщеніе былъ составленъ въ полныхъ достоинства, не лишенныхъ искусства выраженіяхъ. Порта не жаловалась; она увѣряла въ своей неизмѣнной преданности, но при этомъ выражала свою непреклонную волю не уступать ни одной пяди своей территоріи. Султанъ лично написалъ Наполеону, прося его гарантировать цѣлость его государства. Сначала Диванъ отказалъ, но затѣмъ согласился дать формальное обѣщаніе открыть нашимъ войскамъ доступъ въ Албанію, если бы англичане появились передъ Корфу. Глава антифранцузской партіи, поставленный сперва у власти, былъ вскорѣ смѣщенъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней оттоманская политика дѣлала рѣзкіе скачки, то удаляясь отъ насъ, то возвращаясь снова къ императору въ надеждѣ удержать за собой его благосклонность. Въ этихъ безпорядочныхъ движеніяхъ чувствовалась борьба между страхомъ и различными иными чувствами. Турки были единодушны только въ одномъ,—въ томъ,

[1]) Себастіани Шампаньи, 12 февраля 1808 г. Archives des affaires étrangères, Turquie, 216.

что необходимо принять мѣры для своей защиты и своего спасенія. Собирались новыя войска; призывались азіатскія банды; поднимался вопросъ о священной войнѣ и поголовномъ ополченіи; дунайская армія увеличивалась, настроеніе ея становилось воинственнымъ. Въ этомъ критическомъ положеніи малѣйшая случайность, малѣйшій вызовъ со стороны русскихъ, которые въ предвидѣніи огромнаго будущаго дѣла и съ своей стороны усиливали войска, могли подать поводъ къ страшному столкновенію.

По мнѣнію Себастіани, исходъ конфликта не могъ подлежать сомнѣнію. Конечно, солдаты султана будутъ сражаться храбро, бѣшено, но ихъ безпорядочное мужество не устоитъ передъ врагомъ, превосходящимъ ихъ дисциплиной, вооруженіемъ и тактикой; результатомъ будетъ страшное пораженіе Турціи и роковое для нея потрясеніе. Правительство рухнетъ; въ столицѣ водворится бѣшеная анархія; провинціи отпадутъ сами собой; русскіе, увлеченные своими побѣдами, однимъ прыжкомъ очутятся у стѣнъ Константинополя и захватятъ драгоцѣннѣйшія части имперіи прежде, чѣмъ Франція успѣетъ сговориться съ ними о распредѣленіи восточныхъ территорій [1]).

Наполеонъ рѣшилъ предотвратить эту опасность, во что бы то ни стало. Чтобы сдержать Порту и тѣмъ самымъ обезпечить ея существованіе, онъ поступилъ самовластно и обязался за Александра, не спросивъ его согласія. Онъ далъ знать въ Константинополь, что ручается за намѣренія царя, и что Россія не возобновитъ военныхъ дѣйствій до окончанія переговоровъ, тогда какъ они только для виду велись между Толстымъ и турецкимъ посланникомъ, и, по желанію, могли быть или затянуты, или прерваны въ любое время [2]). Чтобы объяснить петербургскому кабинету эту, болѣе чѣмъ смѣлую, мѣру, онъ приказалъ сообщить ему, какъ оправдательный документъ своей добросовѣстности, депеши Себастіани, удостовѣрявшія отреченіе Франціи отъ оттоманскихъ интересовъ, но въ то же время указывавшія на послѣдствія преждевременнаго движенія русскихъ [3]). Итакъ, рѣшивъ прежде всего покончить съ Испаніей, а затѣмъ уже вернуться къ Востоку, онъ задержалъ

[1]) Депеши Себастіани отъ 12, 15 и 26 февраля, 4 и 5 марта 1808 г. Archives des affaires étrangères, Turquie, 216. Gf. Lefebvre, III, 374-380.

[2]) Шампаньи къ Себастіани, 3 апрѣля 1808 г., id.

[3]) Шампаньи Коленкуру, 2 апрѣля 1808 г., Russie, 146.

всѣ дѣла въ этой части свѣта, и, сдерживая своей мощной рукой готовыхъ столкнуться Россію и Турцію, останавливалъ ходъ событій.

Принявъ къ свѣдѣнію нашу гарантію, Порта успокоилась и согласилась не подавать первой сигнала къ борьбѣ. Но подчинится ли и Россія такъ же покорно нашимъ желаніямъ? Какое впечатлѣніе произведетъ на нее отсрочка исполненія ея надеждъ и прекращеніе дѣлъ на Дунаѣ? Считая себя уже на пути къ осуществленію своихъ честолюбивыхъ замысловъ, не будетъ ли Александръ съ горькимъ чувствомъ смотрѣть, какъ оно снова отдаляется? Не увидитъ ли онъ въ отъѣздѣ Наполеона предлогъ уклониться отъ всякой опредѣленной уступки и не посмотритъ ли на это, какъ на первый симптомъ недовѣрія?

Послѣ переговоровъ о раздѣлѣ ни одно облако не омрачало искреннихъ отношеній между нашимъ посольствомъ и Зимнимъ дворцомъ. Можно было подумать, что Франція и Россія, согласіе которыхъ временно было нарушено, снова безъ задней мысли взаимно полюбили другъ друга и наслаждались вторымъ медовымъ мѣсяцемъ. Чтобы быть болѣе пріятнымъ Наполеону, Александръ измѣнилъ присущей ему снисходительности. Онъ дошелъ до запрещенія оставшимся въ Россіи эмигрантамъ носить бѣлую кокарду и цвѣты лиліи, иначе говоря, изгналъ благородную и прелестную эмблему прежней Франціи. Льстя императору, онъ надѣялся скорѣе привлечь его въ Эрфуртъ и сдѣлать его болѣе уступчивымъ. Думая, что свиданіе очень близко, онъ также считалъ дни и высчитывалъ разстоянія; онъ полагалъ, что отвѣтъ Наполеона будетъ извѣстенъ въ Петербургѣ къ 15 апрѣля и что въ началѣ мая оба императора могутъ встрѣтиться въ Эрфуртѣ. Заботы о предстоящемъ путешествіи доставляли ему истинное удовольствіе; онъ приказалъ держать въ готовности свои экипажи. «Ну! когда же мы отправимся?» весело спрашивалъ онъ Коленкура, и безпрестанно говорилъ о томъ, какъ онъ будетъ радъ, когда снова увидитъ своего союзника, и повторятся чарующіе дни Тильзита.

Въ ожиданіи этого, онъ дѣятельно велъ войну со Швеціей. Съ тѣхъ поръ, какъ его войска перешли границу, онъ твердо рѣшилъ взять Финляндію и, смотря на нее уже какъ на свое владѣніе, ждалъ только, чтобы съ признательностью принять даръ. Этотъ подарокъ въ нѣсколько сотъ тысячъ душъ подданныхъ

шведскаго короля, былъ предложенъ и принятъ съ одинаковой непринужденностью, какъ знакъ вниманія и любезности. Пользуясь словами своего государя, Коленкуръ сказалъ Александру: «Императору очень желательно, чтобы Ваше Величество владѣло Финляндіей, какъ ради личной выгоды Вашего Величества, такъ и ради того, чтобы петербургскія красавицы не слыхали впредь пушечныхъ выстрѣловъ».—«Благодарю его, отвѣтилъ Александръ, за себя и за петербургскихъ красавицъ; (смѣясь) я передамъ имъ это; онъ всегда любезенъ со мной» [1]).

«Дѣла идутъ хорошо», прибавилъ онъ. Дѣйствительно, первыя операціи въ Финляндіи удались блестяще. Застигнутые врасплохъ въ ихъ плохо оборудованныхъ крѣпостяхъ, шведы нигдѣ не удержались. Гельсингфорсъ, Або были взяты безъ выстрѣла и, въ то время, какъ летучіе отряды разсыпались по всѣмъ частямъ страны, гдѣ единственнымъ для нихъ препятствіемъ была только природа, главныя силы арміи сосредоточились вокругъ Свеаборга, главнаго города провинціи, осадили эту крѣпость и быстро взяли ее. 5 апрѣля Александръ писалъ Наполеону, что городъ послѣ жестокой бомбардировки проситъ о капитуляціи, а 10 мая—что актъ о сдачѣ подписанъ [2]). Въ перепискѣ по поводу этихъ событій онъ крайне тактично не поднималъ вопроса о раздѣлѣ. Высказавъ вполнѣ откровенно свои желанія, онъ считалъ неумѣстнымъ настаивать на нихъ и, такимъ образомъ, проявлять сомнѣніе относительно намѣреній своего союзника. Непрестанно думая о Востокѣ, онъ не заводилъ болѣе о немъ разговора, ограничившись только сообщеніемъ, что Порта обратилась къ нему съ предложеніями о непосредственномъ соглашеніи, и что онъ отклонилъ ихъ. Сверхъ того, онъ избѣгалъ всякаго намека на судьбу Пруссіи, предоставляя Толстому заботу обсуждать это непріятное дѣло и добиться ратификаціи и даже, если возможно, улучшенія условій подготовленнаго въ Берлинѣ соглашенія; его письма были только бюллетенями о его успѣхахъ. Онъ хотѣлъ увѣдомлять о нихъ императора по мѣрѣ того, какъ его самого извѣщали, дабы сдѣлать его участникомъ своей радости, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, показать, что пользуется его совѣтами. Даже прежде чѣмъ полное занятіе Финляндіи сдѣлалось совершившимся фактомъ, руководствуясь на-

---

[1]) Донесеніе Коленкура отъ 7 марта 1808 г.

[2]) Эти два письма опубликованы нами въ Revue de la France moderne, 1-er juin 1890.

шимъ примѣромъ и опираясь на поощреніе съ нашей стороны, предвидя уступку, которую имѣлось въ виду вынудить у шведскаго короля, и возводя право завоеванія въ основной законъ, онъ объявилъ о присоединеніи провинціи къ своей имперіи простымъ указомъ, какъ это дѣлали древній Римъ и Наполеонъ.

Это событіе произвело въ Петербургѣ глубокое впечатлѣніе— и цѣликомъ въ нашу пользу. Въ первый разъ значеніе союза съ Франціей проявлялось вещественнымъ доказательствомъ, осязаемымъ для всѣхъ. Александръ, видѣвшій въ завоеваніи Финляндіи личное торжество, первое оправданіе своей политики, не преминулъ указать на эту сторону вопроса: «Будете ли вы еще жаловаться на мой союзъ съ Франціей?—сказалъ онъ недовольнымъ;—что дали союзы съ вашей милой Англіей?» [1]). Доводъ былъ неопровержимъ и оказалъ свое дѣйствіе на свѣтскіе круги. Конечно, неисправимые не складывали оружія. Въ гостиныхъ политика по-прежнему продолжала вызывать язвительные споры, но кредитъ нашихъ противниковъ былъ поколебленъ; число ихъ уменьшилось. Даже вожди оппозиціи—Чарторижскій, Новосильцевъ, Строгановъ—показались впервые у нашего посланника и сочли долгомъ присутствовать на его вечерахъ, а это было характернымъ симптомомъ. Эти единичные, можетъ быть, не всегда искренніе, но вызвавшіе горячіе разговоры, поступки, были, очевидно, началомъ массоваго перехода изъ одного лагеря въ другой [2]).

---

[1]) Коленкуръ императору, 5 апрѣля 1808 г.

[2]) Id. Коленкуръ доводилъ иногда свою аккуратность въ наблюденіяхъ до того, что въ своихъ донесеніяхъ передавалъ слово-въ-слово разговоры, которые велись въ петербургскихъ салонахъ. Мы приводимъ одинъ изъ такихъ разговоровъ, взятыхъ изъ жизни. Его можно сравнить съ нѣкоторыми сценами изъ *Войны и мира*, въ которыхъ авторъ, благодаря поразительной силѣ своего таланта и искусству вызывать образы прошлаго, заставляетъ говорить русское общество того времени.

„У оберъ-камергера Нарышкина былъ крупный споръ по поводу Финляндіи. „Я русскій, сказалъ мужъ; когда я вижу, что императоръ навсегда ограждаетъ Петербургъ отъ нападенія и присоединяетъ къ своей имперіи то, „на что даже наша великая Екатерина не смѣла надѣяться, я доволенъ. Это „должно дать намъ надежду на другія выгоды". Жена его, большая болтушка, подхватила: „Вотъ и отомстили за нашу дорогую великую княжну „маленькому Шведскому королю (*Густавъ IV нѣкогда грубо порвалъ съ проектомъ о бракѣ съ дочерью Павла I-го*). Только бы Франція дала намъ эти турецкія провинціи, да наша молодежь вернулась изъ арміи, да былъ бы у насъ „миръ! Тогда, если кто-нибудь будетъ жаловаться на императора, онъ дол-

Первое разочарованіе прекратило это движеніе. Основываясь на повторныхъ обѣщаніяхъ императора, Александръ и его министры были твердо увѣрены, что вскорѣ состоится вступленіе французскихъ войскъ въ Сканію, что эта операція облегчитъ полное покореніе Финляндіи и допуститъ возможность самыхъ смѣлыхъ предпріятій, и дали понять это своимъ окружающимъ. Къ этому нужно прибавить, что Бернадотъ дошелъ уже съ своимъ корпусомъ въ Гольштиніи до мѣста, наиболѣе близкаго къ датскому архипелагу; отсюда онъ долженъ былъ броситься на южныя провинціи Швеціи. Однако, хотя Наполеонъ, согласно своимъ обѣщаніямъ, и послалъ маршалу полный планъ наступленія, онъ только при извѣстныхъ обстоятельствахъ позволилъ ему привести его въ исполненіе. Разсматривая вступленіе въ Сканію, какъ простую диверсію, предназначенную только способствовать другой диверсіи, той, которую должны были сдѣлать русскіе противъ Стокгольма и центральныхъ частей королевства, онъ не хотѣлъ необдуманно отправлять свои войска по ту сторону Балтійскаго моря и рисковать нѣсколькими своими полками ради дѣла, которое не

„женъ будетъ удалить его отъ двора. А англичане! они никогда ничего для „насъ не сдѣлали, они только думаютъ о себѣ". Нѣкоторые выразили сожалѣніе о Швеціи, говоря втихомолку, что Франція позволила Россіи взять только то, въ чемъ не могла ей помѣшать, но вотъ увидятъ, что она не дастъ ей турецкихъ провинцій. Вотъ послѣдній аргументъ недовольныхъ, но ихъ число весьма уменьшилось.

„Княгиня Голицына, жена Сергѣя (молодая и хорошенькая женщина, которая была въ Парижѣ и видѣла только артистовъ и ученыхъ),—сказала датскому посланнику: „Вотъ вы и французская провинція! Вы увидите, чего „вамъ это будетъ стоить. Испанія можетъ служить для васъ примѣромъ".— „Лучше было бы принять англичанъ, не правда-ли"?—возразилъ посланникъ „Даніи; вѣдь они такъ хорошо помогли своимъ союзникамъ..."

„Госпожа Головина, у которой это происходило, также вмѣшалась въ раз„говоръ, поддерживая княгиню. Обѣ стороны обмѣнялись рѣзкими словами. „Вы постоянно говорите о вашемъ обожаніи къ императору, даже о вашей „преданности ему",—сказалъ, наконецъ, княгинѣ посланникъ,—„неужели вы ду„маете, что такой образъ мыслей соотвѣтствуетъ вашимъ чувствамъ? Англо„манія вскружила вамъ голову, вы болѣе не русская".— „Я ставлю импера„тора внѣ всего, что происходитъ, отвѣтила она. Императоръ французовъ и „его посланникъ, который управляетъ нами, обманываютъ его. Ему, какъ и „вамъ, пускаютъ пыль въ глаза. Насъ ослѣпляютъ Финляндіей, но вскорѣ „увидятъ, что это и все, что хотятъ намъ дать. Только тамъ и можно будетъ „встрѣтить всѣхъ нашихъ охотниковъ до новенькаго..." Nouvelles de Pétersbourg du 12 au 15 avril 1808.

имѣло для него непосредственнаго значенія, не уяснивъ себѣ предварительно, что тамъ происходитъ. Поэтому онъ приказалъ Бернадоту дѣйствовать только навѣрняка и съ большой осторожностью. Маршалъ долженъ былъ переплыть проливы и вступить въ Швецію только въ томъ случаѣ, если датчане дадутъ ему столько войскъ, чтобы успѣхъ операціи былъ обезпеченъ[1]). Будучи отъ природы осторожнымъ, Бернадотъ истолковалъ подобныя приказанія въ смыслѣ, наиболѣе ограничивающемъ его иниціативу. Онъ переправилъ на острова только авангардъ; затѣмъ, встрѣтивъ у датчанъ мало сочувствія и узнавъ о прибытіи въ Балтійское море нѣсколькихъ англійскихъ фрегатовъ, авангарда эскадры, онъ совершенно остановилъ свое движеніе и не трогался съ своей континентальной позиціи.

Эта остановка въ движеніи Бернадота сдѣлалась очень скоро извѣстной въ Петербургѣ и произвела удручающее впечатлѣніе. Императора французовъ несправедливо заподозрили въ томъ, что онъ отмѣнилъ свои приказанія, и увидѣли въ этомъ первый симптомъ его двуличія. До крайности нервное и непостоянное общественное мнѣніе тотчасъ же спохватилось; тѣ, которые были уже на пути къ намъ, остановились, и въ обществѣ обнаружились нѣкоторые симптомы обратнаго движенія. Александръ былъ, видимо, озадаченъ; и вотъ, въ самый разгаръ волненія, вызваннаго этими событіями, разнеслась вѣсть объ отъѣздѣ императора въ Байонну. Франція рѣшительно отвлекалась на Юго-Западъ, тогда какъ въ Петербургѣ ожидали, что она пойдетъ во-первыхъ на Сѣверъ, а во-вторыхъ, что она поможетъ Россіи расширить ея границы на Востокѣ.

«Вотъ Императоръ и уѣхалъ, сказалъ Александръ Коленкуру. Время, когда я могъ бы съ наименьшими неудобствами отлучиться изъ Петербурга, пройдетъ, и ничего не будетъ сдѣлано. Но вѣдь я бралъ на себя не половину разстоянія; я сдѣлалъ бы три четверти дороги, чтобы Императоръ выгадалъ нѣсколько дней и могъ скорѣе заняться другими своими дѣлами. Турецкія дѣла важны ничуть не менѣе другихъ. Кто знаетъ, что станутъ дѣлать турки? Въ угоду Императору я ни разу не воспользовался по отношенію къ нимъ ни однимъ изъ преимуществъ, которыя я имѣлъ. Теперь, ничего не рѣшивъ, онъ все откладываетъ. Что будетъ дальше?..» [2]). Онъ отказался поставить возобновленіе

[1]) Corresp., 13672.
[2]) Донесеніе Коленкура отъ 20 апрѣля 1808 г.

враждебныхъ дѣйствій въ зависимость отъ нашего согласія. Онъ говорилъ, что пока не начнетъ враждебныхъ дѣйствій, и, если турки не нападутъ, будетъ сдерживать свои войска, какъ можно долѣе; но что онъ вовсе не желаетъ связывать себѣ руки и оставитъ за собой право опредѣлить границы своего долготерпѣнія.

Сообщеніе писемъ Себастіани произвело на него впечатлѣніе какъ-разъ обратное тому, на которое разсчитывали. Онъ нашелъ въ ихъ содержаніи духъ недовѣрія къ Россіи, и спросилъ, не намѣрена ли Францiя, заставляя его читать эти депеши, подготовить его къ перемѣнѣ политики [1]). Особенно онъ былъ удивленъ тѣмъ, что ему не даютъ знать, согласенъ ли императоръ съ запиской Румянцева, допускаетъ ли онъ долю, которую назначила себѣ Россія. Неизвѣстность удручала его. Какъ всегда, Румянцевъ былъ болѣе откровененъ и настойчивъ, чѣмъ его государь. Онъ рѣзко жаловался, подчеркивалъ свои упреки, требовалъ категорическаго отвѣта. «Вѣдь не можетъ же Императоръ между Парижемъ и Мадридомъ совсѣмъ забыть о насъ» [2]), говорилъ онъ. Что же касается до высшаго общества, то его возвратъ къ прошлому былъ полный: оно снова сдѣлалось враждебнымъ и возобновило борьбу.

Впрочемъ, все способствовало тому, чтобы разстроить и опечалить Россію и показать ей обратную сторону союза, который, за нѣсколько недѣль до этого, выступилъ передъ ней въ такомъ блестящемъ и благопріятномъ свѣтѣ. Положеніе, которое на Югѣ было очень непрочно, внезапно измѣнилось къ худшему и на Сѣверѣ, а затѣмъ сдѣлалось и совсѣмъ плохимъ. Оправившись отъ первыхъ неудачъ, шведы начали защищаться; къ нимъ вернулись ихъ прежнія качества отличныхъ воякъ; въ нѣсколькихъ сраженіяхъ они взяли верхъ и нанесли самолюбію врага жгучія раны. Они только-что взяли островъ Готландъ со всѣмъ гарнизономъ. Этотъ постъ, расположенный вблизи финляндскаго побережья, далъ имъ возможность снова прочно на немъ утвердиться и поставилъ подъ вопросомъ судьбу провинціи. За спиной Швеціи начинаетъ показываться Англія и несется на помощь своимъ союзникамъ. Оказывается, что взятые изъ Сициліи десять тысячъ солдатъ генерала Мура только-что высадились въ Готенбургѣ.

---

[1]) Коленкуръ Шампаньи, 6 мая 1808 г.

[2]) Коленкуръ императору, 28 апрѣля 1808 г.

Въ Петербургѣ не секретъ, что британскій флотъ крейсируетъ въ датскихъ водахъ; люди съ пылкимъ воображеніемъ говорятъ, что его уже видѣли въ Балтійскомъ морѣ. Извѣстно и то, что на берегахъ имперіи не осталось войскъ; что финляндская армія, находясь подъ плохимъ начальствомъ, плохо снабженная и разбросанная на слишкомъ большомъ пространствѣ, только съ трудомъ можетъ защищаться противъ врага, взявшаго на себя иниціативу нападенія; боятся, чтобы шведы и англичане, соединившись, не перенесли войны къ вратамъ столицы. Петербургъ не чувствуетъ себя въ безопасности.

Въ то же время прекращеніе торговыхъ сношеній съ Лондономъ даетъ себя знать. Торговыя сдѣлки прекращаются, банкротства слѣдуютъ одно за другимъ; курсъ ассигнацій страшно падаетъ; всеобщій застой въ торговлѣ и безденежье присоединяются къ затрудненіямъ правительства и усиливаютъ въ немъ горечь отъ сознанія несбывшихся надеждъ. Александръ чувствуетъ, что въ немъ снова воскресаютъ его подозрѣнія, что его сомнѣнія крѣпнутъ, и Коленкуру приходится бороться съ вновь вернувшимися тревогами и недовѣріемъ царя. Съ этихъ поръ роль нашего посланника измѣняется. Дѣло идетъ уже не о томъ, чтобы, сверкая дипломатическимъ оружіемъ, дѣлать на почвѣ Востока блестящіе выпады, которымъ было предназначено подготовить болѣе серьезную дипломатическую дуэль между императорами:— его позиція становится оборонительной и пріобрѣтаетъ въ этомъ отношеніи капитальную важность. Въ то время, когда наполеоновскія силы временно отвлекаются въ Испанію, Коленкуръ долженъ прикрыть ихъ движеніе, сдержать Сѣверъ, и,—препятствуя Россіи соединиться съ возставшей Германіей для нападенія на насъ врасплохъ въ тотъ моментъ, когда мы мѣняемъ фронтъ— обезпечить безопасность нашему дѣлу.

ГЛАВА X.

СВИДАНІЕ БЕЗЪ УСЛОВІЙ.

Перемѣны въ настроеніи и словахъ Александра.—Русскій самодержецъ и французскіе журналы.—Записка князя Адама Чарторижскаго.—Поццо ди Борго снова выступаетъ на сцену.—Усилія Коленкура одержать побѣду надъ русскимъ обществомъ; онъ проситъ подкрѣпленій.—Рекогносцировка въ Москву.—Посланникъ употребляетъ всѣ силы, чтобы пріобрѣсти уваженіе и довѣріе Александра.—Онъ даетъ ему стратегическіе совѣты.—Выговоръ Наполеона.—Блестящій отвѣтъ Коленкура.—Наполеонъ продолжаетъ дѣйствовать на Александра путемъ личной дружбы.—Письмо съ выраженіемъ сочувствія.—Объясненія, данныя по поводу Испаніи. Какъ Наполеонъ самъ объясняетъ Байоннскія событія.—Защитительная рѣчь отъ 8 іюля.—Испанскія дѣла подвергаютъ союзъ новымъ испытаніямъ.—Александръ скрываетъ свои чувства, одобряетъ дѣйствія Наполеона и льститъ ему.—Такимъ способомъ онъ надѣется ускорить разрѣшеніе восточнаго вопроса.—Наполеонъ прерываетъ молчаніе, но все-еще уклоняется отъ всякаго компрометирующаго обязательства; онъ желаетъ свиданія безъ условій.—Упадокъ душевной энергіи и нервное состояніе Александра.—Онъ соглашается на свиданіе безъ предварительныхъ условій.—Послѣдній разговоръ по поводу Константинополя и Дарданеллъ.—Считая, что дѣла въ Испаніи налажены, Наполеонъ возвращается къ своимъ проектамъ относительно Востока и Индіи: онъ разсчитываетъ дать имъ исполинское развитіе.—Флотъ Бреста и Лоріента.—Новая экспедиція въ Египетъ.—Замѣчаніе Декре.—Сверхчеловѣческая дѣятельность и безчисленныя приготовленія.—Объявленіе о необычайныхъ событіяхъ.—Въ то время, когда Наполеонъ думаетъ, что въ недалекомъ будущемъ, изнуривъ Англію необычайной по размѣрамъ борьбой, онъ вынудитъ ее къ миру, возстаетъ Испанія и даетъ Европѣ сигналъ къ возстанію.

I.

Александръ то предавался надеждамъ, то впадалъ въ уныніе, и его разговоры были яркимъ отраженіемъ его настроенія и его думъ. Иногда, возвращаясь къ своей излюбленной системѣ, онъ старался тронуть императора, дѣлая видъ, что безгранично вос-

торгается какъ Франціей, такъ и лично имъ. Онъ просилъ Коленкура передать императору увѣренія въ своемъ восхищеніи и преданности, скромно присоединяя къ нимъ совѣтъ—не гнаться за слишкомъ многимъ. «Когда, говорилъ онъ, будутъ улажены дѣла въ Турціи и Индіи,—что вынудитъ Англію къ миру,—Императору останется думать только объ отдохновеніи и, особенно, о личномъ счастьѣ. Тогда ему нечего будетъ больше желать. Онъ часто говаривалъ мнѣ это въ минуты откровенности въ Тильзитѣ. Да и чего можно еще желать, когда управляешь французами? Что за нація! Какое просвѣщеніе! Какая разница съ нами! Мы перепрыгнули всѣ промежуточныя ступени. Петръ I слишкомъ торопился жить; Екатерина любила только мишуру. Въ мирное время, когда Императоръ станетъ на-стражѣ мира, его будутъ обожать такъ же, какъ удивлялись ему на войнѣ. Что за геній! Но, чтобы наслаждаться всѣмъ содѣяннымъ, онъ нуждается въ личномъ счастьѣ и въ тихой спокойной жизни. Это потребность всѣхъ людей. Слишкомъ напряженная дѣятельность Императора дастъ ему впослѣдствіи почувствовать, какъ это необходимо. Я, съ своей стороны, желаю ему счастья, ибо въ Тильзитѣ я привязался къ нему... Мнѣ пріятно, что даже наши современники воздаютъ ему должное. Увѣряю васъ, что, кто думаетъ иначе, плохо принятъ у Императора Александра. У него нѣтъ бòльшаго поклонника, чѣмъ я»... [1])

На другой день послѣ этихъ изліяній чело Александра было снова озабочено, омрачено печалью: онъ «обдавалъ холодомъ» [2]) посланника. Чему приписать такую внезапную перемѣну? Александръ былъ обидчивъ по натурѣ. Недавнія непріятности усилили, довели въ немъ эту склонность до болѣзненности; онъ дошелъ до такой степени чувствительности, что малѣйшій уколъ булавки причинялъ ему страданія, какъ бы отъ раны. Достаточно было незначительнаго событія, статьи во французскомъ журналѣ, составленной въ духѣ неблагопріятномъ Россіи, чтобы сомнѣніе вновь возродилось въ его душѣ, и Коленкуръ долженъ былъ въ продолженіе многихъ часовъ успокаивать и разувѣрять его,—задача тяжелая и ни къ чему не приводящая; трудъ Пенелопы, такъ какъ каждое утро сводило къ нулю работу предыдущаго дня.

---

1) Донесеніе Коленкура отъ 27 апрѣля 1808 г.

2) Коленкуръ къ Шампаньи, 8 іюня 1808 г.

Дѣйствительно, послѣ свиданія съ нашимъ посланникомъ, Александръ попадалъ въ общество своихъ министровъ, друзей, въ свою семью и, повидимому, каждый изъ окружавшихъ его далъ себѣ слово отдалить его отъ Франціи. Его теперешній кабинетъ, хотя и составленный изъ лицъ, наименѣе враждебныхъ тильзитской системѣ, совѣтовалъ ему быть осторожнымъ и держать ухо остро. Что же касается его старинныхъ совѣтниковъ, повѣренныхъ первыхъ его думъ и увлеченій юности, то, если и были моменты, когда они отказывались отъ открытой борьбы и уходили съ поля сраженія, зато тайно они относились ко всему съ удвоеннымъ вниманіемъ и враждебностью. Князь Адамъ Чарторижскій отправлялся въ Вѣну; но при отъѣздѣ выпустилъ послѣднюю стрѣлу: онъ передалъ императору талантливо и ядовито составленную записку, въ которой будущее изображалось въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Обычные агенты коалиціи опять взялись за дѣло: снова появился Поццо ди Борго. Правда, Александръ, въ бесѣдахъ съ Коленкуромъ, выражался очень рѣзко о личномъ врагѣ Наполеона [1]). Онъ обѣщалъ опять его удалить, но его увѣренія были не вполнѣ искренни. Отправляя обратно въ Вѣну своего прежняго въ этомъ городѣ эмиссара, онъ разрѣшилъ ему изложить свои соображенія обо всемъ, что касалось безопасности и славы Россіи [2]), и Поццо поторопился до своего отъѣзда представить ему общій обзоръ положенія. Въ своей запискѣ, со свойственными ему прямотой, жаромъ и страстью, онъ старался доказать, что Россія, довѣряя Наполеону, стремилась къ пропасти; что предложеніе о раздѣлѣ, даже предполагая, что оно искренно, было только западней; что царь, приведя въ исполненіе это опасное дѣло по сигналу и подъ руководствомъ Франціи, сдѣлается и орудіемъ и игрушкой безсовѣстнаго честолюбія [3]).

Александръ прочелъ и сохранилъ записки, составленныя противниками союза. Записка Чарторижскаго была найдена послѣ смерти царя въ его бумагахъ [4]). Если эти записки и не убѣдили то, во всякомъ случаѣ, поколебали его. Являясь какъ-бы отраженіемъ, но въ слишкомъ преувеличенномъ видѣ, его собственнаго

---

[1]) Донесеніе Коленкура отъ 27 апрѣля 1808 г.

[2]) Архивы Поццо ди Борго.

[3]) Id.

[4]) См. т. VI. Recueil de la Société historique russ .

недовѣрія, онѣ заставляли его болѣе внимательно относиться къ своимъ подозрѣніямъ. Непрерывное общеніе и ежедневные разговоры съ нашими врагами, въ часы, посвящаемые монархомъ государственнымъ дѣламъ, наводили его на грустныя и опасныя размышленія.

Но и вечеромъ Александръ встрѣчалъ общество или у императрицы-матери, или у великихъ князей, или въ домахъ, гдѣ онъ имѣлъ обыкновеніе бывать, и гулъ антифранцузскихъ чувствъ доходилъ до его слуха. Принявъ за правило бесѣдовать съ салонами, вмѣсто того, чтобы заставить ихъ замолчать, онъ затруднялся теперь отвѣчать на ихъ возраженія. Обладая достаточнымъ мужествомъ для борьбы съ общественнымъ мнѣніемъ, онъ самъ не былъ убѣжденъ въ пользѣ союза настолько, чтобы совершенно не считаться съ недовольствомъ общества и не огорчаться этимъ. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль онъ былъ счастливъ, писалъ Коленкуръ, «потому что никто не дулся на него» [1]; теперь же онъ страдаетъ, читая на лицахъ скрытое подъ видомъ почтенія уныніе или еще болѣе нестерпимое выраженіе сожалѣнія.

Правда, Коленкуръ былъ тутъ же, являлся всегда на самомъ опасномъ мѣстѣ, безъ устали стараясь смягчить проявленія недовольства, а, слѣдовательно, и нежелательное дѣйствіе ихъ на умъ государя. Чтобы снова завладѣть своимъ вліяніемъ на общество, онъ не пренебрегалъ никакими средствами, какими только могъ располагать ревностный и превосходный посланникъ: онъ не щадилъ ни себя, ни своего состоянія. Онъ достигъ того, что удивлялъ своей роскошью общество, «въ которомъ самый плохо обставленный дворянинъ ѣздилъ четверикомъ» [2]; всюду говорили о его образѣ жизни, о его роскоши, непомѣрныхъ тратахъ и утонченныхъ пирахъ [3]. Неудачи послѣдняго времени не приводили его въ уныніе; для характеристики его можно позаимствовать слѣдующее сравненіе: «послѣ того, какъ онъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль побѣдоносно несъ знамя Франціи», онъ и теперь «во время бури, держалъ его высоко и крѣпко». «У меня

---

1) Коленкуръ императору, 4 іюня 1808 г.

2) Id.

3) „У Коленкура былъ великолѣпный ужинъ, на которомъ было подано семь грушъ, стоимостью въ триста франковъ каждая". Joseph de Maistre. 325.

часто бываютъ, писалъ онъ; вскорѣ ко мнѣ опять соберутся» [1]. Такъ какъ его высокое положенiе препятствовало ему быть не въ мѣру любезнымъ и зазывать къ себѣ общество, а нужно было ждать, чтобы оно само посѣщало его, то онъ разсылалъ наиболѣе дѣятельныхъ и обаятельныхъ членовъ своего посольства, поручая имъ заманивать къ нему. Онъ даже просилъ у своего правительства объ увеличенiи числа такихъ помощниковъ; онъ ходатайствовалъ о подкрѣпленiи. «Смѣю напомнить Вашему Величеству, писалъ онъ императору, что мнѣ будетъ крайне полезенъ молодой офицеръ, безукоризненно воспитанный и остроумный, музыкантъ, съ прiятнымъ голосомъ, для того, чтобы образумить нѣкоторыхъ молодыхъ дамъ, болѣе чѣмъ другiя недовольныхъ. Наша гвардiя кишитъ красивыми молодыми людьми, обладающими свѣтскими талантами; нѣкоторые изъ нихъ могутъ нравиться дамамъ; итакъ, нужны только такiе, а другихъ совсѣмъ не надо». Онъ доходитъ до того, что называетъ среди своихъ парижскихъ знакомыхъ лицо, наиболѣе, по его мнѣнiю, обладающее качествами, потребными для такой роли [2], и наиболѣе способное «вернуть подъ наше знамя всю партiю Чарторижскаго и Кочубея, въ которую, необходимо сознаться въ этомъ, эмигрировали наиболѣе блестящiе представители и представительницы столичнаго общества» [3].

Его дѣятельность не ограничивается Петербургомъ. Онъ посылаетъ одного изъ своихъ атташе́ развѣдчикомъ въ Москву, куда удалялись во всѣ царствованiя попавшiе въ немилость, и гдѣ замѣчалось опасное теченiе. При теперешнемъ настроенiи умовъ внезапный взрывъ недовольства, даже покушенiе на императора, дѣлалось возможнымъ предположенiемъ. Необходимо было провѣрить это, чтобы въ случаѣ надобности имѣть возможность не допустить ничего подобнаго. На этотъ счетъ свѣдѣнiя, собранныя въ Москвѣ и Петербургѣ, оказались успокоительными; нельзя сказать того же самаго въ другомъ отношенiи. Русская знать не подготовляла переворота, но, болѣе чѣмъ когда либо, предавалась надеждѣ вызвать перемѣну въ политикѣ. Наши враги всюду брали верхъ; они царили въ гостиныхъ, оттачивали тамъ свои стрѣлы и распространяли эпиграммы. Ихъ дерзость

[1] Коленкуръ императору, 22 мая 1808 г.
[2] M. de Flahaut.
[3] Коленкуръ императору, 28 апрѣля 1808 г.

доставляла имъ многочисленныхъ союзниковъ; вѣрные вчерашніе друзья, какъ напримѣръ, великій князь Константинъ, фельдмаршалъ Толстой, начинали колебаться и перестали вліять на императора въ пользу праваго дѣла.

Коленкуръ задумалъ тогда подѣйствовать непосредственно на монарха, «на единственнаго, можетъ быть, человѣка, съ грустью признавался онъ, который является болѣе или менѣе искреннимъ сторонникомъ теперешней политики» [1]). При невозможности вліять на его умъ, снѣдаемый борьбой между различными теченіями, не удастся ли, думалъ онъ, воздѣйствовать на его сердце и его сохранить за собой? Александръ продолжалъ выказывать лично къ посланнику большое расположеніе и симпатію. Если бы эти, заботливо поддерживаемыя и развиваемыя, чувства пріобрѣли силу истинной привязанности, если бы между государемъ и посланникомъ установилось безусловное довѣріе человѣка къ человѣку—дѣло только выиграло бы отъ этого. Александръ легче повѣритъ объясненіямъ нашего посла, если онъ, какъ Коленкуръ, а не въ качествѣ посла, будетъ отстаивать искренность нашей политики. Тому, что говорится дружескими устами, лучше вѣрится. Чтобы полезнѣе служить императору, Коленкуръ все болѣе старался пріобрѣсти привязанность Александра и сдѣлаться достойнымъ ея.

При достиженіи такой задачи ему нужно было снова бороться съ обществомъ, которое, не довольствуясь тѣмъ, что ставило препятствія его политической дѣятельности, до нѣкоторой степени приписывало ему лично несчастья Россіи и старалось лишить его не только довѣрія, но даже уваженія государя. На его счетъ распускались ложные слухи, и совершенно несправедливо, съ злымъ умысломъ, старались связать его имя съ особенно-ненавистными воспоминаніями. Пользуясь тѣмъ, что онъ былъ въ Страсбургѣ въ 1804 г., съ особымъ и опредѣленнымъ порученіемъ, ему приписывали нѣкоторую роль въ дѣлѣ похищенія герцога Энгіенскаго; на него указывали, какъ на одно изъ орудій, избранныхъ Бонапартомъ для того, чтобы схватить и казнить знаменитую жертву. Коленкуръ счелъ долгомъ, какъ въ видахъ государственныхъ интересовъ, такъ и для огражденія своей чести, разсѣять въ этомъ отношеніи всѣ сомнѣнія, которыя могли воз-

[1]) Коленкуръ императору. 8 іюня 1808 г.

никнуть въ умѣ Александра. Онъ вызвалъ его на конфиденціальное объясненіе, возстановилъ, съ документами въ рукахъ, истинный характеръ событій, заставилъ своего собесѣдника благосклонно преклониться передъ очевидностью, и разъ-навсегда покончилъ съ клеветой, которую по временамъ бросали ему въ лицо [1]).

Въ своихъ дѣловыхъ разговорахъ съ Александромъ онъ старался какъ можно меньше ему противорѣчить, входилъ въ его взгляды, не оспаривалъ законности его требованій и старался не столько оправдывать, сколько извинять наши проволочки. Онъ дошелъ до того, что вызвался давать совѣты царю въ дѣлѣ военныхъ операцій и далъ ему возможность воспользоваться своимъ опытомъ, пріобрѣтеннымъ подлѣ Наполеона. Онъ составлялъ для него спеціальные краткіе обзоры и разсужденія о способахъ защиты Финляндіи и какъ обезпечить владѣніе ею за Россіей, т. е., цѣлый планъ нападенія на Скандинавскій полуостровъ. Александръ, видимо, въ высокой степени цѣнилъ знаки его преданности, и первымъ доказательствомъ его благодарности былъ строжайшій выговоръ вождямъ оппозиціи и мнѣніе, которое онъ высказалъ нѣкоторымъ изъ нихъ, «что не мѣшало бы имъ попутешествовать» [2]).

Однако, эта новая тактика, въ которой Коленкуръ откровенно признавался въ своихъ донесеніяхъ и которая начинала приносить плоды, не была одобрена императоромъ. Тотъ нашелъ, что совѣты, которые онъ давалъ царю, не совмѣстимы съ ролью посланника, такъ какъ они свидѣтельствовали о слишкомъ замѣтной заботѣ о чужихъ интересахъ: «Помните, — рѣзко писалъ онъ своему послу,—что вы должны оставаться французомъ!» [3]).

Эти слова, поразившія Коленкура въ самое сердце, вызвали въ немъ благородную вспышку негодованія. Онъ съ почтительной смѣлостью далъ это почувствовать и высказалъ, что считаетъ незаслуженнымъ упрекъ, противъ котораго говорила вся его жизнь: «Смѣю думать, отвѣтилъ онъ, что Ваше Величество имѣетъ обо мнѣ мнѣніе, основанное на моихъ безспорныхъ заслугахъ. Если бы вы соблаговолили подумать, что ваше перо пи-

---

1) См. Lefebvre. III, 362.

2) Коленкуръ императору, 22 мая 1808 г.

3) Id.

шетъ на скрижаляхъ исторіи, быть можетъ, вы не причинили бы такого огорченія слугѣ, вѣрность и преданность котораго вы испытали». Далѣе, онъ оправдывалъ свое поведеніе полученными результатами. «Эти мелочи, которымъ Ваше Величество придали значеніе совѣтовъ, лучше, чѣмъ всякое другое средство, сослужили мнѣ службу въ дѣлѣ пріобрѣтенія довѣрія русскаго государя и позволили дать другое направленіе теперешнему затруднительному положенію... Проявить по нѣкоторымъ вопросамъ усердіе въ пользу дѣла государя, значитъ тронуть его сердце. Онъ знаетъ, что я слишкомъ преданъ Вашему Величеству, чтобы не установить тѣсной связи между моимъ совѣтомъ, который онъ считаетъ полезнымъ, и сочувствіемъ, которое вы къ нему питаете. Императоръ никому не показывалъ ни замѣтокъ, ни соображеній, которыя я ему передалъ; однако, я знаю, что онъ отдалъ приказанія, сообразуясь со всѣмъ, изложеннымъ въ нихъ. На будущее время, Государь, я буду болѣе осмотрителенъ. Если этого не было въ настоящемъ случаѣ, то только потому, что нужно было снискать полное довѣріе государя, сдѣлаться даже до нѣкоторой степени ему необходимымъ, дабы намъ ничего не упустить въ то время, когда всѣ, болѣе или менѣе, старались отдалить его отъ меня... Ваше Величество лучше, чѣмъ я, знаетъ трудность моего положенія. Итакъ, я ограничусь увѣреніемъ, что достаточно Вашему Величеству кашлянуть, чтобы это услышали здѣсь; а такъ какъ извѣстная часть общества весьма усердно распространяетъ все дурное, что думаютъ и говорятъ въ Европѣ о Франціи, то необходимо быть всегда на-сторожѣ противъ этой части общества и заботиться о разрушеніи ея происковъ. Проявленная за послѣднее время императоромъ ко мнѣ благосклонность и его твердость разрушили надежды оппозиціи болѣе, чѣмъ все, что дѣлалось до сихъ поръ. Можетъ быть, дѣйствуя подобнымъ образомъ, я и заслужилъ подозрѣнія Вашего Величества, будто я недостаточно цѣню ваше довѣріе и ваши милости; обвиненіе удручающее; но въ глубинѣ вашей души вы, Государь, воздадите мнѣ должное» [1]).

Коленкуръ не заблуждался, предугадывая въ своемъ письмѣ сокровенныя чувства императора. По свойственному ему обыкновенію, Наполеонъ нарочно сильнѣе выразилъ свою мысль, чтобы

---

[1]) Коленкуръ императору, 22 мая 1808 г.

произвести болѣе сильное впечатлѣніе на агента, къ которому онъ обращался. Въ дѣйствительности, онъ никогда не переставалъ правильно оцѣнивать благородныя качества Коленкура и его испытанное усердіе, и даже въ то время, когда онъ жестоко и строго журилъ его, онъ вознаградилъ его преданность, сдѣлавъ его герцогомъ Виченцы [1]). Но, будучи до крайности недовѣрчивымъ, онъ не допускалъ, чтобы его довѣренное лицо стало въ слишкомъ близкія отношенія съ иностраннымъ государемъ; въ особенности онъ не хотѣлъ, чтобы Коленкуръ своими совѣтами способствовалъ военному образованію русскихъ и развивалъ въ нихъ таланты, которые они могли бы когда-нибудь использовать противъ насъ.

Впрочемъ, самъ онъ не отказывался дѣйствовать на Александра силою своего авторитета и увѣреніями въ нѣжныхъ чувствахъ, т.-е. отъ тѣхъ средствъ, пользоваться которыми запрещалъ своему послу. Онъ боялся, что другіе не окажутся достаточно сильными въ этой опасной игрѣ, и, думая покорить Александра, сами не устоятъ противъ чаръ обаятельнаго монарха; въ самомъ же себѣ онъ былъ настолько увѣренъ, что не опасался подобныхъ увлеченій. Онъ зналъ, что ни ласка, ни предупредительность не въ состояніи ни на одинъ шагъ сбить его съ прямыхъ и сокровенныхъ путей, по которымъ онъ велъ свою политику. Разсчитывая продолжать въ Эрфуртѣ систему обольщенія, испытанную въ Тильзитѣ, онъ подготовлялъ ее, поддерживая сношенія съ своимъ союзникомъ на дружеской и фамильярно довѣрчивой ногѣ.

При всякомъ удобномъ случаѣ, онъ старался доказать царю, что любитъ его ради него самого, независимо отъ какихъ бы то ни было политическихъ соображеній. Онъ давалъ доказательства того, что принимаетъ участіе въ его тревогахъ и горестяхъ. Узнавъ, что Александръ только-что испыталъ большое горе, что онъ лишился своего единственнаго ребенка, маленькой великой княжны Елизаветы, онъ написалъ ему слѣдующія строки: «Я вполнѣ раздѣляю горе Вашего Величества. Я чувствую, какъ сильно страдаетъ ваше сердце отъ только-что понесенной

---

[1]) Узнавъ объ этой милости прежде самого Коленкура, царь доставилъ себѣ удовольствіе объявить ему о ней: „Императоръ Александръ,—сказалъ онъ ему,—первый, который называетъ васъ герцогомъ Виченцы". Донесеніе отъ 20 апрѣля 1808 г.

утраты. Позвольте мнѣ повторить увѣреніе, что вдали отъ васъ есть другъ, который чувствуетъ всѣ ваши огорченія и желаетъ вамъ успѣха во всѣхъ вашихъ дѣлахъ» [1]). Въ другихъ письмахъ онъ говоритъ, съ какимъ нетерпѣніемъ ждетъ предполагаемаго свиданія. «Я страстно жду, говоритъ онъ, минуты, когда снова увижу Ваше Величество и лично выскажу вамъ мои чувства» [2]). Хотя онъ даже и въ настоящую минуту избѣгалъ всякаго намека на раздѣлъ, опасаясь, чтобы въ моментъ окончательныхъ преній не сослались на какое-либо выраженіе, ставящее его въ неловкое положеніе, но по всѣмъ другимъ вопросамъ онъ всегда не прочь былъ вступить въ дружескія и сердечныя объясненія.

Это стараніе дѣлалось особенно замѣтнымъ по мѣрѣ того, какъ испанскія дѣла приближались къ развязкѣ. Остановившись въ Байоннѣ, на полпути между Парижемъ и Мадридомъ, Наполеонъ ожидалъ Карла IV и Фердинанда VII, согласившихся съѣхаться здѣсь. Сперва пріѣхалъ молодой принцъ, затѣмъ прибыли старый король и королева. Признавъ Наполеона судьей, они рѣшили подчиниться его приговору. Подготовляется развязка, «въ трагедіи начинается пятый актъ» [3]). И въ эту важную минуту Наполеонъ не забываетъ о Россіи; по временамъ его внимательный взоръ переносится на нее и, болѣе чѣмъ когда-либо, онъ сознаетъ необходимость поддерживать тѣсное общеніе съ Александромъ. Онъ желаетъ объяснить ему причины своего поведенія относительно Испаніи, представить ему въ выгодномъ для себя свѣтѣ дѣянія, которыя должны отдать ее въ его руки; онъ хочетъ постепенно пріучить его къ мысли о дерзкомъ захватѣ чужого права. Онъ обращается то лично къ царю, то, въ краткихъ запискахъ, къ Коленкуру, даетъ наставленія посланнику, доставляетъ объясненія, которыя слѣдуетъ давать, даже выраженія, которыя слѣдуетъ употреблять. Благодаря этому у насъ имѣется бюллетень о байоннскихъ событіяхъ, составленный самимъ Наполеономъ, и толкованія, которыми онъ сопровождаетъ ихъ, по мѣрѣ ихъ развитія [4]).

---

[1]) Татищевъ. Nouvelle Revue du 15 juin 1890.

[2]) Corresp., 13792.

[3]) Id., 13778.

[4]) Какъ мы уже раньше отмѣтили, мы не имѣемъ въ оригиналѣ текста писемъ императора къ Коленкуру; но посланникъ воспроизводитъ ихъ въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ въ разговорахъ съ Александромъ, которые онъ дословно передавалъ въ своихъ донесеніяхъ.

29 апрѣля, въ письмѣ къ Александру, онъ ограничивается сообщеніемъ о присутствіи въ Байоннѣ королевской четы и принца Астурійскаго. Онъ говоритъ о ихъ ссорѣ, и, тономъ почти добродушнымъ, повидимому, не придавая ей слишкомъ большого значенія жалуется на безпокойство, которое причиняютъ ему эти непріятныя сцены вражды. «Эта семейная ссора и симптомы революціи, которые обозначаются въ Испаніи, говоритъ онъ, причиняютъ мнѣ нѣкоторыя хлопоты, но скоро я буду свободенъ, чтобы совмѣстно съ Вашимъ Величествомъ обдумать великое дѣло» [1]. Тѣмъ не менѣе процессъ начинается; на немъ присутствуютъ отецъ и сынъ. Наполеонъ устраиваетъ имъ очную ставку, заставляетъ ихъ уличать другъ друга, застращиваетъ того и другого, съ тѣмъ, чтобы бросить ихъ къ своимъ ногамъ униженныхъ, потерявшихъ голову, готовыхъ промѣнять свои священныя права хоть на какое-нибудь убѣжище. Къ этой-то развязкѣ и слѣдуетъ подготовить Александра и, все болѣе роняя въ его глазахъ испанскихъ Бурбоновъ, указать на невозможность оставлять ихъ царствовать. Коленкуру поручено говорить слѣдующее: «Сынъ обвиняетъ отца, отецъ—сына: это не подвигаетъ дѣла. Крайне трудно будетъ примирить ихъ. Сынъ оскорбляетъ принципы и нравственныя чувства, отецъ—націю. И тотъ и другой врядъ ли успокоятъ возбужденіе и будутъ въ состояніи импонировать страстямъ, которыя разыгрались благодаря этимъ событіямъ. Въ заключеніе императоръ очень сожалѣетъ, что свиданіе, вопреки его предположеніямъ, пока еще не состоялось: ему пріятнѣе было бы быть въ Эрфуртѣ, чѣмъ въ Байоннѣ» [2].

Вскорѣ свершилось подготовленное уже событіе; его ускорилъ вспыхнувшій въ Мадридѣ 2 мая бунтъ. Фердинандъ VII, испугавшись совершившагося его именемъ дѣла, удрученный отцовскими проклятіями, отказывается отъ своихъ правъ. Власть номинально возвращается къ старому королю, который спѣшитъ отречься отъ нея. Испанская корона свободна. Наполеонъ овладѣваетъ ею и намѣревается распорядиться по своему усмотрѣнію. Пріемъ, который онъ употребляетъ для своего оправданія передъ Александромъ, неизмѣнно состоитъ въ томъ, чтобы доказать, что онъ не обдумывалъ заранѣе своего захвата, а былъ приве-

[1] Corresp., 13792.
[2] Донесеніе Коленкура отъ 29 мая.

денъ и вынужденъ къ нему событіями. Согласно его приказанію, Коленкуръ говорилъ: «Послѣ того, какъ отецъ опозорилъ сына, а сынъ отца, невозможно допустить, чтобы кто-либо изъ нихъ могъ внушить уваженіе гордой и пылкой націи, среди которой появились уже первыя вспышки революціи. Слѣдовало немедленно спасти Испанію и ея колоніи. Ваше Величество согласится, что другого средства не было. Изъ-за этой неожиданной развязки, быть можетъ, какъ справедливо думаетъ Ваше Величество, на нѣкоторое время затянется возвращеніе Императора» [1]). Проходитъ еще нѣсколько дней. Наполеонъ сбрасываетъ послѣдній покровъ, скрывавшій его намѣренія, и объявляетъ, что удерживаетъ испанское королевство для своего брата Жозефа. Онъ приказываетъ тотчасъ же сказать въ Петербургѣ, «что перемѣна династіи дѣлаетъ страну только болѣе независимой, что Императоръ ничего не беретъ себѣ, что Франція получитъ только ту выгоду, что, въ случаѣ войны, будетъ болѣе увѣрена въ своей безопасности, если въ Испаніи будетъ править король ея династіи, а не Бурбоны». При этомъ онъ снова подчеркиваетъ, что былъ вынужденъ «вырвать Испанію изъ рукъ анархіи» [2]). Наконецъ, уже послѣ провозглашенія Жозефа, онъ снова возобновляетъ съ Александромъ объ этомъ же переписку, и, путаясь, пишетъ ему довольно длинное письмо, въ которомъ философствуетъ, оправдывается, предусматриваетъ возможныя возраженія, старается ихъ опровергнуть и принимаетъ совершенно не свойственный ему тонъ. Въ своемъ письмѣ онъ не оправдываетъ себя, а только объясняетъ свои поступки.

«Мой братъ, пишетъ онъ, посылаю Вашему Величеству конституцію, которую только-что утвердилъ испанскій совѣтъ. Безпорядки въ странѣ дошли до невѣроятныхъ размѣровъ. Вынужденный вмѣшаться въ дѣло, я былъ приведенъ, благодаря непреодолимому ходу событій, къ политической системѣ, которая, обезпечивая счастье Испаніи, въ то же время обезпечиваетъ спокойствіе моихъ владѣній. При этомъ новомъ положеніи, Испанія фактически будетъ болѣе, чѣмъ когда-либо, независима отъ меня; но я буду имѣть ту выгоду, что она, занявъ положеніе, предназначенное ей самой природой, и не имѣя никакого повода недовѣрять

[1]) Донесенія, посланныя съ письмомъ отъ 17 іюня.

[2]) Id., 10 іюля.

континенту, употребитъ всѣ средства на возстановленіе флота. Я имѣю причины быть крайне довольнымъ знатью, состоятельными и образованными классами. Только монахи, которые владѣютъ половиной всѣхъ земель, предвидя въ новомъ порядкѣ вещей прекращеніе злоупотребленій, равно какъ и многочисленные агенты инквизиціи, предчувствующіе свой близкій конецъ, волнуютъ страну. Я отлично сознаю, что это событіе дастъ обильную пищу для разговоровъ. Не захотятъ оцѣнить событій и обстоятельствъ, при которыхъ оно совершилось; будутъ говорить, что все это подстроено съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ. Однако, если бы я имѣлъ въ виду только интересы Франціи, къ моимъ услугамъ было бы болѣе простое средство, а именно: расширить въ эту сторону мои границы и уменьшить Испанію. Ибо кому не извѣстно, что въ разсчетахъ политики родственныя узы мало принимаются во вниманіе и къ концу двадцати лѣтъ теряютъ всякое значеніе? Филиппъ V воевалъ съ своимъ дѣдомъ. Провинція въ родѣ Каталоніи или Наварры, присоединенная къ Франціи, имѣла бы болѣе значенія для могущества Франціи, чѣмъ только что совершившаяся перемѣна, которая, на самомъ дѣлѣ, полезна только Испаніи» [1]).

Съ помощью такихъ доводовъ Наполеонъ старался оправдать свои хищническіе пріемы и ослабить ихъ впечатлѣніе. Позднѣе, говоря о тѣхъ же фактахъ, но обращаясь къ потомству, онъ выскажется въ качествѣ судьи, постановитъ рѣшеніе противъ самого себя и, не переставая отстаивать съ гордымъ высокомѣріемъ величіе своей цѣли, не будетъ искать оправданій несправедливой и безполезной жестокости своихъ пріемовъ. Онъ признаетъ въ испанскомъ дѣлѣ главную ошибку своего царствованія и причину своего паденія [2]).

II

Узнавъ о фактѣ, который въ лицѣ одной изъ древнихъ династій нанесъ ударъ и всѣмъ остальнымъ, Александръ выказалъ себя болѣе русскимъ, чѣмъ европейцемъ, болѣе склоннымъ преслѣдовать интересы собственной страны, чѣмъ охранять права коронъ. Нельзя сказать, чтобы захватъ, которому предшество-

---

[1]) Corresp., nº 14170.

[2]) Mémorial, 14 іюня 1816 г.

вало столько другихъ, не усилилъ его безпокойства по отношенію къ честолюбцу, который думалъ только о себѣ и безпрестанно искалъ новой добычи. Тѣмъ не менѣе, какъ ни была расшатана его вѣра въ систему, которую старались установить въ Тильзитѣ, благоразуміе, самолюбіе и, особенно, честолюбивые замыслы повелѣвали ему стойко держаться за нее. И въ самомъ дѣлѣ, опытъ будетъ доказателенъ и можетъ принести плоды только при условіи, если онъ будетъ доведенъ до конца. Стоило ли изъ-за жалобъ и упрековъ портить отношенія съ Наполеономъ въ ту минуту, когда, повидимому, для Россіи наступало время получить награду за свое долготерпѣніе; когда Наполеонъ, распорядившись Испаніей по своему усмотрѣнію, не могъ болѣе выставить никакой причины, чтобы уклониться отъ соглашенія по восточному вопросу. Благодаря этимъ соображеніямъ, Александръ рѣшился быть снисходительнымъ, но желалъ, по крайней мѣрѣ, поставить это себѣ въ заслугу передъ своимъ союзникомъ, сдѣлавъ это съ любезностью, проявлять которую ему никогда ничего не стоило. Не имѣя возможности идти противъ событій на Югѣ, онъ не ограничился тѣмъ, что утвердилъ ихъ своимъ молчаніемъ, напротивъ, онъ сдѣлалъ даже видъ, что одобряетъ ихъ и, затаивъ въ глубинѣ души свои истинныя чувства, сумѣлъ выказать другія.

Пока тянулись переговоры въ Байоннѣ, онъ избѣгалъ неумѣстныхъ вопросовъ, довольствовался даваемыми ему объясненіями и предоставлялъ Наполеону дѣйствовать. Такъ какъ онъ не былъ особенно расположенъ къ испанскимъ Бурбонамъ, то ему не было надобности особенно насиловать себя, чтобы выражаться на ихъ счетъ пренебрежительнымъ тономъ. Отреченіе Карла IV показалось ему дѣломъ вполнѣ естественнымъ для государя, который «хотѣлъ жить только для своей Луизы и для своего Эммануила» [1]. Когда стала извѣстна развязка, у него по отношенію къ императору были только слова одобренія, доходившія до лести: «Я думалъ, говорилъ онъ, что онъ заполнилъ уже всѣ страницы въ исторіи, но ему остается въ ней еще одна прекрасная страница для Испаніи» [2]); и онъ привѣтствовалъ въ немъ «преобразователя и законодателя» [3]) Испаніи. Когда ему была представлена новая конституція королевства, онъ нашелъ ее либеральной и достой-

[1]) Королева и князь Мира. Донесеніе Коленкура отъ 27 апрѣля 1808 г.
[2]) Id.
[3]) Id, 26 августа.

ной ея автора. Однако, по нѣкоторымъ выраженіямъ, предусматривающимъ дальнѣйшій ходъ событій, по нѣкоторымъ словамъ, кстати сказаннымъ, легко было убѣдиться, что царь не смотрѣлъ на свои похвалы, какъ на нѣчто не подлежащее оплатѣ: «Я не завидую и не буду завидовать ни одной изъ выгодъ, которую получаетъ или можетъ получить Императоръ, говорилъ онъ» [1]); но при этомъ онъ началъ съ указанія, что выгоды должны быть обоюдными. Онъ не пропускалъ случая, чтобы въ выразительныхъ словахъ не подчеркивать корректности своего поведенія, «своей нетребовательности за все время, пока шли событія» [2]); и видно было, что онъ учитывалъ свои хорошіе поступки и давалъ имъ накопляться, предоставляя себѣ право бросить ихъ на вѣсы во время тѣхъ рѣшительныхъ объясненій по дѣламъ Востока, о которыхъ онъ говорилъ съ тревожной настойчивостью.

Если исключить гипотезу о соглашеніи съ Англіей, то Наполеону никогда и въ голову не приходило уклониться отъ платежа: онъ хотѣлъ только отдалить его. Хотя онъ все еще былъ противъ точнаго опредѣленія своихъ обязательствъ къ Россіи, но онъ всегда допускалъ принципъ раздѣла Турціи, при условіи, если лондонскій дворъ будетъ долго затягивать борьбу. Онъ хорошо сознавалъ опасность не въ мѣру злоупотреблять долготерпѣніемъ Александра. Поэтому, съ мая мѣсяца, лишь только онъ далъ желаемое направленіе переговорамъ въ Байоннѣ и получилъ увѣренность, что Бурбоны сойдутъ со сцены, онъ нашелъ, что самое трудное въ его задачѣ на Югѣ выполнено, и удѣлилъ часть своего вниманія Востоку. Ему достаточно было только взглянуть на планъ раздѣла Турціи, составленный Румянцевымъ, чтобы по многимъ пунктамъ признать его непріемлемымъ. Болѣе обстоятельный просмотръ русскаго проекта только укрѣпилъ его въ этомъ убѣжденіи. Тѣмъ не менѣе онъ не отчаявался примирить, когда придетъ время, взаимныя требованія, и, скорѣе съ цѣлью оживить надежды Александра, чѣмъ придти къ немедленному соглашенію, не отказался теперь же возобновить пренія.

Нота Румянцева и письмо Александра, въ которомъ царь давалъ санкцію нотѣ своего министра, ставя условіемъ свиданія предварительное соглашеніе объ основахъ раздѣла, вынуждали

---

[1]) Донесеніе Коленкура отъ 10 іюля 1808 г.

[2]) Id.

его измѣнить тактику. Вмѣсто того, чтобы, какъ онъ желалъ, установить все съ Александромъ съ глазу-на-глазъ, ему приходилось рѣшиться вести переговоры издали и при содѣйствіи посредниковъ. Онъ попробовалъ вступить на этотъ путь. Онъ вполнѣ посвятилъ Шампаньи въ тайну дѣла, передалъ ему разныя бумаги, полученныя изъ Петербурга, и приказалъ ему составить по поводу ихъ пространный докладъ [1]. 22-го онъ приказываетъ объявить Коленкуру о предстоящей отправкѣ министерской записки въ отвѣтъ на ноту Румянцева [2]. Однако, проходятъ дни, недѣли, а обѣщанная посылка заставляетъ себя ждать. Что за причина этого новаго замедленія? Вникнувъ въ вопросъ, Наполеонъ и на этотъ разъ призналъ невозможнымъ рѣшить его обычнымъ дипломатическимъ путемъ, съ помощью нотъ, депешъ, предложеній и контръ-проектовъ. Онъ рѣшительно не допускаетъ, чтобы кто-либо другой, а не онъ лично, велъ переговоры, отъ которыхъ зависитъ судьба міра. Съ другой стороны, возможно и то, что онъ не рѣшается выдать русскимъ документъ, который они могли бы использовать противъ него, если бы соглашеніе не состоялось, и между ними произошелъ разрывъ; что онъ не хочетъ оставить имъ письменнаго доказательства своихъ разрушительныхъ плановъ. Поэтому, онъ возвращается къ своей первой мысли, къ свиданію безъ предварительныхъ условій, упорно держится именно за такой характеръ свиданія и намѣренъ настоять на немъ. 31 мая онъ пишетъ Коленкуру, поручая ему опять заговорить о свиданіи. Посланникъ долженъ снова указать на необходимость все отложить до откровеннаго личнаго объясненія между императорами безъ предварительныхъ обязательствъ, которыя могутъ только связать ихъ и помѣшать ихъ взаимному довѣрію. Для того, чтобы сговориться, имъ нужно свидѣться; только ихъ личной дружбѣ должны они предоставить заботу примирить ихъ интересы [3].

Въ то время, когда было отправлено это письмо, оно было уже ненужнымъ. Доблестно отвѣчая на упреки своего императора, Коленкуръ опередилъ его приказанія и, продолжая дѣйствовать въ духѣ прежнихъ инструкцій, возобновилъ просьбу и добился свиданія безъ условій.

---

[1] Шампаньи Коленкуру, 2 апрѣля 1808 г

[2] Corresp., 13955. Шампаньи къ Коленкуру, 23 мая 1808 г.

[3] Инструкція отъ 31 мая, о полученіи которой Коленкуръ доноситъ въ своемъ письмѣ отъ 20 іюня 1808 г.

Онъ обязанъ былъ своимъ успѣхомъ не любезности Александра, а его тяжелому настроенію. Изнервничавшись отъ ожиданія, все болѣе обуреваемый то надеждой, то сомнѣніемъ, царь на первомъ планѣ ставилъ увѣренность, что онъ еще въ теченіе текущаго года встрѣтится съ Наполеономъ и категорически объяснится съ нимъ, и только эта увѣренность могла облегчить его нетерпѣніе. Сверхъ того, благодаря только-что поразившему его личному горю *), онъ переживалъ періодъ отчаянія и страдалъ отъ чувства одиночества: его энергія была надломлена. Послѣ первыхъ дней горя, онъ прежде всѣхъ другихъ пожелалъ видѣть Коленкура. Онъ говорилъ ему о своемъ горѣ, открылъ свою душу; затѣмъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе, перешелъ къ дѣламъ. «Я всегда желалъ свиданія, сказалъ онъ; я вполнѣ довѣряю Императору. Онъ отлично написалъ вамъ: «поставьте циркуль на карту». Но изъ моего письма явствуетъ, что слѣдуетъ предварительно сговориться о нѣкоторыхъ основахъ; тогда при встрѣчѣ мы нашли бы крупные вопросы уже законченными, а это значительно облегчило бы дѣло. И обсужденіе деталей достаточно важно для того, чтобы занять наше вниманіе. Получили ли вы какой-нибудь отвѣтъ на ваше донесеніе? Нѣтъ ли затрудненій по вопросу о *кошачьемъ языкѣ?*»

Посланникъ. — И тридцать курьеровъ не выяснятъ того, что будетъ сдѣлано въ три дня свиданія; даже въ два года нельзя покончить того, что будетъ сдѣлано въ десять дней. Въ этомъ важномъ дѣлѣ столько неудобныхъ положеній, что только одни государи могутъ сговориться. У графа Румянцева руки длинноваты.

Императоръ. — Я желалъ свиданія, ибо вижу въ немъ доказательство дружбы Императора, которую я чрезвычайно цѣню.

Посланникъ. — То, что оно предложено, доказываетъ Вашему Величеству полное его довѣріе къ вамъ. Лучшій способъ на него отвѣтить,—если Ваше Величество разрѣшаете мнѣ говорить объ этомъ,—это принять свиданіе безъ условій. Интересы Россіи болѣе связаны съ этимъ дѣломъ, чѣмъ интересы Франціи. Проявляя по отношенію къ Императору такое же довѣріе, какое онъ оказываетъ вамъ, Ваше Величество только отвѣтите ему тѣмъ же. Вѣдь раздѣла желаете вы, Ваше Величество. Императоръ Наполеонъ соглашается на него только потому, что

*) Смерть великой княжны Елизаветы, единственной дочери Александра (Прим. пер.).

желаетъ быть вамъ пріятнымъ. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ, онъ не можетъ жертвовать всѣми интересами Франціи и интересами своего исконнаго союзника. Въ такомъ важномъ дѣлѣ дипломатическія пренія скорѣе задерживаютъ, чѣмъ подвигаютъ дѣло.

Императоръ. — Согласенъ; я самъ всегда былъ такого-же мнѣнія. Впрочемъ, я питаю къ нему полное довѣріе; я слишкомъ сочувственно отношусь ко всему, что можетъ быть выгодно императору Наполеону, чтобы онъ иначе думалъ о моихъ интересахъ; я доказалъ ему это. Какъ бы вы хотѣли устроить это дѣло? Скажите откровенно.

Посланникъ. — Принять, Государь, свиданіе безъ условій.

Императоръ. — Охотно, но когда?» [1]).

Этотъ вопросъ поставилъ Коленкура въ затрудненіе. Онъ не зналъ, установилъ ли его повелитель время свиданія, и на всякій случай заговорилъ объ іюнѣ мѣсяцѣ. Александръ облегчилъ ему задачу; онъ нашелъ, что это время слишкомъ близко и что онъ не можетъ покинуть Петербурга въ самое удобное для дѣйствій непріятеля время года. Дѣйствительно, это было время, когда можно было опасаться, что шведы перейдутъ въ нападеніе, быть можетъ, пришлось бы отражать и нападеніе англичанъ, при чемъ все это совпало бы съ сильнѣйшими нападками недовольныхъ. Можетъ ли государь для отлучки со своего поста избрать часъ опасности? По мнѣнію Александра, разъ уже пропустили зиму, не давъ хода проекту, всего лучше было бы подождать до конца лѣта, по крайней мѣрѣ, до августа. Если это время будетъ принято, посланникъ долженъ получить полномочія установить съ царемъ точно день встрѣчи. Съ своей стороны Наполеонъ обяжется отправиться въ путь немедленно по полученіи извѣстія о выѣздѣ своего союзника. Это желаніе было немедленно внесено въ отправленную въ Байонну ноту, которая начиналась слѣдующей фразой: «Императоръ Александръ принимаетъ свиданіе безъ предварительныхъ условій» [2]).

Наполеонъ восторжествовалъ. Россія уступила ему въ вопросѣ о непосредственныхъ переговорахъ и отсрочила ихъ на столько, что позволяла ему сперва окончить покореніе Испаніи.

---

[1]) Донесеніе отъ 21 мая 1808 г.

[2]) Нота, приложенная къ донесенію отъ 21 мая 1808 г.; мы даемъ ее въ приложеніи, подъ цифрой III.

Онъ поспѣшилъ согласиться на прибывшее изъ Петербурга предложеніе. Тѣмъ не менѣе, не желая, чтобы Александръ прибылъ въ Эрфуртъ съ надеждами, которыя могли бы сдѣлать невозможнымъ всякое соглашеніе, онъ предупредилъ его, что его молчаніе на ноту Румянцева не должно быть принято за согласіе на всѣ территоріальныя требованія Россіи. Онъ написалъ ему объ этомъ и сверхъ того приказалъ Коленкуру, снабженному соотвѣтствующими инструкціями, на-словахъ подтвердить это; а такъ какъ царь пожелалъ узнать, по какимъ пунктамъ встрѣчалось затрудненіе, то предметомъ послѣдняго разговора сдѣлались Константинополь и Дарданеллы.

«Основы Румянцева, сказалъ посланникъ, хорошо устанавливаютъ долю Россіи, но не считаются съ чужими интересами. Константинополь такой важный пунктъ, что обладаніе имъ и выходомъ изъ Дарданеллъ сдѣлаетъ васъ вдвойнѣ господами всей торговли съ Востокомъ, даже съ Индіей. Ничего точно не опредѣляя, скажу, что основы проекта Румянцева не могутъ быть приняты.

Императоръ.—Константинополь по уходѣ турокъ будетъ только провинціальнымъ городомъ на окраинѣ имперіи. Наше географическое положеніе требуетъ, чтобы я владѣлъ имъ, потому что, если онъ будетъ принадлежать кому-либо другому, я не буду хозяиномъ у себя дома. Императоръ согласится, что для другихъ не будетъ никакого ущерба въ томъ, что я буду владѣть ключомъ отъ дверей моего дома.

Посланникъ. — Этотъ ключъ—въ то же время ключъ отъ дверей Тулона, Корфу, отъ всей міровой торговли.

Императоръ. — Но, вѣдь, можно составить такой договоръ, который гарантировалъ бы, что этотъ путь никогда не будетъ и не можетъ быть закрытъ для чьей бы то ни было торговли.

Посланникъ. — Если бы вы, Ваше Величество, царствовали вѣчно, такая гарантія могла бы имѣть огромную цѣнность; но предусмотрительность требуетъ, чтобы въ дѣлѣ, которое устанавливаетъ судьбы народовъ, Императоръ заручился всѣми возможными средствами для безопасности своей имперіи. Будетъ ли преемникъ Вашего Величества другомъ и союзникомъ Франціи? Можете ли вы, Ваше Величество, поручиться и за него? Румянцевъ составилъ долю Россіи такъ, чтобы она была хорошей и

надежной при всякомъ положеніи дѣлъ. Отъ всей души сочувствуя всему, что можетъ быть удобно и выгодно для Вашего Величества, Императоръ, однако, не можетъ въ дѣлѣ такой огромной важности приносить вамъ въ жертву интересы и безопасность Франціи. Все присвоить себѣ, не значитъ еще согласовать обоюдные интересы.

Императоръ.—Я ничего такъ не желаю, какъ сговориться; но въ то время, какъ вы получаете огромнѣйшую долю, въ то время, какъ всѣ выгоды этого великаго дѣла будутъ въ вашу пользу, нужно же и мнѣ получить то, что слѣдуетъ мнѣ по географическому положенію. Это, впрочемъ, гораздо меньше, чѣмъ вы думаете. Императоръ не можетъ желать Дарданеллъ. Можетъ быть, онъ хочетъ отдать ихъ кому-нибудь? Развѣ ему будетъ неудобно, если они будутъ моими?

Посланникъ. — Если вы, Ваше Величество, будете владѣть ими, вы будете у дверей Корфу и Тулона.

Императоръ. — Не ближе, чѣмъ вы у дверей Портсмута, а Англія у дверей Бреста и Шербурга.

Посланникъ. — Потому-то мы съ ней и соперники, даже въ мирное время. Вѣроятно, мы никогда и не будемъ друзьями, а, тѣмъ болѣе—союзниками. Позвольте мнѣ, Ваше Величество, замѣтить вамъ, что ваше сравненіе служитъ не въ пользу проекта Румянцева и именно въ силу вашего желанія, чтобы мы оставались друзьями. Для этого нужны только такія пріобрѣтенія, которыя не приносили бы ущерба ни вамъ, ни намъ. Согласно планамъ Румянцева, дѣйствительной силой на Востокѣ была бы Россія, новыя пріобрѣтенія которой непосредственно примкнули бы къ ея обширной имперіи. Стало быть, не было бы болѣе того равновѣсія, благодаря которому сохраняется миръ. Франція, которая пріобрѣтаетъ вдали отъ себя, Франція въ Дарданеллахъ, даже въ Константинополѣ—никому не страшна, потому что ея владѣнія будутъ отдаленной собственностью въ родѣ колоніи, тогда какъ въ рукахъ Россіи это будетъ грознымъ дѣломъ.

«Всѣ эти причины доказываютъ Вашему Величеству, что только при личномъ свиданіи можно примирить столь важные интересы. Это одно изъ тѣхъ великихъ соглашеній, по которымъ могутъ сговориться только государи.

Императоръ.—Съ этимъ я согласенъ; но я не хочу поставить мою страну въ болѣе затруднительное положеніе, чѣмъ

то, въ которомъ она находится теперь, благодаря своему сосѣдству съ турками. Если Францiя будетъ владѣть Дарданеллами, мы потеряемъ больше, чѣмъ выиграемъ» [1]).

Несмотря на отрицательный исходъ этого разговора, въ умѣ Александра наступило нѣкоторое успокоенiе съ тѣхъ поръ, какъ состоявшееся соглашенiе относительно способа и времени свиданiя на нѣкоторое время установило взаимное положенiе обоихъ дворовъ. Теперь Александръ жилъ съ мыслью, что его тревогамъ скоро наступитъ конецъ, что въ опредѣленный день онъ будетъ въ состоянiи откровенно разспросить Наполеона, проникнуть въ его планы и разгадать тайну политики, которая казалась ему все болѣе неопредѣленной и неустойчивой; онъ узнаетъ, наконецъ, можетъ ли союзъ превратиться въ дѣйствительность или онъ только обманчивый миражъ; вернется ли онъ изъ Эрфурта излеченнымъ отъ своего недовѣрiя или отъ своихъ надеждъ. Въ ожиданiи этого, хотя онъ и говорилъ о главномъ затрудненiи, но говорилъ объ этомъ съ меньшей горечью, иногда даже весело: «Сообщили ли вы Императору,—спросилъ онъ какъ-то Коленкура, говоря съ нимъ о Дарданеллахъ,—что Румянцевъ называетъ ихъ кошачьимъ языкомъ?»

Посланникъ.—Да, Государь. Я ничего не скрываю отъ Императора; это лучшiй способъ служить ему и въ то же время Вашему Величеству» [2]). Александръ не продолжалъ болѣе разговора. Онъ говорилъ, что свиданiе разсѣетъ всѣ сомнѣнiя, удовлетворитъ всѣ интересы; и, можетъ быть, онъ не притворялся, надѣясь на это. Быть можетъ, онъ предполагалъ, что Наполеонъ придумаетъ какое-нибудь непредусмотрѣнное и вѣрное средство для соглашенiя; что его генiй, для котораго нѣтъ невозможнаго, сдѣлаетъ чудо и примиритъ ихъ честолюбивыя стремленiя,—одинаково неустойчивыя, завистливыя и чрезмѣрныя.

Съ своей стороны, хотя Наполеонъ и скрывалъ или, по крайней мѣрѣ, облекалъ въ глубокую тайну свои окончательныя намѣренiя относительно условiй раздѣла, онъ надѣялся на успѣхъ отъ свиданiя и ожидалъ отъ него громадныхъ результатовъ. Точнѣе опредѣляя свои будущiе планы по мѣрѣ того, какъ затрудненiя настоящаго времени видимо устранялись съ его пути, онъ назначилъ на сентябрь время для встрѣчи, а на

[1]) Донесенiе Коленкура. 24 iюня 1808 г.

[2]) Id.. 10 iюля 1808 г.

октябрь начало великихъ операцій, которымъ предназначалось создать переворотъ въ восточномъ мірѣ отъ Дуная до Инда.

Онъ разсчитывалъ, что къ этому времени на Иберійскомъ полуостровѣ все будетъ кончено; что Испанія будетъ неразрывно связана съ его системой; что, вмѣсто причиняемыхъ хлопотъ, она окажетъ ему содѣйствіе: «Къ тому времени Испанія будетъ настолько организована, что, благодаря этому, моя тулонская эскадра увеличится на нѣсколько кораблей» [1]). Упорно оставаясь въ роковомъ ослѣпленіи, находя твердую опору своимъ заблужденіямъ въ той легкости, съ которой Бурбоны предались въ его руки, онъ думалъ, что отреченіе обоихъ принцевъ отдало въ его власть цѣлое королевство, и, на самомъ дѣлѣ, воображалъ, что, овладѣвъ подножіемъ Пиринеевъ, завоевалъ всю Испанію. Онъ думалъ, что самое бо́льшее, что придется сдѣлать его войскамъ,— это справиться съ какими-нибудь частичными единичными вспышками, съ какими-нибудь возстаніями отдѣльныхъ городовъ, въ родѣ того, которое онъ нѣкогда подавилъ на улицахъ Каира; что-нибудь въ родѣ возстанія горцевъ, съ которыми легко справилась въ Калабріи его неаполитанская армія. Что же касается народной массы,—онъ не сомнѣвался, что она подчинится ему и признаетъ новое правленіе; онъ уже считалъ этотъ результатъ какъ бы достигнутымъ и объявилъ о немъ съ высокомѣрнымъ оптимизмомъ: «Общественное мнѣніе въ Испаніи, сообщалъ онъ Камбасересу, складывается согласно моему желанію» [2]). Онъ остается еще шесть недѣль въ Байоннѣ, устраиваетъ передачу власти въ руки новаго правительства, заставляетъ офиціальную Испанію воздать своему брату королевскія почести, организуетъ подобіе народнаго представительства и предсѣдательствуетъ при вступленіи на престолъ новаго короля; но уже немедленно послѣ отъѣзда Карла IV въ Компіенъ, а Фердинанда въ Валенсію, онъ подготовляетъ предпріятія будущаго, вполнѣ увѣренный, что совсѣмъ покончилъ съ испанскими дѣлами. Испанія занимаетъ его уже менѣе, чѣмъ Востокъ.

Теперь онъ жаждетъ свѣдѣній о далекихъ странахъ Востока. Узнавъ, что въ Мадридѣ у нѣкоторыхъ правительственныхъ агентовъ сохраняются «въ большомъ количествѣ карты и бумаги о путешествіи по Египту, Африкѣ и Малой Азіи, предпринятомъ

[1]) Corresp., 13877.
[2]) Id., 13888.

послѣ 1803 г.»[1]), онъ приказываетъ отобрать всѣ эти документы, въ которыхъ, конечно, найдутся полезныя свѣдѣнія; они должны составить его личную часть изъ испанской добычи. Онъ приказываетъ начертить подробную карту Египта; приказываетъ отпечатать ее, но не опубликовывать; онъ желаетъ, чтобы она хранилась «подъ секретомъ, какъ государственная тайна, чтобы можно было раздать ее во время необычайныхъ событій» [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ предписываетъ снова взяться за дѣло, за безчисленныя приготовленія на всѣхъ пунктахъ имперіи. Мы видимъ, какъ, сквозь посылаемые изъ Байонны все болѣе точные, ясные, содержательные приказы, выступаетъ великій проектъ, начатый въ январѣ и февралѣ, какъ яснѣе обрисовываются его линіи и закрѣпляются контуры.

На сушѣ все готово. Рекрутскій наборъ 1809 г. *) далъ нашимъ арміямъ въ Италіи и Далмаціи подкрѣпленіе въ 80,000 человѣкъ; эти арміи должны будутъ по первому сигналу напасть на Европейскую Турцію. Наиболѣе существенная часть предпріятія, морская, поглощаетъ преимущественно вниманіе императора; онъ всякій день прибавляетъ къ ней новыя подробности. Онъ замышляетъ теперь вторженіе въ Индію и съ моря, совмѣстно съ крупными операціями, которыя будутъ выполнены на сушѣ. Онъ приказываетъ снарядить одинъ флотъ въ Лоріентѣ, другой въ Брестѣ [3]); они должны будутъ отправиться одинъ за другимъ, первый флотъ, какъ авангардъ второго, и высадить въ Индіи 18,000 человѣкъ въ то время, когда франко-русская армія, разрушивъ сперва на своемъ пути Турцію, придетъ къ Евфрату. Кромѣ двухъ экспедицій—сухопутной съ Востока и морской съ Запада Европы,—которыя, выйдя изъ двухъ крайнихъ пунктовъ нашей операціонной линіи, должны будутъ сойтись у одной общей цѣли, для главнаго нападенія предназначается большая эскадра Средиземнаго моря, которая будетъ состоять изъ французскихъ, русскихъ, итальянскихъ, испанскихъ и португальскихъ кораблей съ моряками всѣхъ національностей. Египетъ по-прежнему остается главной цѣлью его желаній, такъ какъ между останками

---

[1]) Corresp, 13857.

[2]) Id., 13940.

*) Вѣроятно, опечатка въ подлинникѣ, такъ какъ дѣло происходитъ въ 1808 г. (Прим. пер).

[3]) Id., 13877.

Порты императоръ прежде всего и неуклонно стремится захватить именно его и живетъ надеждой присвоить его себѣ. Его желаніе обнаруживается не только въ намекахъ и въ нѣкоторыхъ словахъ, разбросанныхъ въ его перепискѣ; оно проявляется и въ длинныхъ инструкціяхъ, въ которыхъ тщательно указаны условія предпріятія, количество потребныхъ людей, продолжительность переѣздовъ и пункты остановокъ.

Конечно, исполненіе этого плана остается пока подъ сомнѣніемъ, ибо возможно, что не удастся сговориться съ Россіей о раздѣлѣ, да къ тому же Наполеонъ еще не рѣшилъ безповоротно разрушить Оттоманскую имперію. Если заготовленныя силы не пойдутъ въ Египетъ, онѣ пойдутъ въ Алжиръ, Тунисъ или Сицилію, но эти предположенія остаются на второмъ планѣ. «Я разсуждаю въ предположеніи, что экспедиція предназначается для Египта» [1]), пишетъ Наполеонъ Декре, излагая подробно мѣры, которыя нужно принять для снабженія провіантомъ войскъ, и исчисляя издержки по экспедиціи. Къ военному министру Кларку, которому поручено собрать въ Тулонѣ необходимые запасы, онъ обращается со слѣдующей знаменательной фразой: «Чтобы лучше понять мою мысль, сравните то, о чемъ я васъ прошу, съ тѣмъ, что было у египетской арміи при высадкѣ» [2]). 13 мая онъ высказывается окончательно; онъ дѣлаетъ это въ длинной депешѣ къ морскому министру, касающейся установки взаимнаго соотношенія между всѣми предполагаемыми предпріятіями. Онъ указываетъ числа, когда должны будутъ сняться съ якорей флоты въ Лоріентѣ и Брестѣ, затѣмъ продолжаетъ: «Въ то же время я отправлю мою тулонскую эскадру взять 20,000 человѣкъ въ Тарентскомъ заливѣ и отвезти ихъ въ Египетъ... Совокупность этихъ операцій, прибавлялъ онъ, нагонитъ ужасъ на Лондонъ» [3]). За время своей карьеры онъ мечталъ уже о нападеніи на Англію въ Индіи по каждому изъ трехъ существующихъ путей, отдѣльно взятому: въ 1791 г. черезъ Суецъ; въ 1800 г., во время своего перваго сближенія съ Россіей, — черезъ центральную Азію, и—мимо Капштадта въ 1805 г. Въ настоящее время онъ хочетъ воспользоваться всѣми этими путями одновременно, сразу двинуть туда и армію и флотъ; онъ хочетъ опять начать

[1]) Corresp., 13997.
[2]) Id., 13924
[3]) Corresp., 13877.

египетскую экспедицію въ то самое время, когда его флотъ будетъ огибать Африку, и на границахъ Персіи объявить о смѣломъ походѣ, о которомъ мечталъ Павелъ I-ый.

Иногда онъ приводитъ своихъ министровъ и агентовъ въ смущеніе превосходящей всякую мѣру самонадѣянностью; они даютъ ему понять, что исполненіе его приказаній превосходитъ пониманіе и силы человѣка. Тогда онъ сердится и жестоко бранитъ ихъ: «Чтобы добиться успѣха, говоритъ онъ, не нужно быть Богомъ; но нужно преодолѣвать препятствія и исполнять мою волю, которая непреклонна» [1]). И, въ самомъ дѣлѣ, онъ хочетъ внушить всѣмъ окружающимъ его ту горячую дѣятельность, которая воодушевляетъ его самого, передать даже самому послѣднему французу частицу великаго пылающаго въ немъ огня. Онъ требуетъ отъ нихъ единодушнаго соревнованія въ усердіи, въ преданности, въ вѣрѣ въ успѣхъ, направленныхъ прямо или косвенно къ одной и той же цѣли. По его мнѣнію, чтобы добраться до Англіи въ самыхъ чувствительныхъ для нея мѣстахъ, нужно дѣлать видъ, что хочешь повсюду напасть на нее. Нужно готовиться не только въ Брестѣ, Лоріентѣ, Тулонѣ, Специи, гдѣ воздвигается другой Тулонъ, на Генуэзскомъ берегу, на всѣхъ пунктахъ, гдѣ формируются и откуда выйдутъ главныя экспедиціи, но и въ Голландіи, Булони, Дюнкирхенѣ, Гаврѣ, Шербургѣ, Рошфорѣ, Бордо, Ферролѣ, Коруньи, Лиссабонѣ и Картагенѣ, на береговомъ пространствѣ въ нѣсколько тысячъ лье, повсюду, гдѣ господствуетъ Франція. Пусть же во всѣхъ гаваняхъ, говоритъ онъ, дѣятельно возводятъ укрѣпленія, обучаютъ людей, строятъ корабли, формируютъ команды матросовъ; пусть непріятельскія эскадры, которымъ поручено наблюдать за нашими берегами и блокировать наши рейды, почувствуютъ, что выставленныя противъ нихъ силы вырастаютъ и готовятся къ дѣлу. Въ продолженіе лѣта наши эскадры и флотиліи должны быть готовы всякую минуту сняться съ якорей; онѣ будутъ переходить изъ одной гавани въ другую, «заведутъ игру въ барры» [2]) съ непріятельскими эскадрами, не дадутъ Англіи передохнуть и «загоняютъ ее до изнеможенія» [3]). При приближеніи рѣшительной минуты выступятъ на сцену диверсіи; возобновлен-

[1]) Id., 13877.
[2]) Corresp., 13873.
[3]) Id.

ное наступленіе нашихъ войскъ на Сѣверѣ, въ Сканію, задержитъ вниманіе англичанъ на Балтійскомъ морѣ; въ Флиссингенѣ будетъ стоять флотъ, въ Булони флотилія, опирающаяся на лагерь; тотъ и другая будутъ стоять по направленію къ Британскимъ островамъ. Въ Кадиксѣ, гдѣ уже находятся корабли Сенявина, будутъ собраны эскадры судовъ, и повсюду будутъ происходить вылазки, маневры, демонстраціи и «такая путаница въ операціяхъ, что врагъ не будетъ знать, не предназначается ли все это для десанта у его береговъ» [1]). Должна получиться такая всемірная угроза, которая дастъ возможность обмануть бдительность англичанъ на Средиземномъ морѣ и, можетъ быть, на океанѣ; позволитъ предупредить ихъ въ Египтѣ, въ Малой Азіи, можетъ быть, въ Индіи; позволитъ разрушить, по крайней мѣрѣ, позиціи, которыя защищаютъ ихъ имперію со стороны Ближняго Востока и служатъ преддверіемъ къ ней. Эта угроза позволитъ направить противъ нихъ ту подавляющую кампанію, въ которой подъ нашимъ начальствомъ будутъ сражаться всѣ арміи и весь флотъ Европы, и въ которой у императора французовъ главнымъ помощникомъ будетъ русскій царь.

Въ этой послѣдней борьбѣ, мѣстопребываніе главы арміи и флота, т.-е. императора, было точно опредѣлено. Императоръ намѣренъ быть въ Италіи, въ центрѣ движенія, недалеко отъ Сициліи, Греціи и Египта, между двумя бассейнами Средиземнаго моря,—между Западомъ, который онъ разсчитываетъ поднять, и—Востокомъ, который онъ хочетъ наводнить всѣми своими силами. 30 іюня, онъ объявляетъ вице-королю Евгенію, что перейдетъ Альпы въ октябрѣ или ноябрѣ [2]). Это увѣдомленіе подтверждаетъ ранѣе сказанную фразу Талейрана. «Какъ руководить такимъ сложнымъ движеніемъ?» — спросилъ у него Меттернихъ. — «Неужели вы можете думать, что въ этомъ дѣлѣ Императоръ откажется отъ своихъ обычныхъ правилъ?—отвѣтилъ князь.—Онъ будетъ всѣмъ руководить изъ Италіи» [3]).

Впрочемъ, въ то время, когда императоръ открываетъ леннымъ королямъ, министрамъ, генераламъ и администраторамъ только ту часть своихъ плановъ, исполненіе которой спеціально поручается каждому изъ нихъ, онъ даетъ Европѣ возможность пред-

[1]) Id., 13997.
[2]) Corresp., 14144.
[3]) Mémoires de Metternich, II, 148.

видѣть необычайныя событія и хочетъ, чтобы она подготовилась къ нимъ. Именно 19 іюня, въ депешѣ, отправленной дружественному саксонскому правительству, онъ обѣщаетъ миръ, но цѣной послѣдняго кризиса. Изложивъ, обычнымъ ему способомъ, черезъ посредство Шампаньи, паденіе Бурбоновъ и возведеніе на престолъ Жозефа, онъ даетъ понять, что эти событія служатъ только началомъ; что Англія, отказываясь отъ мира съ нимъ, вынуждаетъ его прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ; что она должна поторопиться уступить, если хочетъ спасти то, что остается отъ стараго европейскаго зданія. Изложивъ вкратцѣ исторію борьбы, которую онъ ведетъ съ ней на континентѣ путемъ разорительныхъ для нея мѣръ въ теченіе уже пяти лѣтъ, онъ указываетъ на грозную послѣдовательность въ своихъ предпріятіяхъ: «Если благоразумные люди, говорилось въ депешѣ, не возьмутъ верхъ въ британскихъ совѣтахъ, Англія подвергнетъ себя еще болѣе гибельнымъ событіямъ, чѣмъ всѣ тѣ, которыя до сихъ поръ имѣли мѣсто и которыя нужно поставить въ вину только ея правительству, желавшему войны и имѣющему безуміе безконечно тянуть ее. Событія, которыя совершатся въ будущемъ, будутъ имѣть такой характеръ и такіе размѣры, что Англійское государство или будетъ раздавлено, или же вынуждено будетъ войти въ надлежащія границы»... [1])

Между тѣмъ, въ то самое время, когда Наполеонъ предается своимъ грандіознымъ проектамъ и доводитъ ихъ до ясной и почти окончательной формы, вблизи него, но не доходя до его свѣдѣнія, начинается всеобщее возстаніе Испаніи, которое доказываетъ неосновательность его предположеній и вскорѣ разрушитъ всѣ его планы. За Пиринеями уже началась борьба между возставшимъ населеніемъ и нашими, болѣе чѣмъ слабыми, войсками, разбросанными на слишкомъ обширной территоріи. Эта война, благодаря ея ожесточенному, не знавшему жалости характеру, и жестокому вѣроломству, приводитъ въ замѣшательство нашихъ солдатъ. Со всѣхъ концовъ полуострова скачутъ къ императору адъютанты. Отправленные своими генералами, которые находятся въ критическомъ положеніи, они должны сообщить ему объ ихъ опасномъ положеніи и о крайней нуждѣ въ помощи; но для этого имъ нужно проѣхать черезъ возстав-

[1]) Archives des affaires étrangères, Saxe, suppléments, 6.

шіе города, подъ выстрѣлами партизановъ, засѣвшихъ въ засаду на ихъ пути; одни погибаютъ, другіе, вынужденные дѣлать большіе объѣзды, блуждаютъ изъ провинціи въ провинцію, повсюду натыкаются на мятежъ, съ трудомъ проскальзываютъ черезъ него и привозятъ въ Байонну только уже устарѣвшія извѣстія. Вся Испанія въ огнѣ, а Наполеону извѣстна только незначительная доля истины; онъ съ безпримѣрной самонадѣянностью продолжаетъ отдаваться заботамъ о приготовленіяхъ къ своимъ дальнѣйшимъ предпріятіямъ. 22 мая онъ пять разъ пишетъ Декрé; упрекаетъ его за медлительность и за возраженія; требуетъ, чтобы къ 15 августа въ Тулонѣ было пятнадцать французскихъ кораблей и чтобы Испанія прислала туда съ Балеарскихъ острововъ свой флотъ. Такъ какъ движеніе должно начаться изъ Картагены, то и слѣдуетъ, чтобы сперва онъ пришелъ туда. А въ этотъ самый день Картагена возстаетъ, избиваетъ французовъ, водружаетъ знамя Святого Фердинанда и подаетъ примѣръ всѣмъ испанскимъ городамъ. 26 мая Наполеонъ составляетъ планъ новой экспедиціи въ Египетъ, и 26 же мая возмущается Севилья, вторая столица Испаніи, учреждаетъ правительство и дѣлается центромъ возстанія. За день до этого Сарагосса провозгласила королемъ Фердинанда VII; нѣсколько дней спустя, Валенція слѣдуетъ ея примѣру; за ними идутъ Гранада, Бадагосъ, Корунья; на сѣверѣ возстали Астурія и Галиція съ одной стороны, Аррагонія съ другой, и идутъ на соединеніе въ тылу нашей арміи. Въ концѣ мѣсяца, хотя Наполеонъ и занимается дѣлами Испаніи, но все еще только для того, чтобы заставить ея военныя и морскія силы принять участіе въ своемъ военномъ предпріятіи. Онъ намѣревается двинуть ихъ на Гибралтаръ или въ Марокко, чтобы закрыть Англіи входъ въ Средиземное море, но, главнымъ образомъ, стремится увеличить флоты Кадикса и Лиссабона путемъ укомплектованія мѣстными средствами. Но ему неизвѣстно, что его корабли въ Кадиксѣ осаждены возставшими; что они чуть ли не завтра будутъ взяты въ плѣнъ; что на югѣ регулярныя войска перешли на сторону его враговъ, и что Испанія въ лицѣ *Верховнаго Совѣта* только-что объявила ему войну [1]). Оскорбленная въ своихъ національныхъ чувствахъ, въ своемъ національномъ достоинствѣ, вся нація поднялась; она хочетъ

[1]) См. Thiers, IX, à 43.

вцѣпиться въ бока побѣдителя, задержать его бѣгъ, парализовать его движенія и вызвать противъ него, вслѣдъ за борьбой королей, борьбу народовъ. Примѣръ Испаніи заражаетъ уже Германію, и австрійскій домъ, уступая общественному мнѣнію и боясь за свою собственную безопасность, готовится начать первую войну за германскую независимость. Послѣ непрерывнаго ряда побѣдъ, покрывшихъ его славой, но не давшихъ ему возможности успокоиться, Наполеонъ думалъ, что только одно послѣднее громадное и рѣшительное усиліе отдѣляло его отъ мира съ Англіей, котораго онъ такъ страстно желалъ и который долженъ былъ на прочныхъ началахъ установить его судьбу, упрочить его величіе и увѣнчать его дѣло, и вдругъ почва начинаетъ колебаться и уходить изъ-подъ его ногъ, самыя основы его могущества подкашиваются и рушатся.

ГЛАВА XI.

ИСПАНІЯ и АВСТРІЯ.

Наполеонъ слишкомъ поздно сознаетъ опасность испанскаго возстанія; онъ откладываетъ до 15 іюля приготовленія къ далекимъ экспедиціямъ.—Впечатлѣніе, произведенное въ Вѣнѣ байоннскими событіями; мѣры для спасенія имперіи—всеобщая мобилизація; Австрія вооружается.—Наполеонъ не хочетъ войны съ Австріей и старается ея избѣгнуть.—Роль, назначенная имъ Россіи.—Александръ старается быть любезнымъ и предупредительнымъ.—Его первыя обращенія къ Австріи.—Эрцгерцогъ Карлъ и испанская корона.—Россія признаетъ короля Жозефа.—Ненадежное положеніе полуострова.—Наполеонъ не отказывается вполнѣ отъ своихъ проектовъ на Востокѣ и въ Индіи; инструкціи по поводу Персіи; трудъ, возложенный на библіотекаря Барбье.—Путь римскихъ легіоновъ къ Евфрату.—Побѣда при Медина де Ріо-Секо; значеніе, которое Наполеонъ придаетъ ей.— Капитуляція при Байленѣ.— Громадное значеніе этого событія; всѣ разсчеты Наполеона сведены къ нулю.—Оно вызвало его гнѣвъ и причинило ему большое огорченіе.— Рѣзкая перемѣна фронта.— Онъ рѣшаетъ увести войска изъ Пруссіи и хочетъ представить эту мѣру, какъ удовлетвореніе, данное Россіи.— Какимъ пріемомъ пользуется онъ при сообщеніи царю о Байленской катастрофѣ. — Два курьера изъ Рошфора. — Корректное поведеніе царя.— Русскіе рекруты и солдаты Дюпона.— Царь не хочетъ угрожать Австріи и ограничивается осторожными предупрежденіями; причины его поведенія.-- Его слова и поступки.— Новая революція въ Константинополѣ. Убійство Селима. Визирь Байрактаръ.—Александръ назначаетъ день свиданія.— Онъ удваиваетъ свою предупредительность. — Толстой неисправимъ.—Слова Наполеона на охотѣ.—Сѣверные снѣга и благодатный климатъ Франціи.—Александръ подводитъ счетъ франко-русскому союзу.— Договоръ съ Пруссіей отъ 8 сентября.— Александръ требуетъ полнаго освобожденія Пруссіи и раздѣла Турціи.—Нѣжныя и настойчивыя письма къ Наполеону.—Вопросы, которые будутъ подлежать обсужденію въ Эрфуртѣ.

I.

Только въ концѣ іюня Наполеонъ впервые усмотрѣлъ въ дѣлахъ Испаніи серьезное препятствіе своимъ проектамъ относительно Востока и Индіи. Получивъ въ первую голову извѣстія о

волненіяхъ, происходящихъ вблизи нашихъ границъ, въ Аррагоніи, въ Каталоніи и Астуріи, онъ видѣлъ въ этомъ только проявленіе мѣстнаго фанатизма, вызваннаго монахами, поднявшими толпу, склонную къ безпорядкамъ; онъ все еще думалъ, что его войскамъ придется сражаться въ Испаніи не съ народомъ, а съ чернью, и что нѣсколько быстро и энергично нанесенныхъ ударовъ приведутъ все въ порядокъ. Онъ приказалъ направить колонны на главные пункты возстанія и спѣшно отправилъ подкрѣпленія по ту сторону Пиринеевъ. Первыя стычки были въ нашу пользу; но эти успѣхи только опредѣленнѣе выяснили силу и размѣры зла. Позади враговъ, которыхъ разсѣивали наши войска, они встрѣчали другихъ; имъ приходилось не мятежъ подавлять, а завоевывать королевство, провинцію за провинціей. На сѣверѣ Бессьеръ столкнулся съ регулярными войсками; на Эбро остановила насъ Сарагосса; въ королевствѣ Валенція (dans le royaume de Valence) Монсей, окруженный врагами, съ трудомъ подвигался впередъ; о Дюпонѣ, который рискнулъ вступить въ Андалузію, получались только краткія и рѣдкія извѣстія. Наполеонъ понялъ тогда, что подчиненіе Испаніи потребуетъ большого напряженія силъ, настоящей войны, и можетъ вынудить его отсрочить отдаленныя экспедиціи. Пока еще онъ не отмѣняетъ приказаній о приготовленіяхъ къ нимъ, но временно задерживаетъ приготовленія. «Я желаю, писалъ онъ Декре 28 іюня, чтобы вы испрашивали у меня новыхъ приказаній прежде, чѣмъ будете производить затраты, которыя будутъ напрасны, если не состоится брестская экспедиція...» Вслѣдъ за тѣмъ онъ прибавляетъ: «такъ какъ испанскія дѣла вотъ уже мѣсяцъ, какъ приняли довольно серьезный оборотъ, то можетъ случиться, что въ мои планы не войдетъ рисковать такимъ большимъ количествомъ силъ на моряхъ» [1]).

Болѣе ясныя указанія на необходимость пріостановиться на томъ пути, по которому онъ такъ энергично пошелъ, т. е. на пути приготовленій къ операціямъ на Востокѣ, онъ почерпнулъ въ извѣстіяхъ о настроеніи Австріи. Несмотря на его усилія улучшить отношенія съ вѣнскимъ дворомъ, тотъ и не думалъ отрекаться отъ своихъ предубѣжденій и ненависти. Разрывъ Австріи съ Англіей былъ только кажущимся: британскіе товары

---

[1]) Corresp., 14138. 14161.

по-прежнему доставлялись въ Тріестъ. Въ Вѣнѣ общество оставалось вѣрнымъ той антифранцузской коалиціи, которая имѣла дѣятельныхъ членовъ во всей европейской аристократіи, даже въ то время, когда правительства не принимали въ ней участія. Австрійская столица была очагомъ всемірной интриги. Что же касается кабинета, онъ, несмотря на свою слабость и раздоры, не мирился съ мыслью, будто Пресбургскій миръ навсегда установилъ судьбу монархіи. Онъ былъ въ отчаяніи, что въ 1807 г. упустилъ случай поправить свои дѣла. Недовольный другими и самимъ собой, сознавая свое одиночество, относясь съ недовѣріемъ ко всѣмъ и особенно къ Франціи, онъ подготовлялся къ рѣшительной борьбѣ. Онъ и желалъ войны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, боялся ея; онъ считалъ, что она должна неизбѣжно вспыхнуть, независимо отъ того, будетъ ли Австрія къ ней вынуждена или сама вызоветъ ее.

Со времени Пресбурга его главной заботой было возстановить и преобразовать военныя учрежденія имперіи по системѣ, отчасти заимствованной у Франціи, съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность располагать во время войны наличнымъ составомъ войскъ, который ни по качеству, ни по количеству не уступалъ бы нашимъ. Предложенія Наполеона и его слова по поводу Турціи вызвали въ Вѣнѣ только бóльшую осторожность. Рѣшивъ, если бы это оказалось безусловно необходимымъ, дѣйствовать на Востокѣ совмѣстно съ нами, соглашаясь взять нѣсколько оттоманскихъ провинцій и намѣтивъ ихъ заранѣе [1]), Австрія выставила на сербской границѣ нѣсколько корпусовъ, не переставая, однако, съ тревогой наблюдать за другими границами. Окруженная развалинами, видя, какъ все рушится вокругъ нея, она, изъ чувства самосохраненія, старалась быть готовой ко всему, и безостановочно вооружалась, не зная навѣрное, противъ кого и для какой цѣли.

Внезапно вспыхнувшія событія въ Испаніи дали ея опасеніямъ опредѣленное направленіе; паденіе Бурбоновъ отозвалось въ Вѣнѣ, какъ погребальный звонъ. Тамъ не сомнѣвались болѣе, что захватъ испанскаго трона былъ только началомъ борьбы, замышляемой Наполеономъ противъ всѣхъ законныхъ династій,

---

[1]) Beer, Die orientalische Politik Oesterreichs seit 1774, 172—173. Beer, Zehn Jahre oesterreichischer Politik, 305.

и что вслѣдъ за Бурбонами должна наступить очередь Габсбурговъ. Эта мысль, находившая опору въ тревожныхъ донесеніяхъ, присылаемыхъ Меттернихомъ изъ Парижа, въ продолжительномъ пребываніи нашихъ войскъ въ Германіи, особенно въ Силезіи, и въ воинственныхъ рѣчахъ нѣкоторыхъ офицеровъ великой арміи, вызвала въ Вѣнѣ настоящую панику, и заставила прибѣгнуть къ такимъ мѣрамъ, которыя употребляются только тогда, когда опасность угрожаетъ существованію государства. Страхъ, дошедшій до крайнихъ предѣловъ, вызвалъ у Австріи внезапный подъемъ энергіи и смѣлости. Она хотѣла безотлагательно завершить возстановленіе своихъ военныхъ силъ и ввела въ преобразовательныя, дѣйствительно полезныя, мѣры, нѣчто торопливое и лихорадочное, что существенно измѣнило ихъ характеръ. Въ продолженіе одного мѣсяца императоръ Францъ приказалъ: образовать резервъ, назначеніемъ котораго было пополнять дѣйствующую армію, уже доведенную до трехсотъ тысячъ; затѣмъ создать милицію, въ которую должны были войти всѣ, не взятые по набору. На бумагѣ къ 16 іюля все должно быть закончено; затѣмъ предполагалось приступить къ ученьямъ и маневрамъ, въ которыхъ должны были принять участіе въ полномъ составѣ резервъ и милиція; не довольствуясь созданіемъ громадныхъ силъ, отдали приказъ о мобилизаціи ихъ. Для того, чтобы сдѣлать разнымъ народамъ, входящимъ въ составъ монархіи, не очень чувствительнымъ столь тяжелое бремя, нашли нужнымъ разжечь ихъ страсти, пробудить или, лучше сказать, создать среди нихъ имперскій патріотизмъ. Прокламаціи, журнальныя статьи, путешествія высочайшихъ особъ,—ничто не было упущено. Говорилось о необходимости отвратить страшную опасность, о необходимости отразить всегда готоваго вести войну врага. Кто же могъ быть этимъ врагомъ, какъ не безжалостный побѣдитель 1805 г., ненавистный французъ? На кого же иного указывало правительство, отдавая приказанія о концентраціи войскъ противъ французскихъ лагерей въ австрійской Силезіи и о мѣрахъ исключительной обороны на западной границѣ? Стало быть, возбужденіе общественнаго мнѣнія было направлено противъ насъ. Когда распространился слухъ о разрывѣ, слѣдствіемъ котораго было быстрое пониженіе государственныхъ бумагъ, крики: «Смерть французамъ!» раздавались со всѣхъ сторонъ, и населеніе начало оскорблять нашихъ агентовъ. Наборъ

милиціи проходилъ восторженно, шумно и быстро. Не будучи ни угрожаема, ни серьезно вызвана на такія мѣры, Австрія приняла видъ лагеря, готоваго выступить въ походъ [1]).

Извѣстія о такомъ возбужденіи народныхъ страстей, доходившія до Наполеона со всѣхъ сторонъ,—изъ Вѣны, Дрездена, Мюнхена и Тріеста,—огорчили его. Никогда онъ не былъ такъ далекъ отъ мысли о войнѣ съ Австріей. Напротивъ, вовсе не думая о нападеніи на нее, онъ разсчитывалъ воспользоваться ея услугами. Теперь онъ понялъ, что вѣнскій дворъ, упорствуя въ своей враждебности къ нему, дѣлалъ разрывъ неизбѣжнымъ, даже помимо своего желанія, ибо его вооруженія вынуждали Францію къ тому же самому. Когда войска будутъ стоять другъ противъ друга, когда оба государства, глядя въ упоръ, будутъ слѣдить другъ за другомъ, неизбѣжно произойдутъ какія-нибудь изъ тѣхъ событій, которыя, мало обращая на себя вниманія въ мирное время, примутъ при подобныхъ обстоятельствахъ грозное значеніе. Отсюда произойдутъ непріятныя объясненія, угрозы, враждебныя демонстраціи и, наконецъ, война, которую скорѣе вызовутъ случайныя обстоятельства, чѣмъ заранѣе обдуманныя намѣренія правительствъ. Наполеонъ теперь же понялъ, что вынужденъ будетъ имѣть въ виду крайне-нежелательную, но, можетъ быть, весьма близкую вѣроятность новой войны съ Австріей одновременно съ многочисленными операціями въ Испаніи и, слѣдовательно, употребленіе, въ цѣляхъ защиты, не только великой арміи, но и тѣхъ итальянскихъ и иллирійскихъ силъ, которыя онъ берегъ для болѣе отдаленныхъ и продуктивныхъ предпріятій.

Когда онъ увидѣлъ, что, кромѣ Испаніи, осложненія надвигаются и со стороны Австріи, онъ затрясся отъ раздраженія и гнѣва, подобно тому, какъ это было въ 1805 г. въ булонскомъ лагерѣ, наканунѣ переправы черезъ проливъ, когда онъ подмѣтилъ признаки новой коалиціи и понялъ, что суша вскорѣ отвлечетъ его отъ океана. Въ 1808 г., побѣдивъ Европу вплоть до Нѣмана и устроивъ ее согласно своему желанію, онъ вернулся къ прерванному дѣлу, къ непосредственной борьбѣ съ Англіей; онъ подготовилъ противъ Англіи весьма сложныя и болѣе грозныя операціи, чѣмъ тѣ, о которыхъ мечталъ три года тому назадъ, и былъ увѣренъ, что нанесетъ ударъ своему врагу, если не въ самое сердце,

[1]) Archives des affaires étrangères, correspondance de Vienne, 1808. Id., de Bavière. Beer, Zehn Jahre oesterreichischer Politik, 308—337.

то, по меньшей мѣрѣ, въ его самыя жизненныя части. Всецѣло отдаваясь этой мечтѣ, онъ долгое время закрывалъ глаза на симптомы возмущеній, которые со всѣхъ сторонъ давали о себѣ знать. Теперь не было болѣе мѣста заблужденію; ему пришлось признать, что его дѣло на континентѣ опять разрушено и что важныя побочныя обстоятельства опять грозили вырвать изъ его рукъ Англію; что ему придется отказаться отъ намѣченной добычи и, можетъ быть, необходимо будетъ снова начать тѣ кампаніи въ Италіи и Германіи, ту нежелаемую имъ борьбу, въ которой онъ уже достаточно стяжалъ славы; опять приняться за рядъ ослѣпительныхъ, но безплодныхъ завоеваній, которыя кончались ничѣмъ, и гдѣ сама побѣда служила для него постояннымъ источникомъ новыхъ войнъ.

Тѣмъ не менѣе, въ началѣ іюля положеніе, повидимому, не было еще скомпрометировано безповоротно; казалось, что все можно было еще исправить. Въ Испаніи на-скоро сформированныя повстанческія арміи не обладали стойкостью регулярныхъ войскъ. Рядъ операцій, систематически и дружно проведенныхъ противъ нихъ съ достаточными силами, могъ почти немедленно покончить съ ними; могъ, благодаря перемѣнѣ военнаго счастья, отбить у мятежниковъ охоту къ ненависти и сломить энтузіазмъ, въ которомъ была вся ихъ сила. Развѣ возмущеніе, думалъ Наполеонъ, не было одной изъ тѣхъ внезапныхъ и мимолетныхъ вспышекъ пламени, которыя разгораются и потухаютъ съ одинаковой легкостью? Для успокоенія умовъ и всеобщаго умиротворенія онъ очень разсчитывалъ на пріѣздъ Жозефа въ Мадридъ, гдѣ Жозефъ явится передъ испанцами, какъ видимое доказательство и гарантія ихъ независимости. Поэтому-то, разсчитавъ, что новый король можетъ водвориться въ Мадридѣ до средины іюля, онъ и писалъ Декре́, что только 15 іюля онъ рѣшитъ, откажется ли онъ окончательно отъ морскихъ экспедицій или придется снова начать приготовленія [1]); къ этому времени положеніе полуострова выяснится и, быть можетъ, Испанія не будетъ болѣе служить препятствіемъ; можетъ быть, удастся снова овладѣть ею въ тотъ самый моментъ, когда она ускользала отъ Франціи и выступала противъ нея.

Быстрое и прочное умиротвореніе Испаніи можетъ заставить Австрію задуматься и остановитъ ее на пути къ рискованному предпріятію. Но нельзя ли было, думалъ Наполеонъ, теперь же

---

[1]) Corresp., 14138, 14161.

обратить ее на путь благоразумія и хладнокровія, навести на спасительныя для нея размышленія и указать на пропасть, въ которую она сама стремилась? Легко было бы доказать ей, что съ 1805 г. средства ея противъ Франціи, вопреки ихъ кажущимся размѣрамъ, не только не увеличились, а скорѣе уменьшились, и что, въ грозной партіи, въ которой она готовилась поставить на карту свое существованіе, хотя ея ставка въ игрѣ и сдѣлалась крупнѣе, ея шансы на успѣхъ ничуть не увеличились. У нея было больше войскъ, чѣмъ прежде, больше военныхъ припасовъ; она больше разсчитывала на преданность и рвеніе своихъ народовъ, но Пресбургскій миръ оставилъ безъ прикрытія ея имперію и со всѣхъ сторонъ обнажилъ ея границы. Сверхъ того, главное различіе было вотъ въ чемъ: въ 1805 г. она сражалась, опираясь на Россію, и имѣла въ Россіи неисчерпаемый источникъ средствъ; теперь же Россія будетъ дѣйствовать заодно съ Франціей и нападетъ на нее съ тыла. Правда, вѣнскій дворъ, плохо освѣдомленный о статьяхъ тильзитскаго соглашенія, не имѣя данныхъ для того, чтобы понять истинный характеръ отношеній Франціи къ Александру, разсчитывалъ на нейтралитетъ русскаго государя и надѣялся даже встрѣтить съ его стороны доброжелательное отношеніе, которое, какъ думали въ Вѣнѣ, будетъ возрастать по мѣрѣ хода военныхъ событій. Но нельзя ли разсѣять эти заблужденія, нельзя ли побудить Александра опредѣлить свое будущее поведеніе, огласить свои симпатіи и обязательства, и тѣмъ самымъ произвести на Австрію давленіе, которое парализовало бы ея дѣйствія? Не можетъ ли Россія прежде, чѣмъ стать въ нашихъ рукахъ грознымъ орудіемъ для нападенія на Англію, послужить драгоцѣннымъ оборонительнымъ средствомъ противъ покушеній нарушить нашъ покой? Не можетъ ли она замѣстить на-стражѣ въ Европѣ Францію? Эту-то роль и хотѣлъ Наполеонъ назначить ей до момента свиданія и теперь же хотѣлъ подготовить ее къ ней.

Онъ написалъ Коленкуру 28 іюня, затѣмъ 9 іюля, приказывая ему узнать мнѣніе царя о поведеніи Австріи и, если возможно, дать надлежащее направленіе его взглядамъ и чувствамъ. Императоръ французовъ, долженъ сказать нашъ посолъ, былъ глубоко удивленъ, узнавъ о вооруженіяхъ, о которыхъ говоритъ вся Европа. Не будучи въ ссорѣ съ Австріей, онъ не можетъ понять ихъ цѣли. Сверхъ того, принимаемыя ею мѣры угрожаютъ столько

же Россіи, сколько и Франціи. Императоръ имѣетъ тому доказательства, ибо онъ знаетъ, что вѣнская политика втайнѣ дѣйствуетъ на сербскихъ инсургентовъ съ цѣлью нанести ущербъ русскому вліянію въ Сербіи; что, въ виду такихъ обстоятельствъ, онъ готовъ условиться съ Александромъ, чтобы сообща предъявить правительству императора Франца требованія дать объясненія. Что же касается испанскихъ событій, то Наполеонъ усвоилъ себѣ особую манеру представлять ихъ царю, доходившую до того, что онъ ставилъ ихъ себѣ въ заслугу передъ Россіей. По его словамъ, паденіе Бурбоновъ съ послѣдовавшими вслѣдъ за тѣмъ безпорядками, открывая англичанамъ на Югѣ поле дѣйствій, отвлекало ихъ вниманіе и силы къ Иберійскому полуострову и лишало ихъ возможности помочь Швеціи; оно вынуждало ихъ покинуть Сѣверъ и, такимъ образомъ, облегчало операціи русскихъ войскъ на Сѣверѣ. Хотя покореніе Испаніи, приказываетъ сказать онъ, и требуетъ отъ Франціи нѣкоторыхъ усилій, но императоръ будетъ утѣшаться мыслью, что этимъ путемъ онъ избавляетъ отъ лишнихъ трудовъ своего союзника и что онъ жертвуетъ собой ради общаго дѣла. Наконецъ, чтобы окончательно расположить къ себѣ Россію, и при томъ, умѣя всегда искусно соразмѣрять свои уступки согласно обстоятельствамъ, онъ уполномочиваетъ Коленкура повторить обѣщаніе о вступленіи нашихъ войскъ въ Сканію,—жертва для него не трудная, ибо это движеніе, какъ мы видѣли, согласовалось съ общимъ направленіемъ его плановъ[1]).

Императоръ Александръ предупредилъ сообщенія, которыя долженъ былъ сдѣлать ему Коленкуръ. Онъ самъ заговорилъ объ Австріи и съ перваго же раза въ такихъ выраженіяхъ, которыя не оставляли желать ничего бо́льшаго. Всегда вѣрный поведенію, которое онъ себѣ намѣтилъ, онъ до свиданія не хотѣлъ причинять Наполеону ни малѣйшаго неудовольствія. Напротивъ, онъ воспользовался нашими затрудненіями, чтобы подчеркнуть свои чувства къ намъ и въ силу этого получить право на взаимность; онъ какъ бы кокетничалъ утонченной предупредительностью къ менѣе счастливому другу, въ надеждѣ увеличить столь великодушной деликатностью долгъ признательности, которымъ онъ хотѣлъ связать императора.

[1]) Донесенія Коленкура отъ 24 іюля и 8 августа 1808 г. Эти донесенія, отвѣчавшія по пунктамъ на инструкціи монарха, знакомятъ съ ними во всѣхъ ихъ частяхъ и часто приводятъ ихъ точныя выраженія.

Лишь только онъ узналъ о происходящихъ въ Вѣнѣ приготовленіяхъ, онъ сказалъ герцогу Виченцы: «Ссора Австріи съ вами можетъ привести ее только къ гибели. Для меня, искренняго друга и союзника императора Наполеона, Австрія не страшна» [1]). Нѣсколько дней спустя, узнавъ о прибытіи въ Тріестъ англійскаго корабля, который привезъ отъ инсургентовъ Сарагоссы предложеніе испанской короны эрцгерцогу Карлу, онъ счелъ нужнымъ предупредить Коленкура объ этомъ событіи, сопровождая свое сообщеніе увеличивавшими его цѣнность словами: «Если бы я, – сказалъ онъ,—состоя въ тѣсной дружбѣ и союзѣ съ императоромъ Наполеономъ, не сообщилъ ему чего либо, что можетъ имѣть для него значеніе, а тѣмъ болѣе о замыслахъ противъ него другихъ государей, я поставилъ бы себѣ это въ упрекъ. Когда до меня дойдутъ другія свѣдѣнія, вы убѣдитесь въ моемъ довѣріи къ вамъ: не пройдетъ и пяти минутъ, какъ вы будете знать ихъ. Я не понимаю, какъ можно быть союзникомъ или другомъ наполовину» [2]).

Соотвѣтствовало ли его поведеніе его увѣреніямъ? Когда Коленкуръ заговорилъ съ нимъ о предостереженіи по адресу австрійцевъ, онъ выразилъ желаніе не ускорять событій. Онъ сказалъ, что не вѣритъ въ нападеніе Австріи; что такой поступокъ съ ея стороны былъ бы безумнымъ, а безумія нельзя предполагать. Онъ неоднократно высказывалъ эту мысль, и въ этой напускной увѣренности не трудно было видѣть принятую имъ систему— на сколько возможно дольше уклоняться отъ такихъ поступковъ, на которые ему трудно было бы рѣшиться. Тѣмъ не менѣе, окончательный его отвѣтъ былъ тотъ, что императоръ, во всякомъ случаѣ, можетъ разсчитывать на него. Можно было думать, что, будучи съ нимъ болѣе настойчивымъ, болѣе выставляя передъ его глазами, какъ волшебную приманку, призракъ надежды на весьма близкое рѣшеніе восточнаго вопроса, можно было заставить его обратиться къ вѣнскому кабинету съ достаточно ясными словами [3]). Насчетъ Испаніи онъ менѣе стѣснялся, такъ какъ требовалась не матеріальная помощь, а только нравственная поддержка; онъ поспѣшилъ признать короля Жозефа, признавая тѣмъ самымъ предъ лицомъ Европы отреченіе Бурбоновъ.

---

1) Донесеніе Коленкура отъ 12 іюня 1808 г.

2) Письмо Коленкура отъ 20 іюля.

3) Донесеніе Коленкура отъ 24 іюля 1808 г.

Объ этомъ рѣшительномъ поступкѣ Россіи Наполеонъ зналъ еще 15 іюля, т. е., въ тотъ день, который онъ назначилъ, какъ срокъ для принятія рѣшенія относительно предпріятій за моремъ. Ему были извѣстны слова Александра только по поводу первыхъ сообщеній объ испанскихъ событіяхъ, а на основаніи ихъ онъ могъ только предполагать, что Александръ признаетъ Жозефа, но не могъ имѣть увѣренности. Что касается Австріи, то она продолжала вооружаться, но отрицала свои приготовленія; на цѣлый рядъ заявленій, предъявленныхъ французскимъ кабинетомъ, получались только уклончивые отвѣты. Положеніе въ Испаніи улучшалось, но вполнѣ еще не выяснилось. Первыя систематическія операціи французовъ не дали ожидаемаго Наполеономъ результата; рѣшительнаго успѣха, вопреки его предположеніямъ, до сихъ поръ не было. Король Жозефъ не могъ еще прибыть въ Мадридъ. Проѣзжая по дорогѣ, вдоль которой расположились мелкіе отряды враговъ, вынужденный принимать серьезныя предосторожности, окруженный войсками, которыя освѣщали мѣстность и охраняли его путь, онъ подвигался только шагъ-за-шагомъ; 15-го онъ не доѣхалъ еще до Бургоса. Глухая и нестройная борьба шла во всѣхъ частяхъ полуострова. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ брали верхъ наши войска; въ другихъ ошибочныя движенія скомпрометировали ихъ положеніе. Въ Аррагоніи и Каталоніи деревни подчинялись, города сопротивлялись; Монсей на востокѣ, Дюпонъ на югѣ вынуждены были только защищаться. Дюпонъ имѣлъ дѣло съ привыкшей къ войнѣ милиціей Кастаноза; на сѣверѣ было неизбѣжно столкновеніе между Бессьеромъ и астурійскими и галиційскими войсками подъ командой Ла-Гуэста, который шелъ, чтобы отрѣзать отъ Франціи наши вторгшіяся въ Испанію войска и лишить ихъ операціонной базы. Наполеонъ придавалъ громадное значеніе исходу этого столкновенія, вѣрилъ въ побѣду, но не считалъ ее вполнѣ обезпеченной, и исчислялъ шансы своихъ войскъ, какъ семьдесятъ пять на сто [1]).

Въ виду неопредѣленнаго положенія онъ не отдаетъ приказаній о возобновленіи приготовленій въ Брестѣ, Лоріентѣ, Тулонѣ, но и не отказывается окончательно отъ всего, о чемъ мечталъ и что обдумывалъ въ продолженіе шести мѣсяцевъ. Онъ все еще въ Байоннѣ. Тутъ, видя, какъ онъ все болѣе втягивается

[1]) Corresp.. 14184, 14191, 14192, 14193.

въ войну съ Испаніей, какъ силится неустаннымъ, сверхъестественнымъ трудомъ все исправить, все предусмотрѣть, упорядочить всѣ мелочи войны, кажется, что его только и занимаетъ это роковое дѣло, имѣющее, однако, въ его планахъ только второстепенное значеніе. Однако, на основаніи нѣкоторыхъ указаній слѣдуетъ признать, что великій проектъ все еще живетъ въ немъ, что онъ занимаетъ его и владѣетъ его умомъ. По крайней мѣрѣ, онъ продолжаетъ мечтать объ экспедиціи на Средиземномъ морѣ, продолжаетъ снабжать провіантомъ Корфу, «съ тѣмъ разсчетомъ, говоритъ онъ, чтобы знать заранѣе, на что можно разсчитывать, если бы потребовалось снабдить тамъ провіантомъ эскадру на два или три мѣсяца» [1]). Иногда его мысль переносится даже по ту сторону Средиземнаго моря, проникаетъ въ глубь Востока, останавливается въ долинѣ Евфрата, на пути въ Персію и Индію.

Онъ только-что получилъ записки о топографіи Персіи и о способахъ пройти черезъ нее, составленіе которыхъ было поручено Гардану. Онъ приказалъ Шампаньи «уложить ихъ тщательно въ отдѣльный ящикъ, чтобы въ случаѣ надобности можно было легко найти ихъ» [2]). Онъ предполагаетъ заняться этимъ дѣломъ въ Парижѣ, куда разсчитываетъ вернуться въ августѣ; пока же онъ приказываетъ, чтобы ему подготовили все необходимое для изученія вопроса, выписали бы изъ книгъ необходимыя свѣдѣнія и собрали географическія и историческія данныя; а такъ какъ въ поискахъ за образцами нужно было обратиться къ завоевателямъ древняго міра, то онъ приказываетъ сообщить ему, какимъ путемъ шли римскіе цезари, когда они гонялись съ своими легіонами за парѳянами и хотѣли завоевать Азію. Диктуя инструкціи для своего библіотекаря Барбье по поводу выбора книгъ, которыя ему желательно имѣть при себѣ во время путешествій, онъ приказываетъ прибавить слѣдующую замѣтку, которая выдаетъ его тайныя заботы: «Между прочимъ Императоръ желалъ бы, чтобы Барбье съ однимъ изъ лучшихъ нашихъ гео-

---

[1]) Corresp., 14180.

[2]) Corresp., 14124. Въ то же время императоръ приказывалъ сообщить Гардану свое удивленіе, что Персія еще не подписала мира съ русскими. „Повидимому, она тѣмъ болѣе должна желать его, добавляется въ депешѣ, что ей приходится поддерживать войну съ афганцами и, быть можетъ, заняться болѣе отдаленными экспедиціями“. 27 іюля 1808 г. Archives des affaires étrangères, Perse, vol. 10.

графовъ взялъ на себя слѣдующій трудъ: составить записки о походахъ на Евфратъ и противъ пареянъ, начиная съ похода Красса до седьмого столѣтія, включая сюда походы Антонія, Трояна, Юлія и т. д.; начертить на картахъ, надлежащаго размѣра, путь, по которому шла каждая армія, съ древними и новыми названіями странъ и главныхъ городовъ; дать географическія свѣдѣнія о территоріи и историческія описанія каждой экспедиціи, заимствуя ихъ изъ оригиналовъ» [1]).

Приказъ этотъ отъ 17 іюля. Въ этотъ же день императоръ узналъ о побѣдѣ при Медина де Ріо-Секо, которою закончилось ожидавшееся столкновеніе между Бессьеромъ и лучшими войсками возставшей Испаніи. Это было блестящее военное дѣло, въ которомъ стремительнымъ натискомъ трехъ дивизій были разсѣяны тридцать пять тысячъ враговъ. Въ первую минуту Наполеонъ приписалъ этому событію преувеличенное значеніе. «Никогда еще сраженіе не было выиграно при болѣе важныхъ обстоятельствахъ, пишетъ онъ, дрожа отъ радости; оно рѣшаетъ испанскія дѣла» [2]). Высказываясь столь рѣшительно, онъ слишкомъ преувеличивалъ — день Медины разрѣшалъ вопросъ только наполовину. Для обезпеченія полнаго успѣха нужно было, чтобы подобный же день повторился и на югѣ въ Андалузіи, нужно было, чтобы Дюпонъ разбилъ Кастаноза такъ же, какъ Бессьеръ Ла-Гуэста. Впрочемъ, Наполеонъ почти тотчасъ же понялъ это и перенесъ свои главныя заботы на андалузскую армію. Онъ послалъ ей подкрѣпленія, выразилъ желаніе, чтобы она двигалась быстрѣе, и съ замираніемъ сердца ждалъ бюллетеней о своихъ операціяхъ, надѣясь на вторую побѣду, которая бы уничтожила послѣднія регулярныя войска Испаніи и къ осени вернула бы ему свободу дѣйствій.

Вмѣсто того онъ узналъ о страшномъ бѣдствіи, о капитуляціи при Байленѣ. Дюпонъ, вынужденный отступить передъ препятствіями, поставленными ему природой, климатомъ, врагомъ, далъ себя окружить, не сумѣлъ ни маневрировать, ни успѣшно сражаться, отдался на волю побѣдителей, сдавъ людей, ружья, пушки, знамена и покрывъ наше оружіе первымъ позоромъ. Послѣдствія этой катастрофы немедленно дали себя почувствовать. Жозефъ, уже пріѣхавшій въ Мадридъ, но считая невозможнымъ въ немъ удержаться, отступилъ до Витторіи; французы,

---

[1]) Corresp., 14207. Cf. Thibaudeau III, 565 à 567.

[2]) Corresp., 14210. Cf les n-os 14212, 14213, 14215 et 14217.

еще недавно владѣвшіе всей Испаніей, отхлынули къ подножію Пиринеевъ и укрылись между горами и Эбро, окруженные со всѣхъ сторонъ бушующей волной возстанія. Отступая, наши войска покинули въ Португаліи Жюно, и, оставивъ его безъ поддержки, подвергали участи Дюпона; Францiя могла лишиться обѣихъ эскадръ, какъ въ Кадиксѣ, такъ и въ Лиссабонѣ; а на нихъ возлагалось столько надеждъ. Англія, вмѣсто того, чтобы ждать нападенія, которымъ угрожалъ ей Наполеонъ въ самыхъ отдаленныхъ ея владѣніяхъ, высадила одну армію въ Португаліи, другую въ Галиціи, направилась къ нашимъ южнымъ границамъ и перешла въ наступленіе.

Много говорилось о негодованіи императора при извѣстіи о Байленѣ и объ ужасной вспышкѣ его гнѣва. «Тутъ у меня пятно», говорилъ онъ, кладя руку на свой сюртукъ [1]); его честь солдата, его гордость француза жестоко страдали при мысли, что люди, побѣдившіе при Іенѣ и Фридландѣ, оказались малодушными. Его достоинство, какъ политика и главы имперіи, страдало не менѣе. Такъ какъ только ему одному были извѣстны многочисленныя, тайныя и сложныя пружины, съ помощью которыхъ онъ дѣйствовалъ на столько націй и заставлялъ ихъ служить своимъ цѣлямъ, то только онъ одинъ и могъ понять, до какой степени вѣсти о неудачѣ въ Испаніи разстроятъ и перепортятъ всѣ эти пружины. Онъ одинъ могъ понять размѣры своего несчастья. За непосредственными слѣдствіями пораженія, видимыми для всѣхъ, онъ усматривалъ другія, недоступныя массѣ, и учитывалъ ихъ грозное значеніе — вотъ гдѣ лежала одна изъ причинъ той ярости и скорби, того горя «поистинѣ сильнаго» [2]), которыми дышали всѣ его письма. Въ потерѣ трехъ дивизіоновъ Дюпона, въ послѣдовавшемъ затѣмъ отступленіи къ Эбро, онъ видѣлъ не только ударъ, нанесенный незапятнанной славѣ нашихъ знаменъ, ударъ его собственной славѣ непобѣдимаго, тому престижу, который составлялъ часть его силы, но, сверхъ того, онъ видѣлъ крушеніе всѣхъ своихъ плановъ, какъ наступательныхъ, такъ и оборонительныхъ. Результатомъ Байлена была, прежде всего отсрочка на неопредѣленное время тѣхъ обширныхъ операцій на

---

[1]) Намъ извѣстны эти слова отъ внука одного изъ тѣхъ людей, которые вполнѣ заслужили и пользовались довѣріемъ императора.

[2]) Corresp., 14243. Voy. aussi les n-os 14242, 14244, etc.

Востокѣ и на моряхъ, за которыми онъ видѣлъ миръ съ Англіей и конецъ великой распри; благодаря тому же Байлену, становилось возможнымъ возстаніе противъ него всего континента; благодаря ему, созданная имъ имперія повсюду подвергалась угрозѣ нападенія.

Наканунѣ капитуляціи императоръ былъ хозяиномъ Европы. Властный покровитель второстепенныхъ государствъ, онъ, благодаря своей великой арміи, какъ въ тискахъ сжималъ Германію и Пруссію, рукой Россіи держалъ въ бездѣйствіи Австрію, и приковывалъ Россію къ своей судьбѣ, обѣщая ей сдѣлать ее участницею при выполненіи своихъ плановъ относительно Турціи и при раздѣлѣ оттоманскихъ владѣній. На другой день послѣ Байлена все измѣнилось. Для вторичнаго завоеванія полуострова нужно было вызвать изъ Германіи часть нашихъ войскъ, освободить Пруссію отъ нашихъ объятій, т. е., дать ей возможность сдѣлать попытку приподняться и напасть на насъ съ тылу; Австрія, вполнѣ вооруженная, повидимому, ждала только случая, чтобы выступить на сцену; такой случай она найдетъ въ перемѣнѣ фронта нашихъ войскъ, а, чтобы сдержать ее, Россія могла и не оказать намъ помощи. Уже теперь наши неудачи давали себя чувствовать на Сѣверѣ и угрожали испортить отношенія съ Александромъ. Испанскія войска Ла-Романа,—составлявшія авангардъ Бернадота и уже занимавшія датскіе острова, ожидая, когда можно будетъ высадиться въ Швеціи,—при извѣстіи объ успѣшныхъ дѣйствіяхъ ихъ соотечественниковъ, возстали противъ насъ, перешли на сторону врага, просили англійскій флотъ отвезти ихъ на родину и хотѣли принять участіе въ дѣлѣ ея освобожденія. Ихъ измѣна лишила Бернадота необходимыхъ силъ для выполненія его задачи; движеніе въ Сканію, которое до сихъ поръ задерживалось умышленно, становилось невыполнимымъ; а, извѣстно, какую цѣну придавалъ Александръ этой диверсіи. Сверхъ того, Наполеонъ, вынужденный отложить свой походъ въ Турцію, не могъ уже предлагать Россіи той главной и необычайной выгоды, которой она ждала отъ нашего союза. Великій договоръ, подготовляемый уже полгода между обоими императорами, не могъ состояться за отсутствіемъ предмета договора. Наполеонъ чувствовалъ, какъ одновременно ускользали у него средства сдержать его враговъ и упрочить за собой корыстную вѣрность своего союзника.

II.

Вынужденный измѣнить всѣ свои планы, Наполеонъ быстро примѣняется къ новому положенію и принимаетъ рѣшеніе безъ колебаній, какъ онъ это дѣлалъ на полѣ битвы. Прежде всего нужно дѣйствовать, какъ можно быстрѣе; нужно перебросить въ Испанію достаточное количество войскъ, чтобы, во что бы то ни стало, поправить тамъ наши дѣла и отомстить за наши знамена. Наполеонъ намѣревается отозвать съ Сѣвера три корпуса великой арміи и перенести ихъ съ Одера на Эбро. Съ остальными онъ, пожалуй, могъ бы удержать нѣсколько прусскихъ провинцій; но, вынужденный къ нѣкоторой жертвѣ на Сѣверѣ, онъ не думаетъ останавливаться на полдорогѣ, имѣя въ виду получить въ другихъ мѣстахъ обширныя выгоды. Онъ рѣшаетъ совсѣмъ очистить отъ войскъ Пруссію, покончить съ ней распрю, вернуть ей существованіе, и эта мѣра, вызванная отчасти требованіями войны, ляжетъ у него въ основу новой политической комбинаціи.

Онъ дастъ знать о своемъ рѣшеніи въ Кенигсбергъ только послѣ того, какъ сообщитъ о немъ въ Петербургъ; онъ представитъ его императору Александру, какъ знакъ личнаго къ нему довѣрія, придастъ ему характеръ заслуги передъ царемъ и воспользуется этимъ, чтобы удержать его въ своихъ рукахъ. Памятуя, что со времени Тильзита въ его сношеніяхъ съ Петербургомъ на первомъ планѣ стоятъ два вопроса, восточный и прусскій, и, уже не зная, какъ справиться съ первымъ, онъ возвращается ко второму, который онъ оставлялъ подъ сукномъ въ теченіе полугода; онъ снова берется за него, но уже для того, чтобы рѣшить его въ направленіи благопріятномъ Россіи и освободить ее отъ непріятнаго присутствія нашихъ войскъ въ Силезіи и на Одерѣ. Благодаря этой, такъ часто требуемой, столь горячо желаемой уступкѣ, можетъ быть, Александръ согласится своимъ твердымъ поведеніемъ внушить страхъ не только Пруссіи и Германіи, но и оказать болѣе сильное давленіе на Австрію, и сдержитъ ее. Можетъ быть, такимъ путемъ можно будетъ добиться отъ Австріи гарантій, которыя обезпечатъ спокойствіе центральной Европы на то время, пока Франція займется покореніемъ Испаніи. Затѣмъ, когда наступитъ время опредѣленно

поставить турецкій вопросъ, т. е., время свиданія, Наполеонъ приметъ рѣшеніе, смотря по обстоятельствамъ, и постарается примирить требованія Россіи съ французскими интересами и съ новыми требованіями современнаго положенія.

Чтобы удался этотъ планъ, слѣдовало приводить его въ исполненіе искусно, тактично и осторожно. Съ такимъ государемъ, какъ Александръ, довѣріе и вниманіе могутъ сдѣлать многое; наоборотъ, онъ можетъ оскорбиться, если только ему покажется, что ему ставятъ условія или торгуются съ нимъ. Итакъ, важно было не давать ему замѣтить слишкомъ тѣснаго соотношенія между нашими уступками и просьбами, просить о содѣйствіи только послѣ уступокъ и придать услугамъ, оказываемымъ другъ другу обоими императорами, такой видъ и такое значеніе, какъ будто они исходили лично отъ нихъ самихъ.

Съ этой цѣлью Наполеонъ весьма искусно распредѣлилъ свои сообщенія. О Байленѣ онъ узналъ 2 августа въ Бордо, когда, возвращаясь изъ Байонны въ Парижъ, осматривалъ на своемъ пути наши юго-западные департаменты; 5-го, изъ Рошфора, онъ отправляетъ къ Коленкуру перваго курьера, который долженъ спѣшить, дабы опередить въ Петербургѣ вѣсти изъ Испаніи.

По полученіи этого сообщенія, Коленкуръ долженъ ограничиться извѣщеніемъ царя, что императоръ рѣшилъ примириться съ Пруссіей и вернуть королю въ пользованіе его владѣнія; что, возымѣвъ эту мысль, онъ счелъ долгомъ сообщить ее прежде всего своему союзнику, дабы доставить ему удовольствіе объявить въ Кенигсбергѣ счастливую вѣсть. Въ случаѣ надобности, можно будетъ сказать Александру, что Франція, не довольствуясь эвакуаціей Пруссіи, выведетъ одновременно свои войска и изъ Варшавы; что она окончательно отступитъ на лѣвый берегъ Эльбы и тамъ намѣтитъ границу своей власти. Однако, посланникъ долженъ дать второе обѣщаніе только въ томъ случаѣ, если признаетъ это полезнымъ; онъ, какъ и при первомъ обѣщаніи, не долженъ дѣлать ни малѣйшаго намека на Испанію. Съ другой стороны, такъ какъ Коленкуру было уже поручено просить сдѣлать предостереженіе Австріи и такъ какъ онъ усердно работалъ въ этомъ направленіи, Наполеонъ, не предписывая ему болѣе усиленныхъ настояній, предоставилъ ему идти настойчиво по этому пути.

6 августа, двадцать четыре часа спустя послѣ перваго курьера, уѣзжаетъ изъ Рошфора второй, имѣя мѣстомъ своего назначенія наше посольство въ Россіи. Предполагая, что о постигшемъ его

въ Испаніи несчастьѣ уже извѣстно, Наполеонъ ставитъ на первомъ мѣстѣ то, что должно особенно интересовать русскихъ, т. е., опасность для ихъ флота, стоявшаго въ Лиссабонѣ. Онъ даетъ понять, какъ близко къ сердцу принимаетъ онъ судьбу кораблей Сенявина, и посылаетъ по поводу ихъ успокоительныя свѣдѣнія, къ несчастью, слишкомъ скоро опровергнутыя событіями. Посланникъ долженъ сказать, что, при извѣстіяхъ съ Юга, первой мыслью его государя была мысль о русскомъ флотѣ; что генералъ Жюно, прикрывающій его главными силами своей арміи, находится въ трудномъ положеніи вслѣдствіе измѣны испанскихъ войскъ, которыя должны были оказывать ему содѣйствіе; но что въ самомъ непродолжительномъ времени ему будетъ оказана помощь, да къ тому же и память о горѣ Таборъ ручается за то, что Жюно знаетъ, что̀ предпринять въ минуту опасности. Объ общемъ положеніи посланникъ долженъ говорить спокойно; онъ признаетъ, что положеніе серьезно; но прибавитъ, что императоръ остается хозяиномъ положенія и удерживается на всѣхъ мѣстахъ. Пока еще онъ долженъ ограничиться осторожными намеками, что Россіи, быть можетъ, представится случай оказать намъ услугу и исполнить свои обязанности союзницы. Онъ скажетъ, что императоръ настолько хорошо знаетъ, чего онъ можетъ ожидать отъ Россіи, что даже совершенно не упоминаетъ объ этомъ въ своемъ письмѣ [1]).

Только 20 августа, вернувшись въ Парижъ и, съ своей стороны, дѣйствуя энергично на вѣнскій дворъ, Наполеонъ въ депешѣ отъ Шампаньи къ Коленкуру офиціально проситъ у Россіи параллельныхъ шаговъ. Отъ Австріи онъ ждетъ не словъ и не безплодныхъ увѣреній, а дѣла, доказательства ея прямодушія, публичнаго заявленія, которое будетъ тѣмъ убѣдительнѣе, чѣмъ тягостнѣе оно для ея гордости и ея предразсудковъ. Пусть императоръ Францъ признаетъ Жозефа испанскимъ королемъ, а Мюрата королемъ неаполитанскимъ; пусть онъ дастъ согласіе на новое распредѣленіе коронъ, состоявшееся въ силу приказа Наполеона; пусть онъ тотчасъ же, не заставляя себя просить, по своей доброй волѣ, рѣшится на это. Этимъ путемъ онъ откажется отъ всякаго единомыслія съ инсургентами и Англіей; покажетъ, что

[1]) Письма и донесенія Коленкура отъ 24 26 и 28 августа 1808 г., въ которыхъ содержится отчетъ о его поступкахъ, согласно инструкціямъ императора.

не боится открыто присоединиться къ нашему дѣлу и скомпрометировать себя общенiемъ съ нами; именно къ такому изъявленiю спасительной покорности должны привести усилiя Россiи совмѣстно съ нашими.

Чтобы побудить Александра дѣйствовать, Коленкуръ долженъ прибѣгнуть къ двумъ доводамъ,—и тотъ и другой такого свойства, что могутъ произвести впечатлѣнiе на русскаго государя. Сперва онъ дастъ понять, что, если императоръ не будетъ немедленно успокоенъ относительно намѣренiй Австрiи, онъ, не долго думая, предупредитъ ее, нападетъ на нее со всѣми своими силами и раздавитъ ее до возобновленiя борьбы съ Испанiей. Но такой новый переворотъ въ Европѣ не въ интересахъ Россiи, съ какой бы точки зрѣнiя она ни смотрѣла на это дѣло. Затѣмъ, онъ укажетъ, что, невзирая на величайшее желанiе императора вывести войска изъ Пруссiи, развѣ можетъ онъ исполнить свои добрыя намѣренiя, если армiи эрцгерцоговъ будутъ угрожать ему въ Богемiи, Моравiи и на Дунаѣ. Въ подобномъ случаѣ стратегiи должно быть отдано предпочтенiе передъ политикой,—наши войска должны будутъ оставаться въ Силезiи ради сохраненiя выгодной позицiи на флангѣ ихъ будущаго противника. Слѣдовательно, отъ Александра зависитъ, принудивъ Австрiю занять мирное положенiе, устранить всякое препятствiе въ дѣлѣ освобожденiя Германiи [1]).

Благодаря необычайной быстротѣ, съ какой ѣхалъ первый гонецъ Наполеона съ извѣстiемъ о проектѣ эвакуировать Пруссiю, онъ прибылъ къ мѣсту своего назначенiя въ семнадцать дней. Царь принялъ его, какъ желаннаго, неожиданнаго гостя. Уже давно Александръ ни слова не говорилъ о Пруссiи; но сколько разъ въ его разговорахъ съ Коленкуромъ имя этого несчастнаго государства готово было сорваться съ его губъ! Никогда еще въ такой степени, какъ теперь, подобно угрызенiямъ совѣсти, не тревожило его присутствiе нашихъ войскъ въ Берлинѣ, а присутствiе ихъ въ Варшавѣ являлось въ его глазахъ опасностью для него самого. Узнавъ, что Гогенцоллернскiй домъ вскорѣ будетъ возстановленъ въ своихъ правахъ, онъ заключилъ изъ этого, что Польша будетъ

---

[1]) Депеша Шампаньи отъ 20 августа 1808 г. была опубликована Bittard des Portes въ Revue d'Histoire diplomatique, I-er janvier 1890.

покинута и предоставлена своей участи, хотя со стороны Коленкура и не было формальнаго заявленія о возможности такого исхода дѣла. Поэтому это доставило ему облегченіе вдвойнѣ. «Это для меня неоцѣнимо!» воскликнулъ онъ, и намекнулъ, что, если бы участь прусской королевской четы не была заранѣе рѣшена, ему неминуемо пришлось бы выслушивать жалобы въ Кенигсбергѣ во время своего проѣзда на свиданіе. «По крайней мѣрѣ, сказалъ онъ, когда я увижу этихъ людей, они не будутъ въ отчаяніи» [1]). Онъ, повидимому, былъ чрезвычайно тронутъ тѣмъ, что императоръ захотѣлъ избавить его отъ такого испытанія.

Въ теченіе первыхъ дней царь приписывалъ это неожиданное великодушіе императора чувству признательности, вызванному у Наполеона поспѣшностью, съ которой онъ призналъ Жозефа; онъ радовался, что уже простая демонстрація дала такіе результаты. Однако, тревожные слухи о нашемъ положеніи въ Испаніи, распространяемые злонамѣренными людьми и переходя изъ одной гостиной въ другую, начали мало-по-малу принимать характеръ дѣйствительно совершившихся фактовъ. Вскорѣ стало извѣстно, что Франція потеряла армію, а король Жозефъ столицу. Слишкомъ умный, чтобы не уловить очевидной связи между этими событіями и уступками императора, Александръ скрылъ, что замѣтилъ эту связь: его, уже менѣе искренняя, благодарность была все такой же экспансивной. Вмѣстѣ съ тѣмъ его удивительное умѣнье держать себя заставляло молчать нашихъ враговъ и не позволяло имъ слишкомъ шумно выражать свою радость. Онъ дѣлалъ видъ, что огорченъ нашими неудачами, любезно выслушивалъ объясненія Коленкура и старался умалять значеніе событія. Если онъ и возвращался иногда къ этому тягостному вопросу, то только потому, что слишкомъ большая сдержанность могла бы показаться неестественной. Онъ нѣсколько разъ говорилъ объ Испаніи, но дѣлалъ это тактично, всегда кстати, избѣгая тѣхъ тягостныхъ утѣшеній, которыя только усиливаютъ горе, вмѣсто того, чтобы его смягчить, и нѣжной рукой перевязывалъ раны нашего самолюбія. Къ его соболѣзнованіямъ всегда примѣшивались слова надежды и утѣшенія. Онъ приписывалъ пораженіе Дюпона слишкомъ по-

---

[1]) Письмо Коленкура императору, 28 августа 1808 г.

спѣшному формированію его арміи и недостаточному воспитанію молодыхъ войскъ; говорилъ, что, возвратясь во Францію послѣ капитуляціи, они быстро вернутъ себѣ вѣру въ свои силы и найдутъ случай загладить свой позоръ. Однажды, присутствуя съ Коленкуромъ на парадѣ, онъ сдѣлалъ смотръ нѣкоторымъ батальонамъ, составленнымъ изъ рекрутовъ, маршировка и выправка которыхъ оставляла многаго желать. Наклонясь къ посланнику, онъ сказалъ: «Вотъ и эти солдаты похожи на армію Дюпона; но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ они будутъ лучше и будутъ сражаться рядомъ съ войсками Дюпона тамъ, гдѣ потребуютъ этого наши общіе интересы» [1]). Какъ и всегда, онъ говорилъ на свою любимую тему: «Что въ тяжелую минуту Императоръ всегда найдетъ его подлѣ себя» [2]).

Подобныя увѣренія нерѣдко доставляли Коленкуру удобный случай указать царю на то, что наступило благопріятное время дать Франціи непреложное доказательство его привязанности и симпатіи къ ней. Заговорить съ Австріей суровымъ тономъ, говорилъ онъ, развѣ не было самымъ лучшимъ средствомъ послужить нашему дѣлу въ Испаніи? Посланникъ нѣсколько разъ высказывалъ эту мысль, но первое время получалъ только такіе отвѣты, изъ которыхъ видно было, что царь затрудняется сказать что-нибудь опредѣленное. Да иначе и быть не могло. Наводя разговоръ на эту тему, онъ затрагивалъ самыя деликатныя и самыя щекотливыя стороны русской политики, то сложившееся въ умѣ Александра представленіе о международномъ положеніи Россіи, откуда вытекали его тайныя опасенія и упованія.

Конечно, Александръ боялся новой войны между Франціей и Габсбургскимъ домомъ; она привела бы его въ ужасъ, ибо доставила бы императору предлогъ отсрочить всякое дѣло на Востокѣ; она могла повлечь за собой гибель Австріи и, уничтожая промежуточное между Франціей и Россіей государство, поставить Россію въ грозное соприкосновеніе «съ чрезмѣрнымъ господствомъ» [3]). Его искреннимъ желаніемъ было, чтобы вѣнскій дворъ былъ предупрежденъ и удержанъ отъ рискованныхъ предпріятій. Къ несчастью, его вѣра во франко-русскій союзъ не была настолько сильна, чтобы позволить ему не заботиться о добрыхъ отноше-

[1]) Коленкуръ императору, 4 сентября 1808 г.

[2]) Донесеніе отъ 26 августа.

[3]) De Maistre. 318.

ніяхъ съ Австріей. Онъ сознавалъ, что, если въ Эрфуртѣ не установится соглашеніе съ нами, ему неизбѣжно придется обратиться къ ней; что ему крайне выгодно сохранить возможность снова сойтись съ своей вчерашней союзницей и сдѣлать изъ нея будущаго своего помощника. Австрія, стѣснявшая его на Востокѣ, оставалась не только полезной, но даже могла сдѣлаться необходимой въ Европѣ. Со времени Тильзита, у него были съ ней холодныя отношенія, но не было разрыва; она нѣсколько разъ шла навстрѣчу его желаніямъ и еще недавно предложила Россіи, подъ видомъ посредничества въ Константинополѣ, свое содѣйствіе въ дѣлѣ пріобрѣтенія княжествъ [1]). Александръ, избѣгая всего, что могло бы оскорбить императора Наполеона, любезно отклонилъ ея предложенія. Однако, это не мѣшало агентамъ царя при иностранныхъ дворахъ, въ силу традицій и личныхъ взглядовъ и склонностей, выслушивать жалобы своихъ австрійскихъ коллегъ, помогать имъ и дѣйствовать заодно съ ними; напротивъ, такое поведеніе, повидимому, противорѣчащее намѣреніямъ ихъ государя, до нѣкоторой степени служило его интересамъ, облегчая ему сближеніе съ Францомъ I-мъ. Благодаря такимъ косвеннымъ сношеніямъ съ Австріей, Россія поддерживала связь съ коалиціей. Могла ли она пойти на непоправимые поступки, порвать эту послѣднюю связь, эту почти невидимую нить, благодаря которой она могла найти опять свой естественный путь и снова вступить на него въ томъ случаѣ, если бы ей пришлось признать безполезность и опасность союза съ Франціей? Сверхъ того, ссылаясь на то, что Австрія угрожаетъ ему, не искалъ ли Наполеонъ только предлога, чтобы напасть на нее и уничтожить? Не было ли въ его просьбахъ другой цѣли, кромѣ желанія заручиться навѣрное содѣйствіемъ Россіи? Уступая ему, не позволитъ ли Россія вовлечь себя въ преступное предпріятіе, которое будетъ началомъ ея собственнаго разгрома? «Разгромъ Австріи, писалъ Толстой, долженъ быть разсматриваемъ, какъ предвѣстникъ нашего разгрома и какъ средство для него» [2]). Взволнованный его мрачными словами, преслѣдуемый сомнѣніями, колеблясь между противорѣчивыми чувствами, Александръ остановился на полумѣрахъ. Онъ попробовалъ оказать услугу Франціи, не компрометируя своихъ

[1]) Martens, Traités de la Russie avec l'Autriche, III, 20—22.

[2]) Толстой императору Александру, 26 іюля—17 августа 1808 г. Archives de Saint-Petersbourg.

отношеній къ Австріи и сдѣлалъ далеко не то, о чемъ мы его просили. Наполеонъ подсказывалъ ему по адресу Австріи слова порицанія и угрозы; онъ и не отказался передать ихъ отъ своего имени, но постарался сдѣлать это, смягчивъ тонъ и изложивъ ихъ въ формѣ дружескихъ и скромныхъ совѣтовъ.

Почему бы, говорилъ ему Коленкуръ, не объявить, что союзъ обоихъ дворовъ нерасторжимъ, что онъ сохраняетъ свою силу при всѣхъ условіяхъ, что оба двора будутъ дѣйствовать заодно во всѣхъ случаяхъ, что порвать съ однимъ значило бы начать войну и съ другимъ? Александръ находилъ эту мысль хорошей и обѣщалъ руководствоваться ею; онъ хотѣлъ написать въ этомъ смыслѣ князю Куракину, своему посланнику въ Вѣнѣ. Нѣсколько дней спустя онъ сказалъ: «Я обращаюсь къ Австріи съ твердой рѣчью; я даю ей понять, что у меня есть обязательства къ вамъ, которыми я чрезвычайно дорожу, и что, если они сами не образумятся, ихъ принудятъ къ этому силой» [1]).

Въ дѣйствительности, вотъ каковъ истинный характеръ его твердыхъ заявленій: это не что иное, какъ текстъ писемъ, адресованныхъ Куракину. Предостереженіе высказывается въ нихъ робко, въ неясной, замаскированной формѣ. «Никто, пишетъ Александръ 10 іюля, не можетъ судить объ интересахъ Австріи лучше вѣнскаго кабинета. Но императору Францу извѣстна моя искренность, и, повидимому, онъ цѣнитъ ее. Не скрою, что боюсь, чтобы его крупныя военныя приготовленія, вмѣсто сохраненія добрыхъ отношеній, не испортили ихъ. Вмѣсто довѣрія явится сдержанность, подозрѣнія вызовутъ объясненія, а объясненія поведутъ къ войнѣ, избѣгнуть которой чрезвычайно важно. Приготовленія къ войнѣ сдѣланы это—фактъ; они возбудили вниманіе. Остается только желать, чтобы вѣнскій кабинетъ, дѣйствуя сообразно принципамъ своей собственной мудрости, устранилъ и смягчилъ все то, благодаря чему эта мѣра можетъ повести къ враждѣ, и чтобы онъ позаботился сохранить миръ, плодами котораго пользуется. Сдѣлайте ему представленіе, что я пламенно этого желаю. Развѣ подписанный мною тильзитскій миръ не можетъ имѣть своихъ обязательствъ?» [2]). И царь приказываетъ Куракину «осторожно» дать почувствовать это послѣднее замѣчаніе.

---

[1]) Коленкуръ Шампаньи, 28 августа 1808 г.

[2]) Publié par Hassel d'après les archives de Vienne. p. 536.

Коленкуръ настаивалъ на томъ, чтобы князь получилъ приказаніе объявить въ Вѣнѣ, что онъ возьметъ свои вѣрительныя грамоты при первомъ же явномъ признакѣ вражды противъ Франціи; вмѣсто этого австрійцамъ дана была только возможность предвидѣть замѣщеніе посланника простымъ уполномоченнымъ. 5-го сентября, Александръ нашелъ нужнымъ снова обратиться къ нимъ со вторымъ совѣтомъ. Онъ оправдывалъ ихъ опасенія, сочувствовалъ ихъ тяжелому положенію, словомъ, говорилъ съ ними обычнымъ языкомъ коалиціи, насквозь пропитаннымъ недовѣріемъ къ императору Наполеону; но при этомъ старался указать на несвоевременность и опасность войны въ настоящее время, ничего не имѣя противъ возможности ея въ будущемъ. «Если испанскія дѣла пойдутъ скверно, писалъ онъ Куракину, развѣ нельзя предположить, что Наполеонъ будетъ радъ случаю отложить ихъ на нѣкоторое время, напасть со всѣми своими силами на Австрію и уничтожить одну изъ двухъ имперій, которыя только и омрачаютъ его горизонтъ въ Европѣ? Мнѣ кажется, самымъ мудрымъ рѣшеніемъ для Австріи было бы остаться спокойной зрительницею борьбы, которую Наполеонъ долженъ выдерживать въ Испаніи. Потомъ всегда будетъ время принять то рѣшеніе, какое подскажутъ обстоятельства. Слѣдуя такому поведенію, Австрія избавитъ меня отъ тяжелой необходимости выступить противъ нея, ибо я обязанъ сдѣлать это только въ томъ случаѣ, если она нападетъ первая» [1]). Въ этотъ разъ Александръ яснѣе говорилъ о своихъ обязательствахъ, но придавалъ имъ ограничительное значеніе и давалъ понять, какъ тяжело будетъ ему сдержать ихъ. Онъ не отказалъ намъ въ своемъ дипломатическомъ содѣйствіи и въ дѣлѣ признанія новыхъ королей, но окружилъ его такими же недомолвками.

Какъ ни была туманна рѣчь Россіи, все-таки на первое время она произвела впечатлѣніе въ Вѣнѣ. Въ столицѣ Австріи, гдѣ съ трудомъ осваивались съ мыслью о серьезномъ соглашеніи между Александромъ и Наполеономъ, были крайне удивлены и приведены въ смущеніе, узнавъ, что не только нельзя было разсчитывать на Александра, но что даже рисковали встрѣ-

---

1) Id., 536—537.

титься съ нимъ, какъ съ врагомъ [1]). Но, очевидно, тамъ скоро оправились отъ этого неожиданнаго удара. Заявленіе Россіи не заставило Австрію замѣтно измѣнить свое поведеніе и не склонило ее къ немедленному признанію новыхъ королей; но оно продлило ея колебанія, вслѣдствіе чего дурной ходъ испанскихъ событій не вызвалъ взрыва, котораго опасались. Вмѣшательство Россіи оказалось достаточнымъ для сохраненія мира и способствовало отсрочкѣ континентальной войны. Зато надежды Наполеона,—допуская, что онъ могъ подумать, что его союзникъ, страстно желавшій предупредить новыя осложненія въ Европѣ, допуститъ отвлечь себя отъ Турціи,—оказались кратковременными. Напротивъ, вожделѣнія Александра, вмѣсто того, чтобы ослабѣть, какъ того желалъ Наполеонъ, пріобрѣли новую силу. Причиной тому было то, что параллельно съ испанской войной продолжался и проходилъ свои фазы и восточный кризисъ. Въ то самое время, когда за Пиринеями рушилось французское господство, одинъ изъ тѣхъ переворотовъ, повидимому, столь частыхъ на Востокѣ, гдѣ все было такъ неустойчиво и перепутано, потребовалъ усиленнаго вниманія обоихъ императоровъ и, казалось, оправдывалъ и даже требовалъ ихъ вмѣшательства.

Султанъ Мустафа IV, слабовольный и трусливый, не сумѣлъ отдѣлаться отъ унизительной опеки мятежныхъ солдатъ, которые возвели его на тронъ. Въ Константинополѣ хозяйничало даже не войско, а самая недисциплинированная и буйная часть его, *ямаки* или гарнизонъ, сбродъ искателей приключеній, скорѣе разбойники, чѣмъ солдаты. Засѣвъ въ крѣпостяхъ Босфора, они сдѣлались полными господами въ Константинополѣ, назначали и смѣщали министровъ и, какъ игрушкой, вертѣли Верховнымъ Совѣтомъ. Такая анархія вызвала реакцію противъ столицы въ провинціяхъ и ихъ вооруженное вмѣшательство, съ цѣлью возстановленія въ Константинополѣ власти, способной управлять имперіей и провести въ жизнь реформы.

Рущукскій паша, Мустафа Байрактаръ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи четыре тысячи на все готовыхъ солдатъ. Ставъ во главѣ ихъ, онъ задумалъ освободить изъ заточенія въ

[1]) Archives des affaires étrangères, correspondance de Vienne, août-septembre 1808.

Сералѣ Селима III и возстановить его на тронѣ. Онъ покидаетъ свою крѣпость на Дунаѣ и направляется въ Константинополь, гдѣ, по его словамъ, онъ хочетъ водрузить на прежнее мѣсто знамя Пророка, отнесенное въ лагерь годъ тому назадъ. Передъ священнымъ знаменемъ опускаются всѣ преграды: города отворяютъ ворота, войска склоняютъ оружіе, населеніе—головы. Недалеко отъ Босфора, Байрактаръ приказываетъ горсти отчаянныхъ албанцевъ отправиться впередъ, захватить врасплохъ въ гаремѣ вождя *ямаковъ* и умертвить его, предполагая, что лишенное главы войско разбѣжится само-собой. Наконецъ Байрактаръ у вратъ столицы. Не поддаваясь лести султана, онъ проникаетъ въ городъ съ тысячью вооруженныхъ людей и идетъ прямо на Сераль. Но прежде, чѣмъ войти силою въ священное для турокъ мѣсто, онъ на моментъ останавливается въ нерѣшимости, вступаетъ въ переговоры, и, благодаря этому, даетъ возможность совершиться въ стѣнахъ дворца мрачной трагедіи. Когда, наконецъ, прибывшіе силой ворвались во второй дворъ, первый предметъ, который бросился имъ въ глаза, былъ трупъ Селима. Убивая его, Мустафа IV думалъ сдѣлать самого себя неуязвимымъ, и разсчитывалъ, что его не посмѣютъ низвергнуть съ трона, не имѣя готоваго замѣстителя.

Тщетная надежда! родъ Оттомановъ не весь еще погибъ. При обходѣ дворца солдаты Байрактара нашли спрятавшагося подъ цыновками молодого принца Махмуда. Они падаютъ къ его ногамъ и, по заточеніи Мустафы IV, провозглашаютъ его императоромъ. Ихъ вождь назначается великимъ визиремъ и надѣется царствовать именемъ новаго падишаха. Но его правленіе дѣлается сплошной борьбой. Ненавистный янычарамъ, видящимъ въ немъ послѣдователя Селима, подозрѣваемый улемами, которые въ его реформахъ видятъ только зло, возмущая народъ своей недоступностью и безжалостной строгостью, Байрактаръ чувствуетъ, какъ на его глазахъ противъ него составляется заговоръ всѣми существующими въ столицѣ партіями; и не трудно предсказать, что этотъ минутный, насиліемъ возвысившійся, владыка падетъ подъ ударами новаго мятежа. Эти все чаще повторяющіеся перевороты, эти періодическія конвульсіи, въ которыхъ истощается оттоманское правительство, грозятъ ему полнымъ крушеніемъ. Какъ будто Турція, исполняя пророчество Румянцева, стремится

предупредить смертный приговоръ, висѣвшій надъ ея главой, и погибнуть отъ собственныхъ неистовствъ [1]).

Анархія въ столицѣ отразилась на границахъ. На Дунаѣ воцарились невообразимый безпорядокъ и безвластіе. Несмотря на склонность самого Байрактара къ миру, армія, увлекаясь не сдерживаемымъ дисциплиной воинственнымъ пыломъ, оставляла свои позиціи, переходила на ту сторону Дуная и дѣлала видъ, что хочетъ напасть на русскихъ, все еще неподвижно стоявшихъ на своихъ квартирахъ. До Петербурга дошли слухи, что турки нападаютъ на сербовъ, состоявшихъ подъ покровительствомъ царя и включенныхъ въ перемиріе. Если бы все это подтвердилось, могла ли Россія позволить не только нападать на себя, но даже оскорблять себя безнаказанно? Когда Александръ, не связывая себя формальнымъ обязательствомъ, далъ понять, что не возобновитъ войны безъ предварительнаго соглашенія съ нами, онъ всегда исключалъ тотъ случай, когда поведеніе турокъ заставитъ опасаться нападенія съ ихъ стороны. При существованіи же сказанныхъ условій, не оставалось ничего другого, какъ приступить къ военнымъ дѣйствіямъ, если бы соглашеніе между императорами не состоялось въ самомъ ближайшемъ времени. Русскій кабинетъ почерпнулъ въ такомъ положеніи дѣлъ лишній доводъ для того, чтобы болѣе рѣшительно потребовать уже шесть мѣсяцевъ обѣщаннаго и все еще ожидаемаго рѣшенія. Румянцевъ лично сообщилъ герцогу Виченцы извѣстія изъ Константинополя и съ Дуная, указавъ на ихъ важность, а вскорѣ и Александръ самымъ недвусмысленнымъ образомъ подтвердилъ слова своего министра. Воспользовавшись свободой выбора, предоставленнаго ему Наполеономъ, онъ самъ назначилъ точно день свиданія, сообщивъ Коленкуру, что будетъ 27 сентября въ Эрфуртѣ, и что пріѣдетъ туда за окончательнымъ отвѣтомъ императора. «Я аккуратно прибуду на свиданіе»,—сказалъ онъ французскому офицеру, которому поручено было отвезти сообщеніе объ этомъ [2]).

Въ теченіе тѣхъ недѣль, которыя предшествовали свиданію,

[1]) Подробный разсказъ объ этой революціи былъ изложенъ барономъ de Schlechta въ его книгѣ Die Revolutionen in Constantinopel in den Jahren 1807 und 1808, 113—179, по восточнымъ источникамъ. Cf. Juchereau de Saint-Denys, 165—169

[2]) Донесеніе Коленкура отъ 22 августа 1808 г.

Александръ не только осыпалъ Коленкура любезностями и милостивымъ вниманіемъ, онъ заваливалъ его ими. Поселившись на Каменномъ Островѣ, онъ пожелалъ, чтобы посланникъ выбралъ свое лѣтнее помѣщеніе рядомъ съ нимъ для того, чтобы, благодаря такому близкому сосѣдству, чаще представлялись случаи видѣться и бесѣдовать. Въ августѣ, когда дворъ переѣхалъ на нѣсколько дней въ Петергофъ, посланникъ долженъ былъ перебраться туда же. Его устроили съ его свитой въ одномъ изъ павильоновъ, разбросанныхъ въ паркѣ русскаго Версаля, и за все время пребыванія въ Петергофѣ онъ постоянно обѣдалъ у императора. Въ день именинъ вдовствующей императрицы, послѣ ужина, когда императорская фамилія совершала свою традиціонную прогулку по иллюминованнымъ садамъ, Коленкуръ, поставленный на одну ступень съ высочайшими гостями Россіи, ѣхалъ въ экипажѣ съ герцогомъ Ольденбургскимъ и Веймарскимъ, непосредственно за экипажемъ царствующихъ особъ. При всякомъ удобномъ случаѣ Александръ назначалъ для него особое мѣсто, выше членовъ дипломатическаго корпуса, и, въ ожиданіи рѣшительной минуты, старался до конца льстить гордости Наполеона и заслужить его благодарность [1]).

Приблизительно въ то же самое время вернувшійся въ Парижъ Наполеонъ пригласилъ посланника Толстого на одну изъ своихъ охотъ,—завидная и крайне рѣдкая милость. Не зная еще дня, въ который должно состояться свиданіе, онъ чувствовалъ, что онъ близокъ и, съ своей стороны, хотѣлъ дать извѣстное направленіе мыслямъ Александра и заблаговременно привести его въ хорошее, доброжелательное настроеніе. Во время поѣздки онъ разсчитывалъ сказать Толстому слова, которыя, по сообщеніи въ Петербургъ, возбудили бы тамъ надежду и довѣріе.

Отправляясь на сборный охотничій пунктъ, назначенный около Сенъ-Жермена, онъ взялъ къ себѣ въ коляску русскаго посланника вмѣстѣ съ двумя другими приглашенными, принцемъ Вильгельмомъ Прусскимъ и маршаломъ Бертье. Принцъ сидѣлъ рядомъ съ нимъ, маршалъ и посланникъ напротивъ. Во время пути Наполеонъ началъ восхвалять качества императора Александра, говорилъ о своей къ нему дружбѣ и превозносилъ выгоды, которыя Россія уже извлекла изъ союза, а также и тѣ,

[1]) Коленкуръ Шампаньи, 9 августа 1808 г.

которыя она въ скоромъ времени получитъ. Но онъ напрасно тратилъ слова: Толстой, очевидно, мало заботился о томъ, чтобы поддерживать разговоръ. Лицо посланника, строгое и непроницаемое, выражало только холодную почтительность и предвзятое недовѣріе. Наконецъ, чтобы развеселить его, императоръ началъ шутить надъ его опасеніями и надъ зловѣщими слухами, которые посланникъ передавалъ своему двору. Развѣ, говорилъ онъ, событія не говорятъ сами за себя? Вмѣсто того, чтобы быть зрителемъ распри между Франціей и Россіей, міръ, наоборотъ, будетъ присутствовать на торжественномъ актѣ освященія ихъ дружбы. Оживляясь мало-по-малу, онъ произнесъ слова, которыя должны были бы въ будущемъ сдѣлаться достопримѣчательными, если бы онъ самъ не потрудился доставить имъ роковое опроверженіе. Зачѣмъ заподозривать его въ томъ, сказалъ онъ, будто-бы онъ желаетъ воевать съ Россіей? Что ему отъ нея нужно? Развѣ можно предполагать, что онъ настолько безразсуденъ, что отважится вторгнуться въ ея дебри. Не будетъ ли подобное предпріятіе стоять въ противорѣчіи съ природой вещей и съ опытомъ прошлаго? «Въ исторіи нѣтъ примѣра, чтобы народы Юга вторгались въ сѣверныя страны; наоборотъ, народы Сѣвера наводняли Югъ». Затѣмъ, любуясь освѣщенными солнцемъ полями, яснымъ небомъ, тихой и спокойной прелестью кончавшагося лѣта, наслаждаясь ихъ яркими тонами и теплотой, онъ сказалъ: «Э! да что тутъ! У васъ слишкомъ холодно. Кому нуженъ вашъ снѣгъ, а вы можете желать нашего благодатнаго климата?» Высокомѣрнымъ тономъ Толстой отвѣтилъ, что теперешнее время не похоже на времена, о которыхъ говоритъ Его Величество. Не особенно любезно по отношенію къ своимъ соотечественникамъ, какъ и по отношенію къ намъ, онъ замѣтилъ, что «Сѣверъ почти такъ же пороченъ, какъ и Франція, и что ей нечего его опасаться». Но почти тотчасъ же съ гордостью истиннаго сына своей родины, онъ добавилъ: «Я лично предпочитаю нашъ снѣгъ чудному климату Франціи» [1]. Если онъ и дѣлаетъ этотъ разговоръ предметомъ донесенія своему правительству, то только съ цѣлью предостеречь его отъ вѣроломныхъ предложеній и умолять отказаться отъ системы уступокъ, которыя, по его

[1]) Толстой Румянцеву, 28 августа—9 сентября 1808 г. Archives de Saint-Pétersbourg.

мнѣнію, принимая во вниманіе характеръ Наполеона,—и безполезны и опасны.

Какъ ни былъ великъ контрастъ между поведеніемъ русскаго посланника и поведеніемъ его государя, въ глубинѣ души Александръ, какъ и Толстой, думалъ, что періодъ уступокъ долженъ придти къ концу; если онъ все еще упорно старался быть пріятнымъ и увѣрять въ наилучшихъ чувствахъ, то его небезкорыстная нѣжная предупредительность имѣла только одну цѣль: лучше подготовить Наполеона къ положительнымъ требованіямъ, которыя тому въ скоромъ времени придется выслушать. Онъ давалъ ему возможность уже предвидѣть эти требованія. Его разговоры съ Коленкуромъ, никогда не теряя дружеской фамильярности, часто принимали знаменательную важность. Передъ свиданіемъ Александръ, повидимому, занимался сведеніемъ счетовъ франко-русскаго союза. Въ счетѣ, который былъ взаимно открытъ, онъ выставлялъ имя Россіи на каждой страницѣ; онъ отнесъ на свой активъ значительныя выдачи впередъ, и выводилъ отсюда заключеніе, что Франція должна, наконецъ, съ нимъ расплатиться, и возстановить балансъ, при томъ сразу, а не затягивая дѣла.

Повторяя вкратцѣ событія цѣлаго года, начиная съ самаго Тильзита, онъ предупредительно высчитывалъ все, что онъ добросовѣстно и искренно сдѣлалъ въ пользу общаго дѣла. Онъ указывалъ послу на испытанія, которымъ подвергалась его дружба къ Наполеону и противъ которыхъ онъ побѣдоносно устоялъ. «Ничто, ничто на свѣтѣ, говорилъ онъ ему, не заставитъ меня измѣниться, вы это знаете. Ни препятствія, ни потери, которымъ можетъ подвергнуться Россія, не могли и никогда не смогутъ заставить меня уклониться съ пути. Генералъ Савари не долженъ былъ скрыть отъ Императора, что меня не нужно было торопить съ объявленіемъ войны Англіи; что, когда онъ заговорилъ со мной объ этомъ, декларація была уже составлена и приготовлена; что мое рѣшеніе было принято потому, что пришло условленное время. Я не считался съ опасностями, которымъ подвергался мой флотъ, и не искалъ никакихъ поводовъ, на основаніи которыхъ можно было бы на законномъ основаніи отложить дѣло. Я далъ слово и сдержалъ его. Я говорю вамъ все это только для того, чтобы доказать, что Императоръ можетъ разсчитывать на меня, и что и сегодня я такъ же вѣренъ обязательствамъ Тильзита, какъ годъ тому назадъ. Вы видите, какъ страдаетъ Россія отъ пре-

кращенія торговли съ Англіей и отъ всѣхъ мѣръ, принятыхъ мною съ цѣлью воспрепятствовать торговымъ сношеніямъ, дабы англичане ничѣмъ не могли поживиться отъ насъ. И при всемъ томъ, вы можете замѣтить, какъ измѣнилось общественное мнѣніе, какъ переходитъ оно на вашу сторону и какъ въ общемъ извѣстныя надежды вводятъ союзъ съ вами въ плоть и кровь нашего народа. Только отъ Императора будетъ зависѣть, чтобы союзъ былъ вѣченъ и чтобы онъ далъ, наконецъ, миръ вселенной... По отношенію къ испанскимъ дѣламъ у меня только одно желаніе—видѣть ихъ быстро законченными въ пользу короля Жозефа и согласно желанію Императора. Вы видѣли, какъ Румянцевъ въ этомъ отношеніи шелъ навстрѣчу вашимъ желаніямъ [1]), какъ мы предупреждали ихъ» [2]).

Александръ обращалъ его вниманіе на то, что за столько услугъ, оказанныхъ Россіей, въ активѣ Франціи фигурируютъ лишь слова и многократно-повторяемыя обѣщанія, исполненіе которыхъ пока въ будущемъ. Когда же Коленкуръ заводилъ разговоръ о Финляндіи, о пріобрѣтеніи, которое такъ удачно довершило территоріальное единство имперіи, о «рукѣ, присоединенной къ туловищу» [3]), или напоминалъ о занятіи княжествъ, которое продолжалось, вопреки договорамъ, только благодаря любезности императора, Александръ обрывалъ разговоръ; но затѣмъ снова кротко, но настойчиво, возвращался къ своимъ жалобамъ по двумъ главнымъ предметамъ, по которымъ онъ все еще требовалъ и до сихъ поръ все еще ждалъ удовлетворенія.

Во-первыхъ это была Пруссія. Ему казалось, что освобожденіе ея, столь формально обѣщанное съ курьеромъ отъ 5 августа, приводилось въ исполненіе не согласно объявленнымъ условіямъ. Въ Петербургѣ только-что былъ полученъ текстъ договора объ эвакуаціи, который Наполеонъ хотѣлъ навязать кенигсбергскому двору и статьи котораго произвели удручающее впечатлѣніе. Этотъ актъ, который предполагалось подписать въ Парижѣ 8 августа, хотя и устанавливалъ территоріальное освобожденіе Пруссіи, но не обезпечивалъ ея независимости. Наполеонъ возвращалъ Фридриху Вильгельму его столицу, отдавалъ ему въ извѣстной

[1]) Въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ Румянцевъ отправилъ русскому представителю въ Мадридъ приказаніе признать новое правительство.

[2]) Донесеніе Коленкура отъ 24 іюля 1808 г.

[3]) Id., 4 апрѣля 1808 г.

послѣдовательности провинціи, управленіе его владѣніями, сборъ доходовъ, но ограничивалъ до сорока двухъ тысячъ человѣкъ наличный составъ прусской арміи, и между другими гарантіями уплаты долга сохранялъ за собой три крѣпости на Одерѣ: Штетинъ, Глогау и Кюстринъ. Александръ подозрѣвалъ, что, удерживая за собой эту стратегическую линію, Наполеонъ имѣлъ въ виду сохранить операціонную базу противъ Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ средство продлить порабощеніе Пруссіи. Въ пользу этого говорило и то, что корпусъ Даву, вмѣсто того, чтобы очистить великое герцогство Варшавское, сконцентрировался въ немъ. Развѣ, думалъ Александръ, это дѣлалось не въ государствѣ, которое создано ради вѣчной угрозы Россіи, и которому послужитъ на пользу окончательный упадокъ Пруссіи, разоренной долгомъ, который опредѣлялся договоромъ въ полтораста милліоновъ и подлежалъ быстрой уплатѣ? [1])

«Признаюсь, говорилъ Александръ Коленкуру, я надѣялся, что условія сдѣлки съ Пруссіей, по поводу которой Императоръ сказалъ, что соглашается на нее только ради меня, не будутъ столь тяжки. Толстой сообщаетъ мнѣ о нихъ. Вы требуете такую сумму, которую эти люди никогда не будутъ въ состояніи уплатить вамъ въ такое короткое время; кромѣ того, вы пользуетесь со времени Тильзита доходами Пруссіи, оставляете ихъ за собой до эвакуаціи и не засчитываете ихъ въ уплату. Чѣмъ могутъ они вамъ заплатить? Затѣмъ, вы удерживаете крѣпости! Я откровенно говорю съ вами, во мнѣ нельзя заподозрить задней мысли, ибо я болѣе чѣмъ доказалъ Императору мою привязанность, уваженіе и довѣріе къ нему; все это я доказывалъ ему при всевозможныхъ обстоятельствахъ. Смотрите, вѣдь будутъ говорить, что эти крѣпости удерживаются, имѣя въ виду скорѣе насъ, чѣмъ Пруссію, такъ какъ провинціи [2]) представляютъ болѣе дѣйствительную гарантію, чѣмъ эти крѣпости; а Пруссію вы приведете въ трепетъ однимъ щелчкомъ по Магдебургу. Императоръ хорошо знаетъ это; слѣдовательно, дѣло вовсе не въ гарантіи уплаты. Слѣдуетъ требовать вещи возможныя; со временемъ они вамъ заплатятъ; но въ опредѣленный вами срокъ и при томъ состояніи, въ какомъ вы ихъ держите со времени Тиль-

[1]) См. текстъ договора у de Clercq, II, 270—273. Относительно переговоровъ см. Hassel, 236—247.

[2]) Договоръ 8 сентября давалъ Франціи закладную на владѣнія прусской короны для взысканія по ея долговымъ обязательствамъ.

зита, мнѣ кажется это невозможнымъ. Если Императоръ, дѣйствительно, хочетъ, согласно требованіямъ тильзитскаго мира, возстановить этихъ людей въ ихъ правахъ, въ такомъ случаѣ нужно ставить имъ такія условія, которыя они дѣйствительно могли бы выполнить. Иначе придется вѣчно сутяжничать съ ними; вельможамъ не подобаетъ искать ссоры съ маленькими людьми. Мое личное желаніе, чтобы они удовлетворили васъ; но я боюсь, чтобы такія условія не были источникомъ новаго горя для нихъ и, слѣдовательно, новыхъ затрудненій для Императора; ибо нельзя требовать невозможнаго. Заставьте ихъ заплатить еще что-нибудь, что имъ по силамъ, но не ставьте имъ унизительныхъ условій. У Императора такъ много славы, что онъ не нуждается въ чьемъ бы то ни было униженіи. Клянусь вамъ, эти люди будутъ къ его услугамъ, если онъ этого пожелаетъ и если только онъ не будетъ такъ давить ихъ. Я говорю, генералъ, какъ говорятъ объ этомъ въ свѣтѣ. Если Императоръ хочетъ оказать мнѣ услугу, пусть будетъ онъ повеликодушнѣе. Клянусь вамъ, это будетъ мнѣ всего пріятнѣе и, кромѣ того, это докажетъ всѣмъ, что и онъ дѣлаетъ хоть что-нибудь для меня, тогда какъ теперь говорятъ, что только я все дѣлаю для него. Я хочу создать Императору друзей. Вспомните о девизѣ, который вы написали на его бюстѣ (*въ одномъ изъ салоновъ посольства*): Великъ въ войнѣ, великъ въ мирѣ, великъ въ союзахъ.

«Если онъ выведетъ войска изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ присутствіе ихъ является угрозой, онъ тѣмъ самымъ доставитъ государствамъ увѣренность въ ихъ безопасности. Вы всѣмъ внушите довѣріе, ибо нельзя скрыть, что ваше пребываніе въ великомъ герцогствѣ и занятіе Праги причиняетъ безпокойство [1]). Немного умѣренности послужитъ на пользу и вашимъ интересамъ. Франція будетъ отъ этого только еще могущественнѣе, а Императоръ болѣе великъ и болѣе счастливъ. Тогда англичанамъ, какъ и всѣмъ вашимъ врагамъ, нечего будетъ сказать противъ васъ. Я говорю вамъ объ этомъ откровенно, такъ какъ никогда не раздѣлялъ всеобщихъ опасеній. Я никогда ничего не хотѣлъ получить отъ Императора моей политикой, а только

[1]) Прага, предмѣстье Варшавы, представляетъ собой предмостное укрѣпленіе по ту сторону Вислы.

прямодушіемъ и вѣрностью. Онъ видитъ, до какой степени онъ можетъ разсчитывать на меня; пусть же онъ сдѣлаетъ для Пруссіи и для меня что-нибудь такое, что доказало бы всѣмъ,—это я опять-таки повторяю вамъ,—что я былъ правъ, полагаясь на него» [1]).

Переходя затѣмъ къ другому предмету своихъ упованій, къ дѣлу соглашенія по восточному вопросу, Александръ указывалъ, что истинный узелъ, скрѣпляющій союзъ, въ рѣшеніи этого вопроса; что только рѣшеніе этого вопроса сдѣлаетъ его нерасторжимымъ и придастъ ему характеръ неувядаемаго величія. Казалось бы, что въ продолженіе шести мѣсяцевъ все уже было сказано относительно раздѣла Турціи; но Александръ сумѣлъ придать дѣлу новизну, су ѣлъ открыть въ немъ неожиданныя, подкупающія и величественныя стороны. Онъ постоянно возвращался къ тому, что онъ считалъ обязательствами Наполеона, говорилъ о данномъ ему словѣ, впутывалъ высшій интересъ Франціи, т. е., необходимость нанести Англіи рѣшительный ударъ въ Индіи и такимъ путемъ укротить ее; но, главнымъ образомъ, его призывы обращались къ самымъ высокимъ чувствамъ Наполеона, къ тѣмъ, которыя всегда волновали душу завоевателя. Пользуясь словами, сказанными въ Тильзитѣ, обращаясь къ императору съ его собственными доводами, онъ повторялъ: «Турки, какъ говорилъ мнѣ Императоръ, варвары безъ организаціи, безъ правительства; трудно сказать, на что это похоже. Теперь самый удобный случай придать тильзитскимъ проектамъ о Турціи, т. е. истинному ея освобожденію, либеральную окраску, подобающую этому великому дѣлу. Нашъ вѣкъ даже болѣе, чѣмъ политика, отводитъ этимъ варварамъ мѣсто въ Азіи. Освобожденіе этихъ странъ будетъ дѣломъ благороднымъ и похвальнымъ; оно не есть слѣдствіе честолюбивыхъ плановъ. Человѣколюбіе требуетъ, чтобы въ нашъ вѣкъ просвѣщенія и цивилизаціи не было въ Европѣ этихъ варваровъ» [2]).

Наконецъ, приходя постепенно въ восторженное состояніе, подогрѣвая себя своими собственными рѣчами, онъ доходилъ до самыхъ воинственныхъ намѣреній, которыя были ему такъ не свойственны, и давалъ сигналъ къ нападенію на всѣхъ враговъ своей имперіи. Зима приближается, говорилъ онъ,—это самое под-

[1]) Донесеніе Коленкура отъ 23 сентября 1808 г.

[2]) Донесеніе Коленкура отъ 31 іюля 1808 г.

ходящее время года для возобновленія военныхъ дѣйствій противъ Швеціи; «морозъ повсюду скуетъ мосты», что дастъ возможность перейти Ботническій заливъ, подойти къ Стокгольму, и дѣло, предпринятое на Сѣверѣ, превосходно сочетается съ большими операціями на Югѣ. Нигдѣ не должно быть проволочекъ, нужно дѣйствовать, и да совершатся повсюду судьбы Россіи: «Въ сентябрѣ въ Эрфуртѣ, въ октябрѣ—въ походъ и въ теченіе зимы—результаты» [1]).

Не довольствуясь изложеніемъ своихъ мыслей въ двадцати различныхъ версіяхъ передъ Коленкуромъ, Александръ пожелалъ передать ихъ вкратцѣ непосредственно Наполеону. Ему нужно было отвѣтить на письмо отъ 8 іюля, въ которомъ императоръ излагалъ и защищалъ свое поведеніе въ Испаніи. Кромѣ того, въ инструкціи, позднѣе присланной Коленкуру, послѣднему поручено было выразить царю горячую благодарность за признаніе короля Жозефа; а это, очевидно, обязывало царя къ новымъ дружескимъ увѣреніямъ. Да и кромѣ того, назначивъ день свиданія, Александръ считалъ болѣе удобнымъ лично сообщить объ этомъ своему союзнику. 25 августа онъ написалъ ему послѣднее передъ свиданіемъ письмо въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Мой братъ, позвольте поблагодарить Ваше Величество за ваше письмо изъ Байонны отъ 8 іюля, и за все то, что вамъ угодно было сообщить мнѣ въ немъ объ испанскихъ дѣлахъ. Вашъ посланникъ передалъ мнѣ содержаніе письма, которое онъ получилъ отъ васъ третьяго дня. Съ удовольствіемъ вижу, что Ваше Величество отдали справедливость чувству, которое заставило меня идти навстрѣчу вашимъ желаніямъ. Оно естественно и проистекаетъ только изъ привязанности, которую я желаю доказать вамъ при всякомъ случаѣ. То, что Ваше Величество предполагаетъ сдѣлать для Прусскаго короля, преисполнило меня живѣйшей благодарностью, и я хочу, не теряя ни минуты, выразить вамъ все удовольствіе, которое доставило мнѣ это извѣстіе. Позволяю себѣ еще разъ прибѣгнуть къ вашей дружбѣ ко мнѣ и усерднѣйше ходатайствовать за его интересы. Что же касается испанскихъ дѣлъ, то я надѣюсь, что смуты, которыя такъ нравится вызывать англичанамъ, въ скоромъ времени будутъ успокоены. Ваше Величество, должно быть, уже знаете о

[1]) Донесеніе Коленкура отъ 12 августа 1808 г.

событіяхъ въ Константинополѣ. Султанъ Селимъ погибъ, Мустафа заточенъ, а Махмудъ—слабый и тѣломъ, и духомъ,—только призракъ государя. Различныя партіи грызутся, какъ никогда. Мнѣ думается, что всѣ эти обстоятельства значительно облегчаютъ исполненіе великаго плана и освобождаютъ Ваше Величество отъ послѣдней связи съ Портой. Я точно также былъ удивленъ, узнавъ о непонятныхъ вооруженіяхъ Австріи. Я счелъ нужнымъ дать ей совѣтъ, и мой посланникъ получилъ приказаніе сдѣлать ей по этому поводу представленіе и указать, къ какой пропасти она стремится. Услаждаю себя надеждой въ скоромъ времени свидѣться съ Вашимъ Величествомъ. Если не получу отъ васъ извѣстій, которыя могли бы помѣшать мнѣ отправиться въ путь, я разсчитываю выѣхать 13 сентября и на пятнадцатый день буду въ Эрфуртѣ. Жду этого времени съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ, чтобы лишній разъ выразить вамъ тѣ чувства, которыми я преисполненъ къ вамъ» [1]).

«Вы видите, что я говорю ему все», замѣтилъ Александръ Коленкуру, читая ему черновикъ своего письма. Дѣйствительно, превосходнымъ слогомъ, сердечнымъ и обаятельнымъ тономъ, онъ весьма ясно высказалъ всѣ свои желанія; напомнилъ, что онъ сдѣлалъ, что могъ еще сдѣлать и чего самъ ожидалъ. Его письмомъ были заранѣе опредѣлены и поставлены въ точныя границы основы предстоящихъ обсужденій. Въ Эрфуртѣ предметомъ обсужденія и сдѣлки будутъ четыре вопроса: объ Испаніи, Австріи, Пруссіи и Турціи. Рѣшеніе двухъ первыхъ было важно для Франціи; другіе два касались безопасности и величія Россіи. Благодаря такому равновѣсію въ интересахъ возможна была полная взаимность въ услугахъ и уступкахъ между обоими императорами. Александръ предоставлялъ намъ свободу дѣйствій въ Испаніи; противъ Австріи онъ предлагалъ намъ скорѣе кажущуюся, чѣмъ дѣйствительную, помощь, но которой онъ искусно сумѣлъ придать значеніе. Взамѣнъ онъ требовалъ не призрачнаго возстановленія Пруссіи, а такого, которое гарантировало бы его отъ возстановленія Польши, и затѣмъ удовлетворенія его восточныхъ вождѣленій, возобновляя, такимъ образомъ, нака-

---

[1]) Archives des affaires étrangères, Russie, supplément 17. Мы опубликовали это письмо въ Revue de la France moderne, 1-er juin 1890.

нунѣ Эрфурта притязанія, высказанныя такъ настойчиво вскорѣ послѣ Тильзита. Въ виду этого настойчиваго по двумъ вопросамъ требованія, хотя и облеченнаго въ форму самой искренней дружбы, на какомъ же рѣшеніи остановится Наполеонъ въ настоящее время, когда онъ уже потерялъ всякую надежду соединить и слить воедино интересы Франціи и Россіи на почвѣ неотложнаго пересозданія вселенной?

ГЛАВА XII.

ЭРФУРТЪ.

I.— Намѣренія Императора.—Прежде, чѣмъ возобновить военныя операціи въ Испаніи и остановиться на опредѣленномъ способѣ соглашенія съ Россіей, Наполеонъ хочетъ уяснить себѣ намѣренія Австріи.—Дипломатическій пріемъ 15 августа 1808 года.—Обѣщанія Австріи.—Второй разговоръ съ Меттернихомъ.—Празднества по случаю прохода войскъ.—Посланіе Сенату.—Наполеонъ узнаетъ, что день свиданія назначенъ.—Онъ хочетъ явиться въ Эрфуртѣ при самой величественной обстановкѣ, устроить въ немъ разнообразныя развлеченія, ослѣпить и очаровать Александра.—Разговоры съ Талейраномъ; положеніе, занятое Талейраномъ.—Работа, порученная де Готриву.—Совѣщанія съ Себастіани.—Наполеонъ откладываетъ на неопредѣленное время раздѣлъ и надѣется удовлетворить Россію только обѣщаніемъ княжествъ.—Характеръ соглашенія, которое онъ хочетъ заключить въ Эрфуртѣ.—Талейранъ старается привлечь въ Эрфуртъ австрійскаго императора.—Отъѣздъ Наполеона и его министровъ.—Проектъ раздѣла, составленный де Готривомъ и его препроводительное письмо Талейрану.

II.—Встрѣча.—Несмотря на страхъ матери, Александръ отправляется въ путь.—Его способъ путешествовать.—Сперанскій.—Проѣздъ черезъ Кенигсбергъ.—Императоръ Александръ и графиня Фоссъ.—Баронъ Штейнъ.—Наполеонъ приказываетъ передать царю перехваченное письмо Штейна.—Маршалъ Ланнъ посылается навстрѣчу императору Александру; французская армія въ Германіи.—Видъ Эрфурта: преобразившійся городъ.—Грандіозныя приготовленія, приливъ иностранцевъ, мѣры предосторожности, тайная полиція.—Короли Баваріи, Саксоніи и Вюртемберга; слезное посланіе баварскаго короля.—Громадное стеченіе нѣмецкихъ принцевъ. Ихъ рабски-почтительная и подобострастная манера держать себя.—Ихъ просьбы.—Прибытіе Наполеона.—Встрѣча съ императоромъ Александромъ и торжественный въѣздъ; ни съ чѣмъ не сравнимое зрѣлище.—Съѣздъ высокопоставленныхъ особъ въ Эрфуртъ; какъ они держатся и что хранятъ въ глубинѣ души.—Баронъ де Винцентъ.—Талейранъ.—Его измѣна.—Онъ хочетъ вести переговоры о своемъ личномъ мирѣ съ Европой; его вліяніе на царя.—Александръ I-ый.—Наполеонъ.—Знаменательный разговоръ императора о дѣлахъ Испаніи; онъ собирается съ силами, чтобы снова овладѣть Александромъ.

III.—Пренія.—Затрагиваются всѣ вопросы.— Пруссія—предварительныя требованія Наполеона.—Польша—обѣщаніе эвакуировать великое герцогство и не занимать его снова.—Отсрочка раздѣла Востока.—Александръ довольствуется княжествами; къ чему привело его размышленіе.—Какую демонстрацію пытались сдѣлать Англіи.—Курьеръ изъ Вѣны.—Отказъ Австріи признать созданныхъ Наполеономъ королей; важное вліяніе этого рѣшенія на ходъ переговоровъ.—Австрія становится главнымъ предметомъ обсужденія.—Требованія Наполеона и сопротивленіе Александра.—Заблужденіе Александра и Талейрана относительно истинныхъ намѣреній вѣнскаго двора.—Бурная сцена между императорами.—По отношенію къ Австріи, Александръ отказывается отъ всякаго поступка, имѣющаго характеръ угрозы.—Наполеонъ объявляетъ, что онъ удержитъ за собой прусскія крѣпости.—Непріятный разговоръ.—Съ большимъ трудомъ приходятъ къ удовлетворительному соглашенію.—Кажущееся согласіе обоихъ государей; необычайный блескъ въ Эрфуртѣ.—Знаменитый жестъ.—Веймарская интермедія.

IV.—Поѣздка въ Веймаръ и жизнь въ Эрфуртѣ.—Охота въ Эттербургскомъ лѣсу.—Веймарскій дворъ.—Столъ государей.—Когда я былъ артиллерійскимъ поручикомъ.—Наполеонъ во время спектакля.—Виландъ, по приказанію доставленный на балъ.—Разговоръ съ Гёте и Виландомъ; политическая цѣль Наполеона.—Посѣщеніе поля битвы при Іенѣ.—Гора Наполеона.—Уроки военнаго искусства.—Жизнь обоихъ монарховъ въ Эрфуртѣ.—Завтракъ императора; дворъ ученыхъ и поэтовъ.—Послѣобѣденное время: прогулки, посѣщенія войскъ.—Восторгъ великаго князя; что онъ привезъ изъ Эрфурта.—Да здравствуетъ коронація. Парижъ въ мечтахъ Наполеона.—Отношенія къ Сперанскому.—Шпага Наполеона въ Петербургскомъ музеѣ.—Вечера.— Французская комедія и русскій союзъ.—Бѣгство mademoiselle Жоржъ въ С.-Петербургъ; ей предназначается интимная роль при Александрѣ; ея дебюты.—Пьесы, даваемыя въ Эрфуртѣ.—Русскіе не любятъ трагедіи.—Послѣ спектаклей.—Салоны Эрфурта; жена презуса де Рекъ и принцесса де-ла-Туръ-и-Таксисъ.—Интимныя бесѣды между Наполеономъ и Александромъ.

V.—Разговоръ по поводу брака.—Слухи о разводѣ императора и его бракѣ съ русской великой княжной.—Послѣ Тильзита Наполеонъ думаетъ разстаться съ Жозефиной.—Придворныя интриги: соперничество между королевой Гортензіей и великой герцогиней Бергской.—Фуше пускаетъ слухъ о разводѣ.—Безпокойство въ С.-Петербургѣ.—Великія княжны Екатерина и Анна: ихъ характеристика, сдѣланная Жозефомъ де Местръ.—On dit Петербурга.—Право veto, предоставленное императрицѣ-матери.—Тревожное письмо Румянцева.—Выходка Фуше по отношенію къ Жозефинѣ: первое объясненіе между императоромъ и императрицей: семейный миръ устанавливается за счетъ министра полиціи.—Второй кризисъ: донесеніе Толстого по поводу сцены въ Тюльери.—Старанія императрицы-матери выдать поскорѣе замужъ дочь Екатерину.—Баварскій наслѣдный принцъ; герцогъ Ольденбургскій.—Въ Эрфуртѣ Наполеону хотѣлось бы, чтобы русскій императоръ сохранилъ для него одну изъ великихъ княженъ.—Его указанія Коленкуру и Талейрану, какъ подойти къ этому вопросу.—Александръ соглашается начать разговоръ.—Характеръ раз-

говора, которымъ обмѣниваются оба императора.—Замалчиванія съ той и другой стороны; невыгодныя стороны и опасности этого предложенія.

VI.—Договоръ.—Постепенное составленіе статей договора; роль государей и министровъ.—Статьи, относящіяся къ Англіи, Испаніи, Финляндіи и княжествамъ.—Наполеонъ хочетъ, чтобы Россія не требовала въ Константинополѣ уступки княжествъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ извѣстенъ результатъ переговоровъ съ Англіей; причины, которыми онъ руководится.—Нетерпѣливая жадность и недовѣріе русскихъ.—Заднія мысли, которыя они приписываютъ Наполеону.—Важная перемѣна во взглядахъ.—Полюбовная сдѣлка.—Статья, относящаяся къ Австріи.—Турція поставлена подъ секвестръ.—Новыя затрудненія: наконецъ рѣшаются подписать договоръ.—Письмо англійскому королю.—Существенное различіе въ словахъ, съ которыми Наполеонъ и Александръ обратились къ барону Винценту.—Опять о признаніи новыхъ королей; отдѣльное письмо Александра.—Наполеонъ старается успокоить и образумить вѣнскій дворъ.—Просьбы Пруссіи.—Наполеонъ прощаетъ ей двадцать милліоновъ.—Конецъ переговоровъ: прощаніе императоровъ.—Письмо Александра къ матери.—Грустное настроеніе Наполеона.—Результаты Эрфурта.—Непосредственная причина къ конфликту между Франціей и Россіей устранена.—Наполеонъ пламенно желалъ, чтобы слѣдствіемъ свиданія былъ всеобщій миръ. Почему не была достигнута эта цѣль.—Послѣдовательныя стадіи, черезъ которыя прошелъ Александръ на пути разочарованій и недовѣрія.—Оставляя подъ сомнѣніемъ свои намѣренія, онъ тѣмъ самымъ поощряетъ воинственныя намѣренія Австріи.—Талейранъ выдаетъ Меттерниху секретъ истиннаго настроенія Александра.—Дѣйствіе этого сообщенія.—Въ Вѣнѣ рѣшено объявить войну.—Неизбѣжность рокового вліянія новой континентальной войны на отношенія Франціи и Россіи.—Сравненіе между Тильзитомъ и Эрфуртомъ.

I.

НАМѢРЕНІЯ ИМПЕРАТОРА.

Какъ ни былъ поглощенъ Наполеонъ неотложными дѣлами,—рѣшеніемъ судьбы Пруссіи и военными приготовленіями противъ Испаніи,—онъ непрестанно думалъ объ условіяхъ своего будущаго соглашенія съ Россіей и не терялъ изъ виду Востока. Его заботила катастрофа въ Константинополѣ. Еще съ бо̀льшимъ основаніемъ, чѣмъ прежде, онъ вывелъ изъ нея заключеніе о невозможности поддерживать существованіе Турціи и пользоваться ею для своихъ политическихъ цѣлей. Въ душѣ онъ уже приговорилъ ее, но сознавалъ свое безсиліе теперь же привести въ исполненіе приговоръ. Поэтому онъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что избѣгъ всякаго опредѣленнаго обязательства съ Россіей и что,

благодаря шестимѣсячной дипломатической отсрочкѣ, отложилъ свои окончательныя рѣшенія.

Хладнокровно разсматривая положеніе, онъ сразу же пришелъ къ заключенію, что всѣ дѣла на Востокѣ должны быть отложены до полнаго покоренія полуострова. На это дѣло пойдетъ осень 1808 г. Слѣдовательно, чтобы покончить съ Испаніей, Наполеонъ назначилъ себѣ три мѣсяца. По его разсчетамъ, этого времени было достаточно для того, чтобы разогнать мятежныя арміи, смести въ море англичанъ, войти побѣдителемъ въ Мадридъ, явиться тамъ въ роли миротворца и завершить свои побѣды дѣлами умиротворенія. «Къ началу января, писалъ онъ Жозефу, во всей Испаніи не будетъ ни одной возставшей деревни» [1]). Онъ разсчитывалъ, что, въ началѣ 1809 г., онъ будетъ располагать всѣми своими силами, и тогда, если Англія не признаетъ себя побѣжденной, надѣялся соединить свои колонны съ береговъ Эбро и Таго съ колоннами на Адріатикѣ и на Іоническомъ морѣ, и, послѣ пораженія нашей соперницы въ Испаніи, доконать ее на Востокѣ. Но прежде, чѣмъ составить планъ операцій для настоящаго и будущаго времени, прежде, чѣмъ опредѣлить характеръ сдѣлокъ съ Россіей, было необходимо выяснить намѣренія Австріи. Безъ сомнѣнія, конфликтъ съ Австріей не казался уже столь неизбѣжнымъ, ибо вѣнскій кабинетъ не воспользовался для разрыва моментомъ нашихъ неудачъ; австрійскій посланникъ въ Парижѣ держался корректно, да и Россія вмѣшалась въ дѣло. И все-таки могла ли Франція безбоязненно направить свои лучшія силы въ Испанію, не пріобрѣтя предварительно увѣренности въ томъ, что Австрія не воспользуется этимъ моментомъ для вѣроломнаго нападенія на нее съ тыла? Поведеніе, усвоенное въ Вѣнѣ, ставило будущему предпріятію на Востокѣ еще болѣе серьезное препятствіе, чѣмъ возмущеніе на полуостровѣ, взятое въ отдѣльности. Испанія вынуждала только къ отсрочкѣ, Австрія же могла быть ему помѣхой. Итакъ, Наполеонъ признавалъ чрезвычайную важность теперь же проникнуть въ планы Австріи, знать навѣрное, чего онъ долженъ опасаться и чего ожидать съ ея стороны; одной изъ побудительныхъ причинъ, ускорившихъ его возвращеніе въ Парижъ, и было желаніе вызвать ее на категорическое объясненіе. Появившись неожиданно на сценѣ, онъ намѣревался обратиться къ вѣнскому двору въ лицѣ его представителя, и, пустивъ въ ходъ все свое искусство, чтобы

[1]) Corresp., 14275.

внушить ему страхъ и, благодаря этому, удержать его отъ враждебныхъ рѣшеній, попытаться затѣмъ увѣрить его въ его безопасности и примирить съ собой.

Въ ночь съ 14 на 15 августа министры и иностранные посланники получили извѣщенія, что на другой день, въ день своихъ именинъ, Его Величество приметъ ихъ въ Сенъ-Клу. Эти колективныя аудіенціи имѣли скорѣе грозный, чѣмъ торжественный характеръ. Наполеонъ часто пользовался ими, чтобы выпустить то, что Меттернихъ называлъ «его устными манифестами» [1]); тѣ неожиданные, какъ молнія въ ясную погоду, язвительные упреки и замѣчанія, съ которыми онъ обращался къ представителю какого-либо государства и которые разносились по всей Европѣ и часто предшествовали пушечнымъ выстрѣламъ. 15 августа 1808 г., въ одной изъ залъ дворца собрался дипломатическій корпусъ. За отсутствіемъ нунція, австрійскій посланникъ, графъ Меттернихъ, занялъ первое мѣсто; за нимъ графъ Толстой, затѣмъ голландскій посланникъ; немного далѣе Турокъ и Персъ въ своихъ длинныхъ восточныхъ нарядахъ придавали экзотическій отпечатокъ этой выставкѣ придворныхъ костюмовъ и форменныхъ мундировъ. Вошелъ императоръ со своимъ дворомъ и министрами. По своей привычкѣ онъ сперва быстро обошелъ собравшихся, принимая знаки почтенія и отвѣчая на нихъ немногими словами. Произведя смотръ дипломатическому корпусу, онъ вернулся къ графу Меттерниху и остановился передъ нимъ. Это была критическая минута, ожидаемая съ замираніемъ сердца.

Однако, чело императора не предвѣщало бури. Произошелъ обмѣнъ нѣсколькими мало-значущими словами. Затѣмъ, въ то время, когда Шампаньи «блокировалъ» [2]) съ тыла австрійскаго посланника и мѣшалъ ему отступить, Наполеонъ подошелъ къ нему съ фронта и началъ съ нимъ, въ очень энергичной, очень настойчивой формѣ, но вполнѣ спокойный и любезный, разговоръ по поводу вооруженій Австріи. Онъ энергично развилъ цѣлую серію доводовъ, на которыхъ основывались его нападки, тѣсня своего противника и не давая ему перевести духъ. Меттернихъ защищался искусно, исчерпывая всѣ силы своего гибкаго, обширнаго ума, привыкшаго къ діалектикѣ въ переговорахъ.

Съ той и другой стороны сразу же стали на твердую почву.

---

[1]) Metternich, II, 237.
[2]) Metternich, II, 196.

Меттернихъ защищалъ положеніе, что Австрія имѣла право преобразовывать свою армію и никому этимъ не угрожала. Въ принципѣ это было справедливо; но и Наполеонъ не былъ не правъ, утверждая, что спѣшность, внесенная въ это дѣло, придавала ему видъ угрозы. Кромѣ того, онъ утверждалъ, что были сдѣланы приготовленія для непосредственныхъ военныхъ дѣйствій: передвиженія войскъ, закупка лошадей; онъ приводилъ техническія подробности и выражался, какъ знатокъ дѣла. Онъ обвинялъ также въ давленіи, которое производилось на общественное мнѣніе, и въ возбужденіи народныхъ страстей. Онъ перечислялъ всѣ эти факты, нанизывалъ ихъ одинъ на другой, подавлялъ ими, однако, безъ гнѣва, своего собесѣдника; приписывалъ императору Францу не злой умыселъ, а скорѣе неосторожность; настойчиво указывалъ на опасность такого поведенія и на необходимость положить этому конецъ. Въ немъ замѣтно было усиліе быть сдержаннымъ въ выраженіяхъ, ибо онъ желалъ предостеречь, не оскорбляя; онъ говорилъ не обличительную рѣчь, а хотѣлъ только убѣдить Австрію, старался отклонить ее отъ ложнаго пути и вернуть на путь ея истинныхъ интересовъ.

Во время разговора, продолжавшагося часъ съ четвертью, онъ высказалъ слѣдующія соображенія. Къ чему могутъ привести Австрію ея вооруженія? Она не будетъ въ состояніи воевать, ибо Франція и Россія состоятъ въ союзѣ, и всякое нападеніе сокрушится объ ихъ союзъ. Мы увѣрены, увѣрены безусловно въ императорѣ Александрѣ; онъ не позволитъ вѣнскому двору тронуться съ мѣста, и вѣнскій дворъ вынужденъ будетъ преклониться предъ его волей. Не лучше ли будетъ для него сойтись съ нами по собственному побужденію и, вмѣсто того, чтобы уступать силѣ, добровольно примкнуть къ политической системѣ Франціи. Такимъ путемъ онъ получитъ выгоды, связанныя съ нашей дружбой; но онъ ихъ безвозвратно лишится, если будетъ продолжать свои неправильные способы дѣйствій. «Русскій императоръ, говорилъ Наполеонъ, можетъ быть, и помѣшаетъ войнѣ, твердо объявивъ вамъ, что онъ не желаетъ ея и будетъ противъ васъ; но, если Европа только его вмѣшательству будетъ обязана сохраненіемъ мира, то ни Европа, ни я, мы ничѣмъ не будемъ вамъ обязаны. Не имѣя возможности смотрѣть на васъ, какъ на моихъ друзей, я буду избавленъ отъ необходимости приглашать васъ къ совмѣстной со мной дѣятельности при устройствѣ

Европы, котораго можетъ потребовать ея настоящее положеніе» [1]).

Послѣднія слова относились къ Востоку. Чтобы его собесѣдникъ не заблуждался на этотъ счетъ, Наполеонъ тотчасъ же завелъ рѣчь о поведеніи австрійскихъ агентовъ въ Турціи, объ ихъ интригахъ, направленныхъ противъ насъ на той почвѣ, гдѣ интересы обѣихъ имперій должны бы были сблизиться и слиться воедино. Касаясь самой сущности вопроса, онъ могъ выражаться только намеками, такъ какъ въ двухъ шагахъ стоялъ посланникъ Порты, безстрастный, но внимательный. Тѣмъ не менѣе, онъ попытался въ замаскированной формѣ придать ясный смыслъ своимъ словамъ и затронулъ въ формѣ намековъ весь вопросъ о раздѣлѣ. Это былъ безпримѣрный разговоръ, гдѣ въ присутствіи осужденнаго обсуждалось, какимъ способомъ его умертвить. «Не думаете ли вы, благодаря вашимъ вооруженіямъ, вступить на равныхъ началахъ въ наши соглашенія?— говорилъ императоръ Меттерниху.—Вы ошибаетесь. Никогда не дозволю я вооруженному государству предписывать мнѣ условія... Я совсѣмъ не допущу васъ къ участію въ предстоящемъ рѣшеніи многихъ вопросовъ, въ которыхъ вы заинтересованы; я одинъ столкуюсь съ Россіей, а вы будете только зрителями» [2]). Однако, общимъ характеромъ своего поведенія и разговора онъ давалъ понять, что его слова должны быть приняты скорѣе за предостереженіе, за угрозу, чѣмъ за выраженіе непреклонной воли. Онъ давалъ понять, что, если императоръ Францъ и его кабинетъ пойдутъ навстрѣчу его желаніямъ и докажутъ свою готовность сговориться съ нимъ, если они поклянутся въ своихъ мирныхъ намѣреніяхъ и во всеуслышаніе объявятъ объ этомъ, все можетъ быть исправлено. Указывая Австріи мѣсто, которое она можетъ занять въ его довѣріи, и роль, которую можетъ сыграть въ его планахъ, онъ старался указать ей на ея одиночество и вызвать ее на откровенные и искренніе поступки.

Разсужденіе императора было истолковано всѣми присутствующими, включая и тѣхъ, которыхъ онъ предупреждалъ болѣе другихъ, какъ попытка къ миру, какъ желаніе сблизиться. Ве-

---

[1]) Депеши Шампаньи къ Андреосси съ отчетомъ о разговорѣ императора съ Меттернихомъ, опубликованныя въ Correspondance подъ № 14254. Cf. Mémoires de Metternich, II, 194 à 199 и депеши барона Брокгаузенъ прусскому королю, упомянутыя у Hassel, 507

[2]) Metternich, II. 197.

черомъ Шампаньи пригласилъ дипломатическій корпусъ на обѣдъ. Послѣ обѣда Меттернихъ разговаривалъ съ посланниками Россіи и Голландіи, своими ближайшими сосѣдями во время аудіенціи. «Что рѣшаетъ дипломатическій кружокъ»? подходя къ нимъ, спросилъ Шампаньи.—«Онъ рѣшаетъ, отвѣтилъ Меттернихъ, что Европа получила новый залогъ мира» [1]). Толстой выразился въ томъ же смыслѣ. Къ несчастью, поведеніе Толстого во время утренней сцены почти-что отнимало всякое значеніе у императорской рѣчи. Когда Наполеонъ ручался за вѣрность и намѣренія царя, онъ въ упоръ смотрѣлъ на Толстого, безмолвно призывая его въ свидѣтели, стараясь уловить и вызвать на его лицѣ какой-нибудь знакъ одобренія. Но русскій посланникъ стоялъ, какъ мраморное изваяніе. Такая холодность позволяла Меттерниху усумниться насчетъ истинныхъ чувствъ Александра и поощряла Австрію искать свое спасеніе не въ одномъ только искреннемъ примиреніи съ Франціей.

На донесеніе Меттерниха объ этомъ разговорѣ Австрія обѣщала, что собранныя въ Краковѣ, около силезской границы, войска будутъ распредѣлены по другимъ мѣстамъ; что резервы и милиція, мобилизованные для упражненія и обученія, будутъ въ скоромъ времени распущены по домамъ, и что монархія приметъ вскорѣ свой обычный видъ [2]). Она еще не высказалась по поводу признанія короля Жозефа, но позволяла надѣяться на благопріятный отвѣтъ.

Получивъ приказаніе передать эти увѣренія, Меттернихъ 25 августа вернулся въ Сенъ-Клу. Императоръ принялъ его въ частной аудіенціи вечеромъ, передъ спектаклемъ. Онъ принялъ къ свѣдѣнію заявленія посланника, и, съ своей стороны, вошелъ въ объясненія успокоительнаго характера по поводу исключительныхъ причинъ, которыя заставили его свергнуть съ престола испанскихъ Бурбоновъ; заявилъ, что эта мѣра, принятая въ видахъ собственной безопасности, не должна быть разсматриваема, какъ угроза другимъ династіямъ, и закончилъ свой разговоръ пожеланіемъ, чтобы была устранена всякая возможность серьезной размолвки между Франціей и Австріей. Теперь нужно работать надъ тѣмъ, чтобы возродить довѣріе и создать дружбу, добавилъ онъ. Онъ охотно пойдетъ на это, лишь бы его по-

---

[1]) Metternich, II. 200.

[2]) Шампаньи къ Андреосси, 26 августа 1808 г. Archives des affaires étrangères, Vienne, 381. Metternich, II, 212.

ощрили вступить на этотъ путь. Онъ жаловался, что императоръ Францъ, его семья и министры вносятъ слишкомъ мало любезности и предупредительности въ ихъ сношенія съ нами. Въ Вѣнѣ нашъ посланникъ только терпимъ, а не принятъ благосклонно; дворъ и общество сторонятся его; въ офиціальныхъ кругахъ стараются не произносить имени императора французовъ; никогда любезнаго слова, никакого вниманія. Отчего не порвать съ такими вредными традиціями? Мелочи также имѣютъ свое значеніе и ведутъ къ крупнымъ послѣдствіямъ.

Вмѣсто прямого отвѣта Меттернихъ искусно обошелъ вопросъ. Онъ притворился, что не уловилъ болѣе глубокаго смысла, скрытаго въ словахъ Наполеона, что понялъ ихъ буквально, и, вмѣсто того, чтобы вступить въ объясненія, постарался замять разговоръ. «Ручаюсь вамъ, Ваше Величество, что мнѣ очень скоро поручено будетъ передать вамъ нѣсколько драгоцѣнныхъ вазъ, если только онѣ могутъ служить къ упроченію добрыхъ отношеній между нами», завѣрилъ онъ. Болѣе прижатый къ стѣнѣ, онъ сказалъ въ упоръ: «Вы желаете союза»?— На это императоръ отвѣтилъ: «Для союза нужна подготовка; договоры ничего не стоятъ, все зависитъ отъ дѣлъ». Онъ привелъ, какъ образецъ полнаго согласія между двумя дворами, свои отношенія съ Россіей; замѣтилъ, что отъ самой Австріи зависитъ стать съ нами на равную дружескую ногу; что она много разъ пренебрегала случаемъ для этого. Онъ долго говорилъ тономъ дружескаго упрека и былъ болѣе простъ и сообщителенъ, чѣмъ во время сцены 15 августа. Публичная аудіенція имѣла видъ политической лекціи, частная аудіенція, по выраженію Меттерниха, походила «на ссору любовниковъ».

Наконецъ, пришли предупредить императора, что уже около часа ждутъ съ началомъ спектакля. «Въ этомъ вы виноваты», сказалъ онъ Меттерниху. Затѣмъ, подводя итогъ общему положенію, онъ сказалъ, что не видитъ никакого повода къ раздору между обоими государствами и даже наоборотъ. «Въ Европѣ есть мѣсто, сказалъ онъ, на которое должны быть устремлены и ваши, и наши взоры: вы видите, что происходитъ въ Константинополѣ. Если бы вы въ послѣднее время иначе держались, мы бы теперь уже сговорились; но, благодаря вашему поведенію, дѣла приняли такой оборотъ, что мнѣ придется сговариваться съ Россіей». Однако, вѣдь это вопросъ скорѣе австрійскій, чѣмъ

французскій? «У меня на Востокѣ, продолжалъ императоръ, нѣтъ прямыхъ интересовъ, и мало претензій къ Портѣ». Оканчивая разговоръ, онъ постарался дать понять, что его послѣднее слово еще не сказано, что «поступки и иное поведеніе въ мело ахъ» могли бы быть полезны Австріи и измѣнить будущее въ ея пользу [1]).

Ожидая результата своихъ намековъ, въ особенности же. чтобы Австрія высказалась по вопросу о признаніи Жозефа и дала формальный отвѣтъ на требованіе, цѣлью котораго было не только испытать ее, но и связать ей руки, онъ все еще облекаетъ свои проекты непроницаемой пеленой. По временамъ онъ, какъ будто, все еще вѣритъ въ то, что болѣе сложныя и болѣе рѣшительныя дѣла могутъ послѣдовать вскорѣ за дѣломъ, начатымъ по ту сторону Пиринеевъ: «Невозможно разсчитать, пишетъ онъ своему брату Жозефу, что можетъ случиться отъ сегодняшняго дня до апрѣля» [2]). Вокругъ него все истощено; натянутыя до крайности пружины ослабѣваютъ; люди, преданные ему, колеблются; страдающіе интересы отдѣльныхъ лицъ вызываютъ тревогу; повсюду чувствуется недовольство; истомленная Франція жаждетъ покоя и требуетъ его уже съ замѣтнымъ ропотомъ. Одинъ онъ неутомимъ и непреклоненъ; ибо онъ знаетъ, что миръ, чтобы быть прочнымъ, долженъ быть всеобщимъ; что Франція не можетъ разсчитывать на миръ, пока Англія остается подъ ружьемъ. Онъ старается оживить мужество своихъ подданныхъ, которое, видимо, ослабѣваетъ въ нихъ. Въ августѣ и сентябрѣ 1808 г. онъ предлагаетъ Франціи зрѣлище цѣлаго ряда воинственныхъ торжествъ. Колонны великой арміи, отозванныя съ Сѣвера на Югъ, проходятъ черезъ имперію, направляясь въ Испанію. Наполеону желательно, чтобы это шествіе было истиннымъ тріумфомъ, чтобы заднимъ числомъ были отпразднованы побѣды предыдущихъ лѣтъ,—тѣ побѣды, всѣхъ героевъ которыхъ нація еще не видала и не привѣтствовала; онъ желаетъ, чтобы наши батальоны, изъ которыхъ многіе понесли большія потери, но которые, несмотря на это, все еще были бодры и вѣрили въ себя, нашли на своемъ пути тріумфальныя, убранныя цвѣтами и зелеными вѣтвями, арки, украшенные флагами

[1]) Metternich, II, 207 à 214.
[2]) Corresp., 14282.

города, устроенные въ ихъ честь пиры и ликующее населеніе; чтобы въ ихъ честь были сочинены гимны, дабы при общеніи съ ними вновь вспыхнулъ охладѣвшій энтузіазмъ. Онъ самъ встрѣчаетъ ихъ въ Парижѣ, дѣлаетъ смотръ, говоритъ рѣчь, и его слова ясно говорятъ имъ, что, послѣ ожидавшей ихъ Испаніи, имъ придется встрѣтиться съ новыми трудами и пожать новые лавры, можетъ быть, въ тѣхъ странахъ, куда еще никогда не проникалъ французскій орелъ: «Солдаты, говоритъ онъ имъ, вы превзошли славу современныхъ армій, но сравнялись ли вы въ славѣ съ римскими легіонами, которые въ одну и ту же кампанію одерживали побѣды на Рейнѣ и Евфратѣ, въ Иллиріи и на Таго? Долгій миръ, прочное благосостояніе будутъ наградой за ваши труды. Истинный французъ не можетъ и не долженъ отдыхать, пока моря не будутъ открыты и свободны» [1]).

3 сентября онъ созываетъ Сенатъ и приказываетъ ему утвердить новый рекрутскій наборъ; при этомъ случаѣ его рѣчь носитъ на себѣ слѣды заботъ, которыя еще осаждаютъ его умъ. Докладъ, представленный въ оправданіе новой мѣры министромъ иностранныхъ дѣлъ, дѣлая обзоръ Европы, ограничился только намекомъ на безпорядки въ Константинополѣ. Въ своемъ собственномъ посланіи Сенату императоръ подчеркиваетъ событія въ Константинополѣ, какъ будто онъ хочетъ привлечь общественное вниманіе на Востокъ и подготовить его къ важнымъ событіямъ на этомъ поприщѣ. По его мнѣнію, чѣмъ болѣе откладывается великій проектъ, тѣмъ болѣе необходимо, чтобы Европа думала, что онъ близокъ къ осуществленію, и чтобы Англія пришла въ ужасъ. «Византійская имперія, говоритъ Наполеонъ, подвергается самымъ ужаснымъ переворотамъ. Султанъ Селимъ, лучшій императоръ, какого съ давнихъ поръ не имѣли оттоманы, только-что погибъ отъ руки своихъ ближайшихъ родственниковъ. Эта катастрофа сильно подѣйствовала на меня» [2]).

Два дня спустя онъ узналъ, что русскій императоръ выѣзжаетъ въ Эрфуртъ 12 сентября; вслѣдъ за извѣщеніемъ Коленкура прибыло и письмо Александра I-го. Наполеонъ не могъ и не хотѣлъ уклониться отъ этого приглашенія. Онъ написалъ Александру, имѣя въ виду увѣдомить его о своемъ согласіи на свида-

[1]) Corresp., 14388.
[2]) Corresp., 14923.

ніе и выразить ему, какое счастье испытываетъ онъ при мысли о встрѣчѣ съ нимъ. Онъ поручилъ маршалу Ланну привѣтствовать монарха-друга на границѣ занятыхъ нашими войсками областей (это все еще была Висла), и повсюду воздавать ему чрезвычайныя почести. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принялъ мѣры, чтобы свиданіе произошло при безпримѣрномъ блескѣ. Онъ хотѣлъ предстать въ Эрфуртѣ во всемъ блескѣ своего могущества, и, сверхъ того, собрать тамъ все наиболѣе привлекательное; хотѣлъ не только поразить и очаровать Александра, но и доставить ему развлеченія, ослѣпить и его взоры, и его умъ. Наконецъ, снова возвращаясь къ столь страстно обсуждаемому, но въ продолженіе цѣлаго года ни на шагъ не подвинувшемуся вопросу, разсматривая въ послѣдній разъ судьбу Востока, онъ позаботился точно опредѣлить рѣшенія, съ которыми онъ явится въ Эрфуртъ.

У него было обыкновеніе прибѣгать въ важныхъ и спеціальныхъ вопросахъ къ лицамъ, за которыми установилась репутація знатоковъ, и пользоваться ихъ опытомъ и знаніями. Ихъ мнѣнія, не опредѣляя его рѣшеній, служили ему матеріаломъ; они давали его рѣшеніямъ прочную точку опоры и позволяли ему охватить вопросъ со всѣхъ сторонъ. До отъѣзда онъ совѣщался съ нѣкоторыми министрами; позвалъ въ свой кабинетъ возвратившагося изъ Турціи генерала Себастіани и долго разспрашивалъ его объ этой странѣ; но прежде всѣхъ былъ приглашенъ на совѣщаніе князь Талейранъ.

Талейранъ все болѣе входилъ въ роль сдерживающаго элемента при Наполеонѣ. Это была роль, которую онъ пытался играть и которую, въ особенности, любилъ выставлять на показъ. Оцѣнивая событія съ присущей ему проницательностью скептическаго наблюдателя, онъ ясно понималъ, что борьба между Наполеономъ и Европой дѣлалась все болѣе опасной, уже не только потому, что слишкомъ затягивалась, но и потому, что дѣлалась все напряженнѣе и доходила до безпримѣрныхъ размѣровъ. Онъ сознавалъ, что ошибочныя дѣйствія дѣлали успѣхъ необезпеченнымъ, и начиналъ сомнѣваться въ конечномъ исходѣ. Онъ началъ отдѣлять свою судьбу отъ судьбы Наполеона, который, по его мнѣнію, слишкомъ зарвался; онъ началъ думать о томъ, чтобы избавиться отъ отвѣтственности, чтобы позаботиться о своемъ будущемъ, и съ этой цѣлью прилагалъ всѣ старанія отдѣлить свой политическій путь отъ пути, по которому упорно, неистово и

безъ удержу шелъ императоръ. Въ присутствіи лицъ своего круга, при иностранныхъ министрахъ, онъ порицалъ начатыя или подготовляемыя предпріятія и выражался съ сожалѣніемъ и строго о необузданномъ честолюбцѣ, стремившемся въ пропасть. Какъ скрытно ни велась эта игра, она не ускользнула отъ Наполеона. Результатомъ этого была нѣкоторая холодность въ его отношеніяхъ съ его прежнимъ министромъ. Тѣмъ не менѣе, подготовляя свиданіе. во время котораго нужно было и очаровывать, и вести переговоры, императоръ считалъ, что Талейранъ можетъ быть ему полезенъ при выполненіи той и другой задачи, и какъ искусный редакторъ, и какъ увлекательный собесѣдникъ. Рѣшивъ взять его съ собой въ Эрфуртъ, онъ сперва воспользовался имъ для подготовленія своего дѣла.

Онъ полностью посвятилъ его въ тайну нашихъ сношеній съ Россіей, разрѣшилъ взять для справокъ изъ государственной канцеляріи донесенія Коленкура, ноту Румянцева о раздѣлѣ, различныя записки Шампаньи, географическіе и статистическіе труды Барбье дю Бокажъ [1]). По его мнѣнію, изъ этихъ бумагъ князь почерпнетъ данныя для тѣхъ рѣшеній, которыя придется предлагать въ Эрфуртѣ; во всякомъ случаѣ, онъ будетъ освѣдомленъ, какъ вести разговоръ съ русскимъ государемъ и его кабинетомъ. Въ то же время одному изъ свѣтилъ департамента, Готриву, было поручено представить письменно, такъ спѣшно, какъ только допускала обширность такой задачи, соображенія по поводу раздѣла Востока. Готривъ лихорадочно взялся за работу, и началъ съ того, что представилъ записку въ пятнадцать страницъ.

Посѣдѣвъ на изученіи политическихъ задачъ, воспитанный въ разумныхъ и охранительныхъ принципахъ нашей прежней школы, ученикъ Талейрана, Готривъ ненавидѣлъ идею о раздѣлѣ Турціи. Но, съ другой стороны, онъ зналъ, что императоръ упорно держался за нее. Ему были извѣстны статьи тильзитскаго договора, равно какъ и содержаніе совѣщаній, происходившихъ въ Петербургѣ, и онъ считалъ, что эти предварительные переговоры заранѣе предрѣшали вопросъ. Онъ съ особымъ усердіемъ постарался,— о чемъ свидѣтельствуютъ его усилія,—втиснуть въ рамки своихъ

[1] Въ національныхъ архивахъ хранится собственноручное письмо, въ которомъ Талейранъ, съ разрѣшенія императора, проситъ о передачѣ ему документовъ, и свидѣтельство, удостовѣряющее, что они были ему переданы. AF. IV, 1696.

принциповъ проектъ, который былъ само ихъ отрицаніе. Благодаря такому разладу, его выводъ опровергаетъ положенія, высказанныя имъ вначалѣ; на поставленный вопросъ: слѣдуетъ ли уничтожить Турцію?—онъ отвѣчаетъ: да, послѣ устраненія всѣхъ доводовъ въ пользу противнаго мнѣнія.

Въ цѣломъ рядѣ пространныхъ, но бѣдныхъ идеями, разсужденій, онъ установилъ въ принципѣ, что раздѣлъ чреватъ самыми роковыми послѣдствіями.—Возможно ли его избѣгнуть?—Для борьбы съ Англіей, незаконно завладѣвшей морями, пишетъ онъ, двѣ великія континентальныя державы, Франція и Россія, поставлены въ необходимость принять для себя не имѣющую предѣловъ систему параллельнаго территоріальнаго расширенія. Турція, стоящая на пути, которымъ онѣ должны идти, чтобы нанести пораженіе ихъ врагу въ Индіи, является въ настоящее время первымъ государствомъ, которое должно испытать на себѣ примѣненіе этого агрессивнаго обязательства. Слѣдовательно, Турціи суждено пасть. Однако, Готривъ высказываетъ желаніе, чтобы раздѣлъ былъ допущенъ, «какъ простой проектъ, исполнимый только при лучшихъ обстоятельствахъ» [1]). Прилагая къ своей запискѣ набросокъ предварительнаго договора, онъ въ крупныхъ чертахъ указываетъ въ немъ весьма простой и скорый способъ, которымъ можно воспользоваться для опредѣленія долей. Пусть Балканскій полуостровъ, говоритъ онъ, будетъ пересѣченъ на-двое, по проведенной съ сѣвера на югъ чертѣ, по меридіану отъ Никополя на Дунаѣ до соотвѣтствующей точки на Эгейскомъ морѣ. Всѣ части на востокъ отъ этой черты, включая Константинополь и Дарданеллы, должны быть предоставлены Россіи, западная половина будетъ раздѣлена между Франціей и Австріей; Франція оставитъ за собой право опредѣлить долю Австріи, но, во всякомъ случаѣ, возьметъ себѣ Египетъ и острова. Въ заключеніе Готривъ предлагаетъ, чтобы планъ раздѣла, отложенный пока на будущее время, и только, какъ дѣло, возможное при извѣстныхъ условіяхъ, былъ сообщенъ Англіи нотою, «какъ мѣра предупрежденія, какъ угроза, которая будетъ немедленно приведена въ исполненіе, если она не окажетъ на Англію надлежащаго дѣйствія, и не сломитъ упорства ея правительства, которое не соглашается

[1]) Archives des affaires étrangères, France et divers États de l'Europe, 286. Mémoires et documents, Russie, 23.

дать Европѣ и народамъ миръ, въ которомъ всѣ такъ нуждаются».

Какъ ни велика была неопредѣленность этого проекта, въ которомъ все предоставлялось будущему, онъ не отвѣчалъ уже теперешнимъ желаніямъ императора. Правда, онъ не отказался отъ мысли поддерживать надежды Александра на раздѣлъ, но самый раздѣлъ долженъ былъ отступить въ далекую и туманную даль; онъ уже не хотѣлъ, даже условно, давать обязательства по этому дѣлу, а тѣмъ болѣе связывать себя какой-либо статьей договора. Повидимому, его рѣшеніе на этотъ счетъ установилось подъ вліяніемъ его разговоровъ съ Себастіани. Если вѣрить автору, который былъ въ курсѣ дворцовыхъ событій [1]), Себастіани три дня подъ рядъ приглашался на совѣщанія. Вначалѣ Наполеонъ все еще сочувственно относился къ идеѣ о раздѣлѣ. Онъ признавалъ, что главнымъ препятствіемъ была Австрія; онъ раздражался; говорилъ, что нужно уничтожить это препятствіе, чтобы на развалинахъ старой Европы остались только двѣ имріи, два колосса, Франція и Россія, окруженныя ихъ вассальными королевствами. Затѣмъ, спускаясь съ этихъ головокружительныхъ высотъ, онъ возвращался къ практическому изученію проекта при настоящемъ положеніи вещей. Тогда Себастіани выдвигалъ техническія соображенія, доводы военнаго человѣка военному. По его мнѣнію, для нападенія на Турцію Франція будетъ вынуждена удлинить сверхъ всякой мѣры свою операціонную линію, слѣдовательно сузить ее и растянуть. Проведенная «отъ Парижа до Аѳинъ» [2]), пересѣкая Италію, огибая Адріатику, углубляясь въ мало изслѣдованныя страны Албаніи и Греціи, эта линія, сжатая и сдавленная между моремъ и Австріей, подвергалась бы всегда опасности быть прерванной, была бы подъ угрозой внезапнаго нападенія, зависѣла бы отъ вѣроломной воли,—все это было болѣе чѣмъ вѣроятно при прошломъ и настоящемъ настроеніи вѣнскаго двора. Императоръ былъ пораженъ этимъ возраженіемъ и призналъ его неопровержимымъ. Тогда, быстро переходя къ другому рѣшенію, онъ высказалъ, что онъ надѣется и думаетъ добиться всего отъ Александра, пожертвовавъ только княжествами.

---

[1]) Le général de Ségur, Histoire de Napoléon pendant l'année 1812, I, 35. Cf. Thibaudeau, IV, 33.

[2]) Ségur, I, 34.

И, въ самомъ дѣлѣ, онъ хотѣлъ сдѣлать изъ этой уступки новую основу своихъ соглашеній съ русскимъ императоромъ. Но было бы ошибкой приписывать ему намѣреніе дать своему союзнику, хотя бы и ограниченное, но немедленное удовлетвореніе,— поставить фактъ на мѣсто надеждъ. Въ концѣ-концовъ, онъ остановился на мысли подписать такой договоръ, по которому княжества были бы только обѣщаны царю, но не предоставлены ему теперь же во владѣніе, и по которому этой цѣной обезпечивалась бы за нами свобода дѣйствій въ Испаніи и полное содѣйствіе Россіи противъ Австріи, т. е., актъ очень неопредѣленный въ дѣлѣ уступокъ съ его стороны и крайне положительный по его требованіямъ. Въ такомъ смыслѣ Талейрану было поручено составить цѣлый рядъ статей. Итакъ, Наполеонъ хотѣлъ продѣлать въ Эрфуртѣ то же самое, что и въ Тильзитѣ; онъ имѣлъ въ виду только въ болѣе опредѣленной формѣ высказаться о признанныхъ за Россіей выгодахъ, но все еще не придавая имъ безспорнаго характера.

Талейранъ исполнилъ приказанія своего повелителя. Тѣмъ не менѣе, освѣдомленный о русскихъ вожделѣніяхъ, узнавъ изъ прочитанной переписки Коленкура, какъ горячо желали раздѣла Александръ и, въ особенности, Румянцевъ, онъ не переставалъ бояться, какъ бы результатомъ свиданія не были крупныя перемѣны. Чтобы ихъ предупредить, онъ прибѣгъ къ окольнымъ путямъ и постарался вызвать внѣшнее давленіе. Какъ и всегда, онъ надѣялся на Австрію. Онъ хотѣлъ бы, чтобы Францъ I-ый, неожиданно явившись на свиданіи императоровъ въ Эрфуртѣ, заставилъ бы ихъ принять себя, какъ третьяго участника въ совѣщаніяхъ, съ тѣмъ, чтобы, опираясь на свои возстановленныя военныя силы, поддержать въ Эрфуртѣ дѣло умѣренной политики и существующихъ правъ: «Ничто не можетъ свершиться въ Европѣ, говорилъ Талейранъ Меттерниху, безъ содѣйствія или противодѣйствія австрійскаго императора. Въ настоящемъ случаѣ я желалъ бы, чтобы пріѣздъ императора Франца подѣйствовалъ, какъ тормозъ» [1]).

Меттернихъ былъ пораженъ этой идеей и поспѣшилъ сообщить ее своему двору. Затѣмъ, такъ какъ оставалось слишкомъ мало времени для полученія инструкцій, онъ, какъ человѣкъ предпріимчивый, который, не колеблясь, ловитъ случай на-лету, взялъ на свою отвѣтственность обратиться къ Наполеону съ

[1]) Metternich. II. 223.

просьбой о разрѣшеніи ему сопутствовать императору французовъ во время его поѣздки. Ему въ самой любезной формѣ отвѣтили отказомъ. Наполеонъ опасался, чтобы присутствіе Австріи въ Эрфуртѣ не повело къ сближенію ея съ Россіей. Къ тому же, въ виду характера нашихъ отношеній съ Александромъ, необходимо было, чтобы предположенное восемь мѣсяцевъ тому назадъ совѣщаніе было исключительно франко-русскимъ и чтобы всякому обмѣну мыслей между тремя великими континентальными державами предшествовало дружеское соглашеніе между императоромъ и царемъ.

Наступилъ часъ отъѣзда. 23 сентября въ Сенъ-Клу императоръ садится въ карету. Его министры, Шампаньи съ канцеляріей, Талейранъ съ своимъ вѣрнымъ Ла-Бернардіеромъ, отправились впередъ. До отъѣзда Талейранъ, чтобы быть готовымъ ко всякимъ случайностямъ, разрѣшилъ Готриву, оставшемуся въ Парижѣ, приготовить и прислать ему планъ раздѣла, болѣе подробный, чѣмъ его прежній набросокъ, но составленный въ томъ же духѣ; ибо во всякомъ случаѣ разговоръ будетъ идти о раздѣлѣ Турціи, при томъ въ срокъ и на условіяхъ, о которыхъ уже велись переговоры. Готривъ снова берется за перо и набрасываетъ на бумагѣ новый проектъ. Въ благородномъ стремленіи водворить порядокъ въ Европѣ и обезпечить ей нормальное существованіе, онъ желалъ бы, чтобы переговоры въ Эрфуртѣ положили основаніе этому великому дѣлу. Къ статьямъ, относящимся къ Турціи и Англіи, онъ прибавляетъ нѣкоторыя статьи, имѣющія общее значеніе, примѣнимыя всецѣло къ характеру нашихъ отношеній съ Россіей. 23 сентября онъ отправляетъ въ Эрфуртъ князю Беневентскому свой проектъ съ препроводительнымъ письмомъ. Изъ него видно, что, на основаніи всѣхъ переговоровъ за этотъ годъ, онъ въ это время считалъ невозможнымъ избѣгнуть, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, раздѣла Турціи и большихъ военныхъ операцій въ Азіи.

«Предназначенный къ выполненію планъ и экспедиція въ Индію, писалъ онъ Талейрану,—дѣла, при извѣстныхъ условіяхъ, возможныя, и, во всякомъ случаѣ, дѣло мудрой политики установить ихъ, какъ таковыя, теперь же, впредь до времени ихъ осуществленія. Насколько я понимаю это дѣло, нѣтъ сомнѣнія, что все это совершится. Оттоманская имперія будетъ раздѣлена, и мы сдѣлаемъ походъ въ Индію. Каковы бы ни были послѣдствія

этихъ двухъ великихъ событій, они неизбѣжны; но нужно все сдѣлать, чтобы они не наступили слишкомъ скоро; нужно все сдѣлать, чтобы выиграть время для того, чтобы обратить ихъ въ пользу континента, и, въ то же время, нужно все сдѣлать, чтобы они сдѣлались главнымъ предметомъ дѣйствительнаго и обоснованнаго страха Англіи. Въ этомъ всецѣло узелъ затрудненій. Именно въ едва-уловимой связи этихъ двухъ плановъ геній и мудрость императора должны найти разрѣшеніе современныхъ затрудненій. Я все сказалъ по этому предмету. Я хочу дать отдыхъ моему уму и съ живѣйшимъ безпокойствомъ буду ожидать извѣстій изъ Эрфурта. Никогда еще никакое имя не производило на меня такого впечатлѣнія, какъ это варварское названіе. Я не могу думать о немъ безъ страха и надежды. Съ нимъ связаны судьба Европы и всего свѣта, будущее могущество европейской политики и, быть можетъ, европейской цивилизаціи» [1]).

II.

ВСТРѢЧА.

14 сентября Александръ выѣхалъ изъ Петербурга, напутствуемый слезами и увѣщаніями своей матери. При дворѣ и въ городѣ говорили, что царь не вернется изъ Германіи; что ему устроена западня; что Наполеонъ прикажетъ его увезти и поселить во Франціи, такъ же, какъ испанскихъ Бурбоновъ; что Эрфуртъ будетъ второй Байонной. Эти слухи дошли до Гатчины, гдѣ императрица-мать проводила лѣто, и не на шутку встревожили ее. Увѣряютъ, что въ минуту прощанія она будто-бы сказала гофмаршалу Толстому, уѣзжавшему съ Его Величествомъ: «Вы отвѣтите за это путешествіе предъ императоромъ и предъ Россіей» [2]).

Александръ ѣхалъ быстрѣе «всякаго курьера», безъ всякой пышности, въ простой коляскѣ [3]). Онъ не взялъ съ собой своего

[1]) Archives des affaires étrangères, Mémoires et documents, Russie, 32.

[2]) Коленкуръ императору, 5 ноября 1808 г.

[3]) Коленкуръ императору, 23 сентября 1808 г. „Императоръ, писалъ Коленкуръ своему повелителю, рѣшилъ не брать ни своего штата, ни кухни. Въ этомъ онъ разсчитываетъ на Ваше Величество; онъ каждый день воздаетъ вамъ хвалу; хвалитъ также ваше вино, даже шампанское, которое раньше никогда не пилъ“. 24 марта 1808 г.

придворнаго штата; его спутниками были только гофмаршалъ, флигель-адъютантъ и лейбъ-хирургъ. Его братъ Константинъ и лица, которыя должны были въ Эрфуртѣ состоять при его особѣ, уѣхали раньше. Между ними были прокуроръ Святѣйшаго Синода князь Голицынъ, нѣсколько генералъ-адъютантовъ, и, среди этихъ родовитыхъ вельможъ, Николай Сперанскій, сынъ простого священника. Этотъ молодой человѣкъ, съ оригинальными и глубокими взглядами, человѣкъ сильной воли и почти апостольскаго энтузіазма, въ короткое время сдѣлался любимцемъ царя и повѣреннымъ его преобразовательныхъ стремленій. Съ его помощью Александръ надѣялся провести въ администраціи и правительствѣ упорно желаемую имъ реформу и осуществить свою благородную мечту. Въ 1808 году Сперанскій былъ на зарѣ своей карьеры; его только-что произвели въ тайные совѣтники и въ статсъ-секретари. Александръ желалъ, чтобы онъ видѣлъ Наполеона, чтобы услышалъ тѣ обаятельныя рѣчи, въ которыхъ императоръ французовъ подробно излагалъ свой образъ правленія; чтобы онъ вступилъ въ его великую школу, въ которой вырабатывались порядокъ и методъ. Сперанскому въ Эрфуртѣ предназначалась только роль слушателя, для помощи же въ переговорахъ царь разсчитывалъ на Румянцева. Вполнѣ естественно, что и Коленкуръ участвовалъ въ путешествіи. Александръ милостиво пригласилъ его, а Наполеонъ считалъ полезнымъ его присутствіе при свиданіи.

Первая остановка въ этомъ, подававшемъ столько надеждъ, путешествіи была тягостна. Прежде чѣмъ вступить въ переговоры съ геніемъ, съ баловнемъ счастья, Александръ не могъ избавиться отъ необходимости отдать визитъ людямъ въ несчастьѣ. Проѣздомъ черезъ Кенигсбергъ, онъ остановился въ немъ на два дня. Въ печальной столицѣ, гдѣ всюду чувствовалась нищета, постарались, тѣмъ не менѣе, достойно принять его и даже дать впечатлѣніе великой державы. Состоялся торжественный въѣздъ, на пути государей были выстроены войска; былъ данъ обѣдъ-гала во дворцѣ. Вечеръ второго дня былъ проведенъ въ тѣсномъ семейномъ кругу. Фридрихъ-Вильгельмъ увезъ своего гостя въ загородный домъ, купленный имъ для себя въ окрестностяхъ города. Въ этомъ скромномъ убѣжищѣ прусскій король находилъ удовлетвореніе своимъ чисто мѣщанскимъ вкусамъ, и, созерцая природу, забывалъ объ удручающихъ его ду-

махъ. При всякомъ удобномъ случаѣ Александръ выказывалъ свою обычную рыцарскую любезность: онъ былъ внимателенъ къ дамамъ, любезенъ со всѣми. Узнавъ нѣкоторыхъ изъ своихъ сотоварищей по оружiю въ 1807 г., онъ для каждаго изъ нихъ нашелъ милостивое слово. Дѣло Пруссiи, которое онъ обѣщалъ защищать въ Эрфуртѣ, повидимому, внушало ему самое живое участiе; но, въ общемъ, казалось, что его твердость не будетъ на высотѣ его добрыхъ намѣренiй. Въ своей семейной хроникѣ о дворѣ, графиня Фоссъ передаетъ слухи о такого рода разочарованiи, хотя она, подобно всѣмъ дамамъ, и была сторонницею Александра. Она находила его очаровательнымъ, но такимъ слабохарактернымъ [1]). Только одинъ министръ Штейнъ вынесъ лучшiя надежды. Онъ уловилъ въ Александрѣ возрастающiя опасенiя по поводу наполеоновскаго честолюбiя, и считалъ, что бѣдствiя Пруссiи возбудили въ немъ искреннее чувство жалости [2]).

Наполеонъ предвидѣлъ это впечатлѣнiе—это было неизбѣжное зло. Однако, случай доставилъ противъ него цѣлебное средство. За нѣсколько недѣль до этого французская полицiя въ Берлинѣ нашла у одного обвиненнаго въ шпiонствѣ прусскаго агента письмо Штейна къ князю Сайнъ-Виттгенштейну. Это письмо доказывало, что Пруссiя не только лгала, увѣряя въ своемъ раскаянiи, но и старалась поддерживать смуту и разжигать возмущенiе въ новомъ Вестфальскомъ королевствѣ. Императоръ съ гнѣвомъ и презрѣнiемъ прочелъ перехваченное письмо. «Пруссаки, сказалъ онъ, жалкiе и дрянные людишки» [3]). Онъ рѣшилъ потребовать отставки и изгнанiя Штейна, лишить его права проживать въ сосѣднихъ государствахъ, поставить его внѣ европейскаго закона; но, въ то же время, умѣя искусно пользоваться всѣми, даже внушающими ему брезгливое чувство, обстоятельствами, онъ сумѣлъ извлечь выгоды изъ до-

---

1) Neun und Sechszig Jahre am Preussischen Hofe, стр. 237.

2) Hassel приводитъ на стр. 547 письмо Штейна, написанное въ такомъ смыслѣ: „Онъ видитъ,—говоритъ прусскiй министръ, говоря объ Александрѣ,—какой опасностью угрожаетъ Европѣ честолюбiе Бонапарта, и я думаю, что онъ согласился на свиданiе только ради сохраненiя еще на нѣкоторое время внѣшняго мира“.

3) Наполеонъ Сульту. 4 сентября 1808 г., неизданное письмо. Archives nationales, AF, IV, 878

ставленнаго ему документа. Онъ использовалъ его сперва для ускоренія подписи соглашенія отъ 8 сентября, пригрозивъ въ Парижѣ принцу Вильгельму и прусскому посланнику, что прерветъ переговоры и подвергнетъ ихъ страну суровому режиму, теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, оправдываемому, если они немедленно не согласятся исполнить его волю, а затѣмъ приказалъ напечатать письмо Штейна въ *Journal de l'Empire*, сопровождая его ядовитыми комментаріями [1]). Кромѣ того, онъ приказалъ переслать Коленкуру письмо въ качествѣ вещественнаго доказательства. Посланникъ долженъ былъ показать его во время самаго путешествія сперва Румянцеву, а затѣмъ и императору Александру, какъ противоядіе отъ впечатлѣній ихъ пребыванія въ Кенигсбергѣ. Царь получилъ извѣстіе объ этомъ случаѣ тотчасъ по выѣздѣ изъ Кенигсберга. Онъ былъ удрученъ имъ и сразу же понялъ, что Пруссія сама доставила противъ себя страшное оружіе. «Это потемнѣніе разума, сказалъ Румянцевъ, и при томъ необъяснимое» [2]).

Какъ только Александръ переправился черезъ Вислу, онъ замѣтилъ наши флаги и мундиры. Немного далѣе, въ Фридбергѣ, его привѣтствовалъ маршалъ Ланнъ, котораго онъ взялъ къ себѣ въ коляску и съ которымъ завязалъ дружескій разговоръ. Когда иностранецъ, хотя бы то былъ государь, встрѣчается съ французомъ, онъ почти немедленно начинаетъ говорить съ нимъ о Парижѣ. Александръ не нарушилъ общепринятаго обычая. «Онъ много говорилъ мнѣ о Парижѣ, писалъ маршалъ; онъ даже сказалъ мнѣ, что, если дѣла устроятся такъ, какъ онъ надѣется, онъ чрезвычайно желалъ бы посѣтить нашу столицу и подольше побыть съ императоромъ Наполеономъ» [3]). Онъ безъ устали говорилъ о своей привязанности къ императору французовъ и не только любовался, но и интересовался нашими войсками. На Вислѣ онъ обратилъ особенное вниманіе на 26-й полкъ легкой пѣхоты и 8-ой гусарскій полкъ за ихъ «выправку» [4]); въ Кюстринѣ онъ пожелалъ остановиться на нѣсколько часовъ.

---

[1]) Voy. le Journal de l'Empire (Journal des Débats) du 9 septembre 1808.

[2]) Коленкуръ императору, 23 сентября 1808 г.

[3]) Письмо маршала было опубликовано M. R. Bittard des Portes въ Revue d'Histoire diplomatique, janvier 1890, 143—144.

[4]) Письмо маршала Ланна.

чтобы видѣть стоящую въ немъ гарнизономъ кирасирскую дивизію. Впрочемъ, были приняты мѣры, чтобы наиболѣе выдающіеся по военной выправкѣ или по красотѣ обмундированія полки были показаны ему на многихъ остановкахъ его пути. Стоящія внѣ всякаго сравненія войска были разставлены шпалерами отъ города до города, вдоль всего его пути черезъ Германію.

По мѣрѣ приближенія къ цѣли, царь ѣхалъ быстрѣе. Не заѣхавъ въ Берлинъ, промчавшись черезъ Лейпцигъ, онъ остановился только въ Веймарѣ, совсѣмъ возлѣ Эрфурта; онъ хотѣлъ тамъ отдохнуть нѣсколько часовъ и «сдѣлать свой туалетъ» [1]), прежде чѣмъ отправиться къ мѣсту свиданія, гдѣ Наполеонъ долженъ былъ уже ждать его и принять 27-го.

Расположенный на полпути между Рейномъ и Эльбой, въ одной изъ мѣстностей Германіи, гдѣ скрещиваются нѣсколько путей, древній ганзейскій городъ Эрфуртъ былъ нѣкогда обязанъ своимъ значеніемъ и богатствомъ своей торговлѣ. Позднѣе, вмѣстѣ съ свободой исчезло и его оживленіе; древній городъ заглохъ подъ управленіемъ духовнаго князя, а затѣмъ былъ присоединенъ къ Пруссіи. Послѣ Іены, онъ остался въ вѣдѣніи императора въ числѣ военной добычи, которую онъ удержалъ за собой для того, чтобы потомъ распредѣлить ее по своему усмотрѣнію. Онъ ожидалъ своей участи, не зная, будетъ ли онъ саксонскимъ или вестфальскимъ городомъ, будетъ ли оставленъ князю-примасу или отданъ какому-нибудь великому герцогу, когда узналъ, что земные владыки назначили себѣ свиданіе въ его стѣнахъ, и что въ немъ будутъ обсуждаться дѣла, имѣющія міровое значеніе. Прежде всего, извѣстіе объ этомъ его смутило. Мирный городъ Эрфуртъ, населеніе котораго состояло изъ горожанъ и чиновниковъ, не претендовалъ на столь высокое положеніе, да къ тому же и устройство его совершенно не годилось для его новой роли. Очевидно было, что его извилистыя, плохо мощеныя, не освѣщавшіяся по вечерамъ улицы и неправильныя площади были мало пригодны для процессій и движенія войскъ. Его узенькіе дома съ остроконечными коньками, съ живописными фасадами, которые искусство шестнадцатаго вѣка украсило нѣжной лѣпной работой, если до сихъ поръ и были достаточно просторны для того, чтобы укрывать

[1]) Коленкуръ императору, 23 сентября 1808 г.

подъ своей кровлей роскошную семейную обстановку богатыхъ горожанъ, вовсе не отвѣчали требованіямъ блестящей жизни двора. Что за дѣло! хозяинъ такъ приказалъ. Эрфуртъ не принадлежалъ себѣ. Онъ долженъ былъ предоставить себя въ распоряженіе владыки и измѣнить весь строй своей жизни, сдѣлаться на нѣсколько дней столицей и приспособиться къ почестямъ и обязанностямъ, связаннымъ съ его непредвидѣннымъ назначеніемъ.

Сперва имъ завладѣлъ военный элементъ; всюду появились войска. Въ крѣпости—артиллерія съ генераломъ графомъ Удино, комендантомъ крѣпости; въ городѣ отборныя войска, въ окрестныхъ деревняхъ — разставленные по квартирамъ пѣхотные полки. Сперва горожане съ восхищеніемъ смотрѣли, какъ проходили наши великолѣпныя войска, но потомъ сообразили, что имъ, пожалуй, придется снабжать ихъ съѣстными припасами и отводить имъ квартиры; это соображеніе умѣрило ихъ восторгъ. За нашествіемъ солдатъ послѣдовало нашествіе чиновниковъ, агентовъ и рабочихъ. Они являлись длинными вереницами, привозя съ собой обозы съ дорогими вещами. Ихъ руками все было исправлено и украшено. Въ княжескомъ дворцѣ прежняя мебель была замѣнена обстановкой въ современномъ стилѣ; античныя вещи были подновлены, появились бронза, вазы, статуи; стѣны залъ, украшенныя легкой лѣпной работой, скрылись подъ тяжелыми матеріями и гобеленами. Портреты прежнихъ князей, герцогинь въ фалборкахъ, съ улыбками на напудренныхъ лицахъ, уступили мѣсто эмблемамъ имперіи; орлы и золоченыя пчелы были всюду разсыпаны по пурпурнымъ обоямъ. Старый, заброшенный и превращенный уже въ сарай, придворный театръ снова засверкалъ своей подновленной позолотой; нѣкоторые дома горожанъ, отведенные подъ квартиры гостямъ императора, украшались роскошно и принимали видъ дворцовъ [1]).

Къ этимъ нескрываемымъ приготовленіямъ присоединились тайныя мѣры предосторожности. Въ Эрфуртѣ, какъ и вездѣ въ Германіи, были недовольные; ихъ число увеличивалось съ каждымъ днемъ. Ихъ называли ихъ родовымъ именемъ—пруссаками, ибо взоры и надежды ихъ инстинктивно устремлялись къ Прус-

[1]) Донесенія полиціи. Archives nationales, AF, IV, 1696.

сіи. Важно было учредить надъ ними надзоръ. Во время свиданія желательно будетъ слѣдить за состояніемъ умовъ и направлять ихъ надлежащимъ образомъ, и съ этой цѣлью императорская полиція, роль которой въ правительствѣ усиливалась съ каждымъ днемъ, поставила на ноги всѣ свои резервы. Парижъ прислалъ полный комплектъ служащихъ, другой былъ организованъ на мѣстѣ, набранъ въ странѣ [1]). Его составили изъ разнаго рода агентовъ, тайныхъ и явныхъ, состоящихъ на службѣ и изъ добровольцевъ. *Блюстители* замѣчали злонамѣренныхъ, слѣдили за ихъ поступками, проникали во всѣ собранія, подслушивали, что говорилось въ частныхъ кружкахъ, въ кофейняхъ и «казино». Каждый день ихъ задача становилась тяжелѣе, ибо населеніе Эрфурта на глазахъ у всѣхъ удваивалось и утраивалось. Двадцать городскихъ гостиницъ брались съ боя, частные дома были переполнены. Каждый часъ прибывали новыя лица; вчера — группа дипломатовъ, пріѣхавшая до своихъ государей; сегодня — Comédie française, приглашенная въ усиленномъ составѣ, въ числѣ тридцати двухъ человѣкъ; затѣмъ любопытные, чиновники въ отпуску, профессіональные игроки, люди ничѣмъ не занятые, пріѣхавшіе съ германскихъ водъ, изъ Карлсбада и Теплица, изъ всѣхъ увеселительныхъ и общественныхъ мѣстъ, которыя Меттернихъ называлъ «кафе Европы» [2]); наконецъ, среди этой жужжащей и разношерстной толпы появились люди, обращающіе на себя вниманіе: важныя особы всякаго рода, маршалы имперіи, владѣтельные принцы и короли.

Первые слухи о свиданіи вызвали при германскихъ дворахъ большое волненіе. Наиболѣе значительные изъ нихъ оказались въ наиболѣе затруднительномъ положеніи. Короли Баваріи, Саксоніи, Вюртемберга,—короли милостью Наполеона,—желали выразить свое уваженіе и преданность ихъ вождю и государю, покровителю Конфедераціи. Но, можетъ быть, императоры предпочтутъ быть только вдвоемъ, и присутствіе королей можетъ вызвать ихъ неудовольствіе, помѣшать ихъ дружескимъ бесѣдамъ, такъ какъ, по своему офиціальному званію, короли имѣли право на приличествующіе имъ почетъ и мѣсто рядомъ съ Наполеономъ и Александромъ? Короли оставались въ нерѣшительности, колеблясь

[1]) Archives nationales, AF, IV, 1696. Брокгаузенъ прусскому королю, 20 сентября 1808 г., Hassel, 512.

[2]) Меттернихъ Шампаньи, 3 августа 1808 г. Archives des affaires étrangères, Vienne 381.

между желаніемъ угодить императору и боязнью его стѣснить. Въ концѣ-концовъ, они рѣшили написать императору и представить вопросъ на его благоусмотрѣніе. Они сообщили ему о своемъ желаніи и о своихъ сомнѣніяхъ, и почтительно просили допустить ихъ въ Эрфуртъ. Великій герцогъ Баденскій, который по своему преклонному возрасту не могъ пріѣхать, старался извиниться письмомъ, написаннымъ въ особенно униженной формѣ, въ которомъ онъ выражалъ повелителю «чувства глубокаго благоговѣнія» и «свои неизмѣнныя пожеланія ему славы и сохраненія его драгоцѣннаго здоровья» [1]). Таковъ былъ тонъ, который царилъ между императоромъ и его крупными германскими вассалами.

Наполеонъ позволилъ королямъ пріѣхать въ Эрфуртъ. Первыми получившими отвѣтъ были короли Саксонскій и Вюртембергскій; они отправились тотчасъ же. Такъ какъ отвѣтъ королю Баварскому немного запоздалъ, то онъ испытывалъ страшное безпокойство. Онъ собственноручно написалъ нашему посланнику, аккредитованному при его дворѣ, слѣдующую записку: «Король Саксонскій со вчерашняго дня въ Эрфуртѣ. Мой зять герцогъ Баварскій сообщаетъ мнѣ, что онъ тоже ѣдетъ туда. Неужели я одинъ буду исключенъ? Я знаю, что Императоръ относится ко мнѣ дружелюбно; смѣю льстить себя надеждой, что онъ считаетъ меня среди самыхъ вѣрныхъ его союзниковъ; несмотря на все это, если онъ не пригласитъ меня къ себѣ, хотя бы на двадцать четыре часа, онъ, до нѣкоторой степени, умалитъ мое политическое значеніе и огорчитъ меня лично. Если вы найдете, что эти соображенія не прогнѣваютъ Его Величество, я уполномочиваю васъ, господинъ Отто, довести ихъ до его свѣдѣнія» [2]). Когда Максимиліанъ Іосифъ, узналъ, наконецъ, что императоръ позволяетъ ему явиться, онъ былъ внѣ себя отъ радости. «Никогда Его Величество, писалъ Отто, не казался мнѣ болѣе довольнымъ и болѣе веселымъ» [3]).

Что же касается князьковъ, которыхъ имѣлось въ Германіи въ изобиліи, ихъ ничтожество избавляло ихъ отъ всякаго затрудненія. Они явились безъ предварительнаго извѣщенія, зная, что ихъ присутствіе никого ни къ чему не обязываетъ, и въ

---

[1]) Archives nationales, AF, IV, 1696.

[2]) Archives des affaires étrangeres, Baviere, 184.

[3]) Id. Отто къ Шампаньи, 30 сентября, 1808 г.

надеждѣ, что и на нихъ падетъ взоръ повелителя. Они понаѣхали со всѣхъ концовъ, съ сѣвера и юга; они пріѣзжали или въ одиночку, или съ семействами, и ихъ имена стояли вперемежку въ спискѣ иностранцевъ, добивавшихся милости быть представленными Его Величеству, на-ряду съ польскими полковниками и нѣмецкими графинями. Каждый изъ нихъ былъ одновременно и льстецомъ, и просителемъ. У каждаго свое прошеніе, своя просьба. Кто хочетъ городъ, кто денегъ, кто титула или какой-либо милости. Никто не желалъ сдѣлать безкорыстнаго путешествія и вернуться съ пустыми руками. Герцогъ Ольденбургскій проситъ вернуть ему нѣсколько клочковъ земли за счетъ Голландіи; герцогъ Веймарскій проситъ Эрфуртъ; герцогъ Кобургскій—Байрейтъ и Кульмбахъ, «съ такимъ округленіемъ, чтобы привести ихъ въ непосредственное соприкосновеніе съ Кобургскимъ герцогствомъ». Герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій проситъ титула великаго герцога, герцогъ Мекленбургъ-Стрелицкій желаетъ, «чтобы соблюдалось полное равенство между его домомъ и Шверинскимъ.—Принцъ де-ла-Туръ-и-Таксисъ желаетъ вознагражденія за потерянные имъ, благодаря новому устройству имперскихъ почтъ, доходы. Герцогъ Александръ Вюртембергскій желаетъ аббатства въ вознагражденіе за потерю своихъ удѣловъ» [1]).

Тѣмъ не менѣе, эти, затерянные въ толпѣ посѣтителей, принцы, старались отличаться отъ нея роскошью своихъ уже вышедшихъ изъ моды ливрей и экипажей и обиліемъ придворнаго штата. Вмѣстѣ съ ними снова появились придворные чины и титулы феодальной Германіи. Собравшихся въ Эрфуртѣ, насквозь пропитанныхъ чванствомъ камергеровъ, тайныхъ совѣтниковъ, оберъ-шталмейстеровъ было несчетное число. Но, какъ только появлялся французъ болѣе или менѣе близкій къ императорской свитѣ, каждый изъ нихъ старался почтительно держаться въ сторонкѣ,—до такой степени было врожденно у нѣмцевъ поклоненіе силѣ. Старый режимъ преклонялся передъ новымъ; принцы царствующаго дома давали дорогу герцогамъ, созданнымъ Наполеономъ. Чтобы на чемъ-нибудь сорвать злобу за такое общее униженіе, они соперничали между собой, воскрешали старыя претензіи и старыя ссоры; эти статисты шумно толкались на сценѣ въ ожиданіи, когда появленіе главныхъ актеровъ заставитъ ихъ замолчать.

[1]) Списокъ просьбъ нѣмецкихъ принцевъ, ссставленный Шампаньи. Archives nationales, AF. IV. 1696.

Наполеонъ пріѣхалъ 27-го утромъ, неожиданно, какъ простой путешественникъ, сопровождаемый только княземъ Невшательскимъ. Красивые эскадроны его гвардіи скакали вокругъ его кареты. Видъ этихъ воиновъ, героевъ сказочныхъ подвиговъ, этой живой легенды, произвелъ на народъ свое обычное, захватывающее впечатлѣніе. Наполеонъ не пожелалъ, чтобы ему былъ сдѣланъ офиціальный пріемъ. Были приготовлены тріумфальныя арки,—онъ приказалъ ихъ отмѣнить. Онъ хотѣлъ, чтобы всѣ почести, всѣ знаки вниманія были общими для обоихъ императоровъ, и отказался преждевременно принять на свой счетъ хотя бы ничтожную ихъ часть. Онъ помѣстился во дворцѣ, отправилъ нѣкоторыя приказанія. написалъ Камбасересу, отдалъ визитъ королю Саксонскому; затѣмъ сѣлъ на коня и со всѣмъ своимъ придворнымъ штатомъ поѣхалъ навстрѣчу русскому императору.

На нѣкоторомъ разстояніи отъ города показалась ѣхавшая съ противоположной стороны коляска Александра, окруженная группой блестящихъ офицеровъ. Александръ вышелъ изъ коляски, Наполеонъ сошелъ съ коня. Оба императора пошли другъ другу навстрѣчу, обнялись, затѣмъ, въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ обмѣнивались сердечными привѣтствіями, какъ друзья, при радостной, давно-желанной встрѣчѣ. По знаку Наполеона, Александру подвели коня съ сѣдломъ, на какомъ обыкновенно ѣздилъ царь, убраннаго по-русски чепракомъ изъ горностаеваго мѣха. Александръ сѣлъ на него, Наполеонъ на своего коня; ихъ свиты смѣшались, и, составивъ одну колонну, всѣ направились въ городъ, готическій силуэтъ котораго обрисовывался вдали.

Войска въ парадныхъ мундирахъ были собраны у въѣзда въ Эрфуртъ. Артиллерія гремѣла непрерывными залпами, старыя крѣпостныя орудія отвѣчали французскимъ батареямъ, а въ промежуткахъ между оглушительной пальбой въ воздухѣ разносился со всѣхъ церквей, со всѣхъ башенъ торжественный и ясный звонъ колоколовъ. Съ высотъ, окружающихъ Эрфуртъ и представлявшихъ природныя трибуны, несмѣтная толпа любопытныхъ любовалась величественнымъ зрѣлищемъ, приближавшимся къ городу. Позади стальныхъ рядовъ кавалеріи авангарда виднѣлись блестящіе чины свиты,—снѣжная бѣлизна султановъ, блестящіе мундиры, золотое шитье и цвѣта лентъ большихъ орденовъ, начиная съ красной ленты Почетнаго Легіона до го-

лубой ленты ордена Андрея Первозваннаго; мало-по-малу впереди группы начали выдѣляться оба императора. Они ѣхали рядомъ. Александръ, изящный въ темно-зеленомъ общегенеральскомъ русскомъ мундирѣ, ловко управляя своимъ конемъ, ѣхалъ по правую руку; его высокая и стройная фигура была выше фигуры его союзника. Однако, всѣ взоры привлекалъ и приковывалъ къ себѣ небрежный всадникъ, казавшійся сгорбленнымъ, благодаря своей короткой и коренастой фигурѣ, въ простомъ мундирѣ стрѣлковъ французской гвардіи,—то былъ Наполеонъ. Рядомъ съ нимъ меркло всякое величіе, всякое великолѣпіе, ибо его безсмертныя дѣла, окружая его своимъ блескомъ, указывали на него народамъ и были его волшебными спутниками [1]).

Въѣздъ въ городъ былъ торжественный. Барабаны били походъ, знамена склонялись, и, по мѣрѣ того, какъ передъ войсками проѣзжали свиты обоихъ императоровъ, въ рядахъ поднимались возгласы: «Да здравствуютъ Императоры!» Въ продолженіе дня Наполеонъ и Александръ показывались нѣсколько разъ съ многочисленной свитой, и народное любопытство было удовлетворено въ избыткѣ. Возлѣ императора отыскивали и старались разглядѣть знаменитыхъ высокотитулованныхъ людей, тѣхъ генераловъ, которые носили прозвища по ихъ побѣдамъ, сыновъ народа и побѣдителей королей; тѣхъ преданныхъ слугъ, которыхъ народное воображеніе никогда не отдѣляло отъ Наполеона и всегда ставило рядомъ съ нимъ: Ланна, Бертье, командира стрѣлковъ Дюрока, Коленкура, снова принявшаго на себя обязанности оберъ-шталмейстера. Министровъ, государственныхъ людей было труднѣе найти въ глубинѣ ихъ каретъ; называли Талейрана, Шампаньи, Румянцева. Формы французскихъ сановниковъ и русскіе мундиры поражали своей новизной. Въ ходъ пошли анекдоты. Манера держать себя, малѣйшій жестъ обоихъ государей находили своихъ истолкователей; передавали, что они все время дружески разговаривали, что на ихъ лицахъ были написаны сердечность и довѣріе, и что они подъ-руку вошли въ домъ, предназначенный императору Александру. Эти обстоятельства принимались за счастливыя предзнаменованія и уменьшали опасенія за будущее. Но, послѣ того, какъ стало извѣстно, что императоръ, по случаю радост-

[1]) Thibaudeau, IV, 58 и слѣд., неизданные документы.

наго прибытія, освобождаетъ жителей отъ обязанности давать квартиру и провіантъ войскамъ, ничто болѣе не мѣшало полному удовольствію; видъ города, по донесенію одного полицейскаго съ претензіями на краснорѣчіе, «давалъ сладостное удовлетвореніе наблюдателю» [1]). Вечеромъ въ иллюминованномъ городѣ гарнизонъ и народъ общими группами ходили свободно по улицамъ, и ничто не нарушало порядка. Спокойствіе было полное, восторгъ казался единодушнымъ; каждый оставался подъ впечатлѣніемъ событій дня и незабвеннаго величественнаго зрѣлища [2]).

На другой день оба императора установили порядокъ дня на время своего пребыванія вмѣстѣ. Они условились, что каждый изъ нихъ предоставитъ себѣ утро для личныхъ дѣлъ; время послѣ полудня будетъ посвящено вопросамъ политики, пріемамъ монарховъ и высокопоставленныхъ лицъ и прогулкамъ; вечеръ— свѣту и развлеченіямъ. Этотъ же день былъ отмѣченъ замѣчательнымъ событіемъ. Прибылъ чрезвычайный австрійскій посолъ, генералъ баронъ Винцентъ, съ письмами своего государя къ Наполеону и Александру, и то и другое сердечныя, но безсодержательныя. Очевидно, что, подъ видомъ этого дружескаго шага, Францъ I-ый, отчасти по совѣту Талейрана, хотѣлъ обратить на себя вниманіе императоровъ и косвенно вмѣшаться въ ихъ переговоры. Наполеонъ немедленно далъ аудіенцію барону Винценту и при торжественной обстановкѣ принялъ его посланіе.

Этотъ моментъ и выбралъ придворный художникъ для того, чтобы въ сценѣ, воспроизведенной его воображеніемъ на картинѣ, сохраняемой въ музеѣ нашей славы, искусно сгруппировать главныя лица, собравшіяся въ Эрфуртѣ, въ тѣхъ позахъ, которыя имъ приписываются разсказами современниковъ и легендами. Пріемъ происходитъ въ кабинетѣ императора. Возлѣ массивнаго стола стоитъ императоръ. Его, съ печатью думы, озаренное славой чело слегка наклонено; рука величественно протянута за письмомъ, которое подаетъ ему съ глубочайшимъ поклономъ баронъ Винцентъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ императоръ Александръ съ довольнымъ взоромъ созерцаетъ эту подающую надежду на мирный исходъ сцену; его поза даетъ

---

[1]) Донесеніе полиціи отъ 29 сентября.

[2]) Донесеніе коменданта крѣпости, донесенія полиціи. Archives nationales. AF, IV, 1696. Thibaudeau, loc. cit

полную возможность любоваться тонкимъ очертаніемъ его профиля, его благородной и изящной осанкой. На второмъ планѣ между обоими императорами виденъ Талейранъ; его темный съ голубымъ шитьемъ костюмъ вноситъ скромную нотку въ среду блестящихъ мундировъ; напудренные волосы смягчаютъ жесткое выраженіе его лица и напоминаютъ былую красоту; помѣщенный позади стола, онъ, повидимому, ограничивается ролью безпристрастнаго секретаря; онъ какъ бы готовится писать подъ диктовку обоихъ императоровъ и составить актъ принятыхъ ими рѣшеній. Въ глубинѣ залы виднѣются короли, нѣмецкіе принцы и министры; затѣмъ, Дюрокъ, Бертье, Маре, Коленкуръ, другіе слуги императора; наконецъ, графъ Румянцевъ и великій князь Константинъ, татарское лицо котораго выступаетъ въ полумракѣ. Всѣ эти лица сгруппированы въ разныхъ позахъ, но такимъ образомъ, чтобы составить кругъ царедворцевъ около императора, который занимаетъ середину сцены и привлекаетъ и сосредоточиваетъ на себѣ всеобщее вниманіе. Лица, такъ же какъ и костюмы и аксессуары, воспроизведены съ исторической вѣрностью: каждая фигура—портретъ. Что же касается выраженія лицъ, художникъ—сознательно или безсознательно—изображаетъ ихъ намъ съ тѣмъ выраженіемъ, которое они принимали для парадныхъ сценъ, слѣдовавшихъ одна за другой въ Эрфуртѣ, т.-е. холодными, безстрастными и торжественными. На лицахъ всѣхъ присутствующихъ выраженіе казенной пріятности, то выраженіе удовольствія по обязанностямъ службы, при которомъ неуловимы внутреннія чувства, которыя волнуютъ ихъ и заставляютъ биться ихъ сердца. Попытаемся же подъ этой дѣланной внѣшностью добраться до душевныхъ состояній. Попробуемъ у этихъ лицъ, большинство которыхъ будетъ въ Эрфуртѣ играть роль и оказывать свое вліяніе, выдѣлить пылкую игру ихъ страстей, ихъ ненависти, ихъ вожделѣній, готовыхъ слиться воедино или бороться, соединиться на общей почвѣ интригъ или съ любезностью царедворцевъ начать упорную борьбу.

Австрійскій посолъ, согнувшись въ робкой почтительной позѣ, выражаетъ только притворную покорность, принятую императоромъ съ недовѣріемъ. Наполеонъ хочетъ судить объ Австріи по ея поведенію, а не по словамъ; онъ не получилъ еще никакого убѣдительнаго доказательства ея добрыхъ намѣреній. Самъ баронъ Винцентъ—врагъ; нашъ посланникъ въ Вѣнѣ, оповѣщая

объ этомъ, указываетъ на него, какъ на наперсника и креатуру Стадіона, этого неисправимаго нашего противника [1]). Въ Эрфуртѣ баронъ Винцентъ будетъ, главнымъ образомъ, въ качествѣ соглядатая; ему поручено разузнать секретъ обоихъ императоровъ, проникнуть въ тайну ихъ совѣщаній, и, если возможно, вырвать Александра изъ-подъ вліянія Наполеона. Онъ уже позондировалъ почву, и почуялъ поддержку для достиженія своей задачи, обнаруживъ среди самихъ же французовъ помощниковъ и такого союзника, лучше котораго не могъ желать.

Точно также князь Талейранъ, который только старается дѣлать видъ, что держится въ сторонѣ и отходитъ въ глубину сцены, намѣренъ, оставаясь въ тѣни, играть выдающуюся роль и вести свою собственную линію. Эрфуртъ—та почва, на которой завяжется рѣшительная игра, въ которой онъ принимаетъ участіе уже нѣсколько мѣсяцевъ; съ этого времени онъ находится въ рядахъ скрытыхъ, но безспорныхъ враговъ своего повелителя, и является сюда не съ цѣлью служить его волѣ, а съ цѣлью составить заговоръ противъ его плановъ. У него на первомъ планѣ—вести переговоры о своемъ обособленномъ личномъ мирѣ съ Европой, скрѣпить свои добрыя отношенія съ Вѣной и заручиться довѣріемъ царя для того, чтобы застраховать себя отъ опасностей въ будущемъ. Въ Эрфуртѣ онъ вступаетъ съ Александромъ въ сношенія, которыя шесть лѣтъ спустя позволятъ ему воздать русскому монарху почести отъ имени взятаго Парижа.

Его измѣной руководили и другія, болѣе возвышенныя побужденія. Видя съ справедливымъ ужасомъ, какъ Наполеонъ все болѣе стремится къ невозможному и идетъ къ вѣрной гибели, но неправильно оцѣнивая роковыя потребности, управляющія политикой императора, онъ считалъ, что существовало только одно средство остановить его и умѣрить его пылъ, и что такимъ средствомъ было—поддержать мужество другихъ государей и убѣдить ихъ стойко сопротивляться ему. Онъ становится въ противные ряды, на сторону иностранцевъ, и измѣняетъ его дѣлу, обольщая себя мыслью, что служитъ его интересамъ. Беря противоположное направленіе во всемъ, чего желаетъ и чего доби-

1) Андреосси къ Шампаньи, 22 сентября 1808 г. Archives des affaires étrangères, Vienne, 381.

вается императоръ, онъ постарается сдѣлать такъ, чтобы Австрія не слишкомъ склонялась передъ нимъ, чтобы императоръ Александръ не вполнѣ довѣрялся ему. Онъ предупредитъ Александра, посовѣтуетъ ему не поддаваться соблазну, попытается уронить въ его глазахъ обаяніе Наполеона и будетъ умолять его не приносить независимости Европы въ жертву своимъ собственнымъ честолюбивымъ стремленіямъ. Хотя онъ и желаетъ, чтобы переговоры дали результаты, и чтобы состоялось соглашеніе между обоими государями, но онъ хочетъ, чтобы это соглашеніе было неполнымъ, было окружено предосторожностями и обставлено ограничительными условіями. По его мнѣнію, союзъ съ Россіей долженъ сдѣлаться для Наполеона не рычагомъ, а тормозомъ. Идея, которая была бы вѣрна и глубока, если бы Англія была расположена вести переговоры, и если бы всеобщій миръ зависѣлъ только отъ умѣренности завоевателя. При существующихъ же условіяхъ его идея —ложная, игра—преступная и роковая, такъ какъ Англія—она вскорѣ докажетъ это—непоколебимо рѣшила не уступать до тѣхъ поръ, пока у нея будетъ еще надежда на возможность разъединить континентъ, или пока Наполеонъ не соединитъ въ своихъ рукахъ для борьбы съ нею всю Европу.

Тотчасъ же по пріѣздѣ Александра Талейранъ испросилъ себѣ у него тайную аудіенцію, о чемъ мы знаемъ со словъ Меттерниха, которому было сообщено объ этомъ подъ строжайшимъ секретомъ. Чтобы пріобрѣсти довѣріе царя, онъ сдѣлалъ безразсудно-смѣлый, но крайне искусный ходъ—онъ съ первыхъ же словъ отдалъ свою судьбу въ его руки. Онъ сказалъ ему слѣдующія смѣлыя слова: «Государь, зачѣмъ пріѣхали вы сюда? Вамъ надлежитъ спасти Европу, а вы достигнете этого, только ни въ чемъ не уступая Наполеону. Французскій народъ цивилизованъ, его государь не цивилизованъ. Русскій государь цивилизованъ, а его народъ нѣтъ. Слѣдовательно, русскому государю надлежитъ быть союзникомъ французскаго народа» [1]).

И въ слѣдующихъ бесѣдахъ Талейранъ продолжаетъ развивать ту же мысль. Онъ указываетъ, что пресыщенная славой, утомленная побѣдами, жаждущая покоя Франція, чтобы избавиться отъ новыхъ испытаній, ввѣряется мудрости и стойкости Александра, и прибѣгаетъ къ нему, какъ къ посреднику между

[1]) Metternich, II, 248.

нею и ненасытнымъ геніемъ, который ее изнуряетъ. Онъ развиваетъ эту тему передъ царемъ и при содѣйствіи посредниковъ; онъ влагаетъ ее въ уста другихъ лицъ. Пуская въ ходъ всѣ средства, которыя подсказываетъ ему его изощренный умъ, свое обаятельное обращеніе и превосходное знаніе людей и дѣлъ, онъ умѣло вербуетъ въ свою партію самыхъ разнородныхъ лицъ. Въ каждомъ собесѣдникѣ онъ находитъ его слабую струнку разжигаетъ господствующую въ немъ страсть, и, овладѣвая имъ, пользуется имъ для достиженія своихъ цѣлей. Ему удается сойтись съ Толстымъ, который долго уклонялся отъ сближенія; онъ поддерживаетъ его страхи, заставляетъ его въ пылу горячихъ разговоровъ повторить своему государю все, что заключалось въ его депешахъ. Онъ ухаживаетъ за Румянцевымъ, очаровываетъ его, внушаетъ ему свои идеи, льстя тщеславію, которое составляетъ преобладающую слабость престарѣлаго государственнаго человѣка, и ослѣпляетъ его мечтой о великой роли, которую ему предназначено сыграть. Онъ умѣетъ привлечь на сторону своихъ взглядовъ и превратить въ безсознательныхъ соучастниковъ даже самыхъ усердныхъ слугъ Наполеона. Оправдывая въ маршалахъ, въ сановникахъ начинавшую проглядывать въ нихъ усталость и желаніе мирно наслаждаться пріобрѣтеннымъ положеніемъ, онъ доводитъ до Александра отголоски ихъ жалобъ; онъ пріучилъ ихъ чтить въ немъ олицетвореннаго генія политики, и не одинъ изъ нихъ думаетъ, что, слѣдуя направленію, данному княземъ, онъ тѣмъ самымъ доказываетъ свою просвѣщенную преданность императору. Однимъ словомъ, съ поразительнымъ искусствомъ и осторожностью, Талейранъ работаетъ надъ тѣмъ, чтобы соткать вокругъ царя сѣть интригъ и незамѣтно завлечь его въ свои сѣти. Въ Тильзитѣ Наполеонъ побѣдилъ Александра. Отчего же Талейранъ не можетъ взять его въ плѣнъ въ Эрфуртѣ? [1]).

Несмотря на знаки привязанности и дружбы Наполеона къ царю, которые царь и самъ расточаетъ ему, царь взволнованъ и пораженъ доходящими до него съ той стороны рѣчами. Онъ самъ говоритъ, что онѣ кажутся ему выраженіемъ

---

[1]) Mettenich. II, 247—48. Cf. les Réminiscences sur Napoléon et Alexandre I-er, par la comtesse de Choiseul-Gouffier, p. 168.

мнѣнія «всего мыслящаго во Франціи» [1]); онъ видитъ въ нихъ подтвержденіе осаждающихъ его столько мѣсяцевъ сомнѣній, непреложное доказательство его личнаго недовѣрія. Такъ какъ «даже самые просвѣщенные и наиболѣе мудрые люди Франціи» [2]), сами не довѣряютъ императорской политикѣ и не одобряютъ ее, его ли дѣло сглаживать пути не знающаго границъ честолюбца и помогать ему сокрушать всѣ препятствія? Безразсудство такого попустительства представляется ему теперь доказаннымъ. Но онъ не хочетъ отказаться отъ союза съ Франціей до полученія отъ него выгодъ; онъ согласится продолжить опытъ, но при условіи, что Наполеонъ дастъ ему удовлетвореніе, требовать котораго даютъ ему право оказанныя имъ услуги и его долготерпѣніе. Но онъ ждетъ теперь этихъ, столь горячо желанныхъ, выгодъ уже не отъ дружбы своего союзника, а въ силу его затруднительнаго положенія. Онъ надѣется, что Франція, занятая въ Испаніи, находясь подъ угрозой со стороны Австріи, предоставитъ ему за незначительныя услуги свободу дѣйствій на Дунаѣ, позволитъ ему преслѣдовать тамъ свое частное дѣло и со славой окончить текущія предпріятія. По достиженіи этого результата, онъ вполнѣ избавится отъ зависимости и подумаетъ о принятіи окончательнаго рѣшенія. Итакъ, его желаніе состоитъ въ томъ, чтобы Россія получила полную свободу дѣйствій для того, чтобы теперь же посвятить себя своимъ собственнымъ интересамъ и, затѣмъ, чтобы въ теченіе этого времени не было нанесено европейской независимости непоправимаго удара. Увлекшись желаніемъ добиться этой двоякой цѣли, онъ считаетъ за счастье, что непредвидѣнныя затрудненія тормозятъ дѣйствія Наполеона, и у него все болѣе теряется желаніе устранять ихъ съ его пути. Онъ не поддается уже тѣмъ мимолетнымъ восторженнымъ порывамъ, которые недавно заставляли его связывать свое дѣло съ дѣломъ великаго императора, и не желаетъ входить съ нимъ въ тѣсное общеніе во взглядахъ и поступкахъ. Хотя онъ и продолжаетъ наружно выказывать довѣріе, искренность, сердечную дружбу, хотя ничто не измѣнилось во внѣшнемъ, воздаваемомъ имъ императору Наполеону, поклоненіи, его вѣра въ него близка къ тому, чтобы

[1]) Частное и собственноручное письмо Александра Румянцеву, 19 декабря 1808 г. Archives de Saint-Pétersbourg.

[2]) Александръ Румянцеву, 18 декабря 1808 г. Archives de Saint-Pétersbourg.

погибнуть безвозвратно. Онъ еще поклоняется, но уже не вѣруетъ.

Хотя въ сношеніяхъ съ союзникомъ Наполеонъ и выказываетъ невозмутимое спокойствіе и непринужденность, тѣмъ не менѣе онъ чувствуетъ, что враждебныя ему вліянія оспариваютъ у него Александра; онъ замѣчаетъ въ немъ недовѣріе, заднія мысли; находитъ его «не тѣмъ, какимъ онъ былъ въ Тильзитѣ». Какъ только онъ свидѣлся съ Коленкуромъ, онъ пожаловался ему и спросилъ у него о причинѣ такой перемѣны. Коленкуръ смѣло объявилъ ему, что каждый считаетъ себя подъ угрозой и что Россія начинаетъ раздѣлять общія опасенія. «Какое же предполагаютъ у меня намѣреніе?» спросилъ Наполеонъ.—«Властвовать одному», отвѣтилъ Коленкуръ.—«Меня считаютъ властолюбивымъ?» улыбаясь, сказалъ императоръ; «но Франція достаточно велика, чего же еще могу я желать?.. Безъ сомнѣнія, это все тѣ же испанскія дѣла». И, чувствуя въ нихъ непоправимую ошибку, и какъ бы испытывая необходимость оправдать себя передъ другими и передъ самимъ собою, онъ повторяетъ Коленкуру разсказъ о событіяхъ въ Байоннѣ; утверждаетъ, что его принудила къ этому сила обстоятельствъ; что довѣриться Фердинанду значило бы предать Испанію нашимъ врагамъ, открыть въ нее доступъ англичанамъ, лишить Францію ея естественной союзницы: «Развѣ я былъ не правъ? Время докажетъ это; поступать иначе, значило бы вновь воздвигнуть Пиринеи. И Франція, и исторія поставили бы мнѣ это въ упрекъ». Впрочемъ, прибавилъ онъ, Россіи не къ лицу ставить ему въ преступленіе, что онъ распорядился по-своему однимъ народомъ. Развѣ въ ея исторіи нѣтъ раздѣла Польши? Проникая въ мысли Александра и его совѣтниковъ, онъ добавляетъ: «Это даетъ мнѣ занятія вдали отъ нихъ; это-то имъ и нужно; они въ восторгѣ отъ этого» [1]).

Однако, несмотря на этотъ высокомѣрный тонъ и желаніе придать своимъ дѣйствіямъ непогрѣшимый характеръ, онъ отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, что испанскія событія, выставляя его ненасытнымъ властолюбцемъ и доказывая, что онъ уже не непобѣдимъ, подаютъ надежду на успѣхъ всѣмъ нашимъ врагамъ. Въ окружающей его низкопоклонной толпѣ онъ уже улавливаетъ симптомы возмущенія; онъ чувствуетъ, что правительства и на-

[1]) Неизданные документы.

роды зашевелились подъ его рукой, и сознаетъ, что великолѣпіе Эрфурта только вуаль, наброшенная на критическое и угрожающее положеніе. Привыкши къ побѣдамъ, онъ надѣется и теперь восторжествоват: надъ всѣми препятствіями, надѣется снова овладѣть Александромъ и сковать Европу рукою Россіи; но онъ не скрываетъ отъ себя, что борьба будетъ горячая, въ упоръ; что она потребуетъ всѣхъ его силъ и ловкости. Видя, съ какимъ невозмутимымъ спокойствіемъ царитъ онъ надъ своимъ составленнымъ изъ коронованныхъ особъ дворомъ, можно подумать, что онъ занимается только представительствомъ; между тѣмъ, онъ приготовляется къ борьбѣ, подготовляетъ средства, напрягаетъ всѣ силы своего генія и готовится дать въ Эрфуртѣ великое дипломатическое сраженіе.

III.

ПРЕНІЯ.

Съ 28 сентября по 5 октября имѣли мѣсто главныя пренія, относящіяся къ основамъ имѣвшагося въ виду соглашенія. Въ эти дни, когда Талейранъ дѣйствовалъ подъ сурдинку, ходилъ то къ Наполеону, то къ Александру и имѣлъ съ Румянцевымъ тайныя совѣщанія, продолжавшіяся далеко за полночь [1]), монархи обсуждали дѣла вдвоемъ, съ глазу-на-глазъ. Въ большинствѣ случаевъ они разговаривали, прогуливаясь взадъ и впередъ по обширному кабинету императора. Вначалѣ Наполеонъ и Александръ зондировали другъ друга по всѣмъ вопросамъ. Избѣгая входить въ суть дѣла, каждый изъ нихъ старался проникнуть въ намѣренія противника, угадать его игру, не раскрывая своей. Осторожно были затронуты въ общей связи всѣ вопросы, какъ-то: о Пруссіи, Польшѣ, Турціи и Австріи.

По вопросу о Пруссіи можно было замѣтить, что главное затрудненіе будетъ относиться къ тремъ крѣпостямъ, остающимся въ нашихъ рукахъ по сентябрьскому договору. Александръ настаивалъ на возвращеніи крѣпостей; Наполеонъ же хотѣлъ, чтобы Пруссія, прежде всего, утвердила этотъ договоръ и тѣмъ дала

[1]) Донесеніе полиціи отъ 4 октября: „Главнымъ образомъ волнуются по поводу бесѣдъ графа Румянцева съ княземъ Беневентскимъ, продолжавшихся двѣ ночи подъ-рядъ до двухъ часовъ утра“.

доказательство своей полной покорности. Если она отдастся на его милость, говорилъ онъ, онъ не откажется принять въ Эрфуртѣ посла Фридриха-Вильгельма; но, во всякомъ случаѣ, право на окончательное рѣшеніе онъ удерживалъ за собой. Не прекращая своихъ настояній, Александръ приказалъ пригласить кенигсбергскій дворъ дать требуемый отъ него залогъ, чтобы этимъ путемъ дать ему возможность съ наибольшей пользой вступиться за него [1]). Относительно Варшавскаго герцогства, онъ, во что бы то ни стало, требовалъ гарантіи; онъ откровенно высказывалъ свои опасенія и свои душевныя тревоги въ виду возрождающейся Польши, которая въ присутствіи нашихъ войскъ черпала удвоенную вѣру въ свои силы и стремленіе къ расширенію своихъ границъ. Наполеонъ понялъ необходимость принести серьезную жертву. Онъ обѣщалъ вывести свои войска; онъ сдѣлалъ больше: онъ далъ обѣщаніе, что великое герцогство ни въ какомъ случаѣ не будетъ снова имъ занято. Подобное обязательство не могло сдѣлаться статьей письменнаго договора; достаточно было слова Наполеона, и онъ далъ его. Это удовлетвореніе не уничтожило зародыша вражды, брошеннаго между обоими императорами созданіемъ великаго герцогства, но оно на короткое время задержало его развитіе.

Еще восемь мѣсяцевъ тому назадъ предметомъ обсужденія при свиданіи былъ назначенъ раздѣлъ Востока. Въ Эрфуртѣ должны были постановить окончательный приговоръ судьбѣ Турціи и распредѣлить ея владѣнія; рѣшить, кто будетъ хозяиномъ на Дунаѣ, кто будетъ господствовать въ Греціи, кто присвоитъ себѣ Египетъ и острова; рѣшить, можетъ ли Константинополь войти въ долю Россіи, или эта ни съ чѣмъ несравнимая позиція должна оставаться навсегда предметомъ желаній. Но, какъ извѣстно, при томъ положеніи, которое создали императору неудачи въ Испаніи и угрожающее поведеніе Австріи, онъ не допускалъ, чтобы эти громадные вопросы были разрѣшены или даже серьезно обсуждаемы въ Эрфуртѣ. Въ настоящее время онъ хотѣлъ объявить раздѣлъ несвоевременнымъ и предложить Россіи только княжества.

По этому вопросу онъ не встрѣтилъ въ Александрѣ большого сопротивленія. Къ тому же царь никогда и не требовалъ разрушенія Турціи; его первоначальные виды, какъ онъ ихъ изложилъ

[1]) Hassel, 275. Documents inédits.

въ ноябрѣ 1807 г., не шли далѣе Молдавіи и Валахіи. Цѣлый уже годъ раздѣлъ былъ скорѣе наполеоновской, чѣмъ русской идеей. Его, неожиданно для Александра, предложилъ въ Тильзитѣ императоръ французовъ; въ февралѣ 1808 г. онъ снова взялся за эту идею, давая ей неслыханное развитіе. Тогда Александръ отдался ей съ увлеченіемъ, съ энтузіазмомъ, вѣря, что онъ поведетъ свой народъ въ Константинополь и воочію покажетъ ему конечную цѣль своихъ честолюбивыхъ стремленій. Но теперь, послѣ цѣлаго ряда разочарованій и подъ вліяніемъ первыхъ впечатлѣній въ Эрфуртѣ, онъ спрашивалъ себя, не подвергнетъ ли Россію всякое, совмѣстно съ Наполеономъ начатое, предпріятіе опасности быть одураченной, не окончится ли оно для нея самой горькой и самой блестящей неудачей. Безъ всякаго посторонняго вліянія онъ пробудился, хотя и съ сожалѣніемъ, отъ волшебнаго сна. Опасаясь волшебной силы чарующей и обманчивой мечты, онъ постарался, хотя не безъ грусти, отрѣшиться отъ нея, чтобы вернуться къ болѣе прозаической, но болѣе мудрой дѣйствительности. Онъ возвращался къ мысли, что самостоятельно предпринятое расширеніе границъ дастъ болѣе вѣрныя выгоды, чѣмъ обширная система совокупныхъ завоеваній, въ которой Наполеонъ навѣрное возьметъ себѣ львиную часть. Теперь и Румянцевъ присоединился къ этой мысли и сдѣлался ея защитникомъ. Намекая на проекты раздѣла, которые онъ все еще думалъ найти въ умѣ Наполеона, онъ писалъ своему государю: «Пріобрѣтеніе только Молдавіи и Валахіи, и при томъ безъ всякаго сотрудничества, будетъ для насъ гораздо выгоднѣе»[1]). Такимъ образомъ, Россія уже заранѣе свыклась съ идеей частичнаго рѣшенія восточнаго вопроса, и, когда Наполеонъ заговорилъ о княжествахъ, царь не отказался удовольствоваться дунайскимъ королевствомъ, которымъ нѣкогда ограничивались его желанія. Итакъ, въ принципѣ, было условлено отложить вопросъ о раздѣлѣ, не исключая возможности вернуться къ нему при новомъ свиданіи, а въ Эрфуртѣ коснуться восточныхъ дѣлъ только для того, чтобы установить расширеніе границъ Россіи до Дуная. Александръ далъ себѣ слово добиться, чтобы этой уступкѣ былъ данъ безспорный и точный характеръ; Наполеонъ же надѣялся ослабить ея значеніе или, по меньшей мѣрѣ, отсрочить ея исполненіе нѣкоторыми ограничительными статьями.

[1]) Румянцевъ императору Александру, 15—27 декабря 1808 г. Arc ives de Saint-Pétersbourg.

Итакъ, раздѣлъ былъ отложенъ. Но нужно ли было въ силу этого отказаться отъ преслѣдованія иными способами той главной цѣли, для достиженія которой онъ долженъ былъ бы послужить, т. е. устрашенія Англіи и косвеннаго на нее нападенія? Какимъ же другимъ средствомъ замѣнить его, разъ этотъ способъ одолѣть общаго врага былъ исключенъ, и въ настоящій моментъ приходилось отказаться отъ проекта проложить себѣ путь черезъ Оттоманскую имперію къ британской Азіи?

Не имѣя возможности активно дѣйствовать, остановились на идеѣ о демонстраціи. Несмотря на тайну, въ которую Франція и Россія цѣлый годъ облекали свои совѣщанія, ихъ планъ вышелъ наружу. Сверхъ того, Наполеонъ самъ, умышленно, разгласилъ о немъ въ своихъ рѣчахъ. Слухъ о задуманномъ предпріятіи распространился далеко. О немъ говорили даже въ самыхъ отдаленныхъ провинціяхъ Турціи, говорили и въ Лондонѣ. Англія заволновалась. Она боялась за свою торговлю на Востокѣ, за свое преобладаніе на Средиземномъ морѣ, за Индійскую имперію. Она изучала способы помѣшать раздѣлу или свести къ нулю его результаты. По мѣрѣ приближенія времени свиданія, ея тревога усиливалась; свиданіе казалось ей предвѣстникомъ чрезвычайныхъ событій. Вовсе не желая разсѣивать ея подозрѣній, оба императора рѣшили, наоборотъ, довести ихъ до крайнихъ предѣловъ, создавъ для нихъ офиціальную основу, и остановились на слѣдующемъ пріемѣ. Они попробуютъ сдѣлать въ пользу мира слѣдующій внушительный шагъ. Написавъ королю Великобританіи за общей подписью письмо, они предложатъ ему вступить въ переговоры, пригласятъ его дать миръ народамъ и признать происшедшія въ Европѣ перемѣны. Затѣмъ, въ осторожныхъ, но достаточно опредѣленныхъ выраженіяхъ, они дадутъ ему понять, что отказъ повлечетъ за собой новые и болѣе серьезные перевороты. Такъ какъ вниманіе англичанъ было направлено на Востокъ, то нѣтъ сомнѣнія, что они усмотрятъ въ этихъ словахъ угрозу Турціи, и, быть можетъ, покорясь необходимости, начнутъ переговоры ради предупрежденія разрушенія Турціи. Не будучи въ состояніи напасть на Англію съ оружіемъ въ рукахъ, Наполеонъ и Александръ хотѣли поразить ее морально, воздвигая передъ ея глазами безформенное страшилище, и показать ей, подъ покровомъ нарочито-загадочныхъ словъ, призракъ великаго проекта.

Но Наполеонъ думалъ, что этотъ пріемъ дастъ результатъ,

только при условіи, если будетъ сопровождаться настолько сильными и угрожающими шагами противъ Австріи, что отниметъ у нея не только всякое желаніе, но даже и возможность сдѣлаться союзницей Англіи и возобновить войну на континентѣ. Поэтому, еще до отъѣзда на свиданіе, Наполеонъ рѣшилъ просить Александра двинуть русскія войска къ границамъ Галиціи, т. е. сдѣлать военную демонстрацію, имѣющую своей задачей отвѣтить на вооруженія Австріи и парализовать ея дѣйствія. Въ Эрфуртѣ новое, крайне важное событіе, указавъ ему на необходимость быть въ этомъ отношеніи болѣе требовательнымъ, вдругъ осложнило переговоры и измѣнило ихъ ходъ.

На другой же день послѣ первыхъ совѣщаній Наполеону была передана депеша отъ нашего посланника въ Вѣнѣ, генерала Андреосси. Она шла вслѣдъ за барономъ Винцентомъ. Изъ содержанія ея было видно, что поведеніе Австріи шло вразрѣзъ съ заявленіями ея посла и рѣшительно говорило о ея непримиримости. Обезпокоенная таинственными совѣщаніями въ Эрфуртѣ, потерявъ отъ страха всякое благоразуміе, Австрія отказывала въ единственномъ удовлетвореніи, которое могло бы успокоить императора относительно ея намѣреній. Она отказывалась отъ признанія королей испанскаго и неаполитанскаго. Повторныя требованія генерала Андреосси не могли заставить Стадіона дать благопріятный отвѣтъ. Долго укрываясь за уклончивыми отвѣтами, тщательно избѣгая слова: «признаніе»,—министръ объявилъ, наконецъ, «что дипломатическія сношенія съ указанными дворами будутъ возстановлены тогда, когда оба короля прибудутъ въ свои столицы и установленнымъ порядкомъ извѣстятъ о своемъ вступленіи на престолъ» [1]). Это было отклоненіемъ требованія о признаніи, высказаннымъ въ самой оскорбительной формѣ, такъ какъ Австрія ставила свое поведеніе въ зависимость отъ событій, и не признавала правъ созданныхъ Наполеономъ государей, считая нужнымъ преклониться только предъ совершившимся фактомъ. Къ тому же, вопреки обѣщаніямъ, задачей которыхъ было только обмануть и успокоить императоровъ, она продолжала, правда, съ меньшимъ шумомъ, но дѣятельно и настойчиво, свои вооруженія. По сообщеніямъ Андреосси никакихъ мѣръ

[1]) Андреосси къ Шампаньи, 22 сентября 1808 г. Archives des affaires étrangères, Vienne, 381.

для успокоенія народнаго возбужденія не принималось. Итальянскіе курьеры, проѣзжавшіе по австрійской территоріи, были только что задержаны и оскорблены. Во внѣшней политикѣ вѣнская дипломатія по-прежнему вела подпольную работу. Стало извѣстнымъ, что ея отношенія и дружба съ Англіей никогда не были болѣе тѣсными; что въ Константинополѣ австрійскіе агенты ведутъ себя, «какъ бѣшеные» [1]), и жестоко возбуждаютъ турокъ противъ насъ; что въ Сициліи и Испаніи они сѣютъ интригу, и хотя нельзя сказать, чтобы Австрія повиновалась обдуманной и предвзятой мысли—начать съ нами войну,—но ея «враждебное настроеніе» [2]) заставляетъ ее поддерживать повсюду нашихъ враговъ, возбуждать диверсіи въ ихъ пользу и держитъ ее въ состояніи постояннаго заговора противъ насъ.

Это сообщеніе произвело на императора глубокое впечатлѣніе. Его гнѣвъ разразился въ рѣзкихъ выраженіяхъ. Одно время онъ думалъ, что австрійскій императоръ лично прибудетъ въ Эрфуртъ. «Теперь я понимаю, сказалъ онъ, отчего императоръ не пріѣхалъ. Для государя трудно лгать въ глаза: онъ возложилъ этотъ трудъ на барона Винцента» [3]). Его волненіе и бѣшенство понятны, ибо открыто проявленная вражда Австріи вполнѣ опредѣленно ставила его предъ осложненіемъ, котораго онъ болѣе всего опасался. Если Австрія безъ удержу поддастся чувству страха и ненависти и пустится по роковой наклонной плоскости, нападеніе съ ея стороны сдѣлается, если и не достовѣрнымъ, то, во всякомъ случаѣ, весьма вѣроятнымъ. А разрывъ съ ней былъ бы эрой новыхъ коалицій; онъ замедлилъ бы покореніе Испаніи, снова нарушилъ бы континентальный миръ, отсрочилъ бы на неопредѣленное время морской. Существовало ли средство избѣгнуть этого испытанія, болѣе грознаго, чѣмъ предъидущія? Чтобы съ нимъ справиться, намъ необходима была помощь Россіи. Но не могло ли ея содѣйствіе совершенно избавить насъ отъ войны съ Австріей и отъ всего, что связано съ нею? Устоитъ ли Австрія передъ совокупнымъ требованіемъ двухъ властителей міра, которые пригласятъ ее покориться подъ угрозой немедленнаго разгрома? Ради достиженія этой цѣли Наполеонъ мирился съ необходимостью усилить свои уступки Россіи.

---

[1]) Id.

[2]) Id.

[3]) Неизданные документы.

Онъ рѣшилъ, если потребуется, точнѣе высказаться объ отдачѣ княжествъ [1]). Предъ лицомъ высшей необходимости всякое другое соображеніе становилось для него второстепеннымъ. Обезпечить за собой навѣрняка помощь Александра для войны съ Австріей, въ случаѣ, если бы она напала на насъ, и удержать ее отъ этого шага, если только уже не поздно – такова была отнынѣ преобладающая мысль императора въ Эрфуртѣ и цѣль, къ которой стремилась вся сила его воли.

Онъ обратился къ Александру со слѣдующей рѣчью. Англія надѣется найти помощниковъ и вызвать войну на континентѣ,— вотъ что поддерживаетъ ее и питаетъ ея воинственный пылъ. Слѣдя за настроеніемъ и поступками Австріи, лондонскій кабинетъ надѣется найти въ Вѣнѣ ядро пятой коалиціи, которая будетъ состоять изъ Испаніи, части германскихъ народовъ, быть можетъ, Турціи, и которая дастъ всей Европѣ сигналъ къ возстанію. Но, если Австрія, подъ совмѣстнымъ давленіемъ обоихъ императоровъ, будетъ вынуждена преклониться предъ ихъ желаніемъ мира, разоружится, откажется вполнѣ отъ всякой мысли и отъ всякаго способа вести войну, если она вынуждена будетъ порвать связь съ Лондономъ и чистосердечно присоединиться къ франко-русскому союзу, сопротивленіе нашей соперницы потеряетъ главную точку опоры. Испанія, предоставленная самой себѣ, быстро падетъ. По замиреніи полуострова Англія очутится одинокой предъ всѣми государствами Европы, сгруппированными около двухъ императоровъ, прикованными неразрывной цѣпью къ ихъ политикѣ. Можетъ быть, ея мужество ослабѣетъ при зрѣлищѣ континентальной лиги, о которой столько разъ возвѣщалось, и которая на этотъ разъ превратится въ грозную дѣйствительность. Итакъ, слѣдуетъ говорить ясно. Не прекращая переговоровъ съ Лондономъ, слѣдуетъ пригрозить въ Вѣнѣ. Необходимо, чтобы результаты, полученные въ Вѣнѣ, тотчасъ же сдѣлались извѣстными въ столицѣ Британскаго государства. Въ запискѣ, составленной по указанію Наполеона и предназначенной для императора Александра, подробно излагаются мѣры, которыя слѣдуетъ принять противъ тайнаго врага; объясняется тѣсная связь ихъ съ тѣми мѣрами, которыя будутъ

[1]) См. его слова, обращенныя къ Меттерниху въ 1810 г. Mémoires de Metternich, II, 361 и 371.

предприняты противъ явнаго, и указывается, какимъ образомъ покорность Австріи можетъ обусловить сдачу Англіи.

«Австрія, говорилось въ нотѣ, единственное государство на континентѣ, намѣренія котораго находятся подъ сомнѣніемъ. Слѣдуетъ устранить это сомнѣніе. Нужно сообщить Австріи о предложеніяхъ мира, которыя будутъ сдѣланы Англіи, и дать понять ей, что, въ случаѣ, если они будутъ отвергнуты, она, не на словахъ, а на дѣлѣ, должна объявить войну Англіи, изгнать всѣхъ проживающихъ въ Вѣнѣ и въ наслѣдственныхъ ея владѣніяхъ англичанъ, уничтожить всѣ приготовленія къ войнѣ съ Франціей, чтобы отъ нихъ не осталось и слѣда, и послѣдовать, наконецъ, по пути, который не оставилъ бы Англіи никакой надежды на возможность отвлечь Австрію отъ политики континента. Главнымъ образомъ, ей нужно вмѣнить въ обязанность— признать происшедшія перемѣны въ Испаніи. Было бы желательно, чтобы признаніе Россіей и Австріей этого порядка вещей стало извѣстнымъ въ Лондонѣ въ моментъ полученія въ немъ относящихся до мира предложеній. Это извѣстіе, въ совокупности съ дошедшимъ уже до Лондона извѣстіемъ о походѣ французскихъ войскъ въ Испанію, весьма способствовало бы ускоренію переговоровъ. Англія выиграла бы этимъ еще то, что могла бы включить Португалію въ свое *uti possidetis* и избавить свою армію отъ позора быть вышвырнутой въ море.

«Но такой результатъ получится только тогда, когда Англія вполнѣ убѣдится въ томъ, что Франція, будучи совершенно увѣрена въ полной безопасности на континентѣ, можетъ наводнить Испанію своими войсками и вполнѣ спокойно двинуть ихъ до Гибралтарскаго пролива.

«Австрійскимъ императоромъ присланъ сюда баронъ Винцентъ. Необходимо, чтобы ему было объявлено обоими императорами, что они требуютъ признанія вновь установленнаго въ Испаніи порядка; что онъ долженъ отправиться за этимъ признаніемъ; что только при этомъ условіи оба императора согласны продолжать дружественныя отношенія съ Австріей. Признаніе должно быть изложено Стадіономъ въ нотѣ, обращенной къ англійскому правительству. Эта нота будетъ опубликована въ *Moniteur'ѣ*, и Англія получитъ ее въ одно время съ предложеніями о мирѣ.

«Значило бы не знать современнаго положенія дѣлъ, если не

видѣть, что, безъ системы объединенныхъ силъ и мѣропріятій которыя давали бы возможность быть всегда готовымъ къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ, Англія будетъ поддерживать въ Европѣ смуту и неупроченное положеніе, и натолкнетъ Австрію на компрометирующіе поступки, которые хотя и не нарушатъ мира на континентѣ, но въ самой Англіи дадутъ опору и почву врагамъ мира. Предлагаемыя же мѣры, если онѣ будутъ проведены энергично, свидѣтельствуя о согласіи обоихъ императоровъ и о непоколебимой твердости ихъ рѣшеній, заставятъ Англію дать миръ Европѣ, ибо у нея не будетъ болѣе надежды вносить въ нее смуту» [1].

Но поддастся ли Александръ этимъ пылкимъ рѣчамъ? Захочетъ ли онъ предписать Австріи, чтобы она заранѣе сдалась на капитуляцію и сложила оружіе; согласится ли онъ предъявить ей такія требованія, изъ боязни, чтобы она не воспользовалась сдѣланными приготовленіями для ничѣмъ не оправдываемаго нападенія? Александръ заявилъ, что онъ готовъ подписать обязательство дѣйствовать заодно съ нами, если починъ къ разрыву будетъ исходить отъ вѣнскаго двора, и согласился снова взяться за хлопоты о признаніи новыхъ королей. Затѣмъ, въ весьма ясныхъ, твердыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне любезныхъ и сдержанныхъ выраженіяхъ, онъ далъ понять, что дальше этого онъ не пойдетъ; что онъ никогда не пойдетъ на преждевременное насиліе надъ Австріей; никогда не согласится на лишеніе ея свободы располагать собой; не нарушитъ ея правъ самодержавнаго государства, насильственно измѣняя ея политическій путь и принуждая ее разоружиться въ то время, когда она ничѣмъ не проявила своего намѣренія нарушить европейскій миръ, и когда приходилось обвинять ее скорѣе въ намѣреніяхъ, чѣмъ въ поступкахъ.

Наполеонъ настаивалъ, и споръ принялъ необычайное значеніе. Всѣ остальныя обсужденія были пріостановлены. О Пруссіи уже мало говорили и совсѣмъ не говорили о Востокѣ. Внезапно поставленный вопросъ о согласованіи мѣръ противъ Австріи казался единственнымъ, который съ этихъ поръ волновалъ императоровъ. Онъ отодвинулъ на второй планъ слегка задѣтые или наполовину уже рѣшенные вопросы и заставилъ совѣщанія уклониться отъ ихъ первоначальнаго предмета.

[1] Archives nationales, AF, IV, 1697.

Неистощимый въ средствахъ воздѣйствія, прибѣгая то къ хитрости, то къ настойчивымъ просьбамъ, то къ ласкѣ, то къ требованіямъ, Наполеонъ до безконечности разнообразилъ свои пріемы и доводы. Онъ прочелъ Александру письмо Андреосси и далъ ему краснорѣчивое разъясненіе. Чтобы доказать исключительно-оборонительный характеръ своихъ намѣреній, онъ не прочь былъ гарантировать Австріи, если она согласится разоружиться, неприкосновенность ея территоріи. Онъ допускалъ, чтобы она была успокоена со стороны Франціи, лишь бы только оставалась подъ угрозой со стороны Россіи. Если бы предлагаемый планъ дѣйствій былъ принятъ, повторялъ онъ, если бы у австрійцевъ была отнята возможность мутить Германію, ему было бы гораздо легче совсѣмъ очистить Германію отъ войскъ. Тогда онъ могъ бы облегчить участь Пруссіи и сохранить на Одерѣ только одну крѣпость, вмѣсто трехъ. Но и эти подкупающіе маневры дѣйствовали на Александра не лучше прямыхъ нападеній. Этотъ императоръ,—о которомъ говорили, что онъ слабохарактерный, непостоянный и нерѣшительный,—таилъ подъ видомъ невозмутимо-яснаго душевнаго спокойствія удивительную стойкость характера. Онъ выслушивалъ все съ удивительнымъ терпѣніемъ, спорилъ мало, даже не пытался опровергать многочисленныхъ и сильныхъ доводовъ своего противника, давалъ волю этому стремительному потоку, но затѣмъ возвращался къ высказанной имъ идеѣ и отстаивалъ ее съ кроткимъ упорствомъ.

Его кроткое, но упорное сопротивленіе, совершенно не поддававшееся силѣ убѣжденія, уступая, подобно пружинѣ, давленію только для того, чтобы вслѣдъ за тѣмъ вновь незамѣтно выпрямиться, страшно раздражало императора. Вернувшись къ своимъ приближеннымъ послѣ такихъ встрѣчъ, во время которыхъ его противникъ, уклоняясь отъ сраженія, лишалъ его побѣды, онъ не щадилъ Александра и, смотря по расположенію духа, выражался о немъ или язвительно или насмѣшливо. Однажды, онъ сказалъ Коленкуру: «Вашъ императоръ Александръ упрямъ, какъ лошакъ. Прикидывается глухимъ, когда не хочетъ чего-нибудь слышать» [1]). Затѣмъ, намекая на злосчастное предпріятіе, въ которомъ признавалъ источникъ всѣхъ своихъ затрудненій, онъ воскликнулъ: «Эти дьявольскія испанскія дѣла

[1]) Неизданные документы.

дорого мнѣ стоятъ» [1]). На другой день онъ возвращался къ сраженію совершенно свѣжимъ, полнымъ силъ, съ новымъ оружіемъ; но его энергія снова разбивалась о неуловимаго противника.

Исчерпавъ всѣ доводы, онъ разразился жалобами. Союзъ, говорилъ онъ, потеряетъ всю свою силу. Съ этихъ поръ онъ не будетъ имѣть въ глазахъ англичанъ никакого значенія и не обезпечитъ всеобщаго мира. Александръ оставался невозмутимымъ. Упреки, какъ и любезности, не дѣйствовали на него. Въ концѣ-концовъ Наполеонъ прибѣгъ къ вспыльчивости. Онъ разсердился. Произошла бурная сцена. Въ одинъ прекрасный день, когда, расхаживая по кабинету императора, опять перешли къ нескончаемому вопросу, споръ разгорѣлся, и Наполеонъ, въ порывѣ яростнаго нетерпѣнія, бросилъ на полъ свою шляпу и началъ топтать ее ногами. Александръ тотчасъ же остановился, пристально, съ улыбкой посмотрѣлъ на него, помолчалъ немного, затѣмъ сказалъ спокойно: «Вы вспыльчивы, а я упрямъ. Гнѣвомъ отъ меня ничего не добьешься. Поговоримъ, обсудимъ,—иначе я ухожу»[2]). И онъ направился къ двери. Императору оставалось только стихнуть и удержать его. Споръ возобновился въ сдержанномъ, даже дружескомъ тонѣ; но дѣло нисколько не подвинулось впередъ. И въ этотъ разъ Александръ не далъ увлечь себя на какой-либо угрожающій шагъ противъ Австріи.

Можно ли сказать, что онъ хотѣлъ поощрить Австрію начать съ нами войну? Ничуть. Александръ, такъ же, какъ и императоръ французовъ, искренно желалъ сохраненія мира. Еще болѣе онъ желалъ избѣгнуть войны въ Германіи, ибо далъ обязательство въ ней участвовать. Оба императора были согласны относительно цѣли, но рѣзко расходились въ способахъ ея достиженія. Александръ думалъ, что дружескія и успокоительныя слова вѣрнѣе, чѣмъ угрозы, удержатъ Австрію. Онъ былъ убѣжденъ, что австрійскій дворъ не желалъ войны, что онъ вооружался только изъ страха, и, что, если его не выведутъ изъ терпѣнія, онъ никогда не начнетъ враждебныхъ дѣйствій. «Онъ никогда не дойдетъ до такого безумія, чтобы сдѣлаться зачинщикомъ и въ одиночку вступить въ борьбу» [3]), говорилъ онъ.

---

[1]) Id.
[2]) Id.
[3]) Неизданные документы.

По его мнѣнію, истинная опасность шла не отъ Вѣны, а отъ Франціи; онъ думалъ, что Наполеонъ только скрывалъ свое собственное намѣреніе напасть на Австрію и уничтожить ее. Въ предлагаемыхъ ему крутыхъ мѣрахъ Александръ видѣлъ неопровержимое указаніе на такія намѣренія; въ нихъ онъ усматривалъ только способъ обезоружить несчастную монархію и лишить ее средствъ защиты, чтобы вѣрнѣе справиться съ нею. Чѣмъ настойчивѣе просили его, тѣмъ глубже укоренялась въ его умѣ эта мысль. Вслѣдствіе этого, онъ считалъ полезнымъ, даже необходимымъ, чтобы Австрія, вмѣсто того, чтобы сдаться на волю побѣдителя, оставалась во всеоружіи, обладая всѣми своими силами;—въ положеніи настолько внушающемъ уваженіе, чтобы отбить у Франціи охоту отъ всякаго корыстнаго покушенія. Что же касается Россіи, то она, вмѣсто того, чтобы преждевременно перейти на нашу сторону, должна была, по его мнѣнію, занять строго-нейтральное положеніе и стараться, сколь возможно дольше, не склонять вѣсовъ въ чью-либо пользу. Если бы Франція или Австрія стали питать планы, противные миру, необходимо было, чтобы ни та, ни другая не могли разсчитывать на его содѣйствіе. Такое его поведеніе будетъ поддерживать между обѣими сторонами извѣстное равенство положенія и силъ, поставитъ ихъ лицомъ къ лицу, съ готовыми въ равной степени къ бою внушительными силами, дастъ имъ возможность защищаться, но не нападать. Слѣдствіемъ такого равновѣсія силъ будетъ ихъ обоюдное бездѣйствіе. Если Франція и Австрія будутъ, такимъ образомъ, взаимно держать другъ друга въ почтеніи, парализуя другъ друга, континентальный миръ не будетъ нарушенъ, а, съ другой стороны, Россія получитъ свободу дѣйствій на Дунаѣ и отниметъ у Турціи то, что Наполеонъ предоставлялъ ей въ этой имперіи [1]).

---

[1]) Нѣсколько времени спустя послѣ свиданія, Александръ писалъ Румянцеву: „Вы, вѣроятно, помните, что, во время нашихъ разговоровъ въ Эрфуртѣ, я всегда находилъ, что самымъ полезнымъ было бы создать въ Европѣ политическую систему, цѣлью которой было бы помѣшать которой-либо изъ трехъ нынѣ существующихъ великихъ державъ,—Россіи, Франціи и Австріи,—нарушать всеобщій миръ на континентѣ. Эта система возможна только при существованіи равновѣсія между военными силами этихъ трехъ державъ, и, слѣдовательно, Россія, которой лично нечего опасаться Австріи, можетъ, въ нѣкоторомъ родѣ, спокойно видѣть въ увеличеніи ея боевыхъ силъ средство достичь введенія вышеупомянутой политической системы“. Александръ Румянцеву, 18 декабря 1808 г. Archives de Saint-Pétersbourg.

Эти мысли, которыя поддержалъ и укрѣпилъ въ умѣ царя своими внушеніями Талейранъ [1]), основывались на глубоко-ошибочной оцѣнкѣ положенія. Александръ, равно какъ и французскій министръ, сдѣлавшійся его совѣтникомъ, не считался ни съ характеромъ Наполеона, ни съ требованіями его политики, ни съ истинными намѣреніями Австріи. Если Англія не уступитъ, Наполеону придется начать съ ней трудную борьбу на новой почвѣ, придется сражаться съ нею въ Испаніи. Ему не желательно, да и нельзя будетъ, терпѣть позади себя отдѣлившееся отъ его системы, шедшее вразрѣзъ съ требованіями его политики, всегда пытавшееся зайти ему въ тылъ государство; рано или поздно онъ обернется противъ него и мечомъ разсѣчетъ нестерпимое положеніе. Поддерживать въ Австріи духъ возмущенія и скрытой вражды было наивѣрнѣйшимъ способомъ вызвать войну, которой хотѣли избѣгнуть.

Болѣе того. Допуская, что принятыя въ Вѣнѣ мѣры носили сначала чисто оборонительный характеръ, онѣ, въ силу обстоятельствъ, должны были существенно измѣниться и окончиться нападеніемъ. Благодаря вооруженіямъ, совершенно не отвѣчающимъ ея средствамъ, ея денежнымъ доходамъ, Австрія была на пути къ разоренію. Такое положеніе не могло долго продолжаться. Уже теперь императоръ Францъ съ грустью повторяетъ: «Армія съѣдаетъ государство» [2]). А вскорѣ его министры и администраторы объявятъ ему объ ужасной пустотѣ въ его казнѣ; они укажутъ ему, что Австрія не въ состояніи долѣе содержать войска, если не будетъ субсидіи отъ Англіи, или если арміи не будутъ кормиться за счетъ непріятеля [3]). Итакъ, пройдетъ еще нѣсколько мѣсяцевъ, а, можетъ быть, даже недѣль, и Австрія вынуждена будетъ или сражаться или разоружиться. Изъ двухъ рѣшеній она изберетъ первое. Она скорѣе предпочтетъ пойти на крайне рискованное дѣло—использовать собранныя ею громадныя военныя средства, вернувшія ей вѣру въ самое-себя, чѣмъ примириться съ горестнымъ положеніемъ и открыто признать свое паденіе. Если бы императоръ Александръ могъ проникнуть въ тайны вѣнскаго кабинета, онъ открылъ бы въ нихъ то, о чемъ черезъ нѣсколько

[1]) Александръ Румянцеву, 19 октября и 18 декабря 1808 г. Archives de Saint-Pétersbourg.

[2]) Archives des affaires étrangères, Vienne, 381.

[3]) Beer, Zehn Jahre oesterreichischer Politik, 341.

дней сообщитъ Андреосси, и что проницательность Наполеона позволяла ему заранѣе предчувствовать, а именно,—что идея о нападеніи, о необходимости попытать счастье оружія, о реваншѣ, быстро брала верхъ. Стадіонъ всегда поддерживалъ ее. Теперь присоединился къ ней осторожный эрцгерцогъ Карлъ, и даже самъ императоръ Францъ начиналъ предпочитать рискованный, но, быть можетъ, спасительный кризисъ, тревожному, изнуряющему монархію, выжидательному положенію. Единственное обстоятельство смущало и могло удержать Австрію—это страхъ, что Россія открыто присоединится къ Франціи, и что Австрія погибнетъ, раздавленная подъ тяжестью ихъ двойной массы. Если царь дастъ поводъ усумниться въ его намѣреніяхъ, откажется идти заодно съ нами, тогда въ Вѣнѣ война будетъ окончательно рѣшена, и, рано или поздно, обоимъ императорамъ придется сражаться съ Австріей, если они не сговорятся теперь же смирить и обезоружить ее. Предлагая это рѣшеніе, жестокое и властно-требовательное, Наполеонъ указывалъ на него, какъ на единственное средство сохранить миръ, который былъ столь же дорогъ его союзнику, какъ и ему самому. При настоящемъ положеніи дѣлъ онъ одинъ былъ безжалостно-послѣдователенъ. Александръ и Талейранъ,—великодушный монархъ и тонкій политикъ,—оба сбились съ пути.

Хотя Наполеонъ видѣлъ лучше и дальше всѣхъ, но онъ ошибался, думая, что Александръ могъ смотрѣть на вещи его глазами и что онъ согласится съ его требованіями. Въ общемъ онъ просилъ Александра на-время сдержать Австрію. Но не была ли Австрія, снова ставшая на ноги и занявшая твердое положеніе, единственной преградой, защищавшей Россію отъ наполеоновскаго всемогущества, единственнымъ буферомъ, поставленнымъ между русской границей и распространившейся по всей Европѣ Франціей? Для Россіи разоружить Австрію значило остаться самой безъ прикрытія, подставить подъ ударъ самое себя, отказаться отъ всякой гарантіи, кромѣ вѣры въ добросовѣстность Наполеона. Но испытанныя Александромъ со времени Тильзита разочарованія и невнимательное отношеніе къ его интересамъ не допускали уже такого чуда. Наполеонъ несъ наказаніе за то, что въ продолженіе цѣлаго года скрывалъ отъ своего союзника конечный результатъ и величіе своей цѣли, которая состояла въ томъ, чтобы дать покой міру; за то, что въ своихъ самовластныхъ поступкахъ

онъ слишкомъ мало принималъ во вниманіе его безпокойство и личные его интересы и за то, что насиловалъ королей и народы. Его наказаніе состояло въ томъ, что теперь, когда онъ чистосердечно заявлялъ о своемъ желаніи мира и о своихъ чисто-оборонительныхъ намѣреніяхъ, ему никто не вѣрилъ. Александръ не могъ читать въ его душѣ, онъ судилъ по его поступкамъ, а прошлое давало ему право не довѣрять будущему. Его опасенія, основанныя на неправильномъ толкованіи фактовъ, оправдывались внѣшнимъ ихъ характеромъ; онъ вполнѣ основательно не могъ соглашаться на то, чего вынужденъ былъ просить у него Наполеонъ. Вопросъ о совмѣстномъ планѣ дѣйствій противъ Австріи, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ теперь поставленъ, становился неразрѣшимымъ. Всякое усиліе достичь полнаго и дѣйствительнаго соглашенія неизбѣжно должно было сокрушиться о неожиданно появившійся камень преткновенія.

Прошло восемь дней, потерянныхъ въ безплодныхъ спорахъ, а по вопросу, сдѣлавшемуся главнымъ, не получилось никакого результата. Наполеонъ понялъ, наконецъ, что онъ гоняется за невозможнымъ; что онъ ничего не добьется отъ Александра; что онъ наткнулся на непреодолимое сопротивленіе. Тогда, по своему обыкновенію, онъ внезапно перемѣнилъ планъ, и, не сходя съ мѣста, перемѣнилъ фронтъ. Почти не надѣясь избѣгнуть войны съ Австріей, но думая, что она не возгорится тотчасъ же, онъ хотѣлъ вести ее, когда будетъ вынужденъ къ ней, при наиболѣе выгодныхъ для себя условіяхъ. Онъ взялъ съ Александра простое обѣщаніе, что, если Австрія нападетъ, Александръ окажетъ ему содѣйствіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы ограничить и локализировать борьбу и помѣшать революціонному пламени распространиться на всю Германію, онъ объявилъ о своемъ намѣреніи сохранить все, что обезпечиваетъ за нимъ благопріятный исходъ. Онъ сказалъ, что оставитъ за собой въ Пруссіи три крѣпости на Одерѣ на все время, на какое давалъ ему право договоръ отъ 8 сентября.

Александръ снова возсталъ противъ этого притязанія. Теперь онъ, въ свою очередь, долженъ былъ занять наступательное положеніе, а Наполеонъ развить всю силу своего сопротивленія. Императора французовъ и просили и умоляли покинуть крѣпости, дать Россіи и Европѣ этотъ залогъ умѣренности. «Вы предлагаете мнѣ систему слабости, гнѣвно сказалъ онъ; если я на это соглашусь, Европа будетъ обходиться со мной, какъ съ мальчиш-

кой» [1]). Онъ съ нѣкоторой досадой, въ раздраженныхъ, почти оскорбительныхъ выраженіяхъ, отвергъ просьбу Александра. «Какъ! мой другъ и союзникъ, сказалъ онъ, предлагаетъ мнѣ покинуть единственную позицію, откуда я могу угрожать австрійскому флангу, если бы Австрія напала на меня въ то время, когда мои войска будутъ на югѣ Европы за четыреста лье?.. Впрочемъ, если вы непремѣнно требуете эвакуаціи, я соглашусь, но тогда, вмѣсто того, чтобы идти въ Испанію, я теперь же покончу мои счеты съ Австріей» [2]). Передъ такой перспективой, которой онъ боялся больше всего, Александръ отступилъ. Удовлетворившись тѣмъ, что убѣдилъ Наполеона удовольствоваться противъ Австріи тайнымъ соглашеніемъ оборонительнаго характера, вѣря, что, благодаря этому, миръ будетъ сохраненъ, и, слѣдовательно, его главная цѣль достигнута, онъ согласился, чтобы Наполеонъ удержалъ временно крѣпости на Одерѣ, полагаясь въ дѣлѣ обезпеченія полнаго освобожденія Пруссіи на будущее. Такимъ образомъ, монархія Фридриха-Вильгельма понесла издержки за неполное соглашеніе, къ которому съ такимъ трудомъ пришли оба императора.

Оставалось изложить на бумагѣ установленные пункты: предложенія Англіи, уступку Россіи княжествъ, содѣйствіе въ случаѣ нападенія Австріи. Наполеонъ представилъ Александру, какъ свой личный трудъ, составленный Талейраномъ проектъ договора. Но онъ не вполнѣ отвѣчалъ выработаннымъ соглашеніямъ; кромѣ того, и царь, съ своей стороны, приказалъ написать цѣлый рядъ статей. Прежде, чѣмъ сличить и изложить въ формѣ договора оба проекта, императоры рѣшили дать себѣ отдыхъ.

Внѣ ихъ интимнаго круга ничто не обнаруживало происшедшихъ между ними разногласій. На глазахъ публики они продолжали расточать другъ другу самое нѣжное вниманіе, какъ будто они всецѣло отдавались своей дружбѣ и удовольствію быть вмѣстѣ. Для успокоенія и направленія общественнаго мнѣнія Наполеонъ отправлялъ каждое утро записки въ слѣдующемъ родѣ: Камбасересу: «Совѣщанія продолжаются; все идетъ, какъ нельзя лучше». Королю Жозефу: «Все принимаетъ хорошій оборотъ». Камбасересу: «Высочайшія особы и иностранцы прибываютъ со всѣхъ сторонъ,

---

[1]) Неизданные документы.

[2]) Id.

и дѣла продолжаютъ подвигаться къ общему удовлетворенію». Королю Мюрату: «Эрфуртъ великолѣпенъ» [1]). Дѣйствительно, съѣздъ достигъ тогда апогея своего блеска. Только-что прибыли государи Баваріи, Вюртемберга и Вестфаліи, и вечеромъ въ партерѣ театра короли были въ полномъ составѣ. 4 октября давали „*Эдипъ*“ *Вольтера*. Когда дошли до стиха:

L'amitiè d'un grand homme est un bienfait des dieux, *)

Александръ всталъ, взялъ руку сидящаго рядомъ съ нимъ Наполеона и крѣпко пожалъ ее. Этотъ жестъ, подсказанный артистическимъ внушеніемъ, восторженно принятый присутствующими, отмѣченный въ исторіи, былъ понятъ не только, какъ банальное проявленіе дружбы. Въ немъ видѣли освященіе соглашенія и торжественное возобновленіе союза.

На третій день послѣ этого императоры намѣревались посѣтить въ его столицѣ герцога Саксенъ-Веймарскаго, ихъ временнόго сосѣда. Во время ихъ отсутствія оба министра иностранныхъ дѣлъ—Шампаньи и Румянцевъ,—съ перомъ въ рукѣ должны были разсмотрѣть статьи договора и редактировать ихъ, дабы, при своемъ возвращеніи, государи нашли работу уже подвинутой; тогда имъ останется еще окончательно столковаться относительно встрѣтившихся между министрами затрудненій и довершить дѣло соглашенія. Эта послѣдняя часть ихъ роли будетъ не менѣе затруднительной. Когда ихъ мысли будутъ изложены въ точной формѣ, они яснѣе взглянутъ на принятыя обязательства. Тогда могутъ возродиться нѣкоторыя сомнѣнія и различія во взглядахъ; могутъ обнаружиться задніе мысли, и найдутся новые поводы для интригъ. Поѣздка въ Веймаръ, предпринятая императорами, какъ переходная ступень и какъ отдыхъ, раздѣляетъ свиданіе въ Эрфуртѣ на два различныхъ, но почти одинаковыхъ по значенію, періода. Въ первомъ—съ большимъ трудомъ пришли къ соглашенію по нѣкоторымъ основнымъ вопросамъ; во второмъ—придется подойти къ болѣе деликатной задачѣ, къ вопросу о примѣненіи соглашенія.

[1]) Archives nationales, AF, IV, 876. lettres inédites.

*) Дружба великаго человѣка—благодѣяніе боговъ.

IV.

ПОѢЗДКА ВЪ ВЕЙМАРЪ. ЖИЗНЬ ВЪ ЭРФУРТѢ.

6 октября Наполеонъ и Александръ выѣхали въ экипажѣ изъ Эрфурта. На границѣ веймарскихъ владѣній они были встрѣчены герцогомъ въ сопровожденіи оберъ-егермейстера и четырехъ лѣсничихъ со свитой лѣсниковъ и охотниковъ. Началомъ празднествъ должна была послужить большая охота, которая входила въ программу развлеченій перваго дня. Экипажъ въѣхалъ въ Эттерсбергскій лѣсъ. Вмѣсто обычной здѣсь лѣсной тишины и безмолвія, императоровъ встрѣтили шумъ и толпы народа. Горожане изъ Эрфурта и Веймара, крестьяне въ національныхъ костюмахъ, любопытные, пришедшіе за десять лье въ окружности, заняли всѣ дороги. Появились продавцы пищи и прохладительныхъ напитковъ. Для привилегированныхъ зрителей возвышались трибуны. Яркое солнце, заливая своимъ свѣтомъ лѣсъ, придавало необычайно-картинный видъ этимъ сценамъ, и, согласно офиціальному нѣмецкому описанію, все представляло «видъ веселаго народнаго праздника» [1]).

Императоровъ провели на возвышенное, открытое мѣсто, откуда взору, отдохнувшему сперва на позлащенныхъ осенью лѣсахъ, открывались вдали зеленѣющіе горизонты Тюрингіи. Въ глубинѣ ограды, скрытой за натянутыми полотнами, былъ выстроенъ павильонъ. Это была продолговатая, открытая галлерея. Вмѣсто колоннъ, ее поддерживали стволы деревьевъ, украшенные прикрѣпленной на ихъ верхушкѣ листвой. Гирлянды изъ цвѣтовъ и фруктовъ окончательно придавали этой постройкѣ безыскусственный видъ. Императоры заняли мѣста; короли прибыли раньше ихъ. Затѣмъ, по сигналу, ограда изъ полотна мѣстами была спущена, и черезъ устроенныя такимъ образомъ отверстія пробѣгали загнанные въ лѣсъ изъ окрестностей олени, лани и козули.

Какъ только монархи сдѣлали первый выстрѣлъ, по всему фасаду галлереи вспыхнулъ бѣглый огонь изъ ружей. Обезумѣвшія животныя прыгали въ ограду, гдѣ, попадая прямо подъ выстрѣлы, падали и умирали передъ императорами. Появленіе каждаго шести-

---

[1]) Описаніе празднествъ, данныхъ въ честь Ихъ Величествъ императоровъ Наполеона и Александра и нѣкоторыхъ другихъ коронованныхъ особъ, въ Веймарѣ и Іенѣ, Его Св. Карломъ-Августомъ, герцогомъ Саксенъ-Веймарскимъ. Веймаръ, 1809 г. стр. 8.

рогаго оленя привѣтствовалось звукомъ трубъ и литавровъ. По временамъ пальба прекращалась. Изъ-за деревьевъ выскакивали переряженные въ дикарей, закутанные въ шкуры и листву, загонщики. Они подбирали убитыхъ животныхъ и воздвигали передъ павильономъ залитыя кровью пирамиды. Когда было убито сорокъ семь оленей, эта безжалостная бойня, которая не давала даже понятія о настоящей охотѣ, была прекращена. Государи отправились въ Веймаръ искать болѣе благородныхъ развлеченій [1]).

Несмотря на небольшіе размѣры, Веймаръ—очень представительный городъ. Его украшенныя статуями площади, колоннады, значительное число памятниковъ, правильное ихъ распредѣленіе, величественная обрисовка фасадовъ, придавали ему мѣстами обликъ столицы. Въ то время это была столица германской мысли и искусства. Герцогъ Карлъ-Августъ любилъ окружать себя учеными и поэтами. Онъ умѣлъ привлекать ихъ къ себѣ, умѣлъ удерживать при своемъ дворѣ, и гордился тѣмъ, что создалъ для своей резиденціи положеніе, единственное среди городовъ Германіи; что, сдѣлавъ ее средоточіемъ наукъ и искусствъ, онъ отличилъ ее отъ ей подобныхъ, и создалъ изъ нея нѣчто въ родѣ Аѳинъ. Его дворъ сохранялъ традиціи и обычаи прежняго режима. Онъ принялъ своихъ знаменитыхъ гостей съ непринужденностью хорошаго тона, который выигрывалъ еще больше отъ достойной его посѣтителей пышности. Въѣздъ императоровъ и королей состоялся въ простыхъ охотничьихъ колясках; но за то на пути ихъ слѣдованія стояли шпалерами съ развернутыми знаменами городскія корпораціи. Въ замкѣ, гдѣ привѣтствовала ихъ герцогиня, ихъ ожидало радушное гостепріимство. Ихъ свитамъ былъ оказанъ великолѣпный пріемъ, и старинная столица сдѣлала чудо, помѣстивъ достойнымъ образомъ пятьсотъ пятьдесятъ человѣкъ гостей.

Приходилось страшно со всѣмъ торопиться. Наполеонъ отдалъ своимъ хозяевамъ только одинъ вечеръ, и поэтому на протяженіи нѣсколькихъ часовъ хотѣли нагромоздить всѣ обычно принятыя при дворѣ развлеченія. Должны были состояться: обѣдъ, концертъ, спектакль и балъ. Для выполненія всей программы не хватало времени; концертъ пришлось выкинуть. За обѣдомъ столъ высочайшихъ особъ, поставленный въ видѣ подковы, былъ

[1]) Описаніе празднествъ, стр. 7—11.

сервированъ на шестнадцать персонъ, наименьшій титулъ которыхъ былъ титулъ принца. Во время обѣда Наполеонъ говорилъ очень много. Онъ изумилъ обширностью своихъ познаній, вступивъ съ княземъ-примасомъ въ споръ по детальнымъ вопросамъ древнегерманской конституціи, и, когда стали удивляться такой серьезной учености, онъ напомнилъ, что нѣкогда во Франціи досуги гарнизонной жизни давали ему возможность много читать и много изучать; тогда-то онъ началъ одну изъ своихъ фразъ такими словами: «Когда я былъ артиллерійскимъ поручикомъ»... Въ ту минуту, когда онъ вспоминалъ объ этомъ, направо отъ него сидѣлъ императоръ Всероссійскій, затѣмъ государи Вестфаліи и Вюртемберга; налѣво герцогиня Веймарская, короли Баваріи и Саксоніи; ему служили пажи; а позади него, у стѣны, высокотитулованные вельможи, носители славнѣйшихъ фамилій Германіи, исполняли обязанности феодальныхъ слугъ [1]).

Поѣздка въ театръ и обратно совершилась торжественно, въ парадныхъ каретахъ, по иллюминованнымъ улицамъ, между двумя рядами вооруженныхъ людей, изъ которыхъ каждый держалъ въ рукѣ зажженный факелъ. Изъ любезности къ своему гостю, герцогъ Карлъ-Августъ выписалъ изъ Эрфурта артистовъ императора. Они дали «*Смерть Цезаря*», гдѣ Тальма выступилъ на первой нѣмецкой сценѣ въ роли великаго завоевателя. Когда безподобный трагикъ произнесъ стихъ:

Sur l'univers soumis régnons sans violence. [*])

намекъ былъ понятъ, и увѣряютъ, что дрожь, какъ электрическая искра, пробѣжала по присутствующимъ. Во время спектакля Наполеонъ осматривалъ залу, лица, туалеты и позы. Онъ замѣтилъ въ одной изъ ложъ старца, красивая, убѣленная сѣдинами голова и умное лицо котораго бросились ему въ глаза. Узнавъ, что этотъ старецъ Виландъ, «Вольтеръ Германіи», онъ выразилъ желаніе, чтобы вечеромъ онъ былъ ему представленъ.

Тотчасъ же послѣ спектакля въ большомъ залѣ замка, гдѣ столпилось общество, подобнаго которому нельзя было видѣть ни въ одномъ императорскомъ или королевскомъ дворцѣ, Александръ открылъ балъ съ королевой Вестфальской. Молодой монархъ въ теченіе вечера нѣсколько разъ принималъ участіе въ танцахъ, при

[1]) Thibaudeau, IV, 70. Récit des fêtes, 11.

[*]) Надъ покоренною вселенной да будемъ царствовать мы кротко.

чемъ его изящество и пріятная наружность имѣли громадный успѣхъ. «Императоръ Александръ танцуетъ, писалъ Наполеонъ Жозефинѣ, я нѣтъ. Сорокъ лѣтъ даютъ себя знать» [1]).

Обходя группы, онъ приказалъ представить себѣ нѣкоторыхъ замѣчательныхъ по красотѣ или уму дамъ и осчастливилъ ихъ взглядомъ или словомъ. Онъ бесѣдовалъ съ выдающимися лицами; затѣмъ, увидавъ Гёте, который по званію тайнаго совѣтника былъ въ числѣ приглашенныхъ, подошелъ къ нему, какъ къ старому знакомому. За нѣсколько дней до этого, узнавъ, что поэтъ въ Эрфуртѣ, онъ пожелалъ его видѣть; съ восхищеніемъ, и какъ знатокъ, говорилъ онъ съ нимъ о его произведеніяхъ и разбиралъ нѣкоторыя мѣста изъ «*Вертера*» [2]). «Вотъ человѣкъ въ полномъ смыслѣ этого слова», сказалъ онъ послѣ аудіенціи. Въ Веймарѣ онъ возобновилъ съ нимъ разговоръ и поддерживалъ его нѣкоторое время; затѣмъ спросилъ о Виландѣ. Но Виланда не было. Старецъ удалился тотчасъ же послѣ спектакля и не присутствовалъ на балу. Пришлось отправиться за нимъ въ догонку до самаго его дома и привезти къ императору.

«Мнѣ ничего не оставалось, разсказываетъ Виландъ, какъ сѣсть въ карету, присланную за мной герцогиней, и поѣхать на балъ въ моемъ обыкновенномъ нарядѣ, не напудреннымъ, съ ермолкой на головѣ, въ суконныхъ сапогахъ; но въ общемъ одѣтымъ прилично. Я пріѣхалъ въ половинѣ одиннадцатаго. Едва я вошелъ, какъ Наполеонъ пошелъ мнѣ навстрѣчу съ другого конца залы; сама герцогиня представила меня ему» [3]).

Пріемъ, оказанный Наполеономъ поэту, былъ совершенно исключительнымъ. Это не былъ пріемъ монарха подданному, которому онъ хочетъ оказать нѣкоторое вниманіе. Въ словахъ Наполеона, въ его манерѣ держать себя, не было ничего покровительственнаго, ни малѣйшаго слѣда той монаршей благосклонности, которая заставляетъ чувствовать разницу положенія. Онъ хотѣлъ понравиться Виланду и серьезно познакомиться съ этимъ геніальнымъ человѣкомъ. Обнаруживая высокую степень деликатности, пониманія людей и собственнаго величія, онъ обошелся

[1]) Corresp., 14566.

[2]) См. сочиненіе подъ названіемъ: Entrevue de Napolèon I-er avec Goethe, par S. Sklower, Lille, 1853.

[3]) Freundesbilder aus Goethes Leben, von H. Duntzer, cité par Sklower, 90.

съ нимъ, какъ съ равнымъ, и говорилъ съ нимъ простымъ, увлекательнымъ тономъ, равно далекимъ отъ надменности и фамильярности. Можно было подумать, что это—встрѣча двухъ равныхъ по положенію людей, двухъ величайшихъ геніевъ на различныхъ поприщахъ, которымъ пріятно познакомиться, обмѣняться взглядами, и которые знаютъ, что могутъ многое сказать другъ другу.

На Александра, который въ это время принималъ участіе въ танцахъ, перестали смотрѣть. Зрѣлище было въ другомъ мѣстѣ. Высочайшія особы, министры, сановники составили на почтительномъ разстояніи около императора и поэта кругъ любопытныхъ. Изъ благоговѣйнаго чувства къ этому великому воспоминанію, Виландъ не хотѣлъ ни описать разговора, ни разсказать о немъ подробно, но присутствующіе уловили нѣкоторые отрывки, и согласные разсказы даютъ возможность воспроизвести нѣкоторые штрихи. Наполеонъ коснулся самыхъ разнообразныхъ и высокихъ предметовъ. Отъ литературы онъ перешелъ къ исторіи, къ грекамъ, которыхъ плохо понималъ; къ римлянамъ, которыми сильно восторгался; защищалъ цесарей отъ нападокъ Тацита; разсуждалъ также о религіяхъ и ихъ соціальной пользѣ; говорилъ—и не только какъ вѣрующій,—о значеніи христіанства въ политикѣ. По всѣмъ этимъ вопросамъ онъ высказывался горячо, въ оригинальныхъ, хотя всегда серьезныхъ, выраженіяхъ; оживлялся, не впадая въ игривый тонъ, ничуть не стараясь блеснуть, ослѣпить, но стараясь только выдвинуть впередъ идеи и вызвать своего собесѣдника на разговоръ. Среди высказываемыхъ имъ глубокихъ взглядовъ, онъ иногда обращался къ нему съ словами участія и интересовался интимными сторонами его жизни. Но главной цѣлью, которую онъ преслѣдовалъ, оказывая Виланду такое вниманіе, было показать, какую цѣну онъ придавалъ его мнѣніямъ по затронутымъ вопросамъ, и какъ велико было его желаніе ознакомиться съ его взглядами. Нѣмецъ отвѣчалъ на очень плохомъ французскомъ языкѣ и излагалъ свои взгляды, очарованный и приведенный въ смущеніе острымъ, кованнымъ языкомъ этого человѣка, который проникалъ въ самую его душу и стремился освѣтить всѣ уголки его ума и знанія. Послѣ двухчасовой бесѣды, усталый и взволнованный, онъ остановился въ выжидательной позѣ, и старался вызвать знакъ, которымъ разрѣшалось бы ему удалиться. Не получая его, онъ

набрался смѣлости и началъ откланиваться. «Идите», дружески сказалъ ему императоръ, и повторилъ: «Идите, доброй ночи». Наполеонъ вернулся опять къ Гёте, еще разъ поговорилъ съ нимъ, и, наконецъ, удалился, оставивъ присутствующихъ подъ впечатлѣніемъ этихъ достопамятныхъ сценъ [1]).

Въ такомъ поведеніи его ясно видна политическая цѣль. Съ нѣкотораго времени онъ сталъ замѣчать въ Германіи пробужденіе новаго и мощнаго чувства, чувства сознанія общенѣмецкой національности, пробужденнаго нами, благодаря общенію съ нашими идеями, но направленнаго противъ насъ и вытекавшаго изъ ненависти къ нашему господству. Усматривая въ этомъ чувствѣ грознаго противника, онъ старался его успокоить и обезоружить. Съ этого времени онъ сталъ заботиться, хотя и о запоздалыхъ, но, тѣмъ не менѣе, достойныхъ вниманія мѣрахъ для успокоенія германскихъ народовъ и облегченія ихъ страданій [2]). Онъ хотѣлъ въ лицѣ самыхъ знаменитыхъ представителей Германіи почтить и примирить съ собой ея общественное мнѣніе, и именно въ этомъ смыслѣ и приказалъ офиціально истолковать пріемъ, оказанный обоимъ поэтамъ. Въ сообщеніи о празднествахъ, опубликованномъ по распоряженію веймарскаго двора, по поводу благосклонности, оказанной Гёте и Виланду, мы читаемъ: «Герой вѣка доказалъ этимъ, что онъ съ уваженіемъ относится къ націи, покровителемъ которой состоитъ; что онъ уважаетъ ея литературу и языкъ, которые служатъ ея національной связью» [3]). Добавимъ, что эти знаки вниманія не были обременительны для Наполеона. Онъ правильно оцѣнивалъ интеллектуальныя силы, и, хотя иногда и смотрѣлъ на нихъ, какъ на своихъ враговъ, и безжалостно изгонялъ ихъ, но всегда признавалъ ихъ и никогда не считалъ за униженіе обращаться съ королями ума, какъ съ равными себѣ.

Слѣдующій день былъ реваншемъ за вечеръ въ Веймарѣ. Воздавъ дань уваженія просвѣщенной и покорной Германіи, Наполеонъ безжалостно афишировалъ свою побѣду надъ воинственной и возставшей присоединивъ къ ней заднимъ числомъ и Александра. Онъ сговорился съ Александромъ поѣхать осмотрѣть поле битвы при Іенѣ. Поѣздка, на которую покорно согласился

[1]) Sklower, 91—92. Cf. Thiers, IX, 328.

[2]) См. la Correspondance. №№ 14319, 14321, 14341.

[3]) P. 15.

веймарскій дворъ, заняла второй день. Праздничныя торжества приказано было устроить на самомъ полѣ битвы. Нѣмецкія руки украсили мѣсто, гдѣ погибло прусское величіе. На самомъ возвышенномъ мѣстѣ, на вершинѣ горы, получившей, благодаря этому случаю, прозвище горы Наполеона, была воздвигнута легкая постройка—храмъ Побѣды. Одинъ изъ профессоровъ Іены сдѣлалъ для нея рисунокъ, а членъ факультета составилъ для фронтона бьющее на претензію двустишіе [1]).

Наполеонъ и Александръ отправились верхомъ къ подножію памятника. Осмотрѣвъ его, они спустились на менѣе возвышенную площадку, откуда императоръ руководилъ сраженіемъ. Гравюра, исполненная съ натуры, представляетъ ихъ именно на этомъ мѣстѣ [2]). Оба императора изображены пѣшими впереди свиты изъ королей, высочайшихъ особъ и маршаловъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ ихъ ожидаютъ осѣдланные и взнузданные кони; конь Наполеона оставленъ подъ присмотромъ его мамелюка. Палатки и зажженные костры напоминаютъ бивуакъ. Вдали солдаты изъ Веймара сдерживаютъ громадную толпу любопытныхъ, которая тѣснится и давитъ другъ друга. Наполеонъ держитъ въ рукахъ карту. Предварительно объяснивъ своему союзнику расположеніе корпусовъ и предписанныя имъ движенія, онъ воспроизводитъ передъ глазами Александра на волнистомъ полѣ, которое разстилается вокругъ нихъ, нестройную и безпорядочную картину битвы; рисуетъ черныя массы пѣхоты, полосы дыма, которыя, въ зависимости отъ хода битвы, то отступаютъ, то подаются впередъ; пылающія деревни, штурмъ позицій, сшибки эскадроновъ. Когда урокъ военнаго искусства былъ оконченъ, для довершенія иллюзіи позавтракали, какъ на войнѣ, — государи въ палаткѣ, ихъ свита подъ открытымъ небомъ. Во время завтрака, Наполеонъ принялъ депутацію отъ Іенскаго университета и пожаловалъ нѣкоторыя привилегіи городу, свидѣтелю его побѣды; затѣмъ, когда оба императора осмотрѣли въ подробностяхъ все поле сраженія, общій обзоръ котораго они сдѣлали вначалѣ, и поохотились въ окрестностяхъ Апольда, гдѣ Наполеонъ провелъ ночь наканунѣ сраженія, они пораньше вернулись въ Эрфуртъ, чтобы показаться вечеромъ въ театрѣ. Представленіе

---

[1]) Récit des fêtes, 16.

[2]) Id., planche 3.

пьесы «*Горацiи*» довершило этотъ, столь богатый по воспоминанiямъ, день [1]).

Въ Эрфуртѣ императоры возобновили свою правильную и почти монотонную жизнь. Каждое утро они обмѣнивались черезъ камергеровъ взаимными привѣтствiями. У того и другого былъ утреннiй прiемъ, когда они показывались раззолоченной толпѣ, которая заполняла ихъ апартаменты. Затѣмъ они работали со своими министрами. Въ это время Наполеонъ читалъ дипломатическiя депеши, диктовалъ въ меньшемъ, чѣмъ обыкновенно, количествѣ приказы и инструкцiи, принималъ донесенiя коменданта крѣпости, къ которымъ прилагались донесенiя полицiи. Онъ желалъ знать въ малѣйшихъ подробностяхъ происшествiя дня и предыдущаго вечера, т.-е., что говорилось въ разныхъ обществахъ, гдѣ собирались «пруссаки»; что дѣлала полицiя для поддержанiя порядка; какъ устраивалась она, чтобы одновременно слѣдить и за недовольными и за «мошенниками, воровавшими кошельки, табакерки и часы у лицъ, выходившихъ изъ театра» [2]).

Затѣмъ слѣдовали аудiенцiи. Наполеонъ болѣе или менѣе быстро сбывалъ ихъ съ рукъ между двумя бесѣдами со своими министрами, принимая въ соображенiе не столько рангъ представлявшихся лицъ, сколько ихъ умъ и таланты, и продолжая во время своего завтрака и работу, и прiемы. Въ такой именно моментъ и видѣлъ его Гёте. Онъ далъ намъ въ нѣсколькихъ штрихахъ набросокъ этой сцены. «Меня ввели. Императоръ завтракаетъ, сидя за большимъ круглымъ столомъ; направо, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ стола, стоитъ Талейранъ; налѣво, возлѣ императора — Дарю, съ которымъ онъ говоритъ о сборѣ контрибуцiи». Наполеонъ хотѣлъ еще разъ повидать Виланда и нѣкоторыхъ веймарскихъ академистовъ. Иногда онъ оставлялъ ихъ завтракать, присутствовалъ при ихъ спорахъ, и, будучи чувствительнымъ ко всякаго рода успѣху, находилъ удовольствiе видѣть при своемъ дворѣ ученыхъ.

Днемъ императоры сходились вмѣстѣ. Они совѣщались, бесѣдовали, ѣздили верхомъ. Волнообразныя и веселыя окрестности Эрфурта способствовали продолжительнымъ прогулкамъ. Сверхъ того, событiя и картины изъ жизни войскъ, которыя разыгрывались въ окрестностяхъ города, постоянно разнообразили цѣль ихъ поѣздокъ. Благодаря передвиженiю войскъ съ сѣвера на

[1]) Récit des fêtes, 15—19.
[2]) Донесенiя полицiи. Archives nationales, AF, IV, 1696.

югъ и перемѣнѣ фронта великой арміи, подъ стѣнами Эрфурта почти каждый день проходили новые полки. Наполеонъ хотѣлъ, чтобы они были представлены его гостю, и чтобы нѣкоторые изъ полковыхъ офицеровъ несли при немъ почетную службу. Какъ и въ Тильзитѣ, онъ ѣздилъ съ нимъ въ мѣста стоянокъ войскъ и вводилъ его во всѣ подробности военной жизни французовъ. Ему доставляло не малое удовольствіе показывать свои войска во всеоружіи, въ полной парадной формѣ, въ ихъ воинственной красотѣ. Онъ часто назначалъ церемоніи, въ которыхъ они должны были принимать участіе: маневры, парады, полковыя богослуженія. Около Эрфурта происходилъ непрерывный и торжественный церемоніальный маршъ, какъ бы большой нѣсколько - дневный смотръ [1]).

Александръ съ удовольствіемъ слѣдилъ за этими зрѣлищами и, видимо, ими интересовался. Онъ умѣлъ разнообразить свои похвалы и оказывалъ каждому роду оружія, каждому корпусу подобающее ему вниманіе. Среди его спутниковъ безспорно самымъ счастливымъ былъ великій князь Константинъ. Какъ и всегда, обращая главное вниманіе на мелочи, онъ запоминалъ номера полковъ, замѣчалъ малѣйшее различіе въ формѣ, маршировкѣ, въ движеніяхъ войскъ. Онъ восхищался, какъ знатокъ дѣла; но и недостатки отъ него не ускользали. Онъ постоянно говорилъ «то о дисциплинѣ и хорошей выправкѣ 17-го армейскаго пѣхотнаго полка и 6-го кирасирскаго, то о красотѣ 8-го гусарскаго, о плохомъ обученіи 1-го гусарскаго, о великолѣпіи и воинственномъ видѣ гвардейскихъ батальоновъ». По возвращеніи въ Петербургъ его первой заботой было собрать офицеровъ Коннаго и Уланскаго полковъ и передать имъ свои впечатлѣнія. «Похвалы были неизсякаемы относительно всѣхъ войскъ, за исключеніемъ 1-го гусарскаго полка». На память объ Эрфуртѣ онъ привезъ цѣлое собраніе французскихъ военныхъ мотивовъ, и на первомъ парадѣ, которымъ онъ командовалъ, въ то время, когда трубы конной гвардіи играли наши марши, музыканты двадцати двухъ батальоновъ всѣ вмѣстѣ грянули французскій маршъ, подъ названіемъ: «Да здравствуетъ коронація!» [2]).

Не такъ односторонне смотрѣлъ на вещи Александръ. Онъ изучалъ въ Наполеонѣ не только полководца, но и законодателя.

---

[1]) Донесенія коменданта крѣпости. Archives nationales, AF, IV. 1696.

[2]) Коленкуръ императору, 5 ноября 1808 г.

Несмотря на то, что восхищеніе Наполеономъ все болѣе заслонялось у него другими чувствами, онъ по-прежнему желалъ учиться у него. Рѣчи императора служили для него источникомъ, изъ котораго онъ пополнялъ свои знанія. Отвѣчая его желаніямъ, Наполеонъ съ одинаковымъ удовольствіемъ бесѣдовалъ съ нимъ, какъ о трудахъ и заботахъ мирнаго времени, такъ и о военномъ дѣлѣ. Съ картиннымъ и безыскусственнымъ краснорѣчіемъ рисовалъ онъ великіе проекты всякаго рода; объяснялъ свои чудныя творенія; говорилъ, что создастъ новыя; перечислялъ чудеса цивилизаціи и искусствъ, которыя онъ надѣялся во множествѣ возрастить на французской почвѣ; говорилъ о величественныхъ зданіяхъ, которыя воздвигались по его повелѣнію въ его столицѣ, и которыя должны были придать ей небывалый блескъ. Онъ рисовалъ предъ нимъ тотъ Парижъ, который былъ въ его мечтахъ— нѣчто въ родѣ древняго Рима, перенесеннаго въ нашу эпоху — видъ блестящаго и строгаго города, усѣяннаго тріумфальными воротами, портиками и пантеонами. Эти картины поражали живое воображеніе Александра. Чуткій и склонный ко всему, что казалось ему благороднымъ, полезнымъ и новымъ, и горя желаніемъ подражать Наполеону, онъ просилъ, чтобы ему прислали планы всѣхъ памятниковъ, предназначенныхъ для украшенія нашихъ городовъ [1]). Онъ и самъ разсказывалъ о своихъ преобразовательныхъ проектахъ. Наполеонъ сочувствовалъ ему, деликатно давалъ совѣты, рекомендовалъ управлять твердой рукой и дать почувствовать свою власть. Онъ выразилъ желаніе видѣть Сперанскаго; долго разговаривалъ съ нимъ, подарилъ ему свой портретъ, осыпанный брильянтами, и этимъ лестнымъ вниманіемъ, которое относилось столько же къ государю, сколько и къ любимцу, онъ, повидимому, поздравлялъ царя, такъ хорошо помѣстившаго свое довѣріе.

Въ умѣньѣ стать на уровень вкусовъ и непостояннаго настроенія Александра онъ обнаружилъ поразительное искусство. Онъ старался то ослѣпить его блестящими идеями, то развлечь игривыми или пикантными разговорами. У Александра, склоннаго къ тоскливой меланхоліи, бывали иногда порывы увлеченія и молодости. Наполеонъ умѣлъ быть съ нимъ молодымъ, умѣлъ раздѣлять его увлеченія. Зная, что онъ не любитъ церемоніала, онъ сумѣлъ изолировать его отъ окружавшей его пышности и

---

[1]) Донесеніе Коленкура отъ 23 ноября 1808 г.

среди придворной суеты устроить для него интимную и почти товарищескую жизнь. По словамъ очевидца, о нихъ можно было сказать, что это «два молодыхъ человѣка хорошаго общества, у которыхъ общія удовольствія, и нѣтъ ничего завѣтнаго другъ отъ друга» [1]). И никто, видя ихъ такими довѣрчивыми и откровенными, не могъ бы заподозрить существующихъ между ними жестокихъ разногласій. Бывали моменты, когда у нихъ было общее жилище и общіе покои. Если Александру, по возвращеніи съ прогулки, нужно было привести въ порядокъ свой туалетъ, Наполеонъ приглашалъ его къ себѣ; но царь долженъ былъ остерегаться любоваться чѣмъ-либо, подъ опасеніемъ, что ему тотчасъ же будетъ предложено то, на что онъ обратилъ вниманіе. Такъ, Наполеонъ подарилъ ему два великолѣпныхъ изъ позолоченнаго серебра несессера, которыми онъ обыкновенно самъ пользовался. Онъ не забылъ и отсутствующихъ и заготовилъ для императрицы Елизаветы нѣсколько великолѣпныхъ севрскихъ фарфоровъ, которые онъ приказалъ доставить въ Эрфуртъ. Для выраженія благодарности Александръ умѣлъ находить слова, въ которыхъ ничего не было банальнаго. Однажды, когда онъ забылъ надѣть шпагу, Наполеонъ предложилъ ему свою. «Я никогда не обнажу ее противъ Вашего Величества» [2]), сказалъ царь, принимая ее. Эта шпага хранится теперь въ Петербургѣ, въ музеѣ Эрмитажа, недалеко отъ трофеевъ, взятыхъ у императора и Франціи во время русскаго похода.

Каждый вечеръ государи обѣдали у Наполеона въ мѣстномъ дворцѣ. Талейранъ и Шампаньи по приказанію императора угощали иностранныхъ сановниковъ и дипломатическій корпусъ. Затѣмъ все общество неизмѣнно встрѣчалось на спектаклѣ. Наполеонъ приказалъ устроить залу такъ, чтобы она вполнѣ отвѣчала особенностямъ Александра, который былъ туговатъ на ухо. За образецъ была взята зала, которой пользовались для придворныхъ спектаклей въ собственномъ дворцѣ царя. Наполеонъ хотѣлъ, чтобы Александръ и здѣсь нашелъ привычныя ему удобства, чтобы, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, театръ Эрмитажа перенесся въ Эрфуртъ. Оба императора сидѣли непосредственно за оркестромъ, противъ сцены. Короли сидѣли рядомъ

---

[1]) Thibaudeau, IV, 66. Cf. Mémorial de Sainte-Hélène, 16 juin 1816.

[2]) Thibaudeau, IV, 70.

съ ними въ томъ же ряду; далѣе за балюстрадой весь Рейнскій союзъ, министры и сановники. Ложи были заняты элегантной и нарядной толпой. Тамъ сидѣли—какъ бы окаймляя роскошною рамой картину собравшихся государей—дамы въ парадныхъ придворныхъ костюмахъ и лица, занимающія высокое положеніе, понаѣхавшія изъ любопытства въ Эрфуртъ [1]).

Спектакли были обставлены великолѣпно; каждый вечеръ давались новыя пьесы, изобилующія блестящими эффектами и всякаго рода дивертисментами. Наполеонъ хотѣлъ, чтобы, изъ входившихъ въ программу развлеченій его союзника, эта часть была особенно тщательно оборудована. Онъ самъ лично выбралъ составъ артистовъ и назначилъ имъ роли. Нужно прибавить, что въ дѣлѣ воздѣйствія на Александра увлеченіями этого рода у него былъ уже нѣкоторый опытъ, и вызовъ Французской Комедіи въ Эрфуртъ былъ только слѣдствіемъ хорошо обдуманнаго плана. Еще задолго до того, какъ пустить въ дѣло главныя силы, онъ выпустилъ разъѣзды.

Припомнимъ, что Александръ, какъ и большинство русскихъ, былъ большимъ любителемъ театра и что послѣ свиданія въ Тильзитѣ онъ выразилъ желаніе имѣть при своемъ дворѣ нѣкоторыхъ изъ лучшихъ нашихъ актеровъ и извѣстныхъ актрисъ. Наполеонъ приказалъ разсмотрѣть этотъ вопросъ, но не рѣшилъ его въ утвердительномъ смыслѣ. По какой причинѣ—мы не знаемъ. Быть можетъ, вслѣдствіе мнѣнія кардинала Берни, къ которому императрица Елизавета обратилась съ просьбой прислать ей Лекена и mademoiselle Клеронъ, и который нашелъ, что «вопросъ объ удовольствіяхъ Парижа заслуживаетъ вниманія правительства и что взять изъ состава Французской Комедіи главныхъ актеровъ значитъ привести ее въ упадокъ» [2]). Императоръ не послалъ актеровъ. Впрочемъ, когда въ дѣло вмѣшался случай и сыгралъ въ руку желаніямъ Александра, Наполеонъ рѣшилъ не быть помѣхой.

Въ одинъ прекрасный день Парижъ узналъ, что модная трагическая актриса, талантъ и красота которой производили фуроръ, знаменитая mademoiselle Жоржъ, исчезла. Вскорѣ узнали, что она уѣхала въ Петербургъ вслѣдъ за молодымъ русскимъ

---

[1]) Récit des fêtes, p. 5 et 6. Documents inédits.

[2]) Archives des affaires étrangères. 24 juin 1758.

офицеромъ, въ котораго влюбилась, и который, какъ говорили, обѣщалъ на ней жениться. Въ одно время съ нею уѣхалъ Дюпоръ, танцовщикъ изъ Оперы, который долженъ былъ присоединиться къ ней въ Петербургѣ. Наполеонъ могъ бы потребовать обратно бѣглецовъ; но онъ воздержался и оставилъ ихъ Россіи. «Нѣсколько артистовъ, писалъ онъ Коленкуру въ особой запискѣ, сбѣжали изъ Парижа и нашли себѣ убѣжище въ Россіи. Мое желаніе, чтобы вамъ не было извѣстно о ихъ дурномъ поступкѣ. Въ чемъ другомъ, а въ танцовщицахъ и актрисахъ у насъ въ Парижѣ недостатка не будетъ» [1]. Посланникъ добросовѣстно сообразовался съ этимъ приказаніемъ. «Францiя, сказалъ онъ царю, настолько населена, что можетъ не гоняться за бѣглецами» [2].

Впрочемъ, для бѣгства mademoiselle Жоржъ, кромѣ ея страсти къ русскому офицеру, была еще и другая причина. Параллельно съ ея романомъ шла интрига. Въ Петербургѣ довольно многочисленная партiя задалась цѣлью устроить сближенiе между императоромъ и императрицей. Многiе жалѣли государыню, которая, будучи неутѣшной матерью, едва была супругой. Надѣялись, за возвращенiе къ ней супруга, получить право на ея благодарность и использовать прiобрѣтенное этимъ путемъ влiянiе. Задача, за которую брались, была трудна, такъ какъ императоръ, повидимому, все болѣе увлекался Нарышкиной [3]. Не осмѣливаясь нападать открыто на его привязанность, мечтали объ отвлекающемъ средствѣ. У заговорщиковъ въ Парижѣ были друзья. При ихъ посредничествѣ, они постарались привлечь mademoiselle Жоржъ въ русскую столицу, гдѣ ей была обѣщана блестящая карьера. Они разсчитывали, что, когда она явится передъ императоромъ въ полномъ блескѣ своей красоты, съ ореоломъ успѣха, Александръ не устоитъ передъ ея общепризнанной чарующей красотой и покинетъ давнишнюю привязанность ради «царицы театра» [4]. Но такая связь, по ихъ мнѣнiю, не могла

---

[1]) Corresp., 14107.

[2]) Feuille de nouvelles du 27 juillet 1808.

[3]) Nouvelles de Pétersbourg du 28 février 1808: „Нарышкина снова одержала побѣду надъ своими соперницами. Ухаживанья на балу. Во время ужина отъ нея не отходятъ; ее встрѣчаютъ каждое утро разъ по пяти, шести; то верхомъ, то въ саняхъ.

[4]) De Maistre, 317.

долго продолжаться; отъ прихоти легче излѣчиваются, чѣмъ отъ серьезной привязанности. Оторванный отъ своего привычнаго круга знакомствъ и не имѣя времени завести новый, Александръ вернется къ законному чувству и, благодаря случайной прихоти, возвратится на путь долга. Намъ не извѣстно, зналъ ли Наполеонъ объ этомъ планѣ, когда онъ допустилъ побѣгъ mademoiselle Жоржъ. Во всякомъ случаѣ, когда Коленкуръ разсказалъ ему всѣ подробности, онъ не отнесся къ нему неодобрительно. Нарышкина не оправдала его надеждъ. Она скоро отказалась отъ вліянія на дѣла, и довольствовалась тѣмъ, что властвовала надъ сердцемъ своего государя. «Это не Помпадуръ, говорилъ Жозефъ де-Местръ, это не Монтеспанъ, это скорѣе Лавальеръ; только она не хромая и никогда не сдѣлается кармелиткой» [1]). Императоръ ничего не имѣлъ противъ того, чтобы, вмѣсто этой безполезной для него владычицы сердца Александра, одна изъ его подданныхъ имѣла на него нѣкоторое, хотя бы минутное, вліяніе. Чтобы вліять на своего союзника, онъ не считалъ нужнымъ пренебрегать никакими средствами.

Въ Петербургѣ mademoiselle Жоржъ была блестяще принята. Ея красота и игра произвели сенсацію. Къ несчастью, она вела себя, какъ перебѣжчикъ, а не какъ лицо, которому можно было бы давать секретныя порученія. Она не щадила въ своихъ разговорахъ Францію и дурно отзывалась о правительствѣ [2]). Сверхъ того, хотя она и была замѣчена императоромъ, и приглашена въ Петергофъ для предназначавшейся ей интимной роли, ей пришлось удовольствоваться однимъ дебютомъ,—ея тріумфъ не имѣлъ будущаго. Александръ отдалъ дань минутному увлеченію, но вслѣдъ за тѣмъ вернулся къ прежней привязанности. Нарышкина еще разъ испытала достоинство своей системы, которая, по

[1]) De Maistre, 332.

[2]) Она въ разговорѣ съ флигель-адъютантомъ императора, писалъ Коленкуръ, отзывалась о Парижѣ въ довольно неприличныхъ выраженіяхъ; говорила, что тамъ не платятъ денегъ; что таланты преслѣдуются и подчинены военному режиму и т. д., такъ что начальникъ полиціи получилъ приказаніе внушить ей быть болѣе осторожной... Она много говоритъ объ императорѣ Наполеонѣ; увѣряетъ, что нравилась ему въ продолженіе двухъ лѣтъ и все это время была ему вѣрна. Затѣмъ она хвастается своей связью съ великими герцогами Бергскимъ и Вюрцбургскимъ и т. д." Feuille de nouvelles du 17 juin 1808.

словамъ де-Местра, состояла въ томъ, чтобы «не обращать вниманія на увлеченія» [1]).

Хотя этотъ опытъ не далъ ожидаемыхъ результатовъ, но такъ какъ очевидно было, что онъ не былъ непріятенъ царю, то Наполеонъ возымѣлъ намѣреніе повторить его въ Эрфуртѣ въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Онъ выписалъ, какъ антуражъ для первыхъ артистовъ Французскаго театра, самыхъ красивыхъ статистокъ, то, что Меттернихъ называлъ «цвѣтникомъ трагедіи» [2]). По мнѣнію крайне опытнаго въ этомъ дѣлѣ австрійскаго дипломата, подборъ былъ сдѣланъ очень тщательно. Главное вниманіе было обращено на красоту актрисъ, талантомъ мало интересовались; подобная забота не миновала насмѣшекъ парижской публики. Александръ ничего не имѣлъ противъ своего союзника за такую предупредительность и былъ склоненъ ею воспользоваться. Однако, прежде чѣмъ окончательно установить свой выборъ, онъ откровенно поговорилъ съ Наполеономъ и спросилъ у него совѣта. Императоръ очень хвалилъ его вкусъ; но прибавилъ, что, какъ истинный другъ, считаетъ своей обязанностью предупредить его, что, при теперешнихъ обстоятельствахъ, ему слѣдуетъ остерегаться нескромныхъ поступковъ, и не скрылъ отъ него, что его похожденія будутъ извѣстны всему Парижу. Боязнь такой гласности остановила Александра, очень осторожнаго въ этихъ дѣлахъ. Онъ не настаивалъ и удовольствовался тѣмъ, что наслаждался предназначенными для него театральными развлеченіями только съ художественной стороны [3]).

Наполеонъ надѣялся доставить ему удовольствіе и выборомъ пьесъ; надѣялся очаровать и удивить его образцовыми произведеніями нашей сцены. Къ несчастью, при составленіи репертуара онъ слишкомъ положился на свой личный вкусъ. Самъ онъ выше всего ставилъ нашу старую трагедію, ту мощную, благородную, подчиненную извѣстнымъ правиламъ форму искусства, гдѣ высокія страсти выражаются въ строго-опредѣленныхъ рамкахъ. Онъ приписывалъ ей свойства внушать великія дѣла, высокія добродѣтели, «порождать героевъ» [4]), и при томъ героевъ послушныхъ. Итакъ, онъ думалъ, что разнообразія составленной въ одномъ

---

[1]) De Maistre, 317

[2]) Metternich, II, 227.

[3]) Mémorial; 16 juin 1816.

[4]) Id.

жанрѣ программы будетъ достаточно для того, чтобы удовлетворить эрфуртскую публику. Онъ нашелъ достойными для представленій только своихъ любимыхъ авторовъ. Такъ какъ онъ болѣе всего любилъ сочиненія Расина, затѣмъ Корнеля и изъ Вольтера, «то, что было оставлено» [1]), то первый давался шесть разъ, остальные два—по четыре раза каждый. Но гости императора не были такими классиками, какъ онъ самъ. Въ Германіи театръ молодѣлъ подъ вдохновеніемъ Гёте и Шиллера, и соотечественники этихъ геніевъ-новаторовъ только изъ лести рукоплескали французской трагедіи, «рамки которой, говорили они, слишкомъ тѣсны» [2]). Что же касается русскихъ, то многіе изъ нихъ не были на высотѣ подобнаго зрѣлища. Когда mademoiselle Жоржъ появилась въ Петербургѣ, они льстили ей, какъ женщинѣ, прославляли извѣстную трагическую актрису, но самый жанръ казался имъ устарѣлымъ [3]). Въ Эрфуртѣ, хотя царь и его спутники и дѣлали видъ, что высоко цѣнятъ талантъ актеровъ и совершенство ихъ игры, однако, нужно думать, что смотрѣть трагедію пятнадцать дней подъ-рядъ казалось для нихъ слишкомъ долгимъ испытаніемъ.

Послѣ спектакля общество расходилось, и каждый располагалъ вечеромъ по своему желанію. Въ это время въ Эрфуртѣ открывались увеселительныя мѣста и частныя собранія. Въ извѣстныхъ кружкахъ встрѣчались единственно ради того, чтобы сообща развлечься: поужинать и поиграть въ карты. Политики назначали себѣ свиданіе и собирались для долгихъ тайныхъ совѣщаній у принца Вильгельма Прусскаго въ главной квартирѣ нашихъ враговъ. Наконецъ, были и настоящіе салоны, наскоро устроенные стараніями нѣкоторыхъ умныхъ и энергичныхъ дамъ. Онѣ собирали вокругъ себя все, что было въ Эрфуртѣ самаго выдающагося по рожденію, положенію и заслугамъ. Быть приня-

[1]) Corresp., 14207.

[2]) Récit des fêtes, p. 14.

[3]) Коленкуръ въ отдѣлѣ новостей писалъ 1 августа: „Много говорятъ о дебютѣ mademoiselle Жоржъ; она играла „Федру“. Слушатели ее очень одобрили и во все горло смѣялись надъ Тезеемъ, Ипполитомъ и несчастнымъ Ѳераменомъ... Великій князь отвѣтилъ въ оркестрѣ Нарышкину, чрезвычайно хвалившему ее: „Вы бы лучше пополнили составъ комической оперы, „чѣмъ выписывать намъ образецъ трагедіи. Впрочемъ, что бы вы тамъ ни „говорили, ваша mademoiselle Жоржъ въ трагедіи не стоитъ моего выѣзд„ного коня на парадѣ“.

тымъ тамъ считалось особой честью, далеко не всѣмъ доступной привилегіей. Между салонами быстро установились степени и іерархіи. Особенно яркимъ блескомъ отличались два: салонъ жены президента Реке и салонъ принцессы де-ла-Туръ-и-Таксисъ. сестры прусской королевы. Первый держался нейтральной почвы, былъ открытъ и для ученыхъ, и для политиковъ: тамъ Гёте, среди группы маршаловъ, разбиралъ сочиненія нашихъ трагиковъ. Второй носилъ болѣе аристократическій характеръ и анти-французскую окраску. Тамъ велась маленькая война противъ Наполеона; тамъ злорадными слухами и язвительными намеками мстили повелителю за то, что каждый изъ нихъ публично вынужденъ былъ преклоняться предъ нимъ. Нѣкоторыя остроты пользовались успѣхомъ, какъ, напримѣръ, слѣдующая острота посланника Толстого: «Нашъ императоръ приказываетъ строить много церквей. Посовѣтуйте ему выстроить и храмъ во имя Богоматери—*Заступницы* Испаніи, ибо, если она не станетъ на его сторону, его имперія погибла» [1]). Александръ тоже бывалъ у принцессы де-ла-Туръ и-Таксисъ и обращалъ на себя вниманіе своими ухаживаніями за принцессой Стефаніей баденской, которая была притягательной силой и улыбкой этихъ собраній. Обыкновенно царь восторженно отзывался о Наполеонѣ, восхвалялъ его доброту и снисходительность и защищалъ его отъ упрековъ въ честолюбіи. Иногда онъ бывалъ озабоченъ, и даже поговаривали, что, когда онъ находился въ обществѣ нашихъ явныхъ враговъ, у него вырывались слова, которыя, нельзя сказать, чтобы очень разбивали ихъ надежды. Онъ былъ изъ тѣхъ, которые, мѣняя среду, легко мѣняли и рѣчь [2]).

Впрочемъ, посѣщенія враждебнаго лагеря продолжались не долго. Александръ, если не по влеченію сердца, то, по крайней мѣрѣ, по внѣшности быстро вернулся къ Наполеону. Часто оба императора возвращались со спектакля вмѣстѣ, и вечеръ заканчивался у императора Александра. Между ними завязывался разговоръ и затягивался до глубокой ночи, столь располагающей къ задушевнымъ бесѣдамъ. Нужно сказать, что, по мѣрѣ того, какъ продолжались ихъ сношенія, ихъ дружба сказывалась въ бóльшей откровенности, и, если они и не высказывали всего,

[1]) De Maistre, p. 322.

[2]) Thibaudeau, IV, 64. Souvenirs de Jean de Muller. Documents inédits.

если въ глубинѣ души и таили заднія мысли и подозрѣнія, то, тѣмъ не менѣе, они отдавались дружескимъ бесѣдамъ, отъ которыхъ воздерживались въ первые дни свиданія. Оставляя въ сторонѣ злободневные вопросы, они съ удовольствіемъ рисовали передъ собой картину полнаго согласія и союза, которые наступятъ въ недалекомъ будущемъ, послѣ нынѣшняго, хотя и далеко неудовлетворительнаго, соглашенія; строили планы, мечтали, и даже однажды затронули самый щекотливый вопросъ, который уже задолго до этого занималъ и безпокоилъ ихъ умъ и о которомъ всѣ, кромѣ нихъ самихъ, говорили при ихъ дворахъ,—вопросъ, который одновременно былъ и государственнымъ и семейнымъ вопросомъ.

V.

РАЗГОВОРЪ ПО ПОВОДУ БРАКА[1]).

Уже цѣлый годъ Европа ждала развода Наполеона и его брака съ русской великой княжной. Слухи о томъ и о другомъ шли со всѣхъ сторонъ. Передаваясь изъ устъ въ уста, они преувеличивались и искажались, но, тѣмъ не менѣе, заключали въ себѣ долю истины. Съ того дня, когда Наполеонъ объявилъ свою власть наслѣдственной и возложилъ на свою главу императорскую корону, онъ сознавалъ необходимость обезпечить продуктивнымъ бракомъ будущее своей династіи, и иногда останавливался на мысли о разводѣ; но, раздираемый противорѣчивыми чувствами, не приступалъ къ рѣшенію этого вопроса. Хотя политика, «у которой нѣтъ сердца», и «жестокій законъ», какъ онъ его называлъ, и повелѣвали ему заключить новый брачный союзъ, но онъ испытывалъ глубокую сердечную тоску и угрызенія совѣсти при мысли покинуть Жозефину, удалить отъ себя подругу жизни, заботливая и чарующая привязанность которой сдѣлались для него потребностью, и которая прошла вмѣстѣ съ нимъ всѣ стадіи его величія. Дѣйствительно, искренняя нѣжность и еще болѣе сильная связь—привычка, и даже нѣчто въ родѣ суевѣрія привязывали его къ Жозефинѣ. Разлучаясь съ ней, не оттолкнетъ ли онъ вмѣстѣ съ ней и свое прошлое, сотканное

[1]) Этотъ отдѣлъ былъ напечатанъ въ Revue historique, septembre-octobre 1890.

изъ счастья и славы, и не порветъ ли связь съ своей счастливой звѣздой? Итакъ, онъ колебался. По временамъ онъ, какъ-будто близокъ былъ къ тому, чтобы принять рѣшеніе; но затѣмъ мужество покидало его. Онъ откладывалъ всякое рѣшеніе, предпочиталъ неопредѣленное выжидательное положеніе, и думы о разводѣ проявлялись въ немъ приступами безвольнаго желанія. Но, по мѣрѣ того, какъ шли годы, мысли о разводѣ посѣщали его все чаще и все настойчивѣе предъявляли свои требованія.

Одинъ изъ такихъ душевныхъ приступовъ сдѣлался съ нимъ тотчасъ же послѣ тильзитскаго свиданія. Въ это время все складывалось благопріятно для того, чтобы онъ принялъ рѣшеніе. Окончаніе трудной кампаніи, освобождая его отъ неотложныхъ заботъ, давало ему возможность предаваться долгимъ размышленіямъ и проектамъ о будущемъ. Смерть только-что похитила у него племянника, молодого принца Шарля-Наполеона, ребенка, на котораго временами онъ смотрѣлъ, какъ на своего наслѣдника; и, наконецъ, онъ впервые заключилъ съ великой державой настолько тѣсный союзъ, что мысль скрѣпить его бракомъ не казалась ему неосуществимой. Жозефина, чувствуя, что опасность растетъ и приближается, съ тревогой встрѣтила императора. Она была нервно настроена и недовѣрчива. Ея тревоги, отразившіяся на ея здоровьѣ и характерѣ, не нравились Наполеону, который не любилъ вокругъ себя печали и изгонялъ ее; мысль о разлукѣ дѣлалась для него менѣе горькой. Нѣтъ сомнѣнія, что осенью 1807 г., во время пребыванія въ Фонтенебло, онъ думалъ о разводѣ. Его замѣтная холодность съ императрицей, дружескія признанія и иные симптомы предвѣщали разрывъ [1]).

Этого было достаточно, чтобы привести въ движеніе всѣхъ, кто, въ силу личныхъ выгодъ, склонностей или корыстныхъ побужденій, желалъ перемѣны императрицы. Наполеонъ могъ побѣдить Европу, могъ уничтожить три коалиціи, но былъ безсиленъ изгнать интригу при своемъ дворѣ. Возлѣ него Бонапарты и Богарне вели глухую войну. Представителями этихъ двухъ вліятельныхъ партій были двѣ женщины. Королева Гортензія, которую императоръ слушалъ даже больше, чѣмъ Жозефину,

[1]) Mémoires de madame de Rémusat, III, 249—250. Mémoires de Savary, duc de Rovigo, III, 226—229; id. de Metternich, II, 140, 143. Депеши Толстого, 7—19 ноября 1807 г. Archives de Saint-Pétersbourg.

считалась партіей Богарне лучшей гарантіей ихъ положенія. Добрая, граціозная, имѣющая вѣрныхъ и многочисленныхъ друзей, владѣющая искусствомъ принимать у себя и держать салонъ, она служила связью между партіями плохо-связаннаго общества и пользовалась при дворѣ довѣріемъ, основаннымъ на симпатіи къ ней. Но, въ 1807 г., потеря сына разбила ея сердце. Семейныя горести и разстроенное здоровье заставляли ее держаться въ сторонѣ. Для дѣятельности и вліянія принцессы Каролины Мюратъ, великой герцогини Бергской, очистилось свободное поле. Привѣтливая, радушная, величественная—она любила развлеченія и стремилась создать ихъ около себя. Обладая, кромѣ поразительной красоты, властнымъ умомъ Наполеонидовъ, она постепенно составила, сгруппировала вокругъ себя, и безпрерывно расширяла враждебную императрицѣ партію, которая вскорѣ нашла поддержку въ интригахъ Фуше.

Министръ полиціи питалъ къ Жозефинѣ непріязненное чувство, имѣющее свое основаніе. Онъ желалъ второго брака, ибо видѣлъ въ немъ залогъ спокойствія Европы, средство сдерживать императора и средство доставить Франціи нѣкоторыя гарантіи за будущее, однимъ словомъ, дать прочную основу тому порядку вещей, съ которымъ была связана его собственная судьба. Этотъ человѣкъ рискнулъ на смѣлую интригу. Чтобы произвести давленіе на императора и заставить его принять рѣшеніе, онъ придумалъ цѣлый планъ. Располагая, какъ начальникъ полиціи, общественнымъ мнѣніемъ, онъ вознамѣрился объявить о разводѣ, какъ о дѣлѣ уже рѣшенномъ; онъ хотѣлъ устроить такъ, чтобы извѣстіе объ этомъ было принято сочувственно, съ энтузіазмомъ; хотѣлъ создать въ пользу развода движеніе умовъ, и, доведя до свѣдѣнія Наполеона преждевременное выраженіе народной благодарности, убѣдить его заслужить эту благодарность, идя навстрѣчу желаніямъ своихъ подданныхъ. Съ спокойной увѣренностью онъ предрѣшилъ волю своего повелителя и, заранѣе оглашая ее, разсчитывалъ добиться ея проявленія.

Итакъ, слухъ о разводѣ былъ пущенъ въ ходъ въ салонахъ министра полиціи и благодаря его стараніямъ. Исходя изъ такого мѣста, снабженный офиціальнымъ штемпелемъ, онъ не могъ не распространиться. Предварительно обойдя Парижъ, гдѣ онъ возбудилъ сильное волненіе, онъ проникъ во всѣ уголки имперіи и перешелъ границу. Посланники передали его своимъ дворамъ;

иностранцы, которые были проѣздомъ во Франціи, поспѣшили привезти на свою родину эту сенсаціонную новость. Агенты Фуше повсюду повторяли эти слухи, и въ мгновеніе ока, слова, сказанныя въ Парижѣ, распространились въ преувеличенномъ видѣ по всей Европѣ. Но нигдѣ это сѣмя не взошло такъ хорошо, какъ въ Россіи. Оно, дѣйствительно, нашло тамъ подготовленную почву. Извѣстіе о предстоящемъ важномъ событіи было такого свойства, что могло подстрекнуть не только любопытство русскихъ, оно могло затронуть ихъ непосредственно. Если Наполеонъ разведется, его новый выборъ падетъ неизбѣжно на какую-либо принцессу изъ царствующаго дома, и, очевидно было, что русскій императорскій домъ, по своему высокому положенію и въ силу недавно установившихся дружескихъ отношеній, былъ единственнымъ, къ которому могли обратиться его взоры. Сватовство за великую княжну казалось почти неизбѣжнымъ слѣдствіемъ развода. Вполнѣ естественно было предполагать, что Наполеонъ и Александръ, объявивъ себя сперва союзниками, затѣмъ друзьями, захотятъ породниться.

У Александра было двѣ незамужнихъ сестры. Младшая — великая княжна Анна—была четырнадцатилѣтнимъ ребенкомъ. Дворъ и свѣтъ едва знали ее. Иногда она появлялась, слабенькая и застѣнчивая, рядомъ съ императрицей-матерью. Жозефъ де-Местръ обрисовываетъ ее однимъ словомъ: «Голубка» [1]. Говоря о ея старшей сестрѣ, онъ впадаетъ въ галантный и витіеватый тонъ царедворцевъ прошлаго вѣка. «Если бы я былъ художникомъ, пишетъ онъ кавалеру де-Росси, я послалъ бы вамъ только ея глазъ; вы увидѣли бы сколько ума и доброты вложила въ него природа» [2]. Повидимому, весь Петербургъ раздѣлялъ его восторженное поклоненіе предъ Екатериной Павловной. Трудно было избѣгнуть притягательной силы ея взгляда, очарованія ея расцвѣтшей молодости. Вмѣстѣ съ тѣмъ восхваляли и ея сердце, «достойное ея положенія» [3], рѣшительный, даже властный характеръ и душевную стойкость, которые вовсе не соотвѣтствовали ея возрасту. Она казалась рожденной нравиться и

---

[1]) Mémoires politiques et correspondance diplomatique, p. 346.

[2]) Id., p. 318.

[3]) Id.

царствовать. Ея особа и ея имя наводили русскихъ на дорогія имъ воспоминанія о ихъ великой Екатеринѣ.

Общественное мнѣніе Петербурга тотчасъ же указало на прелестную великую княжну, какъ на будущую императрицу и королеву. На основаніи того, что дѣло считалось возможнымъ, его объявили почти совершившимся фактомъ. Ничтожные признаки, самыя пустыя обстоятельства считались достовѣрнымъ подтвержденіемъ. Среди нашихъ враговъ—одни довольно громко возмущались и говорили о скандалѣ; другіе считали себя польщенными, хотя и не признавались въ этомъ. У всѣхъ потребность говорить объ этомъ и желаніе казаться освѣдомленнымъ брали верхъ надъ всѣми остальными чувствами. Каждый разсказывалъ о томъ, что имъ были получены достовѣрныя извѣстія изъ Парижа, и что ему вполнѣ извѣстны намѣренія Наполеона и Александра; въ гостиныхъ передавались самыя точныя и многочисленныя подробности, и въ теченіе нѣсколькихъ недѣль не было другого предмета разговора.

Коленкуръ не могъ не передать въ своей корреспонденціи этихъ слуховъ. Не смѣя, однако, прямо подойти къ такому щекотливому предмету, онъ нашелъ способъ косвенно увѣдомить императора. Онъ тщательно собиралъ разговоры и анекдоты, ходившіе по Петербургу по поводу брака, внося ихъ въ листки *новостей дня*, прилагаемыхъ къ каждой депешѣ, и помѣщая ихъ въ главѣ подъ названіемъ: «*Что говорятъ*». Мы ихъ находимъ въ этомъ отдѣлѣ въ каждой посылкѣ, въ игривой и наивной формѣ. — 31 декабря 1807 г.: «Здѣсь все болѣе повторяется слухъ о разводѣ въ Парижѣ. Приводятъ даже слова императора Александра и великой княжны Екатерины. Разсказываютъ, что, когда ей было высказано сожалѣніе по поводу того, что придется ея лишиться, она, будто бы, сказала, что, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы сдѣлаться залогомъ вѣчнаго мира для своей родины и супругой величайшаго человѣка, какой когда-либо существовалъ, не слѣдуетъ сожалѣть объ этомъ».—28 февраля 1808 г.: «Великая княжна Екатерина выходитъ замужъ за императора, ибо учится танцовать французскую кадриль».

Когда эти, сдѣлавшіеся всеобщимъ достояніемъ, слухи дошли до императора Александра и графа Румянцева, они были крайне удивлены и взволнованы. Ни малѣйшаго намека ими не было получено изъ Тюльери. Въ Тильзитѣ Наполеонъ ни однимъ словомъ

не обмолвился ни о разводѣ, ни о бракѣ. Коленкуръ также не получалъ приказанія сдѣлать какое-либо сообщеніе по этому поводу. Но, думали они, не были ли эти слухи, столь упорно распространявшіеся въ Петербургѣ, исходящіе, какъ было извѣстно, изъ французскаго офиціальнаго источника, средствомъ позондировать общественное мнѣніе и подготовить пути къ предложенію? Если бы такое предложеніе было сдѣлано, оно поставило бы царя и его совѣтника въ весьма затруднительное положеніе. Отказать было крайне трудно, почти невозможно. Это значило бы нанести союзу смертельный ударъ. Съ другой стороны — соединиться кровными узами съ коронованнымъ солдатомъ, какъ бы блестяща ни была его судьба, казалось дѣломъ весьма серьезнымъ, ставящимъ въ крайне неловкое положеніе, трудно-совмѣстимымъ съ принципами старыхъ династій. Русскій дворъ не могъ еще свыкнуться съ мыслью о такомъ поразительно-неравномъ бракѣ.

Къ тому же, въ самой императорской семьѣ рисковали встрѣтить трудно преодолимое препятствіе. По завѣщанію, составленному въ формѣ торжественнаго указа, хранящагося въ надежномъ и священномъ мѣстѣ, въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ, императрица-мать получила отъ своего покойнаго супруга право располагать своими дочерьми, устраивать ихъ будущее и ихъ браки. Этотъ документъ позволялъ ей на законномъ основаніи оспаривать любой проектъ о бракѣ, и предоставлялъ ей дѣйствительное право *veto*, которымъ она, въ данномъ случаѣ, принимая во вниманіе всѣмъ извѣстныя чувства ея къ императору французовъ, не преминула бы воспользоваться. Безъ сомнѣнія, воля царствующаго государя была непреложнымъ закономъ; Александръ могъ сокрушить всякое сопротивленіе, но перспектива приказывать своей матери была ему невыносима; если же онъ ограничится только силой убѣжденія и кротости, можно было опасаться, что его настоянія потерпятъ неудачу при встрѣчѣ съ упрямствомъ властной и неуступчивой женщины. Какъ бы то ни было, нужно было прежде всего проникнуть въ намѣренія императора французовъ; разгадать эту тайну, чтобы имѣть возможность обсудить, какое принять рѣшеніе; составить планъ будущаго поведенія, и, если потребуется, постепенно ослабить непріязнь императрицы-матери и длинными обходами подойти къ дѣлу. Румянцевъ написалъ Толстому весьма секретное, тревожное и спѣшное письмо, въ которомъ онъ под-

стрекалъ и усердіе, и любопытство посла. «Весьма убѣдительно прошу васъ, писалъ онъ, быть столь любезнымъ, сообщить мнѣ лично ваше мнѣніе объ этомъ проектѣ. Дѣйствительно ли онъ существуетъ? Есть ли вѣроятность, что предложеніе о брачномъ союзѣ будетъ сдѣлано? Умоляю васъ, не жалѣйте ни хлопотъ, ни трудовъ, чтобы удовлетворить меня по этому предмету» [1]).

По тому, что Толстой видѣлъ и узналъ въ Фонтенебло и слышалъ въ Парижѣ, онъ вѣрилъ въ разводъ. Онъ вѣрилъ даже въ намѣреніе жениться на великой княжнѣ. Несомнѣнно, что эта мысль заставляла его содрогаться отъ священнаго ужаса; но,писалъ онъ скорбнымъ и пророческимъ тономъ, развѣ мы не живемъ «въ вѣкѣ, когда невозможное бываетъ часто самымъ правдоподобнымъ?» [2]) Тѣмъ не менѣе, когда до него дошло письмо Румянцева, онъ только-что удостовѣрился, что въ дѣлѣ произошла временная заминка; что, повидимому, все было отсрочено, и продѣлки Фуше, обратясь противъ ихъ автора, задержали развязку, которую должны были ускорить.

Подготовивъ умы, возбудивъ всеобщее вниманіе, пустивъ слухъ въ публику, Фуше предпринялъ рѣшительный шагъ. Онъ осмѣлился написать императрицѣ письмо, въ которомъ намекалъ ей, чтобы она взяла на себя починъ въ дѣлѣ разрыва и принесла себя въ жертву. Для нея, говорилъ онъ, это было средствомъ навсегда пріобрѣсти право на благодарность императора и, послѣ развода, получить блестящее вознагражденіе. Жозефина, вся въ слезахъ, пошла къ императору, но не для того, чтобы поднести ему свою жертву, а чтобы потребовать объясненія. Наполеонъ, застигнутый врасплохъ, не рѣшился воспользоваться этимъ случаемъ, какъ поводомъ для разговора и разрыва. Онъ отступилъ; утѣшилъ и успокоилъ Жозефину, обѣщая заставить замолчать Фуше, и, въ случаѣ надобности, его уволить. Дѣйствительно, онъ жестоко распекъ министра, а затѣмъ уѣхалъ въ Италію, оставивъ все въ неопредѣленномъ положеніи [3]).

Узнавъ во время путешествія, что центромъ, откуда выходили

---

[1]) Румянцевъ Толстому. Archives de Saint-Pétersbourg. На письмѣ не обозначено числа.

[2]) Толстой Румянцеву. 7—19 ноября 1807 г Archives de Saint-Pétersbourg.

[3]) См. интересный разсказъ объ этихъ сценахъ въ Mémoires de madame de Rémusat, III, 228—294.

всѣ неблаговидные разговоры, былъ салонъ министра полиціи, онъ еще болѣе разгнѣвался; не потому, что онъ самъ пересталъ думать о разводѣ (его разговоръ съ братомъ Люсьеномъ въ Мантуа доказываетъ обратное [1]), но онъ не хотѣлъ, чтобы объ этомъ говорили, и чтобы общественное мнѣніе стало преждевременно волноваться по этому поводу. Онъ въ рѣзкой формѣ повторилъ Фуше свои упреки и приказанія. 3 ноября онъ писалъ ему изъ Венеціи: «Я уже познакомилъ васъ съ моимъ мнѣніемъ о безразсудствѣ сдѣланныхъ вами въ Фонтенебло поступковъ касательно моихъ семейныхъ дѣлъ. Прочтя вашъ бюллетень отъ 19-го и хорошо зная, что̀ вы говорите въ Парижѣ, я долженъ повторить вамъ, что вашъ долгъ исполнять мою волю, а не слѣдовать вашимъ прихотямъ. Поступая иначе, вы вводите въ заблужденіе общественное мнѣніе и сходите съ пути, по которому долженъ идти каждый честный человѣкъ» [2]).

Получивъ строгій нагоняй, Фуше на короткое время притихъ, и слухи о разводѣ прекратились [3]). Но затѣмъ, съ едва вѣроятной дерзостью, неисправимый министръ полиціи началъ снова выходить изъ повиновенія. Онъ былъ убѣжденъ, что, въ концѣ-концовъ, останется безнаказаннымъ, ибо чувствовалъ, что его повелитель, не переставая порицать его поступки, вовсе не порицалъ ихъ цѣли, и что онъ не всегда будетъ обвинять подстрекателей къ разводу. Дѣйствительно, когда Наполеонъ вернулся изъ Италіи, его снова охватило желаніе покончить съ этимъ дѣломъ. Его настроеніе скоро было замѣчено; оно вернуло храбрость врагамъ императрицы, и они снова сплотились воедино [4]). Принцесса Каролина продолжала оказывать имъ поддержку, пользуясь своимъ положеніемъ въ свѣтѣ; вѣчная соперница Гортензіи, она подняла въ Парижѣ салонъ на салонъ. Князь Талейранъ,

---

[1]) Mémoires de Lucien Bonaparte, III, 82 et suiv., cité par M. Welschinger, le Divorce de Napoléon, 21—23.

[2]) Corresp., 13373. Cf. les n-os 13329 et 13379. См. также Meneval, Napoléon et Marie-Louise, I, 213—214. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ письмѣ къ Камбасересу, Наполеонъ съ ироніей намекалъ на поведеніе Фуше. „Онъ ужъ очень много думаетъ о будущемъ, доказательствомъ чему служатъ его дѣянія по поводу развода!“ (Неизданное письмо отъ 17 іюля 1808 г.).

[3]) Депеши Брокгаузена, прусскаго министра, отъ 31 января и 21 февраля 1810 г., опубликованныя Hassel, 494 и 496.

[4]) Brockhausen, 21 février 1808 г.; Hassel, 496; Tolstoï, 6—18 mars 1808 г. Archives de Saint-Pétersbourg.

хотя и ненавидѣлъ Фушѐ, былъ готовъ поддержать его шаги въ пользу развода и по этому особому вопросу соглашался вступить съ нимъ въ союзъ. Словомъ, императора оплели со всѣхъ сторонъ, и, вскорѣ, видя, что онъ все болѣе склоняется къ жестокому рѣшенію, пришли къ выводу, что дѣло выиграно.

Такимъ образомъ, подготовлялся новый кризисъ, но такъ же, какъ и предшествующему, ему не суждено было привести къ какому-либо результату. Въ одинъ изъ вечеровъ въ мартѣ 1808 г. долженъ былъ состояться спектакль въ Тюльери. Весь дворъ, собравшись въ театральной залѣ, ожидалъ Ихъ Величества, какъ вдругъ распространился слухъ, что они не прибудутъ, и что началось рѣшительное объясненіе. Наполеонъ, усталый, взволнованный, сознавая себя несчастнымъ, легъ. Онъ приказалъ позвать къ себѣ императрицу. Она пришла совсѣмъ одѣтая, въ парадномъ придворномъ туалетѣ, готовая отправиться на спектакль. Онъ проситъ ее подсѣсть къ нему, открываетъ ей свои проекты и свою душевную тревогу. Ему хотѣлось, чтобы Жозефина сама потребовала развода. Онъ прибѣгаетъ то къ приказаніямъ, то къ мольбамъ, то къ порывамъ нѣжности, и такъ проходитъ вся ночь,—то въ слезахъ, то въ упрекахъ, то въ бѣшеныхъ ласкахъ. Умное и хорошо освѣдомленное перо, по секретнымъ признаніямъ императрицы, описало эту сцену и передало намъ разсказъ Жозефины. Донесеніе Толстого своему министру, написанное по слухамъ при дворѣ, не особенно замѣтно отличается отъ этого разсказа; только онъ прибавляетъ къ нему заключеніе, которое императрица сочла нужнымъ обойти молчаніемъ. Послѣ ея разсказа о томъ, что «ея слезы, настойчивыя просьбы, твердость (ибо она утверждаетъ, что выказала ее въ большой степени) тронули императора, который не могъ ничего добиться отъ нея», Толстой прибавляетъ: «Черезъ два дня онъ возобновилъ попытку и опять безрезультатно... Онъ до того вспылилъ, что будто бы сказалъ ей, что, въ концѣ-концовъ, она заставитъ его усыновить его незаконныхъ дѣтей. Она тотчасъ же ухватилась за эту мысль и заявила, что не прочь ихъ признать. Удивленный такой неожиданной для него снисходительностью, онъ выразилъ ей свою благодарность, увѣривъ, что, послѣ такого прекраснаго поступка, онъ никогда не рѣшится разстаться съ ней. Повидимому, дѣло на этомъ и остановилось. Въ фразѣ, сказанной по этому поводу Талейраномъ одному изъ

своихъ сообщниковъ, онъ обвиняетъ Наполеона въ томъ, что, въ настоящемъ случаѣ, онъ не сумѣлъ покончить дѣло. Я, съ своей стороны, боюсь, что теперь онъ слишкомъ будетъ торопиться и, что, если императрица будетъ упорствовать по-прежнему, онъ прикажетъ начать разводъ отъ своего имени» [1]).

Итакъ, по словамъ Толстого, опасность и на этотъ разъ была только отсрочена; но она оставалась по-прежнему и каждый день снова могла выступить на сцену. На основаніи этихъ свѣдѣній, возможность сватовства все болѣе входила въ предположенія и разсчеты Россіи. Благодаря этому, при русскомъ дворѣ начинаютъ обнаруживаться два противоположныхъ теченія. Императрица мать, узнавъ объ опасности, хочетъ спасти свою дочь, выдавъ ее, какъ можно скорѣе, замужъ. Она повсюду ищетъ партіи. Александръ же боится, чтобы, въ виду распространенныхъ слуховъ, такая поспѣшность не показалась его союзнику умышленной, нежеланіемъ оказать ему услугу, и не была истолкована, какъ способъ избѣгнуть предложенія; но возможно и то, что онъ хотѣлъ сохранить за собой средство дать Наполеону неопровержимое доказательство своей симпатіи и довѣрія, если бы желаніе императора французовъ выяснилось въ непродолжительномъ времени. Поэтому онъ задерживаетъ замужество своей сестры, и въ результатѣ офиціальная дѣятельность правительства идетъ вразрѣзъ съ личными усиліями императрицы Маріи.

Незадолго до этого былъ поднятъ вопросъ о бракѣ Екатерины Павловны съ баварскимъ наслѣднымъ принцемъ. Лѣтомъ 1808 г. русскій посланникъ въ Вѣнѣ, князь Куракинъ, переписка котораго съ приближенными императрицы-матери и съ ней самой ни для кого не была тайной, попросилъ своего баварскаго коллегу Рехберга пріѣхать къ нему. Онъ сказалъ ему, что пришло время снова взяться за это дѣло. «Въ Петербургѣ, сказалъ онъ ему, ждутъ шаговъ съ вашей стороны». Мюнхенскій дворъ, крайне заинтригованный, поручилъ своему представителю въ Петербургѣ, Брею, повидать графа Румянцева и выяснить дѣло. При первыхъ же словахъ баварскаго посла, Румянцевъ сдѣлалъ удивленное лицо. Наведя справки, онъ отвѣтилъ, что порученіе князю Куракину сказать, что «этотъ бракъ, казавшійся нѣкогда подходящимъ, остается таковымъ же и теперь, было дано императрицею-ма-

[1]) Толстой Румянцеву, 6—18 марта 1808 г. Archives de Saint-Pétersbourg.

терью, а вовсе не кабинетомъ». Русскій министръ поспѣшилъ прибавить, что, такъ какъ во время первыхъ переговоровъ дѣлу не былъ данъ надлежащій ходъ, «то онъ не видитъ основанія для возобновленія его въ настоящее время, и что все это дѣло нужно разсматривать, какъ не состоявшееся» [1]). Баварскій дворъ принялъ это къ свѣдѣнію и тотчасъ же прекратилъ переговоры.

Въ виду того, что эта партія не состоялась, императрица-мать стала подумывать о пріисканіи другихъ. Говорили то о принцѣ Кобургскомъ, то о какомъ-либо эрцгерцогѣ. Наконецъ въ Россію прибылъ принцъ Георгій Гольштейнъ Ольденбургскій, недавно перешедшій на службу къ царю. Возникъ вопросъ: нельзя ли, давъ ему управлять большой губерніей, сдѣлать изъ него подходящую партію для Екатерины Павловны? Принцъ былъ мало-привлекателенъ. «Принцъ невзраченъ, худъ, лицо его покрыто бутонами, онъ съ трудомъ выговариваетъ слова, писалъ Коленкуръ» [2]). При сравненіи его съ предназначавшейся ему великой княжной, которая была полнымъ совершенствомъ, «петербургскія барышни находили, что для нея онъ не достаточно хорошъ» [3]). Но императрица предпочитала его для своей дочери, равно какъ и жизнь въ русской губерніи первому трону на свѣтѣ, раздѣленному съ узурпаторомъ. Однако, какой бы благосклонностью вдовствующей императрицы и дружбой императорской семьи ни пользовался принцъ, бракъ не былъ рѣшенъ, и, когда императоръ Александръ прибылъ въ Эрфуртъ, рука его сестры была свободна.

Когда Наполеонъ пріѣхалъ въ Эрфуртъ, у него по вопросу о разводѣ и новомъ бракѣ не было еще твердо установленнаго рѣшенія, а только болѣе рѣзко опредѣлившееся за послѣдніе годы желаніе, съ которымъ онъ то боролся, то мечталъ о его осуществленіи. Случай заручиться согласіемъ Россіи показался ему благопріятнымъ. Онъ вовсе не былъ намѣренъ просить теперь же руки великой княжны Екатерины или вызвать Александра на офиціальное предложеніе ему ея руки, но онъ ничего не имѣлъ противъ того, чтобы Россія была къ его услугамъ и обязалась хранить для него на случай его развода одну изъ великихъ кня-

[1]) Письмо кавалера де-Брей Коленкуру, 28 августа 1808 г. Письмо Коленкура Шампаньи, 4 сентября 1808 г. Archives des affaires étrangères. Russie, 147.

[2]) Коленкуръ императору, 23 ноября 1808 г.

[3]) De Maistre. 318.

женъ. Его желаніемъ было связать Александра безъ всякихъ обязательствъ съ своей стороны, заручиться нѣсколькими словами, о которыхъ онъ могъ бы напомнить, и, въ случаѣ надобности, придать имъ значеніе положительнаго обѣщанія.

Его гордость не позволяла ему забѣгать впередъ; онъ желалъ, чтобы Александръ заговорилъ первымъ. Онъ приказалъ Талейрану и Коленкуру вызвать его на это. Обращаясь то къ тому, то къ другому, онъ дошелъ до того, что подсказывалъ имъ, какъ ставить вопросъ и какіе приводить доводы, чтобы заставить царя заговорить. «Вопросъ о разводѣ имѣетъ значеніе для всей Европы; новый бракъ будетъ способствовать успокоенію устрашающаго всѣхъ воинственнаго пыла, заставитъ императора полюбить *свой очагъ*». При всемъ томъ, въ своей безграничной гордости, онъ, даже въ присутствіи близкихъ ему людей, не хотѣлъ показать вида, что въ комъ-нибудь заискиваетъ. Если онъ считаетъ, говорилъ онъ, этотъ шагъ полезнымъ, то только потому, что видитъ въ этомъ средство испытать Александра. «Это дѣлается только для того, говорилъ онъ, чтобы посмотрѣть, дѣйствительно ли онъ принадлежитъ къ числу моихъ друзей, дѣйствительно ли близко принимаетъ къ сердцу счастье Франціи, ибо, что касается меня, я люблю Жозефину; никогда я не буду счастливѣе, чѣмъ теперь; это дѣло— тяжелая жертва для меня». Но, добавлялъ онъ, этого требуютъ отъ него его семья и его совѣтники; объ этомъ просятъ его со всѣхъ сторонъ; безпокоятся о будущемъ; «думаютъ, что Франція благоденствуетъ, пока я живъ!...» („On croit la France en viager sur ma tête»). И, дѣйствительно, сынъ былъ бы очень желателенъ. Въ самомъ дѣлѣ, что будетъ съ имперіей, когда не станетъ императора? Его братья не годятся ему въ наслѣдники. Онъ зналъ, что нѣкоторыя лица думали о Евгеніи, о его усыновленіи; «дурной способъ основывать династію». И, мало-по-малу, обнаруживая свои мысли, онъ дошелъ до того, что задалъ нѣсколько вопросовъ о великихъ княжнахъ.

Коленкуръ замѣтилъ, что только старшая была въ такомъ возрастѣ, что могла выйти замужъ, и то онъ не ручался за согласіе императорской семьи. Препятствіемъ служитъ различіе вѣры, ибо русскія великія княжны не охотно мѣняютъ религію. Доказательство этому было нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда по этой причинѣ не состоялся бракъ шведскаго короля со старшей дочерью Павла I-го. Пожиманіе плечами было един-

ственнымъ отвѣтомъ на это замѣчаніе, которое, повидимому, въ высшей степени не понравилось императору. Какое ему дѣло до традицій и обычаевъ? Можно ли сравнить бракъ съ нимъ съ бракомъ съ какимъ бы то ни было государемъ? Впрочемъ, поспѣшилъ онъ добавить, онъ и не выдѣляетъ великую княжну изъ ряда другихъ принцессъ. Его рѣшеніе пока еще не принято; ему желательно только знать, будетъ ли его разводъ одобренъ при союзномъ дворѣ; не будетъ ли этотъ поступокъ шокировать русскихъ; что думаетъ по этому поводу самъ Александръ. Тѣмъ не менѣе, его собесѣдники понимали, что его мысль шла дальше его словъ, и что увѣренность въ томъ, что его предложеніе будетъ принято въ Петербургѣ, можетъ обусловить его рѣшеніе или дать дѣлу ускоренный ходъ [1]).

Александръ, мнѣніе котораго Талейранъ и Коленкуръ осторожно вывѣдали, не отказался отъ шага, котораго отъ него желали. Это было средствомъ выяснить трудное положеніе. Онъ заговорилъ первый, и высказалъ императору, что его истинно вѣрноподданнымъ, его лучшимъ друзьямъ желательно, чтобы онъ упрочилъ новымъ бракомъ свое дѣло и свою династію. Наполеонъ принялъ эти откровенныя слова, какъ проявленіе чувства дружбы, былъ, видимо, тронутъ, и между императорами была разсмотрѣна возможность семейнаго союза. Однако, заботясь прежде всего о томъ, чтобы избѣгнуть всего, что маломальски походило бы на обязательство, Наполеонъ все время выражался туманно, ставя разводъ и вытекающія изъ него послѣдствія въ ряду возможныхъ случайностей будущаго. Разъ разговоръ былъ поставленъ на такую неопредѣленную почву, не могло быть и рѣчи о великой княжнѣ Екатеринѣ, возрастъ которой не позволялъ откладывать ея брака на долгій срокъ; было произнесено, да и то только вскользь, имя ея младшей сестры. Александръ, успокоившись за настоящее, въ сущности очень довольный, что его не обязывали ни къ какому рѣшенію, что ему давали время посмотрѣть, какой оборотъ приметъ политическій союзъ, не очень настаивалъ, и разговоръ окончился, не давъ никакого результата. Черезъ восемь дней по возвращеніи царя въ свою столицу, бракъ Екатерины Павловны съ принцемъ Ольденбургскимъ былъ объявленъ оффиціально [2]).

---

1) Documents inédits. Cf. Thiers, IX, 334—339.

2) Коленкуръ императору. 23 ноября 1808 г. De Maistre, 318.

Если бы Наполеонъ просилъ руки великой княжны Екатерины, весьма вѣроятно, что Александръ не рѣшился бы отказать ему, поставивъ окончательное рѣшеніе въ зависимость отъ согласія своей матери (онъ вполнѣ опредѣленно указалъ на эту оговорку въ своемъ разговорѣ съ Коленкуромъ). Но такъ какъ Наполеонъ откладывалъ все на будущее, можетъ быть, отдаленное, и такъ какъ вопросъ шелъ только о младшей великой княжнѣ, возрастъ которой не допускалъ брака въ скоромъ времени, то Александръ воздержался отъ какого бы то ни было слова, которое могло бы быть предъявлено ему въ качествѣ предварительнаго согласія на сомнительное сватовство. Въ общемъ эрфуртскіе разговоры, обставленные съ обѣихъ сторонъ недомолвками, представляли то неудобство, что дѣло о бракѣ было начато безъ твердо установившагося желанія съ одной стороны и безъ искренняго желанія ему успѣха съ другой. Они создали между императорами еще одинъ вопросъ, при томъ крайне скользкій, и не только не рѣшили его въ опредѣленномъ смыслѣ, но даже не облегчили его рѣшенія въ будущемъ [1]).

VI.

ДОГОВОРЪ.

Параллельно съ туманными разговорами и полунамеками снова начались формальные переговоры и медленно подвигались впередъ. Возвратясь изъ Веймара, императоры нашли, что, хотя Шампаньи и Румянцевъ и столковались по поводу включенія въ договоръ нѣкоторыхъ статей, но что многія статьи тормозили ихъ работу. Предоставивъ самимъ себѣ устранить эти препятствія, Наполеонъ и Александръ пожелали, чтобы работа ихъ министровъ продолжалась подъ ихъ непосредственнымъ наблюденіемъ и чтобы каждый спорный вопросъ представлялся на ихъ усмотрѣніе. Благодаря этому, между ихъ дворцами и канцеляріями шло непрерывное хожденіе взадъ и впередъ. Румянцеву и Шампаньи приходилось иногда до четырехъ разъ въ день покидать другъ друга, чтобы отправиться къ своимъ государямъ за приказаніями, и по полученіи ихъ снова приступать къ обсужденію. Случалось, что въ

[1]) Documents inédits. Gf. les pièces 16210 et 16341. de la Correspondance de Napoléon, ainsi que la lettre de Champagny à Caulaincourt en date du 22 novembre 1809, et celle de Caulaincourt â Champagny en date du 3 janviei 1810. Archives des affaires étrangères, Russie, suppléments, 17.

тотъ моментъ, когда Александръ, спѣша догнать императора, садился уже на коня, къ нему подходилъ его министръ, и, съ озабоченнымъ видомъ, обращая его вниманіе на нѣкоторыя вновь возникшія недоразумѣнія, просилъ его указаній. «Меня ждетъ императоръ Наполеонъ, говорилъ царь, я все это улажу съ нимъ» [1]). И во время прогулки или вечерняго разговора они старались сообща найти подходящую для примиренія формулу. По нѣкоторымъ вопросамъ сходились, другіе устраняли, и, благодаря такому способу дѣйствій, прикрывавшему слишкомъ частыя разногласія, договоръ во многихъ своихъ отдѣлахъ принималъ опредѣленную форму.

Вступленіе и первыя три статьи опредѣляли цѣль, которой надлежало достигнуть, т. е. заключеніе всеобщаго мира, и устанавливали мѣры, которыя надлежало принять по отношенію къ Англіи. Было установлено, что Англіи будетъ предложено начать переговоры; что будутъ назначены уполномоченные, которымъ поручено будетъ явиться въ указанное ею мѣсто; что при переговорахъ Франція и Россія будутъ дѣйствовать въ полномъ согласіи, будутъ сообщать другъ другу всѣ предложенія противной стороны и никогда не разобщатъ своихъ интересовъ. Въ этихъ же статьяхъ заключались всѣ общепринятые въ подобномъ случаѣ параграфы, не подававшіе повода ни къ какому недоразумѣнію.

На какихъ основахъ желателенъ миръ съ Англіей? Надлежало, чтобы, при заключеніи мира, Франція и Россія взаимно обезпечили другъ другу ихъ пріобрѣтенія, что составляло основной принципъ ихъ союза. Независимо отъ ихъ прежнихъ владѣній, онѣ гарантировали другъ другу всѣ завоеванія, которыя онѣ совершили или которыя предприняли со времени Тильзита— Франція на югѣ Европы, Россія на Сѣверѣ и Востокѣ.

Сначала, статьей 4-ой, было постановлено вести переговоры, исходя изъ фактическаго владѣнія, т. е., каждый долженъ былъ сохранить за собой то, что онъ занялъ. Но этого отвлеченнаго обѣщанія не было достаточно, чтобы успокоить два одинаково-недовѣрчивыхъ честолюбія, которыя требовали поло-

---

[1]) Шампаньи Наполеону, 11 октября 1808 г. Письма, въ которыхъ министръ иностранныхъ дѣлъ отдаетъ за каждый день отчетъ своему повелителю о переговорахъ, находятся въ Archives nationales, AF, IV, 1697. Thiers опубликовалъ часть ихъ, IX, 325—327.

жительныхъ гарантій. Кромѣ того, охваченная возстаніемъ Испанія фактически не входила въ наше *uti possidetis*, а, между тѣмъ, Наполеонъ желалъ, чтобы именно присоединеніе Испаніи къ его династіи было совершенно точно гарантировано ему Россіей. Итакъ, по статьѣ 6-ой, царь долженъ былъ принять на себя обязательство «считать непремѣннымъ условіемъ мира — признаніе Англіей вновь установленнаго Франціей порядка вещей въ Испаніи». Что же касается перемѣнъ, которыя совершились или подготовлялись въ теченіе цѣлаго года по ту сторону Альповъ, то Наполеонъ удовольствовался тѣмъ, чтобы Александръ написалъ ему простое письмо, и заранѣе призналъ все, что онъ рѣшитъ «относительно судьбы королевства Тосканскаго и другихъ государствъ Италіи» [1]).

Параллельно съ этими—исключительно въ пользу Франціи—статьями шли соотвѣтственныя обязательства Наполеона. Статья 5-ая, по которой Наполеонъ, повторяя употребленныя для Испаніи выраженія, принималъ на себя обязательства «считать непремѣннымъ условіемъ мира съ Англіей признаніе ею Финляндіи, Валахіи и Молдавіи составными частями Россійской имперіи».

Нужно ли было болѣе подробно говорить о шведской и двухъ турецкихъ провинціяхъ, которыя Франція предоставляла своей союзницѣ? Сначала Александръ требовалъ, чтобы присоединеніе Финляндіи къ его владѣніямъ было признано въ точныхъ выраженіяхъ; Наполеонъ былъ не прочь на это согласиться [2]). Затѣмъ это требованіе было оставлено. Царь видѣлъ въ этомъ мало пользы, ибо Франція никогда не затруднялась пожертвовать Швеціей; онъ усматривалъ даже въ подобномъ требованіи нѣкоторую опасность, такъ какъ Наполеонъ могъ потребовать назадъ другія уступки. О Финляндіи было сказано только въ вышеупомянутой статьѣ. Объ участи другихъ частей Шведской монархіи, повидимому, не поднималось вопроса, хотя Александръ получилъ полную свободу продолжать войну на Сѣверѣ и придать ей бо́льшіе размѣры; условились только въ статьѣ 13-ой предоставить Даніи расширить ея территорію пропорціонально ея жертвамъ и ея услугамъ.

Что касается Молдавіи и Валахіи, вопросъ стоялъ иначе. Хотя

---

[1]) Это письмо было опубликовано въ Correspondance de Napoléon, XVII, 648, въ примѣчаніи.

[2]) Шампаньи Наполеону. 11—12 октября 1808 г.

Наполеонъ и сознавалъ, что поведеніе Австріи, дѣлая необходимымъ соглашеніе съ Россіей, обязывало его къ бо̀льшей уступчивости, тѣмъ не менѣе онъ, все-таки, ставилъ нѣкоторыя оговорки. Онъ давалъ слово не препятствовать присоединенію княжествъ къ Россіи, но просилъ своего союзника не пользоваться тотчасъ же этимъ правомъ и сохранить его въ тайнѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Онъ хотѣлъ, чтобы Россія, прежде чѣмъ объявить туркамъ о своемъ желаніи оставить за собой обѣ провинціи, и этой цѣной обусловить миръ, подождала исхода переговоровъ съ Лондономъ. Онъ разсуждалъ слѣдующимъ образомъ: Сенъ-Джемскій кабинетъ упорно стремится помириться съ Портой и привлечь ее въ свой союзъ. Турки еще колеблются, такъ какъ они еще не вполнѣ потеряли вѣру въ Наполеона, и воображаютъ, что Франція поможетъ имъ отстоять неприкосновенность ихъ территоріи. Но, если царь, по возвращеніи изъ Эрфурта, властно потребуетъ отъ нихъ уступки обѣихъ провинцій, они поймутъ, что Франція ихъ покинула, измѣнила имъ и предала ихъ. Въ припадкѣ отчаянія они снова кинутся въ объятія Англіи и отдадутъ въ ея распоряженіе всѣ средства своей имперіи. Мы обольщали себя надеждой, что замкнули нашего врага въ его морскихъ владѣніяхъ; благодаря же этому обстоятельству, онъ появится на сушѣ не только въ Испаніи, но и на Востокѣ. Овладѣвъ вновь, благодаря захвату двухъ его окраинъ, европейскимъ континентомъ, онъ почувствуетъ себя въ лучшихъ для веденія борьбы условіяхъ и пріобрѣтетъ мужество упорно поддерживать ее. «Онъ снова найдетъ союзника, говорилось въ вышеупомянутой нотѣ [1]), пріобрѣтетъ открытыя двери для своихъ произведеній и проникнетъ въ Черное море. Для Россіи миръ будетъ затрудненъ, война поставлена въ менѣе выгодныя условія».—«Если же миръ между Россіей и Портой», говорилъ самъ Наполеонъ, выдвигая другой доводъ, «будетъ заключенъ во время переговоровъ съ Англіей, это событіе будетъ болѣе чревато затрудненіями, чѣмъ выгодами, такъ какъ Англія лучше уяснитъ себѣ вопросы, которые обсуждались въ Эрфуртѣ. Договоръ, заключенный съ Портой, ясно покажетъ ей, что мысль о раздѣлѣ отложена, и что ей нѣтъ поводовъ особенно бояться» [2]). Итакъ, пусть Россія удовольствуется пока занятіемъ

---

[1]) Стр. 437—438.
[2]) Corresp., 14364

двухъ провинцій, пусть смотритъ на нихъ, какъ на свою собственность, управляетъ ими, устраиваетъ ихъ по своему желанію и организуетъ тамъ защиту противъ нападенія, откуда бы таковое ни послѣдовало; но въ настоящее время пусть она откажется отъ требованія въ Константинополѣ ихъ уступки. Дѣло идетъ вовсе не объ отсрочкѣ ея права на владѣніе, а только объ отсрочкѣ офиціальнаго его признанія.

Къ несчастью, всякое, хотя бы самое незначительное, ограниченіе въ дѣлѣ пользованія предоставленными выгодами имѣло даръ портить настроеніе русскихъ и приводить ихъ въ дурное расположеніе духа. Единственный пунктъ, по которому Александръ и его министръ привезли въ Эрфуртъ уже готовое мнѣніе, пунктъ, на которомъ они твердо стояли, рѣшивъ отклонить всякій компромиссъ, была признанная ими обоими необходимость доставить своему государству немедленное расширеніе границъ за счетъ Турціи. Въ этомъ отношеніи ихъ рѣшеніе было установлено твердо и безповоротно. Главный упрекъ, который они дѣлали французской политикѣ, состоялъ въ томъ, что она до сихъ поръ платила имъ только обѣщаніями, исполненіе которыхъ откладывалось Наполеономъ въ продолженіе цѣлаго года. Безпокоясь по поводу этихъ повторныхъ отсрочекъ, уставъ ждать, они спѣшили выйти изъ этого положенія, и Румянцевъ выражался по этому поводу съ почти грубой откровенностью; онъ говорилъ Шампаньи: «Мы не можемъ согласиться на продленіе существующаго уже цѣлый годъ положенія вещей; оно слишкомъ идетъ вразрѣзъ съ нашими интересами; мы для того и пріѣхали сюда, чтобы объявить вамъ, что намѣрены положить этому конецъ» [1]). Опираясь на слова, сказанныя Наполеономъ въ Тильзитѣ, какъ на нѣчто, дающее имъ извѣстныя права, и на услуги, оказанныя Россіей общему дѣлу, они прибыли въ качествѣ нетерпѣливыхъ кредиторовъ, желавшихъ использовать свои права, и требовали уплаты долга, который, по ихъ мнѣнію, слѣдовало взыскать уже много мѣсяцевъ тому назадъ. Предпочитая частичное, но данное тотчасъ же, удовлетвореніе надеждѣ на безграничныя выгоды въ будущемъ, предпочитая пріобрѣтеніе княжествъ сейчасъ же обѣщанію Константинополя въ будущемъ, они сгорали отъ желанія доставить Россіи вполнѣ опредѣленное и безспорное пріобрѣтеніе. Мож-

[1]) Шампаньи Наполеону, 6 октября 1808 г.

но было подумать, что царь далъ клятву своимъ подданнымъ—не возвращаться изъ Эрфурта, не привезя имъ съ собой клока Турціи.

Кромѣ того, въ своихъ отношеніяхъ къ Наполеону, Александръ и Румянцевъ дошли до такой степени недовѣрія, что каждое слово императора принимало въ ихъ глазахъ подозрительный смыслъ и заключало въ себѣ западню. Въ настоящемъ случаѣ имъ казалось, что требуемая отсрочка содержала въ себѣ отрицаніе самой сущности ихъ права. Они говорили себѣ: если Наполеонъ требуетъ отъ нихъ новой отсрочки, то только въ надеждѣ ихъ обойти и обмануть. Пока они будутъ бездѣйствовать и откладывать въ долгій ящикъ предъявленіе туркамъ требованія о формальномъ отреченіи отъ княжествъ и завершеніи этого дѣла соотвѣтствующимъ трактатомъ, Наполеонъ покоритъ Испанію. Покончивъ съ этой задачей, онъ устремитъ свое вниманіе на Востокъ. Если къ тому времени миръ съ Англіей не будетъ заключенъ, онъ вернется къ своимъ первоначальнымъ идеямъ. Такъ какъ война между русскими и Портой еще не будетъ окончена, онъ воспользуется этимъ, чтобы предложить имъ на обсужденіе вопросъ о раздѣлѣ Турціи. Это послужитъ для него средствомъ вознаградить себя за эрфуртскія уступки болѣе значительными для Франціи выгодами, дастъ ему поводъ вызывать нескончаемыя затрудненія и подвергнуть вопросъ во всемъ его объемѣ новому разсмотрѣнію [1]). Съ другой стороны, если миръ съ Англіей будетъ заключенъ прежде, чѣмъ Россія успѣетъ окончить свою распрю съ Портой соглашеніемъ, что̀ будетъ служить Александру гарантіей, что наполеоновская политика будетъ идти прежнимъ путемъ? Развѣ императоръ, который не будетъ болѣе нуждаться въ союзѣ на Сѣверѣ, не можетъ вернуться къ туркамъ, не можетъ поддержать ихъ и оказать содѣйствіе ихъ сопротивленію запоздавшимъ требованіямъ, и, обманувъ довѣріе Россіи, взять обратно тѣ уступки, къ которымъ вынудила его только настоятельная необходимость? Итакъ, по ихъ мнѣнію, необходимо было, чтобы восточный вопросъ, вмѣсто того, чтобы оставаться полуоткрытымъ, какъ того желала коварная политика, былъ оконченъ теперь же, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, пока Наполеонъ не можетъ обходиться безъ Россіи, и пока его собственная выгода служитъ гарантіей его искренности. Сверхъ того, Александръ и его министръ хо-

[1]) Румянцевъ Александру, 27 декабря 1808 г.—8 января 1809 г. Archives de Saint-Pétersbourg.

тѣли поскорѣе развязаться съ дѣлами на Дунаѣ, чтобы пріобрѣсти свободу дѣйствій въ Европѣ и не нуждаться въ Наполеонѣ. Вотъ почему Румянцевъ и приступилъ, съ предвзятымъ намѣреніемъ не быть уступчивымъ, къ обсужденію тѣхъ статей, съ помощью которыхъ въ отстаиваемомъ Шампаньи французскомъ проектѣ, составленномъ Талейраномъ по указанію императора, имѣлось въ виду установить, какъ настоящее положеніе княжествъ, такъ и будущую ихъ судьбу.

Въ первоначальной его редакціи этотъ проектъ содержалъ статью, именно восьмую, составленную такъ: «Его Величество Императоръ Россійскій, исходя изъ того, что революція и безпорядки, волнующіе Оттоманскую имперію, лишаютъ ее всякой возможности дать, а, слѣдовательно, и всякой надежды получить отъ нея достаточныя гарантіи личной и имущественной безопасности жителей Валахіи и Молдавіи, рѣшилъ отнюдь не возвращать княжествъ, тѣмъ болѣе, что только обладаніе ими можетъ дать естественную и необходимую границу его имперіи. Его Величество Императоръ Наполеонъ *не противится* рѣшеніямъ Его Величества Императора Всероссійскаго» [1]. Александръ и Румянцевъ нашли эти выраженія слишкомъ слабыми и предложили замѣнить ихъ другими, а именно: «Его Величество Императоръ Наполеонъ *согласенъ*, чтобы Императоръ Россійскій получилъ въ державное обладаніе Валахію и Молдавію, принимая за границу Дунай, и *признаетъ съ настоящаго времени присоединеніе ихъ къ Россійской имперіи...*» Послѣ нѣкотораго сопротивленія Наполеонъ согласился, чтобы его согласіе на намѣренія Александра было выражено въ столь точной формѣ, и русская редакція была принята. «Если найдется болѣе точная, болѣе сильная формула для выраженія нашего согласія и признанія, мы примемъ ее, сказалъ Шампаньи, но во имя высокаго значенія возстановленія мира ограничьтесь этимъ въ настоящую минуту» [2]. Перешли къ слѣдующей статьѣ и споръ возобновился съ новой силой.

Эта статья давала России право вести переговоры о пріобрѣтеніи княжествъ непосредственно съ Портой, помимо нашего посредничества. Наполеонъ, который сначала стремился удержать

[1]) Archives nationales, AF, IV, 1697.
[2]) Шампаньи императору, 6 октября 1808 г.

за собой признанную за нимъ роль посредника, для того, чтобы, руководить переговорами, удовольствовался, въ концѣ-концовъ слѣдующей оговоркой: «Портѣ не будетъ сдѣлано никакого сообщенія о намѣреніяхъ Россіи до тѣхъ поръ, пока не станетъ извѣстнымъ результатъ предложеній, сдѣланныхъ Англіи обоими государствами». Эта фраза, рѣшительно отвергнутая Румянцевымъ, сдѣлалась новымъ камнемъ преткновенія.

Послѣ неоднократныхъ разговоровъ, особенно послѣ послѣдняго по этому вопросу двухчасового спора, Шампаньи призналъ въ своемъ собесѣдникѣ систематическое предубѣжденіе, которое дѣлало его глухимъ ко всѣмъ доводамъ. «Такое упорство Румянцева, писалъ онъ императору, не есть продуктъ настоящаго момента. Оно является результатомъ долгихъ размышленій, направленныхъ постоянно къ одной цѣли; слѣдствіемъ надеждъ, осуществленіе которыхъ ожидалось съ большимъ нетерпѣніемъ, и, наконецъ, убѣжденія, что въ настоящее время ничто не можетъ воспрепятствовать исполненію намѣреній Россіи. Я отчаяваюсь побороть его упорство» [1]).

Въ виду того, что министръ признался въ своемъ безсиліи и уклонился отъ борьбы, Наполеонъ замѣстилъ его. Онъ взялъ на себя это дѣло и попытался склонить Александра; но и его усилія сокрушились о невозмутимое упорство его союзника. Наконецъ, этотъ споръ, угрожавшій судьбѣ союза, окончился сдѣлкой. Наполеонъ согласился, чтобы въ статьѣ вовсе не упоминалось о срокѣ и къ русскимъ не предъявлялось никакихъ требованій объ отсрочкѣ; было только обусловлено, что наша дипломатія въ Константинополѣ не будетъ поддерживать ихъ требованій, что она сохранитъ за собой право щадить самолюбіе оттомановъ и отрицать всякое соглашеніе между двумя императорскими дворами за счетъ Турціи. Сверхъ того, Александръ далъ слово не предъявлять своихъ требованій и не возобновлять кампаніи до 1 января 1809 г. [2]). Наполеонъ надѣялся, что къ этому времени Англія уже выскажется по поводу предложеній о мирѣ, будетъ связана отвѣтомъ, и, слѣдовательно, поворотъ въ

---

[1]) Thiers, X, 327.

[2]) Объ этомъ обязательствѣ упоминается и дается по поводу его объясненіе въ донесеніи Румянцева Александру отъ 27 декабря 1808 г.—8 анваря 1809 г. Archives de Saint-Pétersbourg. См. также донесеніе Коленкура императору отъ 22 ноября 1808 г.

Турціи въ пользу союза съ нею, если бы это и случилось, будетъ запоздалымъ и не окажетъ вліянія на ея рѣшенія. Эта оговорка, сдѣланная только на словахъ, не появилась въ 9-ой статьѣ, которая въ окончательной редакціи была выражена такъ:

«Его Величество Императоръ Россійскій обязуется хранить въ глубочайшей тайнѣ предыдущую статью (ту, по которой признается присоединеніе къ Россіи княжествъ), и имѣетъ приступить въ Константинополѣ или въ какомъ-либо иномъ мѣстѣ къ переговорамъ для полученія добровольной, если это окажется возможнымъ, уступки обѣихъ указанныхъ провинцій. Франція отказывается отъ посредничества. Уполномоченные или агенты обоихъ государствъ условятся о томъ, что и какъ слѣдуетъ говорить, дабы не компрометировать существующей между Франціей и Портой дружбы, равно какъ и безопасности живущихъ въ турецкихъ приморскихъ городахъ французовъ, и чтобы воспрепятствовать Портѣ броситься въ объятія Англіи».

Въ слѣдующей статьѣ подробно опредѣлялось предполагаемое содѣйствіе, которое оба государства должны будутъ оказать другъ другу противъ Австріи. И здѣсь, въ договорѣ проводился принципъ обоюдныхъ услугъ между Франціей и Россіей на почвѣ ихъ взаимныхъ интересовъ. Если Австрія нападетъ на Россію на Востокѣ и вступитъ въ союзъ съ турками ради спасенія княжествъ, Наполеонъ выступитъ противъ нея; равнымъ образомъ, если Австрія начнетъ войну съ Франціей, царь вступается за насъ, и «долженъ смотрѣть на это дѣло, какъ на одно изъ условій союза, связующихъ обѣ имперіи».

Нѣкоторыя изъ заключительныхъ статей договора довершали общій характеръ всего дѣла. Согласно установленному Наполеономъ принципу, эрфуртскій актъ не задавался цѣлью опредѣлить на вѣчныя времена отношенія между Россіей и Франціей, ни даже составить окончательный планъ военныхъ дѣйствій противъ Англіи. Это было только первое соглашеніе о мѣрахъ, слѣдствіемъ котораго, въ случаѣ надобности, была бы возможность сговориться относительно болѣе энергичныхъ способовъ воздѣйствія. Эта мысль ясно вытекаетъ изъ 12-ой статьи; въ ней было сказано: «Если шаги, сдѣланные обѣими высокими договаривающимися сторонами для достиженія мира, не дадутъ результатовъ..., Ихъ Императорскіе Величества встрѣтятся снова въ годичный срокъ, чтобы условиться о совмѣстныхъ военныхъ операціяхъ и о спо-

собахъ вести войну всѣми силами и средствами обѣихъ имперій». Отсюда вытекало, что только во время новаго свиданія они должны будутъ приступить къ задачѣ, оставленной пока нерѣшенной: разсмотрѣть, не является ли раздѣлъ Востока послѣдней ѣмрой воздѣйствія на Англію.

Въ ожиданіи этого, слѣдовало, чтобы добыча оставалась нетронутой, чтобы ни одна часть изъ нея не была преждевременно отдѣлена, исключая того, что было только-что выдѣлено въ пользу Россіи. 16-ая статья гласила: «Къ тому же высокія договаривающіяся стороны обязуются охранять неприкосновенность другихъ владѣній Оттоманской имперіи, не дѣлая сами и не допуская какого-либо посягательства противъ какой бы то ни было части этой имперіи, не предувѣдомивъ объ этомъ заблаговременно». Однако, не слѣдуетъ думать, что, давая отсрочку Восточной монархіи, Наполеонъ предполагалъ оставить ей жизнь. По мнѣнію императора, статья истолковывалась въ томъ смыслѣ, что оба двора взаимно обязывали другъ друга не посягать на Турцію безъ обоюднаго согласія, обязывались защищать ее отъ посягательства третьяго лица, ставили ее подъ свою ревнивую охрану и только однимъ себѣ предоставляли право назначить часъ и условія ея раздѣла. Для Оттоманской имперіи это было не столько дѣйствительной гарантіей, сколько наложеніемъ запрещенія на ея владѣнія.

Такимъ образомъ, былъ установленъ текстъ договора, который обѣщались держать въ тайнѣ въ теченіе десяти лѣтъ. Наполеонъ оспаривалъ, а затѣмъ принималъ одну за другой, статьи этого акта, рѣзко отличающагося отъ того, который онъ имѣлъ въ виду подписать въ Эрфуртѣ. Но оставалось пока неизвѣстнымъ, одобритъ ли онъ трактатъ во всей его совокупности, удовольствуется ли онъ имъ и не предъявитъ ли внезапно новыхъ требованій. Въ этомъ отношеніи даже его министры не могли похвастаться, что вполнѣ знали его мысли. Конечно, онъ желалъ бы, чтобы соглашеніе было болѣе широкимъ, болѣе точнымъ; чтобы въ немъ лучше были предусмотрѣны извѣстныя случайности. Онъ все еще настаивалъ, чтобы обязательствамъ противъ Австріи было придано возможно широкое значеніе. Замышляя уже о томъ, чтобы изъять Голландію изъ слабыхъ рукъ короля Людовика, и, путемъ ея присоединенія къ Франціи, крѣпче связать ее съ континентальной системой, онъ выразилъ желаніе, чтобы была вне-

сена статья, въ которой былъ бы сдѣланъ намекъ на Голландію, и чтобы она была предоставлена въ его распоряженіе. Но его требованія порождали требованія со стороны Александра. Затрудненія возростали и портили отношенія, не приводя ни къ какому положительному результату. Подъ конецъ наступило утомленіе. Жизнь въ Эрфуртѣ, съ вѣчнымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же дивертисментовъ, тѣхъ же преній,—потеряла въ глазахъ обоихъ государей свою прелесть; они поторопились закончить дѣло и разстаться. Въ концѣ-концовъ они рѣшили придерживаться формулированныхъ постановленій и болѣе не говорить о нихъ, изъ опасенія, чтобы, при стремленіи къ слишкомъ точнымъ опредѣленіямъ, не пришлось бы воочію установить глубокія и опасныя разногласія. Удовольствовались тѣмъ, что обезпечили настоящее, и 12 октября,—по энергичному выраженію одного свидѣтеля, «закрывъ глаза, чтобы не заглядывать въ будущее» [1])—подписали договоръ.

Задача императоровъ не была еще окончена. Имъ нужно было установить выраженія ихъ общаго письма къ англійскому королю. Кромѣ того, имъ оставалось еще отвѣтить на письмо австрійскаго императора, и такъ какъ разговоры о тожественномъ его содержаніи не привели къ соглашенію, каждый изъ нихъ долженъ былъ составить отвѣтъ отъ себя лично.

Александръ согласился, чтобы письмо къ королю Георгу было составлено въ выраженіяхъ, наиболѣе способныхъ внушить Англіи страхъ за послѣдствія, которыя повлечетъ за собой ея отказъ отъ мирныхъ предложеній. Въ уста обоихъ монарховъ была вложена рѣчь, полная умѣренности, искусства и достоинства; о возможности крайне-серьезныхъ переворотовъ давалось понять только послѣ того, какъ было высказано искреннее желаніе примиренія.

«Государь, говорилось въ письмѣ, настоящее положеніе дѣлъ въ Европѣ соединило насъ въ Эрфуртѣ. Наше главное желаніе—внять мольбамъ и нуждѣ всѣхъ народовъ и попытаться въ немедленномъ примиреніи съ Вашимъ Величествомъ обрѣсти наиболѣе дѣйствительное средство отъ золъ, которыя тяготѣютъ надъ всѣми націями. Настоящимъ письмомъ мы сообщаемъ Вашему Величеству о таковомъ нашемъ искреннемъ желаніи.

---

[1]) Неизданные документы. Текстъ договора находится въ Correspondance de Napoléon, n° 14372, и въ Recueil de M. de Clercq, II, 284—86.

«Долгая и кровопролитная война, раздиравшая континентъ, окончена и болѣе не можетъ возобновиться. Въ Европѣ произошло много перемѣнъ. Многія государства потрясены до основанія и измѣнили свой видъ. Причина этому кроется въ тревожномъ и бѣдственномъ положеніи, въ какое поставило самые великіе народы прекращеніе морской торговли. *Въ будущемъ могутъ произойти еще болѣе крупныя перемѣны, и всѣ не въ пользу политики англійской націи.* Итакъ, миръ въ интересахъ континентальныхъ народовъ, равно какъ и въ интересахъ народовъ Великобританіи.

«Въ полномъ единеніи мы рѣшили просить Ваше Величество внять голосу человѣколюбія, заставить замолкнуть голосъ страстей, изыскать средства къ согласованію всѣхъ интересовъ, съ твердымъ намѣреніемъ онаго достигнуть, и тѣмъ *дать гарантію всѣмъ существующимъ государствамъ*; обезпечить благоденствіе Европы и того поколѣнія, во-главѣ котораго поставило насъ Провидѣніе» [1]).

Было условлено, что это письмо будетъ перевезено изъ Булони въ Дувръ на французскомъ парламентерскомъ суднѣ; что оно будетъ отправлено графомъ Румянцевымъ Каннингу, статсъ-секретарю Его Британскаго Величества, и будетъ сопровождаться препроводительнымъ письмомъ, въ которомъ будетъ предложено вести переговоры на основѣ *uti-possidetis* и «на всякомъ другомъ принципѣ, основанномъ на справедливости, взаимности и равенствѣ, которыя должны царствовать между всѣми великими націями» [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, было рѣшено, что Румянцевъ поселится на нѣкоторое время въ Парижѣ, чтобы въ качествѣ уполномоченнаго Россіи слѣдить за переговорами съ Англіей.

Относительно Австріи діаметральная противоположность во взглядахъ между обоими государями выразилась съ первыхъ же дней свиданія, въ томъ, что слова, съ которыми они обратились къ барону Винценту, не имѣли ничего общаго. Послѣ пріѣзда курьера Андреосси, Наполеонъ принялъ австрійскаго посла «чрезвычайно рѣзко», съ гнѣвомъ въ глазахъ и угрозой на устахъ. «Неужели, сказалъ онъ ему, Австрія всегда будетъ становиться мнѣ поперекъ дороги; всегда будетъ идти про-

[1]) Corresp., n-0 14373.

[2]) Письмо Румянцева находится въ Correspondance de Napoléon, XVII. 638, въ примѣчаніи.

тивъ моихъ плановъ? Я хотѣлъ жить съ вами въ добромъ согласіи, хотѣлъ предоставить вамъ большія выгоды. Но, когда все, повидимому, улажено, все покончено между нами, являются ваши военныя приготовленія и вызываютъ тревогу въ Европѣ. На что претендуете вы? Пресбургскій договоръ безповоротно установилъ вашу судьбу. Не хотите ли вы начать сызнова дѣло, которое онъ рѣшилъ? Въ такомъ случаѣ, вы ищете войны; я долженъ къ ней приготовиться и буду вести ее безпощадно. Я не желаю войны, но и не боюсь ея. Мои средства громадны. Императоръ Александръ—мой союзникъ, и имъ останется. Ваши внушенія и ваши предложенія не поколебали его; онъ добросовѣстно исполнитъ свои обязательства и направитъ противъ васъ всѣ силы своего государства; это я знаю доподлинно. При такихъ условіяхъ, благопріятствуетъ ли вамъ для нападенія на меня настоящій моментъ? Это вамъ рѣшать: будущее покажетъ, правы вы или нѣтъ. И, наконецъ, послѣ четырехъ разгромовъ, не пора ли вамъ успокоиться, посвятить себя улучшенію вашихъ финансовъ, вашего внутренняго благосостоянія? Развѣ ваша истинная польза не въ томъ, чтобы распустить вашу милицію и сократить ваши линейныя войска, которыя и такъ еще черезчуръ многочисленны? Вѣдь вамъ не угрожаетъ никакой опасности; вашими врагами могутъ быть только тѣ, которыхъ вы сами создадите себѣ вашимъ вызывающимъ поведеніемъ и необдуманными вооруженіями».

Впрочемъ, прибавилъ императоръ, онъ не позволитъ безнаказанно бросать ему вызовы. На первое же воинственное воззваніе онъ отвѣтитъ войной и не сложитъ оружія, пока не сведетъ на сто тысячъ военныя силы Австріи. Однако, минутами онъ смягчался, давалъ понять, что удалитъ свои войска изъ Пруссіи, и выведетъ гарнизоны изъ крѣпостей на Одерѣ, если въ Вѣнѣ вновь установится мирное настроеніе. «Пока же, улыбаясь сказалъ онъ, я возвращу Берлинъ прусской королевѣ». Но при этомъ онъ безпрестанно возвращался къ двумъ главнымъ своимъ требованіямъ: Австрія должна отказаться отъ всякихъ чрезвычайныхъ вооруженій и признать французскихъ королей въ Испаніи и Италіи [1])

[1]) Депеша Шампаньи Андреосси, отъ 1 октября 1808 г., въ которой сообщался разговоръ императора съ австрійскимъ посломъ. Archives des affaires étrangères, Vienne, 381. Депеша Винцента Стадіону, цитированная Hassel'емъ. 280—281, по архивамъ въ Вѣнѣ.

Тотчасъ же послѣ этого, грознаго, какъ буря, разговора, баронъ Винцентъ повидалъ наединѣ царя. Онъ ожидалъ услышать и отъ него упреки и властныя требованія ужасъ наводящаго императора, правда, быть можетъ, въ болѣе смягченной формѣ. Какова же была его радость, когда Александръ, избѣгая даже намека на разоруженіе, на которомъ такъ настаивалъ Наполеонъ, напротивъ, даже съ нѣкоторымъ доброжелательствомъ, призналъ чисто преобразовательный и, слѣдовательно, безупречный характеръ принятыхъ мѣръ. «Никто не имѣетъ права, сказалъ онъ, вмѣшиваться во внутреннія дѣла другого государства». Онъ ограничился совѣтомъ вести себя осторожно, обдуманно; сказалъ, что это въ интересахъ самой Австріи, «у которой нѣтъ лучшаго друга, чѣмъ онъ, и которую онъ считаетъ долгомъ чести охранять отъ нападенія съ чьей бы то ни было стороны» [1]). Его очень короткое письмо къ императору Францу воспроизводило то же самое увѣреніе. «Прошу васъ, говорилъ онъ, быть вполнѣ увѣреннымъ въ участіи, которое я принимаю въ Вашемъ Величествѣ и въ дѣлѣ неприкосновенности вашей имперіи» [2]). Однимъ словомъ, онъ, очевидно, гораздо болѣе заботился о томъ, чтобы доказать вѣнскому двору неосновательность его опасеній относительно нападенія на него, чѣмъ о томъ, чтобы наложить *veto* на его приготовленія къ наступательной войнѣ.

Изъ всѣхъ требуемыхъ Наполеономъ мѣръ противъ Австріи Александръ, какъ мы помнимъ, согласился только на одну. Онъ былъ не прочь снова употребить свои старанія, чтобы совмѣстно съ нами добиться признанія новыхъ королей. Да и то онъ постарался отнять у этого шага характеръ, который хотѣлъ придать ему Наполеонъ, характеръ истиннаго требованія, ультиматума, отклоненіе котораго повлекло бы за собой разрывъ сношеній. Князю Куракину поручено было дать Австріи только совѣтъ и высказать пожеланія. Такъ какъ вѣнскій кабинетъ снова отклонилъ требованіе, то Александръ не захотѣлъ болѣе оказывать давленія на рѣшенія своей прежней союзницы и прекратилъ свои настоянія. Вѣря болѣе, чѣмъ обыкновенно, въ искренность Австріи и безвредность ея военныхъ приготовленій, онъ считалъ, что, обратясь къ ней съ платоническимъ предостереженіемъ, онъ сдѣ-

[1]) Депеша Винцента отъ 1 октября 1808 г. Hassel, 280.

[2]) Это письмо отъ 2—12 октября 1808 г. было опубликовано M. Beer'омъ, Zehn Jahre oesterreichischer Politik, p. 477.

лалъ достаточно, чтобы сдержать ее. Онъ писалъ Румянцеву: «Главная цѣль,—помѣшать Австріи напасть на Францію и тѣмъ вызвать всеобщую свалку,—достигнута, и, судя по тому, что сообщаетъ Анштеттъ (русскій повѣренный въ дѣлахъ въ Вѣнѣ, преемникъ князя Куракина), всѣ ея военныя мѣры носятъ только оборонительный характеръ. Правда, что эти мѣры значительно увеличили ея силы; но я ничего не вижу въ этомъ дурного; да благодаря этому, и Францiя не такъ ужъ будетъ спѣшить разрывомъ съ Австріей» [1]).

Въ результатѣ, вслѣдствіе инертности Россіи, та часть въ предложенной Наполеономъ, по отношенію къ Австріи, системѣ мѣръ, задачей которой было предупредить ея враждебныя дѣйствія путемъ угрозы, потеряла всякое значеніе. Признавая, что только угрозой можно заставить Австрію разоружиться, Наполеонъ, тѣмъ не менѣе, рѣшилъ объясниться съ вѣнскимъ дворомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать для успокоенія его соотвѣтственные шаги. Имѣя въ своемъ распоряженіи только мѣры успокоительнаго характера и силу убѣжденія, т. е. средства, цѣнность которыхъ казалась ему сомнительной, онъ спрашивалъ себя, въ какой формѣ ихъ употребить, чтобы сдѣлать ихъ сколько-нибудь дѣйствительными; онъ нѣкоторое время колебался и спрашивалъ совѣта [2]). Наконецъ, онъ остановился на мысли написать Францу I-му обстоятельное, чрезвычайно откровенное, высокомѣрное и въ то же время примирительнаго характера письмо, въ которомъ онъ безъ обиняковъ указывалъ на серьезность положенія, излагалъ свои требованія, но утверждалъ и старался доказать, что онъ не посягаетъ ни на существованіе, ни на цѣлость Австріи [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы поощрить австрійскій дворъ принять мѣры къ разоруженію, онъ самъ подалъ примѣръ и пригласилъ рейнскихъ государей распустить ихъ войска, но съ тѣмъ, чтобы при малѣйшей опасности поставить ихъ опять на боевую ногу. «Мы желаемъ, пишетъ онъ имъ, спокойствія и увѣренности въ безопасности» [4]); и, дѣйствительно, въ этой фразѣ заключалась въ настоящее время вся его политика по отношенію къ Австріи.

[1]) Александръ Румянцеву, 18 декабря 1808 г. Archives de Saint-Pétersbourg.

[2]) «Скажите, говорилъ онъ своимъ приближеннымъ, какія средства употребили бы вы, чтобы успокоить этихъ добрыхъ людей?» Неизданные документы.

[3]) Corresp., 14380.

[4]) Id., 14382.

Когда переговоры уже подходили къ концу, былъ снова поставленъ вопросъ о судьбѣ Пруссіи. Король Фридрихъ-Вильгельмъ покорился необходимости утвердить договоръ отъ 8 сентября. Отдаваясь, такимъ образомъ, на волю побѣдителя, онъ надѣялся умилостивить его и получить облегченіе возложенныхъ на Пруссію тягостей. «Король,—говорилось въ нотѣ, привезенной графомъ Гольцемъ въ Эрфуртъ,—уполномочивая нижеподписавшагося представить и ввести въ силу это безусловное утвержденіе обязательствъ, принятыхъ въ вышеупомянутомъ договорѣ, сознаетъ во-первыхъ, что его отказъ отъ утвержденія былъ бы не совмѣстимъ съ разумной предусмотрительностью, которая требуется въ его положеніи. Сверхъ того, онъ рѣшился на утвержденіе договора подъ вліяніемъ безграничнаго довѣрія, которое внушаетъ ему великодушіе Его Величества Императора и Короля, который, конечно, не будетъ желать гибели Пруссіи,—и, если, въ силу этого акта, Король и отказывается отъ права *вести переговоры* объ измѣненіяхъ, которыя крайне необходимо ввести въ способъ уплаты контрибуціи, а также въ опредѣленіе сроковъ платежа, онъ не отказывается отъ права *ходатайствовать* объ этомъ предъ великодушіемъ Его Императорскаго и Королевскаго Величества, такъ же, какъ не отказывается, въ силу прямоты своего характера, и отъ права доказывать, что невозможно уплатить въ предписанный конвенціей срокъ огромную сумму въ сто сорокъ милліоновъ франковъ, которая многимъ превышаетъ всѣ средства, остающіяся Пруссіи». [1]) Затѣмъ слѣдовала тяжелая картина финансовыхъ затрудненій королевства; указывалось на истощеніе ея доходовъ, на потерю кредита. Съ вышеозначенными полномочіями въ рукахъ явился графъ Гольцъ въ качествѣ просителя.

Когда къ настойчивымъ просьбамъ прусскаго посла присоединилъ свои просьбы и Александръ, Наполеонъ не былъ неумолимъ. Онъ уступилъ Фридриху-Вильгельму двадцать милліоновъ изъ ста сорока и согласился, чтобы условія и сроки платежа сдѣлались предметомъ будущаго соглашенія между Франціей и Пруссіей. Объ этой уступкѣ подробно было сказано въ письмѣ Наполеона къ Александру, написанному наканунѣ ихъ разлуки. Царь, съ своей стороны, отказался пользоваться статьей тиль-

---

[1]) Archives nationales, AF. IV, 1697.

зитскаго договора, которая позволяла Пруссіи при наступленіи всеобщаго мира надѣяться получить кое-что изъ своихъ владѣній на лѣвомъ берегу Эльбы.

«Я покончилъ всѣ дѣла съ русскимъ императоромъ» [1]), писалъ Наполеонъ 13 октября своему брату Жозефу. Дѣйствительно, трудные эрфуртскіе переговоры, во время которыхъ среди развлеченій и интригъ было разсмотрѣно такъ много и при томъ столь важныхъ вопросовъ, пришли къ концу. 14 октября Наполеонъ и Александръ выѣхали вмѣстѣ изъ города при церемоніальной обстановкѣ, такой же, какая была при ихъ въѣздѣ. Верхомъ, въ сопровожденіи ихъ военной свиты, они направились по дорогѣ въ Веймаръ. Около мѣста ихъ бывшей встрѣчи, они сошли съ коней и продолжали разговоръ еще въ теченіе нѣсколькихъ минутъ. Наконецъ, послѣ продолжительнаго обмѣна дружескими увѣреніями, они разстались. Александръ сѣлъ въ экипажъ и поѣхалъ ночевать въ Веймаръ. Увѣряютъ, что, по пріѣздѣ въ этотъ городъ, его первой заботой было написать своей матери, чтобы успокоить ее и пошутить по поводу ея страховъ. Намекая на распространявшіеся слухи о его похищеніи и плѣненіи, онъ набросалъ только слѣдующія строки: «Мы покинули эрфуртскую *крѣпость* и съ сожалѣніемъ разстались съ императоромъ Наполеономъ. Пишу вамъ изъ Веймара» [2]).

Когда русскіе экипажи скрылись изъ виду, Наполеонъ вернулся въ Эрфуртъ, шагомъ, не говоря ни слова, отдавшись глубокимъ, нерадостнымъ думамъ [3]). Куда неслась его пылкая, безпокойная и глубокая мысль? Не къ Испаніи ли, которая и манила его, и отталкивала; куда, какъ онъ сознавалъ это, ему необходимо было поѣхать лично, но куда ему претило забираться, какъ будто предчувствіе побуждало его остерегаться этой пропасти? Или же, возстановляя въ памяти нѣкоторые эпизоды, имѣвшіе мѣсто въ Эрфуртѣ, мысленно просматривая только-что законченное дѣло, онъ отдался думамъ объ этомъ дѣлѣ, вполнѣ выяснивъ себѣ его несовершенство и не заблуждаясь относительно его истинной цѣнности?

---

[1]) Corresp., 14378.

[2]) Листокъ новостей, приложенный къ письму Коленкура отъ 5 ноября 1808 г.

[3]) Mémoires du duc de Rovigo, IV, 6.

Да. Эрфуртское свиданіе временно скрѣпило наши узы съ Россіей. Разрѣшивъ цѣлымъ рядомъ сдѣлокъ недоразумѣнія, возникшія между обоими дворами, оно устранило изъ ихъ отношеній всякій поводъ къ немедленному разладу; оно гарантировало императору, что Россія не соединится съ нашими врагами, чтобы зайти намъ въ тылъ въ то время, когда великая армія пойдетъ по дорогѣ въ Мадридъ; оно сдѣлало менѣе опаснымъ все возрастающую враждебность Австріи, непримиримую ненависть Пруссіи и глухое недовольство Германіи; оно на короткое время предупреждало опасность всемірной коалиціи.

Выполнило ли оно болѣе возвышенную цѣль, ту, которую ему торжественно предназначали императоры? Подготовилъ ли взятый ими на себя большой трудъ миръ съ Англіей и покой міра? А именно такого-то завершенія своего дѣла, какъ результата рѣшительнаго разговора съ царемъ, Наполеонъ ожидалъ въ продолженіе шести мѣсяцевъ. Заставить Англію приступить къ переговорамъ,— такова была его упорная, постоянная мысль, которую онъ принесъ съ собой въ Эрфуртъ. Она проявлялась во всѣхъ его интимныхъ разговорахъ, бросалась въ глаза его приближеннымъ. «Судя по тому, что я могъ тогда подмѣтить, говорилъ одинъ изъ нихъ, императоръ болѣе всего желалъ заключить миръ; чтобы его добиться, онъ, видимо, былъ готовъ на большія уступки» [1]. Уѣзжая изъ Эрфурта, онъ по-прежнему желалъ мира, но уже не вѣрилъ въ него; свиданіе обмануло его надежды, сведя всѣ мѣры противъ Англіи къ безполезной манифестаціи, оставляя по-прежнему на континентѣ всѣ благопріятныя для войны условія, накопленныя послѣдними событіями.

Но, по крайней мѣрѣ, имѣло ли свиданіе своимъ результатомъ установленіе въ отношеніяхъ между Франціей и Россіей опредѣленной и прочной базы, дѣлало ли оно возможнымъ взаимное довѣріе между Наполеономъ и Александромъ и совершило ли оно въ ихъ взаимныхъ чувствахъ искреннее обновленіе? Если бы это было такъ, Наполеонъ, болѣе увѣренный въ Россіи, чувствовалъ бы себя болѣе сильнымъ, чтобы противостоять нападенію своихъ враговъ, разрушить частичныя коалиціи, развернуть свои военноморскія силы, и, можетъ быть, продленіе союза, созданнаго въ Тильзитѣ и освященнаго въ Эрфуртѣ, хотя и медленно, но все-

[1]) Неизданные документы.

таки привело бы его къ цѣли, т. е. къ миру, котораго онъ могъ ждать теперь только отъ утомленія и истощенія своей соперницы.

Александръ, конечно, имѣлъ основаніе покинуть Эрфуртъ съ чувствомъ удовлетворенія. Онъ выигралъ двѣ провинціи, по пространству равныя цѣлому королевству, по своему положенію и значенію самыя нужныя, какихъ только могла желать Россія для выполненія своихъ традиціонныхъ плановъ. Окончательно упрочившись на Дунаѣ, владѣя границей, до которой только коснулся Петръ Великій, которую, уже завоевавъ, возвратила Екатерина II, Россія заранѣе устраняла всякія притязанія своихъ соперниковъ на Востокѣ и намѣчала важный, быть можетъ, рѣшительный этапъ на пути къ Константинополю. Придя отнынѣ въ соприкосновеніе съ жизненными и центральными частями Турціи, она могла оказывать болѣе сильное давленіе на разрушающуюся имперію, пріобрѣтала полную возможность или господствовать надъ ней, или завоевать ее, подчинить своему вліянію или подобрать ея останки. Если бы позднѣе Александръ не отказался добровольно отъ того, что доставило ему свиданіе, можетъ быть, исторія XIX-го вѣка была бы иная; можетъ быть, восточный вопросъ былъ бы уже рѣшенъ, благодаря окончательному водворенію русскаго преобладанія; можетъ быть, русскіе цари царствовали бы надъ тѣми странами, которыя они могли только съ трудомъ освободить по частямъ.

Александръ своимъ живымъ умомъ ясно понималъ эти выгоды, радовался имъ, но онъ мечталъ о гораздо бо̀льшемъ и чувствовалъ себя обманутымъ. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ жилъ надеждой теперь же доставить Россіи завоеваніе, которое сдѣлало бы ее владычицей Востока. Эта надежда зародилась въ немъ не по его волѣ: она была внушена и навѣяна ему Наполеономъ. Сперва онъ боролся съ ней, затѣмъ отдался ей всей душой. Она одна поддерживала его въ горькія минуты. Если онъ шелъ за Наполеономъ по невѣдомому и опасному пути, то только потому, что на горизонтѣ, освѣщая ему путь, указывая цѣль, сіяя вдали таинственнымъ блескомъ, стоялъ Константинополь. Теперь, когда волшебная картина скрылась окончательно, и Александръ вернулся къ дѣйствительности, онъ находилъ, что и дѣйствительность прекрасна, но далеко ниже его былыхъ надеждъ. Онъ сожалѣлъ о разрушенной мечтѣ, и его славянская душа страдала отъ невозможности долѣе предаваться грезамъ.

Къ тому же, какое бы высокое значеніе ни придавалъ онъ подарку княжествъ, размышленіе умѣряло чувство его признательности. Не отказывалось ли ему упорно, въ теченіе цѣлаго года, въ провинціяхъ, которыя были дарованы ему теперь; ибо, ставить непріемлемыя условія при ихъ уступкѣ, значило отказывать. Если Наполеонъ въ концѣ-концовъ и уступилъ, то только потому, что событія стѣсняли его волю. Онъ уступилъ, думалъ Александръ, потому, что его неудачи по ту сторону Пиринеевъ, вызвавшія волненія въ Германіи, вынуждали его, во что бы то ни стало, поддерживать добрыя отношенія съ Россіей. Признательность царя направлялась скорѣе къ возставшей Испаніи, чѣмъ къ Наполеону, и теперь онъ не придавалъ уже большой цѣны запоздалой и вынужденной предупредительности.

Довольный выгодами, которыхъ онъ добился, Александръ уѣзжалъ недовольный тѣмъ, кто ему ихъ предоставилъ, и окончательно пріобрѣтя увѣренность въ законности своихъ сомнѣній относительно намѣреній и добросовѣстности своего союзника. Мы шагъ-за-шагомъ прослѣдили, какъ росли и развивались его сомнѣнія. Мы уловили ихъ въ зародышѣ въ Тильзитѣ; мы видѣли, какъ они усилились подъ вліяніемъ крайняго возмущенія, когда Наполеонъ предложилъ вторично обкарнать Пруссію; мы видѣли, какъ они снова стали развиваться весной 1808 г., когда императоръ, предложивъ раздѣлъ Турціи, отсрочилъ его выполненіе; когда грандіозные размѣры и необычайная сложность его проектовъ, а главное—его посягательство на Испанію, исходная точка всѣхъ послѣдующихъ событій, которыя должны были привести его къ гибели, заставили его уклоняться отъ требованій и удовлетворенія Россіи. Именно Испанія, все та же фатальная Испанія, которая, обнаруживая въ Наполеонѣ хищнаго врага законныхъ династій и похитителя коронъ, заставила Александра пройти третій этапъ на пути къ охлажденію. Наконецъ, она же была главной причиной страховъ, возникшихъ въ Вѣнѣ и вооруженій Австріи, что поставило между императорами австрійскій вопросъ, по которому пришли только къ далеко неудовлетворительному соглашенію; при томъ послѣ споровъ, во время которыхъ Александру показалось, что онъ и тутъ уловилъ у своего союзника намѣреніе посягнуть на достоинство и независимость государствъ. Этотъ четвертый поводъ къ опасенію и подозрѣнію довелъ до крайности безпокойство Александра, и

Эрфуртъ, гдѣ все должно было выясниться, и по всѣмъ вопросамъ состояться соглашеніе, былъ свидѣтелемъ явленія, какъ-разъ обратнаго тому, которое совершилось въ Тильзитѣ. На берегахъ Нѣмана, въ умѣ царя взяло верхъ довѣріе; оно оттѣснило другія чувства, но не уничтожило ихъ; въ Эрфуртѣ недовѣріе окончательно взяло верхъ, подавивъ остатокъ его привязанности къ императору. Хотя въ это время императоръ Александръ и не рѣшилъ еще тотчасъ же по окончаніи войны съ Турціей отдѣлиться отъ насъ, хотя въ настоящее время онъ и не назначилъ еще момента разрыва, но для того, чтобы вызвать его отпаденіе и переходъ въ лагерь нашихъ враговъ, достаточно было малѣйшей обиды, любой перемѣны въ Европѣ, которая нарушила бы непрочное равновѣсіе, любого событія, благодаря которому Наполеонъ сдѣлался бы въ его глазахъ болѣе опаснымъ и грознымъ. Союзъ не пережилъ бы новаго испытанія.

А между тѣмъ, такой крайне серьезный кризисъ приближался; онъ уже виднѣлся вдали на горизонтѣ—это была война съ Австріей, которую эрфуртское свиданіе могло бы, быть можетъ, отвратить, но оно, наоборотъ, ускорило ее. Конечно, сомнительно, чтобы даже твердо выраженная воля обоихъ императоровъ могла заставить Австрію сойти съ намѣченнаго ею пути. Возможно, что опасности потерять самостоятельность она предпочла бы войну, войну немедленную и безпощадную; ибо, въ самомъ началѣ переговоровъ въ Эрфуртѣ, она предупредила лондонское правительство, что будетъ держаться стойко; отвергнетъ, какъ вѣроломныя и криводушныя, всѣ предложенія, которыя будутъ ей сдѣланы изъ Эрфурта, и устранится отъ всякаго совмѣстнаго дѣйствія, направленнаго противъ Британскаго государства [1]). Тѣмъ не менѣе, достовѣрно, что поведеніе Александра въ Эрфуртѣ поддержало ее въ ея воинственныхъ намѣреніяхъ, позволило ей разсчитывать, что Россія никогда не позволитъ увлечь себя въ серьезное противъ нея дѣло.

Въ послѣдующія за свиданіемъ недѣли всѣ, кто слѣдилъ за вѣнской политикой, французскіе и иностранные агенты, но только не русскіе, замѣчали въ ней болѣе рѣшительные поступки. Вооруженія продолжались съ особой энергіей, дѣятельность во-

---

[1]) Депеша отъ 8 октября 1808 г. графа Гарденберга, бывшаго ганноверскаго посла въ Вѣнѣ, уполномоченнаго по тайнымъ сношеніямъ между дворами Австріи и Англіи. Hassel. 538.

енныхъ сферъ усилилась. Въ октябрѣ мѣсяцѣ Стадіонъ, которому баронъ Винцентъ передалъ свои разговоры съ Александромъ, обратился къ Англіи съ просьбой о субсидіи. Онъ обѣщалъ ей отвлечь силы Наполеона и приказалъ сказать, чтобы она никоимъ образомъ не шла на уступки, и не начинала переговоровъ «въ то время, когда Австрія разсчитываетъ на выгоды отъ продолженія войны» [1]). Правда, нѣсколько дней спустя, свѣдѣнія о состоявшемся на случай войны съ Австріей соглашеніи, о чемъ баронъ Винцентъ узналъ только въ послѣднія минуты пребыванія императоровъ въ Эрфуртѣ, испугали посла и произвели впечатлѣніе на его правительство; но тайное и зловредное вмѣшательство вскорѣ успокоило вѣнскій дворъ и дало толчокъ его рѣшенію.

Въ Эрфуртѣ Талейранъ восторжествовалъ надъ Наполеономъ. Его политика одержала верхъ надъ политикой императора. По возвращеніи въ Парижъ, онъ не нашелъ ничего болѣе важнаго и спѣшнаго, какъ объявить объ этой побѣдѣ Меттерниху и приписать заслугу въ этомъ дѣлѣ себѣ лично. До сихъ поръ онъ ограничивался только тѣмъ, что отговаривалъ нашего союзника вполнѣ полагаться на насъ, теперь же онъ вступаетъ въ самыя интимныя сношенія съ государствомъ, которое вооружалось противъ насъ и готовилось напасть на насъ. Онъ доводитъ до конца свою измѣну и переходитъ на сторону врага. Онъ выдаетъ Меттерниху секретъ происшедшаго между обоими императорами разногласія. Его впечатлѣнія о результатѣ переговоровъ резюмируются въ слѣдующей рѣшительной фразѣ: «Теперь Александра нельзя увлечь противъ васъ» [2]). Онъ идетъ дальше: онъ выражаетъ надежду на дружеское сближеніе между Австріей и Россіей. «Со времени Аустерлицкой битвы, сказалъ онъ, отношенія между Александромъ и Австріей не складывались болѣе благопріятно. Только отъ васъ самихъ и отъ вашего посланника въ Петербургѣ будетъ зависѣть снова завязать съ Россіей столь же близкія отношенія, какія существовали до Аустерлица. Только одинъ этотъ союзъ можетъ спасти остатки независимости Европы» [3]).

[1]) Депеша графа Гарденберга, отъ 11 октября 1808 г. Hassel, 539.

[2]) Донесеніе Меттерниха отъ 4 декабря 1808 г., опубликованное Beer'омъ. Zehn J a h r e o e s t e r r e i c h i s c h e r P o l i t i k, p. 527.

[3]) Metternich II, 248; Beer, 523—527.

Въ то время, когда Талейранъ работаетъ надъ тѣмъ, чтобы заложить фундаментъ новой континентальной коалиціи, онъ совершенно не сознаетъ, что потворствуетъ будущему зачинщику. Во всякомъ случаѣ, онъ ошибается, думая, что въ Вѣнѣ вооружаются исключительно ради огражденія себя отъ нечаяннаго нападенія, и что тамъ и не помышляютъ о нападеніи на наши границы. Его цѣль поставить Австрію и Россію на общую оборонительную линію и противопоставить эту двойную преграду наполеоновскому честолюбію. Но Австрія, ослѣпленная страстью, усмотритъ въ успокоительныхъ словахъ князя доводъ въ пользу своихъ злостныхъ намѣреній напасть на насъ; Талейранъ, ручаясь ей за доброжелательство или, по меньшей мѣрѣ, за нейтралитетъ Россіи, какъ бы даетъ ей разрѣшеніе начать кампанію.

При сближеніи чиселъ и сравненіи документовъ удается уловить между секретными сообщеніями французскаго министра и окончательными рѣшеніями враждебнаго намъ двора слишкомъ очевидное соотношеніе. Разговоры между Меттернихомъ и Талейраномъ происходили въ октябрѣ и ноябрѣ. Въ концѣ послѣдняго мѣсяца Меттернихъ, взявъ временной отпускъ, возвращается въ Вѣну. Въ Вѣнѣ, на основаніи данныхъ, собранныхъ въ Парижѣ, онъ составляетъ докладную записку о положеніи дѣлъ въ Европѣ, которую заканчиваетъ косвенными заключеніями въ пользу войны, основываясь на двухъ соображеніяхъ, развитыхъ имъ подробно въ особой запискѣ. Первое соображеніе—недостатокъ наличныхъ силъ, которыя Наполеонъ, занятый въ Испаніи, будетъ въ состояніи противопоставить вторженію австрійскихъ войскъ; второе — перемѣна въ направленіи мыслей и симпатій Александра, перемѣна, которую и создалъ, и сдѣлалъ очевидной, и за которую ручается Талейранъ [1]). Трудъ Меттерниха помѣченъ 4 декабря. 10-го Стадіонъ излагаетъ письменно выгоды, которыя, по его мнѣнію, представляетъ нападеніе. Въ слѣдующіе дни, уступая настояніямъ министра и доводамъ посланника, императоръ Францъ безповоротно присоединяется къ ихъ партіи. Составленныя 23-го инструкціи для возвращавшагося въ Парижъ Меттерниха окончательно обнаруживаютъ воинственныя намѣренія Австріи.

[1]) Весь трудъ Меттерниха и отдѣльно первая записка находятся въ Mémoires'ахъ. II, 240 257 и у Beer'a, 516—525. Документъ относительно сношеній съ Россіей бытъ опубликованъ только Beer'омъ, 525—529.

«Если война, говорилось въ нихъ, не входитъ въ разсчеты Наполеона, она безусловно должна входить въ наши» [1]. Если Меттерниху и поручается повторять мирныя увѣренія до тѣхъ поръ, «пока ему не будетъ предписано изъ Вѣны перемѣнить разговоръ или, вѣрнѣе,— придать бòльшую твердость его словамъ», то только съ единственной цѣлью ввести въ заблужденіе относительно истинныхъ намѣреній его двора, выиграть время, чтобы Австрія могла закончить вооруженія и собрать всѣ свои средства. Временемъ для начала рѣшенной въ принципѣ войны назначается весна 1809 г.

Эта неизбѣжная война не только окончательно разрушитъ послѣднія надежды Наполеона на общій миръ; она, каковъ бы ни былъ ея результатъ, сыграетъ роковую роль въ нашихъ отношеніяхъ съ Россіей. Если бы Наполеонъ потерпѣлъ неудачу, Александръ легко уступилъ бы непреодолимому движенію общественнаго мнѣнія, желанію отомстить за Аустерлицъ и Фридландъ, и бросился бы въ объятія европейской лиги, чтобы занять въ ней первенствующее мѣсто. Если же фортуна останется намъ вѣрна, если Наполеонъ нанесетъ одинъ изъ тѣхъ молніеносныхъ ударовъ, къ которымъ онъ пріучилъ своихъ противниковъ, Австрія будетъ повержена. Оставшись въ Европѣ вдвоемъ съ Наполеономъ, Александръ будетъ видѣть въ немъ только соперника. Когда онъ увидитъ, что французское владычество, которое теперь удалялось съ береговъ Вислы, откуда оно его такъ долго тревожило, вновь подходитъ къ нему черезъ трупъ Австріи; что оно снова соприкасается съ нимъ, если и не само, то при посредствѣ вассальныхъ государствъ, которыя будутъ слѣдовать нашей политикѣ, онъ почувствуетъ, что его безопасность необезпечена, и что затронуты его жизненные интересы. Обѣ имперіи, сдѣлавшись сосѣдними, снова станутъ врагами. Точка соприкосновенія и раздора была вполнѣ ясна. Это было все то же герцогство Варшавское, гдѣ трепетала и волновалась готовая ожить Польша. Естественные союзники Франціи противъ Австріи, поляки, принявъ участіе въ борьбѣ, потребуютъ и получатъ право на часть военной добычи; ихъ успѣхи, ихъ вождѣленія возбудятъ едва-заглохшія несогласія наши съ Россіей, которыя еще болѣе обострятъ предвзятое недовѣріе Александра. Наши побѣды надъ

[1]) Beer, 538.

Пруссіей заставили насъ наполовину возстановить Польшу, наши успѣхи надъ Австріей подготовятъ болѣе полное возстановленіе ея и вызовутъ неизбѣжные конфликты съ третьимъ участникомъ дѣлежа. Хотя октябрьское соглашеніе 1808 г. и разрѣшило нѣкоторые изъ вопросовъ, которые договоръ 1807 г. только возбудилъ, но не разрѣшилъ, оно все-таки не устранило между Франціей и Россіей причины скрытаго и глубокаго раздора. Оно продлило союзъ, но не упрочило его, и, несмотря на тревогу въ лагерѣ нашихъ враговъ, Эрфуртъ не увѣнчалъ неоконченнаго тильзитскаго дѣла.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

АКТЫ,

подписанные въ Тильзитѣ 17 іюля 1807 года между Франціей и Россіей.

I. МИРНЫЙ ДОГОВОРЪ [1]).

Е. В. Императоръ Французовъ, Король Итальянскій, Покровитель Рейнской Конфедераціи, и Е. В. Императоръ Всероссійскій, одушевленные одинаковымъ желаніемъ положить конецъ бѣдствіямъ войны, назначили на сей предметъ своими уполномоченными:

Е. В. Императоръ Французовъ, Король Итальянскій, Покровитель Рейнской Конфедераціи—Морица Талейрана, князя Беневентскаго, своего оберъ-камергера и министра иностранныхъ дѣлъ, кавалера Почетнаго Легіона первой степени, кавалера прусскихъ орденовъ Черпаго и Краснаго Орла первой степени и ордена Святаго Губерта,

и Е. В. Императоръ Всероссійскій—князя Александра Куракина, своего дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, члена Государственнаго Совѣта, сенатора, канцлера всѣхъ орденовъ Имперіи, оберъ-камергера, чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра Е. В. Императора Всероссійскаго при Е. В. Императорѣ Австрійскомъ и кавалера россійскихъ орденовъ: Св. Андрея Первозваннаго, Св. Александра Невскаго, Св. Анны первой степени, и Св. Владиміра первой степени; прусскихъ: Чернаго и Краснаго Орла, Святаго Губерта Баварскаго, Данеброга и орденскаго

---

[1]) По тексту, хранящемуся въ Archives des affaires étrangères и опубликованному de Clercq.

знака Полнаго Объединенія Даніи, кавалера ордена Іоанна Іерусалимскаго,

—и князя Дмитрія Лобанова-Ростовскаго, генералъ-лейтенанта Е. В. Императора Всероссійскаго, кавалера орденовъ: Св. Анны первой степени, Св. Георгія и Св. Владиміра третьей степени;

—каковые, по обмѣнѣ полномочій, пришли къ соглашенію по нижеслѣдующимъ статьямъ:

Статья 1.—Со дня обмѣна ратификацій настоящаго договора, между Е. В. Императоромъ Французовъ, Королемъ Итальянскимъ, и Е. В. Императоромъ Всероссійскимъ устанавливаются совершенный миръ и дружба.

Ст. 2.—Съ той и другой стороны немедленно прекращаются всѣ враждебныя дѣйствія, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, на всѣхъ пунктахъ, куда оффиціально дойдетъ вѣсть о подписаніи настоящаго договора. Высокія договаривающіяся стороны безъ замедленія, съ нарочными курьерами, доведутъ объ этомъ до свѣдѣнія своихъ генераловъ и командировъ.

Ст. 3.—Всѣ военные или иные корабли, принадлежащіе одной изъ договаривающихся сторонъ или ея подданнымъ, взятые по подписаніи настоящаго договора, будутъ возвращены или, въ случаѣ продажи, стоимость ихъ будетъ возмѣщена.

Ст. 4.—Е. В. Императоръ Наполеонъ, во вниманіе къ Е. В. Императору Всероссійскому и въ доказательство своего искренняго желанія соединить обѣ націи узами ненарушимыхъ довѣрія и дружбы, согласенъ возвратить Е. В. Королю Прусскому, союзнику Е. В. Императора Всероссійскаго, всѣ завоеванные нижеупомянутые области, города и территоріи, а именно:

Часть Магдебургскаго герцогства, расположеннаго на правомъ берегу Эльбы;

Пограничную территорію Пригницъ, Укеръ-Маркъ, средній и новый Бранденбургъ, за исключеніемъ Готбузеркрейца или округа Готбусъ въ нижнемъ Лузасѣ, каковой будетъ собственностью Е. В. Короля Саксонскаго; герцогство Померанію; верхнюю, нижнюю и новую Силезію съ графствомъ Грацъ; часть округа Нетца, расположенную на сѣверѣ отъ шоссе, идущаго отъ Дриссена до Шнейдемюль, и отъ линіи, идущей отъ Шнейдемюль къ Вислѣ черезъ Вальдау, слѣдуя по границамъ округа Бромберга; плаваніе по рѣкѣ Нетце и каналу Бромбергъ, отъ Дриссена до

Вислы и обратно, должно быть свободно и безпошлинно. Малую Померанію, островъ Ногатъ, область направо отъ Ногатъ и Вислы, на западъ отъ прежней Пруссіи и на сѣверъ отъ округа Кульмъ; Эрмеландъ и, наконецъ, Прусское королевство, какъ оно было къ 1 января 1772 г., съ крѣпостями: Шпандау, Штетинъ, Кюстринъ, Глогау, Бреслау, Швейдницъ, Нейсъ, Бригъ, Козель и Глацъ, и вообще всѣ крѣпости, цитадели, крѣпостцы и форты вышепоименованныхъ странъ, въ томъ состояніи, въ какомъ упомянутые крѣпости, цитадели, крѣпостцы и форты находятся въ настоящее время, и, кромѣ того, городъ и цитадель Грауденцъ.

Ст. 5.—Провинціи, которыя къ 1 январю 1772 года составляли часть прежняго королевства Польскаго и которыя съ тѣхъ поръ въ разныя времена перешли въ прусское владѣніе, за исключеніемъ областей, поименованныхъ или обозначенныхъ въ предыдущей статьѣ, и тѣхъ, о которыхъ особо упоминается ниже, въ статьѣ 9-ой, перейдутъ въ полную собственность и державное обладаніе Е. В. Короля Саксонскаго подъ названіемъ герцогства Варшавскаго, и будутъ управляться учрежденіями, которыя, обезпечивая вольности и привилегіи народовъ этого герцогства, согласуются съ спокойствіемъ сосѣднихъ государствъ.

Ст. 6.—Городъ Данцигъ, съ территоріей въ два лье въ окружности, будетъ возстановленъ въ своей независимости подъ покровительствомъ Е. В. Короля Прусскаго и Е. В. Короля Саксонскаго, и будетъ управляться на основаніи законовъ, которые дѣйствовали въ немъ въ то время, когда онъ пересталъ быть вольнымъ городомъ.

Ст. 7.—Для сообщеній между королевствомъ Саксонскимъ и герцогствомъ Варшавскимъ Е. В. Король Саксонскій получитъ право свободнаго пользованія военной дорогой по владѣніямъ Е. В. Короля Прусскаго. Вышеозначенная дорога, численность войскъ, могущихъ въ одинъ пріемъ проходить по ней, и мѣста этаповъ будутъ установлены особымъ договоромъ, составленнымъ между упомянутыми Величествами при посредничествѣ Франціи.

Ст. 8.—Е. В. Король Прусскій и Е. В. Король Саксонскій, равно, какъ и городъ Данцигъ, не въ правѣ препятствовать навигаціи по Вислѣ путемъ какого бы то ни было запрещенія,

ни затруднять ее установленіемъ заставъ, налога или пошлины, какого бы свойства они не были.

Ст. 9.—Для установленія, поскольку это окажется возможнымъ, естественныхъ границъ между Россіей и герцогствомъ Варшавскимъ територія, отчасти входящая въ предѣлы нынѣшнихъ границъ Россіи и простирающаяся отъ Буга до устья рѣки Лососны и по линіи, идущей отъ упомянутаго устья, по руслу этой рѣки, по руслу р. Бобра до его устья, руслу р. Нарева отъ вышепоименованной точки до Сураца, отъ р. Лизы до ея истока около деревни Міенъ, отъ притока Нурзека, берущаго свое начало вблизи той же деревни, отъ Нурзека до его устья выше Нурра и, наконецъ, по руслу Буга, поднимаясь по немъ до нынѣшнихъ русскихъ границъ, будетъ навсегда присоединена къ Россійской Имперіи.

Ст. 10.—Всякое, взятое въ отдѣльности лицо, какого бы класса и званія оно ни было, имѣющее жительство или собственность на территоріи, означенной въ предыдущей статьѣ, равно какъ и лица, проживающія, какъ въ провинціяхъ прежняго королевства Польскаго, которыя должны быть возвращены Е. В. Королю Прусскому, такъ и въ герцогствѣ Варшавскомъ, но имѣющія въ Россіи недвижимыя имущества, государственныя процентныя бумаги, пенсіи или доходы, какого бы рода они не были, не должны пострадать ни лично, ни имуществомъ, ни пенсіей, ни всякаго рода доходами, ни своимъ званіемъ или чинами, ни преслѣдоваться, ни подвергаться слѣдствію въ какомъ бы то ни было родѣ, за какое бы то ни было участіе, политическое или военное, которое они принимали въ событіяхъ настоящей войны.

Ст. 11.—Всѣ обязательства и всѣ долги Е. В. Короля Прусскаго, будутъ ли то общественные налоги или церковныя пожалованія, военныя или гражданскія обязательства, какъ по отношенію къ прежнимъ его держателямъ, такъ и по отношенію кредиторовъ и пенсіонеровъ прежняго польскаго правительства, остаются на обязанности Е. В. Императора Всероссійскаго и Е. В. Короля Саксонскаго, пропорціонально тому, что каждое изъ поименованныхъ Величествъ пріобрѣтаетъ по статьямъ 5-ой и 9-ой, и будутъ уплачены полностью, безъ всякаго ограниченія, изъятія и оговорки.

Ст. 12.—Ихъ Св. герцоги Саксенъ-Кобургскій, Ольденбургскій и Мекленбургъ-Шверинскій будутъ возстановлены въ пол-

номъ и мирномъ владѣніи своими государствами; но гавани герцогствъ Ольденбурскаго и Мекленбургскаго останутся занятыми французскими гарнизонами до обмѣна ратификацій, имѣющаго быть окончательнаго мирнаго договора между Франціей и Англіей.

Ст. 13.—Е. В. Императоръ Наполеонъ принимаетъ посредничество Е. В. Императора Всероссійскаго на предметъ веденія переговоровъ и заключенія окончательнаго мирнаго договора между Франціей и Англіей, въ предположеніи, что таковое посредничество будетъ принято также и Англіей мѣсяцъ спустя послѣ обмѣна ратификацій настоящаго договора.

Ст. 14.—Съ своей стороны, Е. В. Императоръ Всероссійскій, желая доказать, сколь онъ желаетъ установить между обѣими имперіями самыя дружескія и самыя прочныя отношенія, признаетъ Е. В. Короля Неаполитанскаго, Жозефа-Наполеона, и Е. В. Короля Голландскаго, Луи-Наполеона.

Ст. 15.—Равнымъ образомъ Е. В. Императоръ Всероссійскій признаетъ Рейнскую Конфедерацію, настоящее положеніе владѣній каждаго изъ государей, входящаго въ ея составъ, и титулы, данные нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ по акту Конфедераціи, такъ и по договорамъ о присоединеніи, имѣющимъ быть впослѣдствіи. Е. В. Императоръ Всероссійскій обѣщаетъ, на основаніи сообщеній, которыя будутъ сдѣланы ему Е. В. Императоромъ Наполеономъ, признавать государей, которые сдѣлаются въ будущемъ членами Конфедераціи въ томъ титулѣ, который имъ будетъ данъ актами, предназначенными ихъ туда ввести.

Ст. 16.—Е. В. Императоръ Всероссійскій уступаетъ Е. В. Королю Голландскому въ полное державное обладаніе ленное владѣніе Іеверъ въ Восточной Фрисландіи.

Ст. 17.—Настоящій мирный и дружественный договоръ объявленъ И. В. Королямъ Неаполитанскому и Голландскому и государямъ Рейнскаго союза, союзникамъ Е. В. Императора Наполеона.

Ст. 18.—Е. В. Императоръ Всероссійскій признаетъ Е. И. В. принца Жерома-Наполеона—Вестфальскимъ королемъ.

Ст. 19.—Вестфальское королевство будетъ составлено изъ провинцій, уступленныхъ Е. В. Королемъ Прусскимъ на лѣвомъ берегу Эльбы и изъ другихъ владѣній, принадлежащихъ въ настоящее время Е. В. Императору Наполеону.

Ст. 20.—Е. В. Императоръ Всероссійскій обѣщаетъ признать то положеніе, которое, какъ слѣдствіе вышепоименованной статьи 19-ой и уступокъ Е. В. Короля Прусскаго, будетъ установлено Е. В. Императоромъ Наполеономъ (каковое положеніе должно быть сообщено Е. В. Императору Всероссійскому), равно и право на владѣніе, вытекающее изъ онаго для государей, въ пользу коихъ оно будетъ установлено.

Ст. 21.—Всѣ враждебныя дѣйствія между военными силами Е. В. Императора Всероссійскаго и военными силами Его Высочества *), какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, на всѣхъ пунктахъ, куда офиціально дойдетъ сообщеніе о подписаніи настоящаго договора, будутъ немедленно прекращены. Высокія договаривающіяся стороны безъ замедленія отправятъ таковое извѣщеніе съ нарочными курьерами для возможно скорѣйшаго доставленія его ихъ генераламъ и командирамъ.

Ст. 22.—Русскія войска удалятся изъ провинцій Молдавіи и Валахіи, но войска Его Высочества не въ правѣ будутъ занять ихъ до обмѣна ратификацій будущаго окончательнаго мирнаго договора между Россіей и Оттоманской Портой.

Ст. 23.—Е. В. Императоръ Всероссійскій принимаетъ посредничество Е. В. Императора Французовъ, Короля Итальянскаго на предметъ веденія переговоровъ и заключенія выгоднаго и почетнаго для обѣихъ имперій мира. Ихъ уполномоченные отправятся въ условленное между обѣими заинтересованными сторонами мѣсто съ тѣмъ, чтобы открыть тамъ переговоры и слѣдить за ними.

Ст. 24.—Сроки, въ которые высокія договаривающіяся стороны должны будутъ удалить свои войска изъ мѣстъ, которыя онѣ, въ силу вышеупомянутыхъ постановленій, должны покинуть, равно какъ и способы выполненія другихъ статей, входящихъ въ настоящій договоръ, будутъ установлены особымъ договоромъ.

Ст. 25.—Е. В. Императоръ Французовъ, Король Итальянскій и Е. В. Императоръ Всероссійскій взаимно гарантируютъ другъ другу неприкосновенность ихъ владѣній и владѣній государствъ, включенныхъ въ настоящій мирный договоръ, въ томъ видѣ, какъ они суть теперь, или какъ они будутъ въ силу вышеупомянутыхъ постановленій.

Ст. 26.—Военноплѣнные, взятые обѣими договаривающимися,

*) Титулъ турецкаго султана. (Прим. пер.)

сторонами или включенные въ настоящій мирный договоръ, будутъ взаимно возвращены сразу, безъ обмѣна.

Ст. 27.—Торговыя сношенія между Французской имперіей, Итальянскимъ королевствомъ, Неаполитанскимъ и Голландскимъ королевствами и государствами Рейнскаго союза—съ одной стороны, и Россійской имперіей—съ другой, будутъ возстановлены въ томъ же видѣ, какъ и до войны.

Ст. 28.—Церемоніалъ между обоими дворами, Тюльерійскимъ и С.-Петербургскимъ, какъ между ними, такъ и по отношенію къ посланникамъ, министрамъ и посламъ, которыхъ они взаимно аккредитуютъ, будетъ установленъ на принципѣ полной взаимности и полнаго равенства.

Ст. 29.—Настоящій договоръ будетъ ратификованъ Е. В. Императоромъ Французовъ, Королемъ Итальянскимъ и Е. В. Императоромъ Всероссійскимъ. Обмѣнъ ратификацій будетъ имѣть мѣсто въ этомъ городѣ въ четырехдневный срокъ.

Составленъ въ Тильзитѣ, 7 іюля (25 іюня) 1807 г.

Ш.-М. Талейранъ Князь Беневентскій

Князь *Александръ Куракинъ*
Князь *Дмитрій Лобановъ-Ростовскій.*

2. ОТДѢЛЬНЫЯ И СЕКРЕТНЫЯ СТАТЬИ [1]

1. Русскія войска передадутъ французскимъ войскамъ область, извѣстную подъ названіемъ Каттаро.

2. Іоническіе острова перейдутъ въ полную собственность и державное обладаніе Е. В. Императора Наполеона.

3. Е. В. Императоръ Французовъ, Король Итальянскій, соглашается отнюдь не чинить никакого безпокойства никому изъ подданныхъ Блистательной Порты, особенно черногорцамъ, и не чинить о нихъ ни прямого, ни косвеннаго сыска за какое бы то ни было участіе, которое они приняли или могли принять во враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ французскихъ войскъ, лишь бы отнынѣ они жили мирно.

4. Е. В. Императоръ Всероссійскій обязуется признать Е. В. Короля Неаполитанскаго Жозефа-Наполеона Королемъ Сициліи непосредственно послѣ того, какъ Король Фердинандъ IV полу-

---

[1]) По тексту, хранящемуся въ Archives des affaires étrangères. Эти статьи не были еще опубликованы полностью.

читъ въ вознагражденіе Балеарскіе острова или островъ Кандію, или что либо иное такого же значенія.

5. Въ случаѣ, если, по условіямъ будущаго мира съ Англіей, новеръ будетъ присоединенъ къ королевству Вестфальскому, территорія, составленная изъ областей, уступленныхъ Е. В. Королемъ Прусскимъ на лѣвомъ берегу Эльбы съ населеніемъ отъ трехъ до четырехсотъ тысячъ душъ, перестанетъ входить въ составъ этого королевства и будетъ переуступлена Пруссіи.

6. Главы домовъ Гессе-Кассель, Брунсвикъ-Вольфенбюттель и Нассау-Оранжъ будутъ пользоваться ежегоднымъ и пожизненнымъ содержаніемъ, равно и принцессы ихъ супруги, если онѣ ихъ переживутъ.

Содержаніе главы дома Гессе-Кассель будетъ въ двѣсти тысячъ голландскихъ флориновъ. Содержаніе главы дома Брунсвикъ-Вольфенбюттель въ сто тысячъ голландскихъ флориновъ. Каковое содержаніе будетъ уплачиваться Е. В. Королемъ Вестфальскимъ.

Содержаніе главы дома Нассау-Оранжъ будетъ въ шестьдесятъ тысячъ голландскихъ флориновъ и будетъ уплачиваться Е. Им. В. Великимъ Герцогомъ Бергскимъ.

7. Вышеупомянутыя отдѣльныя и секретныя статьи будутъ имѣть ту же силу и то же значеніе, какъ если бы онѣ были буквально включены въ подлежащій обнародованію сегодняшній договоръ и будутъ ратификованы одновременно.

Составленъ и подписанъ въ Тильзитѣ, 25 іюня—7 іюля 1807 г.

Ш. Морицъ Талейранъ Князь Беневентскій

Князь *Александръ Куракинъ*

Князь *Дмитрій Лобановъ-Ростовскій.*

3. ДОГОВОРЪ О СОЮЗѢ [1])

Е. В. Императоръ Всероссійскій и Е. В. Императоръ Французовъ, Король Итальянскій, покровитель Рейнской Конфедераціи, близко принимая къ сердцу возстановленіе всеобщаго мира въ Европѣ на прочныхъ и, если возможно, непоколебимыхъ основахъ, рѣшили заключить на сей предметъ наступательный и оборонительный союзъ и назначили своими уполномоченными

---

[1]) По черновому наброску министерства иностранныхъ дѣлъ, опубликованному Фурнье, и по оригиналу, хранящемуся въ архивахъ С. Петербурга и опубликованному Татищевымъ.

нижеслѣдующихъ: (слѣдуютъ имена и титулы князей Куракина и Лобанова-Ростовскаго—со стороны Россіи, и Шарля-Морица Талейрана, князя Беневентскаго—со стороны Франціи),

каковые, по взаимномъ представленіи своихъ полномочій, пришли къ соглашенію о нижеслѣдующихъ статьяхъ:

Статья 1.—Е. В. Императоръ Всероссійскій и Е. В. Императоръ Французовъ, Король Итальянскій, обязуются дѣйствовать заодно, будетъ ли то на сушѣ, будетъ ли то на морѣ, наконецъ, на сушѣ и на морѣ, въ каждой войнѣ, которую Россія или Франція вынуждена будетъ предпринять или вести противъ какого бы то ни было европейскаго государства.

Ст. 2. — При наступленіи обстоятельствъ, при которыхъ союзъ долженъ проявить свою дѣятельность, и всякій разъ, когда таковыя обстоятельства могутъ наступить, высокія договаривающіяся стороны опредѣляютъ особымъ договоромъ силы, которыя каждая изъ нихъ должна будетъ выставить противъ общаго врага, и мѣста, гдѣ эти силы должны будутъ дѣйствовать; но отнынѣ же онѣ обязуются, если потребуютъ обстоятельства, употреблять всю полноту своихъ силъ, какъ морскихъ, такъ и сухопутныхъ.

Ст. 3.—Всѣ совмѣстныя военныя операціи будутъ вестись съ общаго согласія, и ни та, ни другая изъ договаривающихся сторонъ, ни въ какомъ случаѣ, не въ правѣ будетъ вести переговоры о мирѣ безъ участія или согласія другой стороны.

Ст. 4.—Въ томъ случаѣ, если Англія не приметъ посредничества Россіи или, если, принявъ его, она къ 1 ноября текущаго года не согласится заключить миръ на основѣ, что флоты всѣхъ государствъ должны пользоваться равной и полной свободой на моряхъ, и что она обязуется возвратить всѣ завоеванія, сдѣланныя ею за счетъ Франціи и ея союзниковъ, начиная [1]) съ 1805 г., когда Россія дѣйствовала съ ней заодно, то въ теченіе упомянутаго ноября мѣсяца посланникомъ Е. В. Императора Всероссійскаго будетъ передана Сенъ-Джемскому кабинету нота. Эта нота, выражая участіе, которое Е. Им. В. принимаетъ въ спокойствіи міра, и его намѣреніе употребить всѣ военныя силы своей имперіи для доставленія человѣчеству благодѣтельнаго мира, бу-

---

[1]) Здѣсь въ черновомъ наброскѣ и въ оригиналѣ написано вмѣсто «1805 г.», слово: «время»; «1805 г.» вынесено на поля. Былъ принятъ именно этотъ варіантъ, что установлено извѣстнымъ параграфомъ.

детъ содержать въ себѣ положительную и точно-выраженную декларацію, что, въ случаѣ отказа Англіи заключить миръ на вышепоименованныхъ условіяхъ, Е. В. Императоръ Всероссійскій будетъ дѣйствовать заодно съ Франціей, и, если Сенъ-Джемскій кабинетъ къ 1 декабря текущаго года не дастъ категорическаго и удовлетворительнаго отвѣта, русскій посланникъ получитъ, на всякій случай, приказаніе потребовать въ упомянутый день свои вѣрительныя грамоты и тотчасъ же покинуть Англію.

Ст. 5.—Если произойдетъ случай, предусмотрѣнный въ предъидущей статьѣ, высокія договаривающіяся стороны будутъ дѣйствовать сообща и немедленно же потребуютъ отъ трехъ дворовъ—Копенгагенскаго, Стокгольмскаго и Лиссабонскаго—закрытія для англичанъ ихъ гаваней, отозванія изъ Лондона ихъ посланниковъ и объявленія войны Англіи. Съ тѣмъ изъ трехъ дворовъ, который откажется отъ этого, высокія договаривающіяся стороны будутъ поступать, какъ съ врагомъ, а въ случаѣ отказа Швеціи, Данія принуждена будетъ объявить ей войну.

Ст. 6.—Равнымъ образомъ обѣ высокія договаривающіяся стороны будутъ дѣйствовать сообща и настойчиво при Вѣнскомъ дворѣ, чтобы онъ принялъ принципы, изложенные въ вышеупомянутой 4-ой статьѣ, чтобы онъ закрылъ для англичанъ свои гавани, отозвалъ изъ Лондона своего посланника и объявилъ войну Англіи.

Ст. 7.—Въ случаѣ же, если Англія въ вышеозначенный срокъ заключитъ миръ на вышепоименованныхъ условіяхъ (къ достиженію чего Е. В. Императоръ Всероссійскій употребитъ все свое вліяніе), Ганноверъ будетъ возвращенъ Англійскому королю, какъ компенсація за французскія, испанскія и голландскія колоніи.

Ст. 8.—Равнымъ образомъ, если бы вслѣдствіе только-что происшедшихъ въ Константинополѣ перемѣнъ, Порта не приняла посредничества Франціи или, если бы, въ случаѣ принятія таковаго, переговоры, въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ послѣ ихъ открытія, не достигли удовлетворительнаго результата, Франція будетъ дѣйствовать заодно съ Россіей противъ Оттоманской Порты, и обѣ высокія договаривающіяся стороны придутъ къ соглашенію по поводу того, чтобы изъять всѣ провинціи Оттоманской имперіи въ Европѣ, исключая города Константинополя и Румелійской провинціи, изъ-подъ ига и жестокаго управленія турокъ.

Ст. 9.—Настоящій договоръ останется секретнымъ и не подлежитъ ни обнародованію, ни сообщенію одною изъ договаривающихся сторонъ безъ согласія другой какому бы то ни было кабинету.

Онъ будетъ ратификованъ. Обмѣнъ ратификацій произойдетъ въ Тильзитѣ въ четырехдневный срокъ.

Составленъ въ Тильзитѣ. 7 іюля 1807 г.

Шарль-Морицъ Талейранъ Князь Беневентскій

Князь *Александръ Куракинъ*

Князь *Дмитрій Лобановъ-Ростовскій*.

II.

ИНСТРУКЦІЯ КОЛЕНКУРУ [1]).

12 ноября 1807 г.

Повидимому, Толстому не дано никакой особой инструкціи, въ которой бы значилось, какъ слѣдуетъ выполнять тильзитскій договоръ; а казалось бы, что инструкція, могущая познакомить его со взглядами императора Александра, была необходима.

Для заключенія мира съ Турціей русскій императоръ принялъ посредничество императора Наполеона. Турція также приняла его посредничество, и ея посланникъ въ Парижѣ уполномоченъ заключить миръ. У Толстого же нѣтъ никакихъ полномочій; слѣдовательно, переговоры не могутъ состояться, что, въ связи съ существующимъ въ настоящее время занятіемъ Валахіи и Молдавіи и съ предложеніями, сдѣланными графомъ Румянцевымъ генералу Савари, а также и съ движеніями русскихъ войскъ, заставляетъ думать, что Россія имѣетъ виды на эти двѣ провинціи. Императоръ не особенно возстаетъ противъ занятія Валахіи и Молдавіи русскими. Въ нѣкоторомъ отношеніи оно можетъ служить его интересамъ, давая ему возможность вознаградить себя нѣсколькими лишними прусскими провинціями, что, ослабляя еще болѣе Пруссію, укрѣпляетъ союзную систему императора. Къ этому соображенію присоединяется еще слѣдующее: при томъ состояніи упадка, въ какомъ находится Порта, эти провинціи все равно что потеряны для нея; нельзя надѣяться, что она будетъ извлекать изъ нихъ тѣ средства, которыя онѣ могутъ дать. Страна будетъ опустошена, жителей же обѣ стороны будутъ грабить и

[1]) Archives des affaires étrangères, Russie, vol 144.

подвергать насиліямъ; вопли и жалобы дойдутъ до слуха императора; къ нему обратятся съ призывомъ вмѣшаться въ непрерывно возникающія ссоры, и дружба Франціи и Россіи подвергнется опасности быть нарушенной.

Съ другой стороны, личный интересъ русскаго императора требуетъ, чтобы у него въ рукахъ были земли и имѣнья для раздачи своимъ офицерамъ; нужно, чтобы онъ могъ возвеличить себя въ глазахъ своихъ подданныхъ, чтобы онъ, подобно своимъ предшественникамъ, увеличилъ свою имперію.

Но, если онъ удержитъ за собой Валахію и Молдавію, тильзитскій договоръ, очевидно, будетъ нарушенъ, а такое нарушеніе не допустимо въ пользу только одной изъ договаривающихся сторонъ. Императору нужна компенсація, а онъ можетъ найти ее только въ нѣкоторой части владѣній Пруссіи, которая, по договору, должна быть ей возвращена, при томъ части, равной объимъ турецкимъ провинціямъ по населенію, богатству и всякаго рода доходамъ. Такимъ образомъ, какъ союзникъ Франціи, такъ и союзникъ Россіи должны будутъ понести одинаковый убытокъ. И тотъ и другой въ одинаковой степени выйдутъ изъ того положенія, въ какое поставилъ ихъ тильзитскій договоръ. Правда, населеніе у Пруссіи будетъ только въ два милліона жителей. Но развѣ этого не достаточно для счастья королевской семьи, и развѣ не въ ея интересахъ занять теперь же и вполнѣ покорно мѣсто среди второстепенныхъ государствъ, тогда какъ всѣ ея усилія для возврата утраченнаго положенія послужатъ только къ тому, чтобы причинять страданія ея подданнымъ и питать безплодную скорбь о понесенной утратѣ?

Вѣроятно, въ Петербургѣ дадутъ понять, что императоръ можетъ взять себѣ вознагражденіе въ турецкихъ провинціяхъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ его Итальянскимъ королевствомъ, напр., Боснію и Албанію. Вы должны отклонить всякую сдѣлку подобнаго рода; она не подходитъ императору. Она влечетъ за собой послѣдствія, которыхъ еще не предвидятъ. Императору пришлось бы завоевывать эти провинціи; въ его рукахъ онѣ не будутъ тѣмъ, чѣмъ являются теперь Валахія и Молдавія въ рукахъ русскихъ. Нужно будетъ сражаться, чтобы ихъ завоевать, и опять сражаться, чтобы ихъ сохранить; ибо условія, въ которыхъ находятся эти страны и характеръ жителей поставятъ много препятствій мирному обладанію. Эти провинціи не будутъ для импе-

ратора цѣннымъ пріобрѣтеніемъ; онѣ бѣдны, въ нихъ нѣтъ ни торговли, ни промышленности, и, благодаря ихъ положенію, ихъ крайне трудно связать съ главнымъ центромъ его имперіи. Подъ видомъ этой мнимой компенсаціи императору вручили бы лишь источникъ смутъ, прекращать которыя пришлось бы оружіемъ, безъ пользы и безъ славы.

Результатомъ такой сдѣлки были бы еще болѣе крупныя послѣдствія—разрушеніе Оттоманской имперіи. Поддерживать дальнѣйшее свое существованіе при потеряхъ на сѣверѣ и на западѣ было бы для нея дѣломъ невозможнымъ. Утрата Молдавіи и Валахіи нисколько не ослабитъ ея силы; уже двадцать лѣтъ, какъ эти провинціи, въ силу водворенія тамъ русскаго вліянія, потеряны для нея; но, если вслѣдъ за этой утратой будутъ отдѣлены и западныя провинціи, имперіи нанесенъ будетъ ударъ въ самое сердце; остатокъ традицій, поддерживающій ее, будетъ разрушенъ. Угрожаемая русскими съ одной стороны, аттакованная французами съ другой, Оттоманская Порта прекратитъ свое существованіе. Можетъ быть, петербургскій кабинетъ желаетъ паденія Оттоманской имперіи. Конечно, оно неизбѣжно; но въ политику обоихъ императорскихъ дворовъ отнюдь не входитъ ускорять его. Они должны отдалить его до того момента, когда раздѣлъ ея громадныхъ останковъ можетъ состояться съ наибольшей выгодой для того и другого двора, и когда не будетъ нужды опасаться того, чтобы государство, въ настоящее время имъ враждебное, не присвоило себѣ, завладѣвъ Египтомъ и островами, богатѣйшей добычи. Вотъ самое сильное возраженіе императора противъ раздѣла Оттоманской имперіи.

Замѣтка, продиктованная Императоромъ.

«Итакъ, въ настоящій моментъ истинное желаніе Императора состоитъ въ томъ, чтобы Оттоманская имперія сохранила свои фактическія владѣнія, чтобы она жила въ мирѣ съ Россіей и Франціей, чтобы ея границей было русло Дуная, сверхъ того, чтобы крѣпости, которыя принадлежатъ Турціи на этой рѣкѣ,—какъ, напримѣръ, Измаилъ,—остались за нею. Все это, конечно, при условіи, что Россія согласится на соотвѣтствующее расширеніе Франціи за счетъ Пруссіи.

«Однако, возможно, что вопросъ о раздѣлѣ Оттоманской

имперіи уже рѣшенъ въ Петербургѣ въ положительномъ смыслѣ; въ такомъ случаѣ желаніе Императора—отнюдь не вызывать неудовольствія петербургскаго двора по поводу этого вопроса, ибо онъ предпочитаетъ совершить раздѣлъ вдвоемъ съ ней такъ, чтобы доставить Франціи въ дѣлѣ раздѣла наивозможно большее вліяніе и не дать русскимъ повода впутать въ него Австрію. Итакъ, никоимъ образомъ, не слѣдуетъ отказываться отъ раздѣла, но объявить, что по этому поводу необходимо лично сговориться».

Напомните, Милостивый Государь, императору Александру о разговорахъ, которые онъ имѣлъ по этому поводу съ Его Величествомъ, и о томъ, какимъ образомъ оба императора пришли къ соглашенію предпринимать что-либо въ этомъ направленіи, только сговорившись предварительно или въ Парижѣ, во время предполагаемаго императоромъ Александромъ посѣщенія, или въ иномъ мѣстѣ, гдѣ оба государя должны будутъ свидѣться. Но, если такіе виды на раздѣлъ существуютъ, постарайтесь, пользуясь этимъ, выговорить, по крайней мѣрѣ, чтобы императоръ французовъ не былъ обязанъ очистить отъ войскъ лѣвый берегъ Вислы, дабы онъ могъ быть готовымъ ко всякаго рода событіямъ. Когда же вамъ будутъ говорить объ Албаніи и Босніи, какъ о предметѣ компенсаціи, дайте почувствовать неравенство подобной компенсаціи для императора, вернитесь къ обладанію нѣсколькими лишними прусскими провинціями, какъ къ предмету сдѣлки вполнѣ равной, выгодной во всѣхъ отношеніяхъ, которую можно быстро и легко выполнить безъ всѣхъ тѣхъ послѣдствій, которыхъ даже наиболѣе прозорливая политика не въ состояніи ни предвидѣть, ни предупредить.

Императоръ не можетъ сложить оружія въ то время, когда не установлены еще столь крупные интересы. Россія занимаетъ крѣпости на Днѣстрѣ, Валахію и Молдавію; усиливаетъ тамъ свои войска и далека отъ мысли объ отозваніи ихъ обратно. Императоръ, вполнѣ довѣряя императору Александру, хочетъ установить свои поступки сообразно съ его поступками; но, слѣдуетъ, чтобы обѣ имперіи шли равнымъ шагомъ. Такой принципъ будетъ лежать въ основѣ поведенія императора. Разумъ, справедливость и осторожность не позволяютъ ему принять другого рѣшенія, и нѣтъ такого препятствія, которое бы могло заставить его уклониться съ этого пути.

Императоръ не сложитъ оружія. Онъ выведетъ войска изъ прусскихъ владѣній только тогда, когда возобновятся переговоры о мирѣ съ Турціей, и когда императоръ Александръ объявитъ о своемъ намѣреніи возвратить Валахію и Молдавію; или же—если оба государства придутъ къ соглашенію о сдѣлкахъ, о которыхъ я вамъ говорилъ, и которыя относятся къ новому положенію вещей,—онъ будетъ выводить войска по частямъ. Императоръ согласенъ, какъ на первое, такъ и на второе рѣшеніе. То и другое отвѣчаетъ его желаніямъ. Разсматривая сдѣлку, которая предоставила бы Россіи Валахію и Молдавію, какъ наиболѣе выгодную для нея, онъ предпочелъ бы ее единственно по этой причинѣ; но слѣдовало бы предварительно сговориться объ условіяхъ этой сдѣлки и о томъ, въ какую форму ее облечь. Слѣдовало бы, чтобы на основахъ, которыя я вамъ изложилъ, была составлена конвенція, поясняющая тильзитскій договоръ, и чтобы вы были уполномочены подписать ее. Она гарантировала бы Портѣ неприкосновенность тѣхъ провинцій, которыя останутся за нею. Эта конвенція оставалась бы секретной. Каждый изъ обоихъ императоровъ подъ благовидными предлогами объявилъ бы о своемъ отказѣ эвакуировать ту или другую провинцію. Въ Парижѣ, между Россіей и Турціей при посредничествѣ Франціи съ одной стороны и между Франціей и Пруссіей, при посредничествѣ Россіи съ другой, былъ бы составленъ договоръ, чтобы санкціонировать сдѣлки, которыя были бы секретно заключены между двумя великими державами.

Итакъ, Милостивый Государь, таковы намѣренія императора по этому важному политическому вопросу. Болѣе всего онъ предпочелъ бы, чтобы турки могли мирно владѣть Валахіей и Молдавіей. Однако, исходя изъ желанія расположить къ себѣ петербургскій кабинетъ и еще болѣе привязать къ себѣ императора Александра, онъ не прочь отъ того, чтобы предоставить ему провинціи за справедливое вознагражденіе, взятое въ прусскихъ провинціяхъ; и, наконецъ, хотя онъ и очень далекъ отъ мысли о раздѣлѣ Турецкой имперіи, и смотритъ на него, какъ на чреватую опасностями мѣру, онъ не хочетъ, чтобы, объясняясь по этому поводу съ императоромъ Александромъ и его министромъ, вы безъ всякихъ оговорокъ его осудили; но предписываетъ вамъ энергично представить доводы, въ силу которыхъ время его выполненія должно быть отсрочено. Этотъ традиціон-

ный проектъ русскаго честолюбія составляетъ узы, которыя могутъ привязать Россію къ Франціи, и поэтому слѣдуетъ остерегаться окончательно разрушать ея надежды.

Прежде всего, Милостивый Государь, я обратилъ ваше вниманіе на этотъ предметъ миссіи, которую вамъ предстоитъ выполнить, потому, что онъ наиболѣе важенъ по своимъ послѣдствіямъ, а также и потому, что онъ затрогиваетъ наибольшее количество интересовъ; но онъ не первый, которымъ вы должны будете заняться. Прежде, чѣмъ дойдетъ очередь до него, нужно, чтобы Россія объявила войну Англіи. Поведеніе Англіи въ Балтійскомъ морѣ, уже само по себѣ, представляетъ поводъ и самый благовидный предлогъ къ войнѣ. Россія умалитъ свое достоинство, если потерпитъ, не отомстивъ, подобное злодѣяніе въ морѣ, независимость котораго она охраняетъ. Она подорветъ уваженіе къ себѣ внѣ страны, свою мощь внутри. Хотя бы немедленно послѣ объявленія войны послѣдовалъ миръ, все-таки слѣдуетъ, чтобы война была объявлена, чтобы русскій посланникъ въ Лондонѣ былъ отозванъ, а англійскій удаленъ. Этотъ долгъ налагается на Россію не только общепринятыми политическими приличіями, но и въ силу тильзитскаго договора, который дѣлаетъ изъ этого для нея точное обязательство. Невозможно сомнѣваться въ томъ, чтобы, къ вашему прибытію въ Петербургъ, это обязательство не было выполнено. Россія должна будетъ понудить Швецію объявить о своей солидарности съ ней и, въ случаѣ отказа, принудить ее къ этому. Швеція, какъ и Россія, должна защищать независимость Балтійскаго моря. Данія, въ силу договора, только-что заключеннаго съ Франціей, приняла на себя обязательство присоединиться къ мѣрамъ, цѣлью которыхъ будетъ принудить Швецію стать на сторону континента. Дайте понять, что, если это будетъ найдено безусловно необходимымъ, армія изъ французовъ и датчанъ будетъ готова вступить въ Сканію, черезъ Норвегію въ то время, когда Россія вторгнется въ Финляндію.

Австрія, по собственному почину, послѣ простыхъ словесныхъ намековъ, присоединилась къ голосу Франціи. Вы найдете приложенное при семъ извлеченіе изъ послѣдней депеши австрійскаго кабинета князю Штархембергу, которая должна повлечь за собой въ скоромъ времени отъѣздъ этого посланника, и Австрія будетъ въ войнѣ съ Англіей. Вотъ

великій и могущественный результатъ союза двухъ первыхъ государствъ земного шара! По ихъ слову поднимается цѣликомъ весь континентъ и, согласно ихъ желанію, готовъ соединиться противъ врага континента. Такого рода военное положеніе столькихъ государствъ противъ островитянъ, которое сведетъ къ нулю ихъ торговлю, парализуетъ ихъ промышленность, сдѣлаетъ для нихъ безплоднымъ самое плодоносное изъ ихъ владѣній—море, представляетъ собою прекрасное созданіе человѣческаго ума и крайне обширный и трудный для выполненія планъ; онъ выполненъ. Отъ него можно ожидать полезныхъ результатовъ; но это не мѣшаетъ присоединить къ нему планъ активныхъ военныхъ операцій, для выполненія которыхъ послужатъ флоты, которыми можно еще располагать.

Можно будетъ подумать объ экспедиціи въ Индію. Чѣмъ неосуществимѣе кажется эта экспедиція, тѣмъ болѣе сдѣланная съ этой цѣлью попытка (а чего не могутъ сдѣлать Франція и Россія?) приведетъ въ ужасъ англичанъ. Ужасъ, посѣянный въ англійской Индіи, распространитъ смятеніе въ Лондонѣ, и, конечно, сорока тысячъ французовъ, которыхъ Порта согласится пропустить черезъ Константинополь и которые соединятся съ сорока тысячами русскихъ, пришедшихъ съ Кавказа, будетъ достаточно, чтобы навести ужасъ на Азію и завоевать ее. Именно въ этихъ видахъ императоръ приказалъ избранному имъ для Персіи посланнику отправиться къ мѣсту его назначенія.

Мнѣ остается поговорить съ вами о другихъ предметахъ, которые имѣютъ менѣе прямое отношеніе къ политикѣ, и мысль о которыхъ могла быть навѣяна императору только его чрезмѣрной заботой объ интересахъ императора Александра. Благодаря долгамъ, которые Россія сдѣлала во время послѣдней войны, она находится въ стѣсненномъ положеніи. Морская война еще болѣе увеличитъ ея затрудненія, лишая ее ея обычныхъ рынковъ. Императоръ предлагаетъ занять мѣсто англичанъ; онъ приказалъ въ теченіе зимы и весны закупить на нѣсколько милліоновъ мачтоваго лѣсу и другихъ предметовъ снаряженія для флота. За эти предметы имѣется въ виду заплатить тотчасъ по ихъ предъявленіи; предполагается оставить ихъ на храненіе въ портахъ Россіи до того времени, когда перевозка ихъ будетъ возможна; но было бы желательно, чтобы этотъ складъ матеріаловъ былъ священенъ и чтобы была дана полная гарантія, что даже въ

случаѣ войны между обѣими имперіями, ему не будетъ причинено никакого вреда, и что французскіе агенты, которымъ будетъ поручено его охранять и присматривать за нимъ, будутъ пользоваться полной свободой и безопасностью.

Въ тѣхъ же видахъ императоръ намѣревается приказать выстроить въ портахъ Россіи три семидесяти четырехъ пушечныхъ корабля, но онъ требуетъ подобной же гарантіи.

Эти мѣропріятія займутъ руки, создадутъ приливъ денегъ и могутъ способствовать къ предупрежденію недовольства нѣкоторыхъ лицъ. Они должны быть пріятны императору Александру, и именно подъ такимъ угломъ зрѣнія ихъ и слѣдуетъ представить.

Императоръ очень желаетъ исполненія торговаго договора 1787 г., договора, который не представляетъ для Франціи ни выгоды, ни невыгоды, и о продолжительности котораго ничего не сказано. Но, исходя изъ присущихъ ему умѣренности и справедливости, императоръ не требуетъ для французовъ необычныхъ въ другихъ странахъ привилегій. Онъ ничего не имѣетъ противъ общей системы, которую, повидимому, избрало русское министерство, и которая имѣетъ цѣлью уничтожить корпораціи иностранныхъ купцовъ. Онъ желаетъ только, чтобы французская нація была наиболѣе благопріятствуемой; но чтобы это не было въ ущербъ русскимъ купцамъ и не противорѣчило видамъ правительства. Всѣ распоряженія, которыя послужатъ во вредъ англичанамъ, покажутся ему самыми подходящими. Желательно, чтобы французскимъ купцамъ оказывалось покровительство; но еще болѣе желательно, чтобы англійской торговлѣ были поставлены препятствія и чтобы она была приведена въ полный упадокъ.

III.

НОТА [1],

ПО КОТОРОЙ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ
СОГЛАШАЕТСЯ НА СВИДАНІЕ ВЪ ЭРФУРТѢ, НЕ СТАВЯ НИКАКИХЪ УСЛОВІЙ.

Императоръ Александръ согласенъ на свиданіе безъ предварительныхъ условій.

Его положеніе относительно англичанъ и шведовъ заставляетъ его желать, чтобы свиданіе состоялось не ранѣе іюля мѣсяца.

По тѣмъ же самымъ причинамъ Императоръ Александръ желаетъ, чтобы Императоръ Наполеонъ счелъ возможнымъ уполномочить своего посланника установить совмѣстно съ нимъ точно время свиданія въ зависимости отъ обстоятельствъ и въ такое время, когда дѣла Императора Наполеона позволятъ ему отправиться на свиданіе тотчасъ по полученіи извѣстія объ отъѣздѣ Императора Александра. Его отъѣздъ будетъ назначенъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы промежутокъ между временемъ отъѣзда курьера, отправленнаго изъ Петербурга, и временемъ, когда оба Императора должны прибыть въ Эрфуртъ, былъ по меньшей мѣрѣ въ тридцать дней.

Чтобы не слишкомъ заставлять ждать Императора Наполеона, Императоръ Александръ устроится такъ, чтобы первое свиданіе состоялось до 1 августа.

Измѣненіе, продиктованное Императоромъ Александромъ для замѣны соотвѣтствующаго параграфа.

Императоръ Александръ надѣется, что первое свиданіе можетъ состояться до 1 августа. Онъ не беретъ на себя болѣе положительнаго обязательства, такъ какъ его отъѣздъ зависитъ отъ предполагаемыхъ попытокъ къ нападенію со стороны англичанъ и шведовъ. Только эти причины могутъ задержать свиданіе.

[1] Эта нота была составлена Коленкуромъ и принята царемъ съ указаннымъ измѣненіемъ: она приложена къ донесенію посланника отъ 22 мая 1808 г. Archives nationales, AF, IV 1697.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

АВСТРІЯ, ПРУССІЯ ИЛИ РОССІЯ.

ГЛАВА I.

ТИЛЬЗИТЪ.

ГЛАВА II.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ РАЗВѢДКА.

ГЛАВА III.

РАЗРЫВЪ СЪ АНГЛІЕЙ.

ГЛАВА VI.

ЭВОЛЮЦІЯ КЪ ВОСТОКУ.

ГЛАВА IX.

ПЕРВАЯ ОТСРОЧКА.

ГЛАВА X.

СВИДАНІЕ БЕЗЪ УСЛОВІЙ.

ГЛАВА XI.

ИСПАНІЯ и АВСТРІЯ.

ГЛАВА XII.

ЭРФУРТЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка.	*Напечатано*:	*Должно быть*:
28	3 св.	статьей	статей
368	1 св.	Наполеонъ зналъ	Наполеонъ не зналъ
380	9 сн.	сдѣланы это—фактъ;	сдѣланы, это—фактъ;

Библиотека "Руниверс"